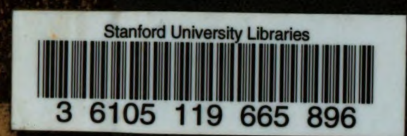


Stanford University Libraries
3 6105 119 665 896

Рядъ

Историческихъ романовъ.

Маркъ Твэнъ.

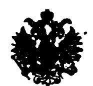
Жанна д'Аркъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Подъ редакціей, съ введеніемъ и примѣчаніями

ПРОФЕССОРА

А. Трачевскаго.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Картографическаго заведенія А. Ильина.
1902.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Издат. дѣла „**Трудъ**“. Фонтанка 86.

Оглавленіе.

Отъ редакціи.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Сьёръ Люи де-Контъ своимъ пра-пра-пра племянникамъ и племянницамъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

При дворѣ и въ станѣ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Судъ и мученичество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

I. Герои и Жанна д'Аркъ.

Сѣренькими, томительными днями плетется жизнь людская. Счастье такъ рѣдко и такъ мимолетно; а горе неотступно держитъ насъ въ своихъ цѣпкихъ когтяхъ. И каждый житейскій разсказъ подернутъ оттѣнкомъ грусти. То же и съ народами. Исторія—безконечный рядъ сѣренькихъ годовъ, полныхъ муравьиной работы пропитанія-ради: только здѣсь трагизмъ глубже и величавѣе.

Но отчего же юность всегда живетъ надеждами и жаждой поправить, осмыслить, украсить работу отцовъ? И отчего наука сливается съ нею въ упованіяхъ? Отчего среди истинныхъ историковъ нѣтъ пессимистовъ, хулителей жизни огуломъ? Оттого, что среди обыденной суеты, среди заурядныхъ заработковъ, среди скучной себялюбивой пошлости сѣренькихъ будней, прорываются свѣтлые праздники, освѣжающіе душу, какъ ливень въ лѣтнее пекло. Въ эти чудотворные дни изъ таинственной глубины бытія подымаются волнами силы народа, все дрожитъ и кипитъ жаждой подвига, забывая себя: муравей превращается въ человѣка, пошлякъ—въ героя. Въ личной жизни, чѣмъ позже, тѣмъ труднѣе встрѣчаются эти рѣдкіе гости. Исторія же не знаетъ старости: въ народѣ возобновляются зорьки лучшаго будущаго, какъ вёсны въ природѣ, но съ большей отрадой: каждое новое „возрожденіе" хватаетъ дальше прежняго...

Многообразны въ исторіи эти дни, „дѣлающіе эпоху“, составляющіе переломъ въ народной жизни, какъ бы переходъ отъ одного возраста къ другому. Но всѣ они запечатлѣны двумя чертами—общимъ подъемомъ духа да появленіемъ крупныхъ вождей движенія, по пословицѣ: „война родитъ героевъ“.

Подъемъ духа, кажется, уже нечего объяснять: при современной распространенности историческихъ знаній врядъ ли найдется мыслящее существо, которое не признавало бы постепенной подготовки переворотовъ. Но какъ ни бьются историки, въ массахъ, которыя никакъ не могутъ обойтись безъ сказокъ и привидѣній, все еще слышится грусть по поводу оскудѣнія запаса героевъ. Утѣшимся: безъ героевъ нельзя жить, какъ нельзя играть оркестру безъ дирижера или вбивать сваю безъ „дубинушки“: по новѣйшей теоріи, самый языкъ произошелъ изъ потребности команды, лада въ общей работѣ *). Герои всегда были и будутъ; они есть и сейчасъ, и мы увидѣли бы ихъ, еслибъ отказались отъ старомодныхъ, дѣтскихъ представленій о нихъ. Но не должно быть „героепоклонникомъ“—словечко англичанина Карлейля, отмѣннаго писателя, но плохого историка. Пора признать, что это—отголосокъ первобытнаго наивнаго стремленія народовъ воплощать въ одномъ образѣ дѣянія цѣлыхъ поколѣній.

Но Петръ Великій, Наполеонъ I,—это ли не баснословные герои? А наука уже доказала, съ документами въ рукахъ, что они были лишь исполнителями не только давно назрѣвшихъ требованій исторіи, но и задолго до нихъ начатаго дѣла. И если встрѣтится намъ поистинѣ загадочное явленіе, мы не должны сотворять себѣ изъ него кумира, а кропотливо, добросовѣстно изслѣдовать его зародыши. **)

Къ такимъ явленіямъ принадлежитъ Жанна д'Аркъ, — этотъ кумиръ нашего сердца, но не нашего разума.

---

*) См. нашу статью: *Опытъ приложенія эволюціонной теоріи къ орудію*, въ „Трудахъ археологическаго съѣзда въ Одессѣ, т. III“.

**) См. нашу *Русскую Исторію*, I, § 195; II, § 221 и нашего *Наполеона I* (стр. 110—112) въ біографіяхъ Павленкова.

Жанна, уже какъ человѣкъ, какъ женщина,—такое небесное, освѣжающее, поднимающее душу явленіе, она принесла и послѣ своей смерти, своимъ безпорочнымъ примѣромъ, столько добра всѣмъ людямъ, что легко быть околдованнымъ ея чарами, ослѣпленнымъ ея блескомъ. А тутъ еще подвигъ, съ виду превосходящій всякое вѣроятіе. Тѣмъ не менѣе, къ счастью и гордости человѣчества, къ славѣ науки, нѣтъ такого величія въ исторіи, которое было бы постигнуто и уяснено лучше.

Что же говоритъ исторія? Разскажемъ въ двухъ словахъ— и тогда читатель безъ насъ оцѣнитъ степень достовѣрности, а слѣдовательно и значеніе перваго изъ ряда историческихъ романовъ, предлагаемыхъ нами его вниманію. Ему также станутъ ясны пріемы творчества М. Твэна въ данномъ случаѣ.

II. Подготовка Жанны.

Въ исторіи крайняго Запада однимъ изъ главныхъ явленій служитъ вѣковѣчное соперничество двухъ великихъ націй, имѣвшее громадное и еще невполнѣ оцѣненное значеніе для всего человѣчества. Борьба даровитыхъ представителей романскаго и тевтонскаго племенъ, французовъ и англичанъ, явственная и теперь, достигла крайнихъ предѣловъ ожесточенія во второй половинѣ среднихъ вѣковъ. Среди вѣчныхъ мелкихъ столкновеній, которыхъ даже нельзя опредѣлить годами, *около* 1350 года разразилась великая *Столѣтняя* война.

То была борьба міровыхъ силъ, основъ средневѣковья и новой исторіи,—борьба, которая кипѣла до тѣхъ поръ въ средней Европѣ, въ видѣ соперничества между папствомъ и нѣмецкой имперіей. Она перенеслась въ 15-мъ вѣкѣ на крайній Западъ.

Англія, благодаря своему островному положенію, раньше Франціи приняла видъ государства новой исторіи. Тамъ уже „желѣзные“ норманскіе короли, эти абсолютные, неограниченные владыки, подавляли, съ конца 11-го вѣка,

феодализмъ, который процвѣталъ во Франціи во время Столѣтней войны. Около 1350 г. англичане выступили сплоченною націей, съ сильнымъ, и уже народнымъ, парламентскимъ, правительствомъ. Ихъ союзникомъ былъ представитель новой исторіи, третій чинъ, т. е. мѣщане, во Фландріи и на Рейнѣ. У нихъ было много денегъ, благодаря развитію торговли и промысловъ. Ихъ армію составляла легкая, но стойкая и послушная пѣхота изъ крестьянъ и мѣщанъ, вооруженная луками и короткими мечами, а подконецъ даже огнестрѣльнымъ оружіемъ, устранявшимъ рыцарство. Ею руководили храбрые и умные вожди—обыкновенно сами короли.

Французскіе же короли увлекались страстями, тщеславіемъ, рыцарскими потѣхами и вѣчно нуждались въ деньгахъ. У нихъ было много непокорныхъ вассаловъ; ихъ руку держали всѣ вельможи и графы Фландріи, герцоги Бретани, Лотарингіи и Австріи. Ихъ армія состояла попреимуществу изъ тяжелыхъ рыцарей, которые гнушались дисциплиной и портили дѣло неумѣстнымъ ухарствомъ.

Такая постановка міровыхъ силъ уже предрѣшала историческій споръ. Конечно, французы терпѣли пораженія. Уже въ самомъ началѣ Эдуардъ III англійскій назвался „королемъ Франціи“, плѣнивъ своего соперника, Іоанна Добраго французскаго. Уже тогда Франція, казалось, погибала. Ея послѣднія средства пошли на выкупъ короля. Ея населеніе вымирало отъ ужасной заразы—„черной смерти“. Въ Парижѣ вспыхнула мѣщанская революція противъ опозорившихся феодаловъ, а по всей странѣ поднялась „жакрія“ — крестьянскій бунтъ. Борьба старыхъ силъ исторіи съ новыми, мѣщанства съ рыцарствомъ, разгоралась. При внукѣ Іоанна Добраго, полоумномъ Карлѣ VI, она растлѣвала все общество, достигнувъ крайняго ожесточенія въ придворныхъ смутахъ.

Всѣми этими бѣдствіями Франціи воспользовались англичане, тѣмъ болѣе, что на ихъ сторону стали бургундцы съ королевой Изабеллой. Во главѣ ихъ стоялъ Генрихъ V, лучшій государь своего времени, любимецъ Шекспира. Онъ на-

несъ французамъ рѣшительное пораженіе у Азенкура и, по миру въ Труа, сталъ повелителемъ Франціи. Здѣсь онъ вскорѣ и умеръ, почти въ одно время съ Карломъ VI (1422). Королемъ Франціи сталъ его ребенокъ, Генрихъ VI, подъ опекой герцога Варвика, а ея регентомъ—его дядя, герцогъ Бедфордъ.

Но горсть сеньёровъ за Луарой провозгласила королемъ Карла VII, сына съумасшедшаго короля; только ему, конечно, было не до коронаціи; англичане дошли до Луары, и ихъ задержалъ только Орлеанъ, снабженный мѣщанами хорошей артиллеріей; да и онъ уже голодалъ. Карлъ VII собирался бѣжать въ Шотландію: тогда шли тайные переговоры о бракѣ между его двухлѣтнимъ сыномъ и годовалой дочерью шотландскаго короля.

Карлъ VII былъ человѣкъ совсѣмъ неподходящій къ тяжкому положенію страны, если только онъ былъ годенъ къ чему-нибудь. Изящный съ виду, но уже истасканный, несмотря на свои 23 года, блѣдный, капризный и перемѣнчивый юноша, онъ зналъ только свою латынь, связанную съ ханжествомъ, да забавы въ кругу жадныхъ, коварныхъ любимцевъ и красавицъ. Онъ терпѣть не могъ дѣлъ и все озирался пугливо передъ призракомъ насильственной смерти, тѣмъ болѣе, что его мучила неизвѣстность: мать отвергла его, и онъ выросъ вдали отъ нея.

При всемъ томъ, народъ льнулъ къ Карлу VII, какъ къ единственной надеждѣ въ страшной напасти. Феодалы стекались въ его замокъ Шинонъ, надѣясь найти въ немъ опору противъ мѣщанъ и пожить весело. А мѣщане примирились съ королемъ за то, что онъ отстранилъ своихъ головорѣзовъ аристократическихъ тѣлохранителей: имъ стыдно было также за труаскій договоръ, подстроенный ихъ вождемъ, герцогомъ бургундскимъ. Крестьяне, въ простотѣ души, жалѣли „дофина“ (какъ называли они своего некоронованнаго вѣнценосца), который бѣгалъ отъ англичанъ изъ замка въ замокъ. Они пылали местью къ Изабеллѣ, продавшей врагу своего сына вмѣстѣ съ Франціей: имъ чудилось, что спасе-

ніе принесетъ крестьянка, которая незаслуженнымъ страданіемъ искупитъ грѣхи недостойной королевы. Припоминалось древнее пророчество о Дѣвѣ, которая выйдетъ изъ „дубоваго“ лѣса—и къ ногамъ ея падутъ „лучники“.

Патріотическія мечты расцвѣтали, когда страна переполнилась горемъ и ужасомъ до того, что толпы совершали пляски смерти и видѣли чудеса. Тутъ-то появилась желанная, которую призывало истерзанное сердце народа.

III. Историческая Жанна.

У границъ Лотарингіи, въ деревнѣ Домреми, въ достаточной семьѣ д'Аркъ жила крестьянка Жанна. Высокая, стройная, сильная *) смуглянка, съ роскошною черною косой, съ пріятной улыбкой и мягкимъ голосомъ, она была кроткая, изящная дѣвушка. Вообще веселенькая, она однако часто впадала въ серьезность до задумчивости, была чувствительна до слезливости, и такая набожная, что, бывало, услышитъ въ полѣ благовѣстъ—и падетъ на колѣни съ горячей молитвой. Безграмотная, она дѣлила время между сельскими работами и уходомъ за больными и сиротами. Въ глуши дремучихъ лѣсовъ Вогезовъ еще сохранялись воспоминанія древней Галліи. У Домреми струился чудодѣйственный источникъ и красовался вѣковѣчный „букъ фей“, водившихъ подъ нимъ свои хороводы; дѣвушки вѣшали вѣнки то на деревья, то на статуи святыхъ. Тамъ, на границѣ, кипѣла борьба между бургундцами и французами: не разъ трое братьевъ Жанны являлись въ крови; не разъ всей семьѣ приходилось бѣжать въ лѣса отъ англичанъ. Жанна ходила за ранеными и все твердила: „Жалко, жалко, милой Франціи!“ Дофинъ представлялся ей невинной жертвой злой матери. Жанна стала все чаще ходить къ волшебному буку, гдѣ птички слетались на ея зовъ: тамъ она предавалась задумчивости, слезно моли-

*) Жанна сдѣлала 600 мучительныхъ верстъ (отъ Домреми до Шинона) въ *десять* дней! Разъ она провела *шесть* сутокъ не снимая тяжелыхъ латъ.

лась, изнурялась постами. Показались видѣнія, почудились „голоса“. Архангелъ Михаилъ и святыя Катерина съ Маргаритой внушали ей: „Богъ очень, очень жалѣетъ Францію; нужно тебѣ идти во Францію“.

Три года сопротивлялась Жанна. Но чарующіе голоса стали неотступно, по три раза въ недѣлю, твердить ей: „Нужно идти! Жена погубила Францію, дѣва спасетъ ее“. Наконецъ, когда дѣвушкѣ исполнилось 17 лѣтъ, она воскликнула: „Мнѣ хотѣлось бы прясть подлѣ матери, но мой Господинъ велитъ мнѣ“. — Кто твой господинъ, Жанна? спрашивали родители.—„Богъ!“ Отецъ спѣшилъ выдать ее замужъ, но она сказала: „Будь у меня сто отцовъ и матерей, будь я королевская дочь — и тогда я ушла бы. Я должна дойти до короля, хотя бы у меня отнялись ноги до колѣнъ: вѣдь, ни король, ни герцогъ, ни шотландская царевна — никто другой, кромѣ меня, не можетъ возвратить французскаго королевства; безъ меня неоткуда ждать помощи“.

Жанна ушла къ ближайшему военачальнику возвѣстить, что, по волѣ Господа, она вскорѣ приведетъ короля въ Реймсъ вѣнчаться на царство. Суровый воинъ прогналъ ее съ презрѣніемъ. Но народъ сложился и снарядилъ свою Дѣву въ походъ. На ней были мужскіе штаны, прикрѣпленные шнурками къ черной кофточкѣ, поверхъ темносѣрое платьице изъ толстаго сукна, черная же шапочка, сапоги со шпорами и мечъ. Въ февралѣ 1429 года, постомъ, какъ назначила себѣ Жанна, она поскакала къ дофину, съ шестью спутниками. Царедворцы не пускали Жанну къ Карлу. Священство стало испытывать — не вѣдьма ли это? „Въ Божьей книгѣ больше написано, чѣмъ въ вашихъ книгахъ“, отвѣчала героиня и убѣдила всѣхъ, что она—простая крестьянка, вѣрующая въ Бога и въ свое призваніе. Карлъ принялъ Жанну, но спрятался въ толпѣ придворныхъ. Она тотчасъ узнала его и сказала: „Милый дофинъ, отчего не вѣрите мнѣ? Господь сжалился надъ вами и надъ вашимъ королевствомъ: за васъ молятся св. Людовикъ и св. Карлъ Великій“. Народъ требо-

валъ того же—и Карлъ объявилъ крестьянку главнокомандующимъ арміей.

Жанна остриглась, одѣлась помужски и сшила себѣ знамя съ бѣлыми лиліями и съ надписью: „Іисусъ — Марія". Съ нимъ она не разставалась, чтобы не хвататься за мечъ: Господь запретилъ ей проливать кровь. Воины становились львами, когда Жанна, въ блестящихъ доспѣхахъ, въ бѣлой накидкѣ съ длинными складками, носилась, на горячемъ конѣ, впереди всѣхъ при нападеніи, позади всѣхъ—при отступленіи. „Посмотрѣть-ли на нее, послушать-ли ее—чисто богиня!" шептали грубые воины — и цѣловали ея платье, слѣды ея ногъ; и становились они кроткими, набожными, чистыми: бросили даже привычку сквернословить и подсмѣивались надъ однимъ старымъ рубакой, который выпросилъ у Жанны позволеніе клясться хоть палкой. Сама героиня оставалась простушкой; она зарыдала при видѣ первой крови, испугалась своей первой раны, со слезами опровергала клеветы англичанъ насчетъ ея цѣломудрія. Но предводительница была непоколебима: она по цѣлымъ днямъ не сходила съ коня, спала въ кольчугѣ, ходила за ранеными, водила воиновъ въ церковь, трезво смотрѣла на вещи, внушала Карлу управлять, какъ Людовикъ св.,—щадить народъ. Когда лѣзли къ ней съ просьбами совершить чудо или благословить крестикъ, либо четки, она говорила: „Сами благословите; ваше благословеніе не хуже моего".

Французы ободрились; и у нихъ явился талантливый вождь, юный графъ Дюнуа,—отважный, великодушный, неутомимый полководецъ, благоговѣвшій предъ Жанной. Англичане же пали духомъ: они были увѣрены, что врагами предводительствуетъ вѣдьма. Герцогъ бургундскій не поладилъ съ Бедфордомъ—и подъ Орлеаномъ осталась горсть голодныхъ англичанъ, покинутыхъ союзниками. Тутъ явилась Жанна съ своимъ отрядомъ: передъ нею шло духовенство съ пѣніемъ и иконами, а пажъ несъ ея знамя, на которомъ были изображены Богъ, ангелы и лиліи. Крестьянка заставила строптивыхъ и трусливыхъ генераловъ повиноваться себѣ. Она пер-

вая приставила лѣстницу къ окопамъ англичанъ — и пала, раненая въ плечо; но тѣмъ яростнѣе бросились воины мстить за свою Орлеанскую Дѣву — и непріятель бѣжалъ, объятый ужасомъ, бросивши лагерь и пушки (1429).

Дофинъ съ трепетомъ ожидалъ, подъ Туромъ, вѣстей изъ Орлеана. Побѣдоносная Дѣва явилась къ нему съ поздравленіемъ. Онъ поцѣловалъ ее, но не зналъ, что̀ дѣлать дальше: думали пообождать, поразмыслить — и проводили время „въ доброй ѣдѣ“. Но Дѣва сказала: „Меня не хватитъ больше, чѣмъ на годъ“, и повела Карла въ Реймсъ. Онъ все время дрожалъ и упирался, подъ вліяніемъ царедворцевъ. „Что вы сомнѣваетесь?“ наивно ободряла его Дѣва и скакала впередъ. Города, по дорогѣ, сдавались ей почти безъ сопротивленія. Высокомѣрный вождь англичанъ, Тальботъ, воскликнулъ въ отчаяніи: „Ничего не подѣлаешь!“ и былъ плѣненъ героиней.

Въ Реймсѣ произошло вѣнчаніе Карла VII. Во время обряда, великая крестьянка осѣняла короля своимъ знаменемъ, затѣмъ бросилась передъ нимъ на колѣни и сказала со слезами: „Милый король! Исполнилось желаніе Бога: вы пришли въ Реймсъ принять свое достойное вѣнчаніе, показать, что вы — истинный король“. Дѣва радовалась, какъ дитя: плакала, любовалась короной, цѣловала ноги помазаннику. Ее сдѣлали дворянкой; ей пожаловали гербъ, царскій дворецъ. По всей Европѣ заговорили о „французской Сивиллѣ“. Въ монастыряхъ пѣли гимны въ честь ея; молились на ея портреты; закидывали ее письмами; и государи спрашивали у нея совѣтовъ. А Дѣва оставалась прежнею простушкой, кроткою, свѣтлою крестьянкой, набожной и все пекущейся о бѣдныхъ и униженныхъ.

IV. Несказочная мученица.

Дѣло было сдѣлано: Дѣва уставала. Она твердила: „Хотѣлось бы мнѣ, чтобы Богу, Творцу моему, благоугодно было отпустить меня теперь домой послужить отцу съ ма-

терью, пасти ихъ овецъ, вмѣстѣ съ сестрицею и братцами, которые такъ-то обрадуются мнѣ!" Ее не пускали, но не давали ей ходу. Карлъ съ царедворцами завидовали своей спасительницѣ и боялись ея, какъ народной силы; церковь негодовала, что это—не ея чудо. Дѣва чуяла недоброе своей простой душой. „Ничего не страшусь, кромѣ измѣны", говорила она—и начала смущаться: „голоса" уже не такъ ясно слышались ей; нето говорили, что быть ей въ плѣну.

Король скрылся за Луару, а Бедфордъ успѣлъ укрѣпиться въ Парижѣ. Истомленная бездѣйствіемъ, Жанна двинулась къ столицѣ на свой страхъ, съ ничтожнымъ отрядомъ, но была отбита и ранена. Она бросилась на сѣверъ, противъ главныхъ силъ врага, но потерпѣла новую неудачу и, прикрывая отступленіе отряда, попала въ плѣнъ къ бургундцамъ. Она хотѣла бѣжать, бросилась изъ окна темницы; но только расшиблась. Герцогъ бургундскій продалъ Дѣву англичанамъ за чистыя денежки. Они привезли ее въ Руанъ, въ желѣзной клѣткѣ.

Начались пяти-мѣсячныя страданія Дѣвы. Ее всячески мучили въ темницѣ: ее сковывали по шеѣ, рукамъ и ногамъ; палачъ приносилъ орудія пытки и объяснялъ ей ихъ; злые „трепальщики" (тюремщики) не отходили отъ нея ни днемъ, ни ночью, не щадя ея дѣвичьяго стыда. Наконецъ, нарядили церковный судъ изъ наемныхъ парижскихъ профессоровъ и французскаго клира, подъ предсѣдательствомъ епископа Кошона, которому посулили архіепископство. При содѣйствіи инквизиціи, судьи искажали показанія Жанны въ протоколѣ, сбивали ее схоластической казуистикой, застращивали криками, осыпали оскорбленіями, не давали отвѣчать: она просила, чтобы, по крайней мѣрѣ, не всѣ разомъ закидывали ее вопросами. Но умны и правдивы были отвѣты праведницы.

„Думаешь ли ты, что душа твоя спасена"?—„Если да, то молю Бога не погубить ея; если нѣтъ—молю спасти ее".—„Ненавидитъ ли Богъ англичанъ?"—„Не знаю; но вѣрно то, что всѣхъ ихъ выпроводятъ изъ Франціи, кромѣ тѣхъ, которые погибнутъ въ ней".—„Хорошо ли сдѣлалъ твой король, что убилъ герцога бургундскаго"?—„Это было большимъ

вредомъ для Франціи; но что бы ни было между ними, Богъ послалъ меня на помощь королю Франціи". Жанна ограничивалась лишь смутными и ироническими отвѣтами, когда затрагивали святыню ея души—„голоса". Невинная дѣвушка вовсе не отвѣчала на настойчивые вопросы о мужскомъ платьѣ, которое спасало ее отъ наглости воиновъ; но она сняла его, когда судьи объявили ей, что это—великая ересь.

Жанну обвинили въ сообщничествѣ съ дьяволомъ и въ ношеніи мужского платья; и обѣщаніемъ легкаго наказанія вынудили у нея признаніе справедливости приговора. Англичане разозлились на Кошона за мягкость рѣшенія. Но онъ сказалъ: „Успокойтесь, она не уйдетъ отъ насъ". Вскорѣ двукратнымъ покушеніемъ глубоко оскорбить ее заставили Жанну снова надѣть подсунутое мужское платье—и неисправимая еретица была приговорена къ сожженію. Возмущенная наглымъ обманомъ, Жанна пріобрѣла прежнюю твердость: „Такъ скорѣе же умру, чѣмъ откажусь отъ того, что́ сдѣлала по приказу моего Господа!" воскликнула она. Ее спросили: „Подчиняешься-ли суду воинствующей церкви?" Она отвѣчала: „Богъ и торжествующая на небесахъ церковь послали меня; этой церкви я подчиняюсь". Голоса все еще говорили Жаннѣ: „Случится движеніе и великая побѣда освободитъ тебя". Но когда ей объявили день казни, она рыдала, рвала на себѣ волосы, восклицая: „Неужели же мое чистое, невинное тѣло превратится въ пепелъ? О, лучше бы вы семь разъ сняли мнѣ голову, чѣмъ жечь!"

Рыдала жертва и на печальной колесницѣ: „Руанъ, Руанъ! Неужели мнѣ здѣсь умереть?" Костеръ поражалъ своими чудовищными размѣрами. Долго тянулась церемонія съ укоризненными проповѣдями владыкъ и съ обвинительными рѣчами юристовъ. Жанна все что-то думала, потомъ вдругъ пала на колѣни и, сама прощая всѣхъ, просила: „Помолитесь обо мнѣ". Все это было такъ просто, задушевно, что дрогнула 10-тысячная толпа, прослезились англичане, зарыдалъ Кошонъ. Жанна попросила крестъ и судорожно спрятала его подъ платье, крѣпко прижимая къ тѣлу. Вдругъ

заворчали солдаты. „Эй, вы, попы! Обѣдать мы будемъ здѣсь, что-ли?“ крикнули офицеры и сами потащили „вѣдьму“ къ палачу.

Судьи разбѣжались въ ужасѣ. Орлеанская Дѣва воскликнула, озирая городъ съ громадной высоты: „Ахъ, Руанъ, Руанъ! Боюсь, не пострадать бы тебѣ отъ моей смерти“. Показался огонь. Вопль отчаянія вырвался изъ груди Жанны; но вдругъ она замѣтила, что опасность грозитъ напутствовавшему ее доминиканцу, и стала просить его сойти. „Дурно-ли, хорошо-ли я сдѣлала,—мой король тутъ ни причемъ; не онъ внушалъ мнѣ“,— послышалось сверху. Потомъ раздирающій душу крикъ: „Воды“! Но вслѣдъ затѣмъ: „Да, отъ Бога были Голоса мои; не обманули меня Голоса мои“. Это ясно слышалъ доминиканецъ: онъ уже стоялъ внизу, у самаго пламени, и поднималъ Распятіе къ жертвѣ, голова которой упала на грудь, шепча: „Іисусъ“! Жанна вся превратилась въ пепелъ, который бросили въ Сену: уцѣлѣло только сердце.

Толпа колыхалась отъ рыданій. Молча расходились англичане; но одинъ изъ нихъ сказалъ товарищамъ, что въ пламени ясно горѣло слово „Іисусъ“. А другой воскликнулъ: „Мы погибли, мы сожгли святую“! Мученицѣ не было 20-ти лѣтъ. Поколѣніе спустя, французы торжественно „возстановили“ доброе имя Орлеанской Дѣвы, доказавши церковнымъ слѣдствіемъ, что то не была еретица и вѣдьма; а на мѣстѣ казни поставили ея статую. Ея родственники получили дворянство, а земляки—свободу отъ податей.

Англичане же дѣйствительно погибали. Вскорѣ умеръ Бедфордъ, напоминавшій Генриха V талантами. Герцогъ бургундскій узналъ объ этомъ и примирился съ Карломъ VII. Тогда же умерла, въ нуждѣ, всѣми презираемая вѣнценосная старуха. Пылавшій мщеніемъ сподвижникъ Жанны, Дюнуа, и даровитый, благородный патріотъ Ришмонъ отняли у англичанъ почти все *).

---

*) Для освѣщенія изложенныхъ событій см. нашу *Среднюю Исторію* (2-е изданіе), вышедшую въ 1897 году. Съ тѣхъ поръ въ исторической наукѣ не появилось ничего новаго по занимающему насъ предмету.

V. Чудное, но не чудесное явленіе. Патріотизмъ.

Столѣтняя война имѣла рѣшительное вліяніе на судьбы соперницъ. Въ Англіи, она помогала развитію городовъ и конституціи. Союзы съ мѣщанами материка расширяли торговлю; нужда въ деньгахъ и войскахъ пріучала королей къ соблюденію Великой Хартіи, этой основы политической свободы британца. Но временно Англія какъ бы понесла жестокое наказаніе за оскорбленіе человѣчества, совершенное въ Руанѣ. Казнь Орлеанской Дѣвы словно легла проклятіемъ на нее. Въ странѣ, истощенной войною, лишенной сильныхъ правителей, разразилась жестокая усобица—война Розъ.

А во Франціи совершилось какъ бы новое благодатное чудо. Она достигла, наконецъ, того, къ чему стремилась такъ давно и мучительно. По общему закону „эволюціи" или жизненныхъ превращеній, всякая страна стремится сначала къ „интеграціи", т. е. къ сплоченію своихъ силъ, своего населенія: только при сплоченіи возможны порядокъ и миръ, безъ которыхъ не мыслимы ни цивилизація, ни даже просто обезпеченное пропитаніе. Уже феодализмъ былъ шагомъ на этомъ пути: сотни „привилегированныхъ"—лучше, чѣмъ всеобщая анархія или привилегія каждаго душить ближняго въ свою пользу. Но когда, къ концу среднихъ вѣковъ, феодалы превратились въ истинныхъ „рыцарей-разбойниковъ", сами массы выдвинули абсолютизмъ—то сосредоточеніе власти, которое служило главнымъ отличіемъ новой исторіи и, какъ мы видѣли, дало побѣду англичанамъ надъ французами. Въ концѣ концовъ, Столѣтняя война привела, во Франціи, къ истребленію рыцарства, къ сплоченію народа, къ утвержденію неограниченной монархіи: довольно сказать, что сыномъ Карла VII былъ тотъ Людовикъ XI, который уже служилъ для всей Европы образцомъ даже крайностей абсолютизма. Психологически, въ душѣ людей всѣхъ званій и возрастовъ, эта новая сила исторіи сказывалась въ невиданныхъ, да и немыслимыхъ раньше, подвигахъ *патріотизма*, отчизнолюбія.

Въ тѣ времена патріотизмъ былъ силой прогрессивной, т. е. необходимой для дальнѣйшаго развитія вселенной. Прежде чѣмъ думать о космополитизмѣ или единствѣ всего человѣчества, требовалось сплотиться понародно; прежде чѣмъ заботиться о всей „во Христѣ братіи нашей"—задача нашего времени — слѣдовало устроить свою, болѣе узкую, національную семью. Первобытное стремленіе къ сплоченію, выражавшееся какъ бы по чутью въ „собираніи земли" правителями, принимало сознательный видъ общаго исканія предѣловъ народности.

Какъ знаменіе времени, патріотизмъ обрисовывался всюду именно съ начала 15-го вѣка, служащаго переходомъ отъ средневѣковья къ новой исторіи. Не говоря уже про скороспѣлую Англію, гдѣ тогда былъ введенъ родной языкъ въ суды и парламентъ вмѣсто латыни, онъ пробуждался даже въ Германіи, Черногоріи и Албаніи. Нѣмецкій „напоръ на востокъ" уже встрѣчалъ отпоръ со стороны славянъ и мадьяръ, причемъ патріотизмъ выступалъ ярко. Гуніадъ и Корвинъ сохранялись въ памяти венгерцевъ героями, обаяніе которыхъ помогало сохраненію народности, вновь расцвѣтшей въ 19-мъ вѣкѣ. У чеховъ націонализмъ проявился съ полной сознательностью въ словахъ Гуса, взошедшаго на костеръ за 16 лѣтъ до Жанны: „Богемія—для чеховъ, какъ Франція—для французовъ, а Германія—для нѣмцевъ". Не безъ вліянія гусизма, подконецъ въ соборныхъ конкордатахъ и у богослововъ, въ народныхъ революціяхъ и въ письменности—всюду обнаруживалось стремленіе учредить „національныя" церкви, чтобы свергнуть иго папства и латыни.

Новые языки сложились и облекались въ литературную форму. Возникали національныя искусства и поэзія, историки и публицисты. Мѣстами патріотизмъ возвышался до восторженности, вступалъ въ предѣлы баснословія и кудесничества. Швейцарцы уже во второмъ поколѣніи вѣрили въ забредшія къ нимъ изъ Скандинавіи сказки о Вильгельмѣ Теллѣ и Винкельридѣ. Съ именами такихъ великихъ

непорочныхъ мучениковъ, какъ Гусъ, сплетались пророчества все въ томъ же духѣ. Подконецъ, выступалъ и такой могучій проповѣдникъ патріотизма, какъ Макіавель.

Во Франціи, въ разгаръ средневѣковья, феодализмъ, съ его раздробленностью населенія, свирѣпствовалъ съ особенной силой. Муравейникъ „вассаловъ" знать не хотѣлъ какого-то „сюзерена" или перваго изъ „пэровъ" (равныхъ) въ Парижѣ. Многообразныя народности плохо поддавались сліянію, не понимая даже рѣчи другъ друга: особенно господствовала рознь между сѣверомъ и югомъ страны. Это поддерживало властительныя стремленія феодаловъ, среди которыхъ могучіе герцоги сохраняли еще племенное значеніе. Отсюда— „патріотизмъ колокольни", своего маленькаго гнѣзда: люди называли „иностранцемъ" всякаго, кто былъ не изъ ихъ угла; отправляться къ сосѣднему феодалу, особенно въ Парижъ, значило „идти во Францію", какъ и у насъ еще говорятъ мѣстами—„идти въ Рассею".

Но издавна зарождался уже и настоящій патріотизмъ. Его исторію можно вести съ полусознательной дружины французскаго Ильи Муромца—рубаки Ролана: его любимымъ словечкомъ было—„милая Франція (douce France)!" И въ наполненной его сказочными подвигами романтической поэзіи уже ясны дѣйствительныя, жизненныя черты французскаго нрава. Затѣмъ міровое вліяніе крестовыхъ походовъ, гдѣ сталкивались, учились сознавать себя всѣ націи, особенно отражалось во Франціи, при ея борьбѣ съ Англіей, обострившейся у св. Гроба.

Столь же рѣшительно вліяла здѣсь другая міровая сила — классицизмъ. Когда началась Столѣтняя война, въ Италіи была въ разгарѣ дѣятельность Петрарки, этого отца Возрожденія наукъ и искусствъ античнаго міра; въ концѣ войны Возрожденіе уже пустило корни внѣ Италіи, и прежде всего именно во Франціи. А Возрожденіе было „гуманизмомъ", т. е. „человѣческимъ", свѣтскимъ направленіемъ, выступившимъ на смѣну „божественности" или церковнаго космополитизма. Онъ велъ къ признанію дѣйствительности, а слѣдо-

вательно и національныхъ потребностей. Онъ выдвинулъ римское право, вытѣснявшее право каноническое или церковное; а римское право, этотъ плодъ античнаго цезаризма, подводило научныя основы подъ абсолютизмъ и связанный съ нимъ патріотизмъ.

При всѣхъ указанныхъ условіяхъ, патріотизмъ во Франціи уже принималъ отчетливый видъ среди такого національнаго бѣдствія, какъ Столѣтняя война. Отчасти онъ проявился въ первобытномъ стремленіи выручать своихъ, которое выражается въ отчаянномъ воплѣ: „нашихъ бьютъ!" Отчасти же, наверху общества, выступала сознательность общаго чувства. Когда началась война, народъ былъ равнодушенъ: онъ еще не видѣлъ всѣхъ размѣровъ бѣдствія и негодовалъ на негодное правительство, которое опиралось на себялюбивыхъ феодаловъ и угнетало подданныхъ чуть-ли не хуже врага. Но уже послѣ пораженія у Пуатье (1356) наставала новая эпоха: выяснилась негодность аристократіи—и народъ сталъ сплачиваться мыслью о необходимости самому взяться за управленіе, по примѣру англійскаго парламента. Отсюда — „мѣщанская революція" въ Парижѣ, вождемъ которой былъ совсѣмъ сознательный патріотъ, суконщикъ Марсель, прямо поддерживавшій духъ согражданъ послѣ страшнаго пораженія.

Если эта революція была жестоко подавлена феодалами, зато новый король, Карлъ V, заслужившій названіе Мудраго, уже былъ окруженъ дѣльными людьми снизу, которыхъ обиженные дворянчики называли „мордами". Во главѣ ихъ стоялъ великій полководецъ и горячій патріотъ, безграмотный бѣднята Дюгекленъ, напоминавшій Жанну не только талантомъ и отвагой, но и скромностью и великодушіемъ. Онъ далъ такой отпоръ англичанамъ, что они блуждали по странѣ, грабя народъ съ голоду. А это вызывало патріотизмъ въ массахъ. При приближеніи врага, крестьяне прятали и даже истребляли свое добро и составляли отряды добровольцевъ съ такими молодцами во главѣ, какъ Феррэ, который десятками „молотилъ" англичанъ своимъ тяжелымъ топоромъ. Разъ англичане схватили богатаго мѣщанина, Ренжуа, и требовали

присягнуть Эдуарду III, грозя сбросить его со скалы: онъ отказался—и морская пучина приняла трупъ патріота. Особенно силенъ былъ патріотизмъ въ Лотарингіи: она граничила съ союзницей англичанъ, съ Бургундіей.

Послѣ такихъ примѣровъ, новая историческая сила уже не могла пропасть. Противодѣйствіе старины, или реакція могла лишь раздражать ее, усиливать потребность въ ней. Такъ и случилось при Карлѣ VI. Этотъ сумасшедшій окружилъ себя опять феодалами, которые разогнали сонмъ „мордъ“, вырѣзывали мѣщанъ, соорудили Бастилію, учиняли соблазнительные пиры, наконецъ, передрались между собой. Соперники одинаково грабили и истязали народъ, приговаривая: „ступайте, жалуйтесь сумасшедшему!“ А англичане задали французамъ Азенкуръ. Словомъ, все было налицо—и корысть и коварство грызущихся между собой бояръ, и смута „воровскихъ“ казаковъ, и поляки въ Кремлѣ. Недоставало только Сусанина. Онъ и явился—въ образѣ Дѣвы, которая сразу поняла, гдѣ гнѣздо „измѣны“,—и, тѣмъ не менѣе, на кострѣ, при послѣднемъ издыханіи, горячо молилась за „короля“.

Чудо было не въ этомъ, а въ томъ, что Сусанинъ, жившій два вѣка спустя послѣ Жанны, носитъ на себѣ болѣе баснословный оттѣнокъ, чѣмъ героиня Франціи. Исторія Орлеанской Дѣвы ясна, какъ стеклышко, какъ сама Жанна.

Мы достаточно опредѣлили значеніе Жанны, какъ воплощенія патріотизма, до того естественное, что было бы странно, еслибъ оно не появилось тогда. Въ виду общей всему Западу „эпохи мѣщанскихъ революцій“, очевидно также, что это воплощеніе могло совершиться лишь въ низахъ народной массы. Прибавимъ только, чтобы замкнуть кругъ исторической эволюціи, что послѣ Жанны было невозможно даже повтореніе реакціи временъ Сумасшедшаго. Какъ ни походилъ на отца Карлъ VII, при немъ продолжалось дѣло „Спасительницы Франціи“. Онъ кутилъ-себѣ въ чаду „фаворитизма“ (любимцы возникли тогда), во главѣ котораго стояла Дама Красоты, Агнеса Сорель; а работали опять мѣщанскія морды: его прозвали государемъ „съ хорошими слугами“

(Bien Servi). Вождемъ ихъ былъ великій патріотъ, даровитый купецъ Кёръ, который часто ссужалъ казну большими суммами безъ процентовъ и тратилъ массу денегъ на общественныя нужды; онъ возвышалъ города и охранялъ крестьянъ, подавляя власть сеньёровъ. Правда, „собакамъ" короля (такъ называлъ народъ камарилью) удалось увѣрить Карла VII будто ихъ всеобщій заимодавецъ, Кёръ—заговорщикъ и отравитель Агнесы: и патріотъ попалъ въ тюрьму, а его имущество — въ руки клеветниковъ. Но сеньёровъ истребилъ, вслѣдъ затѣмъ, Людовикъ XI, собравшій подъ свою руку цѣлыхъ 11 провинцій Франціи. Поступокъ Карла VII съ Кёромъ важенъ для насъ именно тѣмъ, что онъ выводитъ предательство Жанны изъ области чудесъ въ разрядъ довольно естественной чудовищности преступленій развращеннаго сердца.

VI. Вѣра и мечъ.

Намъ остается объяснить нѣкоторыя, такъ сказать, техническія мелочи въ исторіи Жанны, чтобы разстаться съ областью чудеснаго.

На нашъ взглядъ, самое чудесное въ нашемъ предметѣ, это—противорѣчіе между самимъ явленіемъ и его средой. Жанна—самое простое, житейское, дѣйствительное существо: отъ каждаго ея слова и движенія вѣетъ безхитростной и здоровой природой полей и деревенской избы. А живетъ она въ царствѣ сверхчувственности, въ мірѣ молитвъ, мечтаній, даже видѣній. Но это—только кажущееся противорѣчіе. Было бы чудомъ, еслибъ было иначе.

Историка не озадачитъ сліяніе крайностей. Обыкновенный пріемъ жизни—вливать новое вино въ старые мѣха: оттого-то прогрессъ, совершенствованіе двигаются такимъ черепашьимъ, а порой—и ракообразнымъ шагомъ и требуютъ столько самыхъ прискорбныхъ жертвъ лучшими людьми! Этотъ пріемъ даже необходимъ тамъ, гдѣ требуется вдругъ подымать массы на тяжкій, но неотложный подвигъ. Иногда

вожди даже прикидываются вѣрующими въ силу старины. Такое вынужденное лицемѣріе проявилось бы въ Жаннѣ, возвышайся она надъ массой хоть настолько, какъ выведенный Твэномъ сьёръ де-Контъ. Но она не имѣла понятія не только о гуманизмѣ, но и о грамотѣ. Это — воплощеніе самой чистой, первобытной вѣры, сливающей ученіе милосердія съ чудесами и повѣрьями друидовъ древней Галліи. Жанна не въ шутку приглашала англичанъ побрататься съ французами и идти вмѣстѣ въ крестовый походъ. „Когда мнѣ слышатся мои Голоса-утѣшители, въ душѣ моей подымается такое ликованье, что нѣтъ силъ превозмочь его!“ говорила она. А про Карла VII, послѣ его первой бесѣды съ Жанной, лѣтописецъ сказалъ: „На него словно сошелъ св. Духъ!“

Тутъ-то и разгадка глубокаго вліянія Дѣвы на народъ. Въ этомъ отношеніи она была—сама масса. А главное, только при такой вѣрѣ, въ этой, самой скромной, душѣ крестьяночки могла укорениться такая непреклонная самоувѣренность: а только вѣрующій въ себя, въ свое призваніе можетъ увлекать другихъ въ крупное дѣло; только фанатикъ, идущій на смерть изъ-за идеи, способенъ провести новое начало въ жизнь. Обыкновенно эти герои и запечатлѣваютъ свою задачу собственною кровью. Таковъ былъ Гусъ, который пошелъ въ огонь изъ-за идеи, когда Жаннѣ было три года.

Жанна вѣрила до того, что ей представлялись видѣнія, слышались голоса. Это—„галлюцинація“. Въ разныя времена, на разныхъ ступеняхъ развитія, она принимаетъ разныя формы. При Жаннѣ форма была уже предначертана. Насъ, среди которыхъ встрѣчаются профессора-духовидцы, не удивитъ, что тогда высшіе умы не могли еще освободиться отъ страсти объяснить все особенное сверхъестественными силами Неба или преисподней. Даже въ разгаръ Возрожденія, въ самой Италіи, просвѣщенные люди вѣрили въ духовъ, сходящихъ съ луны, и въ чародѣевъ, вызывающихъ тѣни умершихъ. Богословы лишь послѣ долгихъ споровъ рѣшили, что у туземцевъ Новаго Свѣта есть душа; а женщина у нихъ все еще была сосудомъ зла и подругой дьявола,—взглядъ, отъ кото-

раго не мало пострадала Жанна. Дьявольщина достигла степени „демонологіи“, т. е. цѣлой науки о чертѣ, которую разрабатывали самые умные и ученые люди разныхъ направленій, не исключая гуманистовъ. Англичане, сжегшіе „вѣдьму“ Жанну, заточили тогда же одну свою герцогиню, а ея духовниковъ казнили за то, что они будто бы сократили жизнь ихъ короля, растопляя его восковое изображеніе. Въ Германіи колдовской судъ, сожигавшій вѣдьмъ, былъ введенъ въ 1484 году!

Съ другой стороны, всюду царствовало настроеніе таинственности, особенной глубины въ сношеніяхъ съ Богомъ. Оно даже усиливалось, вслѣдствіе паденія церкви, дошедшаго до позора „великаго раскола“. Люди искали непосредственнаго, личнаго сліянія съ божествомъ. Съ 14-го вѣка выдвигалась „мистика“, и именно подъ вліяніемъ гуманизма, съ его Платономъ. Мистики съ „самоуничиженіемъ самоуглублялись“ въ свою душу, ища въ ней отраженія Бога, съ которымъ сливались въ „экстазѣ“ или исхожденіи духа изъ самого себя. Незадолго передъ Жанной, знатная шведка, мать восьмерыхъ дѣтей, Бригитта, которой было видѣніе Христа, проповѣдывала возвращеніе папства изъ Авиньона. Это дѣло исполнила другая пророчица, Катерина Сіенская, безграмотная крестьянка. Онѣ были возведены благодарнымъ Ватиканомъ въ санъ святыхъ.

Послѣ Жанны, у Савонаролы были свои „голоса“, и въ минуты экстаза онъ вѣрилъ въ свой даръ пророчества. Тогда же появились Жанны-самозванки: народъ вѣрилъ, что его спасительница сама спаслась чудомъ отъ костра. Словомъ, въ ту пору міръ еще кишѣлъ чудесами; и самые мрачные людскіе замыслы, не исключая заплечнаго мастерства инквизиторовъ, озарялись религіознымъ идеализмомъ. И вотъ, архи-вѣрующей Дѣвѣ повѣрили всѣ, начиная съ губернатора Бодрикура, кончая епископами и богословами въ Пуатье. Попробовала бы она сунуться съ своимъ „посланничествомъ“ къ какому-нибудь современному Помпадуру; ее отправили бы не къ королю, а туда, куда и Макаръ телятъ не гонялъ!

Вотъ настроеніе, которое родитъ Магометовъ. Для историка этого достаточно. Медики прибавляютъ физіологическія объясненія. Они роднятъ природу Жанны съ природой эпилептиковъ, истериковъ, указывая на припадки падучей у Цезаря, Магомета, Наполеона I, на галлюцинаціи у разныхъ видныхъ людей (Сократъ, Аристотель, Карданъ, Спиноза, Гёте, Достоевскій). Предоставляя спеціалистамъ этотъ мудреный вопросъ, замѣтимъ только, что Жанна—исключеніе изъ всѣхъ героевъ: она—женщина. Свѣтила медицины доказываютъ, что нервы женщины подвергаются особымъ испытаніямъ въ дни свойственной имъ болѣзни, особенно вначалѣ. Они прибавляютъ, что, именно въ случаѣ прекращенія этой естественной болѣзни, у женщинъ нерѣдко появляются припадки падучей и галлюцинаціи. Съ Жанной случилось страшное потрясеніе на 14-мъ году, когда она вступала въ возрастъ созрѣванія,—и у нея затѣмъ не было указанныхъ обычныхъ явленій женской жизни *).

Остается вопросъ о военномъ талантѣ Жанны. О немъ громко свидѣтельствуютъ уже всѣ ея замѣчательныя удачи. Но важно, что сами товарищи Жанны по оружію, несмотря на зависть и соперничество, единодушно преклонялись предъ этимъ великимъ полководцемъ. Словно сговорившись, они указывали, на судѣ, на ея „великую невинность“ и „юношескую простоту“ во всемъ, кромѣ военнаго дѣла. Здѣсь, по словамъ герцога Алансона, Жанна „была чрезвычайно опытна, какъ въ приготовленіяхъ къ битвѣ, такъ и въ командованіи; она умѣла также *очень хорошо распоряжаться артиллеріей;* ко всеобщему изумленію,

*) Нашъ извѣстный психіатръ, проф. *П. И. Ковалевскій*, посвятилъ томикъ (II, 1898) своихъ „Психіатрическихъ эскизовъ изъ исторіи“ Жаннѣ (совмѣстно съ Магометомъ). Къ сожалѣнію, онъ не разъясняетъ намъ упомянутаго физіологическаго обстоятельства, съ которымъ знакомятъ насъ документы. У Кишера (Procès III, 219) напечатано весьма важное въ этомъ отношеніи свидѣтельское показаніе нашего знакомца, Олона, конюшаго Жанны, который никогда не покидалъ ея во время походовъ: онъ ссылался на женщинъ, ходившихъ за Орлеанской Дѣвой.

она дѣйствовала на войско такъ искусно и благоразумно, словно полководецъ, за которымъ 20—30 лѣтъ опыта".

Въ великомъ талантѣ не сомнѣваются и новѣйшіе знатоки дѣла: они только разводятъ руками *). Такой именитый полководецъ, какъ Кошутъ, сдѣлалъ только одно любопытное замѣчаніе, которое Твэнъ поставилъ въ преддверіе своего романа. Вотъ оно: „Обратите вниманіе на эту исключительную и внушительную особенность. Во всей исторіи Жанна д'Аркъ— единственная личность изъ обоего пола, которая удостоилась званія главнокомандующаго всѣми военными силами націи въ *семнадцатилѣтнемъ возрастѣ*".

Впрочемъ, Жанна, какъ полководецъ, вовсе не безпримѣрное явленіе. Не станемъ припоминать нашего Петра, шведскаго Карла, англійскаго Кромвеля, у которыхъ военная академія состояла развѣ изъ уличныхъ мальчишекъ и крестьянъ. Но въ самой Франціи мы видимъ примѣры Жанны до и послѣ нея. Вспомнимъ только, съ одной стороны, Дюгеклена, съ другой—Гоша и Марсо, этихъ героевъ безсмертныхъ „добровольцевъ-босоножекъ" 1792 года, посрамившихъ опытныя войска Европы. Къ тому же, въ описываемое время военной техники, особенно артиллерійской, почти не было: „отецъ новаго военнаго искуства", Гонсальво Кордовскій, явился лишь въ концѣ 15-го вѣка. Тогда все дѣло было въ личности полководца. Жанна привыкла къ ужасамъ войны съ дѣтства. Она несомнѣнно обладала большимъ здравымъ смысломъ, въ особенности же находчивостью или быстротой соображенія. Еще важнѣе, что въ Жаннѣ воплощались національныя дарованія французовъ—умѣнье орудовать пушками

---

*) Русская военная наука также оцѣнила Жанну по достоинству. Совѣтуемъ читателямъ познакомиться съ очеркомъ нашего извѣстнаго генерала *М. Драгомирова* (Очерки, Кіевъ, 1898). Это—сжатое, но интересное изложеніе исторіи Жанны, преимущественно съ военной точки зрѣнія. Тутъ обрисованы понятно и для не военнаго походы Жанны, особенно такое сложное дѣло, какъ снятіе осады съ Орлеана, для которой авторъ начертилъ даже толковый планъ.

да та стремительная отвага, которая называется непереводимымъ словомъ „élan“.

Но мы смѣемъ видѣть главную силу Жанны въ иномъ, руководясь словами Наполеона I, котораго она, кажется, напоминала болѣе всѣхъ полководцевъ: „На войнѣ нравственный элементъ стóитъ втрое больше видимой дѣйствительности“. Это понимали даже соратники Жанны. Въ своихъ показаніяхъ на судѣ, они особенно изумлялись ея дару „одушевлять, увлекать солдатъ, придавать всѣмъ сердца и смѣлости (cuer et hardiesse)“. А какъ чародѣйски дѣйствовала Жанна на массы! Не забудемъ, что въ Домреми ее снарядилъ народъ, вопреки губернатору; а Орлеанъ выручили главнымъ образомъ мѣщане и мастеровые, вопреки королю и полководцамъ, которые со страху даже запирали ворота города передъ героиней.

VII. Истинное чудо.

Вотъ это-то личное обаяніе, это величіе души и есть истинное чудо въ исторіи Жанны, если ужъ мы никакъ не можемъ обойтись безъ привидѣній. По крайней мѣрѣ, какъ человѣкъ, Жанна, въ ея положеніи,—явленіе безпримѣрное. Такова ужъ наша юдоль скорби, страданій и, прибавимъ, пошлости, что на самыхъ свѣтлыхъ образахъ исторіи лежитъ мрачный оттѣнокъ. Высшій чинъ „великаго“ человѣка достается нелегко: обыкновенно при немъ поникаетъ самъ „человѣкъ“. Вожди народовъ—неизбѣжно практики. Орудуя потоками человѣческой грязи, они невольно загрязняются сами; они то идутъ на сдѣлки, на коварство, то звѣрствуютъ.

Вспомните самыя великія души въ исторіи. Альфредъ хитрилъ всю свою юность, чтобъ спастись отъ датчанъ; Петръ „омывался въ кровяхъ“ враговъ отечества; на памяти Вашингтона лежитъ смерть благороднѣйшаго офицера Джона Андрэ. И отъ такихъ безупречныхъ образцовъ великодушія, какъ тотъ же Вашингтонъ и Периклъ, вѣетъ „олимпійскимъ“

холодомъ: нерѣдко имъ повиновались лишь по необходимости. А у нихъ было сравнительно мало поводовъ ожесточаться, презирать людей. Ихъ положеніе охраняло ихъ отъ многихъ непріятностей, особенно мелкихъ, пошлыхъ, самыхъ назойливыхъ и раздражающихъ. Даже нашему Суворову было легче, при всѣхъ козняхъ отечественныхъ и австрійскихъ завистниковъ и бездарностей: онъ былъ рожденный солдатъ и—человѣкъ привилегированнаго сословія.

А тутъ передъ нами скотски-грубая и архи-привилегированная среда, свыкшаяся съ рабствомъ у могучаго врага. И ею должна была орудовать самая темная крестьянка. Женщинѣ, этой презрѣнной твари по понятіямъ того времени, пришлось укрощать собственныхъ „дьяволовъ" и вести ихъ противъ гордаго, упорнаго непріятеля, оскорбляя всю родовитую Францію своимъ званіемъ Главнокомандующаго! Къ тому же то была почти дѣвочка, хуже того—очаровательная дѣвушка, которая должна была не разъ охранять свое цѣломудріе отъ центаврскихъ нравовъ всего общества. Она ни на минуту не боялась достойнаго непріятеля; но своимъ свѣтлымъ умомъ сразу поняла, что ее погубитъ „измѣна, предательство". Трудно представить себѣ всѣ ужасы и оскорбленія, испытанныя ею среди зависти, пошлости, грубости, косности прогнившихъ нравственно феодаловъ.

И нисколько не омрачилась душа дѣвушки, не достигшей двадцати лѣтъ; ни разу не покривилась эта прямая природа; ни разу не солгала Жанна. Свѣтлымъ, какъ хрусталь, оставался до конца ея врожденный разумъ; кроткимъ и нѣжнымъ даже на кострѣ сохранилось ея простое сердце. Сама ребенокъ, Жанна больше всего любила дѣтей; она всегда и причащалась съ ними. „Молоденькая дѣвушка такой прелестной и честной жизни!" восклицаетъ, пораженный благоговѣніемъ, лучшій лѣтописецъ той поры, Аленъ Шартье. Жаннѣ некогда было думать о себѣ, о личныхъ обидахъ. Она знала, что мимолетно было ея „посланничество", полное подвиговъ на цѣлые вѣка. Она понимала, что порочность прививалась къ людямъ давно, и прощала несчастныхъ. Ей „жалко" было

ихъ, какъ и всю Францію, и больныхъ несчастливцевъ, и нищихъ, и безпомощныхъ тварей.

Это безграничное *состраданіе* простаго женскаго сердца—вотъ истинное чудо, которое покрываетъ всѣ остальныя заслуги Жанны и дѣлаетъ ее явленіемъ міровымъ, любимицей всѣхъ временъ и народовъ.

И пока будетъ жить теплая, благодарная память о ней, до тѣхъ поръ не пропадетъ человѣчество. Любуясь этимъ поэтическимъ, изящнымъ, почти дѣтскимъ воплощеніемъ любви и правды, оно будетъ чувствовать себя вооруженнымъ противъ разочарованія. Оно убѣдится, что если зло лежитъ въ основаніи вселенной, то рядомъ съ нимъ, въ глубинѣ народныхъ массъ, заложенъ гранитъ добра,—та вожделѣнная безусловная правда, которая состоитъ въ природной простотѣ, въ здравомъ умѣ, въ чистомъ и умѣющемъ любить сердцѣ. Рыбакъ изъ Назарета возвѣстилъ состраданіе и правду; крестьянка изъ Домреми напомнила про нихъ. А три съ половиной вѣка спустя, новый переворотъ въ исторіи начался съ сердечнаго вопля бѣдняка изъ Женевы,—этого „чудака", Руссо, который въ глуши природы искалъ любви и справедливости, затерянныхъ среди гнили лжецивилизаціи...

Вотъ отчего мы выбрали, прежде всего, Жанну, чтобъ освятить нашъ замыселъ—содѣйствовать развитію сознанія русскаго народа путемъ общедоступнаго, такъ-называемаго, „легкаго" чтенія.

Наше первое чтеніе вышло тяжелымъ. Сердце обливается кровью каждый разъ, когда приходится коснуться жизни Жанны. Читая исторію ея „страстей", это анаѳемское поруганіе всего святаго, мы словно присутствуемъ на горькихъ поминкахъ по славѣ человѣчества. Видно, какъ на солнце нельзя смотрѣть безъ боли въ глазахъ, такъ нельзя созерцать образцы нравственнаго совершенства безъ содроганія за ихъ участь на нашей землѣ, упитанной страстями и грѣхами.

Но, приглашая читателя пережить, вмѣстѣ съ нами, эти минуты глубокаго горя, мы предлагаемъ ему и высшую отраду. Сознаніе, что есть же въ исторіи такіе образцы и

что, если они гибнутъ сами, то дѣло ихъ выигрывается, освѣжаетъ душу отъ духоты обыденной суеты, очищаетъ ее отъ нагара окружающей пошлости.

Да, *сознаніе*, а не простая вѣра. Если на примѣрѣ Жанны историческая наука рѣшительнѣе всего устраняетъ чудесное изъ жизни человѣчества, то, лишая насъ одного изъ источниковъ поэзіи, она даруетъ намъ болѣе цѣнное возмездіе. Она замѣняетъ сказки поэзіей дѣйствительности: исполинскія событія, событія-перевороты, обыкновенно превосходятъ вымыселъ величіемъ и драматизмомъ, что̀ очевидно уже изъ жизни Жанны. А главное, историческая правда вселяетъ въ насъ мужественную увѣренность въ нашихъ собственныхъ силахъ, надежду на побѣду въ борьбѣ съ природой и обстоятельствами. Хитрый доминиканецъ хотѣлъ поддѣть Жанну такою коварной схоластикой: „Если Богъ всемогущъ, то зачѣмъ же понадобились воины?“ Здравый смыслъ и человѣческое достоинство отвѣчали устами Дѣвы: „*Онъ* помогаетъ тому, кто самъ себѣ помогаетъ“... Береженаго Богъ бережетъ!

Мы готовы видѣть даже не случайность въ томъ, что теперь, какъ покажемъ ниже, снова всплываетъ изъ глубины воспоминаній человѣчества милый, свѣтлый обликъ Жанны. Послѣ всякой лжи и человѣконенавистничества, отличавшихъ „конецъ вѣка“, послѣ бисмаркизма, буланжизма, юдофобства, изувѣрства, такъ кстати освятить „начало вѣка“ воплощеніемъ христіанской любви и правды, вспомнить то *сострадапіе*, которымъ проникнуты и высшія созданія поэзіи—„Божественная комедія“ Данта и человѣческая трагедія Шекспира...

Оттого-то каждое воспоминаніе о Жаннѣ полно смысла, общечеловѣческаго значенія. Схоластики и король сгубили Жанну. Они раскаялись скоро. Карлъ VII увидѣлъ, что не усидѣть ему на тронѣ, дарованномъ „вѣдьмой“; папа понялъ, что любовь къ „мученицѣ“—плохая опора престолу св. Петра. И въ 1450 году совершился знаменитый Судъ Возстановленія чести Орлеанской Дѣвы,—вѣрнѣе, чести націи и человѣчества. Этотъ судъ тянулся щесть лѣтъ, но зато онъ собралъ

много драгоцѣнныхъ данныхъ для историковъ. Тогда же въ Руанѣ явился первый казенный памятникъ Жаннѣ. Четыре съ половиной вѣка спустя, когда французамъ пришлось опять каяться, обѣляться послѣ грязи лжепатріотизма и плутней „панамъ“, въ годъ дѣла Дрейфуса (1894), снова взялись за Жанну. Епископу орлеанскому Дюпанлу удалось уговорить папу сопричислить Дѣву, если не къ лику святыхъ, то къ сонму „блаженныхъ“ (беатификація).

VIII. Книги о Жаннѣ и Маркъ Твэнъ.

Согласно съ задачей нашего изданія, мы видимъ въ историческомъ романѣ главное орудіе для пробужденія серьезнаго интереса къ исторіи въ широкомъ кругу читателей. Тѣмъ охотнѣе мы пойдемъ навстрѣчу пробужденной потребности. Съ этой цѣлью мы будемъ снабжать наши книжки романовъ не одними пояснительными введеніями и примѣчаніями, соотвѣтственно съ нынѣшнимъ состояніемъ науки: нашей лучшей наградой была бы неудовлетворенность читателей. Поэтому для тѣхъ изъ нихъ, которые пожелали бы углубиться въ предметъ, мы будемъ давать краткій обзоръ его обработокъ до насъ, причемъ будемъ знакомить и съ авторами нашихъ книжекъ. Мы готовы также, не забывая отраднаго профессорскаго долга, служить читателямъ лично, отвѣчая на вызываемые нашими изданіями вопросы *).

Библіографія или исторія книгъ о Жаннѣ конечно обширна. Этимъ благодарнымъ предметомъ овладѣла поэзія всѣхъ странъ и оттѣнковъ, отъ цинизма Вольтера и риторства Ламартина до потрясающей идиліи Шиллера, извѣстной у насъ въ передачѣ Жуковскаго. Прозаическихъ работъ о Жаннѣ съ самаго начала было множество всюду, особенно во Франціи; но все, что̀ было писано до половины 19-го вѣка стало негоднымъ хламомъ съ тѣхъ поръ, какъ появился, съ помощью Французскаго Историческаго Обще-

*) Просимъ обращаться къ намъ съ этими вопросами по слѣдующему адресу: *Петербургъ. Картографическое заведеніе А. Ильина.*

ства, знаменитый трудъ Кишера́ *). Тутъ мы видимъ всѣ документы судовъ (протоколы допросовъ), разныя письма (8 самой Жанны), дѣловыя бумаги, счеты, наконецъ свидѣтельства близкихъ лѣтописцевъ Франціи и другихъ странъ. Благодаря этому образцовому труду истиннаго ученаго и патріота, никому такъ не посчастливилось въ исторической наукѣ, какъ злополучной Жаннѣ. Твэна до того поразило это явленіе, которое конечно отчасти натолкнуло его и на выборъ предмета, что онъ предпослалъ своему роману замѣчаніе, подъ названіемъ *Особенность исторіи Жанны д'Аркъ*. Вотъ оно:

Подробности жизни Жанны д'Аркъ образуютъ единственную въ своемъ родѣ біографію въ одномъ отношеніи: *это—единственная исторія человѣческой жизни, дошедшая до насъ подъ присягой*, со свидѣтельствомъ очевидцевъ. Правительственные протоколы Великаго Суда 1431 года и Суда Возстановленія, происходившаго четверть столѣтія спустя, и сейчасъ хранятся въ Національномъ Архивѣ Франціи; а они съ замѣчательной полнотой сообщаютъ данныя объ ея жизни. Нѣтъ ни одного жизнеописанія того отдаленнаго времени, которое обладало бы свѣдѣніями такой достовѣрности и обширности.

Послѣ Кишера̀ трудно было появиться новымъ источникамъ равной силы. Но онъ далъ толчекъ къ дѣльной литературѣ предмета, которая создала изъ Жанны одно изъ самыхъ ясныхъ явленій въ исторіи. Конечно, тутъ первенство остается за французами, которымъ принадлежатъ, кромѣ многихъ мелкихъ монографій, лучшія исторіи Жанны **). Затѣмъ не мало добросовѣстнаго труда приложили нѣмцы, и подконецъ

---

*) *Quicherat*· Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc. 1841—1849. 5 томовъ. Замѣтимъ, что *O'Reilly* (Les deux procès de J. d'Arc. 1868) перевелъ на французскій языкъ латинскіе тексты, встрѣчающіеся у Кишера. Значеніе труда Кишера видно уже изъ того, что Шиллеръ написалъ свою „Jungfrau von Orlean" на основаніи лишь немногихъ бумагъ ея суда, изданныхъ въ Парижѣ въ 1790 году.

**) *Henri Martin*, въ VI томѣ своей извѣстной Histoire de France 1862.— *Vallet de Viriville:* Procès de condamnation de J. d'Arc. 1867.— *Wallon*: J. d'Arc. 1873, съ прекрасными рисунками. Въ 1894 г. фран-

англичане съ американцами, а отчасти и русскіе *). Изящная словесность также пошла по новому пути послѣ Кишера. Съ половины 19-го вѣка историческій романъ вообще переходитъ на почву дѣйствительности, научности. Но относительно Жанны очевидно прямое вліяніе изданія Кишера. Въ 1853 году появился романъ Эжена Сю „Жанна-дѣвственница", прямо вызванный новыми документами, основанный на нихъ. Авторъ почти все время говоритъ словами современниковъ. Богатство источниковъ увлекло его до того, что онъ ведетъ разсказъ о „страстяхъ" Жанны отъ имени очевидца, столѣтняго стряпчаго Магье. Наконецъ, въ 1895 г. появился романъ Марка *Твэна*.

Къ счастью, намъ легко познакомить читателей съ Твэномъ по самымъ свѣжимъ даннымъ. „Американская издательская Компанія" (Hartford, Connecticut) только-что доставила намъ свой циркуляръ о полномъ изданіи сочиненій Клеменса, въ 22-хъ томахъ, съ рисунками и статьей проф. Матью объ авторѣ. Въ циркулярѣ находимъ слѣдующую біографійку, конечно просмотрѣнную (если не написанную) самимъ Твэномъ.

цузское правительство разсылало новое (7-ое) изданіе этого сочиненія по русскимъ школамъ.—*Luce:* J. à Domremy. 1886. Это—трудъ даровитаго, безвременно умершаго историка, которому принадлежитъ и хорошая исторія жакріи. — *Michelet:* J. d'Arc. 6-е изд. въ 1889 г.—*Sorel:* La prise de J. d'Arc devant Compiègne, 1889.—*Fabre:* J. d'Arc, liberatrice de la France. 1892.

*) Надъ исторіей Жанны работали лучшіе нѣмецкіе историки: Pauli, Sickel, Hase (Neue Propheten). Интересно по обзору всей литературы предмета новѣйшее сочиненіе *Mahrenholtz'a:* J. d'Arc in Geschichte, Legende, Dichtung, 1890. На англійскомъ языкѣ болѣе цѣнные труды издали lord Gower, Janet Tuckey и O'Hagan. На русскомъ языкѣ Жанна появлялась только въ общихъ историческихъ очеркахъ. Но недавно вышли сочиненія Ковалевскато и Драгомирова, на которыя мы указывали выше. Въ 1895 г. издано сочиненіе Дементьевой, для взрослаго юношества. Въ 1897 г. А. Суворинъ издалъ прекрасный переводъ романа Твэна, къ сожалѣнію, съ выпусками тамъ, гдѣ ярко проявляется своеобразный талантъ американскаго автора. Журналъ „Дѣтскій Отдыхъ" обѣщаетъ дать переводъ „Жанны" въ 1902 году.

Самуилъ Лангторнъ Клеменсъ родился 30 ноября 1835 г., во Флоридѣ, въ Миссури. Подобно Франклину, онъ познакомился съ литературой въ качествѣ наборщика. Въ 12 лѣтъ, потерявши отца, онъ поступилъ, на родинѣ, въ типографію одной газетки. 17-ти лѣтъ сталъ лоцманомъ на Миссисипи. Плавая по рѣкѣ, онъ издалъ пару сатирическихъ писемъ за подписью *Маркъ Твэнъ*,—имя, заимствованное отъ возгласа бросающаго лотъ: „Отмѣчай три, два" (mark twain, т. е. two — двѣ сажени) и т. д. Послѣ краткой службы въ войну за освобожденіе невольниковъ, Твэнъ попробовалъ золотоискательства въ Невадѣ. Но не удалось „заграбастать" — и онъ „сдрейфовалъ" въ журналистику. Вскорѣ всѣмъ любителямъ газетнаго юмора стало извѣстно имя Твэна. Въ 1867 г. онъ присталъ къ компаніи тѣхъ путешественниковъ, которыхъ называютъ теперь „средиземными". Его еженедѣльныя письма въ журналы послужили основаніемъ „Невинныхъ заграницей"—книги, которая тотчасъ же доставила автору славу и деньги. Затѣмъ Твэнъ выступаетъ публичнымъ лекторомъ и пріобрѣтаетъ извѣстность одного изъ самыхъ сильныхъ ораторовъ-художниковъ. Но онъ все еще считалъ себя журналистомъ: промѣнявъ западъ на востокъ, онъ сталъ издателемъ „Buffalo Express", участвуя въ дѣлѣ и своими деньгами. Въ 1870 г. онъ женился и совсѣмъ поселился въ Гартфордѣ. Въ 1885-мъ Твэнъ принялъ участіе въ основаніи издательскаго дома „Вебстеръ и К°". Сначала дѣло процвѣтало: выпустивъ „Воспоминанія Гранта", издатели уплатили вдовѣ этого генерала вознагражденіе, безпримѣрное въ лѣтописяхъ издательскаго дѣла—350.000 шиллин. (болѣе 200.000 р.) Но потомъ настали тяжелыя времена. Домъ Вебстера рухнулъ, какъ случилось и съ Вальтеромъ Скоттомъ. Твэну было за 60, когда на него вдругъ обрушился долгъ, какъ было и съ авторомъ „Вавер-лея". И какъ тотъ, онъ выдержалъ испытаніе мужественно: хотя онъ заболѣлъ, однако отклонилъ предложеніе заимодавцевъ довольствоваться 50%, полагаясь на свои сочиненія и лекціи. И Твэнъ уплатилъ долги сполна.

Немудрено. Вѣдь, Твэна многіе называютъ „величайшимъ юмористомъ въ мірѣ", а американцы—„величайшимъ изъ живущихъ теперь" своихъ авторовъ. А Стидъ, издатель „Review of Reviews" сказалъ: „Я отвожу Марку Твэну первое мѣсто среди благодѣтелей міра". Произведенія Твэна издавались много разъ и переведены на разные языки; его читатели числятся милліонами. Одно изъ менѣе извѣстныхъ его сочиненій было распродано, еще въ 1872 г., въ сотнѣ

тысячъ экземпляровъ въ 9 мѣсяцевъ. Нѣкоторые его романы успѣшно передѣланы для сцены.

Слишкомъ лестныя слова Стида вызваны, конечно, не одной художественностью юмора, который иногда впадаетъ въ шутовство цирка. Міровое значеніе Твэна, какъ и его земляка, Бретъ-Гарта, въ томъ, что въ каждой его строчкѣ свѣтится чистая природа, любящая свѣжая душа американскаго демократа, въ лучшемъ значеніи этого слова. Эта душа знакома всему свѣту по той дѣтской простотѣ, по тому глубокому состраданію къ униженнымъ и оскорбленнымъ, которыми проникнуты „Принцъ и нищій“ (The prince and the pauper, 1881). Затѣмъ они ярче всего проявились въ *Жаннѣ*. Здѣсь насъ поражаетъ многосторонность этой богато-одаренной натуры. Завзятый юмористъ взялъ самый высокій, правдивый, простой тонъ, который служитъ основой всей трогательной симфоніи, начиная съ такой благородной прелюдіи, какъ предисловіе, которое мы назвали „Къ читателю отъ Марка Твэна“.

Юмористъ только не могъ выдержать. Какъ у Диккенса и Шекспира, какъ въ самой жизни, у него, рядомъ съ страшными громами органа слышится иногда балалайка съ Комаринской. Но балалайка на этотъ разъ вполнѣ художественная. Шутовская фигура Паладина, намъ кажется, не забудется, какъ одинъ изъ наиболѣе удачныхъ типовъ нашего автора. Но Твэнъ не думаетъ шутить надъ читателемъ. Онъ какъ бы извиняется передъ нимъ, такъ заканчивая замѣтку объ *Особенности исторіи Жанны*: „Въ своихъ „Личныхъ Воспоминаніяхъ“, сьёръ Люи де-Контъ достовѣренъ во всемъ, что̀ относится къ этой казенной исторіи: тутъ его правдивость безупречна. Что же касается множества добавочныхъ мелочей, то здѣсь должно полагаться лишь на его слово“.

Этотъ сьёръ Контъ—тотъ же стряпчій Магье Эжена Сю (вообще, кажется, повліявшаго на Твэна), только несравненно болѣе удачный. Это—второе вымышленное лицо романа, но, подобно Паладину, глубоко задуманное и выдержанное. А

съ нимъ не легко было справиться художнику. Сьёръ Контъ—такая же деревенщина, какъ вся военная „семья“ Жанны; но онъ, какъ человѣкъ „письменный“, чуть-чуть поднялся надъ нею. Если мы не ошибаемся, авторъ хотѣлъ показать въ его лицѣ, какъ, даже въ глуши, „недавно измышленный способъ тисненія“, совпавшій съ Возрожденіемъ, затрагивалъ человѣка переходной поры. Нашъ сьёръ уже пытается подпускать реформаціонное „свободное изслѣдованіе“ къ области чудеснаго, но чуть-чуть, съ оглядкой. Это искусно выведено въ его разсужденіяхъ по поводу дракона и пытокъ (стр. 7). Какъ это напоминаетъ подроставшаго тогда Лютера, который боролся съ папскими „преданіями“, съ чудесами и святыми и—пускалъ чернильницей въ чорта! Отъ имени такого-то лица Твэнъ ведетъ свой разсказъ. Заглавіе его романа (длинное, въ духѣ эпохи) гласитъ: „Личныя Воспоминанія о Жаннѣ д'Аркъ сьёра Люи де-Конта (ея пажа и секретаря). Вольный переводъ съ древне-французскаго на современный англійскій Жана Франсуа Альдена, сдѣланный съ неизданной рукописи Національнаго Архива Франціи. Изданіе Марка Твэна“.

Обращаемъ вниманіе читателя на этотъ литературный пріемъ. Мы видѣли, какъ естественно возникъ онъ у Эжена Сю, подъ вліяніемъ такой силы, какъ документы Кишера̀ (его Магье играетъ болѣе видную роль въ судахъ надъ Жанной, чѣмъ Контъ). Но любопытно, что въ наше время этотъ пріемъ начинаетъ укореняться. Мирбо (въ своемъ „Journal d'une femme de chambre“), Пембертонъ (въ „Pro Patria“), анонимъ романа „An Englishwoman's love letters“ пресерьезно убѣждаютъ, что они—только „издатели“ найденныхъ ими или завѣщанныхъ имъ записокъ. Такихъ примѣровъ уже не мало. Мы ожидаемъ укорененія такого пріема особенно въ историческомъ романѣ, при его новомъ, научномъ, реальномъ направленіи,—и привѣтствуемъ его. Вѣдь, онъ требуетъ глубокаго изученія предмета. Только знатокъ источниковъ можетъ „перевоплотить“ минувшее время въ лицѣ героя, который думаетъ, чувствуетъ, даже говоритъ, какъ въ старину.

Такимъ и оказался Твэнъ. „Для удостовѣренія въ справедливости этого разсказа“, онъ приводитъ списокъ большей части указанныхъ нами французскихъ и англійскихъ книгъ (онъ не долюбливаетъ нѣмецкаго языка, который былъ недавно осмѣянъ имъ потѣшно). И, за немногими исключеніями, Твэнъ справился съ своей трудной задачей: онъ выдержалъ и тонъ, и даже языкъ товарищей Жанны *). Оттого просимъ снисхожденія у читателя за переводъ: намъ часто приходилось умышленно воздерживаться отъ желанія передавать „Жанну“ Твэна вполнѣ современнымъ языкомъ, столь далекимъ отъ эпичности сьёра де-Конта.

Намъ нечего опасаться критики именно „величайшаго юмориста“: онъ не знаетъ русскаго языка. А, говорятъ, скоро мы увидимъ его лично, у насъ дома. О, еслибъ онъ выучился по-русски, чтобы понять изъ всей нашей книжки только слѣдующія слова: „Пусть наша *Жанна* послужитъ Марку Твэну однимъ изъ доказательствъ того, что въ Россіи умѣютъ цѣнить таланты и любить честныя возвышенныя души!“

А. Трачевскій.

С.-Петербургъ. 21 октября 1901 г.

---

*) Твэнъ снабдилъ свой романъ и научными примѣчаніями,— пріемъ, который также, къ счастью, начинаетъ распространяться теперь у авторовъ историческихъ романовъ. Примѣчанія Твэна помѣщены нами, чтобы не загромождать самаго разсказа, въ концѣ книжки, вмѣстѣ съ нашими собственными: они отмѣчены буквами *Тв.*

Къ читателю отъ Марка Твэна.

Мы можемъ положить вѣрную оцѣнку славнымъ людямъ, лишь становясь на точку зрѣнія ихъ времени, а не нашихъ дней. Уже на разстояніи одного столѣтія благороднѣйшія личности теряютъ много изъ своего блеска; а съ нынѣшней точки зрѣнія, пожалуй, ни одна знаменитость за послѣдніе четыре-пять вѣковъ не выдержитъ всесторонняго испытанія. Одна Жанна д'Аркъ не такова. Какое бы поколѣніе ни судило ее, ей нечего опасаться приговора. Пусть судитъ ее любой вѣкъ, пусть судятъ всѣ вѣка: она всегда останется безъ пятнышка, какъ образецъ совершенства; она всегда сохранитъ за собой самое высокое изъ доступныхъ человѣку мѣстъ, котораго не достигалъ ни одинъ простой смертный.

Вспомните все звѣрство, всю преступность и испорченность вѣка Жанны, напоминавшаго самыя мрачныя времена въ исторіи,— и васъ поразитъ чудо такого плода на такой почвѣ. Между нею и ея вѣкомъ — такая же разница, какъ между днемъ и ночью.

Жанна была правдива, когда ложь была обыденной рѣчью. Она была цѣломудрена, когда цѣломудріе сдѣлалось утраченной добродѣтелью. Она держала свое слово, когда никто и не ожидалъ встрѣтить человѣка, исполняющаго свои обѣщанія. Она посвятила свой великій умъ великимъ мыслямъ и намѣреніямъ, когда другіе великіе умы тратились на красивыя мечтанія да на жалкое тщеславіе. Она была скромна,

изящна, щепетильна, когда, можно сказать, всѣ были крикливы и аляповаты. Она была полна милосердія, когда безжалостная жестокость были правиломъ жизни. Она была непреклонна, когда постоянство было невѣдомо людямъ, и благородна, когда люди забыли, что́ такое благородство. Она была скалой убѣжденности, когда никто ничему не вѣрилъ и всѣ надъ всѣмъ насмѣхались. Она была искренна въ вѣкъ лицемѣрія, проникавшаго до мозга костей. Она сохраняла несравненное личное достоинство въ пору всеобщаго холопства и льстивости. Она была само неустрашимое мужество, когда надежда и мужество покинули сердце народа. Она соблюдала безпорочную чистоту ума и тѣла, когда общество, въ его высшихъ кругахъ, прогнило нравственно и физически.

Такимъ-то всестороннимъ образцомъ была Жанна въ тотъ вѣкъ, когда преступленіе было обычнымъ дѣломъ вельможъ и принцевъ, когда высшіе представители христіанства способны были изумить даже своихъ нечестныхъ современниковъ и привести ихъ въ трепетъ зрѣлищемъ своей гнусной жизни, загрязненной невообразимыми предательствами, рѣзней, звѣрствами.

Быть можетъ, Жанна — даже единственное, извѣстное исторіи, созданіе безъ себялюбія. Ни слѣда, ни намека на самосохраненіе не найдете вы ни въ одномъ ея словѣ, ни въ одномъ поступкѣ. Когда она вырвала короля изъ его праздношатайства и возложила корону на его главу, ей предложили награды и почести: она все отвергла, ей ничего не было нужно! Она пожелала одного только—чтобы король соизволилъ отпустить ее домой, въ деревню, опять пасти свои стада, опять чувствовать объятія матери и помогать ей въ хозяйствѣ. Дальше не шло самолюбіе этого безкорыстнаго генерала побѣдоносныхъ войскъ, этого товарища принцевъ, кумира рукоплещущаго, благодарнаго народа!

Великое дѣло Жанны д'Аркъ смѣло можно поставить наряду съ любымъ изъ занесенныхъ въ исторію подвиговъ, если взять въ разсчетъ окружающія условія и всѣ препят-

ствія, а также средства, бывшія у нея въ распоряженіи. Цезарь—великій завоеватель; но, вѣдь, у него были вышколенные старые служаки Рима, на которыхъ можно было положиться; да и самъ онъ былъ опытный воинъ. Наполеонъ смелъ вымуштрованныя арміи Европы; но онъ самъ былъ тертый калачъ на военномъ поприщѣ. И онъ началъ свое дѣло съ патріотическими батальонами, одушевленными новымъ чудотворнымъ дыханіемъ Свободы, вѣявшимъ отъ революціи. То были рьяные молодые новички на блестящемъ поприщѣ войны, а не эти старые, разбитые служивые, съ разочарованными сердцами, пережившіе, въ теченіе цѣлаго поколѣнія, кучу одинаковыхъ пораженій.

А что было у Жанны д'Аркъ, у этого ребенка, у этой неученой, безграмотной, жалкой деревенской дѣвушки, лишенной всякаго воспитанія? Что было предъ нею? Великая нація въ цѣпяхъ, подъ чуждымъ владычествомъ, безпомощная и безнадежная; пустая казна; разсѣянныя, потерявшія мужество войска; окаменѣлыя отъ страха сердца народа, забитаго внѣшними ударами и внутреннимъ гнетомъ; наконецъ, трусишка-король, отдавшійся на произволъ судьбы, готовый бѣжать изъ своей страны! Жанна распростерла свою руку надъ этимъ народомъ, надъ этимъ трупомъ,—и онъ воспрянулъ, онъ пошелъ за ней. Она повела его отъ побѣды къ побѣдѣ; она перевернула ходъ Столѣтней войны и роковымъ образомъ изувѣчила англійскую мощь. И умерла она съ заслуженнымъ именемъ *Освободительницы Франціи*,—именемъ, которое она носитъ и сейчасъ.

Въ награду за все, коронованный ею король Франціи стоялъ неподвижно, равнодушно въ то время, какъ французское духовенство схватило и сожгло живою на кострѣ это благородное, самое невинное, самое милое, самое очаровательное дитя на свѣтѣ,—Жанну д'Аркъ...

КНИГА ПЕРВАЯ.

Сьёръ Люи де-Контъ

СВОИМЪ ПРА-ПРА-ПРА-ПЛЕМЯННИКАМЪ И ПЛЕМЯННИЦАМЪ.

ГЛАВА I.

Писецъ Жанны.

Годъ 1492-й. Мнѣ 82 года. Я самъ видѣлъ все, что разскажу теперь, когда былъ мальчикомъ и юношей. Обо мнѣ, господинѣ Люи де-Контѣ, упоминается во всѣхъ, вѣдомыхъ вамъ и остальному міру, повѣстяхъ, пѣсняхъ и исторіяхъ про Жанну д'Аркъ, а также во всѣхъ, изученныхъ вами книгахъ, сработанныхъ по недавно измышленному способу тисненія. Я былъ ея оруженосцемъ и писцомъ. Я былъ при ней съ начала до конца.

Я выросъ въ одной деревнѣ съ нею. Я каждый день игралъ съ ней, когда мы оба были дѣтишками,—вотъ какъ вы играете съ вашими товарищами. Теперь, когда мы видимъ, какъ велика была она, когда весь міръ наполненъ ея именемъ, какъ-то странно повѣрить моимъ словамъ. Все равно, какъ еслибъ жалкая тлѣнная свѣчка вздумала говорить о вѣчномъ солнцѣ, ходящемъ по небу, и сказала-бы: «мы вмѣстѣ болтали и жили товарищами, когда были свѣчками».

А, право-слово, оно было, именно такъ, какъ я говорю. Я былъ товарищемъ ея игръ и сражался рядомъ съ ней въ битвахъ. Въ моей памяти и сейчасъ ясно, точно рисуется эта дорогая фигурка. Припавши грудью къ шеѣ несущагося коня, нападаетъ она на врага, во главѣ французскихъ армій. Ея волосы откинуты назадъ. Серебряная кольчуга упорно погружается все глубже въ чащу битвы; иногда ее почти не видать за качающимися головами коней, за поднятыми мечами, трепещущими перьями и щитами, перехватывающими удары! Я былъ при ней до конца. И она коснулась моей руки въ послѣдній разъ въ тотъ черный день, который будетъ вѣчно лежать обвинительной тѣнью на памяти ея убійцъ,—этихъ

французовъ въ митрахъ, служившихъ рабами Англіи,—и на всей Франціи, которая стояла, сложа руки, и не пыталась спасти ее.

Годы, десятки лѣтъ уплывали въ вѣчность. Зрѣлище дивнаго ребенка, что̀ пролетѣлъ метеоромъ по боевой тверди Франціи и погасъ въ дыму костра, все глубже утопало въ прошломъ, казалось все болѣе страннымъ и чудеснымъ, божественнымъ и потрясающимъ. И я понялъ ее, наконецъ: я призналъ, что то была самая благородная жизнь, какая только рождалась на землѣ, кромѣ лишь еще Одного.

ГЛАВА II.

Семья Жанны.

Я, *сьёръ* (1) *Люи де-Контъ*, родился въ Нёшато̀ (2), 6-го января 1410 года, т. е. ровно за два года до рожденія Жанны д'Аркъ въ Домреми (3). Моя семья бѣжала въ эту даль изъ окрестностей Парижа въ началѣ вѣка. По политикѣ, они были арманьяками (4)—патріотами: они стояли за нашего собственнаго, французскаго короля, какъ ни былъ онъ безуменъ и немощенъ. Бургундцы—партія, стоявшая за англичанъ, — ограбили ихъ знатно. Они отняли у нихъ все, кромѣ жалкаго дворянства моего отца: онъ добрался до Нёшато голъ, какъ соколъ, и съ разбитымъ сердцемъ.

Ничего не подѣлаешь! Отецъ дышалъ политикой: а это была штука! Онъ прибылъ въ сравнительно покойное мѣсто. А за нимъ оставалась страна, кишѣвшая фуріями, сумасшедшими, дьяволами: тамъ убійство было обычнымъ времяпровожденіемъ; и никто ни на минуту не былъ увѣренъ въ своей жизни. Въ Парижѣ шайки черни ревѣли, по ночамъ, на улицахъ, непрестанно грабя, поджигая, убивая: и никто не мѣшалъ имъ. Солнце подымалось надъ разрушенными, дымящимися зданіями и надъ изуродованными трупами, которые валялись всюду по улицамъ такъ, какъ свалились убитые, и были оголены грабителями, этими нечестивыми хвостами толпы. Никто не смѣлъ подбирать мертвыхъ для погребенія: они гнили тутъ, чтобъ дѣлать заразу.

И сдѣлалась зараза. Народъ валился, какъ мухи. Хоронили тайкомъ, по ночамъ. Открытыя погребенія не допускались: вѣдь, узнай народъ силу заразы—и онъ обезсилитъ, впадетъ въ отчаяніе. А

тутъ пришла еще такая лютая зима, какая не посѣщала Францію уже лѣтъ пятьсотъ. Голодъ, моръ, убійства, ледъ, снѣгъ—все это испыталъ Парижъ заразъ. Трупы лежали кучами по улицамъ; и *волки днемъ рыскали по городу и пожирали ихъ* (5).

Ахъ, Франція, какъ она глубоко, глубоко пала! Ужъ больше трехъ четвертей вѣка (6), какъ когти англичанина вонзились въ ея тѣло. И вѣчныя пораженія, неудачи до того запугали ея рати, что говорили и вѣрили, будто онѣ разбѣгались при одномъ видѣ англійскаго воинства.

Когда мнѣ было пять годковъ, надъ Франціей разразилось страшное бѣдствіе подъ Азенкуромъ (7). И хотя англійскій король воротился домой наслаждаться своей славой, онъ оставилъ истощенную страну въ добычу бродячимъ шайкамъ Вольныхъ Товарищей (8), что̀ были на службѣ у бургундцевъ. Однажды ночью, такая шайка пронеслась по Нёшато: и при свѣтѣ нашихъ пылавшихъ соломенныхъ крышъ, я видѣлъ, какъ перебили все дорогое моему сердцу—кромѣ старшаго брата, вашего прародителя, который былъ позади, со дворомъ. И слышалъ я, какъ кровопійцы отвѣчали на ихъ жалобы о пощадѣ хохотомъ и издѣвательствомъ. Меня не замѣтили: я ускользнулъ невредимо. Когда дикари ушли, я выползъ и проплакалъ всю ночь, карауля горящіе дома. И былъ я одинъ-одинешенекъ, въ товариществѣ мертвецовъ да раненыхъ: всѣ разбѣжались и попрятались.

Меня послали въ Домреми, къ попу. Его ключница стала мнѣ замѣсто любящей матери. Попъ же мало-по-малу научилъ меня читать-писать. Онъ да я, мы одни изъ всей деревни прошли эту учебу.

Мнѣ было шесть годковъ, когда домъ этого добраго попа, Гильома Фронта, сталъ моимъ кровомъ. Мы жили у самой деревенской церкви, а садикъ родителей Жанны былъ за церковью. Въ этой семьѣ были: Жакъ д'Аркъ, отецъ, его жена, Изабелла Ромэ, три сына—Жакъ десяти лѣтъ, Пьеръ—восьми и Жанъ—семи, Жанна четырехъ лѣтъ и ея сестра Катерина—годовалый ребенокъ. Эти дѣти съ самаго начала сдѣлались товарищами моихъ игръ. Были у меня и другіе товарищи, въ особенности же четыре мальчика— Пьеръ Морель, Этьенъ Розъ, Ноэль Рэнгессонъ и Эдмондъ Обрэ,

отецъ котораго былъ тогда мэромъ (9). Были еще двѣ дѣвочки, почти сверстницы Жанны: онѣ мало-по-малу стали ея любимицами. Одну звали Ометой, другую—маленькой Манжетой. То были простыя крестьянскія дѣти, какъ и сама Жанна. Когда онѣ выросли, обѣ вышли замужъ за простыхъ землепашцевъ. Видите, ихъ положеніе было вовсе невысокое; но пришла пора, много лѣтъ спустя, когда не было странника—какъ бы ни былъ онъ великъ—который не пришелъ бы съ почтеніемъ къ этимъ двумъ старушкамъ: вѣдь, въ своей юности, онѣ удостоились дружбы Жанны д'Аркъ!

Все это были хорошія дѣти—какъ разъ обычнаго крестьянскаго вида: не блестящія—этого вы и не ожидали!—но добросердечныя, общительныя, послушныя своимъ родителямъ и попу. Росли они, а въ нихъ укоренялись узкія понятія и предразсудки ихъ родителей, которые они принимали безпрекословно, ну и безъ разбора—это само собой разумѣется. И религія, и политика—все было у нихъ унаслѣдованное. Пусть себѣ Янъ Гусъ (10) и ему подобные клеймятъ церковь: въ Домреми ни у кого не колебалась вѣра отъ этого. Когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, насталъ расколъ, и у насъ оказалось разомъ трое папъ (11): въ Домреми никто не мучился выборомъ; римскій папа—настоящій, а внѣ-римскій—совсѣмъ не папа. Всякая живая тварь въ деревнѣ была арманьякомъ, т. е. патріотомъ. И если мы, дѣти, ненавидѣли что-нибудь на свѣтѣ страстно, такъ это—англичанина и бургундца и ихъ политику.

ГЛАВА III.

Древо Фей.

Нашъ Домреми былъ—какъ и всякая другая убогая деревушка въ ту отдаленную пору въ томъ глухомъ краю. То была сѣть кривыхъ, узенькихъ уличекъ и переулочковъ, осѣняемыхъ свислыми соломенными крышами избъ, похожихъ на риги. Избы скупо освѣщались оконцами съ деревянными ставнями, т. е. дырами въ стѣнахъ, исправлявшими должность оконъ. Полы въ нихъ были земляные; обстановки очень мало. Главнымъ промысломъ были овцы да пасущійся скотъ. Вся молодежь была пастухами.

Мѣстоположеніе было прелестное. На одномъ углу деревни цвѣтущая равнина разстилалась полукругомъ къ рѣкѣ Мёзѣ (12). Съ другого конца постепенно возвышался травянистый скатъ; а на его вершинѣ виднѣлся большой дубовый лѣсъ—глубокій, дремучій, густой лѣсъ. Этотъ лѣсъ особенно занималъ насъ, дѣтей: тамъ встарину разбойники совершили много убійствъ; и еще недавно водились тутъ чудовищные драконы, извергавшіе изъ ноздрей пламя и ядовитые пары. Да одинъ изъ нихъ, взаправду, жилъ тамъ еще въ наше время. Онъ былъ ростомъ съ дерево, толщиной съ бочку. Чешуя у него была словно большія черепицы на крышѣ, а глубокіе красные глаза—такіе широкіе, какъ шляпы конницы. И была у него на хвостѣ якорь-лапа — толстая, какъ не знаю что, необычайная даже для дракона, какъ говорятъ знающіе драконовъ. Думаютъ, что этотъ драконъ былъ свѣтлоголубой, съ золотыми крапинками; но никто не видалъ этого: стало быть, это—не быль, а только мнѣніе.

Мое мнѣніе было иное. По мнѣ, нѣтъ смысла составлять себѣ какое-либо мнѣніе безъ очевиднаго основанія. Сдѣлайте человѣка безъ костей: онъ будетъ недуренъ на видъ, но будетъ слабъ, неустойчивъ; а по мнѣ, *очевидность*—кости мнѣнія. Впрочемъ я намѣренъ поговорить объ этомъ предметѣ подробнѣе въ другой разъ: тогда постараюсь выяснить справедливость моей мысли. Что же касается этого дракона, я всегда полагалъ, что цвѣтъ его былъ золотой, безъ голубизны, ибо драконы всегда были такіе. А что этотъ драконъ залегалъ одно время недалеко въ лѣсу, это доказано тѣмъ обстоятельствомъ, что однажды Пьеръ Морель былъ тамъ и вынюхивалъ: онъ узналъ его по запаху. Страшно подумать, какъ близко отъ тебя можетъ быть смертельная опасность, а ты и не подозрѣваешь!

Встарину сотни рыцарей изъ разныхъ дальнихъ странъ земли собирались бы здѣсь, другъ за дружкой, чтобы убить дракона и получить награду; въ наше же время этотъ способъ вышелъ изъ употребленія: теперь только попъ истребляетъ драконовъ. Такъ и сдѣлалъ, на этотъ разъ, отецъ Гильомъ Фронтъ. Онъ устроилъ крестный ходъ со свѣчами, съ ладаномъ и хоругвями, и обошелъ опушку лѣса, и заклялъ дракона (13). И съ тѣхъ поръ не слышно о дра-

конѣ, хотя многіе думали, что запахъ никогда не проходилъ совсѣмъ. Правда, никто не вынюхивалъ ни разу: это—только мнѣніе, какъ и вышерѣченное; вы видите, ему недостаетъ костей. Я знаю, что до изгнанія тварь была тамъ; а осталась ли она потомъ или нѣтъ—этого не могу утверждать положительно.

На возвышенности, у Вокулёра (14), на красивомъ открытомъ мѣстѣ, устланномъ коврами зелени, стоялъ величавый букъ, который широко раскидывалъ свои вѣтви и давалъ большую тѣнь, а подлѣ билъ прозрачный ключъ холодной воды. Издавна—о, больше пяти вѣковъ!—каждое лѣто приходили сюда дѣти. По цѣлымъ часамъ пѣли они и плясали вокругъ дерева, освѣжаясь по временамъ у ключа. Это было такъ мило и забавно! Дѣлали они тоже вѣнки изъ цвѣтовъ, вѣшали ихъ на дерево и вокругъ ключа—чтобъ угодить феямъ (15), которыя обитали тамъ. Феи-то, сами досужія, невинныя созданьица, любили все нѣжнее, милое, вродѣ дикихъ цвѣтовъ, сплетенныхъ вѣнками.

Въ награду за это вниманіе, феи доставляли дѣтямъ всякія удовольствія, чтò только могли. Онѣ держали ключъ всегда полнымъ, свѣтлымъ, холоднымъ; онѣ прогоняли змѣй и кусачихъ насѣкомыхъ. И такъ цѣлыхъ пятьсотъ лѣтъ—по преданію, даже тысячу лѣтъ!—не было никакой непріятности между феями и дѣтьми: царствовали только горячая любовь да полнѣйшее довѣріе. И когда умирало какое-нибудь дитя, феи печалились какъ разъ такъ, какъ товарищи его игръ. Вотъ доказательство: передъ разсвѣтомъ дня погребенія малютки, онѣ вѣшали вѣночекъ изъ незабудокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ дитя обыкновенно сидѣло подъ деревомъ. Это вѣрно: говорю не по наслышкѣ; я видѣлъ собственными глазами. А знакомъ того, что это было дѣло фей, служило вотъ что: незабудки-то были черныя—изъ цвѣтовъ, какихъ не найдешь нигдѣ во Франціи.

Ну, вотъ, съ незапамятныхъ временъ всѣ дѣти, выросшія въ Домреми, и назывались Дѣтками Древа. И имъ нравилось это прозвище: въ немъ было нѣкое таинственное преимущество, котораго были лишены другія дѣти во всемъ свѣтѣ. А именно. Когда умиралъ одинъ изъ такихъ, надъ смутными, безвидными образами, толпящимися въ его тускнѣющей головѣ, возносилось свѣжее, богатое, милое видѣніе Древа—если только все было ладно съ его душой.

Такъ говорили одни. Другіе говорили, что видѣніе происходило двояко: сначала, какъ предостереженіе, за годъ или за два года до смерти, если душа была плѣнницей грѣха; и тогда Древо являлось въ своемъ печальномъ зимнемъ видѣ; и эту душу поражалъ благоговѣйный страхъ. Если наступало раскаяніе и шла праведная жизнь, видѣніе являлось снова—на этотъ разъ прелестное, въ лѣтнемъ уборѣ. Но если эта душа не преобразилась, видѣнія не было; и она покидала жизнь, зная свой приговоръ. А еще говорили, что видѣніе бываетъ только разъ, и лишь праведнику, умирающему одиноко, въ далекомъ краю, и жалостно тоскующему по чему-нибудь особенно дорогому на родинѣ. А что же имъ дороже картины Древа, которое было баловнемъ ихъ любви, товарищемъ ихъ игръ, утѣшителемъ въ ихъ маленькихъ печаляхъ во всѣ божественные дни ихъ улетѣвшей юности?

Итакъ, были разныя преданія, какъ я сказалъ; одни вѣрили одному, другіе—другому. Одно изъ нихъ вѣрно, какъ мнѣ извѣстно, и именно послѣднее. Не скажу ничего противъ остальныхъ: полагаю, что и они вѣрны; но я *знаю*, что послѣднее было таковымъ. А по мнѣ, кто держится только того, что̀ онъ знаетъ, и не заботится о томъ, въ чемъ не можетъ удостовѣриться, тотъ и понимаетъ лучше: и въ этомъ польза.

Я знаю, что когда Дѣтки Древа умираютъ въ чужедальней сторонѣ, и если они жили въ мирѣ съ Богомъ, то ихъ тоскующіе взоры обращаются къ родинѣ; и, далеко блещущіе, они видятъ, какъ бы сквозь щель въ тучѣ, закутывающей небо, живую картину Древа Фей, погруженнаго въ дремоту золотаго свѣта. Видятъ они цвѣтущій лугъ, ниспадающій къ рѣкѣ; и ихъ замирающія ноздри наполняются тонкимъ, сладкимъ благоуханіемъ разныхъ цвѣтовъ. Затѣмъ видѣніе блекнетъ, проходитъ; но *они*-то, *они* знаютъ. А черезъ ихъ преображенныя лица и вы знаете, вы, наблюдавшіе за ними. Да, вы знаете, что приходило посланіе, и что оно приходило съ небесъ.

Я и Жанна, мы вѣрили равно въ это. Но Пьеръ Морель и Жакъ д'Аркъ, и многіе другіе вѣрили, что видѣніе бываетъ двойное—для грѣшника-то. Да, они и многіе другіе говорили, что *знаютъ* это. Должно быть, это ихъ отцы знали и разсказали имъ: вѣдь, на

этомъ свѣтѣ мы сплошь и рядомъ знаемъ все изъ вторыхъ рукъ. Впрочемъ есть одно обстоятельство, которое дѣлаетъ довольно правдоподобнымъ двойное видѣніе Древа. Съ самыхъ древнихъ временъ, если кто замѣчалъ нашего земляка съ суровымъ, помертвѣлымъ отъ страха лицомъ, то непремѣнно шепталъ сосѣду: «Ахъ, это—грѣшникъ; и онъ получилъ предостереженіе!» А сосѣдъ ужасался и шепталъ въ отвѣтъ: «Да, бѣдняга, онъ видѣлъ Древо».

Такія очевидности имѣютъ свой вѣсъ: ихъ нельзя отстранять мановеніемъ руки. Дѣло, поддержанное сборнымъ опытомъ цѣлыхъ столѣтій, понятно, все болѣе и болѣе становится навѣки доказаннымъ. И если оно все продолжается да продолжается, то въ одинъ прекрасный день станетъ властью; а власть—устойчивая скала, она не пропадетъ.

Въ моей долгой жизни я видѣлъ разные случаи, когда являлось Древо, предвѣщая смерть, которая была еще далека; но все это не были грѣшники. Нѣтъ, тутъ явленіе было особою милостью: вмѣсто того, чтобы откладывать вѣсть объ искупленіи этой души до дня смерти, явленіе сообщало ее гораздо раньше, а вмѣстѣ съ нею давало миръ, котораго уже нельзя было разрушить—вѣчный миръ съ Богомъ. Я самъ, хилый старикъ, жду спокойно: мнѣ было видѣніе Древа. Я видѣлъ его; я доволенъ.

Съ отдаленнѣйшихъ временъ, когда дѣти плясали хороводомъ вокругъ Древа Фей, они всегда пѣли особую пѣсню — *Бурлемонское Древо Фей*. Они пѣли эту красивую, нѣжную пѣсенку-усладительницу, которая всю жизнь жужжала въ моей дремлющей душѣ всякій разъ, когда мнѣ было тяжело и безпокойно: она убаюкивала меня, уносила домой, по ночамъ, черезъ горы и долы. Чужеземцу не понять, не восчувствовать, что̀ такое была эта пѣсенка, въ теченіе вѣковъ, для Дѣтокъ Древа, этихъ бездомныхъ изгнанниковъ, тоскующихъ на той чужбинѣ, гдѣ не знаютъ ни ихъ рѣчи, ни ихъ путей! Вы подумаете, что эта пѣсенка—простая штука, жалкая случайность. Но вспомните, что̀ значила она для насъ, что̀ рисовалось предъ нашими взорами, когда она пролетала по нашей памяти,—и вы уважите ее. И вы поймете, какъ слеза заволакивала наши очи, и все темнѣло передъ нами, и обрывались наши голоса, когда мы доходили до послѣднихъ стиховъ:

И когда мы станемъ. страннички,
Ждать предъ смертію видѣнія,
Встань предъ нашимъ взоромъ, встань!

И запомните, что Жанна д'Аркъ пѣла эту пѣсню съ нами вокругъ Древа, когда была дѣвочкой, и всегда любила ее. А это освящаетъ пѣсню: да, вы должны признать это.

Бурлемонское Древо Фей.

Дѣтская пѣсня.

Отчего ты вѣчно зелено,
Бурлемона Древо Фей?—
Неусыпно берегутъ тебя
Слезки жалостныхъ дѣтей!
Ими листья обмываются:
И за то смягчаешь ты
Ихъ сердечки нѣгой ласкъ.

* * *

Отчего ты такъ возвышенно,
Бурлемона Древо Фей?—
Десять сотъ лѣтъ, какъ ты холишься
Въ теплотѣ любви дѣтей!
Славословьемъ, пѣснью ихнею
Ты питалось, молодилося,
Молодилось—тысьчу лѣтъ!

* * *

Оставайся жъ вѣчно зелено,
Бурлемона Древо Фей!
Мы же будемъ вѣчно юными
При пролетѣ многихъ дней!
И когда мы станемъ, страннички,
Ждать предъ смертію видѣнія,
Встань предъ нашимъ взоромъ, встань!

Феи еще жили здѣсь, когда мы были дѣтьми; только мы никогда не видали ихъ. Это оттого, что лѣтъ за сто передъ тѣмъ попъ изъ Домреми совершилъ подъ Древомъ церковный обрядъ и объявилъ, что феи—въ кровномъ родствѣ съ дьяволомъ, а посему не подлежатъ искупленію. И тутъ онъ приказалъ имъ никогда больше не появляться и не вѣшать незабудокъ, подъ страхомъ вѣчнаго изгнанія изъ этого прихода.

Всѣ дѣти заступились за фей, говорили, что онѣ—ихъ добрые друзья, что онѣ дороги имъ, что онѣ никогда не дѣлали имъ никакого зла. Но попъ не послушалъ ихъ и сказалъ, что грѣшно и стыдно имѣть такихъ друзей.

Дѣти печалились, и нельзя было утѣшить ихъ. И согласились они между собой попрежнему вѣшать вѣнки на Древо, какъ неизмѣнный знакъ феямъ, что они не перестаютъ любить и помнить ихъ, хотя онѣ и ушли изъ виду.

Но потомъ, въ одну ночь, случилось большое несчастье. Мать Эдмонда Обрэ проходила мимо Древа; а феи украдкой плясали, не думая, чтобы случился прохожій. И такъ онѣ были заняты, такъ опьянены и своимъ дикимъ весельемъ, и кубками росы съ медомъ, что ничего не примѣчали. Вотъ госпожа Обрэ стоитъ изумленная, очарованная и смотритъ, какъ чудные комочки, числомъ до трехсотъ, держатся за руки, и въ полномъ самозабвеніи и весельи рѣзвятся хороводомъ, величиной въ половину нашей спальни, то откидываясь назадъ, то выпячивая свои губки для смѣха и пѣсенъ, которыя слышались довольно ясно, то дрыгая ножками на три дюйма отъ земли. Охъ, женщина никогда не видала такой безумной, дьявольской пляски!

Но черезъ минутку—другую несчастныя разгромленныя созданьица замѣтили ее. Они разразились разрывающимъ сердце пискомъ, полнымъ муки и ужаса, и разлетѣлись, кто куда, плача и утирая глаза своими крохотными, вотъ какъ орѣшки, кулачонками. И такъ все исчезло.

Безсердечная женщина (нѣтъ, глупая: сердце-то было у нея, ума не было) прямо прибѣжала домой и все разсказала сосѣдямъ; а мы, маленькіе друзья фей, спали, не подозрѣвая стрясшейся надъ нами бѣды и не думая вскочить, чтобы остановить эти роковые языки. Утромъ всѣ узнали—и бѣдствіе довершилось: вѣдь, коли всѣ знаютъ, то ужь попъ конечно знаетъ. Мы всѣ бросились къ отцу Фронту съ плачемъ и мольбами. Видя нашу печаль, и онъ давай плакать: это былъ человѣкъ очень добрый и милый. Ему самому не хотѣлось изгонять фей: такъ онъ и сказалъ. Но онъ прибавилъ, что иначе нельзя: рѣшено, что если феи когда-нибудь опять покажутся человѣку, онѣ должны уходить. Это случилось въ самое

скверное время. Жанна д'Аркъ была больна лихорадкой и лежала въ безпамятствѣ. А что могли сдѣлать мы, лишенные ея ума и краснорѣчія? Мы полетѣли роемъ къ ея постели и закричали: «Жанна, вставай! Вставай: нельзя терять ни минуты! Иди защищать фей. Приходи спасти ихъ. Одна ты можешь сдѣлать это».

Но ея умъ блуждалъ: она не могла понять ни нашихъ словъ, ни нашихъ желаній. И мы пошли назадъ, зная, что все пропало. Да, все пропало, навѣки пропало! Пятисотлѣтніе вѣрные друзья дѣтей должны уйти и ужь никогда не возвращаться!

То былъ тяжелый для насъ день, когда отецъ Фронтъ совершилъ обрядъ подъ деревомъ и изгналъ фей. Мы не могли носить траура замѣтно: этого не дозволили бы. Мы удовольствовались жалкими черными лоскутками на платьяхъ,—такъ, чтобы не бросалось въ глаза. Но мы носили трауръ въ сердцахъ; и онъ былъ красивъ и широкъ—во всю комнату: вѣдь, наши *сердца* были мы сами; и никто не могъ проникнуть туда для воспрещеній.

Великое Древо (его прекрасное имя было *l'Arbre Fée de Bourlemont*) уже никогда больше не имѣло для насъ прежней цѣны; но оно всегда было дорого намъ. Мнѣ же оно дорого и теперь, въ мои преклонныя лѣта, когда я разъ въ годъ хожу посидѣть подъ нимъ и собираю, въ памяти, утраченныхъ товарищей игръ моей юности, сажаю ихъ вокругъ себя и смотрю имъ въ глаза черезъ слезы, а сердце мое разрывается,—охъ, Боже мой! Но нѣтъ, мѣсто ужъ стало не то, что прежде, совсѣмъ не то. Безъ покровительства фей, ключъ потерялъ много свѣжести и прохлады и сократился больше, чѣмъ на двѣ трети. Изгоняемыя змѣи и кусачія насѣкомыя возвратились и размножились: они стали пыткой, и такъ осталось по нынѣ.

Когда эта умница, Жанна, поправилась, мы поняли, чего стоила намъ ея болѣзнь: мы увидѣли, что были правы, вѣря, что она спасетъ фей. Она разразилась страшнымъ для такого созданьица гнѣвомъ и бросилась прямо къ отцу Фронту. Онъ сидѣлъ, а она встала передъ нимъ, сдѣлала ножкой и сказала:

— Феи должны были уходить, если покажутся опять людямъ: такъ?

— Да, такъ, милая моя.

— Если какой-нибудь любопытный войдетъ въ комнату человѣка въ полночь, когда этотъ человѣкъ полу-раздѣтъ, будете-ли вы столь несправедливы, что станете обвинять человѣка за такой видъ?

— Конечно, нѣтъ.

И добрый попъ немного смутился; ему стало неловко, когда онъ сказалъ это.

— Или грѣхъ—все грѣхъ, хотя бы и не думали совершать его?

Отецъ Фронтъ всплеснулъ руками и вскрикнулъ:

— Охъ, мое бѣдное дитятко, вижу всю мою ошибку!

Онъ привлекъ ее къ себѣ, обнялъ ее и старался поладить съ ней. Но она была такъ страшно взволнована, что не могла податься. Она скрыла свою головку на его груди и разрыдалась, и сказала:

— Итакъ, феи не совершили грѣха: онѣ и не думали объ этомъ. Онѣ не знали, что былъ прохожій. Онѣ—маленькія и не умѣютъ говорить за себя. Онѣ не могли сказать, что законъ—противъ намѣренія, а не противъ невиннаго дѣла. У нихъ не было друга, который понялъ бы за нихъ эту простую вещь и высказалъ бы ее. И за это-то ихъ выгнали изъ ихъ крова навѣки! Это нехорошо: *нехорошо* такъ дѣлать!

Добрый батюшка еще крѣпче прижалъ ее къ себѣ и сказалъ:

— О, да! Устами дѣтей и грудныхъ младенцевъ осуждаются безголовые и недумающіе! Будь я Богъ, я, ради тебя, возвратилъ бы маленькихъ созданьицъ. Моя, да, моя вина: я былъ несправедливъ! Такъ, такъ, никому такъ не грустно, какъ твоему бѣдному старому другу! Но не плачь, дорогая, не плачь такъ!

— Но я не могу отступить: я *пошла* на это. И это—не пустяки, что̀ надѣлали вы. Неужели погрустить—этого довольно для такого дѣла?

Отецъ Фронтъ отвернулся—ее обидѣла бы его улыбка—и сказалъ:

— О, немилосердый, но самый справедливый обвинитель! Ну, да, недовольно. Но вотъ, погоди, я надѣну вретище и посыплю пепломъ главу. Довольно съ тебя?

Вопли Жанны начали слабѣть. Она живо взглянула на старика сквозь слезы и сказала своимъ простымъ тономъ:

— Ладно, пусть такъ, если только это очиститъ васъ.

Отецъ Фронтъ готовъ былъ, пожалуй, улыбнуться опять, да вспомнилъ, что онъ заключилъ договоръ, и не совсѣмъ пріятный. Нужно жъ было исполнить его. Онъ поднялся и пошелъ къ очагу. Жанна слѣдила за нимъ съ крайнимъ любопытствомъ. Батюшка взялъ лопаточкой холоднаго пепла и собирался опорожнить ее на свою старую сѣдую голову, какъ вдругъ ему пришла хорошая мысль, и онъ сказалъ:

— Не поможешь ли ты мнѣ, дорогая?

— Какъ, батюшка?

Онъ опустился на колѣни, склонилъ голову и сказалъ:

— Возьми пепелъ и за меня высыпь его мнѣ на голову.

Конечно, дѣло на томъ и стало. Побѣда была на сторонѣ попа. Можно себѣ представить, какъ мысль о такомъ кощунствѣ поразила бы Жанну и всякое другое дитя въ деревнѣ! Она упала на колѣна подлѣ него и сказала:

— О, какъ страшно! Я не знала, чтò значатъ вретище и пепелъ. Встаньте, пожалуйста, батюшка!

— Не могу, пока не простятъ мнѣ. Ты простила?

— Я? О, вы, батюшка, ничего не сдѣлали мнѣ. Вы *сами* должны простить себя за вредъ, причиненный малюткамъ. Встаньте же, пожалуйста, батюшка!

— Но мнѣ теперь хуже прежняго. Я думаю снискать *твое* прощеніе; а если оно—мое собственное, то я не могу быть снисходительнымъ: это было бы неловко. Что же мнѣ дѣлать? Выпутай-ка меня какъ-нибудь, съ твоей умной головкой.

Батюшка не двигался съ мѣста, какъ ни просила Жанна. Она готова была опять заплакать. Вдругъ ей пришла мысль. Она схватила лопаточку и осыпала пепломъ свою собственную голову. Заикаясь, она проговорила удушливо:

— Ну, теперь кончено! О, пожалуйста, встаньте, батюшка!

Старикъ, и тронутый, и развеселившійся, прижалъ ее къ своей груди и сказалъ:

— О, несравненное дитя! Это—покорное мученичество, и не такое, какъ на картинахъ: тутъ вѣрный, правдивый духъ. Свидѣтельствую объ этомъ!

Тутъ онъ стрясъ пепелъ съ ея волосъ и помогъ ей очистить лицо и затылокъ и надлежащимъ образомъ оправиться. Теперь онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, готовый къ дальнѣйшимъ разсужденіямъ. Онъ сѣлъ и, снова привлекши къ себѣ Жанну, сказалъ:

— Жанна, ты привыкла плести вѣнки у Древа Фей, вмѣстѣ съ другими дѣтьми. Не такъ ли?

Онъ всегда прибѣгалъ къ этому способу, когда хотѣлъ прижать меня и поймать на чемъ-нибудь: именно такимъ милымъ, спокойнымъ способомъ онъ огорашивалъ васъ и заманивалъ въ западню. Вы и не замѣчали, куда идете: вдругъ бацъ!—и дверь захлопнулась за вами. Любилъ онъ это! Я понялъ, что онъ собирается припереть Жанну къ стѣнѣ. Жанна отвѣчала:

— Да, батюшка.

— И ты вѣшала ихъ на Древо?

— Нѣтъ, батюшка.

— Не вѣшала?

— Нѣтъ.

— Отчего же ты-то не вѣшала?

— Я? Да я не хотѣла.

— Не хотѣла?

— Не хотѣла, батюшка.

— Что же ты дѣлала съ вѣнками?

— Я вѣшала ихъ въ церкви.

— Отчего же ты не хотѣла вѣшать ихъ на Древѣ?

— Оттого, что феи, сказано, сродни дьяволу, и грѣшно почитать ихъ.

— И ты вѣрила, что нехорошо оказывать имъ такую честь?

— Да. Я думала, что это нехорошо.

— Но если дурно такъ почитать ихъ и если онѣ сродни дьяволу, такъ, вѣдь, это опасные товарищи для тебя и для другихъ дѣтей. Не правда ли?

— Полагаю... Да, я думаю такъ.

Онъ подумалъ съ минуту. Ну, думаю, сейчасъ захлопнетъ: такъ и вышло. Онъ сказалъ:

— Ну, такъ дѣло вотъ въ чемъ. Это—изгнанницы страшнаго происхожденія; онѣ могли быть опасными товарищами для дѣтей.

Теперь, дорогая, скажи мнѣ, если только ты вообще можешь разсуждать: какой же тутъ смыслъ? Почему ты считаешь дурнымъ дѣломъ изгонять ихъ, а желала бы спасти ихъ? Словомъ, какой тебѣ тутъ вредъ?

Какъ глупо повелъ онъ дѣло! Будь онъ мальчикъ, я далъ бы ему по уху съ досады! Онъ все шелъ вѣрно,—и вдругъ все испортилъ, своротивъ на этотъ дурацкій и роковой путь. Какой *ей* тутъ вредъ! Или ему никогда не приходилось подумать, что̀ за дитя была Жанна д'Аркъ? Или онъ не замѣчалъ, что для нея собственная выгода или потеря ничего не стоятъ? Неужели въ его башку не приходило простое соображеніе, что самое вѣрное, да и единственное, средство поднять ее и воспламенить—это показать ей, гдѣ угрожаютъ *другимъ* бѣдствія, обиды, потери? Каковъ? Онъ захлопнулъ западню самъ за собой: вотъ что сдѣлалъ онъ!

Какъ только эти слова вышли изъ его устъ, она вскипѣла. Въ ея глазахъ заблистали слезы негодованія, и она набросилась на него съ такою силой и пылкостью, что онъ былъ пораженъ. Но я не удивился: я зналъ, что онъ подожгъ мину, когда дошелъ, въ нападеніи, до своего главнаго, плохо выбраннаго, мѣста.

— О, батюшка, какъ вы можете говорить такъ? Кто владѣетъ Франціей?

— Богъ и король.

— А не Сатана?

— Сатана, дитя мое? Франція—подножіе Вседержителя: Сатанѣ не принадлежитъ ни горсти ея земли.

— Ну, такъ кто же далъ этимъ бѣднымъ созданьицамъ ихъ кровъ?—Богъ. Кто охранялъ ихъ въ немъ цѣлые вѣка?—Богъ. Кто попускалъ имъ, во всѣ эти вѣка, плясать и играть здѣсь и не осуждалъ этого?—Богъ. Кто охаялъ Божье соизволеніе и пригрозилъ имъ?—Человѣкъ. Кто опять засталъ ихъ среди невинныхъ забавъ, дозволенныхъ имъ Богомъ и запрещенныхъ человѣкомъ, и исполнилъ угрозу? Кто выгналъ бѣдняжекъ изъ-подъ крова,—и какого? Богъ далъ имъ этотъ кровъ, въ своемъ милосердіи и жалости. Въ знакъ своего мира, Онъ пять вѣковъ изливалъ на него и дождичекъ, и росу, и лучи солнца. То былъ *ихъ* кровъ—ихъ, милостью Бога и Его добраго сердца: и ни одинъ человѣкъ не имѣлъ права лишить ихъ его! И не было у дѣтей болѣе милыхъ, вѣрныхъ друзей. Во

всѣ эти пять долгихъ вѣковъ онѣ оказывали имъ нѣжныя, любезныя услуги и никогда не причиняли имъ вреда, не нанесли оскорбленія. И дѣти любили ихъ; и теперь они тоскуютъ по нимъ; и нѣтъ исцѣленія ихъ скорби. И за что приходится дѣтямъ переносить такой жестокій ударъ? Бѣдненькія феи *могли* быть опасными товарищами для дѣтей! Хорошо; но онѣ не были такими. А *могли*—это не доказательство. Сродни дьяволу? Ну, такъ что жъ? У родни дьявола есть свои *права*: и у нихъ были. У дѣтей есть свои права: и у насъ были. И будь я тогда здѣсь, я говорила бы, я просила бы и за дѣтей, и за дьяволовъ; я удержала бы вашу руку и спасла бы всѣхъ ихъ. Но теперь... Охъ, теперь все пропало! Все пропало—и ужъ нѣтъ спасенія!

Она кончила взрывомъ страсти, при мысли, что феи, эта родня дьявола, должны избѣгать и чураться любви и дружбы человѣка—оттого, что спасеніе возбранено имъ! Да, вѣдь, по этой-то *причинѣ*—говорила она—люди и должны бы жалѣть ихъ, должны бы употребить всѣ усилія человѣческой любви, чтобы заставить ихъ забыть ту тяжкую долю, которой подверглись онѣ по случайности рожденія, а не по собственной винѣ. «Бѣдныя созданьица!» шептала она. «Что же это за человѣческое сердце, когда можно жалѣть христіанское дитя и нельзя жалѣть дитяти дьявола, которое въ тысячу разъ больше *нуждается* въ этомъ!»

Жанна вырвалась отъ отца Фронта, плача, утирая глаза кулачками, яростно стуча ножкой. Она бросилась бѣжать, прежде чѣмъ мы опомнились отъ этого вихря словъ, отъ этого урагана страсти.

Батюшка ходилъ-ходилъ, наконецъ сталъ, потирая лобъ рукой, какъ человѣкъ ошалѣлый, разстроенный. Потомъ онъ повернулся и пошелъ къ двери своей рабочей комнатки. Когда онъ проходилъ, я слышалъ, какъ онъ бормоталъ печально:

— Горе мнѣ! Бѣдныя дѣтки, бѣдные чертенята! У нихъ *были* свои права: она сказала правду. Я и не подумалъ объ этомъ. Прости мнѣ, Господи! Я заслужилъ хулу.

Заслышавъ это, я понялъ, что былъ правъ, думая, что онъ самъ за собой захлопнулъ западню. Именно: видите, онъ попалъ туда. И почувствовалъ я поощреніе и подумалъ, не толкнуть ли и мнѣ его туда? Но, пообдумавши, смирился: куда мнѣ!

ГЛАВА IV.

Другъ тварей.—Спасительница голоднаго.

Пока я разсказывалъ вамъ все это, припомнилось мнѣ еще многое, о чемъ можно бы поговорить; но, думается, лучше теперь оставить это. Я скорѣе настроенъ сейчасъ вызвать маленькіе проблески того простаго, безцвѣтнаго добраго времени, когда мы мирно проживали въ нашихъ деревенскихъ избахъ, особенно зимой. Лѣтомъ-то мы, дѣтишки, бывали не дома: мы съ разсвѣта до ночи пасли стада на обвѣваемыхъ вѣтеркомъ скатахъ; и тутъ были шутки, проказы и все такое. Но зима была болтливое, уютное времячко. Частенько собирались мы въ большой избѣ стараго Жака д'Арка, съ землянымъ поломъ, подлѣ большаго пылающаго очага: мы играли, пѣли пѣсни, гадали да слушали стариковъ, ихъ сказки, исторіи, вранье. И такъ до полуночи.

Вотъ, собрались мы тамъ одною зимней ночью: была такая зима, что много лѣтъ потомъ говорили объ ея лютости; а въ ту ночь было особенно жутко. На дворѣ завывалъ вѣтеръ, и его визгъ пронизывалъ вамъ сердце. А по мнѣ, это было чудесно: *именно*, думалось мнѣ, великолѣпно, пріятно, прелестно слышать, словно трубы, эти яростные порывы и удары вѣтра, когда сидишь-себѣ преспокойно дома. А мы такъ и сидѣли. Трескъ очага, пріятный скрипъ снѣга, капанье тающихъ хлопьевъ на каминъ, жужжанье прялки, смѣхъ, пѣнье—все это благородно шло до десяти часовъ; а тамъ ужинъ — горячая похлебка, бобы, пшеничные пирожки на маслѣ; прибавьте аппетитъ на славу.

Жанночка сидѣла отдѣльно на одномъ ларѣ, а на другомъ лежали ея хлѣбъ и чашка. Вокругъ ютились ея баловни, пособнички въ ѣдѣ. Ихъ было у нея больше, чѣмъ обыкновенно и чѣмъ допускала бережливость. Всѣ чужія кошки приходили къ ней кормиться; являлись и другія, бездомныя или неласковыя животныя, прознавъ объ этомъ; отъ нихъ узнавали еще другія твари и тоже приходили. У нея вѣчно былъ запасъ обращиковъ и другаго отродья: птицы и иныя пугливыя лѣсныя твари не боялись ея, а считали ее своимъ другомъ; онѣ притекали къ ней и обыкновенно заводили такое знаком-

ство, что ихъ приглашали въ домъ. Всѣмъ имъ она оказывала гостепріимство: для нея животное было животнымъ, и дорогимъ, просто потому, что это—животное, какого бы происхожденія и общественнаго положенія ни было оно. А такъ какъ она не допускала ни клѣтокъ, ни ошейниковъ, ни путъ, и позволяла тварямъ приходить и уходить, какъ имъ угодно, то онѣ были довольны и приходили.

Но онѣ уходили недалеко: и, вотъ, кругомъ подымался удивительный шумъ. И Жакъ д'Аркъ все бранился. Но жена его говорила, что Богъ влагаетъ въ дитя чутье, и Онъ знаетъ, что дѣлаетъ: оттого не нужно трогать; неразумно вмѣшиваться въ Его дѣла, когда тебя не спрашиваютъ. Такъ баловней оставили въ покоѣ. Они и ютились тутъ всѣ, какъ я сказалъ,—кролики, птицы, бѣлки, кошки, разныя пресмыкающіяся. Все это интересовалось ужиномъ дѣвочки и помогало ей по силамъ. Была тутъ одна крошечная бѣлочка. Сидя, по своему обычаю, на плечѣ Жанны, она вертѣла сухой, какъ доисторическая окаменѣлость, каштанъ въ своихъ узловатыхъ лапкахъ, пробуя болѣе мягкія мѣста. Когда ей удавалось откусить, она махала своимъ пушистымъ хвостикомъ и трясла остроконечными ушками—въ знакъ благодарности или удивленія. Затѣмъ она отпиливала это мягкое мѣсто тѣми двумя острыми передними зубками, которыми снабжена бѣлка именно для этого, а не для красы: они никогда не могли служить украшеніемъ, какъ думаютъ иные, писавшіе о нихъ.

Такъ все шло чудесно, весело, съ прохладцой. Но, вотъ, все оборвалось: кто-то постучался въ дверь. То былъ одинъ изъ этихъ бѣшеныхъ бродягъ: вѣчныя войны наполняютъ ими страну. Вошелъ онъ, весь въ снѣгу, затопалъ ногами, встряхнулся, обмахнулся, захлопнулъ дверь, снялъ жалкій обрывокъ шляпы и раза два шлепнулъ имъ по ляжкѣ, чтобы стряхнуть съ него снѣжное руно. Потомъ онъ зыркнулъ на всѣхъ, съ удовольствіемъ на тощемъ лицѣ; но въ его глазахъ блеснула жадность голоднаго, когда ихъ взоръ упалъ на съѣдобное. Тутъ онъ поклонился намъ низко и привѣтливо и сказалъ, что чистое блаженство—имѣть такой очагъ въ подобную ночь, и такой кровъ, и такую богатую пищу, и милыхъ друзей для бесѣды. О, да, это была правда! И Господь да помо-

жетъ бездомному, принужденному таскаться по дорогамъ въ такую непогодь.

Никто не сказалъ ни слова. Смущенный бѣдняга стоялъ, какъ вкопанный, обращаясь глазами въ разныя стороны и нигдѣ не находя привѣта. Улыбка вспорхнула и слетѣла съ его лица. Его пристальный взглядъ опустился; лицо стало передергиваться. Онъ поднялъ руку, чтобы скрыть этотъ женскій знакъ слабости.

— Садись!

То былъ громовый голосъ Жака д'Аркъ, и относился онъ къ Жаннѣ. Незнакомецъ вздрогнулъ и отнялъ руку отъ лица: передъ нимъ стояла Жанна съ своей чашкой похлебки. Человѣкъ сказалъ:

— Всемогущій Богъ да благословитъ тебя, милочка!

И полились слезы. Текли онѣ по его щекамъ, а онъ боялся взять чашку.

— Слышишь ли? Садись, говорятъ тебѣ!

Никакого ребенка нельзя было уговорить такъ легко, какъ Жанну, но только не этимъ способомъ. Ея отецъ не зналъ другого, да и негдѣ было ему научиться. Жанна сказала:

— Батюшка, онъ голоденъ! Это-то я вижу.

— Ну, такъ пусть идетъ зарабатывать хлѣбъ! Такіе-то молодцы измучили насъ дома и внѣ дома: я поклялся не терпѣть больше этого, и сдержу слово. Онъ, съ виду, какой-нибудь негодяй и плутъ. *Садись*, говорю тебѣ!

— Я не знаю, негодяй онъ или нѣтъ. Но это—голодный, батюшка. Ему нужно отдать мою похлебку: она не нужна мнѣ.

— Если ты не хочешь слушаться меня, я... Негодяи не имѣютъ права на помощь честныхъ людей. И нѣтъ имъ въ этомъ домѣ ни куска, ни хлебка, *Жанна*!

Она поставила свою чашку на ларь, выдвинулась, стала передъ своимъ грознымъ отцомъ и сказала:

— Батюшка, если вы не хотите этого, пусть будетъ по-вашему. Но я желала-бы, чтобы вы одумались: вы увидите, что несправедливо наказывать одну часть его тѣла за то, что̀ дѣлаютъ другія части. Вѣдь, зло творитъ голова бѣднаго незнакомца, голоденъ же его желудокъ. А желудокъ не дѣлаетъ никому зла: онъ безупреченъ

и невиненъ, ибо у него нѣтъ *способовъ* вредить, еслибъ онъ и хотѣлъ. Дайте же мнѣ, пожалуйста...

— Вотъ такъ мысль! Никогда еще я не слыхалъ такихъ глупыхъ рѣчей.

Тутъ вмѣшался мэръ Обрэ, любитель разсужденій и большой мастеръ на это, какъ всѣмъ было извѣстно. Поднявшись съ мѣста, упершись руками въ столъ и оглянувшись кругомъ съ достоинствомъ, какъ дѣлаютъ ораторы, онъ началъ плавно и внушительно:

— Тутъ я расхожусь съ вами, куманекъ, и попробую показать честной компаніи (онъ обвелъ насъ глазами и довѣрчиво склонилъ голову), что въ словахъ ребенка есть крупица смысла. Въ самомъ дѣлѣ, вполнѣ справедливо и очевидно, что въ человѣкѣ голова—господинъ и высшій правитель всего тѣла. Согласны? Станетъ ли кто отрицать это?

Онъ опять оглядѣлся кругомъ: всѣ подавали знаки согласія.

— Отлично. А коли такъ, то ни одна часть тѣла не отвѣчаетъ за послѣдствія, если она исполняетъ приказъ головы. Стало быть, одна голова отвѣтственна за преступленія, сдѣланныя руками, ногами или желудкомъ человѣка. Допускаете вы эту мысль? Правъ я пока?

Всѣ закричали «да!» И одинъ другому шепталъ съ восторгомъ, что этой ночью мэръ въ ударѣ и превзошелъ себя. Это ужасно понравилось мэру, и его глаза загорѣлись отъ удовольствія: онъ подслушалъ отзывы. И онъ пошелъ дальше тѣмъ же плодоноснымъ и блестящимъ способомъ.

— Теперь разсмотримъ, что̀ значитъ слово отвѣтственность и какъ должно прилагать его въ данномъ случаѣ.

И онъ описалъ ложкой большую кривую линію, чтобы показать всю обширность отвѣтственностей, дѣлающихъ людей отвѣтственными. И многіе воскликнули съ благоговѣніемъ: «Онъ правъ. Всю эту путаницу онъ выложилъ, какъ на ладонкѣ. Удивительно!» А онъ продолжалъ, сдѣлавъ маленькую остановку, чтобы раздражить любопытство:

— Очень хорошо. Предположимъ же, что вотъ эти щипцы попали подъ ноги человѣку и причинили ему жестокую боль. Будете ли вы утверждать, что щипцы должны быть наказаны за это? Отвѣтъ го-

товъ: вижу по вашимъ лицамъ, что вы назвали бы такое утвержденіе нелѣпостью. Но почему оно нелѣпо? Оно нелѣпо потому, что у щипцовъ нѣтъ мыслительной способности, т. е. нѣтъ способности къ личному повелѣнію; стало быть, у щипцовъ совсѣмъ не имѣется личной отвѣтственности за щипцообразныя дѣянія. А нѣтъ отвѣтственности, не можетъ быть и наказанія. Вѣрно ли я говорю?

Отвѣтомъ былъ горячій взрывъ рукоплесканій.

— Теперь мы дошли до человѣчьяго желудка. Сообразите, какъ точно, какъ удивительно его положеніе соотвѣтствуетъ положенію щипцовъ! Слушайте и, прошу васъ, замѣчайте хорошенько. Можетъ ли человѣчій желудокъ замыслить убійство?—Нѣтъ. Можетъ ли онъ замыслить кражу?—Нѣтъ. Можетъ ли онъ замыслить поджогъ?—Нѣтъ. Теперь отвѣчайте мнѣ: *могутъ ли щипцы*...

Раздались восторженные возгласы: «Нѣтъ!.. Оба случая прямо совпадаютъ!.. Можно ли вывести все это болѣе блестяще?»

— Итакъ, друзья и сосѣдушки, желудокъ, немогущій замыслить преступленія, не можетъ быть виновникомъ его исполненія. Какъ видите, это ясно. Этимъ вопросъ уже много ограниченъ; ограничимъ его еще больше. Можетъ ли желудокъ, по собственной волѣ, быть соумышленникомъ преступленія?—Отвѣтъ: нѣтъ! Ибо тутъ нѣтъ повелѣнія, нѣтъ мыслительной способности, нѣтъ хотѣнія—такъ же, какъ и въ случаѣ съ щипцами. Теперь не ясно ли, что желудокъ совершенно неотвѣтственъ за преступленія, совершенныя имъ полностью или отчасти?

Въ отвѣтъ онъ получилъ бурныя рукоплесканія.

— Итакъ, до какого же приговора дошли мы? Ясно: въ мірѣ нѣтъ такой вещи, какъ виновный желудокъ; въ тѣлѣ доподлиннаго негодяя пребываетъ чистый, невинный желудокъ; что̀ бы ни сдѣлалъ его собственникъ, *онъ*-то, желудокъ, долженъ, во всякомъ случаѣ, оставаться священнымъ въ нашихъ глазахъ. И, наконецъ: поелику Богъ далъ намъ умъ для справедливыхъ, добрыхъ и благородныхъ мыслей, то нашимъ преимуществомъ и нашимъ долгомъ должно быть и *есть*—не только кормить голодный желудокъ, пребывающій въ негодяѣ, соболѣзнуя его скорби и его нуждамъ, но и дѣлать это съ радостью, съ благодарностью, въ награду за его крѣпкое и

честное сохраненіе своей чистоты и невинности, среди соблазновъ и въ сообществѣ, столь противномъ его лучшимъ чувствамъ. Я кончилъ.

О, вы никогда не видѣли такого впечатлѣнія! Вся изба поднялась, рукоплеща, шумя, превознося его до небесъ!.. Всѣ, одинъ за другимъ, тѣснились впередъ, все еще рукоплеща и восклицая. У нѣкоторыхъ стояла влага въ глазахъ. Всѣ пожимали ему руку и наговорили ему столько хорошаго, что онъ просто задыхался отъ гордости и счастья и не могъ вымолвить слова: право, его голосъ надломился. То было роскошное зрѣлище. И каждый говорилъ, что никогда въ жизни не слыхалъ такой рѣчи, да и не услышитъ. Краснорѣчіе—*сила*: это безспорно. Самъ Жакъ д'Аркъ, впервые въ своей жизни, былъ побитъ. Онъ закричалъ:

— Ладно, Жанна, дай ему похлебки!

Она была смущена, казалось, не знала, что̀ сказать. Да и нечего было говорить: вѣдь, она уже давно отдала похлебку человѣку, и онъ ужъ съѣлъ ее всю. Когда спросили ее, отчего она не подождала рѣшенія, она отвѣчала, что желудокъ у человѣка былъ очень ужъ голоденъ и что неразумно было ждать, разъ она не знала, какой будетъ приговоръ. И, вѣдь, для ребенка это была хорошая и умная мысль!

Человѣкъ оказался вовсе не негодяемъ. То былъ прямо-таки добрый малый. Ему была только незадача: а въ ту пору это вовсе не было преступленіемъ во Франціи. Теперь, когда была доказана невинность желудка, ему позволили быть, какъ дома. И какъ только онъ хорошо наполнился и уже не нуждался ни въ чемъ, человѣкъ развязалъ свой языкъ и пустилъ его въ ходъ; и языкъ оказался поистинѣ благороднымъ. Онъ цѣлые годы былъ на войнѣ: и вещи, которыя онъ разсказывалъ—и какъ разсказывалъ!—разожгли у всѣхъ отчизнолюбіе, заставили сердца прыгать, а жилы—биться. И не успѣли мы опомниться, какъ онъ увлекъ насъ въ дивное странствіе по днямъ французской славы.

Мы уже видѣли въ воображеніи богатырскіе образы двѣнадцати паладиновъ, борющихся съ своимъ рокомъ (16). Мы слышали топотъ безчисленныхъ враговъ, мчавшихся на нихъ. Мы видѣли этотъ человѣчій приливъ и отливъ, отливъ и приливъ, отступающій передъ

горстью героевъ. Передъ нами проходила всякая мелочь изъ той поры въ сказочной исторіи Франціи—поры самой поразительной, самой бѣдственной, но и самой любимой и славной. На этомъ огромномъ полѣ мертвыхъ и умирающихъ мы видѣли, тамъ и сямъ, того-другаго паладина, сыплющаго страшные удары тяжелымъ оружіемъ и слабѣющею рукой. И одинъ за другимъ падали они передъ нами, пока не остался одинъ только—тотъ несравненный, имя котораго перешло въ пѣсню пѣсней; а эту пѣсню ни одинъ французъ не можетъ слышать безъ волненія сердца, безъ гордости отчизнолюбца. Наконецъ, самое величавое, жалостное зрѣлище—его собственная трогательная смерть. Мы сидѣли съ раскрытыми ртами, затаивъ дыханіе, ловя каждое слово этого человѣка. И самое наше молчаніе указывало смыслъ благоговѣйной тишины, что воцарилась на этомъ полѣ побоища, когда отлетала эта послѣдняя живая душа.

И среди этого торжественнаго затишья незнакомецъ раза два погладилъ Жанну по головкѣ и проговорилъ:

— Дѣвочка, да сохранитъ тебя Господь! Этой ночью ты возвратила меня отъ смерти къ жизни. Слушай же: вотъ твоя награда!

И въ эту дивную минуту, онъ, не сказавъ больше ни слова, вдругъ возвысилъ самый милый, трогательный голосъ, смягчавшій сердце, подымавшій духъ: полилась великая пѣснь о Роландѣ!

Подумайте, что это было въ собраніи французовъ, которые всѣ вскочили и были на-чеку! О, куда дѣвалось ваше краснорѣчіе, мэръ? И что оно значило передъ этимъ? Какимъ онъ былъ свѣтлымъ, величавымъ, вдохновеннымъ, когда стоялъ здѣсь, а изъ его устъ и изъ сердца лилась эта могучая пѣсня! Все его тѣло преобразилось, а съ нимъ и всѣ его лохмотья!

Всѣ стояли, пока онъ пѣлъ. И лица пылали, глаза сверкали; а по щекамъ текли слезы. Тѣни безсознательно качались по полету пѣсни, а груди подымались и трепетали. Прорывались стоны и завыванья. Они перешли въ рыданья и вопли, когда раздались послѣдніе стихи. Роландъ умираетъ, одинъ-одинешенекъ, лицомъ къ полю и къ убитымъ, лежащимъ кучами и рядами! Онъ снимаетъ желѣзную рукавицу и слабѣющей рукой поднимаетъ ее къ Богу. И дивная молитва исходила дуновеньемъ изъ его блѣдныхъ устъ...

А когда замерла послѣдняя мощная нота и пѣсня кончилась, всѣ гурьбой бросились къ незнакомцу, совсѣмъ опьяненные любовью къ нему и къ Франціи, гордостью за ея великія дѣла, за ея старую славу. Всѣ душили его въ своихъ объятьяхъ. А впереди всѣхъ была Жанна. Она припала къ его груди и покрывала его лицо поцѣлуями, какъ идола.

Снаружи свирѣпствовала буря. Но это уже ничего не значило. Отнынѣ тутъ былъ домъ незнакомца, пока онъ самъ не захочетъ уйти.

ГЛАВА V.

Черный флагъ.—Укрощеніе безумца.

У всѣхъ дѣтей есть прозвища: были они и у насъ. Каждый изъ насъ получилъ свое спозаранку, и оно пришпилилось къ нему. Жанна же оказалась тутъ богаче всѣхъ: постепенно она пріобрѣтала второе, третье прозвище и такъ далѣе: наконецъ, дошло до полдюжины. Нѣкоторыя остались за ней навсегда. Крестьянскія дѣвушки, понятно, застѣнчивы. Но она такъ превосходила всѣхъ въ этомъ, такъ легко краснѣла и смущалась при чужихъ, что мы прозвали ее Стыдишкой. Мы всѣ были патріотами, но ее прозвали *Патріоткой* особенно: наше горячее чувство любви къ отечеству было холодомъ въ сравненіи съ ея пылкостью. Ее назвали еще Красавицей: и это не только за замѣчательную красоту ея лица и сложенія, но и за прелесть ея нрава. Эти прозвища остались за ней, а также—Храбрецъ.

Такъ росли мы въ этомъ трудолюбивомъ и мирномъ краю, и стали довольно взрослыми мальчиками и дѣвочками. Да, достаточно большими, чтобы уже знать не меньше нашихъ родителей о войнахъ, что̀ вѣчно свирѣпствовали къ западу и къ сѣверу отъ насъ, а также чтобы волноваться, какъ они, при случайныхъ вѣстяхъ съ тѣхъ кровавыхъ полей. Я отлично помню нѣкоторые изъ такихъ дней. Въ одинъ вторникъ мы рѣзвились и пѣли толпой вокругъ Древа Фей и увѣшивали его вѣнками въ память нашихъ утраченныхъ пріятельницъ-фей. Вдругъ Манжетка закричала:

— Смотрите! Что это?

Когда кто такъ кричитъ, выражая удивленіе и страхъ, на него обращаютъ вниманіе. Мы сбѣжались въ кучку, съ бьющимися сердцами и раскраснѣвшимися лицами. И всѣ любопытные глазки устремились по одному направленію—къ склону, къ деревнѣ.

— Это—черный флагъ.

— Черный флагъ? Нѣтъ?

— Сами видите: ничто иное.

— Вѣрно, *черный флагъ*! Но видѣлъ ли кто прежде что-нибудь такое?

— Что бы это значило?

— Что бы значило? Что-нибудь страшное—не иначе.

— Что жъ изъ этого? Всякій знаетъ это и безъ объясненій. Но *что* именно? Вотъ вопросъ.

— Пожалуй, тотъ, кто несетъ флагъ, отвѣтитъ не лучше насъ. Подождемъ, пока онъ придетъ.

— Онъ бѣжитъ шибко. Кто бы это былъ?

Кто называлъ одного, кто—другого. Вдругъ всѣ увидѣли, что это былъ Этьенъ Розъ, по прозванью Подсолнечникъ: у него были русые волосы и круглое лицо съ рябинами; его предки были нѣмцами, нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Онъ бѣжалъ во всю мочь по склону, время отъ времени подымая палку съ флагомъ и махая своимъ чернымъ знакомъ печали. А у насъ всѣ глаза слѣдили за нимъ, всѣ языки болтали о немъ, и каждое сердце билось все сильнѣй и сильнѣй отъ нетерпѣнія узнать, какія у него новости. Наконецъ, онъ прыгнулъ къ намъ и воткнулъ свою палку съ флагомъ въ землю со словами:

— Вотъ! Стой здѣсь и изображай собой Францію, пока я вздохну! Ей теперь уже не нужно иного флага.

Вся оглушительная болтовня прекратилась: словно кто-нибудь возвѣстилъ смерть. Въ этой леденящей тишинѣ слышался только одинъ звукъ—тяжелое дыханіе трепещущей груди мальчика. Когда къ нему возвратилась способность говорить, онъ сказалъ:

— Пришли черныя вѣсти. Въ Труа заключенъ миръ между Франціей, англичаниномъ и бургундцами (17). Франція обманута и предана врагу, связанная по рукамъ и ногамъ. Это—дѣло гер-

цога Бургундскаго и этой чертовки, французской королевы. По этому миру, Генрихъ англійскій женится на Катеринѣ французской...

— Это не ложь? Выдать дочь Франціи за Азенкурскаго палача?.. Этому нельзя повѣрить... Ты ослышался.

— Если ты не можешь вѣрить этому, Жакъ д'Аркъ, такъ тебѣ предстоитъ тяжелое испытаніе: впереди еще худшее. Кто бы ни родился отъ этого брака, хотя бы дѣвочка, ребенокъ унаслѣдуетъ оба трона—и англійскій, и французскій; и это владѣніе останется въ ихъ потомствѣ навѣки.

— Ну, ужъ *это*-то прямо ложь: вѣдь, это противно нашему салическому закону (18), а стало быть, незаконно и недѣйствительно.

Такъ сказалъ Эдмондъ Обрэ, прозванный Паладиномъ за то, что онъ вѣчно на словахъ пожиралъ цѣлыя непріятельскія арміи. Онъ говорилъ бы еще, но его осадили крики другихъ: всѣ кипѣли гнѣвомъ на эту статью договора; всѣ орали разомъ, и никто никого не слушалъ. Наконецъ Омета уговорила ихъ замолчать, сказавши:

— Не хорошо эдакъ прерывать вѣстника. Пожалуйста, дайте ему кончить. Вы порицаете его исторію, потому что она похожа на ложь. Но *такая* ложь вызвала бы удовольствіе, а не досаду. Разсказывай остальное, Этьенъ.

— Остается сказать только одно: нашъ король, Карлъ VI, управляетъ по смерть, затѣмъ Генрихъ V англійскій становится правителемъ Франціи, пока его сынъ не подростетъ настолько, чтобы...

— Чтобы *этотъ* человѣкъ, палачъ, управлялъ нами? Ложь, все ложь!—закричалъ Паладинъ.—А вотъ еще, посмотримъ: что станется съ нашимъ дофиномъ (19)? Что сказано о немъ въ договорѣ?

— Ничего. Договоръ отнимаетъ у него тронъ, дѣлаетъ его изгнанникомъ.

Тутъ ужъ всѣ закричали разомъ, что эти новости—ложь. И всѣ опять повеселѣли, говоря:

— Нашъ король могъ бы подписать договоръ, въ надеждѣ поправиться; но онъ не могъ сдѣлать этого, видя, *что* дѣлаетъ этотъ миръ съ его собственнымъ сыномъ.

Но Подсолнечникъ сказалъ:

— Спрошу васъ объ одномъ: могла ли бы королева подписать договоръ, лишающій ея сына наслѣдства?

— Эта ехидна? Конечно. Никто не говоритъ о ней. Никто не ожидаетъ отъ нея ничего хорошаго. Нѣтъ такой низости, передъ которой остановилась бы она, если только это утолитъ ея злобу. Вѣдь, она ненавидитъ своего сына. И ея подпись ничего не значитъ: король долженъ подписать.

— А я спрошу васъ: каковъ король? Развѣ онъ не сумасшедшій?

— Да. И подданные еще больше любятъ его за это. Его сближаютъ съ ними эти страданія; жалость заставляетъ любить его.

— Вы говорите правду, Жакъ д'Аркъ. Ладно; но чего же вы хотите отъ сумасшедшаго? Развѣ онъ знаетъ, что̀ дѣлаетъ? Вѣдь, нѣтъ! Ну, такъ не долженъ ли онъ дѣлать то, что̀ другіе заставляютъ его дѣлать? Да? Ну, такъ теперь скажу вамъ: онъ подписалъ договоръ.

— Кто же заставилъ его сдѣлать это?

— Вы и безъ меня знаете. Королева!

Снова поднялся гвалтъ. Всѣ разомъ заорали, и отовсюду посыпались проклятія на голову королевы. Наконецъ, Жакъ д'Аркъ сказалъ:

— Однако, много приходило невѣрныхъ вѣстей. Послѣдняя — самая постыдная, самая оскорбительная, самая унизительная для Франціи. Поэтому есть надежда, что этотъ разсказъ — тоже праздная болтовня. Откуда ты взялъ его?

Румянецъ погасъ на лицѣ его сестры, Жанны. Она боялась отвѣта: и чутье не обмануло ее.

— Сказывалъ батюшка въ Максэ.

Всѣ раскрыли ротъ. Мы, видите ли, знали его за правдиваго человѣка.

— И онъ вѣритъ этому?

Наши сердчишки почти перестали биться отъ волненія. И послѣдовалъ отвѣтъ:

— Вѣритъ. Мало того. Онъ сказалъ, что *знаетъ*, что это такъ.

Нѣкоторыя изъ дѣвочекъ зарыдали, мальчики остолбенѣли и молчали. На лицѣ Жанны было такое отчаяніе, какъ на мордѣ безсловеснаго животнаго, пораженнаго смертельнымъ ударомъ. Животныя переносятъ его безъ жалобъ: и она не сказала ни словечка. Братецъ Жакъ положилъ руку на ея головку и ласкалъ ея волосы въ знакъ сочувствія; а она схватила руку и покрыла ее поцѣлуями

благодарности, не говоря ни слова. Наконецъ, насталъ отливъ: мальчики заговорили. Ноэль Рэнгессонъ сказалъ:

— О, неужели же мы никогда не станемъ мужчинами? Мы ростемъ такъ медленно; а Францiя никогда такъ не нуждалась въ воинахъ, какъ теперь, чтобъ смыть это черное пятно.

— Ненавижу юность!—воскликнулъ Пьеръ Морэль, прозванный Драконовой Мухой за то, что у него были такiе большiе буркулы.— Вѣчно жди, жди! Цѣлыхъ сто лѣтъ свирѣпствуютъ войны, а тебѣ все незадача. О, еслибъ мнѣ теперь попасть въ ратники!

— А, вотъ, я не намѣренъ ждать больше!—сказалъ Паладинъ.— И если я подымусь, вы услышите про меня, обѣщаю вамъ. Иные, при осадѣ замка, предпочитаютъ оставаться позади, въ запасѣ, а мнѣ подавай передъ—или ничего не нужно! Я не допущу передъ собой никого, развѣ только офицеровъ!

Военный духъ овладѣлъ даже дѣвочками. Мари Дюпонъ сказала:

— Хотѣлось бы стать мужчиной. О, я отправилась бы сейчасъ же!

Она гордо оглядѣлась, ожидая одобренiя.

— Я—то же, — сказала Цецилiя Летелье и захрапѣла, какъ боевой конь, почуявшiй битву.—Ручаюсь вамъ, я не ушла бы съ поля, будь вся Англiя передо мной!

— Фу ты! — воскликнулъ Паладинъ.—Дѣвочки—хвастунишки: онѣ на это только и годны. Выпустите ихъ тысячу передъ горстью ратниковъ — и увидите, какую онѣ зададутъ дерку. Вотъ Жанночка—*эта*, пожалуй, сойдетъ за ратника!

Мысль была такъ забавна, она вызвала такой хохотъ, что Паладину пришлось защищать ее. Онъ сказалъ:

— Отчего жъ нѣтъ? Развѣ вы не можете представить себѣ, какъ она бросается въ битву, словно старый воинъ? Право слово. Но не бѣднымъ обтрепаннымъ солдатикомъ, какъ мы, а офицеромъ. Понимаете—офицеромъ, въ латахъ, съ стальнымъ шишакомъ, который заблеститъ и скроетъ ея смущенiе, когда она встанетъ передъ незнакомою армiей. Офицеръ! Отчего же не полководецъ? Да, полководецъ, съ сотней воиновъ за ней—или, пожалуй, дѣвочекъ. О, не для нея дѣло простыхъ солдатъ! И, Богъ мой, когда она встанетъ передъ этой особой армiей, вамъ покажется, что это — ураганъ-сокрушитель!

Ну, и онъ продолжалъ такъ, пока у дѣтей не надсадились бока отъ хохота. И совершенно понятно. Вѣдь, по мнѣ, въ ту пору не было ничего забавнѣе, какъ представить себѣ такое зрѣлище: нѣжное созданьице, которое не могло обидѣть мухи, не выносило вида крови, было вообще такъ дѣвственно, пугливо, бросается въ битву со скопищемъ солдатъ позади! Бѣдняжка сидѣла смущенная, застыженная этими насмѣшками. Но въ то самое мгновенье случилось нѣчто, что измѣнило все дѣло, показавъ этой молодежи, что коли пойдетъ на смѣхъ, то удачнѣе всѣхъ посмѣется послѣдній. Именно тогда изъ-за Древа Фей показалось хорошо знакомое намъ лицо, котораго мы страшно боялись: всѣхъ насъ сразила мысль, что это—сумасшедшій Бенуа высвободился изъ своей клѣтки! Мы помертвѣли. Это бѣшеное, косматое, ужасное созданье выскользнуло изъ-за Древа, съ поднятымъ топоромъ. Всѣ мы сорвались съ мѣстъ и разбѣжались куда попало,—дѣвочки съ визгомъ и плачемъ.

Нѣтъ, не всѣ! Всѣ, кромѣ Жанны. Она встала передъ человѣкомъ и не двигалась съ мѣста. Когда мы добрались до лѣса, который окаймляла лужайка, и проскользнули подъ его тѣнь, двое или трое изъ насъ оглянулись, не догоняетъ ли насъ Бенуа. И вотъ что увидали мы: Жанна стоитъ, а безумецъ крадется къ ней съ поднятымъ топоромъ. То было раздирающее душу зрѣлище. Мы стояли, какъ вкопанные, дрожа всѣмъ тѣломъ. Я уже видѣлъ убійство, а глаза мои не могли оторваться отъ него. Вдругъ, вижу, Жанна идетъ навстрѣчу человѣку, хотя мнѣ казалось, что зрѣніе обманываетъ меня. Вижу, онъ остановился. Онъ грозилъ ей своимъ топоромъ, какъ бы предостерегая ее, чтобъ не шла дальше; но она не обращала вниманія на это и все шла, пока не встала передъ его носомъ, подъ самымъ его топоромъ. Тутъ она остановилась и какъ будто начала говорить съ нимъ. Мнѣ стало дурно, въ головѣ помутилось, все поплыло вокругъ меня—и, долго ли, коротко ли, одно время я не могъ ничего видѣть. Когда это прошло, и я началъ глядѣть опять, Жанна уже шла къ деревнѣ рядомъ съ человѣкомъ, держа его за руку. Въ другой рукѣ у нея былъ топоръ.

Мальчики и дѣвочки выползли, одинъ за другимъ. И мы стояли съ выпученными глазами, съ открытыми ртами, пока парочка не

вошла въ деревню и не скрылась изъ глазъ. Тогда-то мы прозвали ее Храбрецомъ.

Мы оставили черный флагъ исполнять свою печальную должность: у насъ было теперь другое на умѣ. Мы бросились бѣгомъ къ деревнѣ, чтобы поднять тревогу и избавить Жанну отъ опасности. Впрочемъ, послѣ того, что̀ я видѣлъ, казалось, положеніе человѣка было незавидно: топоръ-то былъ у Жанны! Когда мы добѣжали, опасность уже миновала: сумасшедшій былъ запертъ. Всѣ стеклись на площадку передъ церковью потолковать о происшествіи, покричать, поудивляться: на два-три часа забыли даже про печальныя вѣсти о мирѣ.

Всѣ бабы обнимали и цѣловали Жанну, восклицая, восхваляя ее, и плакали; а мужики гладили ее по головкѣ и сожалѣли, что она— не мужчина: послали бы ее на войну—и всеконечно она совершила бы славные подвиги. Ей пришлось вырываться, бѣжать и прятаться: такая слава была слишкомъ большимъ соблазномъ для ея скромности.

Само собой разумѣется, всѣ начали разспрашивать насъ о подробностяхъ. Мнѣ было такъ стыдно, что я извинился передъ первымъ любопытнымъ и тихонько ушелъ къ Древу Фей, чтобы опомниться отъ этихъ вопросовъ. Тутъ я нашелъ Жанну: она тоже оправлялась отъ смущенія, причиненнаго ей славой. И другія дѣти, другъ за дружкой, ускользнули отъ допрощиковъ и присоединились къ намъ въ нашемъ убѣжищѣ. Мы окружили Жанну и спрашивали ее, какъ она осмѣлилась на такую штуку. Она сказала очень скромно:

— Вы говорите объ этомъ, какъ Богъ знаетъ о чемъ. Ошибаетесь: дѣло было неважное. Я, вѣдь, не была чужая этому человѣку. Я знаю его, и ужъ давно. Онъ тоже знаетъ меня, и я нравилась ему. Я часто кормила его черезъ рѣшетку его клѣтки. А въ послѣднемъ декабрѣ, когда ему отрубили два пальца, чтобы онъ пересталъ хватать и бить прохожихъ, я каждый день перевязывала его руку, пока она не зажила.

— Все это хорошо—сказала Манжетка—но, милая моя, вѣдь, онъ — сумасшедшій: любовь, благодарность, дружба — все пропадаетъ у него, когда онъ разъярится. Ты шла на опасное дѣло.

— Конечно—сказалъ Подсолнечникъ.—Развѣ онъ не грозился убить тебя топоромъ?

— Да.

— И, вѣдь, не разъ грозился?

— Да.

— Развѣ тебѣ не было страшно?

— Нѣтъ... т. е., не очень... чуть-чуть.

— Отчего жъ ты не испугалась?

Она подумала одно мгновенье и сказала очень просто:

— Не знаю.

Всѣ захохотали. А Подсолнечникъ сказалъ, что это похоже на то, какъ еслибы овца старалась понять, какъ это она съѣла волка.

Цецилія Летелье спросила:

— Отчего ты не побѣжала за нами?

— Да, вѣдь, нужно же было проводить его въ клѣтку; нето онъ убилъ бы кого-нибудь, или изувѣчилъ бы себя самого.

Замѣтьте, что этотъ отвѣтъ, показавшій, что Жанна совсѣмъ забывала себя и собственную опасность, думая только о спасеніи другихъ, не вызвалъ никакого возраженія или толкованія: всѣ сочли его дѣломъ обыкновеннымъ и правдивымъ. Это доказываетъ, до чего ея нравъ былъ ясенъ и всѣмъ хорошо извѣстенъ.

На время водворилось молчаніе. Быть можетъ, всѣ мы думали одно и то же: какъ мы были жалки въ этомъ дѣлѣ, въ сравненіи съ подвигомъ Жанны! Я старался какъ-нибудь объяснить себѣ, почему я бѣжалъ и бросилъ дѣвочку на произволъ сумасшедшаго, вооруженнаго топоромъ? Но всѣ объясненія казались мнѣ такими вздорными и пошлыми, что я бросилъ думать и стоялъ пнемъ.

Другіе поступили глупѣе. Ноэль Рэнгессонъ повертѣлся-повертѣлся, да и выпалилъ слово, которое выдало его умъ:

— Дѣло въ томъ, что онъ взялъ меня нечаянностью. Еслибъ мнѣ дали минутку подумать, я и не подумалъ бы бѣжать — все-равно, какъ еслибъ передо мной былъ ребенокъ. Вѣдь, въ концѣ концовъ, что такое Теофиль Бенуа, чтобы мнѣ бояться его? Фи, испугаться такого ничтожества! Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ онъ явился теперь: я показалъ бы вамъ!

— И я тоже!—закричалъ Пьеръ Морэль.—Ужъ онъ у меня

полѣзъ бы на это дерево живѣй, чѣмъ... Вы увидѣли бы, что̀ бы я сдѣлалъ! Какъ хорошо—огорошить человѣка нечаянностью! Вѣдь, я и не думалъ бѣжать взаправду. Право, вовсе я не думалъ бѣжать взаправду. Мнѣ хотѣлось только пошутить: и когда я увидѣлъ, что Жанна стоитъ тамъ, а онъ грозится ей, только это и удержало меня, чтобъ не пойти туда и не отбить ему всѣ печенки. Мнѣ *хотѣлось* сдѣлать это несовсѣмъ хорошо. Но еслибъ пришлось опять, я *сдѣлалъ бы то же* самое. Но приди-ка онъ опять дурачиться подлѣ меня, я ему...

— Да замолчите!—вмѣшался Паладинъ съ пренебреженіемъ.— Ну, что вы болтаете! Подумаешь, какое геройство—стоять передъ жалкимъ получеловѣкомъ и смотрѣть ему въ глаза! Сущій вздоръ! Я долженъ сказать, что не велика слава стоять лицомъ къ лицу передъ *нимъ*. Я бы нашелъ игру получше, чѣмъ стоять хотя бы передъ сотней такихъ. Приди онъ опять сюда, я пойду на него, вотъ какъ стою сейчасъ. Мнѣ плевать, хоть бы у него была тысяча топоровъ. И сказалъ бы я...

И онъ пошелъ, пошелъ разсказывать, сколько смѣлаго наговорилъ бы онъ и сколько натворилъ бы чудесъ. Другіе тоже вставляли свое словечко насчетъ кровавыхъ чудесъ, которыя они надѣлали бы, еслибы сумасшедшій осмѣлился опять стать имъ на дорогѣ. А пока они всѣ были готовы идти на него. Они живо показали бы ему, что если онъ думаетъ второй разъ застать ихъ врасплохъ, потому что ему это уже удалось, то очень ошибается. Вотъ и все!

Такъ-то, въ концѣ концовъ, всѣ они старались поддержать самоуваженіе да еще немного наддать. И вправду, когда засѣданіе кончилось, они были болѣе высокаго мнѣнія о себѣ, чѣмъ когда либо.

ГЛАВА VI.

Разгромъ гнѣзда.—Походъ дѣтей.

Мирно, пріятно, плавно текли эти дни нашей юности. То-есть такъ было вообще, ибо мы были удалены отъ поприща войны. Но время отъ времени разбойничьи шайки подходили довольно близко къ намъ: мы могли судить объ этомъ по зареву на ночномъ небѣ, обозначавшему,

гдѣ онѣ палили какой-нибудь хуторъ или деревню. И всѣ мы знали или хоть чувствовали, что когда-нибудь онѣ подойдутъ еще ближе, и придетъ наша очередь. Этотъ тупой страхъ лежалъ на нашей душѣ, словно настоящее бремя. Онъ сильно возросъ, года два спустя послѣ мира въ Труа.

То былъ для Франціи поистинѣ печальный годъ. Однажды—какъ это случалось не разъ—мы только-что выдержали настоящій бой съ этими противными бургундскими мальчишками деревни Максэ. Насъ поколотили, и мы уже въ потемкахъ возвратились на нашъ берегъ рѣки, избитые, усталые. Слышимъ, бьетъ набатъ. Мы бросились впередъ. Когда прибѣжали на площадь, она кишѣла возбужденными сельчанами, которыхъ зловѣще освѣщали дымящіеся, сверкающіе факелы.

На церковной паперти стоялъ незнакомецъ, бургундскій священникъ. Онъ разсказывалъ новости, отъ которыхъ народъ то рыдалъ, то разъярялся, то бранился. Онъ сказалъ, что нашъ старый безумный король умеръ: и теперь мы, и Франція, и корона—собственность англійскаго ребенка, лежащаго въ колыбели, въ Лондонѣ. Онъ убѣждалъ насъ признать этого ребенка, быть его вѣрными слугами и доброжелателями. Онъ говорилъ, что наконецъ-то у насъ будетъ сильное, прочное правительство, и что вскорѣ англійскія войска двинутся въ свой послѣдній походъ: вѣдь, остается только захватить тѣ клочки нашей земли, что уцѣлѣли еще подъ этой почти забытой тряпкой—подъ французскимъ знаменемъ!

Всѣ бросались къ нему съ яростью. Можно было видѣть съ дюжину кулаковъ, которые грозили ему надъ цѣлымъ моремъ лицъ, освѣщенныхъ факелами. То было дикое зрѣлище, бросавшее въ дрожь. И первое мѣсто въ немъ занималъ священникъ. Онъ стоялъ подъ яркимъ свѣтомъ и смотрѣлъ на ярившійся народъ самымъ спокойнымъ, равнодушнымъ взоромъ,—такъ что вамъ хотѣлось бы сжечь его на мѣстѣ, и всетаки вы восхищались его внушительной холодностью. Особенно леденили его заключительныя слова. Вѣдь, онъ разсказалъ, какъ на похоронахъ нашего стараго короля, французскій канцлеръ сломалъ свой должностной жезлъ надъ гробомъ «Карла VI и его династіи» и громко воскликнулъ: «Многая лѣта Генриху, королю Франціи и Англіи, нашему державному Государю!»

А потомъ пригласилъ нашихъ, вмѣстѣ съ нимъ, сказать «Аминь!» всему *этому*.

Всѣ побѣлѣли отъ негодованія. На мгновенье оно сковало языки: никто не могъ сказать слова. Но Жанна подошла къ попу, взглянула ему въ лицо и сказала своимъ трезвымъ, серьезнымъ тономъ:

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы твоя голова отвалилась отъ туловища!

Затѣмъ, помолчавъ немного, она перекрестилась и прибавила:

— Если бы на то была Божья воля.

Это стоитъ запомнить. И скажу вамъ, почему? Жанна въ первый разъ въ жизни сказала такое грубое слово. Когда я раскрою передъ вами всѣ перенесенныя ею бури, обиды, гоненія, вы увидите, что истинное чудо — какъ она могла хоть разъ въ жизни молвить такъ жестко.

Съ того дня, какъ пришли эти страшныя вѣсти, мы переживали ужасъ за ужасомъ: грабители то-и-дѣло являлись почти у самыхъ нашихъ дверей. Мы жили подъ возроставшимъ страхомъ; но чья-то милость хранила насъ отъ настоящаго нападенія. Наконецъ, пришелъ и нашъ чередъ. Случилось это весной 1428-го года. Среди темной ночи налетѣли на насъ бургундцы цѣлымъ роемъ, съ страшнымъ гвалтомъ. Намъ пришлось вскочить и бѣжать, спасая свою жизнь. Мы направились къ Нёшато, стремясь въ дикомъ безпорядкѣ: каждому хотѣлось обогнать всѣхъ,—и всѣ мѣшали другъ дружкѣ. Но у Жанны была холодная голова—только у ней одной; она взялась командовать и привела этотъ хаосъ въ порядокъ. Она дѣйствовала живо, точно и быстро и вскорѣ превратила ожесточенное бѣгство въ довольно правильное шествіе. Согласитесь, это было недурно для такой молодой особы, да еще дѣвочки.

Тогда ей было шестнадцать. Она была статна, изящна. А красота—такая, что мнѣ кажется, будто я преувеличиваю, описывая ее, а между тѣмъ я не боюсь перейти предѣлы правды. Въ ея лицѣ была именно та миловидность, ясность, чистота, въ которой отражалась ея духовная природа. Она была глубоко религіозна. Это иногда придаетъ человѣку угрюмый видъ; но съ ней не случилось этого. Ея вѣра дѣлала ее внутренно довольной и веселой. Если время отъ времени она омрачалась, и замѣчалась тоска въ ея

лицѣ и во всей фигурѣ, то это происходило лишь отъ скорби по своей странѣ, а отнюдь не отъ религіи.

Значительная часть нашей деревни была разрушена. И когда можно было возвратиться безопасно, мы на себѣ испытали страданія, которыя выносилъ народъ во всѣхъ другихъ краяхъ Франціи,—выносилъ много лѣтъ, о, десятки лѣтъ! Впервые увидѣли мы разрушенные, обугленные дома, а на улицахъ и въ переулкахъ—скелеты безгласныхъ созданій, убитыхъ такъ-себѣ, изъ шалости. И между ними валялись телята и ягнята, эти любимцы дѣтей: жалко было видѣть, какъ дѣти горевали объ нихъ!

А потомъ—налоги, налоги! Каждый только и думалъ о нихъ. Тяжко было это бремя теперь, когда хозяйство общинъ было разстроено: у всѣхъ вытянулись лица отъ этой мысли. А Жанна сказала:

— Платить налоги изъ ничего—это дѣлала и остальная Франція уже много лѣтъ; а мы до сихъ поръ не знали этого горя. Теперь и мы должны узнать его.

Такъ она все говорила объ этомъ, и все больше и больше волновалась; наконецъ, всѣ поняли, что это наполняло всю ея голову.

Теперь мы приходимъ къ страшному дѣлу. То былъ сумасшедшій, забитый на смерть въ своей желѣзной клѣткѣ, на углу площади. То было кровавое, ужасное зрѣлище. Врядъ ли кто-нибудь изъ насъ, молодежи, видѣлъ человѣка, потерявшаго жизнь отъ насилія: оттого этотъ трупъ приковывалъ къ себѣ наше вниманіе; мы не могли оторвать глазъ отъ него. Я хочу сказать, онъ приковывалъ всѣхъ насъ, кромѣ одного,—кромѣ Жанны. Она отвернулась съ ужасомъ, и нельзя было уговорить ее подойти опять. Вотъ разительное доказательство того, что мы—рабы привычки и условій, да; а также мы видимъ тутъ ясно, какія мы игрушки въ рукахъ суровой, недоброй судьбы! Очевидно было опредѣлено такъ, что именно тѣ изъ насъ, которыхъ особенно приковывала къ себѣ изуродованная, кровавая смерть, провели всю свою жизнь въ мирѣ, а та, которая имѣла врожденное, глубокое отвращеніе къ ней, должна была тотчасъ идти въ походъ, и смерть стала для нея обычнымъ, каждодневнымъ зрѣлищемъ на поляхъ битвъ.

Можно представить себѣ, чтò было у насъ толковъ теперь, когда

произошелъ разгромъ нашей деревни, который казался намъ величайшимъ событіемъ, когда-либо случавшимся въ мірѣ! Вѣдь, эти глупые крестьяне только *думали*, будто признаютъ важность нѣкоторыхъ прежнихъ событій, тускло отражавшихся въ ихъ головахъ: въ сущности, они не понимали ихъ. Одно рѣзкое дѣльце, видимое ихъ тѣлеснымъ очамъ, хватавшее ихъ самихъ за живое, было для нихъ чудеснѣе величайшихъ далекихъ дѣяній міровой исторіи, о которыхъ они знали изъ вторыхъ рукъ и по наслышкѣ. Забавно вспомнить, какъ наши родители толковали тогда. Вотъ покуриваютъ они и жрутъ чудеснѣйшимъ образомъ. И старый Жакъ д'Аркъ говоритъ:

— О, да, правду сказать, отличныя дѣла! Нужно доложить обо всемъ королю. Пора ему бросить лѣнь и спячку и взяться за свои дѣла!

Это онъ такъ о нашемъ-то молодомъ королѣ Карлѣ VII, гонимомъ бѣглецѣ, лишенномъ наслѣдства!

— Вы правду сказали,—замѣтилъ мэръ.—Ему нужно доложить, и сейчасъ. Обидно попускать все это. Какъ! Мы не безопасны въ собственныхъ постеляхъ, а онъ тамъ гдѣ-то прохлаждается. Нужно, нужно, чтобъ всѣ знали. Вся Франція должна взяться за это!

Послушать ихъ—такъ выходило, что тысяча прежнихъ грабежей и поджоговъ во Франціи была сказкой, а ихъ дѣло—одно только настоящее. Всегда такъ: пока плохо сосѣду, довольно поболтать, а, вотъ, какъ достанется самому, тогда король долженъ подыматься и что-нибудь *дѣлать*.

Великое событіе вызвало много толковъ и у насъ, у молодежи. Наши рѣчи разливались потокомъ, когда мы пасли стада. Мы уже начинали важничать: вѣдь, мнѣ было восемнадцать, а другіе были старше на одинъ-четыре года. Ужъ молодые люди! Однажды Паладинъ высокомѣрно разносилъ французскихъ генераловъ изъ патріотовъ. Онъ сказалъ:

— Взгляните на Побочнаго Орлеана, Дюнуа (20)! *Его*-то называть генераломъ! Поставьте меня на его мѣсто—и никто не повѣритъ, что я натворю Не мое дѣло—говорить: у меня нѣтъ глотки на это. Мое дѣло *дѣйствовать*: пусть другіе болтаютъ! Ну, поставьте меня на его мѣсто: вотъ и все! А вотъ вамъ Сентрайль—фи! И еще этотъ хвастунишка Ля-Гиръ. И *онъ*—тоже генералъ!

Всѣхъ задѣли такія легкомысленныя слова объ этихъ великихъ именахъ: въ нашихъ глазахъ эти славные воины были чуть не божествами. Въ своемъ далекомъ блескѣ, они рисовались въ нашемъ воображеніи огромными темными тѣнями, внушавшими страхъ: и ужасно было слышать, что о нихъ говорятъ, какъ о простыхъ смертныхъ, объ ихъ дѣяніяхъ судятъ и рядятъ. Жанна покраснѣла и сказала:

— Какъ это находятся люди, которые могутъ говорить такъ грубо о такихъ возвышенныхъ душахъ, объ этихъ истинныхъ столпахъ французскаго государства, что̀ отстаиваютъ его каждый день цѣной собственной крови! А я считала бы величайшею честью, еслибъ мнѣ позволили хоть однимъ глазкомъ взглянуть на нихъ—издалека, конечно: вѣдь, такимъ, какъ я, не придется подойти къ нимъ поближе.

Паладинъ смутился на мгновенье, видя по лицамъ окружающихъ, что Жанна высказала то, что̀ всѣ чувствовали. Но вслѣдъ затѣмъ онъ запасся самодовольствомъ и давай опять все порицать. Но братъ Жанны, Жанъ, сказалъ:

— Если тебѣ не нравятся дѣйствія нашихъ генераловъ, отчего бы тебѣ самому не пойти на великую войну, чтобы поправить ихъ? Ты все говоришь о походахъ, а самъ—ни съ мѣста.

— Вотъ еще!—возразилъ Паладинъ.—Это легко сказать. Ну, объясню вамъ, отчего я прокисаю тутъ, среди безкровнаго спокойствія, такъ противнаго моей природѣ, какъ извѣстно всѣмъ. Я не иду, оттого что я не дворянинъ. Вотъ и все! Что можетъ подѣлать простой воинъ въ такой борьбѣ? Ровно ничего. Ему не дозволяется выдвигаться изъ рядовъ. Будь я дворянинъ, развѣ я оставался бы здѣсь? Ни на мгновенье. Я могу спасти Францію... О, вы можете смѣяться; но я знаю, что̀ сидитъ во мнѣ, что̀ кроется подъ этой мужицкой шапкой. Да, я могу спасти Францію; и готовъ сдѣлать это, но только не при настоящихъ условіяхъ. Если я нуженъ имъ, пусть пришлютъ за мной. Иначе—пусть не жалуются на послѣдствія. Я не тронусь съ мѣста иначе, какъ въ качествѣ офицера.

— Увы, бѣдная Франція! Она погибла! — воскликнулъ Пьеръ д'Аркъ.

— Да, вотъ, за мной не посылали, и я точно такъ же не дво-

рянинъ, какъ и ты. Но я пойду, обѣщаюсь пойти. Обѣщаюсь пойти рядовымъ подъ твоей командой—когда пришлютъ за тобой.

Всѣ захохотали, а Драконова Муха сказалъ:

— Такъ скоро? Ну, такъ пора собираться. Вѣдь, васъ могутъ позвать лѣтъ черезъ пять—кто знаетъ? Да. По мнѣ, вы пойдете въ походъ черезъ пять лѣтъ.

— Онъ пойдетъ раньше,—сказала Жанна. Сказала это она тихо и задумчиво, но многіе слышали.

— Почемъ ты знаешь, Жанна?—спросилъ Драконова Муха съ удивленіемъ. А Жанъ д'Аркъ перебилъ его:

— Мнѣ то же нужно идти. Но я еще молодъ и подожду: пойду когда позовутъ Паладина.

— Нѣтъ—сказала Жанна:—онъ пойдетъ съ Пьеромъ.

Она сказала это, какъ говорятъ вслухъ сами съ собой; и никто не слышалъ ея, кромѣ меня. Я взглянулъ на нее: вижу, вязальныя спицы не дѣйствуютъ въ ея рукахъ, а на лицѣ ея задумчивость и разсѣянность. Губы ея двигались, словно она говоритъ что-то про себя. Но звуковъ не было: я, вѣдь, стоялъ какъ разъ подлѣ нея, а ничего не слышалъ. Однако я навострилъ уши. Эти два ея слова поразили меня: я былъ суевѣренъ, и меня тревожило все чуть-чуть необычайное и странное. А Ноэль Рэнгессонъ сказалъ:

— Францію можно спасти лишь однимъ—если только спасеніе возможно. Въ нашей общинѣ есть *одинъ* дворянинъ, во всякомъ случаѣ. Отчего бы Школяру не помѣняться съ Паладиномъ именемъ и званіемъ? Тогда Паладинъ сталъ бы офицеромъ. Франція послала бы за нимъ—и онъ смелъ бы въ море, какъ мухъ, эти англійскія и бургундскія рати!

Школяръ—это былъ я: такъ прозвали меня, оттого что я умѣлъ читать и писать. Всѣ одобрили хоромъ, а Подсолнечникъ сказалъ:

— Вотъ это—дѣло: это устраняетъ всякія препятствія. Сьёръ де-Контъ охотно пойдетъ на это. Да; а самъ онъ пойдетъ за полководцемъ Паладиномъ и умретъ спозаранку, покрытый славой рядоваго.

— Онъ пойдетъ съ Жаномъ и Пьеромъ и будетъ жить, пока не забудется эта война,—пробормотала Жанна.—И въ двѣнадцатый часъ Ноэль и Паладинъ присоединятся къ нимъ, но не по собственному желанію.

Сказано было это такъ тихо, что не ручаюсь, вѣрно ли я передаю ея слова; но мнѣ такъ именно показалось. Вѣдь, такіе звуки походятъ на ползанье насѣкомаго.

— Теперь ладно—продолжалъ Ноэль.—Все въ порядкѣ. Остается только строиться подъ знаменемъ Паладина и—идти вызволять Францію. Всѣ ли согласны присоединиться?

Всѣ закричали «да», кромѣ Жака д'Аркъ. Онъ сказалъ:

— Прошу извинить меня. Пріятно болтать о войнѣ: и я тутъ болталъ съ вами и все думалъ, что слѣдуетъ теперь идти на войну. Но когда я увидѣлъ нашу разрушенную деревню и этого изрѣзаннаго, окровавленнаго сумасшедшаго, я понялъ, что не созданъ для такого дѣла и для такого зрѣлища. Такія передряги не по-мнѣ. Стоять лицомъ къ лицу съ мечами, съ большущими пушками, со смертью—нѣтъ, это—не мое дѣло! Нѣтъ, нѣтъ, не разсчитывайте на меня. Къ тому же я — старшій сынъ, будущая опора и покровитель семьи. Если вы берете съ собой Жана и Пьера, кто-нибудь долженъ же оставаться, чтобы позаботиться о Жаннѣ и ея сестрѣ. Я останусь дома, состарѣюсь въ мирѣ и спокойствіи.

— Онъ останется дома, но не доживетъ до старости,—пробормотала Жанна.

Болтовня продолжалась весело и беззаботно: таково преимущество юности! И мы дали Паладину расписывать планы своихъ походовъ, давать битвы, одерживать побѣды, истреблять англичанъ, сажать нашего короля на престолъ и возлагать на него корону. Потомъ мы спросили его, что̀ онъ отвѣтитъ королю, когда тотъ спроситъ его, какой онъ хочетъ награды? Паладинъ все это обдумалъ и живо отвѣтилъ:

— Пусть дастъ мнѣ герцогское достоинство, назоветъ первымъ пэромъ и сдѣлаетъ наслѣдственнымъ великимъ коннетаблемъ Франціи (21)!

— И пусть женитъ тебя на принцессѣ: ты, вѣдь, не упустишь такого случая, не правда-ли?

Паладинъ покраснѣлъ немножко и выпалилъ:

— Онъ можетъ оставить себѣ свою принцессу: найду невѣсту ближе по моему вкусу.

Онъ имѣлъ въ виду Жанну; но тогда никто и не подозрѣвалъ

этого. А если бы кто догадался, Паладина засыпали бы насмѣшками за его тщеславіе. Въ той деревнѣ не было жениха, достойнаго Жанны: всякій сказалъ бы такъ.

Каждый, въ свою очередь, долженъ былъ сказать, какой награды потребовалъ бы онъ отъ короля, если бы былъ на мѣстѣ Паладина и совершилъ тѣ чудеса, которыя собирался совершить онъ. Отвѣтами шутили: каждый старался превзойти своего предшественника въ чудовищности предполагаемой награды. Когда пришла очередь Жанны, когда шутками вывели ее изъ задумчивости и потребовали отвѣта, пришлось объяснять ей, въ чемъ дѣло: ея мысли были далеко; она ничего не слышала изъ нашей послѣдней болтовни. Она думала, что отъ нея требуютъ отвѣта не въ шутку, и не замедлила дать его. Она сѣла, подумала минутку и сказала:

— Еслибы дофинъ, по своей милости и благородству, сказалъ мнѣ: «Вотъ, я сталъ богатъ и получилъ свое; выбирай и бери!» я преклонила бы колѣна и попросила бы его приказать навсегда освободить нашу деревню отъ налоговъ.

Это было сказано такъ просто и отъ всего сердца, что мы были тронуты: мы уже не смѣялись, а задумались. Мы не смѣялись; но пришелъ день, когда мы, съ грустной гордостью, вспомнили эти слова и радовались, что не посмѣялись. Мы поняли тогда, какъ благородны были эти слова: мы видѣли, какъ добросовѣстно повторила она ихъ потомъ, прося у короля именно этого дара и отказываясь отъ всего для себя самой.

ГЛАВА VII.

Видѣніе.—Да воскреснетъ Франція!

Во все дѣтство и до половины своего четырнадцатаго года, Жанна была самымъ радостнымъ, веселымъ созданіемъ въ деревнѣ: она вѣчно скакала, прыгала, заливалась счастливымъ, заразительнымъ смѣхомъ. При такомъ нравѣ, при ея горячей, милой природѣ, при свободномъ, прельщающемъ обращеніи, она стала всеобщей любимицей. Все это время она была пылкой патріоткой. Порой воен-

ныя новости заставляли ее задумываться, терзали ея сердце, вызывали у нея слезы; но при этомъ всегда она умѣла воспрянуть духомъ и снова овладѣвать собой.

Но вотъ уже съ годъ съ половинкой, какъ она стала все больше и больше серьезничать. То была не кручина, а задумчивость, мечтательность, разсѣянность. Она носила Францію въ своемъ сердцѣ и находила, что это—не легкое бремя. Я-то зналъ, что тутъ причина ея тревогъ; а другіе приписывали ея разсѣянность религіозной восторженности: она, вѣдь, не дѣлилась своими мыслями съ деревней. Она намекала о нихъ только мнѣ: оттого-то я зналъ лучше другихъ, что поглощало ея вниманіе. Нерѣдко мнѣ приходило въ голову, что у нея какая-то тайна,—тайна, которую она хранила только про себя, скрывая и отъ меня, и отъ другихъ. Я думалъ такъ оттого, что часто она прерывалась и перемѣняла разговоръ въ ту минуту, когда, повидимому, готова была сдѣлать какое-то признаніе. Мнѣ раскрылась тайна, но не сейчасъ.

На другой день послѣ разсказаннаго разговора, мы собрались на пастбищѣ и, какъ водится, начали болтать о Франціи. Ради Жанны, я, бывало, все обнадеживалъ; но то было чистое вранье: правду сказать, не было ровно ничего, къ чему можно бы было пристегнуть надежды. Мнѣ стало, наконецъ, такъ тяжело лгать ей, такъ стыдно столь предательски поступать съ созданіемъ, чистымъ, какъ снѣжинка, отъ лжи и измѣны, даже отъ заподозрѣнія другихъ въ такой низости: я рѣшился остепениться; я началъ все съизнова и уже никогда больше не оскорблялъ ее обманомъ. Я началъ новую политику, впрочемъ не безъ маленькой лжи: вѣдь, привычка—привычкой; и мнѣ хотѣлось не выкидывать человѣка изъ окошка, а осторожно свести его ступенька за ступенькой. Итакъ, я сказалъ:

— Жанна, этой ночью я пораздумалъ обо всемъ и нашелъ, что мы все время ошибались. Положеніе Франціи отчаянно. Оно было отчаянно уже съ Азенкура; а теперь оно даже не просто отчаянно, а безнадежно.

Говоря такъ, я не смотрѣлъ ей въ глаза. Этого вы и не ожидали отъ меня. Развѣ не срамъ—разбить ей сердце, разрушить ея надежды такой искренно жестокой рѣчью, не вставивъ въ нее ни одного мягкаго мѣстечка? Но когда дѣло было сдѣлано, бремя свалилось и

моя совѣсть всплыла на поверхность, я взглянулъ ей въ лицо, чтобы видѣть, какъ это подѣйствовало на нее.

Никакъ. По крайней мѣрѣ, не того я ждалъ. Въ ея серьезныхъ глазахъ замѣтно было лишь легкое изумленіе—и больше ничего. И она сказала, какъ всегда, просто, смиренно:

— Положеніе Франціи безнадежно? Почему ты такъ думаешь? Скажи мнѣ.

Какъ пріятно, когда видишь, что то, чтò, по вашему, должно бы уязвить уважаемую вами особу, не произвело такого дѣйствія! Теперь я воспрянулъ духомъ: я могъ говорить что угодно безъ опаски, безъ затрудненій. И я началъ:

— Отбросимъ чувство и патріотическія мечты, посмотримъ въ глаза дѣйствительности. Что мы видимъ? Самое дѣло говоритъ ясно, какъ приходо-расходная книга купца. Стоитъ только подвести итоги двухъ столбцовъ, чтобы видѣть, что французскій торговый домъ обанкрутился: одна половина его имущества уже въ рукахъ англійскаго шерифа (22), другая—ни въ чьихъ рукахъ, если не считать тѣхъ безшабашныхъ грабителей и разбойниковъ, которые никому не присягаютъ. Нашъ король, впавшій въ позорную лѣность и нищету, забился, съ своими любимчиками и шутами, въ уголокъ королевства,—въ какую-то пустышку, можно сказать. Тамъ, да и нигдѣ, нѣтъ у него власти, нѣтъ ни копѣйки, ни полка воиновъ. Онъ не сражается, не намѣревается сражаться, не думаетъ о сопротивленіи. Сказать правду, онъ думаетъ только объ одномъ — бросить все, швырнуть корону въ сточную трубу и удрать въ Шотландію. Вотъ каковы дѣла. Вѣрно ли я сказалъ?

— Да, вѣрно.

— Ну, и выходитъ, какъ я сказалъ: остается только сдѣлать сложеніе—и дѣло ясно.

Она спросила своимъ обычнымъ, ровнымъ голосомъ:

— Что ясно? Что положеніе Франціи безнадежно?

— Точно такъ. Въ этомъ нельзя сомнѣваться, въ виду сказаннаго.

— Какъ ты можешь говорить такъ? Какъ можешь ты *чувствовать* такъ?

— Какъ я могу? Да какъ же мнѣ иначе думать или чувство-

вать при такихъ обстоятельствахъ? Жанна! Неужели, съ такими цифрами передъ носомъ, ты можешь взаправду надѣяться на что-нибудь для Франціи?

— Надѣяться? О, больше, чѣмъ надѣяться! Франція добудетъ свободу и сохранитъ ее. Не сомнѣвайтесь!

Мнѣ показалось, что въ тотъ день ея свѣтлый умъ очевидно затуманился: иначе она видѣла бы, что эти цифры *могли* означать только одно. Дай-ка, думаю себѣ, опять выложу ихъ: тогда она увидитъ, въ чемъ дѣло. И я сказалъ:

— Жанна. Твое сердце, обожающее Францію, отуманиваетъ твою голову. Ты не понимаешь важности этихъ цифръ. Ну, я начерчу ихъ на землѣ палкой. Вотъ это—грубый очеркъ Франціи. Посрединѣ, съ востока на западъ, ставлю рѣку.

— Такъ, Луару.

— Ну, такъ вотъ, вся эта сѣверная половина страны въ крѣпкихъ когтяхъ англичанина.

— Такъ!

— А вотъ эта, вся южная половина, въ сущности, никому не принадлежитъ: это признаетъ самъ нашъ король, такъ какъ онъ замышляетъ бѣжать въ чужую землю. Здѣсь стоятъ вражескія рати. И такъ какъ сопротивленія нѣтъ, то Англія можетъ захватить, что̀ ей угодно. Сказать правду, уже *вся* Франція пропала: она уже погибла, перестала существовать. Что было Франціей, то стало теперь британскою волостью. Правду ли я говорю?

Она отвѣчала тихо и отчетливо, хотя съ волненіемъ:

— Да, правду.

— Отлично. Теперь прибавь еще одну рѣшительную цифру— и сумма будетъ полная: гдѣ побѣды французовъ? Нѣсколько лѣтъ назадъ, шотландскіе воины, подъ знаменемъ Франціи, выиграли одно-два безплодныхъ сраженія; но я говорю о французахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ, съ дюжину лѣтъ тому назадъ, 8.000 англичанъ почти уничтожили 60.000 французовъ, подъ Азенкуромъ, французская храбрость сломлена. Теперь всѣ говорятъ, что встрѣться пятьдесятъ французскихъ воиновъ съ пятью англійскими—французы побѣгутъ.

— Это очень жалко; но и это правда.

— Такъ не ясно ли, что дни надеждъ *прошли?*

Ну, думаю, теперь она поняла. Не могла же она не убѣдиться; скажетъ же она сама, что нѣтъ никакой надежды. Но я ошибся— и совсѣмъ былъ сбитъ съ толку. Она сказала, безъ всякихъ колебаній:

— Франція опять подымется. Вотъ увидишь!

— Подымется? Съ такимъ бременемъ на спинѣ, какъ англійскія рати?

— Она сброситъ бремя. Она растопчетъ его ногами!

Это она сказала съ жаромъ.

— Безъ воиновъ?

— Барабаны позовутъ ихъ. Они откликнутся и пойдутъ.

— Пойдутъ позади, какъ всегда?

— Нѣтъ, въ челѣ, все въ челѣ, все въ челѣ! Вотъ увидишь!

— А бѣдняга-король?

— Онъ взойдетъ на престолъ. Онъ надѣнетъ корону.

— Съ тобой голова кругомъ пойдетъ! Какъ! Чтобы я повѣрилъ, что черезъ тридцать лѣтъ англійское владычество рухнетъ и голова французскаго монарха украсится настоящею государевой короной?..

— И то, и другое сбудется, не пройдетъ и двухъ лѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но кто же совершитъ всѣ эти дивныя чудеса?

— Богъ.

То былъ тихій, благоговѣйный звукъ; но онъ прозвучалъ чисто.

Откуда у нея такія странныя мысли? Этотъ вопросъ вертѣлся въ моей головѣ дня два-три. Неизбѣжно приходилось подумать о помѣшательствѣ: иначе какъ же объяснить такія вещи? Жалость, вѣчныя думы о бѣдствіяхъ Франціи сломили этотъ сильный умъ, наполнили его странными призраками. Такъ, не иначе.

Но я слѣдилъ за ней, пыталъ ее: нѣтъ, это—не то. Ея взоръ былъ ясенъ и здоровъ; ея обращеніе было естественно, рѣчь—прямая и мѣткая. Нѣтъ, съ ея умомъ ничего не приключилось: попрежнему, то была самая здоровая и свѣтлая головка въ цѣлой деревнѣ! Она думала за другихъ, строила замыслы за другихъ, жертвовала собой для другихъ—совершенно такъ, какъ всегда. Она ухаживала за своими больными и нищими; и все еще была готова уступить свою постель страннику, сама довольствуясь голымъ поломъ. Правда, была какая-то тайна, но ключъ къ ней—не въ помѣшательствѣ. Это было ясно.

Наконецъ, я отыскалъ этотъ ключъ. И вотъ какъ случилось это. Вы, конечно, знаете, что всѣ толкуютъ о томъ, что̀ разскажу теперь. Но до сихъ поръ никто не слыхалъ этого отъ очевидцевъ.

Однажды—это было 15-го мая 28-го года—иду это я по холму. Дойдя до опушки дубоваго лѣса, я уже собирался выступить изъ нея на открытую лужайку, гдѣ стоялъ нашъ любимый букъ, но сначала взглянулъ украдкой... Ага! Я попятился назадъ и остановился въ тѣни, скрытый листвой. Я запримѣтилъ Жанну и затѣялъ пошутить надъ ней. И подумайте, что вышло! Эта пошлая затѣя лишь на одинъ мигъ отстояла отъ событія, которому суждено было навѣки запечатлѣться въ исторіи и въ пѣсняхъ.

Небо заволокло тучами; и все это травянистое мѣсто, гдѣ стояло Древо, было покрыто довольно густою тѣнью. Жанна сидѣла на природномъ стулѣ, образованномъ большими горбатыми корнями Древа. Ея руки безпомощно лежали на колѣнахъ, одна на другой. Голова немного склонилась къ землѣ. Вся фигура имѣла видъ человѣка, забывшагося въ мечтахъ, застывшаго въ дремотѣ, не сознающаго ни себя, ни міра. И тутъ увидалъ я престранную вещь; вижу, *бѣлая* тѣнь тихо скользитъ по травѣ къ Древу. Она была большая, въ платьѣ, съ крыльями. А бѣлизна ея была непохожа ни на что, кромѣ молніи. Да и молнія не такъ сильна: на молнію можно смотрѣть безъ боли, а этотъ блескъ ослѣплялъ до того, что закололо въ глазахъ и навернулись слезы. Я снялъ шапку, чувствуя, что предо мной что-то не отъ міра сего. У меня сперлось дыханіе отъ ужаса и благоговѣнія.

Еще странная вещь. Лѣсъ молчалъ: онъ былъ пораженъ тѣмъ глубокимъ затишьемъ, которое овладѣваетъ имъ, когда надвигается грозовая туча и дичь дрожитъ отъ страха. А тутъ наоборотъ: всѣ птицы залились пѣснями; и нельзя вообразить себѣ всей ихъ радости, трепетанья, восторга; и все это было такъ краснорѣчиво, трогательно, что очевидно совершалось богослуженіе. При первыхъ кликахъ этихъ птицъ, Жанна пала на колѣна, опустила голову и скрестила руки на груди.

А *она*-то еще не видѣла тѣни. Или пѣніе птицъ сказало ей, что она идетъ? Такъ показалось мнѣ. Пожалуй, что-нибудь подобное случалось раньше. Да, да, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнья.

Тѣнь тихо приближалась къ Жаннѣ. Она коснулась ея своимъ краемъ, пролетѣла черезъ нее, окутала ее своимъ страшнымъ блескомъ. Въ этомъ безсмертномъ свѣтѣ лицо ея, прелестное человѣчески, сдѣлалось божественнымъ. Утопая въ этой славѣ преображенія, ея жалкое крестьянское платье превратилось въ солнечную одежду дѣтей Бога, какъ видимъ мы ихъ, на ступеняхъ престола, въ нашихъ снахъ и въ воображеніи.

Теперь Жанна поднялась и стала. Голова была еще немного наклонена; руки опустились, а концы пальцевъ нѣжно сплелись передъ нею. Такъ стояла она, вся облитая этимъ дивнымъ свѣтомъ, но очевидно не знавшая того. Она, казалось, вслушивалась; но я ничего не слышалъ. Немного погодя, она подняла голову и взглянула вверхъ, какъ посмотрѣли бы мы въ лицо великану. И сложила она руки, и подняла ихъ съ мольбой, и начала отпрашиваться. Я разслышалъ нѣсколько словъ:

— Но я такая молоденькая! Охъ, покинуть мою матушку, отчій кровъ, идти въ чуждый міръ, взяться за такое великое дѣло! Ахъ, какъ мнѣ говорить съ мужчинами, быть товарищемъ мужчинъ, солдатъ! Меня станутъ обижать, презирать, будутъ грубо обращаться со мной. Какъ мнѣ идти на великую войну и вести рати?.. Я— дѣвочка, ничего я не знаю такого—ни что такое оружіе, ни какъ сѣсть на коня и ѣздить верхомъ... Но... Если такъ повелѣно...

Ея голосъ немного палъ: его прервали рыданія. Я ужъ больше ничего не слышалъ... Наконецъ, я пришелъ въ себя. Я сообразилъ, что вторгнулся въ Божественную тайну. Какая же должна быть кара за это? Я пришелъ въ ужасъ и углубился въ лѣсъ. И сдѣлалъ я зарубку на корѣ одного дерева, сказавъ про себя: «Ты спишь и вовсе не видѣлъ этого!» Приду опять, когда буду знать, что не сплю, и посмотрю — тутъ ли зарубка. Тогда ужъ я буду знать навѣрно.

ГЛАВА VIII.

Голоса.—Губернаторъ Вокулёра.

Слышу, зовутъ меня. То былъ голосъ Жанны. Это смутило меня: какъ узнала она, что я здѣсь? Ну, думаю-себѣ, этотъ сонъ еще не кончился. Голосъ, и видѣніе—все это сонъ: все это надѣ-

лали феи. И я перекрестился и произнесъ имя Божіе—чтобъ разрушить колдовство. Теперь я уже зналъ, что проснулся и освободился отъ чаръ: вѣдь, никакое колдовство не устоитъ предъ такимъ заклинаніемъ!

Тутъ меня опять позвали. Я вышелъ изъ засады. Въ самомъ дѣлѣ, то была Жанна, но смотрѣла она не такъ, какъ во снѣ. Она уже не плакала, а смотрѣла, какъ полтора года тому назадъ, когда у нея было легко на сердцѣ и она была бодра духомъ. Къ ней возвратились былое рвеніе и пылкость; и какая-то восторженность свѣтилась на ея лицѣ, во всей ея фигурѣ. Какъ будто все это время она была въ столбнякѣ, а теперь очнулась. Право, казалось, что она уходила куда-то, запропастилась, а теперь возвратилась къ намъ. И такъ я обрадовался, что хотѣлъ побѣжать созвать всѣхъ, чтобъ окружили ее и поздравили съ прибытіемъ. Я прибѣжалъ къ ней въ волненіи и сказалъ:

— Ахъ, Жанна, у меня есть что-то сказать тебѣ чудесное! Ты не повѣришь. Мнѣ снился сонъ: я видѣлъ тебя именно здѣсь, гдѣ ты стоишь сейчасъ, и...

Она подняла руку и сказала:

— То былъ не сонъ.

Меня какъ обухомъ ударило; и я опять испугался.

— Не сонъ? Почемъ ты знаешь, Жанна?

— Спишь ты теперь?

— Я? Нѣтъ, кажется, не сплю. Думаю, что не сплю.

— Да, ты не спишь: я знаю. Ты не спалъ и тогда, когда дѣлалъ зарубку на деревѣ.

Я похолодѣлъ отъ страха: теперь я удостовѣрился, что не спалъ, а воистину присутствовалъ при чемъ-то страшномъ, не отъ міра сего. И понялъ я, что стоялъ своими грѣшными ногами на святой почвѣ,—тамъ, гдѣ стояла эта небесная тѣнь. Я бросился назадъ, потрясенный ужасомъ съ ногъ до головы. Жанна—за мной. И говоритъ она.

— Не бойся! Право, нечего бояться. Пойдемъ со мной! Посидимъ у ключа: я разскажу тебѣ всю мою тайну.

Когда она собиралась начать, я остановилъ ее словами:

— Сначала скажи мнѣ вотъ что. Вѣдь, ты не могла видѣть

меня въ лѣсу: какъ же ты узнала, что я сдѣлалъ зарубку на деревѣ?

— Погоди немножко: я сейчасъ дойду до этого—и ты самъ увидишь.

— Но скажи же, что это за страшная тѣнь, которую я видѣлъ?

— Все разскажу, только не тревожься: тебѣ нѣтъ никакой опасности. То была тѣнь одного архангела—Михаила, вождя и владыки небесныхъ ратей.

Я могъ только перекреститься и задрожать: вѣдь, я осквернилъ эту почву моими стопами!

— И ты не испугалась, Жанна? Видѣла ты его ликъ, его станъ?

— Да. Я не испугалась: вѣдь, это было не впервые. Въ первый-то разъ я испугалась.

— Когда это, Жанна?

— Да ужъ года три тому назадъ.

— Такъ давно? Часто ты видѣла его?

— Да, часто.

— Такъ вотъ отчего ты измѣнилась? Вотъ отчего ты стала задумчива, не такая, какъ прежде. Теперь понимаю. Отчего жъ ты не сказала намъ?

— Было запрещено. А теперь дозволено; и скоро я разскажу всѣмъ. Но пока — только тебѣ. Нужно сохранить тайну всего нѣсколько дней.

— Кромѣ меня, никто не видалъ этой бѣлой тѣни?

— Никто. Это случилось со мной впервые, когда ты и другіе были со мной; но никто не могъ видѣть. А сегодня—не то; и мнѣ сказано, почему. Но больше ужъ никто не увидитъ опять.

— Стало-быть, то былъ знакъ мнѣ. И онъ значилъ что-нибудь?

— Да. Но я не могу сказать.

— Странно, какъ это одного даже ослѣпляетъ такой свѣтъ, а другой вовсе не видитъ его?

— Были и рѣчи. Приходило много святыхъ, окруженныхъ тьмами ангеловъ, и они говорили со мной. Я слышу ихъ голоса, а другіе не слышатъ. О, они дороги мнѣ—мои Голоса: такъ называю я ихъ про себя.

— Жанна, что же вѣщали они?

— Разное... то-есть, о Франціи.

— Что же такое?

Она вздохнула и сказала:

— Бѣдствія, одни бѣдствія, и неудачи, и униженія... Больше нечего предвѣщать...

— Такъ говорили они тебѣ все это *заранње?*

— Да. И я знала заранѣе все, что̀ случалось потомъ. Тяжко стало мнѣ: ты видѣлъ. Иначе и быть не могло. Однако всегда было и слово надежды. Мало того: вѣщалось, что Франція будетъ спасена, и станетъ она опять великой и свободной. Но какъ и кто сдѣлаетъ это—объ этомъ не говорилось... до нынѣшняго дня не говорилось.

При этихъ словахъ, въ ея глазахъ внезапно вспыхнуло глубокое пламя: я видѣлъ это потомъ много разъ, когда рога трубили нападеніе, и называлъ боевымъ огнемъ. Ея грудь поднялась, краска залила лицо. Она продолжала:

— Но нынче я узнала. Господь избралъ на это дѣло самое ничтожное изъ своихъ созданій. Не по моей волѣ,—но по Его велѣнію, съ Его помощью, Его силой должна я вести Его рати, и возвратить Францію, и возложить корону на голову Его служителя, т. е. дофинъ станетъ королемъ.

Я былъ пораженъ. Я проговорилъ:

— Ты, Жанна? Ты, ребенокъ, поведешь рати?

— Да. Эта мысль сокрушала меня на одну-двѣ минуточки. Вѣдь, я, какъ ты сказалъ, ребенокъ,—ребенокъ, не знающій ничего военнаго, несродный къ тяжкой боевой жизни, къ товариществу воиновъ. Но это мгновенье слабости прошло, и ужъ не возвратится больше. Я завербована; я не могу попятиться. Съ Божьей помощью, я должна дѣйствовать, пока отъ горла Франціи не отцѣпятся когти англичанина. Мои Голоса никогда не лгали: не солгали они и нынче. Они сказали, что я должна идти къ Роберту де-Бодрикуру, вокулёрскому губернатору: онъ дастъ мнѣ воиновъ для охраны и пошлетъ меня къ королю. Черезъ годъ отъ нынѣшняго дня разразится ударъ: и онъ будетъ началомъ конца, а конецъ наступитъ живо.

— Гдѣ разразится?

— Мои Голоса не повѣдали этого; не сказали они и того, что случится въ этомъ году, пока ударъ разразится. Знаю только одно: я предназначена нанести его, а за нимъ и другіе удары,—нанести сильно и живо: въ десять недѣль рухнутъ плоды многолѣтнихъ великихъ трудовъ Англіи, и корона будетъ возложена на голову дофина. Такова воля Божія. Вотъ что повѣдали мои Голоса. Могу ли я сомнѣваться? Нѣтъ. Будетъ такъ, какъ сказали они: они говорятъ только правду.

Страшныя слова! Моему уму они казались невозможными, но мое сердце считало ихъ правдой. Такъ-то умъ мой сомнѣвался, а сердце вѣрило; и съ того дня я не переставалъ вѣрить. А пока я сказалъ:

— Жанна, я вѣрю твоимъ словамъ. И я радъ, что пойду съ тобой на великую войну, т. е., *если* мнѣ придется слѣдовать за тобой, когда я пойду.

Она взглянула на меня съ удивленіемъ и проговорила:

— Правда, ты будешь со мной, когда я пойду на войну. Но откуда ты знаешь это?

— Я долженъ идти съ тобой, пойдутъ и Жанъ съ Пьеромъ, а Жакъ—нѣтъ.

— Все это правда. Такъ и рѣшено: въ послѣдній разъ это возвѣщено мнѣ. А до нынѣшняго дня я не знала, что пойдутъ со мной, не знала даже вообще, пойду ли я. Какъ же ты-то узналъ все это?

Я разсказалъ ей, какъ однажды она сама сказала все это. Но она не могла припомнить. Тутъ я понялъ, что тогда она дремала, или на нее нашелъ либо столбнякъ, либо какая-нибудь восторженность. Она просила покуда держать про себя эти и другія откровенія. Я обѣщалъ—и сдержалъ слово.

Всякій, кто ни встрѣчалъ Жанну въ тотъ день, замѣтилъ перемѣну въ ней: ея движенія и рѣчь были полны рвенія и рѣшимости. Въ глазахъ свѣтился какой-то странный новый огонь. Точно также было что-то совсѣмъ новое, замѣчательное, въ ея осанкѣ и поворотѣ головы. Этотъ новый свѣтъ въ глазахъ, это новое обращеніе были полны властности, повелительности, внушенной ей се-

годня Богомъ. И онѣ проявлялись въ словахъ самымъ несомнѣннымъ образомъ, но безъ хвастовства или тщеславія. Это спокойное сознаніе власти, это тихое, безсознательное его проявленіе остались за ней до тѣхъ поръ, пока не кончилось ея посланничество.

Она, какъ и всѣ сельчане, выказывала мнѣ почтеніе, связанное съ моимъ званіемъ. Но теперь мы перемѣнились ролями, не сказавъ другъ другу ни слова: она давала приказанія, а не совѣты; я принималъ ихъ съ почтительностью подчиненнаго и исполнялъ безъ возраженій. Вечеромъ она сказала мнѣ:

— Я ухожу завтра на разсвѣтѣ. Ты одинъ будешь знать объ этомъ. Иду поговорить съ вокулёрскимъ губернаторомъ, какъ повелѣно. Онъ приметъ меня презрительно и жестко обойдется со мной: на этотъ разъ, пожалуй, откажетъ въ моей просьбѣ. Но сначала пойду въ Бюрэ уговорить дядюшку Ляксара пойти со мной: мнѣ одной идти неприлично. Ты понадобишься мнѣ въ Вокулёрѣ: если губернаторъ не приметъ меня, я продиктую письмо къ нему; подлѣ меня долженъ быть человѣкъ, умѣющій писать и говорить. Ты выйдешь отсюда завтра послѣ полудня и останешься въ Вокулёрѣ, пока будешь нуженъ мнѣ.

Я обѣщалъ повиноваться—и она пошла своей дорогой. Видите, какая это была свѣжая головка, какъ мѣтко, гладко судила она. Она не велѣла идти съ собой: она не хотѣла подвергать своего добраго имени болтливымъ замѣчаніямъ. Она знала, что губернаторъ, какъ дворянинъ, приметъ меня, другаго дворянина. А, видите, не захотѣла этого. Молодой дворянинъ подаетъ просьбу за бѣдную крестьянскую дѣвушку: какъ взглянутъ на это? Она всегда охраняла свою скромность отъ оскорбленій: наградой ей было чистое имя, которое она сохранила до конца. Теперь я зналъ, что̀ дѣлать, чтобы заслужить ея одобреніе: нужно было идти въ Вокулёръ и держаться вдали отъ нея, но быть готовымъ на случай, если я понадоблюсь.

Я и отправился на другой день, послѣ полудня, и нашелъ скромное помѣщеніе. Назавтра я зашелъ въ замокъ засвидѣтельствовать почтеніе губернатору; онъ пригласилъ меня къ обѣду на слѣдующій день. Это былъ образцовый воинъ той поры—высокій, дюжій, грубый, сыпавшій бранью, которую онъ пріобрѣлъ на войнѣ и хранилъ, какъ ордена. Всю жизнь провелъ онъ на войнѣ; и по его понятіямъ,

война была лучшимъ даромъ Бога человѣку. Онъ носилъ булатную кирасу, сапоги выше колѣнъ и огромный мечъ. Когда я взглянулъ на этого Марса, услышалъ отборную ругань и замѣтилъ, что тутъ не мѣсто никакой поэзіи или чувству, я подумалъ: крестьяночкѣ не удостоиться встать передъ этой батареей; ей придется довольствоваться продиктованнымъ письмомъ.

На другой день прихожу опять въ замокъ, около полудня. Меня провели въ большую столовую и посадили подлѣ губернатора, за столикомъ, который отдѣлялся отъ общаго стола парой ступенекъ. За столикомъ, кромѣ меня, сидѣло еще нѣсколько гостей, а за общимъ столомъ сидѣли старшіе офицеры гарнизона. У входной двери стоялъ караулъ изъ алебардщиковъ, въ латахъ и шишакахъ.

Разговоръ, конечно, вертѣлся на одномъ—на отчаянномъ положеніи Франціи. Говорили, что ходитъ слухъ, будто Сольсбери собирается идти на Орлеанъ. Поднялся шумъ возбужденной болтовни. Рѣзкія сужденія сыпались градомъ. Одни утверждали, что Сольсбери двинется сейчасъ, другіе—что у него выйдетъ послѣ ужина горчица, третьи увѣряли, что осада затянется и гарнизонъ будетъ храбро отбиваться. Въ одномъ только всѣ были согласны: Орлеанъ все-таки падетъ, а съ нимъ и Франція.

На этомъ оборвались долгіе споры; настало молчаніе. Каждый, казалось, погрузился въ собственныя думы и забывалъ, гдѣ онъ. Торжественна, разительна была эта тишина, которая вдругъ водворилась тамъ, гдѣ только-что господствовало такое одушевленіе. Тутъ пришелъ слуга и шепнулъ что-то губернатору. Тотъ спросилъ:

— Хочетъ говорить со мной?

— Да, ваше превосходительство.

— Гм... Право, странная мысль! Приведите ихъ.

То были Жанна съ Ляксаромъ. При видѣ большаго собранія, храбрость покинула бѣднаго старичка-крестьянина: онъ остановился на полдорогѣ, какъ вкопанный. Пораженный страхомъ, сбитый съ толку, онъ мялъ въ рукахъ свою красную шапку и отвѣшивалъ на всѣ стороны низкіе поклоны. А Жанна упорно шла впередъ, выпрямившись, вполнѣ владѣя собой, и встала передъ губернаторомъ. Она запримѣтила меня, но не подала и виду. Прошелъ шепотъ изумленія, овладѣвшаго и губернаторомъ. Я слышалъ, какъ

онъ пробормоталъ: «Господи, какое прелестное созданіе!» Онъ подозрительно посмотрѣлъ на нее минутку-двѣ, потомъ сказалъ:

— Ну, дитя мое, съ какимъ порученіемъ пришла ты?

— У меня порученіе къ вамъ, Робертъ де-Бодрикуръ, вокулёрскій губернаторъ. Вотъ оно. Пошлите сказать дофину, чтобъ онъ подождалъ, не давалъ битвы врагу, ибо Господь скоро пошлетъ ему помощь.

Эта странная рѣчь изумила компанію. Многіе пробормотали: «Бѣдная дѣвочка спятила съ ума». Губернаторъ нахмурился и сказалъ:

— Что за вздоръ! король или дофинъ, какъ ты называешь его, не нуждается въ *такомъ* посланничествѣ. Онъ подождетъ: насчетъ этого будь спокойна. Что еще скажешь мнѣ?

— Вотъ что. Попрошу васъ дать мнѣ вооруженную охрану и послать меня къ дофину.

— Это зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобы онъ сдѣлалъ меня своимъ генераломъ, ибо назначено, чтобы я выгнала англичанъ изъ Франціи и возложила корону на его главу.

— Что? Ты? Да, вѣдь, ты—ребенокъ!

— И все-таки мнѣ назначено сдѣлать это.

— Неужто? А когда должно случиться все это?

— Дофинъ будетъ коронованъ въ слѣдующемъ году, а затѣмъ останется владыкой Франціи.

Всѣ разразились великимъ хохотомъ. Когда онъ утихъ, губернаторъ спросилъ:

— Кто послалъ тебя съ такимъ удивительнымъ порученіемъ?

— Мой Господинъ.

— Какой Господинъ?

— Царь Небесный.

Многіе прошептали: «Ахъ, бѣдняжка, бѣдняжка!» Иные восклицали: «Ахъ, ея умъ помутился!» Губернаторъ окликнулъ Ляксара и сказалъ:

— Эй, ты, смирно! Возьми этого сумасброднаго ребенка домой, да выдери его хорошенько! Это—лучшее лѣкарство отъ такихъ болѣзней.

Жанна двинулась назадъ, но вдругъ повернулась и сказала просто:

— Вы отказываете мнѣ въ ратникахъ—не знаю, почему? Вѣдь, мой Господинъ повелѣваетъ вамъ. Да, Онъ-то отдалъ такое приказаніе. Оттого я должна придти опять и опять: вѣдь, мнѣ необходимы воины!

Когда она удалилась, пошли нескончаемые толки и изумленія. Караульные и слуги разнесли толки по городу, а изъ города пошло по всей странѣ. Домреми уже прожужжалъ ими, когда мы возвратились домой.

ГЛАВА IX.

Побѣда надъ клеветой.

Человѣкъ—вездѣ человѣкъ: онъ боготворитъ успѣхъ, а для неудачи у него нѣтъ ничего, кромѣ насмѣшки. Деревня порѣшила, что Жанна унизила ее своимъ чудовищнымъ поступкомъ и смѣшной неудачей. Всѣ чесали языки объ этомъ,—и языки желчные, злые: будь у этихъ языковъ зубы, Жанна не пережила бы этихъ гоненій. А кто не брюжжалъ, тотъ дѣлалъ еще хуже, еще нестерпимѣе: надъ ней смѣялись, глумились; день и ночь не прерывались шуточки, издѣвки, смѣшки. Омета, Манжетка и я стояли за нее; но остальные ея друзья не выдержали бури. Они избѣгали ея, стыдились ея близости: вѣдь, она стала такъ противна всѣмъ; на нихъ сыпались изъ-за нея попреки и уколы.

Жанна проливала слезы, но тайкомъ. На людяхъ же она держала себя спокойно, не выказывала ни сокрушенія, ни даже досады,—поведеніе, которое должно бы смягчать вражду къ ней, но не смягчало. Ея отца такъ взбучили, что онъ не могъ говорить безъ брани объ ея дикомъ намѣреніи идти на войну, точно мужчина. Немного раньше онъ самъ мечталъ для нея о чемъ-то подобномъ, а теперь съ ужасомъ и гнѣвомъ вспоминалъ эти мечты. «Лучше — говорилъ онъ—велю ея братьямъ утопить ее, чѣмъ видѣть, какъ она измѣнитъ своему полу, идя на войну; а если они откажутся, потоплю собственными руками»!

Но ничто отнюдь не колебало ея намѣренія. Родители зорко смотрѣли за ней, чтобъ она не ушла изъ деревни. Но она говорила, что ея время еще не приспѣло; а когда настанетъ пора идти, она съумѣетъ уйти; и напрасно надсмотрщики будутъ сторожить ее.

Лѣто клонилось къ концу. Замѣтивъ, что она упорствуетъ въ своемъ замыслѣ, родители обрадовались случаю покончить съ нимъ замужествомъ. Паладинъ имѣлъ наглость утверждать, будто, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она дала ему слово: теперь онъ требовалъ исполненія обѣта.

Она сказала, что онъ говоритъ неправду, и отказалась выйти за него замужъ. Ее вызвали въ церковный судъ, въ Туль, къ отвѣту за вѣроломство. Когда она отказалась отъ защитника, пожелавъ сама вести свое дѣло, родители и всѣ ея зложелатели возрадовались, уже видя ея пораженіе. И немудрено. Кто могъ ожидать, что невѣжественная 16-лѣтняя крестьянская дѣвушка не испугается, не онѣмѣетъ предъ опытными законовѣдами, среди ледяной торжественности суда?

Но всѣ ошиблись. Всѣ бросились въ Туль, чтобъ злорадно посмотрѣть на ея страхъ, ошеломленіе, пораженіе; а въ награду получили собственное смущеніе. Она оставалась скромной, спокойной, въ хорошемъ настроеніи. Она не вызывала никакихъ свидѣтелей, сказавъ, что ей довольно переспросить свидѣтелей обвинителя. Когда свидѣтели высказались, она встала, и, въ немногихъ словахъ, показала всю ихъ смутность, путанность, безсиліе. Затѣмъ она вызвала Паладина на очную ставку и начала пытать его. Въ ея искусныхъ рукахъ, всѣ его показанія рухнули одно за другимъ: подконецъ онъ, можно сказать, стоялъ нагой, лишившись всего своего богатаго убора обмана и лжи. Его защитникъ началъ-было говорить; но судъ отказался слушать его. Онъ отказалъ въ искѣ, прибавивъ нѣсколько серьезныхъ похвалъ Жаннѣ и называя ее: «это дивное дитя».

Послѣ такой побѣды, да еще съ прибавкой похвалъ отъ такого внушительнаго мѣста, вѣтренная деревня опять перевернулась: Жанну осыпали лестью, ей выказывали благорасположеніе, ея не трогали. Мать возвратила ей свою любовь; даже отецъ угомонился и говорилъ, что гордится ею. Но самое время лежало на ней тяжкимъ бременемъ. Началась осада Орлеана; тучи спускались надъ Франціей все ниже и ниже. А ея Голоса все еще заставляли ждать, не давали прямаго приказанія. Настала зима, и долго тянулась она. Наконецъ, все перемѣнилось.

КНИГА ВТОРАЯ.

При дворѣ и въ станѣ.

ГЛАВА I.

Героиня снаряжается.

5-го января 1429 года, Жанна пришла ко мнѣ съ дядей Ляксаромъ и сказала:

— Пришла пора. Мои Голоса теперь несмутны: они явственны; они сказали мнѣ, что̀ дѣлать. Черезъ два мѣсяца я должна быть у дофина.

Она была въ приподнятомъ духѣ; ея видъ былъ воинственный. Я заразился отъ нея: я почувствовалъ какой-то возбуждающій толчокъ, словно заслышалъ грохотъ барабановъ и топотъ марширующихъ солдатъ.

— Вѣрю,—сказалъ я.

— И я вѣрю,—сказалъ Ляксаръ.—Скажи она раньше, что Богъ велитъ ей спасти Францію, я не повѣрилъ бы, я пустилъ бы ее одну отыскивать губернатора, не вмѣшивался бы въ дѣло, считая ее сумасшедшей. Но я видѣлъ, какъ она устояла передъ этими могучими благородіями и, не убоявшись, сказала свое слово. Безъ Божьей помощи ей не сдѣлать бы этого: это вѣрно. И вотъ, я смиренно повинуюсь ей; пусть дѣлаетъ со мной, что̀ хочетъ.

— Мой дядюшка очень добръ ко мнѣ,—сказала Жанна.—Я послала за нимъ и просила его уговорить мою матушку, чтобы она пустила меня къ нему походить за его женой, которой нездоровится. Дѣло сладилось: мы отправимся завтра на разсвѣтѣ. Изъ его дома я вскорѣ пойду въ Вокулёръ и буду ждать тамъ и добиваться исполненія моей просьбы. Кто это тѣ два рыцаря, что̀ сидѣли слѣва отъ васъ тогда за столомъ губернатора?

— Одинъ—сьёръ Жанъ де-Новелонпонъ изъ Меца, другой—сьёръ Бертранъ де-Пуляняжи.

— Хорошая сталь, хорошая, оба! Я назначила ихъ къ себѣ. Что это съ твоимъ лицомъ? Ты сомнѣваешься?

Я старался говорить ей правду, безъ прикрасъ, безъ лоску. И я сказалъ:

— Имъ показалось, что у тебя не всѣ дома: такъ они и сказали. Правда, они жалѣли тебя за такое несчастье, но все-таки считали тебя сумасшедшей.

Это, казалось, нисколько не потревожило и не обидѣло ея. Она сказала только:

— Умные люди мѣняютъ мнѣнія, когда видятъ, что ошиблись. Такъ и будетъ. Они пойдутъ со мной. Я должна видѣть ихъ сейчасъ же... Ты, кажется, опять сомнѣваешься? Да?

— Н... нѣтъ. Теперь нѣтъ. Я напомнилъ, что это было годъ тому назадъ и что они — не здѣшніе: они останавливались только на денекъ въ своемъ путешествіи.

— Они возвратятся. Но къ дѣлу. Я пришла дать тебѣ нѣкоторые наказы. Ты послѣдуешь за мной черезъ нѣсколько дней. Устройся съ твоими дѣлами: ты уѣдешь надолго.

— А Жанъ и Пьеръ отправятся со мной?

— Нѣтъ. Теперь они откажутся. Но они скоро придутъ и принесутъ мнѣ благословеніе моихъ родителей, а также ихъ согласіе на мое посланничество. Тогда я буду сильнѣй—сильнѣй для этого: я теперь слаба оттого, что мнѣ не достаетъ этого.

Она помолчала немного—и на глазахъ у нея навернулись слезы. Потомъ она продолжала:

— Я должна попрощаться съ Манжеткой. На разсвѣтѣ приведи ее за деревню: пусть она немного проводитъ меня.

— А Омета?

Она не выдержала и заплакала:

— О, нѣтъ, нѣтъ! Она слишкомъ дорога мнѣ. Я не вынесу этого: вѣдь, я знаю, что мнѣ ужъ не придется взглянуть на нее еще разъ...

На другое утро я привелъ Манжету: и мы пошли вчетверомъ, на холодномъ разсвѣтѣ, пока деревня не скрылась за нами. Тутъ дѣ-

вочки попрощались, повиснувъ другъ у друга на шеѣ, изливаясь въ слезахъ и ласковыхъ словахъ. Какъ жалко было смотрѣть! Жанна бросила долгій взглядъ на деревню вдали, на Древо Фей, на дубовый лѣсъ, на цвѣточный лугъ, на рѣку, словно ей хотѣлось навсегда запечатлѣть въ своей памяти эти виды неувядаемыми: вѣдь, она знала, что уже никогда въ жизни не увидитъ ихъ. Затѣмъ она повернулась и пошла прочь отъ насъ, горько рыдая. То былъ ея и мой день рожденія. Ей исполнилось семнадцать лѣтъ.

ГЛАВА II.

Паденіе Орлеана.—Выступленіе Жанны.

Нѣсколько дней спустя, Ляксаръ привелъ Жанну въ Вокулёръ и нашелъ ей помѣщеніе и уходъ у Катерины Ройе, жены колесника—женщины честной и доброй. Жанна не пропускала обѣдни, помогала въ хозяйствѣ. А если когда кто хотѣлъ поговорить съ ней объ ея посланничествѣ (такихъ было много), она бесѣдовала свободно, уже ничего не скрывая. Вскорѣ и я поселился подлѣ и былъ свидѣтелемъ всего послѣдовавшаго.

Тотчасъ разнеслась молва, что пришла молодая дѣвушка, которую Богъ предназначилъ для спасенія Франціи. Простой народъ собирался толпами взглянуть на нее, поговорить съ ней. И уже ея чистая юная миловидность наполовину заставляла ихъ вѣрить: остальное довершали ея глубокая серьезность и хрустальное чистосердечіе. Только знатные сторонились и подсмѣивались; но ужъ они всегда таковы.

Затѣмъ припомнилось пророчество Мерлина (23), которому ужъ болѣе восьми вѣковъ,—что въ далекомъ будущемъ женщина погубитъ Францію, но женщина же и спасетъ ее. Теперь Франція впервые погибала, и отъ женщины—отъ Изабеллы Баварской (24), негодной королевы. Ясно, что эта милая, чистая молодая дѣвушка была предназначена Небомъ довершить пророчество.

То было новымъ, сильнымъ толчкомъ, подстрекавшимъ любопытство. Возбужденіе все росло, а съ нимъ—надежда и вѣра. И эта вдохно-

венная восторженность расходилась изъ Вокулёра волнами по странѣ, наводняя всѣ деревни, освѣжая и оживляя гибнущихъ дѣтей Франціи. Изъ этихъ деревень стекался народъ, жаждавшій взглянуть другъ на друга, перекинуться словами: и люди видѣлись, прислушивались и—вѣрили. Они наполнили городъ черезъ край: кабачки и всякія помѣщенія брались нарасхватъ, и все-таки половинѣ пришельцевъ негдѣ было укрыться. И все еще шли, шли, несмотря на зиму: вѣдь, коли душа жаждетъ, что̀ тебѣ пища и кровъ! Лишь бы утолить эту благородную жажду! Волна росла изо дня въ день.

Деревня Домреми ошалѣла отъ изумленія и нечаянности. Она говорила себѣ: «И это чудо свѣта все время было у меня, а я, дура, и не догадывалась!» Когда Жанъ и Пьеръ уходили изъ деревни, на нихъ уставлялись всѣ глаза, имъ всѣ завидовали, какъ сильнымъ и богатымъ міра сего. Ихъ шествіе въ Вокулёръ уподоблялось побѣдоносному торжеству: все сбѣгалось изъ окрестностей, чтобы повидать и привѣтствовать братьевъ той, съ которой ангелы говорили лицомъ къ лицу, которой, по волѣ Бога, вручена судьба Франціи.

Братья принесли Жаннѣ благословеніе и «Богъ помощь!» родителей, а также ихъ обѣщаніе лично доставить ихъ ей потомъ. Съ такой-то высшей радостью въ сердцѣ, полная надеждъ, пошла она опять лицезрѣть губернатора. Но онъ былъ недоступенъ попрежнему. Она была разстроена, но отнюдь не пала духомъ. Она сказала:

— Я должна буду опять придти къ вамъ, пока не получу воиновъ. Вѣдь, такъ повелѣно: я не могу ослушаться. Мнѣ необходимо идти къ дофину, хотя бы ползкомъ на колѣняхъ.

Я и оба брата каждый день были съ Жанной, чтобы видѣть приходившій народъ и слушать, что̀ онъ говоритъ. Вдругъ, вѣрите ли, является сьёръ Жанъ изъ Меца. Онъ поговорилъ съ ней ласково, шаловливо, какъ говорятъ съ дѣтьми, и сказалъ:

— Что ты тутъ дѣлаешь, моя дѣвочка? Или тебѣ хочется выгнать короля изъ Франціи и превратить всѣхъ насъ въ англичанъ?

Она отвѣчала своимъ спокойнымъ, серьезнымъ тономъ:

— Я пришла просить Роберта де-Бодрикура взять меня или послать къ королю; а онъ не слушаетъ моихъ словъ.

— О, у тебя, право, отличное упорство! Цѣлый годъ ты не

отстаешь отъ своего желанія. Я, вѣдь, видѣлъ тебя, когда ты приходила въ первый разъ.

Жанна сказала, опять съ прежнимъ спокойствіемъ:

— Это—не желаніе, а нужда. Онъ долженъ согласиться. Могу подождать.

— О, дитя мое, не очень-то благоразумно полагаться на *это*. Эти губернаторы—народъ упрямый. Въ случаѣ, если онъ не согласится на твою просьбу...

— Онъ согласится. Онъ долженъ уступить. Тутъ нѣтъ выбора.

Игривое настроеніе его благородія начало исчезать. Это можно было видѣть по его лицу. Серьезность Жанны подѣйствовала на него. Всегда такъ было: начнутъ съ ней шутить, а потомъ становятся серьезными. Тотчасъ же замѣчали въ ней глубину, которой не подозрѣвали. А ея явная искренность и гранитная крѣпость убѣжденій были силами, прогонявшими всякое легкомысліе: оно становилось невозможнымъ въ ея присутствіи.

Сьёръ изъ Меца задумался на минуту, потомъ началъ уже разсудительно:

— Тебѣ нужно скоро отправляться къ королю? То-есть, я думаю...

— До средокрестья — хотя бы пришлось мнѣ ползти на колѣняхъ.

Жанна сказала это съ той подавленной страстью, которая такъ много значитъ, когда тутъ замѣшивается сердце. Отвѣтъ отразился на лицѣ дворянина: его глаза загорѣлись. Тутъ было сочувствіе. Онъ сказалъ самымъ серьезнымъ тономъ:

— Богъ свидѣтель, я думаю, что у тебя будутъ воины и что изъ этого что-нибудь выйдетъ. Но что ты хочешь сдѣлать? Какія у тебя надежды, какія намѣренія?

— Я хочу спасти Францію. И мнѣ предназначено это. Вѣдь, ни короли, ни герцоги, никто въ мірѣ не возвратитъ французскаго королевства! Никто не поможетъ, кромѣ меня.

Въ этихъ словахъ была и самозащита, и страсть: они тронули добраго дворянина. Я видѣлъ это ясно. А Жанна сказала немного упавшимъ голосомъ:

— Сказать правду, мнѣ бы лучше хотѣлось прясть съ моей

бѣдной матушкой: вѣдь, это—не мое призваніе. Но я должна идти и сдѣлать это: такова воля моего Господина.

— Кто же твой господинъ?

— Богъ!

Тутъ сьёръ изъ Меца, по выразительному древнему обычаю феодаловъ, сталъ на колѣно и вложилъ свои руки въ руки Жанны, въ знакъ вѣрности. И далъ онъ клятву, что, съ Божьей номощью, доставитъ ее къ королю.

На другой день прибылъ сьёръ Бертранъ де-Пулянжи. И этотъ далъ клятву и рыцарское слово быть подлѣ нея и слѣдовать за ней, куда бы она ни повела его.

Въ тотъ же день, къ вечеру, по городу прошелъ великій слухъ— будто самъ губернаторъ собирается посѣтить молодую дѣвушку въ ея скромномъ помѣщеніи. И на утро всѣ улицы и переулочки наполнились народомъ, жаждавшимъ посмотрѣть, совершится ли такое чудо. Чудо совершилось. Губернаторъ пріѣхалъ, въ полномъ парадѣ, окруженный стражей. Эта новость распространилась всюду и произвела сильное впечатлѣніе. И прекратились насмѣшки знатныхъ лицъ; и вѣра въ Жанну поднялась, какъ никогда.

Губернаторъ надумался такъ: Жанна—или колдунья, или святая. И онъ замыслилъ развѣдать это. Онъ взялъ съ собой попа, чтобъ изгнать бѣса, сидѣвшаго въ ней, если таковой окажется. Попъ сдѣлалъ свое дѣло, но не нашелъ бѣса. Онъ только уязвилъ сердце Жанны и безъ нужды оскорбилъ ея благочестіе. Вѣдь, онъ же исповѣдовалъ ее раньше и долженъ былъ знать (если только онъ что-нибудь зналъ), что бѣсы не могутъ быть въ исповѣдальнѣ: вѣдь, попавши въ такую святыню, они издаютъ болѣзненные крики и изрыгаютъ самую грубую и яростную брань.

Губернаторъ возвратился смущенный и задумчивый; и не зналъ онъ, что ему дѣлать. Пока онъ все взвѣшивалъ и изучалъ, прошло нѣсколько дней, и настало 14-е февраля. Тогда Жанна пришла въ замокъ и сказала:

— Именемъ Бога, Робертъ де-Бодрикуръ, говорю вамъ: вы слишкомъ медлите моей отправкой и тѣмъ причиняете вредъ. Вѣдь, сегодня дофинъ проигралъ битву близъ Орлеана; и ему предстоитъ еще пущая обида, если вы не отправите меня къ нему поскорѣй.

Эта рѣчь смутила губернатора, и онъ сказалъ:

— Сегодня, дитя мое, *сегодня*? Но какъ тебѣ знать, что случилось сегодня въ томъ краю? Вѣдь, вѣсти оттуда приходятъ въ 8—10 дней.

— Мнѣ сказали это мои Голоса. И это вѣрно. Сегодня проиграна битва: и вы виноваты въ моей задержкѣ.

Губернаторъ походилъ немного по комнатѣ, говоря самъ съ собой и время отъ времени изрыгая страшную брань. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Смирно! Иди съ миромъ и жди. Если выйдетъ такъ, какъ ты сказала, дамъ тебѣ письмо и пошлю тебя къ королю: но не иначе.

Жанна сказала съ горячностью:

— Слава Богу! Эти дни ожиданія уже почти прошли! Черезъ девять дней вы дадите мнѣ письмо.

Вокулёрцы уже дали ей коня и вооружили ее и одѣли, какъ ратника. Ей некогда было попробовать коня и посмотрѣть, съумѣетъ ли она сидѣть на немъ; ея первымъ дѣломъ было стоять на своемъ посту, чтобъ подымать духъ и обнадеживать приходившихъ бесѣдовать съ ней, да подготовлять ихъ къ помощи въ подвигѣ спасенія и возрожденія королевства. Это занимало всѣ ея минуты бодрствованія. При всемъ томъ, не было дѣла, которому она не могла бы обучиться—и въ самомъ скоромъ времени. Ея конь долженъ былъ сразу понять это. Между тѣмъ братья и я, мы брали коня поочереди и учились ѣздить верхомъ. Мы учились также владѣть мечемъ и другимъ оружіемъ.

20-го Жанна собрала на военный совѣтъ свою маленькую рать—двухъ рыцарей, двухъ своихъ братьевъ и меня. Впрочемъ, нѣтъ, то не былъ совѣтъ: она не совѣтовалась съ нами, а просто отдавала приказанія. Она начертала намъ путь къ королю—и какъ знатокъ географіи. Этотъ перечень ежедневныхъ переѣздовъ былъ составленъ такъ, что всѣ опасныя мѣста обходились стороной: стало быть, она знала свою политическую географію такъ же хорошо, какъ и физическую. А, вѣдь, она не училась ни одного дня и была лишена всякаго воспитанія.

Дивился я и думалъ, что ее учили ея Голоса. Но, поразмысливъ,

нашелъ, что это не такъ. Припоминая, что̀ говорили ей разные люди, я замѣтилъ, что она внимательно разспрашивала эту толпу посѣтителей: отсюда-то она терпѣливо собрала всю эту кучу драгоцѣнныхъ свѣдѣній. Двое рыцарей были поражены ея здравымъ смысломъ и проницательностью.

Она велѣла намъ приготовиться ѣздить ночью, а днемъ—спать въ потаенныхъ мѣстахъ; почти весь нашъ долгій путь лежалъ черезъ непріятельскую землю.

Затѣмъ она приказала держать втайнѣ день нашего отъѣзда: ей хотѣлось выѣхать незамѣтно. Иначе мы отправились бы съ большимъ шумомъ, что̀ открыло бы насъ непріятелю, и онъ гдѣ-нибудь сдѣлалъ бы засаду и плѣнилъ бы насъ. Наконецъ, она сказала:

— Теперь остается только сообщить вамъ день нашего отъѣзда, чтобы вы приготовили все нужное хорошо и не спѣша. Мы выступаемъ 23-го, въ 11 часовъ ночи.

И она отпустила насъ. Двое рыцарей испугались, да и встревожились. А сьёръ Бертранъ сказалъ:

— Если даже губернаторъ взаправду дастъ ей письмо и конвой, онъ не успѣетъ сдѣлать этого къ назначенному ею дню. Какъ же она рѣшается назначать день? Рѣшительно выбирать день, при такой неизвѣстности,—дѣло очень, очень опасное.

Я сказалъ:

— Разъ она назначила 23-е, такъ и будетъ. Я думаю, ей сказали Голоса. Намъ лучше всего повиноваться.

И мы повиновались. Родителей Жанны увѣдомили, чтобы они пришли до 23-го, а почему въ это время—этого не сказали имъ изъ предосторожности.

23-го она цѣлый день всматривалась въ приходившихъ посѣтителей, а родители не являлись. Жанна не падала духомъ, все надѣялась. Однако, когда настала ночь, надежда покинула ее, и она заплакала. Но она отерла слезы и сказала:

— Конечно, такъ должно было быть. Конечно, такъ приказано. Я должна перенести это — и перенесу.

Сьёръ изъ Меца старался утѣшить ее, говоря:

— Губернаторъ не присылаетъ ни слова. Они придутъ, должно быть, завтра, и...

Она прервала его словами:

— Что-жъ изъ этого? Мы выѣзжаемъ этой ночью, въ 11 час.

Такъ и вышло. Въ 10 ч. явился губернаторъ, въ сопровожденіи свиты и факельщиковъ. Онъ далъ ей верховой конвой ратниковъ, а также коней и снаряженіе для меня и для братьевъ, а Жаннѣ вручилъ письмо къ королю. Затѣмъ онъ обнажилъ свой мечъ и собственными руками опоясалъ ее имъ. И сказалъ:

— Ты сказала правду, дитя мое. Битва *была* проиграна въ тотъ день, какъ ты сказала. Вотъ, я сдержалъ свое слово. Теперь отправляйся — будь, что̀ будетъ!

Жанна поблагодарила его, а онъ пошелъ своей дорогой.

Проигранная битва была тѣмъ пресловутымъ бѣдствіемъ, которое названо въ исторіи Сельдяной Битвой (25).

Всѣ огни въ домѣ были сразу погашены. Немного погодя, когда улицы закутались въ мракъ и опустѣли, мы украдкой проскользнули по нимъ черезъ западныя ворота и поскакали, нахлестывая и пришпоривая коней.

ГЛАВА III.

Военная семья.—Паладинъ и Ноэль.

Насъ было двадцать пять крѣпышей, хорошо снаряженныхъ. Мы ѣхали въ два ряда; посрединѣ Жанна съ братьями, Жанъ изъ Меца — въ челѣ колонны, сьёръ Бертранъ — въ тылу. Рыцари расположились такъ для предупрежденія бѣгства на первое время: часа черезъ два-три мы должны были очутиться на непріятельской землѣ, гдѣ ужъ никто не посмѣлъ бы сбѣжать. Мало-по-малу мы начали слышать брань, рыданья, проклятья въ разныхъ мѣстахъ отряда. По справкамъ оказалось, что шестеро изъ нашего конвоя были мужики, никогда не ѣздившіе верхомъ и съ трудомъ державшіеся въ сѣдлахъ; вдобавокъ, они начали чувствовать порядочную боль въ тѣлѣ. Губернаторъ схватилъ ихъ въ послѣднюю минуту и принудилъ служить, чтобы заполнить списки; а подлѣ каждаго изъ нихъ онъ поставилъ по старому служивому, наказавъ имъ помогать новичкамъ сидѣть въ сѣдлѣ и убить ихъ, если они вздумаютъ бѣжать.

Эти чертенята держались спокойно, пока могли. Но, наконецъ, тѣлесныя страданія стали такъ невыносимы, что они принуждены были дать имъ исходъ. Но мы были уже на вражеской землѣ, и имъ не было спасенія: имъ пришлось продолжать походъ, хотя Жанна сказала, что они могутъ возвратиться, если желаютъ попробовать опасности. Они предпочли остаться съ нами. Теперь мы измѣнили нашу ѣзду. Мы подвигались осторожно и предупредили новичковъ, чтобы они поудержались со своими печалями и не подвергали начальства опасности своими перебранками и сѣтованіями.

На разсвѣтѣ мы углубились въ лѣсъ, и вскорѣ всѣ, за исключеніемъ часовыхъ, заснули, несмотря на холодпую землю и морозный воздухъ.

Я проснулся въ полдень отъ такого крѣпкаго, ошеломляющаго сна, что сначала растерялся, не могъ сообразить, гдѣ я и что̀ случилось. Потомъ голова прояснилась, и я началъ припоминать все. Когда я, лежа, раздумывалъ о странныхъ дѣлахъ за прошлый мѣсяцъ или за два, мнѣ пришло въ голову, къ крайнему моему изумленію, что, вѣдь, одно изъ пророчествъ Жанны не сбылось. Въ самомъ дѣлѣ, куда дѣвались Ноэль и Паладинъ, которые должны были присоединиться къ намъ послѣдними? Видите, за это время я привыкъ вѣрить, что всякое слово Жанны исполнится.

Взволнованный, смущенный этими мыслями, открываю глаза. И что-жъ! Стоитъ Паладинъ, облокотившись о дерево, и смотритъ на меня. Какъ часто случается, что думаете вы или говорите о комъ-нибудь — и онъ тутъ, передъ вами, а вы и не подозрѣвали этого! Выходитъ такъ, будто его *бытіе* подлѣ и было настоящею причиной вашихъ мыслей о немъ, а не случай, какъ воображаютъ. Ну, какъ бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ, это былъ Паладинъ, смотрѣвшій внизъ на мое лицо и ждавшій моего пробужденія.

Я всегда радъ былъ видѣть его. Я вскочилъ и схватилъ его за руку. Потомъ я отвелъ его немного въ сторону, посадилъ его (онъ прихрамывалъ, какъ калѣка) и сказалъ:

— Ну, какъ же ты удралъ оттуда? И какъ тебѣ удалось попасть именно сюда? И что значитъ это солдатское одѣяніе? Разскажи мнѣ все.

Онъ отвѣчалъ:

— Я отправился съ вами прошлой ночью.

— Не можетъ быть!—А про себя я сказалъ: «Пророчество-то было не совсѣмъ ошибочно, половина оказалась правдой!»

— Да, да. Я бросился изъ Домреми къ вамъ — и опоздалъ всего на полминуты. Въ сущности, это ужъ было совсѣмъ поздно; но я такъ умолялъ губернатора, что его тронула моя молодецкая преданность дѣлу моего отечества (это были его слова!): онъ уступилъ, позволилъ мнѣ ѣхать.

«Ну, думаю, врешь. Ты, братъ, одинъ изъ тѣхъ шести, которыхъ губернаторъ забралъ насильно въ послѣднюю минуту. Навѣрно такъ: вѣдь, пророчество Жанны гласило, что онъ присоединится къ намъ послѣднимъ, но не по своей волѣ». И я сказалъ громко:

— Какъ я радъ, что ты явился! Это—благородное дѣло: никто не долженъ сидѣть дома въ такую пору!

— Сидѣть дома! Да я такъ же не усидѣлъ бы, какъ не удержится молнія въ тучахъ, когда грянетъ гроза.

— Вотъ это правда: это похоже на тебя.

Это понравилось ему.

— Я радъ, что ты знаешь меня. Другіе не знаютъ. Но теперь узнаютъ. Меня хорошо узнаютъ, прежде чѣмъ кончится эта война.

— Я такъ и думалъ. Вѣрю, что гдѣ только будетъ опасность, ты покажешь себя.

Эти слова очаровали его: онъ надулся, какъ пузырь, и сказалъ:

— Если только я понимаю себя (а я думаю, что понимаю), то мои подвиги въ этомъ походѣ дадутъ вамъ случай не разъ припомнить эти слова.

— Я былъ бы болванъ, еслибъ усомнился въ этомъ. Да, я вполнѣ вѣрю тебѣ.

— Что за птица простой рядовой! А и то страна услышитъ обо мнѣ! Еслибъ я былъ на своемъ мѣстѣ, еслибъ я былъ Ля-Гиромъ, Сентрайлемъ или Побочнымъ Орлеаномъ, я не сказалъ бы ничего: слава Богу, я не болтушка, какъ Ноэль Рэнгессонъ и ему подобные! Но должно произойти *нѣчто*, за что̀ берусь я,—прямо сказать, нѣчто небывалое въ мірѣ, что̀ подыметъ славу, имя простого солдата и затмитъ блескъ этихъ господъ.

— Смотри, другъ мой!—сказалъ я.—Вѣдь, ты попалъ на за-

мѣчательнѣйшую мысль! Понимаешь ли ты ее во всѣхъ ея исполинскихъ размѣрахъ? Вѣдь, что̀ нужно, чтобы стать генераломъ широкой извѣстности? Ничего. Исторія кишитъ генералами, обременена ими: столько, что не запомнить именъ. Но рядовой солдатъ съ высокой славой, это — единственное явленіе. Это—цѣлая луна на тверди небесной, усѣянной звѣздочками съ горчичное зерно. Его имя переживетъ родъ человѣческій! Другъ мой, откуда у тебя такая мысль?

Онъ готовъ былъ лопнуть отъ счастья, но подавлялъ его проявленіе, какъ только могъ. Онъ только махнулъ рукой на мою лесть и сказалъ самодовольно:

— Это—пустяки. Онѣ часто приходятъ мнѣ въ голову — подобныя мысли; и даже поважнѣе. Я не очень-то останавливаюсь на *этой*.

— Ты удивляешь меня, право. Такъ это въ самомъ дѣлѣ твоя собственная мысль?

— Такъ точно. И этихъ мыслей—цѣлая куча, когда полѣзутъ онѣ!—воскликнулъ онъ, проводя пальцами по лбу и кстати сбивая свой шишакъ набекрень, на лѣвое ухо, что придавало ему совсѣмъ ухарскій видъ.—Мнѣ не стать занимать мыслей, какъ Ноэлю Рэнгессону.

— Кстати о Ноэлѣ. Когда ты его видѣлъ въ послѣдній разъ?

— Полчаса тому назадъ. Онъ мертвецки спитъ вонъ тамъ: ѣхалъ съ нами прошлую ночь.

Сердце мое затрепетало отъ радости. Я сказалъ про себя: теперь успокойся и будь веселъ! Я уже больше не стану сомнѣваться въ ея дарѣ пророчества. Потомъ я сказалъ громко:

— Очень радъ. Теперь я горжусь нашей деревней. Вижу: не удержать нашихъ львиныхъ сердецъ дома!

— Львиныя сердца! Кто? Этотъ-то малышъ? Да онъ вылъ, какъ собака, чтобы не трогали его. Онъ оралъ, будто ему нужно идти къ маменькѣ. Онъ—львиное сердце, этотъ высохшій клопъ!

— Боже мой! А я, само собой разумѣется, считалъ его добровольцемъ. Развѣ онъ не шелъ добровольцемъ?

— Ну, да, шелъ такъ же добровольно, какъ идутъ на висѣлицу! Вишь, когда Ноэль замѣтилъ, что я поднялся изъ Домреми, чтобы идти въ добровольцы, онъ давай просить меня взять его

подъ мое покровительство: ему хотѣлось посмотрѣть на народъ и на все это смятеніе. Ладно. Приходимъ и видимъ—факелы тянутся изъ замка къ намъ. Губернаторъ хвать его и еще четверыхъ. А онъ давай просить отпустить его; я же просилъ занять его мѣсто. Наконецъ, губернаторъ позволилъ мнѣ идти; но онъ не хотѣлъ отпустить Ноэля. Ноэль опротивѣлъ ему: такая пискливая баба! Ну, и *надѣлаетъ* же онъ дѣловъ на королевской службѣ! Онъ станетъ ѣсть за шестерыхъ, а удирать — за десятерыхъ. Ненавижу карликовъ съ половинкой сердца и съ девятью брюхами!

— Вотъ какъ! Меня удивляютъ эти новости; мнѣ грустно и тяжко слышать ихъ. Я считалъ его настоящимъ молодцомъ.

Паладинъ взглянулъ на меня презрительно и сказалъ:

— Не знаю, право, не знаю, какъ это ты можешь говорить такъ? Откуда у тебя такія понятія? Я ничего не имѣю противъ него, и говорю не въ осужденіе ему: я не позволю себѣ никого судить. Я люблю его и всегда дружилъ съ нимъ съ колыбели. Но онъ не можетъ запретить мнѣ высказывать мое мнѣніе объ его недостаткахъ; я желаю, чтобъ и онъ говорилъ о моихъ недостаткахъ— если таковые найдутся. Да, пожалуй, и найдутся; думаю только, что они выдержатъ испытаніе. Во всякомъ случаѣ, таково мое мнѣніе... Молодецъ! Въ прошлую ночь послушалъ бы ты, какъ онъ нюнилъ, жаловался, бранился — оттого что сѣдло надсадило ему. Отчего же сѣдло не надсадило меня? Фу! Я сидѣлъ въ немъ, какъ дома, словно и родился тутъ. А, вѣдь, я ѣхалъ верхомъ въ первый разъ! Всѣ эти старые служаки дивились моей ѣздѣ: они говорили, что никогда не видали ничего подобнаго. А онъ... Ну да что говорить! Они все время поддерживали его.

По лѣсу пронесся словно запахъ завтрака. Паладинъ безсознательно раздулъ свои ноздри съ сладострастіемъ. Онъ вскочилъ и съ трудомъ захромалъ прочь, говоря, что ему нужно пойти посмотрѣть на коня.

Въ сущности, это былъ хорошій, добродушный исполинъ, отнюдь не вредный. Какой вредъ отъ пса, который лаетъ-себѣ, но не кусаетъ? Какой вредъ отъ осла, если онъ кричитъ, но не лягается? Если эта туша мяса, мышцъ, тщеславія и глупости одарена язвительнымъ языкомъ,—что̀ изъ этого? Въ ней не таилось злобы. Къ

тому же ея недостатки не ею были созданы: то было дѣло Ноэля Рэнгессона, который питалъ, развивалъ, взгромождалъ, совершенствовалъ ихъ ради собственной забавы. Его безпечное, легкое сердце не могло обходиться безъ того, чтобы не осѣдлать кого-нибудь и не ѣздить на немъ для потѣхи. А Паладину недоставало только случая, чтобы развить свои дары. Ну, и взялись за нихъ; и развивали ихъ цѣлыми годами, да такъ усердно, какъ трудолюбивые быки и комары, но конечно во вредъ гораздо болѣе важнымъ сторонамъ его характера. Это усердіе увѣнчалось несравненнымъ успѣхомъ. Ноэль цѣнилъ общество Паладина выше всякаго другаго; Паладинъ ни на кого не промѣнялъ бы Ноэля. Громаднаго парня часто видѣли съ маленькимъ товарищемъ, но именно потому же, почему часто видимъ быка въ сообществѣ съ комаромъ.

При первомъ удобномъ случаѣ, я заговорилъ съ Ноэлемъ. Поздравивъ его съ нашимъ походомъ, я сказалъ:

— Ты сдѣлалъ прекрасно, молодецки, Ноэль, поступивъ въ добровольцы.

Онъ отвѣчалъ, подмигнувъ мнѣ:

— Да, но, по мнѣ, скорѣе—прекрасно. Это — не совсѣмъ мое дѣло. Мнѣ помогли.

— Кто помогъ тебѣ?

— Губернаторъ.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ. Разскажу тебѣ все. Пошелъ я изъ Домреми взглянуть на народъ и на общій смотръ: я, вѣдь, никогда ни видалъ ничего подобнаго; а это былъ отличный случай. Но я и не думалъ идти въ добровольцы. По дорогѣ я нагналъ Паладина и присталъ къ нему, хотя онъ не нуждался въ моемъ обществѣ и не скрывалъ этого. Пока мы ротозейничали и глазѣли въ блескѣ факеловъ губернатора, насъ схватили, и еще четырехъ, и присоединили къ конвою. Вотъ какъ, на самомъ дѣлѣ, сталъ я добровольцемъ. Впрочемъ, я не печалился, подумавъ, какъ скучно было бы жить въ деревнѣ безъ Паладина.

— Ну, а онъ что чувствовалъ? Былъ онъ доволенъ?

— Кажется, онъ былъ радъ.

— Отчего?

— Оттого, что онъ сказалъ, будто недоволенъ. Видите ли, его взяли внезапно; а онъ не можетъ сказать правды безъ приготовленія. Не скажу, чтобы онъ готовился, еслибъ и было время: не стану обвинять его въ этомъ. Вѣдь, пока онъ изготовился бы сказать правду, онъ могъ приготовиться и солгать. Сверхъ того, въ такомъ случаѣ его сужденіе было бы хладнокровно, и онъ остерегся бы браться за новыя штуки. Нѣтъ, я увѣренъ, что Паладинъ былъ радъ, ибо онъ сказалъ, что не радъ.

— И ты думаешь, что онъ вправду былъ радъ?

— Да, навѣрно. Вѣдь, онъ умолялъ, какъ рабъ, горланилъ про свою мать, ссылался на свое слабое здоровье; и ѣздить-то верхомъ онъ не умѣетъ, и не переживетъ-то онъ перваго похода. Но съ виду-то хорошъ былъ этотъ слабенькій! Стояла тутъ бочка съ виномъ, поднять ее въ пору четыремъ человѣкамъ. Губернаторъ вскипѣлъ. Онъ изругался такъ, что поднялась пыль столбомъ, и велѣлъ ему сдвинуть эту бочку; нето онъ сдѣлаетъ-де изъ него котлету и пошлетъ домой въ корзинѣ. Паладинъ сдвинулъ—и безъ дальнѣйшихъ разсужденій попалъ рядовымъ въ конвой.

— Ну, ты, кажется, ясно показалъ, что онъ былъ радъ присоединиться къ намъ—то-есть, если вѣрно предположеніе, изъ котораго ты исходишь. А какъ онъ выдержалъ походъ прошлой ночью?

— Почти такъ же, какъ и я. Если онъ больше нашумѣлъ, то это ужъ преимущество его туши. Мы не свалились съ сѣделъ потому только, что насъ поддерживали. Мы оба хромаемъ сегодня. И если ему угодно сидѣть, пусть сидитъ-себѣ. Я же предпочитаю стоять.

ГЛАВА IV.

Ночная скачка.—Англійская засада.

Насъ позвали въ главную квартиру. Жанна сдѣлала намъ обстоятельный смотръ. Затѣмъ она немного поговорила съ нами. Она замѣтила намъ, что самыя тяжелыя военныя обязанности пойдутъ лучше, если не будетъ богохульства и брани: она строго требовала запомнить это и исполнять. Она велѣла новичкамъ полчаса заняться верховой ѣздой, подъ наукой одного изъ старыхъ служакъ. Смѣшное это было представленіе; но мы научились-таки кое-чему. Жанна была довольна, похва-

лила насъ. Сама она не дѣлала ученья, не участвовала въ изворотахъ и маневрахъ: она сидѣла на конѣ, какъ статуэтка, и смотрѣла. Мы видѣли, что этого довольно съ нея. Она не проронила и не забыла ни одной мелочи урока, все запечатлѣла въ своемъ глазѣ и умѣ: потомъ она пускала въ ходъ все это съ такой увѣренностью, словно сама уже продѣлывала все.

Затѣмъ мы сдѣлали три ночныхъ перехода, по 12—13 льё (26) каждый. Ѣхали мы мирно, безъ помѣхи: насъ принимали за бродячую шайку Вольныхъ Товарищей. Сельчане радовались, что мы проходили безъ остановки. Ну, и тяжелы же были эти переходы, совсѣмъ неудобны! Мостовъ было мало, а воды много. Нужно было переходить въ бродъ; а вода была чертовски холодна. А потомъ приходилось, еще мокрымъ, ложиться на морозную или снѣжную землю. И согрѣвайся и спи, какъ хочешь: было опасно разводить костры. Наша ретивость ослабла, при такихъ лишеніяхъ и ежедневной усталости; а Жанна—какъ ни въ чемъ не бывало! Въ поступи прежняя твердость и живость, въ глазахъ—прежній огонь. Мы только дивились: понять этого мы не могли.

Но если тяжки были эти дни, то ужъ не знаю, какъ и назвать слѣдующія пять ночей. Переходы были такъ же томительны, ванны такъ же холодны; да еще семь разъ мы попадали въ засаду и потеряли въ схваткахъ двухъ новичковъ да трехъ старыхъ служакъ. Разошлась молва, что вдохновенная Дѣва изъ Вокулёра идетъ къ королю, съ конвоемъ,—и уже на всѣхъ дорогахъ сторожили насъ.

Эти пять ночей порядочно-таки измучили начальство. А тутъ Ноэль сдѣлалъ открытіе, тотчасъ долетѣвшее до главной квартиры. Нѣкоторые изъ конвоя вздумали объяснить себѣ: отчего это Жанна не теряла живости, бодрости, самоувѣренности, когда самые сильные изъ нашихъ мужчинъ истомились отъ тяжкихъ переходовъ и лишеній и стали угрюмы, раздражительны? Вотъ вамъ примѣръ, какъ можно имѣть глаза и не видѣть. Эти люди всю свою жизнь видѣли, что бабы возятся съ коровами и тащатъ плугъ, между тѣмъ какъ мужики правятъ. Видѣли они и другіе примѣры тому, что у женщинъ больше выносливости, терпѣнія, крѣпости, чѣмъ у мужчинъ. Но какая имъ польза отъ того, что они видѣли все это? Никакой.

Ничему не научились они. Они все-таки дивились, какъ это

17-лѣтняя дѣвушка переноситъ тяжести войны лучше, чѣмъ опытные старые служаки. Мало того. Они и не подумали, что великая душа при великой цѣли можетъ укрѣпить слабое тѣло и поддержать его. А, вѣдь, тутъ была величайшая душа въ мірѣ. Но гдѣ было понять это этимъ тупоголовымъ? Ничего не вѣдали они; и ихъ разсужденія были подъ-стать ихъ невѣжеству. Говорили-говорили они между собой (а Ноэль подслушалъ) и порѣшили: Жанна—колдунья; ея странная отвага и сила—отъ Сатаны. И замыслили они ждать удобнаго случая, чтобы лишить ее жизни.

Такіе тайные заговоры, въ нашей-то средѣ, было дѣло не шуточное, само собою разумѣется. Рыцари просили позволенія у Жанны повѣсить заговорщиковъ; но она отказалась, не задумавшись. Она сказала:

— Ни эти люди, и никто другой не въ силахъ отнять у меня жизнь, пока не исполнится мое посланничество: такъ зачѣмъ же брать мнѣ ихъ кровь на свою совѣсть? Я скажу имъ это и пожурю ихъ. Позовите ихъ ко мнѣ.

Когда явились они, она заговорила съ ними о заговорѣ, какъ о рѣшенномъ дѣлѣ, словно ей и въ голову не приходило, чтобы кто-нибудь усомнился, если она ручается въ справедливости своихъ словъ. Эти люди были очевидно поражены, слыша, какъ она говоритъ объ этомъ дѣлѣ съ такой увѣренностью: смѣлыя пророчества всегда дѣйствуютъ на суевѣрный слухъ. Да, эта рѣчь, конечно, подѣйствовала на нихъ; но еще больше тронуло ихъ ея заключеніе. Жанна обратилась къ зачинщику и сказала грустно:

— Жалко видѣть, что вы замышляете чужую смерть, когда ваша собственная у васъ за плечами.

Этою же ночью, при первой переправѣ въ бродъ, конь этого парня споткнулся и упалъ на него: онъ утонулъ; мы не успѣли помочь ему. Заговоровъ ужъ больше не было.

Въ ту же ночь насъ тревожили засады; но мы проскочили, не потерявъ ни одного человѣка. Еще ночь—и мы были бы за предѣлами непріятеля, будь удача: мы съ порядочной тревогой смотрѣли на заходящее солнце. До сихъ поръ мы не очень-то охотно подымались въ темнотѣ и тишинѣ, чтобы мерзнуть на бродахъ и подвергаться вражескимъ преслѣдованіямъ; но на этотъ разъ насъ брало

нетерпѣніе поскорѣй пуститься въ дорогу и пронестись по ней, хотя предвидѣлось больше упорныхъ стычекъ, чѣмъ въ прежнія ночи. Да еще, эдакъ за три льё впереди, шумѣлъ глубокій потокъ съ жиденькимъ деревяннымъ мостикомъ. А весь день лилъ холодный дождь со снѣгомъ. И насъ томило желаніе узнать поскорѣй, попадемъ ли мы тутъ въ засаду, или нѣтъ. Вѣдь, если напоромъ воды снесло мостъ, мы навѣрно попали бы въ западню—и ужъ намъ не ускользнуть бы!

Какъ только стемнѣло, мы вытянулись изъ чащи лѣса, гдѣ скрывались днемъ, и тронулись въ путь. Съ тѣхъ поръ, какъ начали встрѣчаться засады, Жанна ѣхала въ челѣ отряда: она и теперь заняла это мѣсто. Не прошли мы и одного льё, какъ дождь со снѣгомъ превратились въ настоящую слякоть. Подъ напоромъ бурнаго вѣтра, они хлестали меня по лицу, какъ кнутья: я завидовалъ Жаннѣ и рыцарямъ, которые могли опустить свои забрала и засунуть головы въ шлемы, какъ въ коробку. Вдругъ, изъ кромѣшнаго мрака надъ самымъ нашимъ ухомъ раздалась рѣзкая команда:—Стой!

Мы повиновались. Я разобралъ передъ нами какую-то темную кучу, вродѣ отряда всадниковъ, а, можетъ, и что другое. Одинъ человѣкъ отдѣлился и сказалъ Жаннѣ съ упрекомъ:

— Ну, вы позамѣшкались-таки порядочно. Что-жъ новаго? Она еще позади насъ, или впереди?

Жанна отвѣчала ровнымъ голосомъ:

— Она еще позади.

Это извѣстіе смягчило голосъ незнакомца. Онъ сказалъ:

— Если только вы увѣрены въ этомъ, вы недаромъ потратили время, капитанъ. Но такъ-ли это? Почемъ вы знаете?

— Да я видѣлъ ее.

— Видѣли ее! Видѣли самую Дѣву?

— Ну, да! Я былъ въ ея лагерѣ.

— Неужто? Капитанъ Рэмонъ, извините меня за рѣзкость тона: вы молодецки оказали великую услугу. Гдѣ же стояла она?

— Въ лѣсу, не больше, какъ за одно льё отсюда.

— Слава Богу! Я боялся, что она опередила насъ. Но теперь, когда знаемъ, что она позади насъ, все спасено: она у насъ въ рукахъ; мы повѣсимъ ее. Вы собственноручно повѣсите ее: никто

больше не заслужилъ чести истребить это чумное отродье Сатаны!

— Не знаю, какъ благодарить васъ. Еслибъ только намъ сцапать ее, я бы...

— Еслибъ! Ужъ я позабочусь объ этомъ, не безпокойтесь! Мнѣ только бы взглянуть на нее, посмотрѣть, что̀ это за дьявольское отродье, надѣлавшее столько шуму. Затѣмъ я предоставляю ее вамъ и веревкѣ. Сколько людей при ней?

— Я насчиталъ восемнадцать. Но еще двое-трое, вѣроятно, стояли на караулѣ.

— Только-то? Это—одинъ глотокъ для моихъ силъ. Правда-ли, что она — просто дѣвушка?

— Да, ей не больше семнадцати лѣтъ.

— Невѣроятно! Дюжая она, или тщедушная?

— Тщедушная.

Офицеръ подумалъ съ минуту, потомъ сказалъ:

— Собиралась она сниматься съ лагеря?

— Нѣтъ, когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ.

— Что-жъ она дѣлала?

— Она преспокойно болтала съ однимъ офицеромъ.

— Преспокойно? И не отдавала приказаній?

— Нѣтъ. Она болтала спокойно, какъ, вотъ, мы съ вами.

— Отлично. Она воображаетъ себя въ безопасности. Вѣдь, ей слѣдовало бы не знать покоя, кипятиться: таковы женщины, когда опасность у нихъ на носу. Такъ какъ она не собиралась сниматься съ лагеря...

— Вовсе не собиралась, когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ...

— И такъ какъ она болтала спокойно въ свое удовольствіе, значитъ, такая погода не по ея вкусу. Семнадцатилѣтнему дѣтенышу не подобаетъ ѣздить ночью, въ слякоть, на вѣтру. Нѣтъ, нѣтъ! Она простоитъ тамъ. Благодаримъ покорно! Ну, а мы постоимъ здѣсь: тутъ не хуже, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Такъ и сдѣлаемъ.

— Конечно, если вы прикажете. Но при ней двое рыцарей. Они могутъ заставить ее идти, особенно если погода поправится.

Я испугался. Меня брало нетерпѣніе поскорѣе выйти изъ этой опасности. Я досадовалъ и мучился, видя, что Жанна какъ бы ста-

рается затянуть дѣло и увеличить опасность. Ну, да, думаю себѣ, она лучше меня знаетъ, что̀ дѣлать. Офицеръ сказалъ:

— Ладно. Но въ такомъ случаѣ, мы и будемъ здѣсь, чтобъ загородить ей дорогу.

— Да, если они поѣдутъ тутъ. А если они вышлютъ развѣдчиковъ и поймутъ, что имъ лучше попробовать добраться до моста лѣсомъ? Хорошо-ли оставлять мостъ?

Я вздрогнулъ, услыхавъ это.

Офицеръ подумалъ немного и сказалъ:

— Да, было бы хорошо послать отрядъ разрушить мостъ. Я думалъ занять его всѣми моими силами, но теперь этого не нужно.

Жанна сказала спокойно:

— Съ вашего позволенія, я самъ поѣду и разрушу мостъ.

А! Теперь-то я понялъ ея мысль. И какъ обрадовался, что она такъ ловко придумала и такъ хладнокровно исполнила ее въ такомъ затруднительномъ положеніи! Офицеръ отвѣчалъ:

— Ладно, капитанъ, и благодарю васъ. Съ вами дѣло обойдется хорошо. Я могъ бы послать вмѣсто васъ другого, но не лучшаго.

Они раскланялись, и мы двинулись впередъ. Я вздохнулъ свободно. Пока тянулся этотъ разговоръ, я десять разъ слышалъ, казалось, за нами топотъ коней настоящаго капитана Рэмона и сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Я вздохнулъ свободнѣе, но мнѣ все еще было не по себѣ. Вѣдь, Жанна только скомандовала просто: «Впередъ!» и мы двинулись тихимъ шагомъ черезъ темную, длинную шеренгу враговъ. Мучительна была эта заминка. Къ счастью, она была недолга. Какъ только непріятельскій рожокъ проигралъ: «Спѣшиться!» Жанна велѣла пуститься рысью. И словно гора свалилась съ плечъ!

Она, мы видѣли, все время владѣла собой. Пока не былъ отданъ приказъ спѣшиться, кто-нибудь въ шеренгѣ могъ дать совсѣмъ другой знакъ, при нашей попыткѣ ускакать; теперь же мы, казалось, были уже на своемъ пути къ предназначенной стоянкѣ: насъ пропускали безпрепятственно. Чѣмъ дальше подвигались мы, тѣмъ больше развертывались передъ нами грозныя силы непріятеля. Можетъ быть, тутъ была одна-двѣ сотни, но мнѣ почудилась цѣлая

тысяча. Когда мы миновали послѣдняго всадника, я возблагодарилъ Бога; и чѣмъ дальше углублялись мы въ тьму, тѣмъ лучше чувствовалъ я себя. Мнѣ становилось все легче и легче въ теченіе часа. Затѣмъ мы нашли мостъ въ цѣлости—и я совсѣмъ оправился. Мы проскочили мостъ и разрушили его за собой. Тогда только я почувствовалъ... не пересказать, что̀. Пойметъ это только тотъ, кто самъ переживалъ что-нибудь подобное.

Мы все ждали топота преслѣдующаго насъ врага. Вѣдь, настоящій капитанъ Рэмонъ могъ явиться и навести на мысль, что принятая за его отрядъ шайка принадлежала Дѣвѣ изъ Вокулёра. Но онъ, должно быть, порядочно замѣшкался: когда мы продолжали нашъ путь за рѣкой, за нами ничего не было слышно, кромѣ бури.

Я выразился, что Жанна пожала много похвалъ вмѣсто капитана Рэмона, на долю котораго останется только солома упрековъ, когда онъ возвратится: вѣдь, онъ встрѣтитъ начальника, какъ разъ заряженнаго бранью.

Жанна сказала:

— Конечно, такъ и будетъ. Вѣдь, не научи мы его, начальникъ стоялъ бы-себѣ спокойно всю ночь и не думалъ бы посылать отряда разрушить мостъ. А никто такъ не падокъ до чужихъ ошибокъ, какъ тотъ, кто самъ заслуживаетъ порицанія.

Сьёръ Бертранъ потѣшался наивностью, съ которой Жанна говорила о своей «наукѣ», словно она дала врагу цѣнный подарокъ, словно избавила его отъ непростительнаго упущенія. Онъ изумлялся также, какъ ловко провела она этого господина, сказавъ лишь святую правду. Это задѣло Жанну, и она сказала:

— А я думала, что онъ самъ себя обманулъ. Я не позволила себѣ говорить ложь: вѣдь, это нехорошо. Но если моя правда обманула его, то она, пожалуй, стала ложью; и я заслуживаю порицанія. Господь да вразумитъ меня, поступила ли я худо.

Ее увѣряли, что она поступила правильно и что, по опасностямъ и нуждамъ войны, дозволяются обманы, полезные намъ и вредительные врагу. Но ее не удовлетворило это: по ея мнѣнію, именно когда великое дѣло въ опасности, всякій долженъ стараться прежде всего поступать благородно. Жанъ сказалъ.

— Вотъ ты, Жанна, сообщила намъ, что идешь присмотрѣть

за женой дяди Ляксара, но ты не сказала, что пойдешь дальше, а сама пошла въ Вокулёръ!

— Вижу теперь—сказала Жанна съ грустью,—что хотя я и не солгала, но обманула. Я сначала испробовала все, но никакъ не могла уйти, а *должна* была идти. Этого требовало мое посланничество. Да, я поступила худо: я заслужила порицаніе.

Она помолчала съ минуту, обдумывая дѣло; потомъ прибавила съ спокойной рѣшимостью:

— Но дѣло-то само было правое; и, если бы понадобилось, я опять поступила бы такъ же.

Казалось, она перетоншила; но никто не сказалъ ничего.

Если бы мы понимали ее, какъ она сама себя понимала и какъ исторія потомъ раскрыла намъ ее, мы замѣтили бы, что тутъ она была права: вѣдь, ея положеніе не сравнить было съ нашимъ, какъ мы воображали; она занимала болѣе высокое мѣсто. Для спасенія своего дѣла, она должна была пожертвовать собой и *лучшей* своей частью, т. е. правдивостью. Но и только. Она не должна была покупать свою *жизнь* такою цѣной. А наша военная нравственность дозволяла покупать обманомъ нашу жизнь или военный успѣхъ, большой или малый. Ея слова казались тогда заурядными: сущность ея мысли ускользнула отъ насъ. Но теперь всякій видитъ, что тутъ крылось убѣжденіе, которое возвышало эти слова, дѣлало ихъ великими, совершенными.

Но, вотъ, вѣтеръ утихъ, слякоть прекратилась, холодъ полегчалъ. Дорога стала болотиста и лошади тащились шагомъ: ничего нельзя было подѣлать. Когда прошла тяжкая пора, нами овладѣло истощеніе: мы спали въ сѣдлахъ. Насъ не могли пробудить даже грозившія опасности.

Эта десятая ночь тянулась дольше всѣхъ другихъ. И, конечно, она была самая тяжелая: вѣдь, усталость скоплялась съ самаго начала и теперь угнетала насъ больше прежняго. Но зато насъ не тревожили. Когда, наконецъ, настали потемки, мы замѣтили передъ собой рѣку и поняли, что это — Луара. Мы вступили въ городъ Жьенъ и почувствовали, что мы—на дружеской землѣ: враждебный край остался за нами. То было радостное для насъ утро!

Мы представляли изъ себя истасканную шайку лохмотниковъ.

А Жанна, какъ всегда, была самою свѣженькой изъ всѣхъ насъ, и тѣломъ, и душой. Мы отмахивали болѣе тринадцати льё въ ночь, по извилистымъ, сквернымъ дорогамъ. То былъ замѣчательный походъ: онъ показалъ, на что способны люди съ вождемъ, передъ которымъ точная цѣль, который никогда не колеблется въ своемъ рѣшеніи.

ГЛАВА V.

Французская засада.—Дворъ въ Шинонѣ.

Мы отдохнули и изрядно подкрѣпились въ Жьенѣ, въ теченіе двухъ-трехъ часовъ. За это время разошлась молва, что прибыла молодая дѣвушка, посланная Богомъ на спасеніе Франціи. И собралась такая куча народа взглянуть на нее, что мы сочли за лучшее поискать другого убѣжища. Мы ускакали и остановились въ маленькой деревушкѣ, по имени Фьербуа.

Мы уже были всего въ шести льё отъ короля: онъ находился въ замкѣ Шинонъ. Жанна сейчасъ же продиктовала письмо къ нему: я писалъ его. Тутъ говорилось, что она прибыла изъ-за полутораста льё съ добрыми вѣстями и проситъ позволенія передать ихъ ему лично. Письмо прибавляло, что хотя она никогда не видала его, она узнаетъ его во всякомъ нарядѣ и укажетъ на него.

Оба рыцаря тотчасъ же поскакали съ письмомъ. Отрядъ спалъ все послѣ-обѣда; и послѣ ужина мы всѣ чувствовали себя свѣжими, довольными, въ особенности наша горсть домремійцевъ. Намъ отвели уютную пріемную деревенскаго кабачка; и впервые, послѣ десяти невыразимо долгихъ дней, мы чувствовали себя избавленными отъ страха и ужасныхъ сомнѣній, отъ томительнаго труда и лишеній. Къ Паладину вдругъ возвратилось самообладаніе; онъ опять чванился, какъ настоящая статуя Самодовольства. Ноэль Рэнгессонъ сказалъ:

— По мнѣ, истинное чудо, какъ онъ провелъ насъ.

— Кто?—спросилъ Жанъ.

— Какъ кто? Паладинъ.

Паладинъ будто не слышитъ.

— Да причемъ же онъ тутъ?—спросилъ Пьеръ д'Аркъ.

— При всемъ. Вѣдь, только вѣра Жанны въ его скромность под-

держивала ея духъ. Мужество-то—дѣло ея и наше. Но, вѣдь, на войнѣ, въ концѣ концовъ, побѣждаетъ скромность. Скромность—самое рѣдкое и возвышеннѣйшее качество. А у Паладина ея больше, чѣмъ у любаго француза,—какое!—чѣмъ, пожалуй, у шестидесяти французовъ.

— Ну, вотъ, ты готовъ разыграть дурачка, Ноэль Рэнгессонъ!—воскликнулъ Паладинъ.—Тебѣ не мѣшало бы вытянуть свой длинный язычекъ на затылокъ и приколоть кончикъ къ уху. Тогда тебѣ было бы меньше хлопотъ!

— Я не зналъ, что у него больше скромности, чѣмъ у другихъ,—сказалъ Пьеръ. Вѣдь, скромность требуетъ мозговъ; а у него ни на капельку не больше мозга, чѣмъ у насъ всѣхъ: такъ я думаю.

— Нѣтъ, ошибаешься. Скромность вовсе не касается мозговъ. Мозгъ, напротивъ, мѣшаетъ ей, ибо она не разсуждаетъ, а чувствуетъ. Совершенная скромность означаетъ отсутствіе мозговъ. Скромность — свойство сердца; она дѣйствуетъ на насъ черезъ чувство. Мы знаемъ это оттого, что еслибы это было свойство ума, она, къ примѣру, видѣла бы опасность только тамъ, гдѣ есть опасность. Между тѣмъ...

— Послушай только его болтовню! Проклятый болванъ!—проворчалъ Паладинъ.

— ...Между тѣмъ какъ скромность, будучи свойствомъ сердца и дѣйствуя чувствомъ, а не разсудкомъ, хватаетъ, конечно, выше и дальше: она видитъ опасности и избѣгаетъ ихъ тамъ, гдѣ ихъ никогда и не было. Напримѣръ, этой ночью, среди тумана, когда Паладинъ принялъ уши своего коня за копья непріятеля и соскочилъ съ него и полѣзъ на дерево...

— Это ложь, ложь безъ тѣни правды! И прошу всѣхъ васъ поостеречься вѣрить злостнымъ выдумкамъ этого путанника, этой клеветнической мельницы. Вѣдь, онъ только тѣмъ и занимается, что въ конецъ разстраиваетъ меня и, напослѣдокъ, смалываетъ вашу собственную славу. Я слѣзъ, чтобъ подтянуть подпругу на сѣдлѣ. Сейчасъ умереть! Хотите вѣрьте, хотите не вѣрьте.

— Видите, онъ всегда такъ. Никакъ не можетъ обсуждать дѣло спокойно, вѣчно пускаетъ пары и становится невыносимымъ. И за-

мѣтьте, какая у него безпамятность! Онъ помнитъ, что скатился съ лошади, а остальное забылъ—все, даже дерево. И это понятно. Онъ вспомнилъ, что скатился съ коня, ибо привыкъ къ этому. Онъ всегда дѣлалъ такъ, какъ только въ челѣ отряда подымалась тревога и слышался лязгъ оружія.

— Отчего же именно въ этихъ случаяхъ?—спросилъ Жанъ.

— Не знаю. По *его* мнѣнію, чтобы подтягивать подпругу, а по моему, — чтобъ лѣзть на дерево. Я видѣлъ, какъ онъ въ одну ночь лазилъ на девять деревьевъ.

— Ничего ты такого не видѣлъ! Такой лгунъ не заслуживаетъ никакого уваженія. Прошу васъ всѣхъ, отвѣчайте: вѣрите-ли вы словамъ этого пресмыкающагося?

Всѣ, казалось, пришли въ затрудненіе. Одинъ Пьеръ далъ отвѣтъ. Онъ сказалъ, заикаясь:

— Я... Я, право, не знаю, что сказать. Такое щекотливое обстоятельство! Обидно не вѣрить человѣку, когда онъ говоритъ такъ рѣшительно; однако, я принужденъ сказать — какъ бы ни показалось это грубымъ — что не могу вѣрить всему. Такъ, я не могу повѣрить, чтобы ты лазилъ на девять деревьевъ.

— Ага! — закричалъ Паладинъ. — Теперь какъ ты себя чувствуешь, Ноэль Рэнгесонъ? Ну, Пьеръ, какъ ты думаешь, на сколько деревьевъ лазилъ я?

— Только на восемь.

Послѣдовалъ взрывъ хохота. Гнѣвъ Паладина раскалился добѣла. Онъ воскликнулъ:

— Придетъ мое время, придетъ! Посчитаюсь я со всѣми вами, повѣрьте!

— Не раздражайте его,—просилъ Ноэль.—Онъ—настоящій левъ, если подымется. Я ужъ насмотрѣлся на это послѣ третьей стычки. Когда все было кончено, онъ вышелъ изъ кустарника и въ-одиночку напалъ на одного убитаго.

— Опять ложь! И я взаправду предостерегаю тебя не идти дальше. А если не перестанешь, то увидишь, какъ я нападаю на живого.

— Имѣюсь въ виду я, конечно. Это оскорбляетъ меня больше, чѣмъ цѣлый ворохъ брани и нелестныхъ рѣчей. Неблагодарность къ благодѣтелю!..

— Благодѣтелю? Хотѣлось бы мнѣ знать, чѣмъ это я обязанъ тебѣ?

— Твоей жизнью. Вѣдь я же стоялъ между деревьями и непріятелемъ и сдерживалъ сотни, тысячи враговъ, жаждавшихъ твоей крови. И я дѣлалъ это не изъ желанія показать свою отвагу, а потому, что люблю тебя и не могу жить безъ тебя!

— Ну, довольно! Не могу больше слышать такія низости. Я могу переносить твою ложь, но не твою любовь. Попробуй этого яда на другомъ, у кого желудокъ покрѣпче моего. Но я долженъ высказаться, прежде чѣмъ уйду. Во весь походъ я скрывалъ мои дѣянія, чтобъ выдвинуть ваши дѣлишки, чтобъ этотъ народецъ пріобрѣлъ больше славы. Я всегда уѣзжалъ впередъ, гдѣ кипѣлъ самый горячій бой, подальше отъ васъ, чтобы вы не видѣли моихъ подвиговъ и чтобы вы не лопнули съ досады. Я рѣшилъ хранить это втайнѣ въ моей груди, но ты заставляешь меня высказаться. Желаешь свидѣтелей? Они лежатъ тамъ, на пройденномъ нами пути. Дорога была вязка: я помостилъ ее трупами. Почва была безплодна: я удобрилъ ее кровью. Время отъ времени мнѣ приходилось подаваться въ самый тылъ: вѣдь, отрядъ сталъ бы, еслибъ меня убили! И послѣ этого ты, разбойникъ, смѣешь обвинять меня, будто я лазилъ на деревья! Фу!

И онъ гордо зашагалъ вонъ: повѣствованіе о воображаемыхъ подвигахъ уже опять взвинтило его и успокоило.

На другой день мы сѣли на коней и направились къ Шинону. Орлеанъ остался позади насъ, совсѣмъ близко. Его душили цѣпкія когти англичанина. Богъ дастъ, скоро мы повернемся и пойдемъ къ нему на выручку! Изъ Жьена уже распространилась по Орлеану молва, что къ нему идетъ Дѣва Вокулёра, которой предназначено Богомъ снять осаду. Эта вѣсть производила всеобщее возбужденіе и вселяла великую надежду. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ то былъ первый лучъ, согрѣвшій сердца этого бѣднаго народа! Тотчасъ явились посольства къ королю съ просьбой подумать объ этомъ, не отталкивать этой помощи съ легкимъ сердцемъ.

На полпути къ Шинону мы натолкнулись еще на одну вражескую шайку. Она внезапно наскочила на насъ изъ лѣсу, и была не маленькая. Но мы были уже не новички, какъ десять-двѣнадцать

дней тому назадъ. Мы уже привыкли къ такимъ приключеніямъ: наши души не ушли въ пятки, оружіе не задрожало въ нашихъ рукахъ. Мы научились быть всегда въ боевомъ порядкѣ, всегда насторожӗ, всегда готовыми ко всякой случайности. Мы уже такъ же мало смущались при видѣ этихъ господъ, какъ и нашъ вождь. Прежде чѣмъ непріятель построился, Жанна отдала приказъ—«Впередъ!» и мы стремительно ударили на него. Онъ не выдержалъ, показалъ тылъ, разсѣялся; мы прорвались черезъ него, какъ чрезъ соломенныя чучела.

То была послѣдняя засада. И чуть ли она не была подстроена Де-ля-Тремуйлемъ, этимъ злодѣемъ-предателемъ, министромъ и любимцемъ самого короля.

Мы помѣстились въ гостинницѣ; и вскорѣ весь городъ собрался взглянуть на Дѣву.

О, неповоротливый король и его неповоротливый народъ! Наши два добрыхъ рыцаря явились теперь съ докладомъ, истощивъ свое терпѣніе. Они и мы стояли почтительно, какъ слѣдуетъ быть, въ присутствіи королей или ихъ вельможъ, пока Жанна не приказала намъ сѣсть. Она была тронута этимъ знакомъ благоговѣнія и почтенія, но очевидно нето это не понравилось ей, нето она не привыкла къ этому. Между тѣмъ мы всегда держали себя такъ съ того дня, когда она напророчила смерть того презрѣннаго измѣнника, который тотчасъ потонулъ, что̀ подтвердило намъ много прежнихъ знаковъ ея божественнаго посланничества. Затѣмъ господинъ изъ Меца сказалъ Жаннѣ:

— Королю доставлено письмо; но насъ не допустили говорить съ нимъ.

— Кто не допустилъ?

— Собственно никто. Но трое или четверо изъ его приближенныхъ—какіе-нибудь злодѣи или предатели—помѣшали этому и всячески затягивали дѣло, подъ разными предлогами и обманами. Главные изъ нихъ—Жоржъ де-ля-Тремуйль и эта лукавая лиса, архіепископъ реймсскій. Они держатъ короля въ цѣпяхъ праздности, охоты и потѣхъ, а сами величаются, и ихъ значеніе ростетъ. Вѣдь, какъ только король заявитъ себя, подымется и схватится за корону и дѣло, какъ мужъ, ихъ царству конецъ! Вотъ они и наби-

ваютъ себѣ карманы. Чтò имъ до того, что корона погибнетъ, а вмѣстѣ съ нею—и король.

— Говорили вы еще съ кѣмъ-нибудь, кромѣ этихъ?

— Да, но не съ царедворцами. Царедворцы—послушные рабы этихъ пресмыкающихся. Они ловятъ ихъ слова и движенія, стараясь подражать имъ, думать, какъ они, говорить, какъ они. Оттого они были холодны съ нами, поворачивались къ намъ спиной, уходили при нашемъ появленіи. Нѣтъ, не съ ними говорили мы, а съ посланцами изъ Орлеана. Тѣ говорили съ сердцемъ: «Чистое чудо! Человѣкъ въ такомъ отчаянномъ положеніи, какъ король, стоитъ, какъ окаменѣлый, видитъ гибель всего своего,—и не шевельнетъ пальцемъ, чтобъ остановить бѣдствіе. Какое невиданное зрѣлище! Вонъ онъ забился въ крошечный уголокъ королевства, какъ крыса въ мышеловкѣ. Его королевское убѣжище—этотъ огромный, мрачный замокъ-могила, гдѣ болтаются обрывки обоевъ, источенныхъ червями, да притиснута по угламъ мебель, искалѣченная отъ употребленія,—чистая юдоль отчаянія! Въ казнѣ у него сорокъ франковъ,—ни копѣйки больше, Богъ свидѣтель! Оружія никакого, ни тѣни. А рядомъ съ этой голодной нищетой, передъ вами этотъ безкоронный бѣднякъ и куча его шутовъ и любимчиковъ, разряженныхъ въ пышные шелка и бархаты, какихъ не найдешь ни при какомъ дворѣ во всемъ христіанствѣ. Мало того. Вѣдь, король знаетъ, что пади нашъ городъ (а это навѣрно случится, если не явится быстрая помощь)—падетъ и *Франція*. Онъ знаетъ, что съ того дня онъ станетъ изгнанникомъ, бѣглецомъ, а позади него англійскій флагъ станетъ невозбранно развѣваться надъ всякой пядью его великаго наслѣдія. Все это знаетъ онъ. Извѣстно ему также, что нашъ вѣрный городъ одинъ-одинешенекъ борется съ заразой, съ голодомъ, одинъ только служитъ мечемъ для обороны отъ ужаснаго бѣдствія. И онъ не хочетъ шевельнуть пальцемъ для спасенія его, не внемлетъ нашимъ мольбамъ, не хочетъ даже взглянуть на насъ!» Вотъ что сказали орлеанскіе посланцы, погруженные въ отчаяніе.

Жанна сказала кротко:

— Какая жалость! Но они не должны отчаиваться. Теперь дофинъ выслушаетъ ихъ. Скажите имъ это.

Она почти всегда называла короля «дофиномъ»: по ея понятіямъ, онъ еще не былъ королемъ, ибо не былъ коронованъ.

— Мы скажемъ имъ это. И они будутъ довольны: вѣдь, они вѣрятъ, что вы посланы Богомъ. А за архіепископа и его соумышленниковъ стоитъ этотъ старый вояка, Рауль де-Гокуръ, великій дворецкій (27),—человѣкъ достойный, но простой солдатъ, съ умомъ не высокаго полета. Онъ не можетъ взять въ толкъ, какъ это деревенская дѣвушка, несвѣдущая въ войнѣ, можетъ взять мечъ въ свою ручку и одерживать побѣды тамъ, гдѣ опытные генералы Франціи словно искали только пораженій—и находили ихъ, вотъ уже цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ. И вотъ, онъ равнодушно крутитъ свой усъ и подсмѣивается.

— Когда Богъ выступаетъ въ брань, не важно, большая или маленькая рука владѣетъ Его мечемъ. Онъ ужъ позаботится обо всемъ въ свое время. Неужели нѣтъ у насъ ни одного доброжелателя въ этомъ Шинонскомъ замкѣ?

— Есть — теща короля, Іоланта, королева Сицилійская, женщина мудрая и добрая. Она говорила съ сьёромъ Бертраномъ.

— Она благопріятствуетъ намъ и ненавидитъ плутовъ короля,— сказалъ Бертранъ.—Она желала все знать, закидывала тысячью вопросовъ; и я отвѣчалъ на всѣ, какъ могъ. Она задумалась надъ этими отвѣтами: мнѣ показалось даже, что она погрузилась въ непробудный сонъ. Но вышло не то. Она заговорила медленно и словно сама съ собой: «Семнадцатилѣтняя... дѣвушка... деревенская... неученая... не знаетъ войны, оружія, веденія битвъ... скромная, кроткая, застѣнчивая... и бросаетъ свой пастушій посохъ, одѣвается въ сталь... и пробирается черезъ полтораста льё по непріятельской землѣ, не падая духомъ, не теряя надежды, не обнаруживъ ни разу страха... и является... она, для которой уже видъ короля—что-то ужасное... и хочетъ предстать предъ нимъ и сказать: не бойтесь, Богъ послалъ меня спасти васъ!.. О, откуда же можетъ взяться такая дивная храбрость и убѣжденность, *какъ* не отъ Самого Бога истиннаго!..» Она опять помолчала немного, задумавшись, собираясь съ мыслями. Потомъ сказала: «Да, отъ Бога ли она или нѣтъ, но въ ея сердцѣ есть что-то, чтò поднимаетъ ее надъ всѣми людьми, высоко поднимаетъ надъ всею нынѣшней Франціей. Въ ней есть что-то таин-

ственное, что̀ вселяетъ духъ въ солдатъ и превращаетъ толпу трусовъ въ рать борцовъ, забывающихъ страхъ въ ея присутствіи,— борцовъ, что̀ бросаются въ бой съ радостью въ очахъ, съ пѣснями на устахъ, и бурей носятся по полямъ. Вотъ духъ, который спасетъ Францію, и только онъ одинъ, откуда бы онъ ни взялся! Онъ— въ ней, я истинно вѣрую въ это. Иначе что поддержало бы это дитя въ такомъ великомъ походѣ? Что заставило бы ее пренебрегать опасностями и лишеніями? Король долженъ видѣть ее лицомъ къ лицу и увидитъ!..» Она отпустила меня съ этими добрыми словами. И, я знаю, ея обѣщаніе исполнится. Они, эти скоты, будутъ всячески затягивать дѣло, но, въ концѣ концовъ, оно сдѣлается!

— О, еслибъ *она* была королемъ!—сказалъ другой рыцарь съ горячностью.—Вѣдь, мало надежды, чтобы король самъ вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія. Онъ совсѣмъ безнадеженъ: только и думаетъ о томъ, чтобы бросить все и бѣжать куда-нибудь на чужбину. Посланцы говорятъ, что онъ заколдованъ и оттого безнадеженъ, да; и что тутъ какая-то неисповѣдимая тайна.

— Знаю я эту тайну,—сказала Жанна, съ спокойной довѣрчивостью.—Я знаю, и онъ знаетъ. А еще знаетъ одинъ только Богъ! Когда увижу его, повѣдаю ему тайну: и она разгонитъ его тревогу, и онъ подыметъ голову.

Я сгоралъ отъ любопытства узнать, что̀ такое скажетъ она королю; но она не проговорилась, да я и не ожидалъ этого. Она была дитя, это такъ. Но она не была способна болтать о великихъ предметахъ и важничать передъ простымъ народомъ. Нѣтъ, она была сдержанна и все хранила въ себѣ: таковы всѣ настоящіе великіе люди.

На другой день королева Іоланта одержала побѣду надъ тюремщиками короля: несмотря на всѣ ихъ возраженія и помѣхи, она добилась у короля аудіенціи для нашихъ двухъ рыцарей. И они сдѣлали все, что̀ могли, воспользовавшись удобнымъ случаемъ. Они разсказали королю, какая у Жанны чистая, прелестная душа, какой возвышенный, благородный духъ одушевляетъ ее. Они умоляли его положиться на нее, вѣрить въ нее и въ ея назначеніе спасти Францію. Они просили его согласиться на свиданіе съ нею. Онъ былъ очень тронутъ и обѣщалъ не забыть этого дѣла; но ему нужно поговорить съ своими совѣтниками.

Дѣло принимало отрадный оборотъ. Два часа спустя, у насъ внизу произошелъ большой переполохъ. Прибѣжалъ нашъ хозяинъ сказать, что отъ короля пришла комиссія преславныхъ церковниковъ,—отъ самого короля! Подумайте, какая честь для его скромной гостиннички! Онъ былъ такъ потрясенъ этой честью, что задыхался и едва находилъ слова. Комиссія пришла отъ короля, чтобы говорить съ Дѣвой изъ Вокулёра! Затѣмъ онъ сбѣжалъ по лѣстницѣ и сейчасъ появился опять, пятясь въ залу и кланяясь до земли на каждой ступенькѣ, а за нимъ шествовали четверо величавыхъ и строгихъ епископовъ, съ толпой своихъ прислужниковъ.

Жанна поднялась; и мы всѣ стояли. Епископы сѣли. Нѣсколько минутъ прошло въ глубокомъ молчаніи. Ихъ правомъ было говорить первымъ; а они такъ были изумлены при видѣ ребенка, надѣлавшаго столько шума по всему свѣту и заставившаго такихъ важныхъ особъ унизиться до роли посланниковъ въ ея мужицкую гостинницу, что сначала не находили словъ. Но, вотъ, ихъ глашатай говоритъ Жаннѣ, что, какъ имъ извѣстно, у нея есть порученіе къ королю. Онъ приказалъ ей высказаться, но кратко, не теряя времени и безъ прикрасъ.

Что касается меня, я едва сдерживалъ мою радость: наконецъ-то наше посланничество дойдетъ до короля! Такая же радость, и гордость, и восторгъ, отразились на лицахъ нашихъ рыцарей и братьевъ Жанны. И я зналъ, что всѣ они молятъ Бога, вмѣстѣ со мной, чтобы Жанна не поддалась тому страху предъ этими великими сановниками, который связывалъ наши языки и смыкалъ наши уста. Мы страстно желали, чтобы она смогла хорошо, безъ малѣйшей запинки, высказать свое порученіе и произвести хорошее впечатлѣніе именно здѣсь, гдѣ оно было столь цѣнно и важно.

Боже мой, какъ мало ожидали мы того, что̀ случилось! Мы съ затаеннымъ дыханіемъ собирались услышать ея рѣчь. Она стояла, почтительно склонивъ голову, сложивъ руки предъ собой: она всегда была почтительна къ священнымъ особамъ служителей Бога. Когда глашатай кончилъ, она подняла голову и устремила свой спокойный взоръ на эти лица, нисколько не смущенная ихъ положеніемъ и величіемъ, словно какая принцесса. Затѣмъ она сказала, съ свойственною ей простотой и скромностью въ голосѣ и движеніяхъ:

— Простите меня, почтенные господа; но мое порученіе долженъ услышать самъ король.

Эти господа на минуту онѣмѣли отъ изумленія; ихъ лица побагровѣли. Потомъ глашатай сказалъ:

— Эй, послушай! Ужъ не хочешь ли ты швырнуть королю въ лицо его приказомъ? Не думаешь ли отказаться отъ передачи твоего порученія его служителямъ, для того назначеннымъ?

— Богъ назначилъ данное лицо принять это порученіе и никакой другой приказъ не можетъ стоять выше Него. Прошу васъ, дайте мнѣ поговорить съ его милостью дофиномъ!

— Брось этотъ вздоръ и возвратись къ твоему посланію! Передай его, не теряя времени.

— Вы ошибаетесь, почтеннѣйшіе отцы въ Богѣ: и это не хорошо. Я прибыла сюда не разговаривать, а освободить Орлеанъ, отвести дофина въ его добрый городъ Реймсъ и возложить корону на его главу.

— Такое-то посланіе передать королю?

Но Жанна сказала только своимъ простымъ тономъ:

— Простите меня, но я должна повторить вамъ: у меня нѣтъ никакого посланія ни къ кому.

Посланцы короля вскочили, крайне разгнѣванные и удалились не сказавъ больше ни слова. Мы и Жанна преклонили колѣна, когда они проходили.

Наши лица вытянулись, сердца наполнились предчувствіемъ бѣды. Драгоцѣнный случай пропалъ даромъ. Мы не могли понять поступка Жанны, которая была такая умница до сихъ поръ. Наконецъ, сьёръ Бертранъ дерзнулъ спросить ее, какъ это она упустила такой хорошій случай довести свое посланничество до свѣдѣнія короля?

— Кто послалъ ихъ сюда? — спросила она.

— Король.

— Кто побудилъ короля послать ихъ?

Она ждала отвѣта. Его не было: мы начинали понимать, чтò у нея на умѣ. И она отвѣчала сама:

— Побудили дофина совѣтчики его. Враги они или друзья мнѣ и счастью дофина?

— Враги, — отвѣчалъ сьёръ Бертранъ.

— Если кто-нибудь хочетъ передать порученіе цѣленькимъ, неискаженнымъ, неужели онъ выберетъ для этого предателей и плутовъ?

Я понялъ, что дураки-то мы, а она — умница. И другіе тоже поняли; и никто не нашелся, чтò сказать. А она продолжала:

— Не очень-то остроумна ихъ ловушка. Они воображали получить мое посланіе и, взявшись передать его тотчасъ же, на самомъ дѣлѣ ловко смазать его. Вы знаете, что одна часть моего посланничества—доказательствами и соображеніями побудить дофина дать мнѣ воиновъ и послать меня на выручку осажденныхъ. Если бы даже врагъ передалъ все вѣрно, слово въ слово, безъ упущеній, но безъ убѣдительныхъ тѣлодвиженій, безъ просительнаго тона, безъ умоляющихъ взглядовъ, которые одушевляютъ, оживляютъ слова,—кого бы убѣдило это? Потерпите: дофинъ скоро услышитъ меня. Не бойтесь!

Сьёръ изъ Меца нѣсколько разъ потрясъ головой и пробормоталъ какъ бы про себя:

— Она была права и мудра, а мы, сказать правду,—дурни.

Именно такъ думалъ и я: я сказалъ бы то же самое. То же думали и всѣ предстоящіе. Въ наши души прокралось какое-то благоговѣніе, когда мы подумали, какъ эта неученая, неподготовленная, внезапно выхваченная изъ деревни дѣвушка поняла коварные замыслы опытиыхъ совѣтчиковъ короля и разрушила ихъ. Поверженные въ восторгъ, въ изумленіе, мы хранили молчаніе. Мы только-что узнали ея величіе въ мужествѣ, храбрости, выносливости, терпѣніи, убѣжденности, вѣрности долгу,—словомъ, во всемъ, чтò составляетъ хорошаго, надежнаго солдата, достойнаго своего поста; теперь же мы начинали чувствовать величіе ея ума, чтò важнѣе даже этихъ великихъ качествъ сердца. Мы задумались.

Нынѣшній поступокъ Жанны принесъ плодъ на другой день. Король былъ принужденъ уважить духъ молодой дѣвушки, которая могла такъ постоять за себя и удержать свое положеніе: онъ убѣдился, что должно показать свое уваженіе на дѣлѣ, а не въ пустыхъ любезностяхъ. Онъ вывелъ Жанну изъ жалкой гостинницы и помѣстилъ ее, съ ея сослуживцами, въ замкѣ де-Кудрэ, лично поручивъ ее заботамъ госпожи де-Беллье, вдовы стараго дворецкаго, Рауля де-Гокура.

Конечно, это королевское вниманіе подѣйствовало немедленно. Всѣ придворные бары и барыни стекались взглянуть на нее, послушать эту дивную дѣвушку-солдата, которая заставила говорить о себѣ весь свѣтъ и отвѣчала на приказъ короля кроткимъ неповиновеніемъ. Жанна очаровывала всѣхъ своею нѣжностью, простотой, безсознательнымъ краснорѣчіемъ. И лучшіе, даровитѣйшіе изъ нихъ признали, что въ ней было что-то неуловимое, доказывавшее, что она—не какъ всѣ; они видѣли, что она создана по болѣе великому образцу, чѣмъ остальная груда человѣчества, и для болѣе возвышенныхъ цѣлей. Это распространило ея славу. Такъ она всегда пріобрѣтала друзей и защитниковъ. Ни великій, ни малый, кому случалось видѣть и слышать ее, не уходилъ отъ нея равнодушнымъ.

ГЛАВА VI.

Свиданіе съ королемъ.—Жанна узнаетъ „дофина“.

Ладно. Но нельзя же опять безъ оттяжечки! Совѣтъ короля внушалъ ему не слишкомъ спѣшить съ нашимъ дѣломъ. Это онъ-то слишкомъ спѣшилъ! Вотъ, и послали въ Лотарингію комиссію изъ священниковъ (все-то священники!) справиться насчетъ нрава и жизни Жанны—дѣло, на которое, понятно, ушло бы нѣсколько недѣль. Видите, какіе они были разборчивые! Это все равно, какъ еслибъ у васъ загорѣлся домъ и народъ собрался тушить, а вы велѣли бъ ему подождать, пока ваши посланцы развѣдаютъ въ другомъ краю, всегда ли домовладѣлецъ соблюдалъ воскресенье.

Такъ день тянулся за днемъ. Скучненько было намъ, молодежи, но не совсѣмъ: у насъ было великое предвкушеніе. Вѣдь, мы никогда не видали короля; а намъ предстояло, въ одинъ прекрасный день, увидѣть это чудесное зрѣлище и на всю жизнь запечатлѣть его въ нашей памяти. И вотъ, мы были насторожѣ, вѣчно жаждали уловить этотъ удобный случай. Другимъ пришлось ждать дольше, чѣмъ мнѣ, какъ оказалось. Наконецъ, пришла великая вѣсть. Орлеанскіе посланцы, съ Іолантой и нашими рыцарями, одолѣли-таки совѣтъ: они уговорили короля повидать Жанну.

Жанна приняла великую вѣсть съ благодарностью и не потеряла головы; а съ нашимъ братомъ случилось иначе: отъ возбужденія,

отъ такой чести мы не могли ни ѣсть, ни дѣйствовать разсудительно. Цѣлыхъ два дня наша пара благородныхъ рыцарей мучилась и дрожала за Жанну. Вѣдь, аудіенцію назначили вечеромъ, при сверканіи длиннаго ряда факеловъ, при торжественномъ, пышномъ обрядѣ, при множествѣ преславныхъ особъ, въ блестящихъ одѣяніяхъ, и при всякихъ другихъ великолѣпіяхъ двора. Ну, и боялись, какъ бы все это не ошеломило простую деревенскую дѣвушку, совсѣмъ непривычную къ такимъ штукамъ, какъ бы она не поддалась страху и не потерпѣла печальной неудачи.

Конечно, я поддержалъ бы ее. Но мнѣ не дозволялось говорить. Я-то не думалъ, чтобы Жанну смутило это пустое зрѣлище, эта показная мишура, съ ея королькомъ и съ мотыльками-герцогами. Вѣдь, она съ глазу на глазъ говорила съ небесными силами, наперсниками Бога. Она видѣла ихъ ангельскую рать, уносящуюся за облака тьмами темъ, словно безконечное опахало; и каждая изъ этихъ безчисленныхъ головъ какъ бы испускала лучи солнца, наполнявшіе бездны пространства ослѣпительнымъ блескомъ.

Королевѣ Іолантѣ хотѣлось, чтобы Жанна произвела наилучшее впечатлѣніе на короля и на дворъ: она старалась убрать ее въ богатѣйшее одѣяніе, сшитое по настоящему царскому образцу и усыпанное драгоцѣнными камнями. Но, конечно, тутъ она срѣзалась. Жанна ни за что не соглашалась на это: она просила дать ей одѣться простенько, скромно, какъ подобаетъ служительницѣ Бога, предназначенной къ серьезному посланничеству, полному народнаго значенія. Вотъ, милостивая королева и измыслила то простое и очаровательное платье, которое я ужъ столько разъ описывалъ вамъ. Я и теперь, въ моемъ пасмурномъ возрастѣ, не могу вспоминать о немъ безъ того умиленія, которое производитъ въ насъ складная и тонкая музыка. Да, *это* была музыка,—та музыка, которую видишь глазами, чувствуешь сердцемъ. Да, въ этомъ одѣяніи она была пѣснью, мечтой, духомъ...

Она сохранила это одѣяніе и носила его не разъ, при торжественныхъ случаяхъ. Оно и теперь хранится въ орлеанскомъ казначействѣ, вмѣстѣ съ ея мечами и знаменемъ, а также съ другими вещами, которыя стали теперь святынями, такъ какъ онѣ принадлежали ей.

Въ назначенное время явился, въ богатомъ одѣяніи, въ сопровожденіи служителей и помощниковъ, придворный вельможа, графъ Вандомъ, чтобъ вести Жанну къ королю. Двое рыцарей и я пошли съ ней: это преимущество было дано намъ по нашему служебному положенію при ея особѣ.

Когда мы вошли въ большой пріемный залъ, тамъ все было такъ, какъ я уже описывалъ. По сторонамъ вытягивались ряды стражи, въ сіяющемъ вооруженіи, съ вычищенными алебардами. Стѣны залы уподоблялись цвѣтнику отъ пестроты цвѣтовъ и пышности одѣяній. Всѣ эти кучи цвѣтовъ были залиты свѣтомъ двухсотъ пятидесяти факеловъ. Посреди залы разстилалось большое свободное пространство. Въ концѣ его возвышался тронъ съ королевскимъ навѣсомъ; а на немъ сидѣла важно одѣтая и сверкающая драгоцѣнностями особа въ коронѣ и со скипетромъ въ рукахъ.

Долгонько-таки мѣшали Жаннѣ, устраняли ее; зато теперь, когда ее допустили, наконецъ, къ пріему, она была принята съ почестями, довлѣющими лишь самымъ высокопоставленнымъ особамъ. У входной двери стояли рядкомъ четверо глашатаевъ, въ блестящей пестряди, съ длинными, тонкими серебрянными трубами у рта; и съ нихъ ниспадали четвероугольные шелковые значки, съ вышитыми на нихъ гербами Франціи. Когда Жанна и графъ проходили мимо нихъ, эти трубы издали, всѣ одинаково, долгій густой звукъ: и это повторялось по мѣрѣ нашего движенія, подъ расписными и позолоченными сводами зала, послѣ каждыхъ пятидесяти шаговъ,—всего шесть разъ. Отъ этого наши рыцари возгордились и возрадовались: они шагали выпрямившись, какъ палки, и бросали воинственные, сверкающіе взгляды. Они и не ожидали такой прелестной и почестной дани нашей деревенской дѣвочкѣ.

Жанна шла аршина на два за графомъ, мы трое—аршина на два за Жанной. Наше торжественное шествіе остановилось за восемь или десять шаговъ отъ трона. Графъ отвѣсилъ низкій поклонъ и произнесъ имя Жанны; потомъ онъ поклонился опять и отошелъ на свое мѣсто, смѣшавшись съ кучкой царедворцевъ близъ трона. Я пожиралъ глазами особу въ коронѣ; и сердце у меня почти перестало биться отъ благоговѣнія.

Взоры всѣхъ были устремлены на Жанну. Въ нихъ свѣтилось

изумленіе, почти боготвореніе. Они, казалось, говорили: «Какая нѣжная, милая, божественная!» Всѣ стояли съ недвижно открытыми ртами,—явный знакъ, что этотъ народъ, рѣдко забывающійся, забылся теперь, ничего не сознавалъ, кромѣ предмета, на который уставились его глаза. Они походили на людей, зачарованныхъ видѣніемъ.

Вдругъ всѣ ожили, словно сбросили съ себя чары, словно очнулись отъ дремоты или опьяненія. Теперь они съ новымъ любопытствомъ устремили свое вниманіе на Жанну: имъ хотѣлось видѣть, что̀ она станетъ дѣлать. Вѣдь, была тайная и особая причина такого любопытства и ожиданія! Вотъ что увидѣли они.

Она не сдѣлала поклона: голова ея ни капельки не шевельнулась. Она стояла молчаливо, устремивъ взоръ на тронъ.

Я взглянулъ на сьера изъ Меца и былъ пораженъ блѣдностью его лица. Я прошепталъ:

— Что это, братъ? Что это?

Онъ прошепталъ въ отвѣтъ такъ тихо, что я едва разслышалъ:

— Они воспользовались намекомъ въ ея письмѣ, чтобъ сыграть съ ней шутку! Она попадется въ просакъ — и они засмѣютъ ее. Тамъ сидитъ не король.

Тутъ я взглянулъ на Жанну. Она все еще пристально смотрѣла на тронъ; и—странно! — мнѣ показалось, будто она пожала плечами въ изумленіи. Затѣмъ она тихо повернула голову и начала водить глазами по ряду царедворцевъ, пока ея взглядъ не упалъ на одного юношу, одѣтаго довольно просто. Ея лицо засіяло радостью. Она побѣжала и упала къ его ногамъ, обняла его колѣна и воскликнула тѣмъ пѣвучимъ голосомъ, который составлялъ ея природный даръ и теперь былъ полонъ глубокаго, нѣжнаго чувства.

— Богъ, въ Своей милости, да даруетъ вамъ многая лѣта, о, дорогой, милый дофинъ!

Сьёръ изъ Меца воскликнулъ отъ удивленія и восторга:

— Клянусь Богомъ, это изумительно!

Затѣмъ онъ давай мять всѣ косточки моей руки въ своихъ признательныхъ лапахъ и прибавилъ, гордо потрясая своей гривой:

— Ну, что̀ *теперь* скажутъ эти размалеванные предатели?

Тѣмъ временемъ юноша въ простомъ одѣяніи сказалъ Жаннѣ:

— Ахъ, дитя мое, ты ошибаешься. Я не король: король тамъ.

И онъ указалъ на тронъ.

Лицо рыцаря омрачилось. Онъ пробормоталъ съ досадой и негодованіемъ:

— Это срамъ—такъ пытать ее! Вѣдь, она прошла невредимо чрезъ эту ложь. Пойду и возвѣщу всѣмъ, что...

— Ни съ мѣста!—прошептали я и сьёръ Бертранъ въ одинъ голосъ. И мы удержали его.

Жанна не поднималась съ колѣнъ. Она подняла свое счастливое лицо къ королю и сказала:

— Нѣтъ, милосердый государь, вы—король и никто другой.

Тревога сьёра изъ Меца исчезла и онъ сказалъ:

— Да, это—не догадка: она *знала*. Но какъ могла она знать? Это—чудо. Я доволенъ: не стану больше вмѣшиваться. Вижу, что она вровень съ обстоятельствами: въ ея головѣ есть что-то, чего не достаетъ моему мозгу. Гдѣ ужъ мнѣ помогать ей!

Это восклицаніе помѣшало мнѣ уловить два-три замѣчанія другихъ лицъ. Но я слышалъ новый вопросъ короля:

— Скажи же мнѣ, кто ты такая и чего ты хочешь?

— Меня зовутъ Дѣвой Жанной. Я послана сказать, что Царь Небесный желаетъ, чтобы вы были коронованы и помазаны въ вашемъ добромъ городѣ Реймсѣ, а потомъ стали бы намѣстникомъ Царя Небеснаго, этого короля Франціи. Онъ желаетъ еще, чтобы вы приставили меня къ предназначенному мнѣ дѣлу и дали мнѣ ратниковъ.

Послѣ небольшой передышки, она прибавила, блеснувъ глазами при этихъ словахъ:

— Тогда-то я сниму осаду съ Орлеана и сокрушу англійскую силу!

Забавное лицо юнаго монарха немного омрачилось, когда эта воинственная рѣчь коснулась его, такого больнушки, словно дыханіе боеваго лагеря и поля битвы: его игривая улыбка вдругъ потускнѣла и исчезла. Онъ принялъ важный, задумчивый видъ. Немного погодя, онъ слегка махнулъ рукой—и всѣ отступили, оставляя ихъ двухъ наединѣ на опроставшемся мѣстѣ. Рыцари отодвинулись со мной на противоположный конецъ зала и тамъ стали.

Видимъ, Жанна встала, по знаку. И она говорила съ королемъ частнымъ образомъ.

Вся эта толпа сгорала отъ нетерпѣнія видѣть, что станетъ дѣлать Жанна. Ну, вотъ, и увидѣли! Теперь всѣ не могли надивиться, какъ это она взаправду совершила чудо, обѣщанное въ письмѣ, и какъ она не поддалась пышности и блеску, а, напротивъ, спокойно, какъ придворная дама, держала рѣчь къ монарху— даже лучше, чѣмъ они сами, при всей ихъ опытности и привычкѣ.

А наши двое рыцарей безмѣрно гордились Жанной, только почти онѣмѣли: они не находили словъ для описанія искусства, съ которымъ она выдержала пытку, ни разу не промахнувшись, не струсивъ, не повредивъ благодати своего дѣла и вѣрѣ въ него.

Разговоръ Жанны съ королемъ былъ дологъ и серьезенъ; и велся онъ тихимъ голосомъ. Мы не слышали; но у насъ были глаза, чтобъ слѣдить за игрой лицъ. Прежде всего, мы и весь дворъ замѣтили одно достопамятное, разительное обстоятельство, записанное и въ исторію, а также засвидѣтельствованное очевидцами при «Дѣлѣ о Возстановленіи ея чести»: вѣдь, всѣ понимали, что это полно значенія, хотя, конечно, тогда никто не понималъ—какого именно значенія. Дѣло въ томъ, что мы видѣли, какъ король вдругъ встрепенулся, мужественно выпрямился и въ то же время взглянулъ изумленно. Какъ будто Жанна сказала ему что-то совсѣмъ невѣроятное, но пріятное и ободрительное.

Не скоро узнали мы тайну этого разговора, но теперь знаемъ да и всѣ знаютъ. Эта часть разговора была въ такомъ родѣ, какъ можете прочесть во всякой исторіи. Смущенный король просилъ Жанну показать знаменіе. Ему хотѣлось вѣрить и въ нее, и въ ея посланничество, и въ то, что ея Голоса были сверхъестественны, одарены знаніемъ, скрытымъ отъ смертныхъ. Но какъ было ему достичь этого, если эти Голоса не заявятъ своихъ правъ какимъ-либо неопровержимымъ образомъ? Тутъ-то Жанна сказала:

— Я явлю вамъ знаменіе—и вы ужъ не будете сомнѣваться. Въ вашей душѣ тайная тревога, которой вы никому не выдаете. Васъ одолѣваетъ сомнѣніе; оно отнимаетъ у васъ мужество, заставляетъ васъ мечтать о томъ, чтобы все бросить и бѣжать изъ вашего королевства. Сейчасъ вы молились въ душѣ, чтобы Богъ милостью

Своею разрѣшилъ васъ отъ этого сомнѣнія, хотя бы оно открыло, что за вами нѣтъ королевскихъ правъ.

Вотъ что ошеломило короля. Вѣдь, Жанна словно сказала, что его молитва — тайна его души: никто, кромѣ Бога, не могъ знать ея. И онъ сказалъ:

— Знаменіе удовлетворительно. Теперь я знаю, что эти Голоса — отъ Бога. Они сказали сейчасъ правду. Если они повѣдали еще что-нибудь, скажи: я повѣрю.

— Они разрѣшили васъ отъ сомнѣнія—и вотъ ихъ настоящія слова: «Ты—законный наслѣдникъ короля, твоего отца, и истинный наслѣдникъ Франціи». Таково слово Божіе! Теперь поднимите голову, не сомнѣвайтесь больше! Дайте мнѣ ратниковъ—и пусть я совершу мое дѣло!

Сказать ему, что онъ законное дитя, значило укрѣпить его, сдѣлать его на минуту мужественнымъ, устранивъ сомнѣніе на этотъ счетъ, убѣдивъ его въ его королевскомъ правѣ. И еслибъ дать ему свободу перевѣшать стоящихъ поперегъ чумныхъ совѣтчиковъ, онъ склонился бы на просьбу Жанны и выслалъ бы ее на поле брани. Но эти твари были только подбиты, а не уничтожены. Они могли измыслить новыя препоны.

Мы гордились почестями, которыми было такъ отличено выступленіе Жанны въ этомъ мѣстѣ: вѣдь, ихъ удостоивались только особы истинно высокаго званія и достоинства. Но эта гордость была пустякомъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ выпало намъ на долю при возвращеніи къ себѣ. Тѣ перворазрядныя почести оказывались только вельможамъ, а эта послѣдняя, вплоть до нашего времени, подобала однимъ королямъ. Самъ король взялъ Жанну за руку и провелъ ее черезъ огромный залъ до дверей; а блестящая толпа вытянулась передъ ними и раскланивалась; серебряныя же трубы издавали свои оглушительные звуки! Затѣмъ король отпустилъ Жанну съ милостивыми словами и, низко нагнувшись, поцѣловалъ ея руку. Такъ всегда, во всякомъ обществѣ, высокомъ или низкомъ, она выходила съ бо̀льшимъ почетомъ и уваженіемъ, чѣмъ входила.

Король сдѣлалъ еще одну милую вещь для Жанны. Онъ послалъ насъ назадъ, въ замокъ Кудрэ, въ полномъ парадѣ, съ факелами, подъ конвоемъ собственнаго войска—своей почетной гвар-

діи: другихъ солдатъ у него и не было. И чудесно были снаряжены и распушены эти люди, хотя они, можно сказать, смолоду не знали, какъ и пахнетъ жалованье.

Между тѣмъ всюду разнеслась молва о чудесахъ, совершенныхъ Жанной передъ королемъ. И нашъ путь былъ такъ загроможденъ народомъ, желавшимъ взглянуть на нее, что мы едва могли пробраться. А говорить намъ между собой совсѣмъ нельзя было отъ цѣлой бури криковъ и ликованій, которыя сопровождали насъ волной.

ГЛАВА VII.

Паладинъ—разсказчикъ.

Мы рѣшились терпѣть скучныя проволочки. Мы предались своей судьбѣ и переносили ее съ покорностью и страхомъ, считая тянувшіеся часы и печальные дни, возлагая надежды на Бога, пока Ему заблагоразсудится послать перемѣну. Исключеніемъ былъ одинъ Паладинъ, то-есть, онъ одинъ только былъ счастливъ и не чувствовалъ тяготы. Это объяснялось тѣмъ удовольствіемъ, которое доставлялъ ему его нарядъ. Онъ купилъ его тотчасъ по пріѣздѣ, изъ вторыхъ рукъ. То былъ полный наборъ одного испанскаго всадника—широкополая шляпа съ развѣвающимися перьями, кружевной галстухъ и такіе же отвороты на рукавахъ, поношенный бархатный камзолъ и такіе же штаны, короткій плащъ, спускавшійся съ плеча, сапоги раструбомъ, длинная рапира и тому подобное. Изящное, живописное одѣяніе, которое должно было производить впечатлѣніе, попавъ на свое мѣсто—на дубинообразнаго Паладина. Онъ носилъ его внѣ должности. Когда онъ чванился, кладя одну руку на рукоятку рапиры, а другой крутя свои пробивающіеся усы, всѣ останавливались и дивились. И недаромъ. То была рѣзкая и величественная противоположность французскимъ дворянчикамъ, затянутымъ въ пошлое французское платье той поры.

Онъ былъ трутнемъ пчелъ деревушки, пріютившейся подъ мрачными башнями и бойницами замка Кудрэ, и признаннымъ господиномъ залы гостинницы. Когда онъ раскрывалъ тутъ ротъ, ему внимали. Эти простые ремесленники и крестьяне слушали

его съ глубокимъ почтеніемъ и удивленіемъ. Вѣдь, это былъ странникъ, видавшій виды—по крайней мѣрѣ отъ Домреми до Шинона! А это было для нихъ такое пространство, котораго они никогда не могли надѣяться увидѣть. Онъ былъ въ битвахъ и умѣлъ размалевывать ихъ треволненія, опасности, нечаянности съ свойственнымъ ему одному искусствомъ. Онъ былъ львомъ деревушки, героемъ гостинннички. Народъ льнулъ къ нему, какъ мухи къ меду. И онъ былъ баловнемъ хозяина гостинницы, его жены и дочери: они были его покорными и преданными слугами.

Обыкновенно люди, благословенные даромъ повѣствованія (великое и рѣдкое качество!), грѣшатъ тѣмъ, что разсказываютъ свои избранныя вещи всегда одинаково: это вредитъ имъ; послѣ нѣсколькихъ повтореній, они выдыхаются, становятся скучными. Не таковъ былъ Паладинъ. Это была болѣе тонкая штука. Его разсказы о битвахъ было занятнѣе и страшнѣе слушать въ десятый, чѣмъ въ первый разъ. Онъ не разсказывалъ одинаково и двухъ разъ. Всегда выходила у него новая битва, и лучше прежней, съ бо̀льшими хитростями со стороны врага, съ бо̀льшимъ разгромомъ и ужасами повсюду; и каждый разъ въ окрестностяхъ оказывалось гораздо больше вдовъ, сиротъ, страданій.

Всѣ битвы поглощались имъ однимъ: за ними оставались одни только названія. Да и тѣ мѣнялись каждый разъ. И битвы разростались до того, что имъ ужъ не хватало мѣста во Франціи: приходилось наворачивать ихъ одну на другую. Но сначала слушатели не допускали новыхъ битвъ, зная, что старыя лучше, и увѣренные въ томъ, что онѣ будутъ еще улучшаться до тѣхъ поръ, пока Франціи станетъ не-въ-моготу. Оттого-то они не говорили ему, какъ другимъ: «Скажи что-нибудь новенькое; намъ надоѣло это старье!» Нѣтъ, они говорили въ одинъ голосъ и съ величайшимъ любопытствомъ: «Разскажи намъ про засаду у Больё; разскажи ее въ третій, четвертый разъ!» Это—похвала, которой рѣдко удостоивались въ своей жизни и записные разсказщики!

Сначала, когда Паладинъ услышалъ нашъ разсказъ о почестяхъ королевскаго пріема, онъ чуть не лопнулъ съ досады, что мы не взяли его съ собой. Затѣмъ онъ все толковалъ о томъ, *что̀* сдѣлалъ бы онъ, еслибъ былъ тамъ. А черезъ два дня онъ уже раз-

сказывалъ, что онъ *дѣлалъ*, когда *былъ* тамъ. И его мельница заработала на славу! Цѣлыхъ три ночи всѣ битвы были оставлены въ покоѣ: его почитатели въ залѣ гостинницы были такъ обольщены его великимъ разсказомъ о королевскомъ пріемѣ, что ничего больше не хотѣли знать. И такъ упивались они имъ, что подняли бы крикъ, еслибъ были лишены его.

Ноэль Рэнгесонъ спрятался и все подслушалъ. Онъ пришелъ и разсказалъ мнѣ. Затѣмъ мы пошли вмѣстѣ подслушать, подкупивъ хозяйку, чтобъ она пустила насъ въ свою маленькую гостинную, гдѣ мы могли стать у дверей и все видѣть и слышать.

Зала гостинницы была обширна, но уютна и удобна для собесѣдованій. Всюду по ея полу изъ красныхъ кирпичей были разбросаны привѣтливые столики и стулья; въ просторномъ каминѣ пылалъ и трещалъ большой огонь. Тутъ пріятно было посидѣть холодными, бурными мартовскими вечерами. И благодушная компанія укрылась здѣсь, прихлебывая свое вино въ довольствѣ и болтая по-сосѣдски, въ ожиданіи разсказчика. Хозяинъ, хозяйка и ихъ милая дочка носились взадъ и впередъ между столами, всячески стараясь удовлетворить требованія гостей. Комната была въ сорокъ квадратныхъ футовъ. Посрединѣ было оставлено столько свободнаго мѣста, сколько требовалось Паладину. Въ концѣ его находилась площадка въ десять или двѣнадцать футовъ, а на ней—большое кресло и столикъ, къ которымъ вели три ступеньки.

Между пьющими было много знакомыхъ лицъ—сапожникъ, коновалъ, кузнецъ, колесникъ, оружейникъ, пивоваръ, ткачъ, хлѣбопекъ, мельникъ въ своемъ запыленномъ камзолѣ и т. д. Былъ тутъ и видный, важный, какъ и слѣдуетъ, цирюльникъ: безъ него не обходилась ни одна деревня. Ему приходилось всѣмъ рвать зубы и разъ въ мѣсяцъ давать взрослымъ слабительнаго и пускать кровь, для поддержанія здоровья: оттого онъ зналъ всѣхъ, и отъ постоянныхъ сношеній со всякаго рода людьми сталъ докой по части приличій и обращенія, а также знатнымъ краснобаемъ. Наконецъ, было множество носильщиковъ, извозчиковъ, поденщиковъ и имъ подобныхъ.

Вотъ вошелъ Паладинъ, покачиваясь лѣниво. Его приняли съ рукоплесканіями. А цирюльникъ засуетился: онъ привѣтствовалъ его

нѣсколькими весьма милыми и любезными поклонами, схватилъ его руку и приложился къ ней губами. Затѣмъ онъ громко потребовалъ кружку вина для Паладина. Когда дочка хозяина поставила ее на площадку, немного присѣла и удалилась, цирюльникъ опять позвалъ ее и приказалъ ей записать вино на его счетъ. Это вызвало одобрительныя восклицанія, что̀ очень понравилось ему: его мышиные глазки заблистали. Это одобреніе было справедливо и умѣстно: когда мы выказываемъ щедрость и вѣжливость, понятно, намъ хочется убѣдиться, что это замѣчено.

Цирюльникъ попросилъ всѣхъ встать и выпить во здравіе Паладина. Гости повиновались съ радостью и горячей сердечностью, всѣ разомъ чокаясь съ трескомъ металлическими чарками и, ради вящаго воздѣйствія, громко заоравши. Чудесно было видѣть, какъ этотъ юный хвастунишка пріобрѣлъ такую всеобщую славу въ самое короткое время, и именно благодаря только своему языку и данному ему Богомъ таланту. Впрочемъ, вначалѣ это былъ одинъ талантъ, а теперь ихъ было уже десять, благодаря обработкѣ, употребленію и процентамъ, которые естественно наростали и служили законною наградой.

Гости усѣлись и начали стучать чарками по столикамъ, крича: «Королевскій пріемъ, королевскій пріемъ!» Паладинъ принялъ одну изъ своихъ лучшихъ осанокъ, заломивъ набекрень свою шляпищу съ перьями, спустивъ съ плеча складками свой короткій плащъ, положивъ одну руку на свою раниру, поднимая другою свою кружку. Когда шумъ прекратился, онъ величественно полупоклонился, подцѣпивъ гдѣ-нибудь это движеніе, затѣмъ быстро поднесъ кружку къ губамъ и, запрокинувъ голову, осушилъ ее до дна. Цирюльникъ подхватилъ ее и поставилъ на столъ Паладина. А Паладинъ началъ шагать взадъ и впередъ по площадкѣ съ великимъ достоинствомъ и совершенно въ своей тарелкѣ. И шагая, онъ не переставалъ говорить, ежеминутно останавливаясь лицомъ къ гостямъ.

Мы приходили три вечера подрядъ. Ясно, тутъ было какое-то очарованіе въ самомъ исполненіи, помимо простого любопытства, вызываемаго лганьемъ. Теперь становилось понятнымъ, что это очарованіе заключалось въ искренности Паладина. Онъ лгалъ безсо-

знательно: онъ вѣрилъ въ свои слова. У него первые шаги были правдой, а когда онъ подбавлялъ, прибавки тоже становились правдой. Онъ вкладывалъ свою душу въ свой невозможный разсказъ, какъ поэтъ отдается героическому вымыслу. И его серьезность обезоруживала недовѣрчивыхъ точно такъ же, какъ и его самого. Никто не вѣрилъ его росказнямъ, но всѣ вѣрили, что онъ-то вѣритъ имъ.

Онъ дѣлалъ прибавленіе безъ цвѣтистости, безъ восторженности, и до того просто, что часто нельзя было замѣтить перемѣны. Такъ, въ первую ночь, губернаторъ Вокулёра былъ у него просто губернаторъ Вокулёра; во вторую ночь это былъ уже его дядя, а въ третью—его родной отецъ. Онъ видимо и не подозрѣвалъ, что дѣлаетъ такія странныя перемѣны: онѣ срывались у него съ языка вполнѣ естественно, безъ всякихъ усилій. Въ первую ночь губернаторъ просто приставилъ его къ стражѣ Дѣвы вообще и частнымъ образомъ; во вторую ночь его дядя-губернаторъ послалъ его съ Дѣвой въ качествѣ начальника тыла; въ третью ночь, его отецъ-губернаторъ поручилъ ему особенно всю команду — и Дѣву, и остальныхъ. Въ первую ночь губернаторъ говорилъ о немъ, какъ о юношѣ безъ имени и родословія, но «предназначеннаго добыть то и другое». Во вторую ночь его дядя-губернаторъ говорилъ о немъ, какъ о послѣднемъ и самомъ достойномъ прямомъ потомкѣ перваго и благороднѣйшаго изъ двѣнадцати паладиновъ Карла Великаго. Въ третью ночь онъ представлялъ его уже прямымъ потомкомъ всей дюжины. Въ три ночи онъ возвелъ графа Вандома изъ недавняго знакомаго въ школьнаго товарища и затѣмъ—въ зятья.

Въ «Королевскомъ Пріемѣ» все наростало точно такъ же. Серебряныхъ трубъ было сначала 12 вмѣсто 4-хъ, потомъ 35, наконецъ—96. И за это время онъ навалилъ столько барабановъ и цимбалъ, что ему пришлось расширить залъ отъ 500 футовъ до 900, чтобы помѣстить ихъ. Люди умножались подъ его рукой соотвѣтственно.

Въ первые два вечера онъ удовольствовался простымъ описаніемъ и преувеличеніемъ главнаго трогательнаго случая на пріемѣ, но въ третій вечеръ прибавилъ наглядныя поясненія къ описанію. Онъ возвелъ

цирюльника на собственное высокое кресло, чтобъ изобразить подложнаго короля. Затѣмъ онъ разсказалъ, какъ дворъ ждалъ Дѣву съ напряженнымъ вниманіемъ, съ подавляемой радостью, предвкушая, какъ она будетъ огорошена обманомъ и совсѣмъ лишится довѣрія подъ тяжестью насмѣшливаго хохота, который не замедлитъ разразиться. Онъ такъ продѣлалъ эту картину, что всѣ пришли въ лихорадочное возбужденіе и поддались предчувствію. Тутъ настало его торжество. Онъ сказалъ, обращаясь къ цирюльнику:

— Но замѣтьте же, что̀ она сдѣлала. Она уперлась взоромъ въ лицо этого подложнаго негодяя, вотъ какъ я теперь—въ ваше: такова была ея благородная и простая осанка,—какъ разъ такая, какъ теперь я стою. Потомъ она повернулась—вотъ такъ—ко мнѣ и, протянувъ руку — вотъ этакъ — и указывая пальцемъ, сказала твердымъ, спокойнымъ голосомъ, какъ она привыкла командовать въ битвѣ: «Стащите-ка мнѣ этого лживаго плута съ трона!» Я рванулся впередъ—вотъ такъ—схватилъ его за шиворотъ, поднялъ его и держу на воздухѣ—словно малаго ребенка...

Гости вскочили, и давай кричать, топать ногами, стучать чарками: просто съ ума спятили при такомъ великолѣпномъ проявленіи силы. И не было тѣни смѣха, хотя вовсе не торжественно было зрѣлище колченогаго, но гордаго цирюльника, висящаго въ воздухѣ, какъ щенокъ, схваченный за загривокъ.

— Затѣмъ я поставилъ его на ноги — вотъ этакъ, собираясь заграбастать его получше и вышвырнуть за окно. Но она велѣла мнѣ оставить его: этой-то ошибкѣ онъ обязанъ спасеніемъ своей жизни. Тутъ она повернулась и оглянула толпу тѣми своими глазами, черезъ которые, словно черезъ блестящія окна, смотрѣла на міръ ея безсмертная мудрость, вскрывавшая всю ложь и добывавшая зернышко правды. Вдругъ ея взоръ падаетъ на скромно одѣтаго юношу. И она объявляетъ его тѣмъ, чѣмъ онъ взаправду былъ, сказавши: «Я — слуга твоя, ты — король!» Тутъ всѣ пришли въ изумленіе. И поднялся такой великій, оглушительный шумъ отъ шести тысячъ голосовъ, что стѣны закачались.

Паладинъ нарисовалъ прелестную, живописную картину выхода съ пріема, преувеличивая его почести до послѣдней степени невозможности. Затѣмъ онъ снялъ съ своего пальца и показалъ мѣдную

гайку отъ засова, которую далъ ему этимъ утромъ главный дворникъ замка, и такъ заключилъ свой разсказъ:

— Тутъ король отпустилъ Дѣву весьма милостиво (она истинно заслужила это) и сказалъ, обращаясь ко мнѣ: «Возьми этотъ перстенекъ-печать, сынъ Паладиновъ, и вызови меня имъ, въ случаѣ нужды. И смотри (сказалъ онъ, прикоснувшись къ моему виску), сохрани этотъ мозгъ: въ немъ нуждается Франція! Присмотри хорошенько за этимъ ларчикомъ: я предвижу, что современемъ на него натянутъ герцогскую коронку». Я взялъ кольцо, преклонилъ колѣно, поцѣловалъ его руку и сказалъ: «Государь, куда призываетъ слава, тамъ и я! Гдѣ кишатъ опасности и смерть, тамъ мой родной воздухъ. Когда Франція и тронъ потребуютъ помощи, ладно. Не скажу ничего: я не болтливаго десятка. Но за меня будутъ говорить мои дѣла. Вотъ все, чего я прошу!» Такъ окончилось это, самое счастливое и достопамятное, событіе, столь чреватое будущимъ благомъ для короны и народа. Благодареніе Богу! Встаньте! Наполните ваши чарки! Ну, выпьемъ же за Францію и за короля!

Всѣ осушили чарки до дна, потомъ разразились ликованіями и «ура!» И такъ длилось болѣе двухъ минутъ. А Паладинъ стоялъ себѣ величаво и посылалъ благосклонныя улыбки съ своей площадки.

ГЛАВА VIII.

Епископы и профессора въ Пуатье.

Когда Жанна сказала королю, какая глубокая тайна терзаетъ его сердце, его сомнѣнія разсѣялись: онъ повѣрилъ, что она послана Богомъ. И будь онъ одинъ, онъ тотчасъ же послалъ бы ее на ея великій постъ; но онъ былъ не одинъ. Тремуйль и благочестивая лиса изъ Реймса знали съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Имъ стоило только сказать одно—и они сказали:

— Ваше величество говорите, что ея Голоса открыли вамъ ея устами тайну, извѣстную только вамъ и Богу. Но почемъ вы знаете, не отъ Сатаны ли ея Голоса, и не его ли она провозвѣстница? Развѣ Сатанѣ неизвѣстны людскія тайны, и развѣ онъ не пользуется ими

на погибель ихъ душъ? Это—опасное дѣло. Ваше величество хорошо сдѣлаете, если предварительно изслѣдуете дѣло до корня.

Этого было довольно. Душонка короля сморщилась отъ страха, какъ изюминка: и онъ тотчасъ же назначилъ комиссію изъ епископовъ, чтобы каждый день навѣщать и испытывать Жанну, пока не удостовѣрятся, откуда идетъ ея сверхъестественная сила — съ небесъ или изъ ада.

Родственникъ короля, герцогъ Алансонъ, бывшій три года въ англійскомъ плѣну, былъ отпущенъ тогда за обѣщаніе большого выкупа. Имя и слава Дѣвы дошли до него: теперь ужъ всѣ говорили про нее всюду. Алансонъ прибылъ въ Шинонъ посмотрѣть собственными глазами, что̀ это за созданіе. Король послалъ за Жанной и привелъ ее къ герцогу. Она сказала своимъ простымъ тономъ:

— Привѣтствуемъ васъ. Чѣмъ больше французской крови прильнетъ къ этому дѣлу, тѣмъ лучше будетъ для него и для отечества.

Затѣмъ они поговорили съ глазу на глазъ. Вышло, какъ всегда: когда они разстались, герцогъ сталъ ея другомъ и защитникомъ.

На другой день Жанна была за королевской обѣдней, потомъ обѣдала съ королемъ и герцогомъ. Король сталъ дорожить ея обществомъ и цѣнить ея бесѣды. И немудрено. Вѣдь, онъ, какъ и другіе короли, обыкновенно ничего не слышалъ, кромѣ осторожныхъ выраженій, безцвѣтныхъ и недовѣрчивыхъ словъ; или же всякій старался окрашивать свою рѣчь такъ, чтобы она подходила къ цвѣту августѣйшихъ словъ. А такіе разговоры только досаждаютъ, зудятъ: скучно съ ними! Бесѣда же Жанны была свѣжая, свободная, искренняя, честная; она не омрачалась страхомъ самоохраненія и принужденностью. Она говорила именно то, что̀ было у нея на умѣ, и говорила откровенно, напрямикъ. Можно было подумать, что для короля то была какъ бы холодная, горная вода, освѣжающая губы, изсушенныя водой изъ лужъ, гніющихъ на солнопекѣ въ долинѣ.

Послѣ обѣда Жанна и Алансонъ пошли на лугъ, у Шинонскаго замка, куда прибылъ и король. Она такъ очаровала герцога своей верховой ѣздой и умѣньемъ владѣть копьемъ, что онъ подарилъ ей большого боеваго жеребца вороной масти.

Что ни день, комиссія епископовъ приходила допрашивать Жанну

объ ея Голосахъ и посланничествѣ, а потомъ шла къ королю съ докладомъ. Эти допытыванія не привели ни къ чему. Она говорила, что̀ ей заблагоразсудилось, а остальное держала про себя. На нее не дѣйствовали ни угрозы, ни подсиживанья: она и не думала объ угрозахъ, а ловушки ничего не изловили. Она относилась къ нимъ совсѣмъ просто, какъ дитя. Она знала, что епископы посланы королемъ, что ихъ вопросы были вопросами короля; а по всѣмъ законамъ и обычаямъ, на вопросы короля *обязательно* отвѣчать. Но разъ за столомъ она сказала королю, съ свойственной ей наивностью, что отвѣчала только то, что̀ слѣдовало.

Наконецъ, епископы рѣшили, что не могутъ сказать,—посланница ли это Бога, или нѣтъ. Видите, они были осторожны. Вѣдь, при дворѣ были двѣ сильныя партіи: выскажись они рѣшительно, имъ пришлось бы повздорить съ одной изъ нихъ. Вотъ они и заблагоразсудили загородиться и сбросить бремя на чужія плечи. Такъ и сдѣлали. Они доложили окончательно, что не въ силахъ разрѣшить дѣло Жанны: пусть-де передадутъ его ученымъ, знаменитымъ докторамъ университета въ Пуатье. И они удалились съ поля, оставивъ маленькое свидѣтельство, вынужденное разсудительной сдержанностью Жанны: «Это—милая, простая пастушка, поистинѣ чистосердечная, *но неодаренная даромъ собесѣдованія*».

Въ данномъ случаѣ, это была святая правда. Но если бы они могли заглянуть въ прошлое и увидѣть ее съ нами на счастливыхъ паствахъ Домреми, они замѣтили бы, что у нея есть довольно проворный языкъ, когда она знаетъ, что ея слова не могутъ никому повредить.

Вотъ, мы и отправились въ Пуатье томиться три недѣли скучной проволочкой, между тѣмъ какъ наше бѣдное дитя каждый день подвергалось дознаніямъ и терзаніямъ передъ длинной лавкой, на которой засѣдали... Кто засѣдалъ? Военные доки? Вѣдь, ея дѣло были войска и веденіе ихъ въ бой съ врагами Франціи! Вовсе нѣтъ. То была длинная скамья со священниками и монахами—все глубоко учеными и закаленными кляузниками, пресловутыми профессорами богословія.

Вмѣсто того, чтобы назначить военную комиссію и рѣшить, можетъ ли этотъ доблестный солдатикъ одерживать побѣды, поса-

дили священныхъ волосоколовъ и словожевателей, чтобы дознаться, настоящее ли благочестіе у солдата и нѣтъ ли у него погрѣшностей въ церковномъ ученіи. Крысы опустошаютъ домъ, а тутъ, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать зубы и когти кошки, допытываются только, священная ли это кошка? Лишь бы кошка была священная—и дѣло въ шляпѣ. Никто и не думалъ объ ея другихъ качествахъ: это-де пустяки!

Жанна сохранила полную ясность, самообладаніе и спокойствіе передъ этимъ хмурымъ судилищемъ, съ его облаченными знаменитостями, съ его торжественнымъ положеніемъ и внушительной обрядностью: словно она была зрительницей, а не участницей дѣла. Она сидѣла одинноко на своей скамьѣ, спокойная, и сбивала съ толку науку мудрецовъ своимъ восхитительнымъ невѣжествомъ. Это невѣжество было ея оплотомъ, твердыней. Искусство, хитроуміе, ученость, натасканная изъ книгъ, и всѣ подобные метательные снаряды отпрыгивали отъ ея гранита безсознательности и безвредно падали на землю. Они не могли вытѣснить гарнизона — великаго сердца и яснаго ума Жанны, этой гвардіи и стражи ея посланничества.

Она отвѣчала на всѣ допросы прямо. Она разсказала всю исторію своихъ видѣній и сношеній съ ангелами, и чтò они говорили ей. И такъ-то безпритязательно, серьезно, искренно, такъ правдоподобно, жизненно, что даже это преопытное судилище забылось, сидѣло молча, безъ движенія, внимая до конца съ зачарованнымъ любопытствомъ и изумленіемъ. Если вамъ мало моего свидѣтельства, загляните въ исторію. Вы встрѣтите тамъ одного очевидца, показавшаго подъ присягой, въ Дѣлѣ Возстановленія, что ея разсказъ дышалъ „благороднымъ достоинствомъ и простотой»; а про впечатлѣніе онъ говоритъ, въ сущности, то же, чтò я.

Семнадцатилѣтняя дѣвушка (ей было семнадцать), одна-одинешенька на своей скамьѣ, она не испугалась. Нѣтъ, она смотрѣла въ глаза этой большой компаніи ученыхъ докторовъ права и богословія; она заколдовала ее не школьнымъ мастерствомъ, а чарами своей природы, юности, искренности, мягкимъ пѣвучимъ голосомъ, краснорѣчіемъ, истекавшимъ изъ сердца, а не изъ головы. Скажите, не дивное ли это зрѣлище? О, еслибъ я могъ выставить вамъ все это, какъ самъ видѣлъ! Знаю, чтò вы сказали бы тогда.

Я говорилъ вамъ, что она не умѣла читать... Разъ они измучили, раздосадовали ее доводами, сужденіями, возраженіями и тому подобными пошлыми словоизверженіями, набранными изъ тѣхъ и другихъ великихъ богословскихъ книгъ. Наконецъ, ея терпѣніе лопнуло. Она рѣзко обратилась къ нимъ со словами:

— Я не отличу А отъ Б, но я знаю одно: я пришла по приказу Царя Небеснаго освободить Орлеанъ отъ англійской силы и короновать короля въ Реймсѣ. Все, чтò вы наворотили тутъ, не относится къ дѣлу!

Само собой разумѣется, то были дни мучительные для нея и томительные для всякаго, кто принималъ участіе въ дѣлѣ. Но ей было хуже всего. Вѣдь, у нея не было праздниковъ: она вѣчно должна была быть подъ рукой и выдерживать пытку цѣлые часы; а тотъ-другой пытальщикъ могъ отлучаться и отдохнуть отъ одолѣвавшей его усталости. Однако она не обнаруживала ни утомленья, ни скуки; лишь изрѣдка покидало ее хорошее расположеніе духа. Обыкновенно она проводила дни спокойная, живая, терпѣливая, воюя съ этими заматерѣлыми доками схоластическаго ратоборства и выходя изъ стычекъ безъ царапинки.

Разъ одинъ доминиканецъ закинулъ ей вопросъ, отъ котораго у всякаго навострились бы уши; я же задрожалъ и сказалъ себѣ: «Ну, теперь она попалась, бѣдняжка Жанна!» Не было возможности выпутаться. Лукавый доминиканецъ началъ такъ—и безпечно, словно хотѣлъ сказать неважную штуку:

— Ты утверждаешь, что Богъ соизволилъ освободить Францію отъ англійскаго ига?

— Да, Онъ соизволилъ.

— Ты желаешь имѣть ратниковъ, чтобъ идти на выручку Орлеана: не такъ-ли?

— Да. И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

— Вѣдь, Богъ всемогущъ; Онъ можетъ сдѣлать, чтò Ему угодно. Не правда-ли?

— Всеконечно. Никто не сомнѣвается въ томъ.

Доминиканецъ вдругъ поднялъ голову и съ торжествомъ закинулъ вопросъ, о которомъ я говорилъ:

— Такъ отвѣчай же мнѣ вотъ на что! Если Онъ соизволилъ

на освобожденіе Франціи, если Онъ можетъ сдѣлать, что̀ Ему угодно, зачѣмъ же понадобились ратники?

Тутъ поднялось легкое движеніе и волненіе. Головы вдругъ наклонились впередъ, а руки очутились за ушами—чтобы не проронить отвѣта. А доминиканецъ самодовольно потрясалъ головой и озирался кругомъ, собирая дань одобренія, свѣтившагося на всѣхъ лицахъ. Но Жанна не смутилась. Не было ни тѣни безпокойства въ ея голосѣ, когда она отвѣчала:

— Онъ помогаетъ тому, кто самъ себѣ помогаетъ. Сыны Франціи станутъ драться, а *Онъ* даруетъ имъ побѣду!

Еслибъ вы видѣли, какой блескъ восторга озарилъ всѣ лица, словно лучъ солнца! Самъ доминиканецъ смотрѣлъ любезно, видя, какъ искусно былъ отраженъ его мастерской ударъ. И я слышалъ, какъ одинъ почтенный епископъ пробормоталъ слова, свойственныя духовенству и народу въ тѣ суровыя времена:

— Клянусь Богомъ, ребенокъ сказалъ правду! Господь соизволилъ, чтобъ Голіаѳъ былъ убитъ—и Онъ послалъ для этого вотъ такого ребенка!

Другой разъ, когда дознаніе затянулось до того, что всѣ смотрѣли сонливо и устало, кромѣ Жанны, братъ Сегэнъ, профессоръ богословія въ университетѣ въ Пуатье, человѣкъ ѣдкій и насмѣшливый, вздумалъ позабавиться надъ Жанной, пустивъ въ ходъ всякіе игривые вопросы на своемъ уродскомъ лимузенскомъ нарѣчіи: онъ былъ изъ Лиможа (28). Наконецъ, онъ сказалъ:

— Какъ это могла ты понимать этихъ ангеловъ? На какомъ же языкѣ говорили они?

— На французскомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Какъ пріятно слышать, что нашъ языкъ удостоился такой чести! Хорошимъ французскимъ языкомъ?

— Да, превосходнымъ.

— Превосходнымъ? Скажи, пожалуйста! Ну, конечно, *ты*-то должна знать. Вѣроятно, этотъ языкъ былъ даже лучше твоего?

— Что до этого, я... думаю, что не могу сказать,—отвѣтила она и хотѣла-было продолжать, но вдругъ остановилась. Затѣмъ она прибавила почти про себя:

— Во всякомъ случаѣ, онъ былъ лучше вашего.

Я зналъ, что въ глубинѣ ея глазъ, при всей ихъ невинности, крылась насмѣшливость. Всѣ захохотали, а братъ Сегэнъ былъ уязвленъ. Онъ спросилъ рѣзко:

— Вѣришь ты въ Бога?

Жанна отвѣчала съ обидной небрежностью:

— О, да! И, вѣрно, больше вашего.

Братъ Сегэнъ вышелъ изъ себя. Онъ началъ осыпать ее насмѣшками и, наконецъ, разразился, съ гнѣвной важностью, такимъ восклицаніемъ:

— Отлично! А я вотъ что скажу тебѣ, — тебѣ, вѣра которой въ Бога такъ велика: Богу не угодно, чтобы кто-нибудь увѣровалъ въ тебя безъ знаменія. Гдѣ у тебя знаменіе? Покажи-ка!

Это задѣло Жанну за живое. Она вскочила и выпалила ему въ отвѣтъ:

— Я прибыла въ Пуатье не затѣмъ, чтобы показывать знаменія и творить чудеса. Отправьте меня въ Орлеанъ—и вы получите достаточно знаменій. Дайте мнѣ ратниковъ, много-ли, мало-ли— и пустите меня!

Искры сыпались изъ ея глазъ. Ахъ, героическая фигурка! Какъ жаль, что вы не можете видѣть ее! Послѣдовалъ взрывъ рукоплесканій. Она же сѣла, закраснѣвшись: эта щепетильная душа не любила выставляться.

Эта рѣчь и эта исторія съ французскимъ языкомъ были двумя картами, взятыми у брата Сегэна, а онъ еще ничего не взялъ у Жанны. Однако, при всей своей язвительности, это былъ мужественный и честный человѣкъ, какъ вы можете удостовѣриться изъ исторіи. При Возстановленіи, онъ могъ бы скрыть эти непріятные случаи, еслибъ хотѣлъ; но онъ не скрылъ, а правдиво выставилъ ихъ въ своемъ показаніи.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней этихъ трехнедѣльныхъ засѣданій ученые мантьеносцы и профессора сдѣлали великое нападеніе по всей линіи, жестоко закидывая Жанну возраженіями и доводами, набранными изъ писаній всякихъ древнихъ, пресловутыхъ столповъ римской церкви. Она задыхалась, но, наконецъ, собралась съ духомъ и отчеканила громко:

— Послушайте! Божья книга важнѣе всѣхъ тѣхъ, что̀ приводите

вы, и я держусь ея! И знайте, что въ этой книгѣ есть вещи, которыхъ никто изъ васъ не прочтетъ, со всей вашей ученостью!

Съ самаго начала она гостила, по приглашенію, у госпожи де-Рабато,—вдовы совѣтника парламента въ Пуатье. По вечерамъ, въ этотъ домъ сходились важныя дамы города посмотрѣть на Жанну и поговорить съ ней, да не онѣ однѣ, а также законовѣды, совѣтники и ученые парламента и университета. Эти важные господа, привыкшіе взвѣшивать всякую сомнительную вещь, осторожно разсматривать ее, переворачивать туда-сюда и—все-таки сомнѣваться, приходили вечеръ за вечеромъ. Они все сильнѣе подпадали вліянію этого загадочнаго *чего-то*, этому обольщенію, этому неуловимому, невыразимому очарованію, которое составляло высшій даръ Жанны д'Аркъ. Великій и малый—всѣ признавали и чувствовали это привлекательное, внушительное, убѣдительное нѣчто, но никто не могъ ни объяснить, ни описать его. И одинъ за другимъ всѣ сдавались, восклицая: «Это дитя послано Богомъ!»

Цѣлый день Жанна была въ проигрышѣ—тамъ, на великомъ судьбищѣ, съ его строгими правилами дѣлопроизводства. Но вечеромъ она сама держала судъ—и все переворачивалось вверхъ дномъ: тутъ она была предсѣдательницей; ея языкъ развязывался предъ нѣсколькими изъ ея судей. Слѣдствіе понятно. Всѣ возраженія и препоны, которыя судьи трудились нагромоздить ей днемъ, падали вечеромъ подъ ея чарами. Въ концѣ концовъ, она увлекла за собой всю кучу своихъ судей: не было ни одного противорѣчиваго голоса въ ихъ великомъ приговорѣ.

Стоило посмотрѣть на судилище, когда его предсѣдатель прочелъ этотъ приговоръ съ своего высокаго кресла: вѣдь, тутъ были всѣ именитые люди города, насколько удалось имъ добиться впуска и найти мѣсто. Сначала происходили нѣкіе торжественные обряды, обычные въ тѣ времена. Затѣмъ, когда водворилось молчаніе, послѣдовало чтеніе, которое такъ отдавалось въ глубокой тишинѣ, что въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ залы было слышно каждое слово:

«Найдено и симъ возвѣщается, что Жанна д'Аркъ, прозванная Дѣвой,—хорошая христіанка и хорошая католичка; что въ ея особѣ и въ ея словахъ нѣтъ ничего противнаго вѣрѣ; и что король можетъ и долженъ принять предлагаемую ею помощь, ибо отвергнуть

ее—значило бы оскорбить Святаго Духа и сдѣлать короля недостойнымъ помощи Божьей».

Судьи встали. Поднялся взрывъ единодушныхъ рукоплесканій, которыя то замирали, то разражались снова. Я потерялъ Жанну изъ виду: ее унесла огромная волна народа, который бросился поздравлять ее, благословлять ее и дѣло Франціи, отданное отнынѣ въ ея руки торжественно и безповоротно.

ГЛАВА IX.

Мужское платье.—Жанна-главнокомандующій.

То былъ поистинѣ великій день и поразительное зрѣлище.

Она выиграла! То была ошибка Тремуйля и ему подобныхъ зложелателей—дозволить ей держать судъ по вечерамъ.

Возвратилась и комиссія священниковъ, посланныхъ въ Лотарингію съ открытою цѣлью справиться насчетъ Жанны, а втайнѣ—съ тѣмъ, чтобъ измучить ее проволочками и потомъ заставить бросить запоздалое намѣреніе: она сдѣлала самый благопріятный докладъ. Видите, наши дѣла пошли теперь полнымъ ходомъ.

Приговоръ произвелъ чудовищное волненіе. Всюду, куда приходила великая вѣсть, мертвая Франція воскресала. Гдѣ передъ тѣмъ павшій духомъ, трусливый народъ склонялъ голову и улепетывалъ при словѣ «война», тамъ теперь всякій требовалъ зачислить его подъ знамя Дѣвы изъ Вокулёра; и воздухъ наполнялся звуками веселыхъ пѣсенъ, грохотомъ барабановъ. Тутъ я вспомнилъ, что̀ она сказала намъ въ нашей деревнѣ, когда я доказывалъ событіями и цифрами, что положеніе Франціи безнадежно и ничто не пробудитъ народъ отъ смертельнаго сна.

— Заслышатъ барабанъ—и откликнутся, и пойдутъ!

Говорится: придетъ бѣда, растворяй ворота! А у насъ тоже вышло со счастьемъ. Какъ только данъ былъ толчокъ, все потекло, волна за волной. Первая наша волна была такого рода. У поповъ гнѣздилось сильное сомнѣніе—разрѣшитъ ли церковь женщинѣ-солдату одѣваться по-мужски? Но теперь пришелъ приговоръ и по этой статьѣ. Его постановили двое величайшихъ ученыхъ и богослововъ

того времени, одинъ изъ нихъ—канцлеръ парижскаго университета (29). Они объявили: «такъ какъ Жанна должна дѣлать дѣло мужское и солдатское, то справедливо и законно, чтобы ея снаряженіе соотвѣтствовало положенію».

Церковное разрѣшеніе одѣваться по-мужски, — это былъ большой выигрышъ. О, да! Волны счастья поднимались быстро. Нечего упоминать о мелкихъ струйкахъ. Перейдемъ къ самой высокой волнѣ, которая чуть не сшибла съ ногъ, чуть не захлестнула радостью насъ, мелюзгу. Въ тотъ же день, когда состоялся военный приговоръ, онъ былъ посланъ королю. На слѣдующее утро, въ чистомъ воздухѣ, ясно и гулко донеслись до насъ рѣзкіе звуки рожка. Мы насторожили уши и давай считать. Разъ, два, три и—стой! Разъ, два — и стой! Опять разъ, два, три—и мы воспрянули и побѣжали. Вѣдь, такъ трубили только тогда, когда королевскій глашатай долженъ сдѣлать воззваніе къ народу.

Когда мы бросились впередъ, народъ повалилъ изо всѣхъ улицъ, домовъ и закоулковъ. Тутъ были мужчины, женщины, дѣти, — всѣ раскраснѣвшіеся, возбужденные, натягивая на себя на бѣгу недостающія части одежды. Рѣзкіе звуки все дрожали въ воздухѣ; народъ все бѣжалъ, пока не собрался весь городъ, стекаясь со всѣхъ улицъ. Наконецъ, мы добрались до площади, уже усѣянной горожанами. И здѣсь, высоко, на подножіи большаго Распятія, увидѣли мы глашатая, въ его блестящемъ одѣяніи, а подлѣ—его прислужниковъ. Тутъ же онъ началъ свое воззваніе мощнымъ голосомъ, какъ подобаетъ его должности.

— Знайте всѣ, а потому внимайте! Высочайшій, славнѣйшій Карлъ, милостію Божіей король Франціи, соблаговолилъ облечь свою любезнѣйшую служительницу, Жанну д'Аркъ, по прозванью Дѣву, въ санъ, жалованье, власть и достоинство главнокомандующаго французскими арміями.

Тутъ тысячи шапокъ полетѣли въ воздухъ. Толпа разразилась цѣлымъ ураганомъ рукоплесканій; и они все росли, такъ что, казалось, и конца имъ не будетъ. Затѣмъ глашатай продолжалъ:

— И назначилъ онъ быть при ней помощникомъ и начальникомъ штаба принца королевской крови, его милость герцога Алансона.

Этимъ онъ закончилъ. Ураганъ поднялся снова. Онъ расще-

пился на безчисленныя части отъ дуновенья толпы и пронесся по всѣмъ улицамъ и закоулочкамъ города.

Шутка сказать—генералъ всѣхъ французскихъ армій, и принцъ крови, какъ подчиненный! Вчера только она была ничто, а сегодня вонъ куда хватила! Вчера она не была ни сержантомъ, ни капраломъ, ни даже рядовымъ, а сегодня сразу стала во главѣ всѣхъ. Вчера она была меньше нуля для самаго молодого новобранца, сегодня ея приказъ сталъ закономъ для Ля-Гировъ, Сентралей, Побочныхъ Орлеановъ и всѣхъ другихъ старыхъ служакъ, для славныхъ мастеровъ военнаго дѣла. Вотъ что приходило мнѣ въ голову! Видите, я не зналъ, какъ убѣдить себя въ дѣйствительности всѣхъ этихъ странныхъ, чудесныхъ дѣлъ.

Я уносился мыслью назадъ — и вдругъ остановился на одной картинѣ, которая такъ живо, свѣжо рисовалась предо мной, словно это было вчера: да и впрямь это было не дальше, какъ въ январѣ. Представьте себѣ, вотъ крестьянская дѣвушка въ заброшенной деревушкѣ; ей еще не исполнилось семнадцати лѣтъ; она и ея деревня никому невѣдомы, словно они на другомъ полушаріи. Она выудила гдѣ-то бездомнаго странника и привела его домой—сѣраго котенка—въ отчаянномъ положеніи, полудохлаго. Она накормила его, обласкала, пріобрѣла его привязанность и заставила его вѣрить въ себя. И, вотъ, котенокъ заснулъ, свернувшись комочкомъ; а она вязала грубые чулки и думала, мечтала о чемъ-то никому невѣдомомъ. Теперь же котенокъ не успѣлъ еще стать котомъ, а дѣвушка сдѣлалась генераломъ французскихъ армій, съ подчиненіемъ ей принца крови. И ея имя вышло изъ деревенскаго мрака, подобно солнцу; и видимо оно изъ всѣхъ угловъ страны! Съ ума сойдешь отъ такихъ дѣлъ: до того кажутся они невозможными!

ГЛАВА X.

Мечъ Карла Великаго.—Штандартъ Жанны.

Первымъ должностнымъ дѣломъ Жанны было продиктовать письмо англійскимъ начальникамъ подъ Орлеаномъ, съ требованіемъ очистить всѣ захваченныя ими крѣпости и убираться изъ Франціи. Она, должно быть, измыслила это и расположила въ своемъ умѣ рань-

ше: такъ плавно письмо текло изъ ея устъ и облекалось въ живой, сильный языкъ. Однако это было не такъ: она всегда обладала живымъ умомъ и ловкимъ языкомъ, а за послѣднія недѣли ея способности все развивались. Это письмо слѣдовало отправить сейчасъ же, изъ Блуа. Людей, запасовъ, денегъ набралось теперь достаточно, при изобиліи доброхотныхъ даятелей. Жанна назначила Блуа сборнымъ мѣстомъ для новобранцевъ и складомъ запасовъ. Ля-Гиру она приказала нападать первому.

За послѣднія недѣли Великій Побочный, герцогъ, губернаторъ Орлеана, кричалъ, чтобы прислали ему Жанну: теперь явился другой посланецъ, старикъ Олонъ, — заслуженный офицеръ, человѣкъ надежный, хорошій, честный. Король далъ его Жаннѣ въ начальники ея квартиры, предоставляя ей самой назначить остальныхъ своихъ служителей, сообразуя ихъ количество и достоинство съ величіемъ ея сана. Въ то же время онъ далъ приказъ снабдить ихъ достойно оружіемъ, одеждой и конями.

Тѣмъ временемъ король получилъ полное вооруженіе, заказанное для Жанны въ Турѣ. Оно было изъ лучшей стали, тяжело обложенной серебромъ, богато убрано рѣзьбой и вылощено, какъ зеркало.

Голоса повѣдали Жаннѣ, что гдѣ-то за алтаремъ св. Катерины во Фьербуа, спрятанъ древній мечъ: она послала за нимъ сьёра изъ Меца. Попы ничего не знали про такой мечъ; но поискали—и нашли его именно тамъ, въ землѣ. Онъ былъ безъ ноженъ и изрядно заржавленъ; но попы вычистили его и послали въ Туръ, куда мы прибыли теперь. Они заказали для него особые ножны изъ малиноваго бархата; а туряне вложили его еще въ другіе ножны, сдѣланные изъ парчи. Но Жанна имѣла въ виду всегда носить этотъ мечъ въ битвахъ: оттого она бросила блестящіе ножны и добыла кожаные. Всѣ вѣрили, что это — мечъ Карла Великаго; но это одни домыслы! Я хотѣлъ поточить этотъ старый клинокъ; но она сказала, что ненужно: она-де не будетъ никого убивать, а станетъ носить мечъ, только какъ знакъ начальства.

Въ Турѣ она придумала свой штандартъ; и шотландскій живописецъ, именемъ Джемсъ Пауэръ, сдѣлалъ его. Онъ былъ изъ очень тонкаго бѣлаго *букассена* (30), съ шелковыми бахромками. На немъ былъ изображенъ Богъ-Отецъ, возсѣдающій на облакахъ,

съ яблокомъ вселенной въ рукѣ; у Его ногъ преклоняютъ колѣна два ангела, подающія лиліи (31). Надпись—*Іисусъ-Марія*. На изнанкѣ французская корона, поддерживаемая двумя ангелами. Жанна заказала еще знаменцо поменьше или значокъ, съ изображеніемъ ангела, подносящаго лилію Святой Дѣвѣ.

Въ Турѣ все кипѣло и жужжало. То-и-дѣло слышались шумъ и трескъ военной музыки, нето мѣрные шаги марширующихъ людей: отряды новобранцевъ направлялись къ Блуа. Днемъ и ночью пѣнье, ликованье,-«ура!» наполняли воздухъ. Городъ кишѣлъ пріѣзжими. Улицы и гостинницы были переполнены. Всюду замѣчались хлопотливые сборы. И лица всѣхъ сіяли радостью и весельемъ. Главная квартира Жанны вѣчно была окружена толпами, надѣявшимися увидѣть новаго генерала. И когда имъ удавалось это, они просто очумѣвали. Но это случалось рѣдко: Жанна была по горло занята планами похода, докладами, приказаніями, разсылкой гонцовъ; а если ей удавалось улучить досужую минуту, она посвящала ее собесѣдованіямъ съ важнымъ людомъ, поджидавшимъ ее въ гостиныхъ. А мы, мальчишки, почти и не видали ея: такъ она была занята!

Мы были въ смѣшанномъ расположеніи духа — то полные надеждъ, то наоборотъ; по большей части случалось послѣднее. Жанна еще не опредѣлила своего хозяйства: вотъ что тревожило насъ! Мы знали, что ее забросали просьбами о мѣстахъ и что эти просьбы поддерживались громкими именами и вѣскими вліяніями, а за насъ-то никто не ходатайствовалъ. Она могла наполнить у себя самыя ничтожныя мѣста знатью, связи которой могли служить ей оплотомъ и цѣнной опорой. Въ такихъ обстоятельствахъ, могла ли политика дозволить ей подумать о насъ? Мы радовались не меньше другихъ, но были немного подавлены и мрачны. Иногда мы обсуждали наши слабыя надежды и старались подогрѣть ихъ. Но одно упоминаніе объ этомъ сокрушало Паладина: вѣдь, гдѣ у насъ была хоть маленькая надежда, у него не было никакой. Ноэль Рэнгесонъ вообще охотно вдавался въ разсмотрѣніе нашего печальнаго дѣла; но это было не такъ-то легко въ присутствіи Паладина. Однажды мы судили-рядили, какъ вдругъ Ноэль сказалъ:

— Ободрись, Паладинъ! Этой ночью я видѣлъ во снѣ, будто

ты одинъ изъ всѣхъ насъ получилъ назначеніе. Мѣсто не высокое, но все-таки мѣсто: что-то вродѣ лакея или прислужника.

Паладинъ вскочилъ и взглянулъ чуть не радостно: онъ вѣрилъ въ сны и во все сверхъестественное. Онъ сказалъ съ выраженіемъ пылкой надежды:

— Хотѣлось бы мнѣ, чтобы это исполнилось. Думаешь ли ты, что это сбудется?

— Конечно. Могу почти сказать, что увѣренъ въ этомъ: мои сны всегда оправдываются.

— Ноэль, я задушу тебя въ объятіяхъ, если этотъ сонъ сбудется, ей-ей! Быть слугой перваго генерала Франціи! И всѣ узнаютъ объ этомъ; и вѣсть долетитъ до нашей деревни; и вытаращатъ глаза эти дурни, которые твердили, что я ни на что негоденъ! Да это великолѣпно! Думаешь ли ты, Ноэль, взаправду, что это сбудется? Вѣришь ты этому?

— Вѣрю. Вотъ тебѣ моя рука!

— Ноэль! Если сбудется, я никогда не забуду тебя. Ну, пожми мнѣ руку еще разъ! Меня одѣнутъ въ роскошную ливрею. И вѣсть дойдетъ до деревни. И эти скоты скажутъ: «*Онъ*—лакей главнокомандующаго! И весь міръ смотритъ на него и дивится! Каково? Онъ поднялся теперь до небесъ, не такъ ли?»

Онъ зашагалъ по полу и началъ такъ проворно нагромождать могучіе, высокіе воздушные замки, что мы едва могли слѣдовать за нимъ. Потомъ вдругъ вся радость слетѣла съ его лица, уступая мѣсто печали. Онъ сказалъ:

— О, Боже мой! Все это—обманъ. Никогда не бывать этому! Я и забылъ про это дурацкое дѣло въ Тулѣ. Я ужъ всячески старался избѣгать ея всѣ эти недѣли, надѣясь, что она забудетъ про это и проститъ; но, знаю, никогда она не проститъ. Конечно, она и не можетъ сдѣлать этого. А, если сказать правду, я не заслужилъ норицанія. Положимъ, я сказалъ, что она обѣщала выйти за меня замужъ; но, вѣдь, это тѣ скоты настроили и уговорили меня, клянусь вамъ!

Эта туша чуть не заплакала. Потомъ онъ съежился и сказалъ съ раскаяніемъ:

— Вотъ первая ложь въ моей жизни! И...

Его заглушилъ громъ брани и обидныхъ восклицаній. И не успѣлъ онъ начать опять, какъ явился ливрейный слуга Олона и объявилъ, что насъ зовутъ въ главную квартиру. Мы поднялись, а Ноэль сказалъ:

— Ага, что̀ я говорилъ вамъ? У меня было предчувствіе: на мнѣ покоится духъ пророчества. Она назначитъ его, а мы пойдемъ и воздадимъ ему почести. Впередъ!

Но Паладинъ убоялся идти; и мы покинули его.

Когда мы стали передъ Жанной, впереди блестящихъ офицеровъ арміи, она привѣтствовала насъ очаровательной улыбкой и сказала, что назначаетъ всѣхъ насъ въ свое хозяйство, такъ какъ нуждается въ своихъ старыхъ друзьяхъ. Какая дивная неожиданность! Она такъ почтила насъ, когда могла взять людей родовитыхъ, важныхъ! Но у насъ не было словъ высказать это: такъ теперь возвеличилась и поднялась она надъ нами! Мы подскочили; и каждый получилъ свою бумагу изъ рукъ нашего начальника, Олона.

Всѣмъ намъ достались почетныя мѣста. Выше всѣхъ были поставлены оба рыцаря, затѣмъ—двое братьевъ Жанны; я сталъ первымъ оруженосцемъ и писцомъ; молодой дворянинъ, по имени Рэмонъ, — вторымъ оруженосцемъ, Ноэль — ея гонцомъ. У нея было еще двое глашатаевъ, капелланъ и милостынникъ, котораго звали Жаномъ Пакерелемъ. Раньше она назначила еще мэтръ-д-отеля и нѣсколько слугъ (32). Теперь она обвела всѣхъ глазами и спросила:

— А гдѣ же Паладинъ?

Сьёръ Бертранъ сказалъ:

— Онъ думалъ, что его не звали, ваше превосходительство.

— Ахъ, это нехорошо. Позовите его!

Вошелъ Паладинъ, порядочно убитый. Онъ не смѣлъ двинуться дальше порога. Здѣсь онъ остановился, озираясь въ замѣшательствѣ и ужасѣ. Тутъ Жанна заговорила любезно:

— Я слѣдила за тобой въ дорогѣ. Ты началъ плохо, но потомъ поправился. Прежде ты былъ мечтатель и болтунъ; но въ тебѣ кроется мужъ—и я вызову его.

Великолѣпное зрѣлище представило изъ себя лицо Паладина, просіявшее при этихъ словахъ.

— Послѣдуешь ли ты за мной, куда хочу?

— Хоть въ огонь! — воскликнулъ онъ. А я сказалъ про себя:

«Такими словами, думается мнѣ, она превратитъ этого хвастунишку въ героя. Вотъ еще ея чудо: не сомнѣваюсь!»

— Вѣрю,—сказала Жанна. Ну, такъ вотъ тебѣ мой штандартъ. Ты долженъ быть при мнѣ во всѣхъ битвахъ. И ты возвратишь мнѣ знамя, когда Франція будетъ спасена!

Паладинъ взялъ знамя, которое составляетъ теперь самое дорогое воспоминаніе о Жаннѣ д'Аркъ. И его голосъ задрожалъ отъ волненія, когда онъ сказалъ:

— Если я когда-нибудь опозорю этотъ залогъ, вотъ эти мои товарищи съумѣютъ исполнить надъ моимъ тѣломъ долгъ дружбы. Я возлагаю на нихъ эту обязанность, зная, что они не преминутъ исполнить ее!

ГЛАВА XI.

Паладинъ-знаменосецъ.

Ноэль и я возвращались вмѣстѣ. Сначала мы молчали, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ испытаннаго. Наконецъ, Ноэль вышелъ изъ задумчивости и сказалъ:

— Первые будутъ послѣдними, послѣдніе — первыми: вотъ все, на что можно сослаться при такой неожиданности! Но все-таки не *значило* ли это слишкомъ высоко поднять нашего бычищу?

— Да, вѣрно. Я и сейчасъ не могу опомниться отъ удивленія. Вѣдь, это—высшее изъ всѣхъ мѣстъ, бывшихъ въ ея распоряженіи.

— Такъ, такъ. Генераловъ много, и она можетъ натворить ихъ еще; а знаменосецъ—только одинъ.

— Вѣрно. Послѣ нея самой, это—самое видное мѣсто въ арміи.

— И самое завидное и почетное. Мы, вѣдь, знаемъ, что сыновья двухъ герцоговъ добивались его. И изъ всѣхъ на свѣтѣ оно досталось этой величественной вѣтряной мельницѣ! Подумай, какое это исполинское чинопроизводство!

— Безъ всякаго сомнѣнія. Это—какъ бы снимокъ съ самой Жанны, въ уменьшительномъ видѣ.

— Какъ понять это? Ты-то понимаешь тутъ что-нибудь?

— Да, и безъ всякаго труда. Думается, что понимаю.

Ноэль изумился и окинулъ меня быстрымъ взглядомъ, словно желая удостовѣриться, не шучу ли я. Онъ сказалъ:

— Я думалъ, ты шутишь, но, вижу, что ошибся. Если ты можешь объяснить мнѣ эту загадку, такъ скажи, въ чемъ тутъ дѣло.

— Думаю, что могу. Замѣтилъ ли ты, что нашъ главный рыцарь говоритъ умныя вещи? У него многодумная голова на плечахъ. Вотъ, однажды, въ дорогѣ, разговорились мы о великихъ талантахъ Жанны. Онъ и говоритъ: «Но самый крупный изъ ея даровъ, это—*видящій глазъ*». Я сказалъ, какъ безмозглый дуракъ: «Видящій глазъ? По мнѣ, это не важно: вѣдь, полагаю, у всѣхъ насъ есть этотъ глазъ». А онъ говоритъ: «Нѣтъ, у очень немногихъ». Затѣмъ онъ объяснилъ мнѣ свою мысль. Видишь ли, обыкновенный глазъ видитъ вещи только снаружи—и такъ и судитъ. А видящій глазъ проникаетъ внутрь, читаетъ въ сердцѣ и душѣ: онъ-то находитъ дарованія, которыхъ не обозначаетъ и не обѣщаетъ наружность и которыхъ не открыть обыкновенному глазу. Рыцарь сказалъ, что величайшій военный геній попадетъ впросакъ и ничего не сдѣлаетъ, если у него нѣтъ видящаго глаза,—то-есть, если онъ не можетъ читать въ сердцахъ и выбирать подчиненныхъ съ непогрѣшимой мѣткостью. Этотъ глазъ видитъ какъ бы по наитію, что тотъ-то годенъ для стратегіи, другой—для дьявольски отважнаго и сильнаго натиска, третій—для упорной настойчивости бульдога: и тогда начальникъ назначаетъ каждаго на его мѣсто и одерживаетъ побѣду. Иначе онъ даетъ всѣмъ чужія мѣста—и проигрываетъ сраженіе...

Я продолжалъ.

— Онъ былъ правъ насчетъ Жанны: я видѣлъ это. Когда она была ребенкомъ, однажды ночью, пришелъ къ намъ бродяжка. Ея отецъ и всѣ мы приняли его за плута; но она увидѣла подъ лохмотьями честнаго человѣка. Когда я—давно ужъ—обѣдалъ съ губернаторомъ Вокулёра, я ничего не замѣтилъ въ нашихъ двухъ рыцаряхъ, хотя сидѣлъ съ ними бокъ-о-бокъ и болталъ часа два. Жанна была тамъ всего пять минутъ и не говорила съ ними, даже не слышала ихъ голоса; но она опредѣлила ихъ людьми достойными и вѣрными: и они оправдали ея мнѣніе. Кого послала она принять новобранцевъ въ Блуа,—эту громовую тучу чертенятъ, составленную изъ шаекъ бывшихъ арманьякскихъ разбойниковъ? То-то! Она по-

слала самого Сатану, то-есть Ля-Гира, этотъ военный ураганъ, этого безбожнаго бахвала, эту заразу богохульства, этого Везувія нечестія въ вѣчномъ изверженіи. И никто въ мірѣ не могъ лучше его справиться съ этой толпой ревущихъ дьяволовъ. Вѣдь, онъ-то и есть главный дьяволъ этого своего мірка: онъ-то равенъ всѣмъ имъ, въ совокупности; а по всей вѣроятности, это—и отецъ большинства изъ нихъ. Жанна дала ему временное начальство, пока не пріѣдетъ сама въ Блуа. А тамъ... Тамъ она, конечно, лично заберетъ ихъ въ руки—или ужъ я отказываюсь понимать ее, хотя, кажется, хорошо узналъ ее во всѣ эти годы дружбы! О, что̀ это будетъ за зрѣлище, когда эта дивная душа, въ ея бѣломъ вооруженіи, станетъ отдавать приказы этимъ отверженнымъ отбросамъ, этой кучѣ навоза, этой грудѣ лохмотьевъ!

— Ля-Гиръ!—воскликнулъ Ноэль — нашъ герой всѣхъ этихъ лѣтъ! Хотѣлось бы мнѣ повидать этого человѣка.

— И мнѣ тоже. Его имя волнуетъ меня теперь точно такъ же, какъ въ дни моего дѣтства.

— Хотѣлось бы послушать, какъ онъ бранится.

— Само собой разумѣется. Мнѣ хотѣлось бы лучше послушать, какъ онъ бранится, чѣмъ какъ другіе молятся. Вѣдь, это—самый искренній и наивный человѣкъ! Однажды, когда его упрекали за разбои его шайки, онъ сказалъ, что это—ничего. По мнѣ, это—самый подходящій человѣкъ для временной расправы здѣсь, въ Блуа. Видишь, Жанна посмотрѣла на него видящимъ глазомъ...

— Который ведетъ насъ назадъ, къ тому времени, когда мы выступали. Я, право, люблю Паладина, и не за то только, что онъ добрый малый: вѣдь, онъ—мой сыночекъ. Не я ли сдѣлалъ его такимъ, каковъ онъ теперь—самымъ вѣтрянымъ хвастунишкой, самымъ правовѣрнымъ лжецомъ во всемъ королевствѣ? Я радъ его счастью; но у меня нѣтъ видящаго глаза. Я не выбралъ бы его на самый опасный постъ въ арміи. Я поставилъ бы его позади, въ запасъ, приканчивать раненыхъ и облупливать мертвыхъ.

— Ладно, посмотримъ. Жанна, вѣроятно, лучше насъ знаетъ, какой выйдетъ изъ него прокъ. А я подамъ тебѣ другую мысль. Если особа въ такомъ положеніи, какъ Жанна, скажетъ кому-нибудь, что онъ храбръ, то онъ и *повѣритъ* этому; а этой *вѣры* до-

статочно. Вѣдь, въ сущности, вѣрь, что ты храбръ—и ты *будешь* храбръ. Въ этомъ все дѣло.

— Вотъ теперь ты какъ разъ потрафилъ!—воскликнулъ Ноэль.— Да, у нея не только видящій глазъ, но и творящія уста! Да, это вѣрно. Франція была запугана, стала трусишкой: Жанна д'Аркъ заговорила—и Франція двинулась, съ нею во главѣ!

Тутъ меня позвали написать письмо подъ диктовку Жанны. На слѣдующій день и ночью портные нашили намъ разные мундиры; и намъ доставили оружіе. Теперь любо было посмотрѣть на насъ,—на войнѣ ли, или дома. Одѣтый по мирному времени, въ дорогомъ, яркоцвѣтномъ платьѣ, Паладинъ уподоблялся башнѣ, убранной въ роскошь солнечнаго заката. А когда онъ снаряжался на войну, весь въ желѣзѣ, съ перьями и оконцами на головѣ, то было ужъ совсѣмъ величественное явленіе.

Былъ данъ приказъ идти въ Блуа.

Было ясное, свѣжее, прекрасное утро. Можете себѣ представить, какое это было красивое зрѣлище, когда наше общество выѣхало большой, блестящей колонной, по два въ каждомъ ряду, съ Жанной и герцогомъ Алансономъ во главѣ, съ Олономъ и толстымъ знаменосцемъ за ними, а затѣмъ—остальные. Когда мы пробивали себѣ дорогу черезъ ликующую толпу, и Жанна наклоняла голову, украшенную перьями, направо и налѣво, а солнце сіяло съ своего серебристаго пути, зрителямъ казалось, будто предъ ними развертывается первое дѣйствіе чудной драмы; и они выражали свои зарождающіяся надежды восторгомъ, возраставшимъ съ каждой минутой, такъ что эти ликованія были, наконецъ, не только слышны, но даже какъ бы ощущались тѣломъ. Издалека доносились къ намъ мягкіе звуки духовой музыки; и мы видѣли тучу движущихся копейщиковъ. Солнце бросало матовый свѣтъ на кучу оружія; но оно блистало ярко на торчащихъ вверхъ копьяхъ, образуя какъ бы тусклое облачко, подъ сіяющимъ надъ нимъ созвѣздіемъ: то былъ нашъ почетный караулъ. Онъ присоединился къ намъ. Шествіе вполнѣ снарядилось: начался первый военный походъ Жанны д'Аркъ. Занавѣсъ поднялся.

ГЛАВА XII.

Новобранцы въ Блуа.—„Сатана“ и „Оруженосецъ Христа“.

Мы пробыли три дня въ Блуа. Этотъ станъ — одно изъ самыхъ пріятныхъ моихъ воспоминаній. Порядокъ? Въ средѣ этихъ разбойниковъ существовалъ такой же порядокъ, какъ въ средѣ волковъ и гіенъ. Съ шумомъ и крикомъ они сновали по лагерю, пьянствовали, буйствовали, ругались и развлекались всевозможными грубыми, возмутительными гарцованьями. Всѣ углы были полны крикливыми, распутными женщинами, не уступавшими мужчинамъ въ грубости, безчинствѣ и безуміи.

Тутъ-то, среди этой дикой черни, Ноэль и я, мы увидали въ первый разъ Ля-Гира. Онъ соотвѣтствовалъ самымъ дорогимъ нашимъ мечтамъ. Онъ былъ очень великъ, имѣлъ воинственный видъ и былъ съ головы до ногъ покрытъ кольчугой; на его шлемѣ развѣвались перья; онъ былъ опоясанъ широкимъ мечемъ того времени.

Онъ отправился торжественно засвидѣтельствовать Жаннѣ свое почтеніе. Проходя черезъ лагерь, онъ возстановлялъ порядокъ, объявляя, что Дѣва прибыла и что онъ не хочетъ, чтобы главнокомандующій видѣлъ подобное зрѣлище. А порядокъ онъ возстановлялъ по-своему, не какъ другіе. Онъ пускалъ въ ходъ свои большіе кулаки. Ругаясь, увѣщевая, онъ сыпалъ ударами направо и налѣво; и гдѣ попадалъ, тамъ человѣкъ оставался на мѣстѣ.

— Черти!—кричалъ онъ.—Чего вы шляетесь и сквернословите, когда главнокомандующій въ лагерѣ! Выпрямляйся!

И человѣкъ валился пластомъ. Что̀ онъ понималъ подъ словомъ «выпрямляйся»—это было его тайной.

Мы слѣдовали за старымъ воякой въ главную квартиру, прислушиваясь, наблюдая, восхищаясь, можно сказать, пожирая любимца французскихъ мальчишекъ, который былъ и нашимъ кумиромъ отъ колыбели до этого счастливаго дня. Я вспомнилъ, какъ однажды Жанна, еще на пастбищахъ Домреми, выбранила Паладина за то, что онъ презрительно произносилъ могучія имена Ля-Гира и Побочнаго Орлеана, и сказала, что она сочла бы за великую честь, если

бы ей позволили, хоть однимъ глазкомъ издали, взглянуть на этихъ великихъ людей. Они были ей и остальнымъ дѣвушкамъ такъ же дороги, какъ и парнямъ. И вотъ, наконецъ, одинъ изъ нихъ—и за какимъ дѣломъ! Трудно было представить себѣ, но это такъ и было: онъ пришелъ, чтобы обнажить предъ ней голову и выслушать ея приказанія.

Пока онъ, близъ главной квартиры, усмирялъ значительную кучку своихъ разбойниковъ своими извѣстными ласками, мы продвинулись впередъ и увидѣли военную семью Жанны, этихъ великихъ предводителей войска: они теперь приблизились. Вотъ они,—шесть офицеровъ съ славными именами, красавцы, въ блестящемъ вооруженіи; и красивѣе всѣхъ былъ генералъ-адмиралъ Франціи, отличавшійся своимъ изящнымъ обращеніемъ.

Когда Ля-Гиръ вошелъ, онъ видимо былъ пораженъ красотой и чрезвычайной молодостью Жанны; а она, съ своей стороны, также выражала своей радостной улыбкой, что она счастлива видѣть, наконецъ, героя своего дѣтства. Ля-Гиръ преклонилъ колѣна, держа свой шлемъ въ рукѣ, покрытой рукавицей, и произнесъ суровую, но прекрасную, маленькую рѣчь, кажется, безъ единой ругани. И видно было, что эти два человѣка сразу были плѣнены другъ другомъ.

Обрядности посѣщенія были ужъ окончены, и всѣ удалились; но Ля-Гиръ остался и сидѣлъ съ Жанной, прихлебывая свое вино. Они разговаривали и смѣялись, какъ старые друзья. И, вотъ, она дала ему, какъ начальнику лагеря, нѣсколько предписаній, которыя онъ выслушалъ съ затаеннымъ дыханіемъ. Она начала съ того, что всѣ эти распутныя женщины должны немедленно выбраться изъ лагеря: она ни одной изъ нихъ не позволитъ остаться. Затѣмъ она требовала, чтобы былъ положенъ конецъ грубому пьянству; чтобы пить дозволялось лишь чистенько и въ точно установленныхъ предѣлахъ, и чтобы на мѣсто господствующаго безпорядка водворилось повиновеніе. Наконецъ, она довершила свои неожиданности такою штукой, что онъ чуть-чуть не выскочилъ изъ своей броии.

— Каждый человѣкъ, слѣдующій за моимъ знаменемъ, долженъ исповѣдываться священнику и каяться въ своихъ грѣхахъ; всѣ новобранцы должны присутствовать два раза въ день при богослуженіи.

Съ добрую минуту Ля-Гиръ не могъ вымолвить ни слова; потомъ онъ сказалъ въ глубокомъ уныніи:

— О, милое дитя! Да, вѣдь, это—порожденіе ада, мои несчастные любимцы! Слушать обѣдню? Да они, моя дорогая, скорѣе проклянутъ насъ обоихъ!

И пошелъ изливаться такимъ краснорѣчивымъ потокомъ доводовъ и богохульствъ, что Жанна не выдержала: она расхохоталась такъ, какъ не смѣялась съ того времени, когда рѣзвилась на пастбищахъ въ Домреми. Пріятно было слушать это.

Но она настаивала на своемъ: и воинъ уступилъ, говоря, что онъ долженъ слушаться ее и приложить всѣ свои силы къ исполненію ея приказаній. Потомъ онъ подкрѣпился взрывомъ страшной ругани и сказалъ, что свернетъ голову всякому, кто не захочетъ отречься отъ своихъ грѣховъ и вести въ лагерѣ богоугодный образъ жизни. Это опять не понравилось Жаннѣ: она, какъ видите, желала, чтобъ все дѣлалось въ благопріятствіи. Она никакъ не согласилась бы на такое обращеніе въ вѣру: она говорила, что оно должно быть добровольнымъ.

Ля-Гиръ сказалъ, что это вѣрно: онъ-де и не намѣренъ убивать доброхотныхъ; онъ имѣетъ въ виду только непослушныхъ.

Всё-равно, никого изъ нихъ не слѣдуетъ убивать: этого Жанна не хотѣла. Она говорила, что если человѣку предоставляется исправляться подъ угрозой смертной казни въ случаѣ неповиновенія, онъ чувствуетъ себя болѣе или менѣе подъ гнетомъ, а она, наоборотъ, желаетъ, чтобы люди чувствовали себя совершенно свободными.

Воинъ вздохнулъ и сказалъ, что объявитъ объ обѣднѣ, но выразилъ сомнѣніе, найдется ли въ лагерѣ человѣкъ, болѣе склонный присутствовать при ней, чѣмъ онъ самъ. Тутъ его постигла другая неожиданность. Жанна сказала:

— Но вы-то, дорогой мой, *вы*, вѣдь, исполните это!

— Я? Ни за что! Вѣдь, это сумасшествіе!

— О нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Вы пойдете два раза въ день къ обѣднѣ.

— Что это? Во снѣ ли я? Пьянъ ли? Или обманываетъ меня слухъ?... Какъ! Да я скорѣй пойду въ...

— Не говорите, куда. Утромъ вы начнете, а тамъ ужъ пойдетъ

легко. А теперь *не будьте* такъ опечалены. Скоро вы ужъ не будете и думать объ этомъ.

Ля-Гиръ хотѣлъ развеселиться, но ему не удалось. Онъ вздохнулъ, какъ вѣтерокъ, и наконецъ сказалъ:

— Хорошо, я это сдѣлаю ради васъ, но если бы пришлось для другого, то клянусь...

— Не божитесь! Бросьте это!

— Бросить божиться? Невозможно! О, умоляю васъ, не... не... О, генералъ мой, ужъ это, видите, моя врожденная рѣчь!

Онъ такъ настоятельно просилъ помилованія за свой недостатокъ, что Жанна разрѣшила ему сохранить его отчасти: она позволила ему божиться своимъ жезломъ,—символомъ его генеральскаго чина.

Онъ обѣщалъ клясться въ ея присутствіи только своимъ жезломъ и постараться вообще исправиться, но сомнѣвался, удастся ли ему бросить такую старую, закоренѣлую привычку, ставшую потребностью, даже утѣшеніемъ его преклонныхъ лѣтъ.

Грозный старый левъ оставилъ её порядочно усмиреннымъ и прирученнымъ, не скажу—мягкимъ и кроткимъ: эти выраженія какъ-то не подходятъ къ нему. Ноэль и я думали, что какъ только онъ ускользнетъ отъ вліянія Жанны, старыя привычки опять возобладаютъ: онъ не будетъ въ состояніи побѣдить ихъ и не пойдетъ къ обѣднѣ. Мы пошли рано утромъ посмотрѣть.

Ну, онъ и вправду пришелъ. Невѣроятная вещь! Но это былъ онъ. Онъ шагалъ взадъ и впередъ по церкви, сердито исполняя свой долгъ, и смотрѣлъ такъ набожно, какъ только могъ, но ворчалъ и бранился, какъ бѣсъ. Это было новое доказательство старой истины: кто только внималъ голосу Жанны д'Аркъ, кто смотрѣлъ въ ея глаза, тотъ подпадалъ ея чарамъ и ужъ не принадлежалъ себѣ.

И такъ, видите, Сатана былъ обращенъ. Ну, а остальные послѣдовали за нимъ. Жанна объѣзжала лагерь; и гдѣ ни показывался этотъ прекрасный юный образъ, въ своемъ прекрасномъ вооруженіи, съ милымъ лицомъ, придающимъ видѣнію прелесть и совершенство, дикой рати казалось, что передъ нею самъ богъ войны, низшедшій съ облаковъ. И сначала они дивились, потомъ стали поклоняться. Послѣ того она могла дѣлать съ ними, что̀ хотѣла.

Черезъ три дня лагерь былъ чистъ и спокоенъ; и эти варвары собирались два раза въ день на богослуженіе, какъ хорошія дѣти. Женщины ушли. Ля-Гиръ былъ ошеломленъ такими чудесами: они были ему непонятны. Онъ выходилъ изъ лагеря, когда ему нужно было божиться. По природѣ и привычкамъ, онъ былъ человѣкомъ порочнымъ, но въ немъ былъ суевѣрный страхъ передъ святыми мѣстами.

Восторгъ и благоговѣніе преобразованнаго войска передъ Жанной, а также возбужденная ею страсть сразиться съ непріятелемъ превосходили все, чтò только видалъ Ля-Гиръ на своемъ долгомъ военномъ вѣку. Онъ не былъ въ состояніи выразить словами свое удивленіе, свой восторгъ передъ всѣмъ этими таинственными чудесами. До сихъ поръ онъ дешево цѣнилъ это войско, но теперь его гордость и самоувѣренность не знали предѣловъ. Онъ говорилъ:

— Два-три дня тому назадъ они были трусливы, какъ зайцы, а теперь—хоть веди ихъ осаждать врата ада.

Жанна и онъ были неразлучны и представляли странную, но привлекательную противоположность. Онъ былъ такъ дюжъ, она—такъ мала; онъ сѣдъ и имѣлъ уже большую часть своего жизненнаго пути за собой, она такая молоденькая; его лицо было бронзоваго цвѣта и покрыто шрамами, у нея же такое милое и нѣжное, такое свѣжее, розовое личико; она ласкова, онъ суровъ; она такъ чиста и невинна, онъ—воплощеніе грѣховъ. Ея глаза были полны милосердія и состраданія, въ его глазахъ сверкали молніи; кого она обдавала своимъ блескомъ, тому казалось, что на него нисходитъ благословеніе и миръ Божій, отъ него-же вѣяло чѣмъ-то совершенно другимъ.

Они объѣзжали лагерь десять разъ въ день, заглядывали въ каждый уголокъ, осматривали, наблюдали, исправляли; и гдѣ только ни появлялись они, всюду слышался взрывъ восторга. Они держались рядомъ, онъ съ своей тушей мяса и мускуловъ, она — дивный образъ легкости и изящества; онъ—крѣпость изъ заржавленнаго желѣза, она—серебряная статуэтка. И когда исправленные мошенники и бродяги встрѣчались съ ними, они говорили о нихъ любовно, привѣтливо, восклицая:

— Вотъ они—Сатана и Оруженосецъ Христа!

Эти три дня, которые мы провели въ Блуа, Жанна ревностно и неутомимо старалась возбудить въ Ля-Гирѣ любовь къ Богу, освободить его изъ сѣтей грѣха, вдохнуть въ его буйное сердце ясность и миръ религіи. Она уговаривала, она просила, она умоляла его молиться. Онъ же, въ эти три дня нашей стоянки, стоялъ на своемъ, жалостно умоляя, чтобы его оставили въ покоѣ, чтобы отъ него не требовали такого дѣла, такого невозможнаго дѣла. Онъ сдѣлаетъ что-нибудь другое... что̀ угодно. Прикажи она все—и онъ будетъ слушаться... Скажи она слово—и онъ пойдетъ для нея въ огонь. Но избавьте его отъ этого, только отъ этого одного... Вѣдь, онъ не можетъ молиться: онъ никогда не молился; онъ не знаетъ даже, какъ молятся; у него нѣтъ словъ, чтобы сложить молитву.

И повѣрите ли?—она и тутъ взяла верхъ, одержала неимовѣрную побѣду. Она заставила Ля-Гира молиться. Не было, кажется, ничего невозможнаго для Жанны д'Аркъ. Да, онъ стоялъ предъ ней, съ поднятыми вверхъ руками, покрытыми желѣзомъ, и—шепталъ молитву. И эта молитва была не заимствованная, а его собственная: у него не было никого, кто бы составилъ для него молитву. Онъ самъ выдумалъ такую:

— Милостивый Господь Богъ, прошу тебя дѣлать для Ля-Гира то, что̀ онъ сдѣлалъ бы, еслибы ты былъ Ля-Гиромъ, а онъ — Богомъ! (33).

Тутъ онъ надѣлъ свой шлемъ и вышелъ изъ палатки Жанны такимъ удовлетвореннымъ, какъ будто уладилъ сложное, трудное дѣло къ удовольствію и удивленію всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ.

Если бы я зналъ, что онъ только-что молился, я бы понялъ причину его вдохновеннаго состоянія; но я этого, конечно, не зналъ.

Я пришелъ къ палаткѣ въ ту минуту, когда онъ вышелъ оттуда, и видѣлъ, какъ величественно онъ ушелъ: то было прекрасное, поистинѣ восхитительное зрѣлище! Но когда я подошелъ къ двери палатки, я остановился и бросился назадъ въ огорченіи и испугѣ: мнѣ показалось, что Жанна плачетъ, какъ бы мучимая несносною душевною болью, словно она видѣла смерть предъ собою. Но я ошибся: она смѣялась, она хохотала надъ молитвой Ля-Гира.

Я узналъ это лишь тридцать шесть лѣтъ спустя. И, увы, я плакалъ, когда изъ туманнаго марева давно-прошедшаго времени

предъ моимъ взоромъ возстала эта картина молодой, беззаботной веселости. Вѣдь, затѣмъ насталъ день, когда смѣхъ, этотъ даръ Божій, покинулъ меня на всю мою жизнь...

ГЛАВА XIII.

Испорченный походъ подъ Орлеанъ.

Величаво, съ большой военной силой выступили мы по направленію къ Орлеану. Наконецъ-то началось осуществленіе великой мечты Жанны! Многіе изъ насъ, молоденькихъ, видѣли армію въ первый разъ; и это было для насъ величественное, подавляющее зрѣлище. И вправду, какое вдохновляющее явленіе эта безконечная колонна, простирающаяся на громадное пространство и извивающаяся по изворотамъ дороги, какъ огромная змѣя! Жанна съ ея личной свитой ѣхала во главѣ, затѣмъ слѣдовала кучка священниковъ, пѣвшихъ «Veni Creator» и подымавшихъ хоругвь со крестомъ, а дальше—лѣсъ блестящихъ копій. Нѣкоторые отряды были подъ начальствомъ великихъ арманьякскихъ генераловъ—Ля-Гира, маршала Буссака, сира де-Ретца, Флорана д'Илье и Потона де-Сентрайль.

Каждый былъ крутенекъ въ своемъ родѣ. Было три степени: крутой, покруче, наикрутѣйшій. И Ля-Гиръ былъ однимъ изъ послѣднихъ, чуть-чуть не самымъ послѣднимъ. Все это общество состояло, вѣдь, изъ знаменитыхъ отъявленныхъ разбойниковъ, которые, благодаря своей многолѣтней привычкѣ къ беззаконности, потеряли всякое понятіе о подчиненіи, если они вообще знали его когда-либо.

Отъ короля они получили строгій приказъ: «Слушаться главнокомандующаго во всемъ; не предпринимать ничего безъ ея вѣдома; ничего не дѣлать безъ ея приказанія».

Легко сказать! Эти свободныя птицы не знали никакого закона. Они рѣдко слушались короля; слушались только тогда, когда это было выгодно имъ. Станутъ они повиноваться Дѣвѣ! Во-первыхъ, они не будутъ знать, *какъ* повиноваться ей или кому бы то ни было. Во-вторыхъ, понятно, они не могли серьезно отнестись къ военному званію этой семнадцатилѣтней деревенской дѣвушки, которая изучала трудное и страшное военное дѣло—не смѣшно ли?—пася своихъ овецъ.

Имъ и въ голову не приходило повиноваться ей, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда ихъ многолѣтняя опытность и знаніе войны скажутъ имъ, что ея приказаніе вполнѣ разумно и вѣрно, согласно съ военными правилами. И можно ли было порицать ихъ за такое поведеніе? Я думаю, что нельзя. Старые, истрепавшіеся на войнѣ начальники — люди упрямые, практическіе. Имъ не легко повѣрить въ способность малоопытныхъ дѣтей вести войны и командовать войсками. Ни одинъ генералъ на свѣтѣ не отнесся бы серьезно (что касается войны) къ Жаннѣ до снятія ею осады съ Орлеана и послѣдующаго затѣмъ великаго луарскаго похода.

Считали ли они Жанну ничего не стоющей? О, нѣтъ! Они цѣнили ее, какъ плодоносная земля цѣнитъ солнце; они были вполнѣ увѣрены, что она можетъ произвести урожай, но что убрать его надлежитъ не ей, а имъ самимъ. Они глубоко и суевѣрно благоговѣли предъ ней, какъ передъ женщиной, одаренной чѣмъ-то таинственнымъ, сверхъестественнымъ, что̀ можетъ совершить великое дѣло, недоступное имъ: они вѣрили, что она можетъ вдохнуть жизнь и храбрость въ какіе-то трупы запуганнаго войска и превратить ихъ въ героевъ.

Они понимали, что были все *съ ней* и ничего—безъ нея: она могла вдохновлять солдатъ и приготовлять ихъ къ сраженію. Но могла ли она сама сражаться? Какой вздоръ! Ужъ это ихъ дѣло. Они, генералы, будутъ сражаться, Жанна дастъ побѣду. Это было ихъ мнѣніе—безсознательная передѣлка отвѣта, который Жанна дала доминиканцу.

И вотъ, они начали обманывать ее. У нея же былъ ясный планъ дѣйствій. Она предположила смѣло направиться къ Орлеану вдоль сѣвернаго берега Луары. Она дала своимъ генераламъ соотвѣтствующій приказъ. Они говорили себѣ: «Что за безумный планъ! Это — промахъ № 1. Больше и нечего было ожидать отъ ребенка, незнакомаго съ военнымъ дѣломъ». Они тайно передали это Побочному Орлеану. Тотъ также призналъ планъ не очень-то разумнымъ и посовѣтовалъ генераламъ какъ-нибудь обойти этотъ приказъ.

Они такъ и сдѣлали, вводя Жанну въ заблужденіе. Она довѣряла этимъ людямъ и не ожидала, даже не предвидѣла такого поступка

Это послужило ей урокомъ: она уже не дозволяла больше такъ играть собой.

Почему этотъ планъ показался ей исполнимымъ, а генераламъ— безумнымъ? Потому что она рѣшила немедленной битвой снять осаду. А они хотѣли осаждать осаждающихъ и голодомъ заставить ихъ сдаться, отрѣзывая имъ всѣ пути сообщенія: этотъ планъ потребовалъ бы для своего выполненія нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Англичане построили вокругъ Орлеана цѣпь сильныхъ укрѣпленій, называемыхъ «бастиліями», которыя замыкали всѣ ворота города, кромѣ однихъ (34). Французскимъ генераламъ показалось нелѣпымъ— пробиться черезъ эти укрѣпленія и ввести войско въ Орлеанъ: они думали, что это повлечетъ за собой гибель арміи. Съ военной точки зрѣнія, ихъ взглядъ былъ несомнѣнно правиленъ, т. е. *былъ бы* правиленъ, еслибы не одно обстоятельство, которое они упустили изъ виду. А именно: англійскіе солдаты пали духомъ отъ суевѣрнаго страха. Они порѣшили, что Дѣва была въ союзѣ съ Сатаной. Оттого смѣлость оставила ихъ въ значительной мѣрѣ и улетучилась. А солдаты Дѣвы были воодушевлены отвагой, восторгомъ и рвеніемъ.

Жанна могла бы пройти черезъ англійскія укрѣпленія. Но судьба рѣшила иначе. Жаннѣ не дали воспользоваться первымъ случаемъ нанести врагу своего отечества тяжелый ударъ.

Эту ночь она спала въ лагерѣ на землѣ, не снимая своего оружія. Ночь была холодная. И когда Жанна на слѣдующее утро выступила, она была почти такой же окоченѣлой, какъ ея оружіе: вѣдь, желѣзо не очень-то пригодно въ качествѣ одѣяла.

Но радость, что она ужъ такъ далеко на своемъ пути къ тому мѣсту, гдѣ должно совершиться ея посланничество, была достаточнымъ огнемъ, чтобы согрѣть ее.

Ея восторженность и нетерпѣніе возрастали съ каждой пройденной милей. Но они исчезли, когда мы достигли Оливэ: ихъ смѣнило негодованіе. Тутъ-то она поняла, какую штуку сыграли съ ней: рѣка лежала между нами и Орлеаномъ.

Она рѣшила напасть на одну изъ трехъ бастилій на нашей сторонѣ рѣки и пробиться къ защищаемому ею мосту, что̀, въ случаѣ удачи, заставило бы непріятеля снять осаду немедленно. Но

генералы были охвачены закоренѣлымъ страхомъ передъ англичанами: они умоляли Жанну бросить это рѣшеніе. Солдатамъ хотѣлось напасть, но имъ пришлось разочароваться. Мы двинулись впередъ и остановились насупротивъ Шеси, за шесть миль выше Орлеана.

Дюнуа, Побочный Орлеанъ, вышелъ изъ города со многими рыцарями и гражданами, чтобы привѣтствовать Жанну. Въ Жаннѣ еще кипѣла досада на обманъ, совершенный надъ ней: она не была расположена говорить любезно даже съ почтеннымъ военнымъ кумиромъ своего дѣтства. Она сказала:

— Вы—Побочный Орлеанъ?

— Да, это я. И я искренно радъ вашему прибытію.

— Не по вашему ли совѣту меня повели по сю сторону рѣки, вмѣсто того, чтобы идти прямо на Тальбота и англичанъ?

Ея гордое обращеніе смутило его: онъ не могъ отвѣтить быстро и самоувѣренно. Запинаясь и со многими льстивыми извиненіями, онъ признался, что онъ и остальные на совѣтѣ рѣшили такъ, по весьма основательнымъ военнымъ соображеніямъ.

— Клянусь Богомъ, совѣтъ Божій надежнѣе и мудрѣе вашего,— сказала Жанна. — Вы хотѣли обмануть меня, а обманули самихъ себя: вѣдь, я даю вамъ самую лучшую помощь, которая когда-либо доставалась на долю рыцарю или городу, — помощь Божію, ниспосланную не ради меня, а по волѣ Божіей. По молитвамъ св. Людовика и св. Карла Великаго, Онъ сжалился надъ Орлеаномъ и не хочетъ попустить, чтобы въ рукахъ непріятеля оставались и герцогъ Орлеанскій, и городъ. Съѣстные припасы, чтобы спасти народъ отъ голодной смерти, пришли; но лодки стоятъ ниже города: вѣтеръ противный; онѣ не могутъ добраться сюда. Скажите же мнѣ, ради Бога, вы, столь мудрые мужи, что̀ имѣлъ вашъ совѣтъ въ виду, выдумывая такую глупую помѣху?

Дюнуа и другіе пытались-было еще защищаться, но потомъ уступили, сознавая, что сдѣлали промахъ.

— Да, промахъ сдѣланъ, сказала Жанна. — И если Богъ не возьмется за дѣло, не перемѣнитъ вѣтра, не исправитъ вашей ошибки, тогда ужъ не придумаешь никакого другого исхода.

Нѣкоторые изъ этихъ господъ начали сознавать, что, при всемъ своемъ дѣловомъ невѣжествѣ, она обладаетъ здравымъ житейскимъ

смысломъ, и что, несмотря на ея природную мягкость и доброту, съ ней нельзя шутить.

Богъ и взялся тотчасъ же за исправленіе ошибки. Его милостью вѣтеръ перемѣнился. Флотилія лодокъ, нагруженныхъ съѣстными припасами и рогатымъ скотомъ, поднялась вверхъ по рѣкѣ и спустилась обратно: она доставила голодному городу это вожделѣнное пособіе. Этому помогла вылазка изъ города на бастилію Сенъ-Лу.

Тутъ Жанна снова обратилась къ Побочному:

— Ну, наше войско здѣсь. Такъ?

— Такъ.

— Оно находится на этой сторонѣ по волѣ вашего военнаго совѣта?

— Да.

— Такъ можетъ ли, ради Бога, вашъ премудрый совѣтъ объяснить: развѣ лучше, что оно тутъ, чѣмъ если бы оно лежало на днѣ морскомъ?

Дюнуа сдѣлалъ нѣкоторыя неудачныя попытки объяснить необъяснимое и извинить неизвинительное; но Жанна прервала его словами:

— Отвѣчайте мнѣ, добрый мой сударь, стóитъ ли войско чего-нибудь, находясь на этой сторонѣ рѣки?

Побочный сознавалъ, что оно тутъ ничего не стóитъ, принимая во вниманіе измышленный и начертанный ею планъ дѣйствія.

— И, зная это, вы смѣете ослушаться моихъ приказаній? Такъ какъ войско *должно* быть на той сторонѣ, то не укажете ли вы мнѣ, какъ ему туда перебраться?

Безполезность подвоха стала вполнѣ очевидна. Увертываться было напрасно. И Дюнуа согласился, что нѣтъ другой возможности исправить промахъ, какъ вернуть войско обратно въ Блуа и направить его, согласно первоначальному плану Жанны, снова по другой сторонѣ рѣки.

Такая побѣда надъ славнымъ старымъ воиномъ заставила бы другую дѣвушку немножко возгордиться, и это было бы простительно; но у Жанны не было такихъ наклонностей. Она проронила лишь нѣсколько словъ сожалѣнія о потерянномъ драгоцѣнномъ времени—и живо стала распоряжаться отступленіемъ. Она волновалась, слѣдя за движеніями войска. Она говорила себѣ: «Оно храбро и въ

великомъ восторгѣ; съ такимъ войскомъ не побоюсь стать лицомъ къ лицу со всѣми силами Англіи!»

Когда всѣ приготовленія къ возвращенію главнаго войска въ Блуа были сдѣланы, Жанна взяла Побочнаго, Ля-Гира и тысячу человѣкъ и спустилась къ Орлеану, гдѣ весь городъ дрожалъ отъ лихорадочнаго нетерпѣнія видѣть её. Было восемь часовъ вечера, когда она, съ своимъ отрядомъ и съ Паладиномъ, несшимъ ея штандартъ впереди, вступила въ Бургундскіе ворота. Она ѣхала на бѣломъ конѣ и держала въ рукѣ священный мечъ, найденный въ Фьербуа. Вотъ посмотрѣли бы вы тогда на Орлеанъ! Что за картина! Черное море головъ, звѣздное небо факеловъ, ураганъ привѣтствій, звонъ колоколовъ и громъ пушекъ! Чистое свѣтопреставленіе!

При свѣтѣ факеловъ, вездѣ были видны ряды поднятыхъ блѣдныхъ лицъ, по которымъ неудержимо текли слезы, съ широко открытыми ликующими ртами. Жанна медленно двигалась впередъ черезъ эту плотную громаду, выдаваясь своей миловидной фигурой надъ этой мостовою изъ головъ, какъ серебряная статуя. Народъ тѣснился вокругъ нея; и взоры восхищенныхъ мужчинъ и женщинъ были обращены на нее сквозь слезы, какъ на божественное существо. Признательная толпа безпрерывно цѣловала ея ноги; а кому не посчастливилось, тотъ прикасался рукой къ ея коню и цѣловалъ свои пальцы.

Чтò Жанна ни дѣлала, ничто не ускользало отъ ихъ вниманія: все было предметомъ разговоровъ и вызывало одобреніе. Все время слышались такія восклицанія:

— Вотъ... она улыбается... видишь?

— А вонъ она кому-то снимаетъ свою шляпочку съ перьями... О, какъ восхитительно, прелестно!

— Она погладила по головѣ своей рукавицей вонъ ту женщину!

— О, она родилась на конѣ!.. Посмотри только, какъ она вертится на сѣдлѣ и цѣлуетъ рукоятку своего меча, обращаясь къ дамамъ у того окна, которыя бросили ей цвѣты.

— А, вотъ, бѣдная женщина поднимаетъ своего ребенка... Жанна цѣлуетъ его... О, она божественна!

— Какая у нея очаровательная фигурка! Что за милое лицо— такое румяное и одушевленное!

Отъ факела загорѣлась бахрома длиннаго, легкаго значка Жанны, развѣвавшагося за ея спиной. Она наклонилась и задавила пламя своей рукой.

— Она не боится ни огня, ни чего хотите!—кричалъ народъ. И поднялась буря восторженныхъ рукоплесканій, отъ которыхъ задрожало всё кругомъ.

Она проѣхала въ соборъ и возблагодарила Бога; а народъ наполнилъ площадь и присоединился къ ея молитвѣ. Потомъ она продолжала свой путь, съ трудомъ продираясь сквозь толпы и лѣсъ факеловъ, къ дому Жака Бушэ, казначея герцога Орлеанскаго, жена котораго пригласила её гостить у нея во все время пребыванія въ городѣ и жить вмѣстѣ съ ея дочерью, какъ съ подругой. Толпа всю ночь продолжала безумствовать, при радостномъ звонѣ колоколовъ, при привѣтственномъ громѣ пушекъ.

Жанна д'Аркъ, наконецъ, выступила на свое поприще: она была готова начать.

ГЛАВА XIV.

Посланіе къ англичанамъ.—Въ новый походъ!

Она-то была готова; но ей приходилось сидѣть и ждать, пока соберется войско, съ которымъ можно будетъ дѣйствовать.

На слѣдующее утро, въ субботу, 30-го апрѣля 1429 г., она спросила о гонцѣ, который повезъ изъ Блуа ея воззваніе къ англичанамъ,—то, которое она продиктовала въ Пуатье. Вотъ списокъ съ него. Это—во многихъ отношеніяхъ замѣчательная бумага, возьмете ли вы ея дѣловую точность, или высокій духъ въ соединеніи съ сильнымъ слогомъ, или наивную вѣру въ свои силы исполнить чудовищную задачу, которую она возложила на себя, которая, вѣрнѣе, была возложена на нее. Въ этомъ воззваніи передъ вами вся роскошь войны, и слышится барабанная дробь. Тутъ весь воинственный духъ Жанны: добродушная, маленькая пастушка исчезаетъ навремя изъ виду. Эта неученая деревенская дѣвушка, вовсе не привыкшая диктовать что-нибудь, не говоря ужъ о государственныхъ посланіяхъ къ королямъ и генераламъ, такъ плавно изложила рядъ сильныхъ выраженій, словно это было ея постоянное занятіе съ самаго дѣтства!

Іисусъ, Марія!

Король Англіи, и вы, герцогъ Бедфордъ, именующій себя регентомъ Франціи, Уильямъ де-ля-Поль, герцогъ Соффолькъ и Томасъ лордъ Скэльсъ, считающійся намѣстникомъ названнаго Бедфорда,— оправдайтесь предъ Царемъ Небеснымъ! Передайте Дѣвѣ, посланной Богомъ, ключи всѣхъ добрыхъ городовъ, которые вы взяли насильно во Франціи! Она послана сюда самимъ Богомъ, чтобы возстановить права королевской крови. Она вполнѣ готова заключить миръ, если вы воздадите ей справедливость, т. е. оставите Францію и дадите вознагражденіе за то, что̀ забрали. И вы, лучники, боевые товарищи, благородные и простые, стоящіе предъ добрымъ городомъ Орлеаномъ, уходите съ Богомъ въ свою собственную страну, или ждите вѣстей отъ Дѣвы, которая скоро придетъ посмотрѣть на васъ, къ вашему великому огорченію. Король Англіи! Если вы не сдѣлаете этого, то знайте, что я—начальникъ войскъ, и гдѣ только найду вашихъ людей во Франціи, они волей-неволей будутъ выгнаны; и если не будутъ слушаться, я ихъ всѣхъ перебью, если же будутъ слушаться, я имъ прощу. Я послана Богомъ Царемъ Небеснымъ, выгнать васъ, одного за другимъ, изъ Франціи, на зло тѣмъ, которые замышляютъ измѣну и зло противъ королевства. Не думайте, чтобы вамъ когда-либо досталось владѣть королевствомъ волею Царя Небеснаго, Сына благословенной Маріи: король Карлъ будетъ сидѣть на престолѣ, ибо такова воля Божья, которую Онъ объявилъ ему черезъ Дѣву. Если же не повѣрите вѣстямъ, посланнымъ Богомъ черезъ Дѣву, то, гдѣ только ни встрѣтимъ васъ, неустрашимо будемъ драться и подымемъ такой гвалтъ, какого не было еще во Франціи въ теченіе всего этого тысячелѣтія. Повѣрьте, Богъ можетъ даровать Дѣвѣ бо̀льшую силу, чѣмъ ваша, которой вы хотите сражаться съ ней и съ ея храбрыми воинами; и тогда мы увидимъ, гдѣ правда—на сторонѣ ли Царя Небеснаго, или на вашей? Герцогъ Бедфордскій! Дѣва проситъ васъ: не губите сами себя! Если вы признаете ее правой, можете еще пойти вмѣстѣ съ ней туда, гдѣ французы совершатъ самый блестящій подвигъ, когда-либо виданный въ христіанскомъ мірѣ: если же нѣтъ, то скоро напомнятъ вамъ о вашихъ великихъ злодѣяніяхъ.

Этими заключительными словами она звала ихъ предпринять съ ней крестовый походъ, чтобы освободить Святой Гробъ.

Никакого отвѣта не получилось на это воззваніе, и самъ гонецъ не возвратился. Тогда Жанна послала двухъ глашатаевъ съ новымъ письмомъ, предупреждая англичанъ снять осаду и требуя отъ нихъ возвращенія пропавшаго гонца. Глашатаи пришли безъ него

Они принесли только предостереженіе Жаннѣ: англичане грозили, что тотчасъ поймаютъ и сожгутъ ее, если только она не уберется теперь же, пока еще есть время, и не «возвратится къ своему привычному занятію—пасти коровъ».

Она промолчала и только сожалѣла, что англичане своимъ упорствомъ наводятъ на себя вѣрное бѣдствіе и, пожалуй, погибель, въ то время, какъ она «прилагаетъ всѣ старанія, чтобы выпроводить ихъ изъ страны живыми».

Вдругъ ей пришло на умъ предложеніе, которое могло быть принято. Она сказала глашатаямъ:

— Возвратитесь и скажите лорду Тальботу отъ моего имени: «Выходите изъ своихъ бастилій съ своею ратью, а я приду со своей. Если я побью васъ, мирно оставьте Францію; если же вы осилите, то можете сжечь меня, согласно вашему желанію».

Я этого не слыхалъ, но слышалъ Дюнуа и разсказывалъ. Вызовъ не былъ принятъ.

Въ воскресенье утромъ, она, предупрежденная своими Голосами или другимъ вдохновеніемъ, послала Дюнуа въ Блуа, чтобы онъ сталъ во главѣ арміи и ударилъ на Орлеанъ. Это было благоразумное движеніе, потому что Реньо де-Шартръ и нѣкоторые другіе изъ безсовѣстныхъ любимцевъ короля уже всячески старались разогнать войско и препятствовали всѣмъ усиліямъ генераловъ Жанны вести его на Орлеанъ. Нечего сказать, хороша была эта кучка чудовищъ! Они обратились къ Дюнуа; но онъ помнилъ неудачу съ своей первой попыткой обойти Жанну и не желалъ больше вмѣшиваться въ такія дѣла. Онъ быстро двинулъ войска.

ГЛАВА XV.

Паладинъ въ разгарѣ. — „Орлеанская Роза“.

Мы, личная свита Жанны, были въ волшебномъ царствѣ въ эти немногіе дни, въ ожиданіи возвращенія войска. Мы посѣщали общество. Нашимъ двумъ рыцарямъ это не было новинкой, но для насъ, молодыхъ сельчанъ, открылась чудная, новая жизнь. Занимаемое нами положеніе при особѣ Вокулёрской Дѣвы доставляло

намъ высокій почетъ: всѣ искали нашего общества. Братья д'Аркъ, Ноэль и Паладинъ, эти скромные крестьяне дома, стали здѣсь благородіями, важными, вліятельными личностями. Пріятно было посмотрѣть, какъ скоро ихъ деревенская застѣнчивость и неуклюжесть улетучились подъ ласковымъ солнцемъ почета и какъ легко и ловко они свыклись съ своимъ новымъ воздухомъ. Паладинъ былъ самымъ счастливымъ человѣкомъ на земномъ шарѣ. Его языкъ былъ въ вѣчномъ движеніи, и онъ съ каждымъ днемъ все больше и больше восхищался собственнымъ краснорѣчіемъ. Онъ сталъ прибавлять себѣ предковъ и всюду сыпалъ ими, прославляя ихъ направо и налѣво: уже доходило до того, что чуть не всѣ они состояли изъ герцоговъ.

Паладинъ выкопалъ свои старыя сраженія, прикрашивая ихъ новымъ блескомъ, а также небывалымъ ужасомъ: онъ прибавилъ теперь артиллерію. Мы увидѣли пушки въ первый разъ въ Блуа, гдѣ ихъ было лишь нѣсколько штукъ; тутъ же ихъ оказалось множество. И отъ времени до времени передъ нами открывалось поразительное зрѣлище: огромная англійская бастилія уходила изъ виду за горой дыма, исходящаго изъ ея пушекъ и смѣшаннаго съ потоками краснаго пламени. Эта величественная картина, въ соединеніи съ громовыми ударами, бухавшими изъ нѣдръ бастиліи, воспламеняли воображеніе Паладина: они заставляли его такъ восторженно разрисовывать засадныя стычки нашихъ, что ужъ никто не могъ и повѣрить,— развѣ только тотъ, кто не присутствовалъ при нихъ.

Можно подозрѣвать, что столь великія усилія Паладина были вызваны еще особеннымъ вдохновеніемъ: оно такъ и было. То была восемнадцатилѣтняя дочь хозяина, Катерина Бушэ, пріятная, милая въ обращеніи и очень красивая дѣвушка. Я думаю, она была бы такъ же красива, какъ Жанна, если бы у нея были глаза Жанны. Но это было невозможно. Была всего одна пара такихъ глазъ, и больше ужъ никогда не будетъ такихъ. Глаза Жанны были глубоки, роскошны, чудны,— выше всего земнаго. Они говорили на всѣхъ языкахъ и не нуждались въ словахъ. Они производили всякія впечатлѣнія—и только своимъ блескомъ, однимъ блескомъ. То былъ блескъ, который могъ уличить лгуна и заставить его признаться во лжи; онъ могъ сломить высокомѣріе гордеца и сдѣлать его смиреннымъ; онъ могъ внушить храбрость трусу и отнять ее у храбреца; онъ

могъ укротить гнѣвъ и злѣйшую ненависть; онъ могъ приказать бурѣ страстей успокоиться — и его слушались; онъ могъ заставить сомнѣвающагося вѣрить и въ сердцѣ безнадежнаго воскресить надежду; онъ могъ очищать нечестивую мысль. Наконецъ, онъ могъ убѣждать... Да, да, *убѣжденіе* — вотъ настоящее слово! Гдѣ тѣ или тотъ, кого онъ не могъ бы убѣдить? Помѣшанный въ Домреми, изгоняющій фей попъ, почтенный Тульскій судъ, недовѣрчивый и суевѣрный Ляксаръ, упрямые старые служаки изъ Вокулёра, безвольный наслѣдникъ Франціи, мудрецы и ученые парламента и университета въ Пуатье, исчадіе Сатаны—Ля-Гиръ, самовольный Побочный Орлеанъ, привыкшій считать только свои поступки вѣрными и разумными,—вотъ побѣдные знаки этого великаго дара, благодаря которому она была такъ чудесна и таинственна!

Мы дружно смѣшивались съ огромной толпой, которая стекалась къ большому дому, чтобы познакомиться съ Жанной, и оказывала намъ великія почести; мы были, такъ сказать, на седьмомъ небѣ. Но это счастье ничего не значило въ сравненіи съ тѣми спокойными часами, когда посѣтители уходили и семейство да нѣсколько дюжинъ друзей собирались, чтобы вмѣстѣ провести время. Тогда мы, пятеро самыхъ младшихъ, всячески старались занимать общество, пуская въ ходъ всю нашу любезность, которая, главнымъ образомъ, относилась къ Катеринѣ. Никто изъ насъ еще не былъ влюбленъ до тѣхъ поръ; но, вотъ, мы, къ несчастью, всѣ одновременно влюбились въ одну и ту же особу, — влюбились въ первый мигъ, какъ только увидѣли ее. Она была веселаго нрава и очень жизнерадостна. Съ нѣжностью вспоминаю объ этихъ немногочисленныхъ вечерахъ, когда я позволялъ себѣ участвовать въ ея миломъ обществѣ и подружиться съ этимъ маленькимъ кружкомъ прелестныхъ людей.

Въ первый вечеръ мы всѣ ревновали къ Паладину: своими чудесными разсказами о собственныхъ бояхъ онъ все привлекалъ къ себѣ; нечего было и думать, при немъ, обратить на себя чье-либо вниманіе. Всѣ эти люди жили цѣлыхъ семь мѣсяцевъ на настоящей войнѣ: они готовы были слушать до могилы этого пустого исполина, когда онъ излагалъ свои воображаемые походы и чудесно плавалъ въ крови, капли которой брызгали кругомъ. Катерина была

внѣ себя отъ истиннаго восхищенія. Правда, она не смѣялась громко,—что̀ намъ, конечно, было бы очень желательно; зато она такъ тряслась, скрываясь за вѣеромъ, что мы опасались, какъ бы ея ребра не выскочили изъ спины. А когда Паладинъ покончилъ съ своимъ сраженіемъ, и мы вздохнули благодарно въ надеждѣ, что теперь настанетъ перемѣна, она заговорила съ нимъ такъ любезно и заманчиво, что во мнѣ все взорвало. Она освѣдомлялась о разныхъ мелочахъ начала сраженія, которое, видите-ли, очень заняло ее. Она просила его быть столь добрымъ снова описать ей этотъ случай, да только поподробнѣе. Ну, и вся битва опять обрушилась на насъ, да еще прибавилась сотня выдумокъ, которыя въ первый разъ были пропущены.

Не знаю, какъ изобразить вамѣ страданія, которыя мучили меня. Я никогда не зналъ ревности. Но я не могъ перенести мысли, что такое великое счастье выпадетъ на долю недостойной твари, а я долженъ держаться въ сторонѣ и быть пренебреженнымъ, — я, жаждущій хоть малѣйшаго изъ тысячи знаковъ вниманія, которыми эта возлюбленная дѣвушка осыпала его. Я находился подлѣ нея и попробовалъ было два-три раза заговорить о дѣяніяхъ, совершенныхъ *мною* въ тѣхъ сраженіяхъ—и, право, устыдился самого себя за такую работу. Но она ни о чемъ не хотѣла знать, кромѣ его сраженій и не слушала меня. А когда, при одной изъ моихъ попытокъ, ей пришлось упустить какую-то драгоцѣнную ветошь изъ его вранья, она попросила его повторить. Конечно, опять началась потѣха, съ увеличившимся въ десять разъ разореніемъ и рѣзней. Я чувствовалъ себя такъ униженнымъ этой жалкой неудачей, что махнулъ рукой и ужъ больше не пробовалъ.

Остальные были также возмущены себялюбивымъ поведеніемъ Паладина, въ особенности же его великимъ счастьемъ: въ послѣднемъ-то, пожалуй, и было все дѣло. Мы вмѣстѣ разсуждали о нашемъ горѣ. Это естественно: соперники становятся братьями, когда ихъ постигаетъ общая бѣда или побѣждаетъ общій врагъ.

Всякій изъ насъ могъ бы сдѣлать кое-что, что̀ понравилось бы и выдвинуло бы его, если бы не этотъ человѣкъ, который пользовался всѣмъ временемъ и мѣшалъ всякому другому. Я написалъ стихотвореніе, надъ которымъ просидѣлъ цѣлую ночь. Въ немъ я

весьма удачно и тонко воспѣвалъ прелести восхитительной дѣвушки, не называя ея имени, но такъ, что каждый могъ бы его угадать. Ужъ одно его названіе—«Орлеанская Роза»—открыло бы его, какъ мнѣ казалось. Здѣсь описывалась чистая, прелестная бѣлая роза, выростающая на грубой почвѣ войны и смотрящая своими нѣжными глазками на ужасную работу смерти. И—обратите вниманіе на эту мысль—и, краснѣя отъ грѣшной природы человѣка, она *становится красной* въ одну ночь. Видите ли, была бѣлая роза, а стала красная! Мысль была моя собственная, и совершенно новая. Затѣмъ роза распространяетъ свое сладкое благоуханіе надъ осажденнымъ городомъ—и непріятель, почуявъ его, *бросаетъ свое оружіе и начинаетъ плакать*. Эта идея также была моя, и новая.

Этимъ заканчивалась первая часть стихотворенія. Дальше я еще сравнивалъ ее съ небомъ,—не со всѣмъ небомъ, а съ кускомъ его. Это было такъ. Она была луна, и всѣ звѣзды кружились вокругъ, сгорая отъ любви къ ней. Но она не останавливалась, не внимала: думали, что она любитъ другого. Полагали, что она любитъ бѣднаго, недостойнаго поклонника на землѣ, который не боялся опасности, смерти, всевозможныхъ увѣчій въ кровавомъ бою и безустанно боролся со злымъ врагомъ, чтобы спасти её отъ слишкомъ ранней смерти, а городъ ея—отъ разоренія. И когда ея преслѣдователи, опечаленныя звѣзды, узнали о стрясшейся надъ ними великой бѣдѣ (обратите вниманіе на эту мысль!), ихъ сердца разорвались. И хлынули изъ нихъ слезы, наполнившія небесный сводъ пламенемъ: эти слезы—*падающія звѣзды*.

То была отчаянная, но красивая мысль, красивая и трогательная, восхитительно трогательная, какъ я ее выражалъ въ стихахъ и по всѣмъ правиламъ. Въ концѣ каждаго стиха былъ припѣвъ въ двухъ строкахъ, сожалѣющій бѣднаго земного возлюбленнаго, который былъ такъ далеко и, быть можетъ, навсегда, отъ нея, которую онъ такъ горячо любилъ: онъ, бѣдняга, становился все блѣднѣе, слабѣе и тоньше отъ душевныхъ мукъ, приближаясь къ страшной смерти... Ужасно трогательная вещь! И какъ Ноэль произносилъ эти строки! Даже парни съ трудомъ удерживали слезы. Все стихотвореніе распадалось на двѣ части: первую, что̀ съ розой, можете назвать садоводной, если только это—не слишкомъ длинное названіе для столь-

маленькой работы; вторая была астрономическая. Въ садоводствѣ было восемь пѣсенъ, по четыре строчки каждая; а въ астрономіи— тоже восемь. Всего шестнадцать пѣсенъ.

Я могъ бы написать и сто пятьдесятъ, если бъ понадобилось: такъ я былъ полонъ вдохновенія и прекрасныхъ мыслей и мечтаній! Но это было бы слишкомъ много, чтобы пѣть или говорить передъ обществомъ; шестнадцать же было какъ разъ въ пору и могло быть, по желанію, повторено.

Товарищи были поражены, что я могъ изъ собственной головы написать такое стихотвореніе. Я, конечно, былъ не менѣе радъ: оно было для меня такою же нечаянностью, какъ и для другихъ; я не подозрѣвалъ, что этотъ даръ кроется во мнѣ. Если бы наканунѣ того дня спросили меня, есть ли у меня этотъ даръ, я бы чистосердечно отвѣчалъ: «нѣтъ, у меня его нѣтъ».

Такъ-то бываетъ съ людьми... Мы можемъ прожить половину жизни, не зная, что то-то въ насъ кроется, между тѣмъ какъ оно лежало въ насъ все время и требовало только извѣстнаго случая, чтобы прорваться наружу. Именно такъ всегда было въ нашемъ семействѣ. У моего дѣдушки былъ ракъ; и никто не зналъ до его смерти, что̀ съ нимъ, да онъ и самъ тоже не зналъ. Удивительно, какъ дарованія и болѣзни могутъ таиться такимъ образомъ! Въ данномъ случаѣ, недоставало только встрѣчи съ этой милой, вдохновительной дѣвушкой, чтобы стихотвореніе было написано. И мнѣ было такъ же легко набросать его, подбирать риѳмы и отдѣлывать, какъ бросить камнемъ въ собаку. Да, я все говорилъ бы, что такого дара во мнѣ нѣтъ, а онъ былъ.

Друзья были такъ восхищены и поражены мною, что не переставали говорить объ этомъ. Лучше всего имъ понравилось то, что такимъ путемъ можно будетъ перенять дѣло Паладина. Они забывали все въ своемъ желаніи затмить его, зажать ему ротъ. Ноэль Ренгэссонъ былъ, очевидно, внѣ себя отъ стихотворенія и желалъ, чтобы *онъ* могъ сочинять такъ же; но это было ему не подъ силу; онъ никакъ не могъ. Въ полчаса онъ зналъ его наизусть и произносилъ съ такимъ пыломъ, такъ прекрасно, что никто не слыхалъ ничего подобнаго. Онъ былъ какъ разъ одаренъ этой способностью,— этой, да еще умѣньемъ передразнивать. Онъ могъ говорить наизусть

лучше всѣхъ на свѣтѣ и могъ живьемъ изобразить Ля-Гира или кого вамъ угодно. Я же никогда не могъ говорить наизусть ни на грошъ. Когда я началъ было произносить это стихотвореніе, они не дали мнѣ кончить: Ноэль-де долженъ говорить, и никто другой. И такъ какъ я хотѣлъ, чтобы стихотвореніе произвело на Катерину и на все общество самое благопріятное впечатлѣніе, то сказалъ Ноэлю, чтобы онъ произнесъ его. Его радость была безгранична. Ему не вѣрилось, что я говорю серьезно; но я не шутилъ. Я сказалъ, что мнѣ достаточно, если будутъ знать, что я авторъ стихотворенія. Друзья съ ума сходили отъ восторга; а Ноэль ничего больше не желалъ, какъ имѣть успѣхъ у этого общества, доказать ему, что на свѣтѣ есть кое-что болѣе возвышенное и прекрасное, чѣмъ вранье о войнѣ.

Но какъ это устроить? Трудно было сказать. Мы выдумывали различные способы, обѣщавшіе успѣхъ, и выбрали, наконецъ, самый надежный. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы кто-нибудь вызвалъ Паладина, въ разгаръ вымышленнаго сраженія, и чтобы какъ только онъ выйдетъ, Ноэль занялъ его мѣсто и окончилъ сраженіе, точно подражая его слогу. Это въ высшей степени понравилось бы всѣмъ, пріобрѣло бы ему всеобщую благосклонность и привело бы ихъ въ настроеніе слушать стихи. Эти два успѣха вмѣстѣ погубили бы знаменоносца, во всякомъ случаѣ, измѣнили бы дѣло и доставили бы намъ, остальнымъ, надежду на будущее.

И вотъ, въ слѣдующій же вечеръ я выжидалъ въ сторонкѣ, пока Паладинъ дошелъ въ своемъ разсказѣ до того, какъ онъ, съ быстротой вихря, бросился, во главѣ своего отряда, на непріятеля. Тогда я вошелъ, одѣтый въ служебное платье, и объявилъ, что гонецъ отъ генерала Ля-Гира желаетъ поговорить со знаменосцемъ. Онъ оставилъ комнату. Ноэль сталъ на его мѣсто и сказалъ, что сожалѣетъ о перерывѣ, но что онъ самъ, къ счастью, также хорошо знакомъ съ ходомъ этого сраженія и, если ему позволятъ, охотно изложитъ его предъ собраніемъ. И, не дожидаясь позволенія, онъ превратился въ Паладина, — разумѣется, въ Паладина-карлика, — съ его сноровками, съ его голосомъ и тѣлодвиженіями, точка въ точку. Онъ прямо продолжалъ разсказъ о сраженіи; и никто не повѣрилъ бы такому ловкому и вмѣстѣ смѣшному подражанію, совершившемуся передъ пораженными слушателями. Они дошли до судо-

рогъ отъ хохота; слезы текли струйками у нихъ изъ глазъ. Чѣмъ больше они смѣялись, тѣмъ больше вдохновленный Ноэль растопыривалъ свою тему и надбавлялъ чудесъ, пока, наконецъ, смѣхъ не превратился въ визгъ. Самое дорогое изъ всѣхъ лицъ, Катерина Бушэ, была въ величайшемъ восторгѣ; и отъ нея уже не оставалось ничего, кромѣ вздоховъ и удушья. Это ли не побѣда? Да, это былъ настоящій Азенкуръ.

Паладинъ отсутствовалъ лишь нѣсколько минутъ: онъ сразу понялъ, что съ нимъ сыграли шутку, и вернулся. Приближаясь къ дверямъ, онъ услышалъ высокопарный голосъ Ноэля и понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ остановился, никѣмъ не видимый, близъ дверей и выслушалъ до конца все это представленіе. Поразительны были рукоплесканія, когда Ноэль окончилъ. Вся компанія не переставала хлопать, какъ помѣшанная, и требовала повторенія.

Ноэль же былъ ловокъ. Онъ зналъ, что самой лучшей подготовкой для стихотворенія, выражающаго глубокое, тонкое чувство и трогательную грусть, служитъ искренняя, отрадная веселость, какъ рѣзкая противоположность.

Онъ ждалъ, пока все стихло. Тогда лицо его стало серьезно и приняло трогательное выраженіе. И вдругъ лица всѣхъ сочувственно отрезвились: на нихъ изобразились изумленіе и любопытство. Тутъ онъ началъ тихимъ, но внятнымъ голосомъ вступительные стихи «Розы». Когда онъ произносилъ эти звучныя строки и очаровывалъ восхищенныя уши одной милой строкой за другой, можно было, въ глубокой тишинѣ, уловить восклицанія, раздававшіяся вполголоса со всѣхъ сторонъ: «Какъ мило! Какъ прекрасно! Какъ изящно!»

Между тѣмъ Паладинъ, который въ началѣ стихотворенія вышелъ на короткое время, вернулся и остановился въ дверяхъ. Онъ стоялъ, прислонясь своимъ громаднымъ тѣломъ къ стѣнѣ, и отупѣло глазѣлъ на чтеца. Когда Ноэль перешелъ ко второй части, и раздался этотъ разрывающій сердце припѣвъ, размягчавшій и трогавшій сердца всѣхъ слушателей, Паладинъ сталъ утирать слезы сначала одной, потомъ другой рукой. При слѣдующемъ повтореніи припѣва, онъ засопѣлъ, всхлипнулъ и началъ вытирать себѣ глаза рукавами камзола. Онъ сдѣлалъ это такъ явно, что привелъ Ноэля въ легкое замѣшательство и тѣмъ вызвалъ нерасположеніе общества къ

себѣ. При слѣдующемъ повтореніи, его совсѣмъ разорвало: онъ началъ мычать, какъ теленокъ, заглушая всякое впечатлѣніе и вызывая смѣхъ у многихъ. И съ нимъ становилось все хуже и хуже. Я никогда не видѣлъ такого зрѣлища. Онъ вытащилъ полотенце изъ-подъ своего камзола, началъ тереть имъ свои глаза и поднялъ адскій шумъ—рыдалъ, стоналъ, лаялъ, кашлялъ, фыркалъ, визжалъ, вылъ, собирался блевать; онъ кружился на пяткахъ, и все испускалъ этотъ звѣрскій крикъ, размахивая своимъ полотенцемъ, вытираясь имъ и выжимая его. Какое ужъ тутъ слушанье! Собственная мысль не была слышна. Ноэль былъ совершенно заглушенъ и замолчалъ, а собраніе чуть не лопнуло отъ смѣха. То было самое унизительное положеніе. Вдругъ я услышалъ рѣзкій звукъ, который обыкновенно раздается, когда человѣкъ, одѣтый въ броню, начнетъ возиться, и у моей головы разразился самый нечеловѣческій взрывъ смѣха, который когда-либо поражалъ барабанъ вашего уха. Я оглянулся: Ля-Гиръ стоитъ, съ рукавицами за спиной; голова закинута назадъ; челюсти такъ широко разверзты для выпусканія бури и грома, что становилось неприлично, ибо было видно все, что̀ находилось во рту.

Одна бѣда могла быть еще хуже этой — и она дѣйствительно постигла насъ: у другихъ дверей я увидѣлъ суматоху и смятеніе, а также поклоны и шарканье чиновниковъ и прислужниковъ, что̀ свидѣтельствовало о появленіи высокопоставленной особы: вошла Жанна д'Аркъ! Всѣ встали. Да! И каждый старался закрыть свой неприличный ротъ и держаться чинно и важно. Но когда увидѣли, что Дѣва сама начала смѣяться, всѣ благодарили Бога за эту милость: и снова загремѣло землетрясеніе.

Такія происшествія отравляютъ жизнь, и я не стану распространяться о нихъ. Успѣхъ стихотворенія совершенно изгладился.

ГЛАВА XVI.

Бѣглецъ—Карликъ.—Подъ Орлеаномъ.

Этотъ случай такъ подѣйствовалъ на меня, что на слѣдующій день я не могъ встать съ кровати. Всѣ остальные были въ такомъ же положеніи. Иначе кому-нибудь изъ насъ досталось бы то счастье,

которое выпало на долю Паладина въ этотъ день. Но извѣстно, что Богъ, въ своей милости, даетъ счастье людямъ, не благословеннымъ дарованіями, взамѣнъ ихъ недостатковъ, и заставляетъ болѣе одаренныхъ добиваться трудомъ и талантомъ того, что тѣмъ достается случайно. Это сказалъ Ноэль; и по-мнѣ онъ совершенно правъ.

Паладинъ день-деньской расхаживалъ по городу, чтобы любоваться, какъ толпа слѣдовала по его пятамъ, и въ восхищеніи слушать ея восклицанія: «Шш! Вотъ знаменосецъ Жанны д'Аркъ!» Онъ разговаривалъ со всякаго рода людьми. И вотъ, ему сообщили лодочники, что что-то происходитъ въ бастиліяхъ по другой сторонѣ рѣки. Онъ сталъ слѣдить и наткнулся взоромъ на перебѣжчика изъ крѣпости «Августинцы», который сказалъ ему, что англичанинъ хочетъ, пользуясь темнотой ночи, послать людей на нашу сторону для подкрѣпленія гарнизоновъ и что онъ ужъ торжествуетъ при мысли, что нападетъ на Дюнуа и его войско, когда они будутъ проходить у бастилій, и разобьетъ ихъ. И это легко могло случиться, такъ какъ тамъ не было «Волшебницы», которая своимъ присутствіемъ спасла бы войско отъ участи французскихъ армій послѣднихъ лѣтъ—бросать оружіе при видѣ англійскаго солдата и обращаться въ бѣгство.

Было десять часовъ вечера, когда Паладинъ пришелъ съ этой вѣстью и просилъ позволенія поговорить съ Жанной. Я уже всталъ и находился при исполненіи своихъ почныхъ обязанностей. Я былъ сильно опечаленъ, что это счастье не суждено было мнѣ. Жанна сдѣлала нѣсколько испытующихъ вопросовъ и, убѣдившись въ достовѣрности извѣстія, къ великой моей досадѣ, замѣтила Паладину:

— Ты хорошо сдѣлалъ: благодарю тебя. Быть можетъ, ты отвратилъ великое бѣдствіе. Твое имя и твоя заслуга будутъ доведены до всеобщаго свѣдѣнія.

Онъ низко поклонился; и когда выпрямился вновь, въ немъ было одиннадцать футовъ. Когда Паладинъ, весь надувшись, проходилъ мимо меня, онъ украдкой придавилъ себѣ пальцемъ глазъ и пробормоталъ, оскверняя припѣвъ моего стихотворенія:

— «О, слезы! Ахъ слезы! О, грустно-сладкія слезы! Слышите? Мое имя въ приказѣ по арміи. Оно лично доложено королю!..

Хотѣлось бы мнѣ, чтобы Жанна видѣла эту штуку; но она въ то время обдумывала, какъ ей теперь поступить. Вдругъ она велѣла мнѣ сходить за рыцаремъ Жаномъ изъ Меца. И черезъ минуту онъ поскакалъ въ квартиру Ля-Гира съ приказомъ, чтобы онъ, а также сьёръ де-Вильяръ и Флоранъ д'Илье, были готовы къ пяти часамъ слѣдующаго утра съ пятьюстами хорошо снаряженныхъ копейщиковъ. Исторія говоритъ, что — къ половинѣ пятаго, но это неправда: я самъ слышалъ приказъ.

Ровно въ пять часовъ мы выступили, а между шестью и семью встрѣтили, за двѣ-три льё отъ города, голову прибывающей колонны. Дюнуа обрадовался, такъ какъ съ приближеніемъ къ страшнымъ бастиліямъ, войско заартачилось и начало тревожиться. Все это сразу исчезло, какъ только по рядамъ волной пронеслась вѣсть, что Дѣва прибыла: всюду раздавалось ликующее ура! Дюнуа просилъ ее остановиться и сдѣлать смотръ колоннѣ, дабы ратники убѣдились, что извѣстіе объ ея прибытіи не было вымышлено съ цѣлью поднять ихъ духъ. Она, со своимъ штабомъ, расположилась въ сторонѣ отъ дороги; и ряды воинственно промаршировали мимо нея съ радостными кликами. Жанна была вся вооружена, кромѣ головы. Она носила хитрую бархатную шапочку, со множествомъ вьющихся бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ, ниспадавшихъ по ея краямъ,—подарокъ города Орлеана, поднесенный ей въ ночь ея прибытія: шапочка изображена на картинѣ, висящей въ ратушѣ Руана. Жанна казалась пятнадцатилѣтней. При видѣ солдатъ, у нея всегда закипала кровь; глаза загорались; теплый, густой румянецъ покрывалъ щеки. Въ такія-то минуты было ясно, что ея красота — неземная; во всякомъ случаѣ, въ этой красотѣ было что-то неуловимое, чтò отличало её отъ всякаго другого человѣческаго образа и возвышало надъ нимъ.

Въ вереницѣ повозокъ, нагруженныхъ продовольствіемъ, лежалъ человѣкъ на кучѣ всякаго добра. Онъ растянулся на спинѣ, связанный веревками по рукамъ и ногамъ. Жанна знакомъ подозвала къ себѣ офицера, командовавшаго той частью обоза. Онъ прискакалъ и отдалъ ей честь.

— Что это тамъ за связанный человѣкъ?—спросила она.

— Плѣнный, генералъ.

— Въ чемъ провинился онъ?

— Это—бѣглецъ.

— А что съ нимъ сдѣлаютъ?

— Его повѣсятъ. Но на походѣ это неудобно. Да и нечего спѣшить.

— Разскажите мнѣ о немъ!

— Это—хорошій солдатъ; но онъ просилъ позволенія посѣтить свою жену, которая, по его словамъ, лежала при смерти. Это не было ему разрѣшено, и онъ ушелъ безъ позволенія. Межъ тѣмъ мы выступили; и онъ догналъ насъ только вчера вечеромъ.

— Догналъ васъ? Онъ пришелъ добровольно?

— Да, онъ самъ пришелъ.

— И это — бѣглецъ? Да Богъ съ вами! Давайте его сюда, ко мнѣ!

Офицеръ поскакалъ. Онъ развязалъ плѣнному ноги и привелъ его со связанными руками. Что это былъ за парень! Навѣрно семи футовъ, и въ самый разъ для дѣла. У него было смѣлое лицо. Груда растрёпанныхъ черныхъ волосъ упали на плеча, когда офицеръ снялъ съ него шишакъ; оружіемъ служилъ ему большой топоръ за широкимъ кожанымъ поясомъ. Стоя у коня Жанны, онъ почти-что заслонялъ ее: его голова была почти наравнѣ съ ея головой. На его лицѣ лежала глубокая грусть: казалось, всѣ жизненныя надежды умерли въ этомъ человѣкѣ. Жанна сказала:

— Подыми руки!

Парень стоялъ съ поникшей головой. Онъ поднялъ ее, заслышавъ этотъ мягкій, привѣтливый голосъ. И на его лицѣ изобразилось какое-то упорное вниманіе, словно онъ услышалъ музыку и желалъ, чтобы она зазвучала снова. Когда онъ поднялъ вверхъ руки, Жанна хотѣла своимъ мечомъ разрѣзать его путы; но испуганный офицеръ вскрикнулъ:

— О, сударыня... мой генералъ!

— Что такое?—спросила она.

— Вѣдь, онъ осужденъ!

— Да, знаю. Я отвѣчаю за него.

И она разрѣзала веревки. Онѣ впились въ кисти его рукъ и были въ крови.

— Ахъ, бѣдняжка!.. Кровь... Я не люблю крови!—воскликнула она. Ужасъ овладѣлъ ею, но лишь на минуту.

— Дайте мнѣ что-нибудь, чѣмъ бы перевязать ему кисти!

Офицеръ сказалъ:

— О, мой генералъ! Не вамъ это дѣлать. Позвольте позвать кого-нибудь другого.

— Другого? *De par le Dieu* (клянусь Богомъ)! Вамъ долго пришлось бы искать, кто съумѣлъ бы сдѣлать это лучше меня: я, вѣдь, училась и на людяхъ, и на животныхъ. И связывать-то я умѣю лучше тѣхъ, чтò связали его: у меня веревки не впились бы въ мясо.

Парень молча смотрѣлъ, какъ его перевязывали, и только время отъ времени бросалъ украдкой взглядъ на лицо Жанны: такъ дѣлаетъ животное, которому оказывается ласка съ неожиданной стороны, стараясь осторожно разузнать, чтò это за притча. Свита забыла про ликующее войско, проносившееся предъ нею въ густой тучѣ пыли: она протягивала шеи, чтобы слѣдить за перевязкой, словно то была самая занимательная и удивительная новость на землѣ. Я часто наблюдалъ, какъ народъ весь погружается въ самую пустую бездѣлицу, если только ему покажется, что тутъ что-то выходящее изъ ряда вонъ. Я видѣлъ разъ здѣсь, въ Пуатье, какъ два епископа и съ дюжину важныхъ знаменитыхъ ученыхъ столпились предъ человѣкомъ, рисовавшимъ вывѣску надъ лавкой. Они стояли, не переводя духа, точно мертвые. Начало моросить, а они сначала и не замѣчали. А когда спохватились, каждый изъ нихъ испустилъ глубокій вздохъ, оглянулся и удивился, какъ это набралось столько народу и какъ онъ попалъ сюда... Да, такъ всегда бываетъ съ людьми, какъ я раньше сказалъ. Нѣтъ возможности понимать народъ. Нужно его брать, какъ онъ есть.

— Ну, — сказала, наконецъ, Жанна, довольная своимъ успѣхомъ:—никто, кажется, не могъ бы сдѣлать лучше, да даже и такъ, какъ я. Теперь разсказывай, чтò ты сдѣлалъ? Скажи все!

Великанъ началъ:

— Это было такъ, мой ангелъ. Моя мать умерла; потомъ, одно за другимъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, умерло у меня трое маленькихъ дѣтей. Съ голоду-то: съ другими случилось то же самое; такова ужъ была Божья воля. Я видѣлъ, какъ они умирали: Господь соблаго-

волилъ мнѣ это. И я похоронилъ ихъ. Потомъ наступилъ часъ и моей бѣдной жены. Я просилъ, чтобы мнѣ позволили пойти къ ней: вѣдь, она была такъ дорога мнѣ; она одна осталась у меня на свѣтѣ. Я просилъ на колѣняхъ. Но меня не пускали. Могъ-ли я оставить ее, въ часъ смерти, одну, безъ друга? Могъ-ли я оставить ее умирать съ мыслью, будто я не хотѣлъ придти? Развѣ *она* не пришла бы, если бы *я* былъ при смерти? Да лишь бы только ноги носили ее, она не пощадила бы своей жизни. О, она пришла бы, прошла бы сквозь огонь! И я пошелъ. Я видѣлъ ее. Она умерла на моихъ рукахъ. Я схоронилъ ее. Между тѣмъ, войско ушло. Трудно было догнать его. Но у меня длинныя ноги, и день тоже не коротокъ: я догналъ его въ прошлую ночь.

Призадумалась Жанна и сказала, какъ бы размышляя вслухъ:

— Все это похоже на правду. А если это правда, то не было бы большой бѣды поступиться закономъ на этотъ разъ: съ этимъ всякій согласится. Можетъ быть, это и не правда; но *если* это правда...

Она вдругъ обратилась къ парню и сказала:

— Я хочу видѣть твои глаза: посмотри сюда!

Ихъ глаза встрѣтились, и Жанна сказала офицеру:

— Этотъ человѣкъ помилованъ. Будьте счастливы! Вы можете идти.

Потомъ она спросила парня:

— Зналъ-ли ты, что тебя ожидала смерть по возвращеніи къ войску?

— Да, зналъ.

— Такъ почему-жъ ты вернулся?

Онъ отвѣчалъ совершенно просто:

— *Именно потому,* что меня ожидала смерть. Больше у меня ничего не оставалось: мнѣ ужъ нечего было любить.

— Развѣ нечего?.. А Франція? У дѣтей Франціи всегда есть мать: *имъ*-то есть что любить. Живи—и служи Франціи...

— Я хочу служить *вамъ!*

— Сражайся за Францію...

— Я хочу сражаться за *васъ!*

— Будь французскимъ солдатомъ...

— Я хочу быть *вашимъ* солдатомъ!

— Отдай все свое сердце Франціи...

— Я отдамъ *вамъ* все мое сердце... и всю мою душу, если только она у меня есть... и всю мою великую силу... Вѣдь, я былъ мертвымъ, а теперь ожилъ; у меня не было для чего жить, а теперь есть! Для меня вы — Франція! Вы — моя Франція, и никакая другая мнѣ не нужна.

Жанна улыбнулась. Она была тронута и удовлетворена серьезнымъ восторгомъ этого человѣка, — торжественнымъ восторгомъ, можно сказать, потому что онъ выражалъ его болѣе, чѣмъ серьезно! И она сказала:

— Хорошо, пусть будетъ по-твоему. Какъ тебя зовутъ?

Онъ отвѣчалъ просто, безъ улыбки:

— Меня называютъ Карликомъ, но, я думаю, только въ шутку.

Жанна разсмѣялась и сказала:

— Да, это и вправду похоже на шутку! На что тебѣ этотъ широкій топоръ?

Солдатъ отвѣтилъ съ прежней важностью: она была такъ естественна, что, быть можетъ, была ему врождена:

— Чтобы внушать людямъ уваженіе къ Франціи.

Жанна опять засмѣялась и сказала:

— А многихъ ужъ проучилъ ты?

— О, да, конечно, многихъ.

— Ну, а твои питомцы потомъ ужъ слушались тебя?

— Да, это успокоило ихъ: они стали совсѣмъ любезны и спокойны.

— Надѣюсь. А хочешь-ли быть на службѣ при мнѣ, — вѣстовымъ, часовымъ или кѣмъ-либо вродѣ этого?

— Хочу-ли я!?

— Ну, хорошо. Ты получишь надлежащее вооруженіе, и тебя научатъ твоей обязанности. Бери одну изъ тѣхъ подручныхъ лошадей и слѣдуй постоянно за штабомъ.

Такимъ-то образомъ Карликъ попалъ къ намъ. Это былъ добрый малый. Жанна не ошиблась, выбравъ его сразу. Не было человѣка вѣрнѣе его; а топоромъ своимъ онъ выдѣлывалъ такія штуки, словно самъ чертъ и чертовъ сынъ. Онъ былъ такой величины, что Паладинъ казался, въ сравненіи съ нимъ, обыкновеннымъ человѣкомъ.

Онъ искренно любилъ людей: и люди любили его. Онъ любилъ насъ, передовыхъ молодцовъ, любилъ рыцарей, любилъ всѣхъ и вся, съ кѣмъ только встрѣчался; но онъ заботился больше о срѣзанномъ съ пальца Жанны ногтѣ, чѣмъ о всемъ остальномъ мірѣ.

И подумайте, какъ мы нашли его! Растянутымъ на повозкѣ, въ ожиданіи смерти,—и не было человѣка, который замолвилъ бы слово за бѣднягу. Да, это была хорошая находка. Да что! Рыцари обходились съ нимъ, почти какъ съ равнымъ: это—святая правда! Вотъ какой былъ онъ человѣкъ! Они называли его то Бастиліей, то Адскимъ Огнемъ, за его пылъ и величавость въ бою. А, вѣстимо, они не дали бы ему такихъ лестныхъ именъ, если бы *не любили его* изрядно.

Для Карлика Жанна была Франціей, воплощеннымъ духомъ Франціи: отъ этой своей первоначальной мысли онъ ужъ никогда не могъ отдѣлаться. И, Богъ свидѣтель, это была сущая правда. Нужны были глаза простого человѣка, чтобы открыть такую великую истину, скрывавшуюся отъ всѣхъ. Мнѣ это показалось весьма замѣчательнымъ. А впрочемъ, вѣдь, это—то же самое, чтò дѣлаютъ и народы. Они олицетворяютъ любимое ими великое и благородное дѣло, чтобы видѣть его своими глазами. Вотъ, напримѣръ, Свобода (35). Народы не довольствуются туманной, отвлеченной мыслью, а изображаютъ ее въ прекрасной статуѣ: облюбованная ими мысль принимаетъ тѣлесныя формы; и они могутъ видѣть ее, преклоняться предъ ней. Такъ было и съ Карликомъ, какъ сказалъ я. Для него Жанна была нашей олицетворенной страной, видимой плотью въ дивномъ образѣ. Другіе видѣли въ ней Жанну д'Аркъ, онъ же—Францію.

Онъ иногда и называлъ ее такъ, говоря о ней. Это показываетъ вамъ, какъ жива была въ немъ эта мысль и какъ онъ былъ проникнутъ ею. Это имя обыкновенно придается нашимъ королямъ; но я не знаю ни одного изъ нихъ, который съ такимъ же правомъ, какъ Жанна, могъ бы носить сіе высокое званіе.

Смотръ войска окончился. Жанна опять стала во главѣ его и поѣхала впереди колонны. Когда мы начали проходить подъ грозными бастиліями и могли видѣть внутри ихъ людей, стоящихъ у своихъ пушекъ и готовыхъ послать смерть въ наши ряды, на меня напала такая слабость и робость, что все кругомъ, казалось, по-

темнѣло и сплывалось передъ моими глазами. Всѣ остальные также повѣсили головы,—кажется, и Паладинъ, хотя навѣрно не знаю: онъ былъ впереди меня, а я не смотрѣлъ въ сторону бастиліи, чтобы не испугаться еще больше.

Одна Жанна была, какъ у себя дома, можно сказать даже—въ раю. Съ бодрымъ видомъ сидѣла она на конѣ; и я видѣлъ, что она чувствовала не такъ, какъ я. Страшнѣе всего была тишина; ни одинъ звукъ не былъ слышенъ, кромѣ скрипѣнья сѣделъ да мѣрнаго топота и фырканья лошадей, страдавшихъ отъ удушливыхъ столбовъ пыли, которые онѣ подымали своими копытами. Мнѣ тоже хотѣлось чихнуть; но я, кажется, скорѣе пропалъ бы безъ чиханья и подвергся бы всякимъ пыткамъ, чтобы только не обратить на себя вниманія другихъ.

Не по моему чину было дѣлать замѣчанія другимъ; но я замѣтилъ бы, что, двигаясь скорѣе, мы гораздо спокойнѣе прошли бы мимо. Мнѣ казалось, что время было нехорошо выбрано для прогулки. Когда мы проходили, въ этомъ убійственномъ молчаніи, мимо большой пушки, стоявшей на возвышеніи за подгнившей рѣшеткой, какъ разъ въ ту минуту, когда между мною и пушкой не было ничего, кромѣ рва, изъ него вдругъ раздался необычайный ослиный крикъ. Я чуть не свалился съ лошади. Сиръ Бертранъ схватилъ меня налету; и это было кстати, потому-что съ земли я бы ужъ не поднялся самъ, въ своемъ вооруженіи. Англійскіе часовые на стѣнныхъ зубцахъ разразились грубымъ смѣхомъ, забывая, что всякій бываетъ новичкомъ и что было время, когда они сами также трепетали при ослиномъ крикѣ.

Англичане не издавали никакого звука и не сдѣлали ни одного выстрѣла. Впослѣдствіи говорили, что при видѣ Дѣвы, ѣхавшей, во всей ея красотѣ, впереди войска, пылкая отвага отчасти остыла у солдатъ, а отчасти и совсѣмъ-таки исчезла: они сознавали, что это — существо не смертное, а прямо-таки дитя Сатаны. Офицеры же были столь благоразумны, что и не пробовали гнать ихъ въ бой. Говорили также, что и нѣкоторые офицеры были охвачены этимъ суевѣрнымъ страхомъ. Какъ бы то ни было, они насъ ничуть не безпокоили; и мы мирно прошли мимо страшныхъ крѣпостей. Далѣе, въ теченіе похода, я возвратилъ себѣ всеобщее уваженіе,

которое было на ущербѣ. Въ концѣ концовъ, не все было потеряно, хотя ничего и не было выиграно мною.

Историки разсказываютъ, будто Дюнуа, во время этого похода, сказалъ Жаннѣ, что англичанинъ ожидаетъ подкрѣпленій подъ начальствомъ сэра Джона Фальстафа, и что она обратилась къ нему съ такими словамл:

— Побочный! Побочный! Прошу васъ во имя Божье, сообщите мнѣ объ его приходѣ, какъ только прослышите. А если онъ пройдетъ безъ моего вѣдома, вы потеряете свою голову!

Это можетъ быть и правда; я не отрицаю, хотя самъ не слышалъ этого. Но если Жанна дѣйствительно говорила такъ, то, по мнѣ, она хотѣла выразить, что онъ будетъ офиціально лишенъ головы, — т. е. что она лишитъ его начальства. Грозить товарищу смертью было не въ ея правѣ. У нея были, по отношенію къ своимъ генераламъ, извѣстныя сомнѣнія: вѣдь, она мечтала только о нападеніяхъ и схваткахъ, а они норовили стоять спокойно и брать англичанъ измором. Не убѣдившись еще въ ея способностяхъ, эти старые, опытные воины, конечно, желали слѣдовать скорѣе своимъ собственнымъ соображеніямъ, чѣмъ руководиться ея пріемами.

Но я слышалъ кое-что, о чемъ историки вовсе не упоминаютъ и что имъ совершенно неизвѣстно. Я слышалъ ея заявленіе, что южный берегъ сталъ самымъ выгоднымъ мѣстомъ военныхъ дѣйствій, въ виду того, что его гарнизоны уменьшились, выславъ подкрѣпленія на нашу сторону. Она и рѣшила направиться туда и напасть на крѣпости, защищающія мостъ, надѣясь, что этимъ будетъ возстановлено сообщеніе съ нашими собственными владѣніями, и что осада будетъ снята. Генералы начали-было мѣшать ей втихомолку, но они только смущали ее и замедлили дѣло на четыре дня.

Весь Орлеанъ встрѣчалъ войско у воротъ и провожалъ его съ ликованіемъ по улицамъ, украшеннымъ флагами, къ разнымъ квартирамъ. Но никому не пришлось укачивать солдатъ: они валились сами, усталые, какъ собаки. Дюнуа гналъ ихъ безъ милосердія и можно было быть увѣреннымъ, что въ теченіе сутокъ ничего, кромѣ храпѣнья, не выдастъ ихъ существованія.

ГЛАВА XVII.

Благоразуміе Паладина.--Оторопь подъ крѣпостями.

Когда мы пришли домой, завтракъ ожидалъ насъ, мелюзгу, въ нашей столовой; и наша семья оказала намъ честь откушать съ нами. Милый старикъ-казначей, да и всѣ мы трое, сгорали отъ самолюбиваго любопытства послушать о нашихъ приключеніяхъ. Никто не просилъ Паладина говорить, но онъ всё-таки началъ. Вѣдь, особенный военный чинъ, собственно для него учрежденный, ставилъ его выше всѣхъ членовъ личнаго штаба, за исключеніемъ стараго Олона, не кушавшаго съ нами: и онъ ни во что не ставилъ ни благородныхъ рыцарей, ни меня, и первый хватался за слово, когда только представлялась возможность, то-есть всегда, ибо онъ не могъ жить безъ этого. Онъ сказалъ:

— Мы, слава Богу, нашли войско въ превосходномъ состояніи. Я никогда не видалъ лучшаго стада животныхъ.

— Животныхъ?—спросила мадемуазель Катерина.

— Я вамъ объясню, что̀ онъ думаетъ,—сказалъ Ноэль.—Онъ...

— Прошу васъ не безпокоиться, затрудняя себя какими бы то ни было объясненіями за меня,—надменно прервалъ его Паладинъ.— У меня есть разумъ, чтобы думать...

— Онъ всегда таковъ,—сказалъ Ноэль.—Когда Паладинъ думаетъ, что у него есть разумъ для думанья, онъ думаетъ, будто онъ думаетъ; но это ошибка. Онъ вовсе не видѣлъ войска. Ужъ я указалъ ему на него, и онъ все-таки не видѣлъ его. Его терзалъ старый недугъ.

— Какой у него старый недугъ? спросила Катерина.

— Благоразуміе,—сказалъ я, видя, что пришла моя очередь помочь дѣлу.

Но это было неудачное замѣчаніе, ибо Паладинъ сказалъ:

— Кажется, не ваше дѣло—разсуждать о благоразуміи другихъ: вы, вѣдь, валитесь съ лошади, когда закричитъ оселъ.

Всѣ разсмѣялись; и мнѣ стало стыдно за мою необдуманную остроту. Я сказалъ:

— Не хорошо съ вашей стороны говорить, будто я упалъ съ лошади отъ крика осла. Это было волненіе, самое простое волненіе.

— Ладно. Если хотите называть это такъ, пусть-себѣ: мнѣ все-равно. А какъ по вашему, сиръ Бертранъ?

— Это... это, что бы это ни было, но, по мнѣ, это было простительно. Въ жаркомъ рукопашномъ бою каждый изъ васъ умѣетъ дѣлать свое дѣло; и тутъ вамъ не приходится стыдиться. Но идти, сложа руки, навстрѣчу смерти, и кругомъ полнѣйшая тишина,—ни шума, ни музыки: это—поистинѣ тяжелое положеніе. На вашемъ мѣстѣ, де-Контъ, я назвалъ бы это волненіе настоящимъ именемъ: тутъ нечего стыдиться.

Я впервые слышалъ такія правдивыя и чувствительныя слова; и я былъ ему благодаренъ за указанный мнѣ выходъ. Я рванулся впередъ и сказалъ:

— Это былъ страхъ, благодарю васъ за честную мысль!

— Это былъ самый благородный, лучшій выходъ,—сказалъ старый казначей.—Вы хорошо сдѣлали, мой милый.

Это поддержало меня. И когда Катерина сказала: «Да, и я такъ думаю», я былъ благодаренъ себѣ за то, что подвергъ себя этой пыткѣ.

Сиръ Жанъ изъ Меца сказалъ:

— Мы какъ разъ были всѣ вмѣстѣ, когда закричалъ оселъ. И въ ту минуту царила страшная тишина. Я не видѣлъ, чтобы кто-либо изъ молодыхъ участниковъ похода могъ избѣгнуть волненія такого рода.

Онъ оглянулся кругомъ; и на его добромъ лицѣ лежало пріятное вопросительное выраженіе. И кому только онъ смотрѣлъ въ глаза, тотъ кивалъ головой въ знакъ согласія. Кивнулъ самъ Паладинъ. Это удивило всѣхъ и спасло честь Знаменосца. Онъ поступилъ ловко. Никто бы не повѣрилъ, что онъ можетъ *такъ* сказать непривычную ему правду, или даже посвоему сказать правду, съ привычкой или безъ привычки. Я думаю, что онъ хотѣлъ произвести благопріятное впечатлѣніе на семейство. Тутъ старый казначей замѣтилъ:

— По мнѣ, чтобы пройти подъ крѣпостями въ такомъ тяжеломъ положеніи нужно обладать такими же нервами, какъ когда тебя, въ темнотѣ, окружаютъ привидѣнія. Что скажетъ на это Знаменосецъ?

— Ну, этого я не знаю хорошенько, сиръ. Но нерѣдко мнѣ думалось, что я желалъ бы видѣть привидѣніе, если бы только я...

— Вы желали бы?—воскликнула молодая барышня.—А, вѣдь, у насъ водится привидѣніе! Хотите попробовать? Хотите?

Она была такъ настойчива и мила, что Паладинъ брякнулъ, что хочетъ. Такъ какъ никто изъ остальныхъ не обладалъ настолько храбростью, чтобы выказать страхъ, то всѣ, одинъ за другимъ, вызвались на то же, съ охотными словами и съ смущенными сердцами. Всѣ снарядились въ походъ. Дѣвушка радостно захлопала въ ладоши. Родители также были довольны. Они говорили, что привидѣнія въ ихъ домѣ наводятъ на нихъ, какъ наводили и на многія поколѣнія ихъ предковъ, страхъ и бѣдствія; и до сихъ поръ не нашлось никого, кто поохотился бы сцѣпиться съ ними и узнать, чтò имъ нужно,—такъ, чтобы семейство могло усмирить и удовольствовать бѣдныхъ духовъ, вернуть имъ миръ и спокойствіе.

ГЛАВА XVIII.

Побѣда у Сенъ-Лу.

Около полудня сидѣлъ я и растабарывалъ съ мадамъ Бушэ. Ничего особеннаго не было; все было спокойно, какъ вдругъ вбѣжала Катерина Бушэ въ страшномъ возбужденіи. Она сказала:

— Бѣгите, сиръ, бѣгите! Дѣва дремала у меня въ комнатѣ въ своемъ креслѣ, какъ вдругъ вскочила и вскрикнула: «Французская кровь потекла!.. Мое оружіе, подайте мнѣ мое оружіе!» Ея великанъ, сторожившій у дверей, позвалъ Олона, который сталъ вооружать ее, а я съ великаномъ увѣдомили штабъ. Бѣгите и будьте при ней! И если дѣйствительно завязалось сраженіе, удерживайте ее подальше отъ него, не давайте ей подвергать себя опасности... Этого вовсе не нужно: если только войско знаетъ, что она подлѣ и смотритъ на бой,—это все, чтò нужно. Удержите ее подальше отъ огня, непремѣнно удержите!

Я бросился впередъ, сказавъ насмѣшливо (я всегда любилъ насмѣшку; и мнѣ даже приписывали особенныя къ ней способности):

— О, ничего не можетъ быть легче! Ужъ это мое дѣло!

На другомъ концѣ дома я встрѣтилъ Жанну въ полномъ вооруженіи. Она спѣшила къ дверямъ и говорила:

— Льется французская кровь, а вы ничего не сказали мнѣ!

— Но я, право, ничего не зналъ, сказалъ я. — Нѣтъ никакой тревоги; все спокойно, ваше превосходительство.

— Вы сейчасъ услышите достаточно боеваго шума, — сказала она и исчезла.

Это была правда. Не успѣли мы оглянуться, какъ тишина была прервана страшнымъ шумомъ и топотаніемъ массы несущихся людей и коней, а также хриплыми голосами команды. Вдругъ издали раздался оглушительный, протяжный *бумъ, бумъ, бумъ*! пушки; и стремительныя толпы зашумѣли около дома, какъ вихрь.

Наши рыцари и весь нашъ штабъ прилетѣли вооруженные. Но лошади не были еще готовы; и мы толпой прорвались за Жанной, Паладинъ со знаменемъ впереди. Волна народа состояла наполовину изъ гражданъ, наполовину изъ солдатъ; и не было признаннаго вождя. Когда появилась Жанна, загремѣло «ура»! А она крикнула:

— Коня! Коня!

Дюжина сѣделъ была предложена ей мгновенно. Она сѣла, и сотни голосовъ вскричали:

— Дорогу! Эй, дорогу *Орлеанской Дѣвѣ*!

Это въ первый разъ было произнесено безсмертное имя. И, слава Богу, я былъ тутъ; я слышалъ. Толпа сама раздалась, какъ воды Краснаго моря. И съ крикомъ: «Впередъ, французскія сердца, за мной!» Жанна, какъ птичка, проскользнула черезъ эту просѣку. Подстрекаемые ея крикомъ, мы вспрыгнули на оставшихся чужихъ коней. Священный штандартъ вѣялъ надъ нашими головами. Просѣка сомкнулась за нами.

Тутъ было ужъ совсѣмъ не то, что во время нашего адскаго шествія подъ страшными бастиліями. О, нѣтъ! Мы теперь чувствовали себя превосходно, и всѣ были въ чаду восторга. Вотъ какая была причина этой внезапной суматохи. Городъ и маленькій гарнизонъ, находившіеся до сихъ поръ въ безнадежномъ и угнетенномъ состояніи, были такъ возбуждены прибытіемъ Жанны, что не могли больше воздержаться отъ желанія сразиться съ непріятелемъ. И,

вотъ, нѣсколько сотъ солдатъ и горожанъ, безъ всякаго приказа, по внезапному вдохновенію, бросились черезъ Бургундскія ворота и напали на Сенъ-Лу, — одно изъ сильнѣйшихъ укрѣпленій лорда Тальбота. Но тутъ имъ пришлось плохо. Это извѣстіе распространилось по городу и подняло новую толпу, въ которую попали и мы.

У воротъ мы встрѣтили отрядъ съ ранеными изъ передовыхъ рядовъ. Ихъ видъ тронулъ Жанну. Она сказала:

— О, французская кровь! У меня волоса становятся дыбомъ при ея видѣ!

Мы скоро были на полѣ сраженія, среди самой схватки. Жанна испытывала первую настоящую битву, и мы тоже.

То было сраженіе въ открытомъ полѣ, такъ какъ гарнизонъ въ Сенъ-Лу, привыкшій побѣждать, если только не было по близости «вѣдьмъ», сдѣлалъ смѣлую вылазку, чтобы встрѣтить нападеніе. Вылазка была подкрѣплена изъ бастиліи «Парижъ»: и когда мы приближались, французы были поражены и обратились въ бѣгство. Но какъ только, среди этого смятенія, появилась Жанна, съ своимъ развернутымъ знаменемъ и съ крикомъ: «Впередъ, братцы, за мной!» — все сразу перемѣнилось. Французы повернулись и бросились впередъ, какъ огромная морская волна. Они сметали англичанъ предъ собой, ударяли и рубили направо и налѣво, сами получая удары и рубцы со всѣхъ сторонъ. Страшно было видѣть!

У Карлика не было своего назначенія въ бою, то-есть, ему не было приказано занимать извѣстное мѣсто; а потому онъ самъ выбралъ его: онъ ѣхалъ впереди Жанны и пролагалъ ей путь. Ужасно было видѣть, какъ желѣзные шлемы разлетались въ дребезги подъ ударами его страшнаго топора. Онъ называлъ это «щелкать орѣхи»; и оно было похоже на то. Онъ проложилъ добрый путь и хорошо вымостилъ его мясомъ и желѣзомъ. Жанна и мы, остальные, спѣшили за нимъ такъ быстро, что всѣ очутились далеко отъ нашего войска и были со всѣхъ сторонъ окружены англичанами. Рыцари приказали намъ образовать кругъ около Жанны, лицомъ къ непріятелю; и тутъ любо было поглядѣть на нашу работу. Мое почтеніе предъ Паладиномъ! Подъ ободряющимъ, чародѣйскимъ взоромъ Жанны онъ забылъ свое обычное благоразуміе, забылъ свои

колебанья предъ опасностью, забылъ, что̀ такое страхъ. Даже въ своихъ вымышленныхъ сраженіяхъ онъ никогда не сражался такъ жестоко, какъ въ этой настоящей битвѣ: куда только ни ударялъ онъ, однимъ врагомъ было меньше.

Мы были въ этой западнѣ лишь нѣсколько минутъ: наши отставшіе отряды пробились съ оглушительными криками и присоединились къ намъ. Тогда англичане начали отступать. Но они бились храбро и благородно: мы преслѣдовали ихъ шагъ за шагомъ, тѣсня къ крѣпости; а они все время обращались къ намъ лицомъ; и ихъ запасы на стѣнахъ осыпали насъ градомъ стрѣлъ, дротиковъ и пушечныхъ каменныхъ ядеръ.

Ядро непріятельскаго войска благополучно добралось до укрѣпленія; а мы остались за воротами, въ сообществѣ грудъ убитыхъ и раненыхъ французовъ и англичанъ. И намъ, младшимъ, представилось раздирающее душу, страшное зрѣлище! Вѣдь, наши февральскія схватки, изъ засады, случались ночью, когда кровь, изувѣченья и мертвыя лица, къ счастью, не были видны; а теперь мы видѣли все это въ первый разъ открыто, во всемъ захватывающемъ ужасѣ.

Тутъ прибылъ Дюнуа изъ города. Онъ поскакалъ, на своемъ покрытомъ пѣной конѣ, черезъ поле сраженія къ Жаннѣ, поклонился ей и поздравилъ ее весьма вѣжливо. Онъ показалъ рукой на отдаленныя стѣны города, весело украшенныя безчисленными флагами, и сказалъ, что жители стоятъ и восторженно слѣдятъ за ея удачнымъ подвигомъ. Онъ прибавилъ, что она и ея отрядъ были бы теперь торжественно встрѣчены.

— *Теперь?*.. Наврядъ ли теперь, Побочный. Еще не пора!

— Почему не пора? Что остается еще дѣлать?

— Еще, Побочный? Мы, вѣдь, только начинаемъ. Мы возьмемъ эту крѣпость.

— О, вы шутите! Мы не можемъ взять ее. Умоляю васъ и не пытаться: это совершенно безнадежно. Позвольте мнѣ приказать войску возвратиться.

Сердце Жанны было полно радости и военнаго задора: ей непріятно было слушать такія слова. Она вскрикнула:

— Побочный, Побочный! Неужели вы *всегда* будете стоять за этихъ англичанъ? Говорю вамъ серьезно: мы не двинемся съ мѣста, пока

крѣпость не будетъ въ нашихъ рукахъ. Мы возьмемъ ее приступомъ. Прикажите наступать!

— О, генералъ мой...

— Не медлите, сударь: пусть рога трубятъ наступленіе!

Тутъ мы увидѣли въ ея глазахъ странный яркій блескъ, который прозвали «боевымъ огнемъ»: мы такъ хорошо познакомились съ нимъ въ послѣдующихъ битвахъ.

Раздались военные звуки, встрѣченные ревомъ войска. И рать двинулась на страшное укрѣпленіе, наружная сторона котораго терялась въ дыму своихъ пушекъ, а изъ боковъ струилось пламя и гремѣлъ громъ.

Мы терпѣли одно отраженіе за другимъ; но Жанна была повсюду, поддерживала духъ солдатъ и внушала имъ выносливость. Три часа счастье колебалось, словно приливъ и отливъ. Наконецъ, прибылъ Ля-Гиръ. Онъ предпринялъ послѣднее, непреодолимое нападеніе,—и бастилія Сен-Лу стала нашей. Мы распотрошили ее, забрали всѣ запасы и оружіе, а затѣмъ разрушили ее.

Наша рать ликовала и кричала до хрипоты. Вдругъ поднялись новые клики: искали генерала, чтобы восхвалить, прославить его, воздать ему почести за побѣду. Но не легко было найти Жанну. И нашли мы ее внѣ себя отъ горя: она сидѣла среди кучи труповъ и плакала, закрывъ лицо руками. Вѣдь, знаете, это была молодая дѣвушка; и ея геройское сердце было все-таки сердце молодой дѣвушки, со всѣмъ его состраданіемъ и нѣжностью. Она думала о матеряхъ убитыхъ друзей и непріятелей.

Между плѣнными было нѣсколько священниковъ; Жанна взяла ихъ подъ свое покровительство и спасла имъ жизнь. Утверждали, что это, по всей вѣроятности, переряженные воины; но она сказала:

— Кто же можетъ это знать? Они одѣты въ Божье облаченье. И если хоть одинъ изъ нихъ носитъ эту одежду по праву, то лучше простить всѣхъ виновныхъ, чѣмъ пролить кровь этого невиннаго. Я помѣщу ихъ съ собой, накормлю ихъ и отправлю домой съ миромъ.

Съ развернутыми знаменами вернулись мы въ городъ, показывая добытыя нами орудія и плѣнниковъ. То были первые существенные плоды войны, которые заключенные горожане увидѣли впродолженіе всей семимѣсячной осады; то была первая удача, выпавшая на долю

французскаго оружія. Можете себѣ представить, какъ хорошо воспользовались этимъ! Горожане и ихъ колокола прямо взбѣсились. Жанна стала теперь ихъ баловнемъ. Они производили на улицахъ такую давку, такъ толкали и тѣснили другъ друга, чтобы увидѣть ее, что мы едва могли двигаться впередъ. Ея новое имя стало извѣстно всюду и было на устахъ у всѣхъ. Названіе «Святой Дѣвы Вокулёрской» было забыто. Городъ присваивалъ ее себѣ: и она стала *Орлеанскою Дѣвой*. Почитаю за счастье вспоминать, какъ я слышалъ это имя въ первый разъ. Сколько поколѣній сгніетъ въ промежутокъ времени между первымъ провозглашеніемъ этого имени и той минутой, когда оно будетъ произнесено въ послѣдній разъ на этой землѣ!

Семейство Бушэ встрѣтило Жанну, какъ дитя дома, которое, сверхъ ожиданія и всякой вѣроятности, избавилось отъ смерти. Они журили ее за то, что она пошла въ сраженіе и все это время подвергалась опасности. Они не могли себѣ представить, чтобы она зашла такъ далеко въ своей воинственности: они спрашивали ее, сама ли она вознамѣрилась попасть въ самый разгаръ битвы, или же была увлечена случаемъ и потокомъ войска? Они умоляли ее впередъ быть болѣе осторожной. Это былъ хорошій совѣтъ, нечего сказать; но онъ палъ на слишкомъ неблагодарную почву.

ГЛАВА XIX.

Борьба съ привидѣніями.

Утомленные продолжительнымъ боемъ, мы проспали все послѣобѣденное время да еще часика два-три ночи. Зато мы встали со свѣжими силами и поужинали. Что касается меня, я охотно отказался-бы отъ погони за привидѣніемъ. Всѣ остальные были очевидно того же мнѣнія: они усердно разговаривали о сраженіи и не вспоминали духовъ ни единымъ словомъ. И было вправду пріятно и трогательно слушать пересказъ Паладина о своихъ подвигахъ, видѣть, какъ онъ наваливалъ груды труповъ—тутъ пятнадцать, тамъ восемнадцать, а еще дальше—тридцать пять. Но это только оттянуло непріятное дѣло, не больше. Не могъ же онъ говорить цѣлую вѣчность: когда онъ взялъ приступомъ бастилію и слопалъ гарнизонъ, ему не о

чемъ было больше разсказывать—и онъ замолчалъ. Мы надѣялись только, что Катерина Бушэ какъ-нибудь затронетъ его и заставитъ опять все передѣлать заново. Но она была, на этотъ разъ, другаго мнѣнія. При первой возможности, она завела рѣчь о своемъ непріятномъ дѣлѣ; и мы встрѣтили ея предложеніе насколько могли лучше.

Въ одиннадцать часовъ мы послѣдовали за ней и за ея родителями въ помѣщеніе, гдѣ водилась нечистая сила. Съ нами были свѣчи и факелы для вставленія въ кольца на стѣнахъ. Домъ былъ большой, стѣны—очень толстыя; а эта комната была въ отдаленной части его, пустѣвшей за свою дурную славу вотъ ужъ много-много лѣтъ.

Комната была большая, вродѣ залы. Длинный столъ изъ стараго дуба сохранился хорошо; но кресла были источены червями, обои на стѣнахъ погнили и выцвѣли отъ вліянія времени. Запыленная паутина подъ потолкомъ имѣла такой видъ, будто ея строители не пользовались ею уже цѣлый вѣкъ.

Катерина сказала:

— Преданіе говоритъ, что эти духи никогда не были видимы: ихъ только слышали. Очевидно эта комната была когда-то длиннѣе, чѣмъ теперь: стѣна на томъ концѣ построена въ давно прошедшія времена, чтобы отгородить тамъ узкую комнатку. Съ этой комнаткой нѣтъ никакого сообщенія; и если она существуетъ, — въ чемъ сомнѣваться нельзя—такъ это настоящая темница, безъ свѣта и воздуха. Оставайтесь на своихъ мѣстахъ и примѣчайте, чтò будетъ.

Вотъ и все. Она и ея родители оставили насъ. Когда звуки ихъ шаговъ замерли въ глухихъ каменныхъ корридорахъ, наступила зловѣщая тишина и торжественность, угнетавшая меня больше, чѣмъ тотъ безмолвный походъ подъ бастиліями. Мы смотрѣли другъ на друга въ недоумѣніи; и видно было, что никто не чувствовалъ себя въ своей тарелкѣ. Чѣмъ больше сидѣли мы, тѣмъ убійственнѣе становилось безмолвіе. И когда завылъ вѣтеръ вокругъ дома, я сталъ такимъ слабымъ, жалкимъ, что желалось бы по крайней мѣрѣ храбро сознаться въ трусости: собственно, вѣдь, не стыдно, бояться духовъ, когда видишь, какъ безнадежна наша жизнь въ ихъ рукахъ. Притомъ же это были невидимые духи; а это, по-моему, ухудшало дѣло.

Въ ту самую минуту они могли быть въ одной комнатѣ съ нами: мы не могли этого знать. Я ощущалъ дуновенія по моимъ плечамъ и волосамъ и дрожалъ и корчился. Я уже не стыдился показывать свой страхъ: я видѣлъ, что всѣ дѣлаютъ тоже, и зналъ, что и они чувствуютъ эти слабыя дуновенія. Пока это продолжалось (о, какой вѣчностью показалось это, время шло такъ медленно!), у всѣхъ лица стали восковыми: мнѣ показалось, что я сижу въ собраніи мертвецовъ.

Наконецъ, раздался слабый, далекій, роковой и медленный звукъ: «бумъ, бумъ, бумъ!» Отдаленный колоколъ пробилъ двѣнадцать. Когда послѣдній звукъ замеръ, снова воцарилась убійственная тишина; и я опять уставился въ эти восковыя лица и чувствовалъ эти дуновенія на моихъ волосахъ и плечахъ.

Одна, двѣ, три минуты—и вдругъ послышался протяжный, глубокій стонъ. Мы повскакали съ своихъ мѣстъ и стояли, дрожа колѣнями. Это шло изъ темницы. Немного затихло; потомъ послышались подавленныя рыданія, смѣшанныя съ жалобными криками. Наконецъ, раздался второй голосъ, тихій, невнятный; онъ какъ бы успокаивалъ другого. Оба голоса продолжали звучать: они стонали, тихо рыдали. И, Боже, сколько въ нихъ было горя, страданія, отчаянія! О, какъ больно было на сердцѣ отъ этихъ звуковъ!

Но эти звуки были такъ естественны, человѣчны и трогательны, что мысль о привидѣніяхъ вдругъ исчезла изъ нашихъ головъ. И сьёръ Жанъ изъ Меца воскликнулъ:

— Разобьемъ эту стѣну и освободимъ бѣдныхъ плѣнниковъ! Сюда съ твоимъ топоромъ!

Карликъ бросился на стѣну съ поднятымъ въ обѣихъ рукахъ своимъ большимъ топоромъ. Другіе побѣжали за факелами и принесли ихъ. Трахъ! Бацъ! Хлопъ! — и старые камни развалились: образовался проломъ, такъ что быкъ легко могъ пройти. Мы бросились туда и высоко подняли факелы.

Ничего, кромѣ пустоты! На полу лежали заржавленный мечъ и истлѣвшій вѣеръ.

Вы знаете теперь все, что̀ я знаю. Берите трогательные останки и придумывайте къ нимъ какой угодно романъ о давно исчезнувшихъ обитателяхъ темницы.

ГЛАВА XX.

Борьба съ генералами.—Взятіе „Августинцевъ“.

На слѣдующій день Жанна опять хотѣла идти на непріятеля, но былъ праздникъ Вознесенія; а блаженный синклитъ генераловъ-разбойниковъ былъ слишкомъ благочестивъ, чтобы осквернять такой день кровопролитіемъ. Но они тайкомъ оскверняли его козиями— самымъ любимымъ своимъ занятіемъ. Они порѣшили сдѣлать единственное, что̀ можно было дѣлать теперь, при новомъ положеніи вещей,—а именно: предпринять ложное нападеніе на самую сильную бастилію со стороны Орлеана и, когда англичане вышлютъ туда подкрѣпленія изъ гораздо болѣе сильной крѣпости по другую сторону рѣки, ворваться въ эту послѣднюю и завладѣть ею. Тогда у нихъ будетъ мостъ и свободное сообщеніе съ Солоньей, которая оставалась еще за французами. Рѣшено было держать втайнѣ отъ Жанны вторую часть этого плана.

Жанна вошла и захватила ихъ врасплохъ. Она спросила ихъ, что̀ они дѣлаютъ и какое рѣшеніе принято ими. Они отвѣчали, что порѣшили напасть слѣдующимъ утромъ на самую сильную англійскую бастилію на сторонѣ Орлеана... Тутъ говорившій вдругъ замолчалъ. Жанна сказала:

— Ну, продолжайте!

— Больше ничего. Это—все.

— Вѣрить ли мнѣ этому? То-есть, вѣрить ли мнѣ, что вы лишились разсудка?

И, обращаясь къ Дюнуа, она сказала:

— Нобочный! Вы человѣкъ разумный. Такъ скажите же мнѣ, что̀ мы выиграемъ, если сдѣлаемъ это нападеніе и возьмемъ бастилію?

Побочный запнулся, понесъ какую-то околесицу, что-то неподходящее къ вопросу. Жанна прервала его:

— Довольно, добрѣйшій Побочный. Если ужъ Побочный не въ состояніи указать, что̀ за корысть была бы намъ, еслибы мы взяли бастилію и стали тамъ, то врядъ ли кто-либо изъ васъ скажетъ мнѣ это. Вы тутъ даромъ тратите время, выдумывая ни къ чему не ведущіе планы и дѣлая вредныя проволочки. Ужъ не утаиваете

ли вы чего отъ меня? Побочный! Это совѣщаніе имѣетъ общій планъ: я вижу. Въ чемъ же онъ состоитъ? Коротко и ясно!

— Это—тотъ же самый планъ, который мы имѣли и въ началѣ, семь мѣсяцевъ тому назадъ: заготовить припасы на долгую осаду и стоять, чтобы взять англичанъ измором.

— Побойтесь Бога! Если вамъ не удалось исполнить это въ семь мѣсяцевъ, то вы должны запасаться еще на годъ. Пора покончить съ этими малодушными мечтами!.. Англичане должны убраться въ три дня!

Многіе воскликнули: «О, генералъ, генералъ, будьте благоразумны»!

— Быть благоразумной и истомиться? И вы называете это войной? Такъ скажу же вамъ, если вы сами еще не знаете этого: положеніе вещей совершенно измѣнилось, благодаря новымъ обстоятельствамъ. Теперь нужно перенести нападеніе на другое мѣсто, на другую сторону рѣки. Нужно завладѣть укрѣпленіями, держащими мостъ. Англичане понимаютъ, что мы попытаемся это сдѣлать, если только мы не глупы и не трусливы. Они благодарны вамъ за благочестіе, изъ-за котораго вы потеряли нынѣшній день. Они знаютъ, что̀ завтра должно случиться, и потому ночью еще болѣе усилятъ мостовыя укрѣпленія съ этой стороны. Вы только потеряли день и затруднили наше дѣло: вѣдь мы *все-таки* пойдемъ и возьмемъ мостовыя укрѣпленія. Побочный, скажите мнѣ правду: неужели совѣтъ не понимаетъ, что все мною изложенное есть единственное, что̀ намъ можно дѣлать?

Дюнуа сознался, что совѣтъ считалъ это желательнымъ, но нашелъ неисполнимымъ. Онъ старался всячески защищать совѣтъ: онъ-де, понятно, немного боялся пылкихъ мыслей Жанны, будучи увѣренъ, что продолжительность осады и изнуреніе англичанъ—самое дѣйствительное, разумное и надежное средство. Онъ прибавилъ:

— Какъ видите, мы держимся правила: тише ѣдешь, дальше будешь. А вамъ хотѣлось бы все нападать.

— Хотѣлось бы? Мало того: хочется! Вотъ вамъ мой приказъ—сейчасъ, на мѣстѣ. Завтра на разсвѣтѣ мы идемъ на укрѣпленія южнаго берега.

— И беремъ ихъ приступомъ?

— Да, беремъ ихъ приступомъ.

При послѣднихъ словахъ вошелъ Ля-Гиръ, бряцая своимъ оружіемъ. Онъ воскликнулъ:

— Клянусь моимъ *baton* (жезломъ), эти слова—музыка для моихъ ушей! Да, мой генералъ, это—настоящая пѣсня и прекрасныя слова: мы возьмемъ ихъ приступомъ!

Онъ, по своей привычкѣ, широко расшаркался, потомъ подошелъ къ Жаннѣ и пожалъ ей руку.

Одинъ изъ членовъ совѣта сказалъ другимъ:

— Стало быть, мы должны начать съ бастиліи Сенъ-Жана, чѣмъ дадимъ англичанамъ время...

Жанна обернулась къ нему и сказала:

— Не безпокойтесь насчетъ Сенъ-Жана. Англичане, конечно, поймутъ, что имъ нужно будетъ оставить его, чтобы броситься, завидя насъ, въ мостовыя укрѣпленія.

И она прибавила съ легкой насмѣшкой:

— Даже военный совѣтъ понялъ бы, что слѣдуетъ поступить именно такъ.

Тутъ она удалилась. Ля-Гиръ обратился къ собранію съ такимъ общимъ замѣчаніемъ:

— Она—ребенокъ, и съ виду—больше ничего. Держитесь этого предубѣжденія, коли хотите; но сознайтесь, что этотъ ребенокъ понимаетъ всю эту сложную военную игру не хуже вашего. И хотите знать мое мнѣніе, не трудясь спрашивать его? Скажу вамъ его прямо, безъ вычуръ: по-мнѣ, она, ей Богу, можетъ научить лучшаго изъ васъ, какъ *играть* въ эту игру.

Жанна была права. Прозорливые англичане увидѣли, что французы совершенно измѣнили свою тактику, отказывались отъ виляній и ротозѣйства, рѣшились, вмѣсто полученія ударовъ, наносить ихъ. И, приготовляясь къ измѣнившимся обстоятельствамъ, они подкрѣпляли бастиліи южнаго берега тяжелой артиллеріей изъ сѣверныхъ укрѣпленій.

Городъ узналъ великую новость: французы, послѣ столькихъ лѣтъ униженія, переходятъ въ наступленіе, какъ въ былыя времена; столь истощенная, отсталая Франція двигается впередъ; французы, такъ давно привыкшіе прятаться, хотятъ стать лицомъ къ лицу съ не-

пріятелемъ и драться. Радости народа не было границъ. Городскія стѣны пестрѣли отъ народа, собиравшагося рано утромъ, чтобы посмотрѣть, какъ войско выступитъ новымъ, непривычнымъ строемъ,— лицомъ, а не тыломъ, къ англійскому стану. Представьте же себѣ, каковъ былъ восторгъ, и какъ онъ выражался, когда Жанна показалась верхомъ во главѣ войска, и ея знамя развѣвалось надъ ея головой.

Мы переправились черезъ рѣку съ большою силой, но съ большимъ, томительнымъ трудомъ, такъ какъ лодки были малы и немногочисленны. Наша высадка на островѣ Сентъ-Эньянѣ не встрѣтила никакихъ препятствій. Мы сдѣлали изъ нѣсколькихъ лодокъ мостъ черезъ узкій каналъ, перешли на южный берегъ и продолжали свой путь въ полномъ порядкѣ и безмятежно: хотя тутъ была крѣпость Сенъ-Жанъ, но англичане покинули и разрушили ее, отступивъ къ мостовымъ укрѣпленіямъ, какъ только наши первыя лодки отплыли отъ Орлеанскаго берега. Такъ сбылось предсказаніе Жанны при ея спорѣ съ совѣтомъ.

Мы шли вдоль берега; и Жанна водрузила свой штандартъ предъ бастиліей «Августинцы»—этимъ первымъ изъ цѣпи укрѣпленій, защищавшихъ мостъ. Затрубили наступленіе—и два нападенія были совершены прелестно; но мы были еще слишкомъ слабы, такъ какъ наше главное войско было еще далеко за нами. Прежде чѣмъ мы могли изготовиться къ третьему нападенію, гарнизонъ изъ Сен-Привэ поспѣшилъ на помощь къ большой бастиліи. Они прибѣжали и соединились съ августинцами, сдѣлавшими вылазку. Оба отряда бросились на насъ съ такимъ ожесточеніемъ, что наше маленькое войско разбѣжалось въ ужасѣ, преслѣдуемое ударами, насмѣшками и оскорбленіями непріятеля.

Жанна всѣми силами старалась опять собрать людей, но они совершенно растерялись: на мгновеніе ими овладѣлъ старый страхъ передъ англичанами. Въ Жаннѣ все вскипѣло: она бросилась къ трубачамъ и приказала имъ трубить наступленіе. Затѣмъ она обернулась и крикнула:

— Если между вами есть хоть дюжина не-трусовъ, ничего мнѣ больше не нужно! За мной!

Она ускакала; за ней умчалось нѣсколько дюжинъ людей, слы-

шавшихъ ея возгласъ и воодушевленныхъ имъ. Преслѣдователи были поражены, когда она бросилась на нихъ со своей горстью людей. Теперь пришла ихъ очередь поддаться страшному испугу: имъ пришла въ голову мысль, что, вѣдь, это и вправду вѣдьма, дщерь Сатаны! И, не отдавая себѣ отчета въ оторопи, они повернулись и разбѣжались.

При трубныхъ звукахъ, наши бѣгущіе отряды обернулись, чтобы посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Видя, что знамя Дѣвы развѣвается въ другомъ направленіи, и передъ нимъ бѣжитъ непріятель въ большомъ разстройствѣ, они ободрились и полетѣли за нами.

Услышалъ это Ля-Гиръ. Онъ поспѣшилъ со своимъ отрядомъ и примкнулъ къ намъ какъ разъ въ ту минуту, когда мы снова водружали наше знамя передъ стѣнами «Августинцевъ». Теперь у насъ была достаточная сила. Намъ предстояла долгая, тяжелая работа; мы ее одолѣли до наступленія ночи: Жанна и Ля-Гиръ твердо настаивали на этомъ и говорили, что мы можемъ и *должны* взять эту большую бастилію. Англичане сражались какъ... ну, какъ англичане: этимъ все сказано. Сквозь дымъ и огонь, при оглушительномъ грохотѣ пушекъ, мы дѣлали нападеніе за нападеніемъ; и только когда солнце склонилось къ закату, мы взяли крѣпость стремительнымъ приступомъ и водрузили нашъ штандартъ на ея стѣнахъ.

«Августинцы» были въ нашихъ рукахъ. Но чтобы очистить мостъ и снять осаду, нужно было овладѣть еще Турелями. Одно великое дѣло было сдѣлано: Жанна рѣшила совершить и другое. Мы должны были ложиться въ полномъ вооруженіи тамъ, гдѣ находились, крѣпко отстаивать добытое и приготовиться на утро начать снова. Жанна не хотѣла, чтобы люди распустились отъ грабежа, разгула и пьянства: она предала огню «Августинцевъ» со всѣмъ ихъ добромъ, кромѣ орудій и боевыхъ запасовъ.

Послѣ тяжелой работы этого длиннаго дня, всѣ мы были крайне утомлены, не исключая, конечно, и Жанны; но она все-таки хотѣла оставаться съ войскомъ предъ Турелями, чтобы быть готовой утромъ къ нападенію. Начальники спорили съ ней и, наконецъ, уговорили ее отправиться домой, чтобы надлежащимъ отдыхомъ приготовиться къ великому дѣлу, тѣмъ болѣе, что лекарь долженъ осмотрѣть

рану, которую она получила въ ногу. Итакъ, мы переправились назадъ и пошли домой.

Какъ водится, городъ помѣшался отъ радости; колокола звонили; всѣ кричали; и мы видѣли много пьянаго народу. Съ каждымъ нашимъ выступленіемъ и вступленіемъ мы давали народу хорошій, основательный поводъ къ такимъ бурнымъ выраженіямъ радости, такъ что буря ужъ совсѣмъ не стихала. Въ теченіе послѣднихъ семи мѣсяцевъ не было рѣшительно ни одного такого случая, который поднималъ бы духъ народа: оттого-то онъ теперь такъ наслаждался своимъ ликованіемъ.

ГЛАВА XXI.

Раны и пророчества героини.

Чтобы избѣжать обычнаго роя посѣтителей и отдохнуть, Жанна отправилась съ Катериной въ комнату, предназначенную для нихъ обѣихъ; тутъ онѣ поужинали, и рана была перевязана. Но затѣмъ Жанна, несмотря на свою усталость и не обращая вниманія на возраженія и увѣщанія Катерины, вмѣсто того, чтобы лечь спать, послала Карлика за мной. Она говорила, что у нея есть что-то на душѣ и что она должна послать гонца въ Домреми, чтобы передать старому отцу Фронту письмо для ея матери. Я пришелъ, и она стала диктовать. Послѣ нѣсколькихъ ласковыхъ словъ и поклоновъ матери и семьѣ, она продолжала такъ:

— Но вотъ что побуждаетъ меня писать вамъ теперь. Я должна сказать вамъ, чтобы вы не безпокоились, если услышите, что я ранена, и не вѣрили тому, кто вздумалъ бы увѣрять васъ, что моя рана важная.

Она хотѣла подиктовать дальше; но Катерина прервала ее:

— О, эти слова приведутъ ее въ ужасъ! Вычеркните ихъ, Жанна, вычеркните! Обождите только денекъ-другой, и тогда напишете, что ваша нога *была* ранена, но теперь ужъ опять здорова: она тогда и будетъ уже здорова или почти здорова. Не опечальте своей матери, Жанна; сдѣлайте, какъ я говорю!

Жанна отвѣчала хохотомъ, напоминавшимъ ея былой смѣхъ

беззаботной души, похожій на звонъ колокольчиковъ. Потомъ она сказала:

— Моя нога? Стану я писать о такой царапинѣ? Нѣтъ, голубушка, я не думаю объ этомъ.

— Дитя мое! Развѣ у васъ есть другая, болѣе важная рана, а вы и не сказали? Спали вы, что-ли, если...

Она вскочила въ смутномъ опасеніи, что нужно сейчасъ вернуть лекаря; но Жанна схватила ее за руку, усадила на мѣсто и сказала:

— Да нѣтъ, будьте же спокойны! Пока еще нѣтъ никакой другой раны. Я пишу о ранѣ, которую получу завтра, при нападеніи на эту бастилію.

У Катерины былъ видъ человѣка, который старается и не можетъ понять странныхъ загадокъ. Она сказала, недоумѣвая:

— Рана, которую вы только *получите?* Такъ... такъ зачѣмъ же безпокоить вашу матушку? Вѣдь... вѣдь этого можетъ и не случиться?

— Можетъ не случиться? Нѣтъ, это *случится*!

Загадка всё еще была загадкой. И Катерина сказала тѣмъ же тономъ недоумѣнія:

— *Случится?* Это—сильное слово. Я его не понимаю... Моя голова не въ состояніи воспринять ничего подобнаго. О, Жанна, такое предчувствіе—что-то ужасное: оно лишаетъ насъ мира и бодрости. Бросьте его! Вытолкните его! Оно будетъ преслѣдовать васъ цѣлую ночь и не поведетъ къ добру. Вѣдь, мы надѣемся...

— Но это—не предчувствіе: это—дѣйствительность. И я не стану отъ этого несчастной. Неизвѣстность мучительна; а тутъ нѣтъ никакой неизвѣстности.

— Жанна, вы *знаете*, что это случится?

— Да, знаю: мои Голоса сказали мнѣ.

— Ахъ!—замѣтила Катерина покорно.—Если *они* сказали... Но увѣрены ли вы, что это они? Вполнѣ ли увѣрены?

— Да, вполнѣ. Это сбудется: нѣтъ никакихъ сомнѣній.

— Какъ странно!.. Съ какихъ поръ вы ихъ слышите?

— Съ... Кажется, нѣсколько недѣль.

Жанна обернулась ко мнѣ.

— Люи, вы вѣрно помните? Когда это началось?

— Ваше превосходительство говорили объ этомъ въ первый разъ предъ королемъ, въ Шинонѣ: это было семь недѣль тому назадъ. Потомъ вы говорили объ этомъ 20-го апрѣля, и еще тогда, 22-го, двѣ недѣли тому назадъ: такъ значится въ моей записной книжкѣ.

Эти чудеса глубоко взволновали Катерину, между тѣмъ какъ я ужъ давно пересталъ удивляться имъ. Человѣкъ привыкаетъ ко всему на свѣтѣ. Катерина сказала;

— И это предсказывалось на завтра? Именно на завтра? Все на это число? И не было никакихъ ошибокъ или недоразумѣній?

— Нѣтъ,—сказала Жанна.—Предсказано на седьмое мая,—именно на седьмое.

— Такъ вы не сдѣлаете въ этотъ страшный день ни шагу изъ этого дома! И не *думайте* объ этомъ, да, Жанна! Обѣщайте, что вы останетесь съ нами!

Но Жанну нельзя было уговаривать. Она сказала:

— Это ничуть не поможетъ, милый, добрый другъ. Я должна получить эту рану, и именно завтра. Если я не буду искать ея, она сыщетъ меня. Мой долгъ зоветъ меня завтра туда; я бы пошла, еслибы даже смерть меня ожидала. И неужели меня остановитъ какая-то рана? О, нѣтъ, мы должны стараться поступать лучше.

— Итакъ, вы рѣшили идти?

— Конечно. Вѣдь, единственное, что̀ я могу сдѣлать для Франціи, это—воодушевлять ея войско къ сраженію и побѣдѣ.

Подумавъ немного, она прибавила:

— Не надо однако быть неблагоразумной: мнѣ очень хотѣлось бы угодить вамъ за такую доброту ко мнѣ. Вы любите Францію?

Я спрашивалъ себя, что̀ такое она опять замышляетъ, но не находилъ отвѣта. Катерина сказала обиженнымъ тономъ:

— Ахъ, чѣмъ я заслужила такой вопросъ?

— Значитъ, вы любите Францію. Я въ этомъ и не сомнѣвалась, моя милая. Не обижайтесь, скажите мнѣ, говорили ли вы когда-нибудь неправду?

— Я во всю жизнь не говорила неправды, умышленно: побасенки—да, но ложь—никогда!

— Этого достаточно. Вы любите Францію и Не говорите неправды; поэтому я довѣряюсь вамъ. Я пойду или останусь, по вашему усмотрѣнію.

— О, сердечно благодарю васъ, Жанна! Какая вы для меня добрая и милая! О, вы останетесь, не пойдете!

И она съ восторгомъ обхватила шею Жанны и осыпала ее ласками, изъ которыхъ самая незначительная обогатила бы меня. Но теперь онѣ показали только мнѣ, какъ я былъ бѣденъ, страшно бѣденъ тѣмъ, что̀ почелъ бы величайшимъ счастьемъ на свѣтѣ. Жанна сказала Катеринѣ:

— Такъ вы увѣдомите главную квартиру, что я не приду?

— Съ удовольствіемъ. Предоставьте это мнѣ.

— Это очень мило съ вашей стороны. Но какъ же вы это сдѣлаете? Вѣдь, тутъ требуется надлежащая казенная форма. Не составить ли мнѣ за васъ?

— О, да, да! Вѣдь, вы знаете всѣ торжественные пріемы и величанія; а я тутъ совершенно неопытна.

— Такъ увѣдомьте такъ: «Начальнику штаба приказывается довести до свѣдѣнія королевскихъ войскъ, въ гарнизонѣ и лагерѣ, что Главнокомандующій французскими арміями не покажется завтра англичанамъ на глаза изъ опасенія быть раненой. Подписала за *Жанну д'Аркъ*, *Катерина Бушэ*, которая любитъ Францію».

Наступило молчаніе, да такое, что меня такъ и подмывало посмотрѣть, что̀ изъ этого выйдетъ. И я взглянулъ. На лицѣ Жанны играла милая улыбка; а лицо Катерины покрылось яркимъ румянцемъ; ея губы дрожали; глаза наполнились слезами. И она сказала:

— О, какъ мнѣ стыдно!.. Вы — такая благородная, храбрая, умная, а я—такая жалкая... такая жалкая и глупая!

Она не выдержала и начала рыдать.

Мнѣ такъ хотѣлось обнять и утѣшить ее! Но Жанна сдѣлала это за меня—и я, конечно, промолчалъ. Жанна утѣшала ее нѣжно и ласково; но, вѣдь, и я могъ бы утѣшить ее такъ же хорошо! Я зналъ, что было бы и глупо, и неумѣстно, даже неловко и затруднительно для всѣхъ насъ предлагать что-либо подобное: такъ я ужъ и не предлагалъ. Надѣюсь, что я поступилъ правильно и наилучшимъ образомъ. Впрочемъ, право, не знаю. Знаю только, что по-

томъ я не разъ терзался сомнѣніемъ: не пропустилъ-ли я тогда удобнаго случая измѣнить свою жизнь къ лучшему и сдѣлать ее счастливѣе, чѣмъ какъ, увы! сложилась она?.. Вотъ почему, какъ только подумаю про эту сцену, меня забираетъ грусть: не люблю я вызывать ее изъ глубины моихъ воспоминаній—изъ-за тѣхъ мукъ, которыхъ это стòитъ мнѣ каждый разъ.

А все-таки невинная шутка—дѣло доброе и полезное въ нашемъ мірѣ. Она веселитъ человѣка, не даетъ заглохнуть его добрымъ чувствамъ, предотвращаетъ угрюмость. Эта маленькая ловушка оказалась хорошимъ, дѣйствительнымъ средствомъ, чтобы показать ей—Катеринѣ — чтò за вздоръ требовала она отъ Жанны. Вѣдь, это была презабавная выдумка, какъ подумаешь хорошенько; не правда-ли? Даже Катерина осушила свои слезы и смѣялась при мысли, какъ англичане ухватились бы за доводы французскаго Главнокомадующаго противъ его личнаго присутствія въ бою. Она согласилась, что имъ дѣйствительно было бы надъ чѣмъ потѣшиться.

Мы опять принялись трудиться надъ письмомъ; и конечно не пришлось зачеркивать то мѣсто, гдѣ говорилось о ранѣ. Жанна была въ духѣ. Но когда дѣло дошло до поклоновъ тѣмъ и другимъ изъ ея подругъ и товарищей дѣтскихъ игръ, ей вспомнилась наша деревня, Древо Фей, цвѣтущая поляна, рѣзвое стадо барановъ и всѣ мирныя прелести нашей скромной родины: и родныя, дорогія имена задрожали у нея на губахъ. Когда же она дошла до Ометы и крошки-Манжетты, ничего нельзя было подѣлать: голосъ ея оборвался; она не могла продолжать. Она переждала съ минуту и затѣмъ сказала:

— Скажите имъ, что я ихъ всѣхъ люблю, горячо люблю, до глубины души! Всѣмъ сердцемъ! Никогда-то я не увижу моей родины...

Но вотъ вошелъ Пакерель, духовникъ Жанны, и представилъ ей изящнаго рыцаря сира де-Рэ, который былъ присланъ съ порученіемъ. Онъ сказалъ, что ему приказано довести до ея свѣдѣнія слѣдующее: совѣтъ находитъ все, сдѣланное до сихъ поръ, вполнѣ достаточнымъ—пока; онъ считаетъ самымъ лучшимъ и безопаснымъ удовлетвориться тѣмъ, чтò Богу угодно было сдѣлать до сихъ поръ; теперь городъ хорошо снабженъ съѣстными припасами и въ состояніи выдержать продолжительную осаду; разумнѣе всего было бы неиз-

бѣжно увести войска съ того берега рѣки и снова принять оборонительное положеніе; а посему члены совѣта рѣшили поступать именно такъ.

— Неисправимые трусы!—воскликнула Жанна.—Вотъ, значитъ, для чего они спровадили меня сюда, подальше отъ войска, прикинувшись, что очень безпокоятся о моемъ здоровьѣ! Такъ вотъ что свезите имъ отъ меня — нѣтъ, не имъ (я не веду рѣчей съ переодѣтыми горничными!), а Побочному и Ля-Гиру: они — настоящіе мужчины! Скажите имъ, что войска должны остаться тамъ-же, гдѣ и теперь, и что я на нихъ возложу отвѣтственность, если это приказаніе не будетъ исполнено. Скажите имъ еще, что сегодня же утромъ у насъ будетъ возобновлено наступательное движеніе. Можете идти, мой добрый сиръ!

Затѣмъ, обращаясь къ священнику, она сказала:

— Встаньте пораньше и весь день не отходите отъ меня. У меня на рукахъ будетъ много работы, и я буду ранена между шеей и плечомъ.

ГЛАВА XXII.

„Орлеанская Дѣва“.

Мы встали на зарѣ и, послѣ обѣдни, тронулись въ путь. Въ залѣ мы встрѣтили хозяина дома; бѣдняга огорчился, что Жанна безъ завтрака уѣзжаетъ на такую работу, и просилъ ее обождать немного и покушать. Но у нея не было на это времени, то-есть, у нея собственно не было терпѣнія дольше ждать: она вся горѣла тревогой скорѣй добраться до послѣдней бастиліи, которая еще служила преградой между нею и первымъ великимъ шагомъ къ освобожденію и искупленію Франціи. Бушэ попытался представить еще доводъ:

— Подумайте: вѣдь, мы, бѣдные горожане въ осадѣ, ужъ сколько мѣсяцевъ не имѣли понятія о томъ, что̀ такое рыба; а теперь мы опять удостоились этого счастья: и этимъ мы обязаны вамъ. Къ завтраку будетъ благородный лещъ. Обождите, не упрямьтесь!

Но Жанна отвѣчала:

— О, впереди будетъ сколько угодно рыбы. Когда мы покон-

чимъ съ нашей сегодняшней работой, вся рѣка будетъ въ вашемъ полномъ распоряженіи.

— О, ваше превосходительство все сдѣлаетъ прекрасно: *это*-то я знаю; но мы не требуемъ такъ много, даже отъ васъ. Вмѣсто одного дня, у васъ будетъ цѣлый мѣсяцъ впереди. Дайте же васъ соблазнить: обождите и покушайте. Есть такая поговорка, что кто захочетъ переѣхать рѣку въ лодкѣ два раза въ одинъ день, тотъ хорошо сдѣлаетъ, если на счастье поѣстъ рыбы, — чтобы съ нимъ чего не приключилось.

— Въ данномъ случаѣ, это ко мнѣ не подходитъ: я переѣду въ лодкѣ только одинъ разъ.

— Ахъ, не говорите! Развѣ вы не вернетесь къ намъ?

— Вернусь, только не въ лодкѣ.

— А какъ же?

— По мосту.

— Слышите? По мосту!! Оставьте эти шутки, дорогой генералъ, и сдѣлайте, что̀ я васъ прошу! Это—благороднѣйшая рыба!

— Въ такомъ случаѣ, будьте добры, приберегите мнѣ кусочекъ къ ужину. Я привезу съ собой одного изъ этихъ англичанъ; такъ пусть и ему тоже достанется немножко.

— Ахъ, ну хорошо ужъ, если вамъ непремѣнно нужно поступить по-свѳему. Но человѣкъ, который поститіся, долженъ отваживаться лишь на малое и во̀-время остановиться. А когда вы вернетесь?

— Когда сниму осаду съ Орлеана... *Впередъ!*..

Мы тронулись. Улицы были полны народа, стоящаго кучками; встрѣчались и небольшіе отряды солдатъ. Но общая картина была печальна. Нигдѣ ни улыбки, всюду—уныніе, словно какая-то ужасная бѣда на̀-смерть сразила всѣ радости и надежды. Мы къ этому не привыкли: это удивило насъ. Но, какъ только толпа замѣтила Дѣву, тотчасъ же все зашевелилось, и изъ устъ въ уста пронесся вопросъ:

— Куда она идетъ? Куда стремится?

Жанна услыхала и крикнула въ отвѣтъ:

— А какъ вамъ кажется, куда? Ѣду брать приступомъ Турели!

Было бы совершенно невозможно изобразить, до какой степени эти нѣсколько словъ вдругъ превратили общее уныніе въ радость,

въ возбужденіе, въ безумнѣйшее ликованье! Какъ бурный вихрь, вырвалось шумное «ура!». Оно пронеслось по всѣмъ улицамъ, во всѣхъ направленіяхъ и пробудило въ этихъ мертвенно-неподвижныхъ толпахъ бодрость жизни, суету, стремленіе къ борьбѣ. Солдаты бросались вонъ изъ толпы и кучками присоединялись къ намъ, становясь подъ наши знамена; множество горожанъ побѣжало за пиками и алебардами и тоже присоединялось къ намъ. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, наше войско становилось все многочисленнѣе; громкій гулъ несмолкаемаго «ура!» все продолжался. Право, мы шли впередъ какъ-бы въ облакѣ шума, который несся даже съ обѣихъ сторонъ изъ открытыхъ оконъ, набитыхъ возбужденными жителями.

И вдругъ... Видите ли, по приказанію совѣта, Бургундскіе ворота были заперты: и къ нимъ приставили сильную стражу, подъ начальствомъ стойкаго воина, Рауля де-Гокура, орлеанскаго городскаго бальи (36). При этомъ было приказано препятствовать Жаннѣ выйти изъ города и возобновить нападеніе на Турели. Этотъ позорный приказъ повергнулъ весь городъ въ отчаяніе и печаль. Но теперь это чувство исчезло: всѣ вѣрили, что Жанна справится съ совѣтомъ—и были правы.

Достигнувъ воротъ, Жанна сказала Гокуру, чтобы онъ отворилъ ихъ и пропустилъ ее. Но тотъ отвѣтилъ, что это невозможно, потому что онъ получилъ строжайшее запрещеніе совѣта. Жанна возразила:

— Нѣтъ власти выше моей, кромѣ слова короля. Если у васъ есть его приказъ, такъ покажите.

— У меня нѣтъ приказа короля, генералъ.

— Такъ дайте мнѣ дорогу, или вы будете въ отвѣтѣ!

Онъ началъ разсуждать: настоящій сынъ своего народа, онъ былъ всегда готовъ бороться на словахъ, но не на дѣлѣ. Среди этой болтовни, Жанна перебила его красивымъ приказомъ: «Въ атаку!»

Мы стремительно бросились впередъ и недолго думали надъ такимъ пустымъ дѣломъ. Пріятно было видѣть удивленіе бальи: такая неласковая расторопность была для него дѣломъ непривычнымъ. Впослѣдствіи онъ говорилъ, что его оборвали посреди рѣчи, какъ разъ въ ту минуту, когда онъ дошелъ до такого довода, который

долженъ былъ убѣдить Жанну, что дѣйствительно онъ не можетъ ее пропустить, и на это доказательство Жанна ничего-бы не могла отвѣтить...

— А она, кажется, все-таки отвѣтила! — замѣтилъ тотъ, кому Гокуръ разсказывалъ объ этомъ.

Мы преважно прошли въ ворота, съ шумомъ и гамомъ, а больше со смѣхомъ. Вскорѣ передъ нашего отряда очутился на томъ берегу рѣки; и мы пошли по направленію къ Турелямъ.

Прежде чѣмъ нападать на большую бастилію, намъ надо было взять передовое укрѣпленіе, называемое «Бульваромъ»: иного имени ему и не было (37). Зады этого бульвара соединялись съ бастиліей посредствомъ подъемнаго моста, подъ которымъ протекалъ быстрый и глубокій рукавъ рѣки Луары. Бульваръ былъ прочно укрѣпленъ; и Дюнуа сомнѣвался, съумѣемъ-ли мы его взять. Но у Жанны не было сомнѣній. До самаго полудня она донимала непріятеля артиллерійскимъ огнемъ, а въ полдень отдала приказаніе идти на приступъ и сама повела войска. Мы разлились потокомъ по рву, подъ цѣлой бурей дыма и снарядовъ; а Жанна, ободряя своихъ солдатъ возгласами, сама стала взбираться на лѣстницу,—какъ вдругъ случилась та бѣда, которую мы уже ожидали: ее ранилъ желѣзный дротикъ изъ самострѣла, проскользнувшій черезъ латы какъ разъ между шеей и плечомъ. Когда она почувствовала рѣзкую боль и увидала струи крови на своей груди, бѣдная дѣвушка испугалась: она упала на землю и стала горько плакать.

Англичане испустили радостный крикъ и большимъ отрядомъ бросились взять ее. На нѣсколько минутъ, всѣ силы противниковъ сосредоточились на одной этой точкѣ. Надъ Жанной и вокругъ нея англичане и французы дрались отчаянно: вѣдь, она считалась олицетвореніемъ Франціи и дѣйствительно была самой Франціей для обѣихъ сторонъ. Кто овладѣлъ бы ею, тотъ овладѣлъ бы все-равно что всею Франціей и *могъ-бы навѣки оставить ее у себя.* Именно тутъ, на этомъ крохотномъ пространствѣ, въ теченіе десяти минутъ, должна была рѣшиться участь Франціи, и дѣйствительно *рѣшилась*.

Если-бъ англичане тогда же взяли Жанну въ плѣнъ, Карлъ VII бѣжалъ бы изъ Франціи, Труаскій договоръ не былъ бы нарушенъ; и Франція, и безъ того уже во власти англичанъ, безъ даль-

нѣйшихъ споровъ обратилась бы въ англійскую провинцію, и такъ оставалась бы до Второго Пришествія. Тутъ ставкой были цѣлая народность и цѣлое королевство; а для рѣшенія дѣла оставалось времени не больше, какъ для варки яйца въ крутую. Эти десять минутъ были самыя знаменательныя, какія когда-либо били, да и будутъ бить часы во Франціи.

Если вамъ когда-нибудь случится читать разсказы про цѣлые часы, дни или недѣли, въ которыя рѣшалась судьба того или другого народа, смотрите, не забудьте припомнить, съ самымъ горячимъ біеніемъ французскаго сердца, тѣ десять минутъ, когда сама Франція, въ лицѣ Жанны д'Аркъ, лежала, окровавленная, во рву, а надъ нею два народа бились изъ-за обладанія ею.

Не забудьте вспомнить и про Карлика: онъ стоялъ надъ Жанной и работалъ за шестерыхъ. Обѣими руками держалъ онъ свой топоръ и, взмахивая имъ, каждый разъ произносилъ только два слова: «За Францію!» Въ тотъ же мигъ разрубленный шишакъ разлетался, какъ яичная скорлупа; и проученный черепъ, носившій его, ужъ не могъ больше оскорблять французовъ. Карликъ нагромоздилъ цѣлое грудостѣніе изъ труповъ, одѣтыхъ въ латы, и дрался, защищенный имъ. Наконецъ, когда побѣда уже оказалась на нашей сторонѣ, мы всѣ сомкнулись вокругъ него оплотомъ; а онъ взбѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ, съ Жанной на рукахъ, какъ съ ребенкомъ, и вынесъ ее вонъ изъ огня. За нимъ пошла огромная толпа, дрожавшая за нее, потому что она была съ головы до ногъ залита кровью—наполовину, впрочемъ, не своею, а англійской, т. е. тѣхъ англичанъ, тѣла которыхъ падали на нее, пока она лежала на полѣ битвы а на нее лились красные жизненные потоки. Ея бѣлой брони не было и слѣда подъ этимъ ужаснымъ украшеніемъ.

Желѣзный дротикъ все еще оставался въ ранѣ; говорятъ, онъ даже торчалъ снаружи, за плечомъ. Это возможно; но я самъ не желалъ видѣть и не пытался. Дротикъ былъ выдернутъ; и сильная боль опять заставила бѣдняжку плакать. Говорятъ еще, что она сама выдернула его изъ раны: никто-де изъ окружающихъ не могъ вынести мысли причинить ей страданье. На этотъ счетъ ничего не знаю; знаю только, что дротикъ вынули, а рану, какъ слѣдуетъ, смазали масломъ и перевязали.

Жанна все лежала на травѣ, слабая, измученная болью; и часъ проходилъ за часомъ, а она все настаивала, чтобы бой продолжался. Да онъ и продолжался; только мало было толку: люди были храбры и геройски бились только у нея на глазахъ. Они были, какъ Паладинъ. Онъ, кажется, боялся своей тѣни—то-есть, вечеромъ, когда она была порядочно длинная, большая; но на глазахъ у Жанны, подъ вліяніемъ ея великой души, боялся-ли онъ хоть чего-нибудь? Да ничего на свѣтѣ! Это—сущая правда.

Къ ночи, Дюнуа отказался продолжать атаку. Жанна услыхала звуки рожковъ.

— Что̀ это? вскричала она.—Трубятъ отступленіе?

Вмигъ рана была забыта. Жанна отмѣнила приказъ и послала начальнику батареи другой: быть наготовѣ, чтобы сдѣлать пять залповъ непрерывно, одинъ за другимъ. Это былъ условленный знакъ для войскъ, стоявшихъ на Орлеанскомъ берегу рѣки, подъ начальствомъ Ля-Гира, который вовсе не былъ *съ нами*, какъ ошибочно утверждаютъ нѣкоторые историки. Жанна должна была подать этотъ знакъ, когда убѣдится, что Бульваръ неизбѣжно долженъ пасть ей въ руки. Тогда войска Ля-Гира должны были, съ своей стороны, напасть на Турели съ моста.

Жанна сѣла на коня, окруженная своей свитой. Какъ-только наши увидали, что мы приближаемся, они подняли страшный крикъ и рвались впередъ, готовые опять напасть на Бульваръ. Жанна поѣхала прямо къ тому рву, гдѣ она была ранена и, сто̀я тамъ подъ градомъ стрѣлъ и дротиковъ, приказала Паладину распустить ея длинный штандартъ по вѣтру и слѣдить, когда его бахрома коснется крѣпости. Вдругъ онъ произнесъ:

— Коснулась!

— Ну, значитъ—крѣпость ваша! — воскликнула Жанна, обращаясь къ войскамъ, ожидавшимъ ея рѣшенія.—Входите! Трубы, трубите приступъ! Ну-же, всѣ вмѣстѣ, идемъ!

И они вошли. Вы не видѣли ничего подобнаго! Какъ одна могучая волна, мы залили всѣ лѣстницы и стѣнные зубцы — и крѣпость очутилась въ нашей власти! Да, можно прожить тысячу лѣтъ и не видать такой роскошной картины! Тутъ принялись драться въ рукопашную, какъ дикіе звѣри. Англичане не думали сдаваться; и

не было иного способа переубѣдить хоть одного изъ нихъ, какъ только положить его на мѣстѣ; да и тогда онъ еще сомнѣвался. По крайней мѣрѣ, такъ думали и утверждали многіе въ то время.

Мы работали усердно и не слыхали, какъ раздались, одинъ за другимъ, пять залповъ; а между тѣмъ, они загремѣли, какъ-только Жанна скомандовала—«на приступъ». Такимъ образомъ, пока мы пробивались въ маленькую крѣпость и насъ отбивали отъ нея, запасныя войска съ орлеанскаго берега уже переправились черезъ мостъ и бросились на Турели съ другой стороны. Между тѣмъ къ подъемному мосту, соединявшему Турели съ нашимъ Бульваромъ, была подведена лодка-поджигательница. Поэтому, когда мы, наконецъ, погнали англичанъ передъ собой, а они попытались перейти подъемный мостъ и соединиться со своими въ Туреляхъ, горящія сваи подломились подъ ними, и всѣ они погрузились въ рѣку, благодаря своей тяжелой бронѣ. Жалости подобно было видѣть, какъ смѣльчаки умирали такой смертью!..

— О, сжалься, Господи, надъ ними!—говорила Жанна и плакала, глядя на эту печальную картину.

Она говорила такъ нѣжно, она проливала такія искреннія слезы; а одинъ изъ погибавшихъ оскорбилъ ее, дня три тому назадъ, грубою бранью, когда она послала къ нему съ предложеніемъ сдаться. То былъ ихъ вождь, сэръ Уильямъ Гласдэль, самый доблестный рыцарь. Онъ былъ весь въ желѣзѣ и пошелъ ко дну топоромъ, не всплывая ужъ больше на поверхность.

Мы наскоро сколотили нѣчто вродѣ моста и набросились на послѣдній оплотъ англійскихъ войскъ, составлявшій преграду между Орлеаномъ и его друзьями съ провіантомъ.

Прежде, чѣмъ солнце совсѣмъ зашло, знаменитый подвигъ Жанны въ этотъ приснопамятный день былъ законченъ. Ея знамя развѣвалось на укрѣпленіяхъ Турелей. Ея обѣщаніе было исполнено: она сняла осаду съ Орлеана!

Семимѣсячная осада кончилась; дѣло, которое первѣйшіе военачальники Франціи считали невозможнымъ, осуществилось. Вопреки всему, что̀ королевскіе министры и военные совѣты дѣлали для того, чтобы помѣшать ей, эта деревенская семнадцатилѣтняя дѣвочка

исполнила-таки свою безсмертную задачу, — и въ какихъ-нибудь четыре дня.

Добрыя вѣсти разносятся такъ-же быстро, какъ и дурныя. Пока мы еще готовились выступить обратно, черезъ мостъ, весь городъ Орлеанъ уже обратился въ сплошное море пламени: казалось, само небо зардѣлось отъ удовольствія. А грохотъ пушекъ и звонъ колоколовъ безъ сравненія превосходилъ все, что̀ когда-либо приходилось учинять Орлеану по части шума.

Когда мы пріѣхали домой... ну, ужъ этого не описать! Мы словно разрѣзывали сохой цѣлыя десятины народа, проливавшаго цѣлую рѣку слезъ. При свѣтѣ огней, не было, кажется, ни одного лица, по которому не струились-бы слезы. А ноги Жанны... если-бъ онѣ не были защищены желѣзною броней, ихъ зацѣловали бы до того, что отъ нихъ ничего-бы не осталось.

— Привѣтъ, привѣтъ тебѣ, Орлеанская Дѣва!—стоялъ въ воздухѣ крикъ. Я слышалъ его, кажется, сто тысячъ разъ, а нѣкоторые еще кричали: «Привѣтъ *нашей* Дѣвѣ»!

Нѣтъ въ исторіи другой дѣвушки, слава которой достигла бы такой высоты, какой достигла въ тотъ день слава Жанны. Вы, можетъ быть, подумаете, что это вскружило ей голову и что она долго не ложилась спать, чтобы слушать сладкую музыку похвалъ и восторговъ? Нѣтъ! Такъ поступила бы всякая другая дѣвушка, но только не она: то была самая великая душа и самое простое сердце! Она прямо пошла спать, спѣша лечь въ постель, какъ усталое дитя. А народъ, какъ только стало извѣстно, что она ранена и хочетъ отдохнуть, самъ прекратилъ въ томъ мѣстѣ торгъ и всякое движеніе и караулилъ всю ночь, чтобы не потревожить ея сна. Онъ говорилъ: «Она дала намъ покой; пусть ей самой будетъ спокойно».

Всѣ понимали, что эта мѣстность будетъ свободна отъ англичанъ на слѣдующій день; и всѣ говорили, что ни горожане того времени, ни ихъ потомство не перестанутъ никогда считать этотъ день посвященнымъ памяти Жанны д'Аркъ. Эти слова оправдывались въ теченіе шестидесяти лѣтъ, и будутъ они оправдываться всегда. Орлеанъ никогда не забудетъ, никогда не перестанетъ праздновать день 8-го мая. Это—день Жанны д'Аркъ, стало-быть, священный день (38).

ГЛАВА XXIII.

Торжество въ Орлеанѣ.—Госпожа Лилейная.

Ранней зарею, на другое утро, Тальботъ и его англійскія войска очистили бастиліи и ушли, не останавливаясь ни для поджоговъ, ни для грабежей: они оставляли свои крѣпости, какъ онѣ были,— со всѣмъ провіантомъ, оружіемъ и приспособленіями для продолжительной осады. Народу трудно было повѣрить, что такое великое событіе могло свершиться. Какъ! Они опять свободны и могутъ безпрепятственно входить и выходить въ любыя ворота и никто не будетъ ихъ останавливать и оскорблять; грозный, ужасный Тальботъ,— этотъ бичъ французовъ, одно имя котораго подрывало силы французскихъ войскъ,—ушелъ и, побѣжденный, отступаетъ передъ простою дѣвушкой.

Городъ совсѣмъ опустѣлъ. Изо всѣхъ воротъ устремились толпы. Онѣ наводняли англійскія бастиліи, копошась въ нихъ, какъ муравьи, но съ бо̀льшимъ шумомъ. Онѣ тащили оттуда провіантъ и оружіе, затѣмъ обращали всю эту дюжину укрѣпленій въ чудовищные костры, подобные вулканамъ; и надъ ними стояли столбы такого густаго дыма, что, казалось, будто на нихъ опирался небосклонъ.

Восторги дѣтей приняли совсѣмъ другой характеръ. Для нѣкоторыхъ изъ малютокъ семь мѣсяцевъ имѣютъ значеніе цѣлой жизни. Они успѣли позабыть, что̀ такое свѣжая травка; бархатистыя зеленыя полянки казались ихъ удивленнымъ, счастливымъ взорамъ райскими лугами, послѣ того, какъ они привыкли видѣть лишь грязныя улицы и закоулки. Они съ восторгомъ плясали, катались, шалили на просторѣ земли, послѣ тоскливаго, безрадостнаго плѣна. Они разсыпались широко и далеко по обѣ стороны прелестной рѣки, возвращаясь домой лишь по̀дъ-вечеръ усталые, но нагруженные цвѣтами и разрумяненные приливомъ новыхъ силъ на свѣжемъ воздухѣ, въ здоровомъ движеніи.

Послѣ костровъ, взрослые ходили за Жанной изъ храма въ храмъ, благодаря Бога за освобожденіе города; а вечеромъ чествовали ее и ея генераловъ, убирали городъ огнями и всѣ, отъ богача до нищаго, предавались празднествамъ и ликованію. Мы же,

на разсвѣтѣ, когда все населеніе было еще въ постели, вскочили въ сѣдла и помчались къ городу Туру, съ докладомъ королю.

Этотъ походъ былъ такого рода, что вскружилъ бы голову всякому, только не Жаннѣ. Мы двигались впередъ буквально между двухъ рядовъ взволнованныхъ и умиленныхъ поселянъ, на всемъ нашемъ пути. Они обступали Жанну, чтобы хоть прикоснуться къ ея ногамъ, къ ея лошади, къ ея бронѣ. Они даже становились на колѣни посреди дороги и цѣловали слѣды копытъ ея коня.

Весь край былъ полонъ славословіемъ Жаннѣ. Именитѣйшіе представители церкви писали королю, превознося Дѣву, сравнивая ее съ библейскими героями и святыми и предупреждая его, чтобы онъ не поддавался «невѣрію, неблагодарности или прочей несправедливости», которая могла бы помѣшать или повредить божественному заступничеству, ниспосланному чрезъ нее. Можно бы подумать, что тутъ было что-то пророческое; и мы готовы допустить, что это именно такъ и было. Но на мой взглядъ, эти слова были внушены симъ важнымъ особамъ ихъ же собственнымъ знаніемъ суетного и предательскаго права короля.

Король прибылъ въ Туръ навстрѣчу Жаннѣ. Въ настоящее время это ничтожное созданье величаютъ Карломъ Побѣдителемъ — за тѣ побѣды, которыя одерживали для него другіе; но тогда у насъ было для него особое прозвище, которое обрисовывало его гораздо вѣрнѣе и больше подходило къ его личнымъ заслугамъ: мы звали его Карломъ Низкимъ.

Когда мы предстали предъ лицо его, онъ сидѣлъ на тронѣ, окруженный своими размишуренными хлыщами и франтами. Онъ имѣлъ видъ раздвоенной къ концу морковки: до того обтянуто было на немъ платье ниже пояса. На немъ были сапоги съ такими выгнутыми длинными (въ цѣлый футъ!) носками, что приходилось ихъ прикрѣплять у колѣнъ, чтобы они не мѣшали ему ходить. На немъ была малиновая бархатная накидка, едва доходившая до локтей; на головѣ красовалась какая-то войлочная штука, вродѣ наперстка, съ перомъ, заткнутымъ за ея драгоцѣнную пряжку и торчавшимъ, какъ перо изъ чернильницы; а изъ-подъ наперстка спускались до плечъ пучки жесткихъ, топорщившихся волосъ, такъ что голова походила на воланъ. Вся его одежда была изъ богатой ткани са-

мыхъ яркихъ цвѣтовъ. Онъ прижималъ на колѣняхъ крошечную левретку, которая рычала и скалила бѣлые зубы каждый разъ, какъ только ее тревожило малѣйшее движеніе. Королевскіе франты были одѣты въ томъ же родѣ. Мнѣ припомнилось, что Жанна назвала военный совѣтъ въ Орлеанѣ «переодѣтыми горничными». И я понялъ людей, которые расшвыриваютъ всѣ свои деньги на пустяки и не имѣютъ ни гроша, когда представится для нихъ болѣе дѣльное употребленіе: это прозвище слѣдовало бы навсегда сохранить за этими господами.

Жанна пала на колѣни предъ его королевскимъ французскимъ величествомъ и—предъ презрѣннымъ животнымъ на его лонѣ. Охъ, какъ больно было мнѣ смотрѣть на эту картину! Что же сдѣлалъ этотъ человѣкъ для своей родины или для кого бы то ни было въ ней, чтобы Жанна или даже кто другой долженъ былъ преклонять предъ нимъ колѣна? А она! Она только-что совершила ради Франціи единственный величайшій подвигъ за минувшія пятьдесятъ лѣтъ и освятила его возліяніемъ своей собственной крови... Ихъ взаимное положеніе должно бы быть наоборотъ.

Впрочемъ, надо отдать ему справедливость, Карлъ вообще довольно хорошо исполнилъ свою роль на этотъ разъ—гораздо лучше, чѣмъ обыкновенно. Онъ передалъ своего щенка царедворцу и снялъ шапочку передъ Жанной, словно она была королева. Затѣмъ онъ сошелъ съ престола, поднялъ ее и выказалъ вполнѣ возвышенную, мужественную радость и признательность, привѣтствуя и благодаря ее за ея чрезвычайный подвигъ на его службѣ. Мои предубѣжденія противъ него возникли позднѣе. Если-бъ онъ продолжалъ и впредь поступать такъ же точно, имъ не пришлось бы вовсе возникать.

Карлъ поступилъ прекрасно. Онъ сказалъ Жаннѣ:

— Вы не должны преклонять предо мной колѣна, о мой несравненный полководецъ! Вы поступили, какъ особа королевской крови: вамъ подобаютъ королевскія почести.

Замѣтивъ, что она блѣдна, онъ прибавилъ:

— Но вамъ не годится стоять: вы пролили кровь свою для блага Франціи, и еще свѣжа ваша рана. Приблизьтесь!

Онъ подвелъ ее къ креслу, и самъ сѣлъ рядомъ съ нею.

— Ну, скажите же теперь мнѣ откровенно, какъ человѣку,

который многимъ вамъ обязанъ и открыто въ этомъ признается передъ всѣмъ этимъ благороднымъ собраніемъ: какая слѣдуетъ вамъ награда? Назовите ее!

Мнѣ стало стыдно за него. А между тѣмъ, это было, съ моей стороны, несправедливо. Вѣдь, не могъ же онъ узнать этого удивительнаго ребенка за какихъ-нибудь нѣсколько недѣль, когда мы, воображавшіе, что знали ее всю жизнь, видѣли, какъ ежедневно изъ-за тучъ сверкали какія-нибудь новыя высокія совершенства, о существованіи которыхъ мы прежде и не подозрѣвали? Но таковъ ужъ вѣчно родъ людской: если *намъ* что-нибудь извѣстно, мы презираемъ другихъ за то, что имъ не удалось узнать это. Затѣмъ мнѣ стало стыдно за этихъ царедворцевъ, что они, такъ сказать, кусали губы отъ зависти къ Жаннѣ, къ ея великимъ успѣхамъ: вѣдь, они знали ее не лучше, чѣмъ самъ король.

На лицѣ Жанны вспыхнулъ румянецъ, при мысли, что она какъ будто за вознагражденіе трудилась для родины: она опустила голову, стараясь скрыть свое лицо. Такъ дѣлаютъ дѣвицы всегда, когда почувствуютъ, что покраснѣли. Кто ихъ знаетъ, почему онѣ дѣлаютъ такъ, но это вѣрно. И чѣмъ больше онѣ краснѣютъ, тѣмъ меньше примиряются со своимъ румянцемъ, тѣмъ болѣе хочется имъ, чтобы этого не замѣтили другіе. Король еще больше смутилъ ее тѣмъ, что обратилъ всеобщее вниманіе на ея смущеніе; а это самый неловкій поступокъ, въ которомъ только можно провиниться передъ дѣвушкой, когда она краснѣетъ. Иногда, если этò случается въ толпѣ незнакомыхъ ей людей, весьма возможно, что она даже расплачется, если она такъ же молода, какъ Жанна. Чтò за причина такого смущенья— Богу одному извѣстно, а отъ людей она сокрыта. Чтò же касается меня, я, въ подобномъ случаѣ, былъ бы такъ же готовъ чихать, какъ и краснѣть, скорѣе—именно чихать. Впрочемъ, эти размышленія не особенно важны; буду продолжать съ чего началъ.

Король пошутилъ надъ ея румянцемъ; а это вызвало на лицѣ Жанны остальную краску и залило его настоящимъ заревомъ. Тогда онъ пожалѣлъ о томъ, чтò надѣлалъ, и попытался успокоить ее увѣреніемъ, что румянецъ очень ей къ лицу и что не стòитъ объ этомъ безпокоиться. А это замѣчаніе заставило даже собаку насторожиться. Лицо Жанны побагровѣло и слезы покатились ручьемъ.

Я могъ бы поручиться кому угодно, что такъ и будетъ. Король былъ огорченъ. Онъ замѣтилъ, что лучше всего перемѣнить предметъ разговора, и пустился осыпать Жанну кучей любезностей по поводу ея взятія Турелей. Лишь немного спустя, когда она стала спокойнѣе, онъ опять упомянулъ про награду и сталъ требовать, чтобъ она назвала ее. Всѣ съ томительнымъ любопытствомъ ждали, чтò за требованія предъявитъ она; но когда послышался ея отвѣтъ, на лицахъ у всѣхъ изобразилось, что они ждали вовсе не того.

— О, дорогой, милостивый дофинъ! У меня одно, единственное желаніе! Если-бы...

— Не бойся, дитя мое, говори!

— Не откладывайте ни на одинъ день! Мои войска сильны и доблестны: они горячо стремятся завершить свое дѣло. Слѣдуйте за мной въ Реймсъ и примите свой вѣнецъ!..

Можно было замѣтить, какъ содрогнулся король въ своемъ пестромъ, какъ у мотылька, нарядѣ.

— Въ Реймсъ?! О, это невозможно, мой генералъ! Намъ пройти сквозь самое ядро англійскихъ войскъ?..

Да неужели же это—французскія лица? Ни одно изъ нихъ не засвѣтилось въ отвѣтъ на смѣлое предложеніе молодой дѣвушки; но всѣ выразили тотчасъ же удовольствіе, услыша возраженіе короля. Какъ, промѣнять нѣгу въ шелку на грубое соприкосновеніе съ войной! Ни одному изъ этихъ мотыльковъ не хотѣлось этого. Они передавали другъ-дружкѣ драгоцѣнныя коробочки со сластями и шопотомъ изъявляли свое удовольствіе по поводу благоразумія, проявленнаго ихъ старшимъ мотылькомъ. Жанна же продолжала умолять короля:

— О, умоляю васъ, не пропускайте такого прекраснаго случая! Теперь все складывается такъ благопріятно, рѣшительно все. Какъ-будто обстоятельства нарочно для этого придуманы! Духъ нашихъ войскъ поднятъ побѣдой, а духъ англійскихъ войскъ подавленъ пораженіемъ. Отсрочка все это измѣнитъ. Видя, что мы медлимъ воспользоваться своими преимуществами, наши станутъ изумляться, сомнѣваться, терять довѣріе, англичане же будутъ удивляться, набираться храбрости, и снова станутъ дѣйствовать смѣло... Теперь какъ-разъ пора. Умоляю, пустите насъ впередъ!

Король покачалъ головой; а Ля-Тремуйль, мнѣнія котораго онъ спросилъ, высказался горячо:

— Ваше величество! Благоразуміе говоритъ противъ этой мѣры. Подумайте, вѣдь, англійскія укрѣпленія тянутся вдоль береговъ Луары; вѣдь, еще другія укрѣпленія лежатъ между нами и Реймсомъ!

Онъ готовъ былъ продолжать, но Жанна оборвала его и промолвила, обернувшись къ нему:

— Если мы будемъ ждать, они, вѣдь, всѣ получатъ подкрѣпленія. Развѣ это будетъ намъ выгодно?

— Конечно, нѣтъ.

— Ну, такъ что-жъ вы предлагаете? Какое ваше мнѣніе?

— Мое мнѣніе—ждать.

— Ждать—чего?

Министръ принужденъ былъ запнуться, потому что самъ не могъ дать никакого приличнаго объясненія. Сверхъ того, онъ не привыкъ, чтобъ ему читали такія нравоученія на глазахъ окружающей толпы. Это его разсердило, и онъ отвѣтилъ:

— Государственныя дѣла не подобаетъ обсуждать всенародно.

На это Жанна невозмутимо возразила:

— Прошу прощенья. Но моя ошибка произошла отъ невѣдѣнія. Я не знала, что подвѣдомыя вамъ дѣла—дѣла государственныя.

Министръ поднялъ брови, въ забавномъ удивленіи, и сказалъ не безъ насмѣшки:

— Я—первый министръ короля; а вамъ показалось, что подвѣдомыя мнѣ дѣла не касаются государства? Объясните, пожалуйста, какъ же это такъ?

Жанна возразила равнодушно:

— А такъ, что государства вовсе нѣтъ!

— Нѣтъ государства?!

— Да, сиръ! Нѣтъ государства, а слѣдовательно министру въ немъ нѣчего дѣлать. Франція сократилась до какихъ-нибудь двухъ десятинъ земли, и для ея управленія довольно бы простого урядника. Ея дѣла—вовсе не государственныя дѣла. Это слишкомъ высокое названіе для нихъ.

Король не сгорѣлъ отъ стыда, а разразился отъ души беззаботнымъ смѣхомъ. Засмѣялись и царедворцы, но осторожно, отвора-

чиваясь всторонку. Ля-Тремуйль разгнѣвался и раскрылъ ротъ, чтобъ отвѣчать; но король поднялъ руку и промолвилъ:

— Полно! Я беру Жанну подъ мое королевское покровительство. Она сказала правду, не-позолоченную правду. А какъ рѣдко приходится мнѣ слышать ее! Со всей этой мишурой на мнѣ и вокругъ меня, я самъ—не больше, какъ становой, ободранный бѣдняга-становой двухъ десятинъ, а вы—лишь мой урядникъ.

И онъ опять залился своимъ добродушнымъ смѣхомъ. Потомъ снова обратился къ Жаннѣ;

— Жанна! Мой честный, прямой генералъ! Назовете-ли вы мнѣ, наконецъ, вашу награду? Я бы желалъ наградить васъ дворянствомъ. На гербѣ у васъ будутъ корона и лиліи Франціи, а также вашъ побѣдоносный мечъ—въ ихъ защиту. Скажите только слово!

Жадный шопотъ изумленія и зависти пронесся по всему собранію; но Жанна покачала головой и сказала:

— Ахъ, не могу я, не могу, о дорогой благородный дофинъ! Лишь бы мнѣ было дозволено работать для Франціи, тратить всѣ мои силы ради нея: это ужъ само по себѣ величайшая награда, къ которой ничего нельзя прибавить,—ничего! Дайте мнѣ единственную награду, которой я прошу,— величайшій изъ вашихъ даровъ: послѣдуйте за мною въ Реймсъ и примите королевскій вѣнецъ! На колѣняхъ предъ вами умоляю васъ.

Король взялъ ее за руку. И въ его голосѣ прозвучала истинная смѣлость, въ его очахъ сверкнулъ огонь настоящаго мужества, когда онъ вымолвилъ:

— Нѣтъ, садитесь! Вы побѣдили меня. Пусть будетъ такъ, какъ вы...

Но его остановилъ предостерегающій знакъ министра; и онъ прибавилъ, къ великому облегченію двора:

— Ну, ладно, ладно! Мы подумаемъ объ этомъ, обдумаемъ все и посмотримъ, какъ быть. Довольно-ли съ васъ этого, мой увлекающійся солдатикъ?

Первая часть рѣчи озарила лицо Жанны радостью; но конецъ смахнулъ это выраженіе: она омрачилась; глаза ея наполнились слезами. Минуту спустя, она сказала, какъ бы повинуясь какому-то порыву страха:

— О пользуйтесь мною, умоляю, пользуйтесь! Времени остается такъ мало.

— Мало времени?

— Одинъ лишь годъ: меня, вѣдь, хватитъ только на годъ.

— Что вы, дитя мое! Въ вашемъ крѣпенькомъ тѣльцѣ хватитъ силъ на добрыхъ пятьдесятъ лѣтъ.

— О, вы ошибаетесь, вѣрно вамъ говорю! Еще годикъ—и придетъ конецъ. О, время такъ коротко, такъ коротко! Мгновенія летятъ, а дѣлъ еще такъ много впереди! О, пользуйтесь мной скорѣй! Это—вопросъ жизни и смерти для Франціи.

Даже эти насѣкомыя—и тѣ отрезвились подъ ея страстными рѣчами. Король имѣлъ видъ важный-преважный: онъ видимо поддавался впечатлѣнію. Въ глазахъ его вдругъ сверкнулъ краснорѣчивый огонь. Онъ всталъ, выхватилъ мечъ изъ ножонъ и высоко поднялъ его, затѣмъ тихо положилъ его Жаннѣ на плечо и промолвилъ:

— О, ты такъ проста, такъ правдива, такъ великодушна и благородна! Этимъ прикосновеніемъ пріобщаю тебя къ дворянству Франціи, къ которому тебѣ и подобаетъ принадлежать. А тебя ради, я дарую дворянство и всей твоей семьѣ, всей твоей роднѣ, всѣмъ ихъ потомкамъ, рожденнымъ въ законномъ бракѣ, и нетолько по мужской, но и по женской линіи. Нѣтъ, еще, еще! Дабы отличить и почтить твой домъ превыше всѣхъ, мы прибавимъ еще особое преимущество, невиданное въ исторіи этихъ владѣній: твои потомки женскаго пола получатъ право даровать дворянство и мужьямъ своимъ, если тѣ будутъ ниже ихъ по происхожденію.

Зависть и удивленіе запылали на лицѣ у каждаго изъ присутствовавшихъ, когда король произнесъ слова, сообщавшія эту необычайную милость. Его величество остановился и оглянулся вокругъ, съ очевиднымъ удовольствіемъ замѣчая это впечатлѣніе.

— Встаньте же, Жанна д'Аркъ, отнынѣ и до вѣка именуемая *Дю-Лисъ*—Лилейная (39), въ ознаменованіе и въ благодарность за тотъ хорошій ударъ, который вы нанесли, сражаясь за французскія лиліи. Эти лиліи, королевская корона и вашъ собственный побѣдоносный мечъ, такъ подходящіе одинъ къ другому, будутъ соединены въ вашемъ гербѣ и останутся навѣки знакомъ вашего высокаго благородства.

Какъ только Госпожа Лилейная встала, тотчасъ же ее обступили позолоченные потомки баловней судьбы, чтобы привѣтствовать новаго товарища своихъ священныхъ рядовъ и назвать ее новымъ именемъ. Но она была смущена и сказала, что такія почести не пристали человѣку столь низкаго сословія и рожденія, какъ она. Она просила ихъ позволить ей остаться простой Жанной д'Аркъ, ничѣмъ больше, и такъ и называть ее.

Ничѣмъ больше! Да развѣ могло быть на свѣтѣ что-нибудь больше, выше, величественнѣе? *Мадамъ Лилейная*, это—нѣчто мишурное, ничтожное, преходящее. *Жанна Д'Аркъ*! Самый звукъ этого имени заставитъ биться каждую жилку!..

ГЛАВА XXIV.

Новыя „благородія".

Досадно было видѣть, что̀ за суматоха поднялась во всемъ городѣ, а̀ потомъ и по всей странѣ, по поводу этой новости! Жаннѣ д'Аркъ король пожаловалъ дворянство! Народъ обезумѣлъ отъ удивленія и восторга. Вы представить себѣ не можете, до чего на нее глазѣли, разиня ротъ, до чего завидовали ей! Право, можно было подумать, что съ нею случилось что-нибудь особенно важное, особенно счастливое. Но *мы* не придавали этому большого значенія. По нашимъ понятіямъ, рука простого смертнаго не могла ничего прибавить къ славѣ Жанны д'Аркъ. Для насъ она была солнцемъ, парящимъ въ небесахъ, а ея новое дворянство—свѣчкой надъ нею, которая, въ нашихъ глазахъ, совершенно терялась въ ея собственномъ сіяніи. Она же сама была къ этому до того равнодушна и безчувственна, словно настоящее солнце.

Другое дѣло—ея братья. Они чванились; они были счастливы своимъ новымъ достоинствомъ. И это совершенно естественно. Сама Жанна была рада пожалованью, потому что видѣла, какъ они довольны. Со стороны короля то была умная выдумка—побороть ея скромность, обративъ свою милость на дорогую ея сердцу семью и родныхъ.

Жанъ и Пьеръ выставляли на показъ свой гербъ; ихъ общества искали, къ нимъ ластились всѣ—и дворяне, и простолюдины. Зна-

меносецъ говорилъ, не безъ нѣкотораго оттѣнка горечи, что онъ видитъ ясно, какъ они рады просто одному тому, что живутъ на свѣтѣ. Они до того были пропитаны сознаніемъ своего величія, что имъ вовсе не хотѣлось спать: вѣдь, во снѣ, пожалуй, позабудешь, что ты—дворянинъ, а посему спанье было чистой потерей времени.

— Они не могутъ идти впереди меня въ военной службѣ и въ государственныхъ торжествахъ,—прибавлялъ онъ.—Но когда дѣло дойдетъ до гражданскихъ порядковъ и до общества они—я такъ полагаю—преспокойно протиснутся за вами и рыцарями, а мнѣ съ Ноэлемъ придется идти *позади* нихъ... Каково?

— Да—согласился я.—Мнѣ кажется, ты правъ.

— Я этого боялся; я именно этого боялся!—со вздохомъ вымолвилъ знаменосецъ.—Да что боялся! Я говорю глупости. Само собой разумѣется, что я зналъ это... Да, да, я говорю глупости...

Ноэль Рэнгессонъ замѣтилъ задумчиво:

— Именно. Я ужъ смекнулъ: вѣдь, это у тебя такъ естественно.

Мы всѣ расхохотались.

— О, въ самомъ дѣлѣ? Въ самомъ дѣлѣ?.. Ты думаешь, ты-то умница, не такъ-ли? А я, вотъ, въ одинъ прекрасный день возьму да и сверну тебѣ шею, Ноэль Рэнгессонъ!

Сьёръ изъ Меца проговорилъ:

— Паладинъ! Твои опасенія все-таки ниже дѣйствительности; они далеко не предвидятъ очень важныхъ обстоятельствъ. Развѣ тебѣ не приходило въ голову, что, при исполненіи гражданскихъ и общественныхъ обязаностей, они будутъ впереди *всѣхъ* остальныхъ особъ свиты, впереди каждаго изъ насъ?

— Ну, полно!

— Вотъ увидишь. Посмотри, что̀ у нихъ на гербѣ? Главное дѣло—французскія лиліи. Вѣдь это—знакъ королевскаго достоинства. Королевскаго! Понимаешь ли ты всю важность этого обстоятельства? Лиліи внесены въ ихъ гербъ властью короля: понимаешь ли, какъ *это*-то важно? Хоть не всею полностью, не со всѣми подробностями, все же у нихъ въ карманѣ осязательно водворены знаки *государственнаго герба Франціи*. Нѣтъ, ты себѣ представь! Подумай: Взвѣсь все значеніе этого обстоятельства. Чтобъ *намъ* шествовать впереди этихъ мальчишекъ? Да Богъ съ тобой! Намъ этого ужъ во-

вѣки больше не придется. Мое мнѣніе таково: во всемъ нашемъ краю нѣтъ ни одного помѣщика, который могъ бы идти впереди нихъ— исключая развѣ герцога Алансона, принца крови.

Казалось, перышкомъ взмахнуть—и нашъ Паладинъ свалится съ ногъ; онъ чуть-ли даже не поблѣднѣлъ самымъ настоящимъ образомъ. Съ минуту онъ жевалъ губами, не будучи въ силахъ ничего произнести; наконецъ, у него вырвалось:

— Я-то этого не зналъ, и половины не зналъ! *Откуда* мнѣ было знать? Я былъ болванъ, да, вижу теперь, былъ болванъ. Я встрѣтилъ ихъ сегодня утромъ и крикнулъ имъ «го-го!» какъ привѣтствовалъ бы всякаго другого. Я не хотѣлъ быть невѣжливымъ; но я, вѣдь, не зналъ и половины того, что ты сказалъ. Я разыгралъ осла. Да, это вѣрно: я оказался осломъ.

Ноэль Рэнгессонъ проговорилъ какъ бы нехотя.

— Да, на то нохоже. Но я не вижу, чему тутъ тебѣ удивляться?

— Не видишь? Не видишь? Нѣтъ, *почему* ты не видишь?

— Да потому, что не вижу въ этомъ ничего новаго. Для иныхъ это—даже естественное состояніе. Для примѣра, возьмемъ любое состояніе, которое было бы всегда неизмѣннымъ: отсюда, вѣдь, односторонность; а односторонность современемъ становится однообразіемъ; однообразіе же, по законамъ своего существованія, утомительно. Если-бъ ты проявилъ *усталость*, когда замѣтилъ, что поступаешь, какъ оселъ, это было бы вполнѣ основательно, разумно. А выражать удивленіе, по-моему, все равно, что снова стать осломъ, ибо состояніе разсудка, въ которомъ человѣкъ удивляется и тревожится отъ коснаго однообразія, есть ни что иное...

— Ну, довольно, Ноэль Рэнгессонъ! Остановись на этомъ, пока не накликалъ на себя бѣды. И не приставай ко мнѣ, пожалуйста, по крайней мѣрѣ нѣсколько дней или хоть съ недѣлю: я не могу выносить твоей трескотни.

— Ну, это мнѣ нравится! *Мнѣ*-то очень нуженъ твой разговоръ! Я старался быть отъ него въ сторонѣ. И если тебѣ не было нужды слушать мою трескотню, зачѣмъ же ты лѣзъ ко мнѣ со своими рѣчами?

— Я? Да и во снѣ я не видалъ ничего подобнаго.

— А все-таки ты именно лѣзъ ко мнѣ. И я вправѣ чувство-

вать обиду, да и чувствую ее отъ твоего обращенія со мной. Мнѣ кажется, что если кто подстрекаетъ, пристаетъ, всячески вынуждаетъ говорить, то, съ его стороны, неприлично, нехорошо называть рѣчь *трескотней*.

— Ну, разнюнился, бѣдняжка: сердце у него разрывается! Дайте леденца этой больной куколкѣ! Ну, а вы, Жанъ изъ Меца, вы вполнѣ увѣрены въ этомъ?

— Въ чемъ?

— Да, вотъ, что Жанъ и Пьеръ будутъ впереди всѣхъ помѣщиковъ, за исключеніемъ герцога Алансона?

— Мнѣ кажется, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Знаменосецъ углубился на нѣсколько минутъ въ свои думы и мечты. Затѣмъ все бархатно-шелковое пространство его широкой груди принялось вздыматься и опускаться отъ вздоховъ, и онъ проговорилъ:

— О Бо̀же, Боже, какой скачекъ! Это только доказываетъ, что̀ можетъ случиться, если кому повезетъ. Ну, да мнѣ все равно. Мнѣ вовсе не хотѣлось бы попасть въ «случайные признаки»: для меня это не имѣетъ никакого значенія. Я гораздо болѣе горжусь тѣмъ, что поднялся на высоту своего настоящаго положенія, единственно благодаря своимъ личнымъ заслугамъ, чѣмъ если бы мнѣ пришлось ѣздить на самомъ солнцѣ, въ его зенитѣ, и отражать въ себѣ жалкую случайность, попавшую туда, благодаря выстрѣлу изъ чьего-нибудь катапульта (40). Для меня личная заслуга, вотъ это—нѣчто и даже все! Все остальное—дрянь!

Какъ разъ въ эту минуту рога затрубили сборъ; и нашъ разговоръ оборвался.

ГЛАВА XXV.

Колебанія короля.—Опять въ походъ!

Дни тянулись за днями, а все еще ничего не было рѣшено, ничего не было сдѣлано. Войско было полно рвенія, но пусто было у него въ желудкѣ. Ему не давали денегъ, ибо казна живо пустѣла; становилось невозможнымъ прокормить людей. Подъ гнетомъ лишеній, солдаты начали расходиться: и это было чрезвычайно прі-

ятно легкомысленному двору. Жалко было смотрѣть на отчаяніе Жанны. Она принуждена была безпомощно сидѣть на мѣстѣ въ то время, какъ ея побѣдоносное воинство распадалось, такъ что, наконецъ, остался одинъ его остовъ.

Наконецъ, она отправилась однажды въ замокъ Лошъ, гдѣ король проводилъ время въ бездѣйствіи. Она застала его за совѣщаніемъ съ его тремя совѣтчиками—Робертомъ ле-Масонъ, бывшимъ французскимъ канцлеромъ, Кристофомъ д'Аркуръ и Жерардомъ Машэ. Тамъ былъ также Побочный Орлеанъ; отъ него-то мы узнали, чтò произошло. Жанна бросилась къ ногамъ короля и, обнимая его колѣни, сказала:

— Благородный дофинъ! Умоляю васъ, не держите больше вашихъ долгихъ, безчисленныхъ совѣтовъ, а идите, живо идите въ Реймсъ и тамъ примите вѣнецъ.

Кристофъ д'Аркуръ спросилъ:

— Это ваши Голоса повелѣваютъ вамъ говорить такъ королю?

— Да, и даже настоятельно.

— Такъ не скажете-ли вы намъ здѣсь, въ присутствіи короля, какимъ образомъ они входятъ въ общеніе съ вами?

Это была еще новая коварная попытка вовлечь Жанну въ нескромныя признанія и опасныя притязанія. Но ничего изъ этого не вышло. Отвѣтъ Жанны былъ такой прямой, простой, что даже такая тонкая штука, какъ епископъ, не могъ бы найти въ немъ ничего дурного. Она сказала, что когда ей встрѣчаются люди, которые не вѣрятъ въ ея посланничество, она отходитъ въ сторонку и молится, жалуясь Господу на ихъ невѣріе: и тогда-то слышатся ей Голоса-утѣшители. Они тихо и нѣжно шепчутъ ей: «Иди впередъ, о дщерь Господня, и Я буду тебѣ помогой!»

— Когда я слышу это—прибавила она—въ душѣ моей подымается такое ликованье, что нѣтъ силъ превозмочь его.

Побочный говорилъ, что, при этихъ словахъ, ея лицо словно освѣтилось огнемъ, она вся была какъ бы внѣ себя.

Жанна молила, разсуждала, убѣждала; она побѣждала шагъ за шагомъ, но на каждомъ шагу Совѣтъ оказывалъ ей сопротивленіе. Она просила, умоляла разрѣшить ей выступить въ походъ. Когда Совѣту нечего было возразить ей, онъ говорилъ, что, пожалуй, и

впрямь было ошибкой допустить, чтобы войско разсѣялось; но теперь-де ужъ ничего не подѣлаешь: нельзя-же выступать въ походъ безъ войска!

— Такъ созовите новое!—возражала Жанна.

— Но это займетъ шесть недѣль.

— Все равно. Начинайте! Дайте намъ начать!

— Поздно! Безъ сомнѣнія, герцогъ Бедфордъ уже собралъ войско, чтобъ двинуть его на помощь своимъ укрѣпленіямъ на Луарѣ.

— Да,—въ то время, какъ мы распускали свое! Жалости подобно! Но теперь мы ужъ не должны больше медлить. Мы должны шевелиться.

Король возражалъ, что не можетъ же онъ осмѣлиться идти на Реймсъ, когда на Луарѣ, на его пути, стоятъ такія сильныя укрѣпленія. Жанна отвѣтила:

— Но мы ихъ сломимъ—и тогда вы можете идти!

Съ *этимъ* предложеніемъ король охотно осмѣлился согласиться: онъ былъ готовъ сидѣть въ безопасности, пока ему расчистятъ дорогу.

Жанна вернулась очень ободренная: и тотчасъ же все пришло въ движеніе. Всюду были разосланы воззванія къ новобранцамъ. Для нихъ былъ раскинутъ станъ въ Селляхъ, въ Беррійской провинціи. И весь народъ, простолюдины, дворяне,—всѣ съ восторгомъ бросились туда.

Часть мая пропала; но къ 6-му іюня Жанна уже успѣла собрать новое войско и была готова выступить въ походъ.

У нея подъ началомъ очутилось восемь тысячъ человѣкъ. Нѣтъ, вы себѣ представьте, каково собрать такое войско на такомъ маленькомъ пространствѣ! И всѣ эти солдаты были вдобавокъ старые служаки.

Въ сущности, если хотите, почти все населеніе Франціи перебывало въ солдатахъ: вѣдь, войны длились впродолженіе нѣсколькихъ поколѣній. Да, большинство французовъ состояло изъ солдатъ, прекрасныхъ ходоковъ въ силу упражненія и по наслѣдству: имъ ничего другого, почитай-что, и не приходилось дѣлать почти цѣлый вѣкъ, какъ только бѣгать. Но то была не ихъ вина. У нихъ не было хорошаго и настоящаго вождя, — по крайней мѣрѣ, не было вождя, которому бы счастье улыбалось.

Король и его дворъ издавна привыкли предавать своихъ военачальниковъ: такъ тѣ взяли привычку не слушаться короля и дѣлать все по-своему,—всякъ за себя и никто за всѣхъ. При такихъ порядкахъ, никто не могъ одерживать побѣды. Вотъ оттого-то и произошла у французскихъ войскъ привычка къ бѣгству; и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. А между тѣмъ, для того, чтобы быть хорошими бойцами, солдатамъ не хватало только одного—вождя, который строго самъ бы относился къ своему долгу и имѣлъ бы въ своихъ рукахъ всю власть, а не одну десятую ея; а у французовъ подлѣ него стояло еще девять генераловъ—и у каждаго тоже по одной десятой власти. Но теперь во главѣ войскъ стоялъ вождь, облеченный настоящей властью,—вождь, душой и сердцемъ преданный войнѣ, самый дѣльный и серьезный. И должны были оказаться *послѣдствія*. Да, несомнѣнно! Вѣдь, во главѣ войскъ стояла Жанна д'Аркъ, а подъ ея предводительствомъ ноги конечно должны были потерять свое умѣнье и таинственное влеченіе къ бѣгамъ.

Да! Жанна была на седьмомъ небѣ. Она летала туда и сюда по всему лагерю, днемъ и ночью подгоняя сборы. И гдѣ ни явилась она по всей линіи, осматривая войско, отрадно было слышать, какъ солдаты восторженно кричали въ знакъ привѣта. Да и никто не могъ бы удержаться отъ ликованій: до того чудное видѣніе юной цвѣтущей красоты, прелести и изящества являла она собою; до того она была воплощеніемъ бодрости, жизни, движенія! Съ каждымъ днемъ она становилась все болѣе и болѣе образцомъ красоты, какъ замѣчали всѣ. Вѣдь, для нея то была пора полнаго развитія: ей уже минуло семнадцать лѣтъ, даже было почти семнадцать съ половиной; она была, такъ сказать, уже маленькая женщина.

Въ одинъ прекрасный день пріѣхали двое молодыхъ графовъ де-Лявалей,—статныхъ красавцевъ, соединенныхъ родственными узами съ важнѣйшими и именитѣйшими домами Франціи: они не могли успокоиться, пока имъ не удастся увидѣть Жанну.

И вотъ, король послалъ за ними и представилъ ихъ Жаннѣ. Вы можете быть увѣрены, что она съ избыткомъ оправдала ихъ ожиданія. Заслыша ея звучный голосъ, они подумали, что это — флейта. А когда они увидѣли ея глубокія глаза и лицо, въ кото-

ромъ отражалась такая душа, ясно было, что ея видъ взволновалъ ихъ, какъ чудная поэма, какъ возвышенная рѣчь, какъ воинственный гимнъ. Одинъ изъ нихъ писалъ потомъ къ своимъ и выразился такъ: «Видѣть ее, слышать ея голосъ было нѣчто божественное!» О, да, правда! И никогда еще не было на свѣтѣ болѣе высокой правды!

Этотъ же самый графъ видѣлъ Жанну въ ту минуту, когда она была готова выступить въ походъ. И вотъ что̀ онъ говоритъ объ этомъ:

«Она была вся въ бѣлой бронѣ, за исключеніемъ головы, и держала въ рукѣ боевой топорикъ. Когда она хотѣла тронуться въ путь и сѣсть на своего большого вороного коня, тотъ сталъ брыкаться и не хотѣлъ подпустить ее. Она проговорила: «Подведите его ко кресту!» Тотъ крестъ былъ снаружи ближайшей церкви; туда и привели его. И она сѣла на коня, и конь не шелохнулся, — словно онъ былъ привязанъ. Затѣмъ она обернулась лицомъ къ церковнымъ дверямъ и промолвила своимъ мягкимъ, женственнымъ голосомъ: «А вы всѣ, народъ и пастыри церкви, совершайте крестные ходы и молите Бога за насъ!» Тутъ она пришпорила своего коня и поскакала, подъ своимъ штандартомъ, не выпуская изъ рукъ своего топорика и крича: «Впередъ, маршъ!» Одинъ изъ ея братьевъ, прибывшій сюда восемь дней тому назадъ, уѣхалъ вмѣстѣ съ нею; онъ тоже былъ весь въ бѣлой брони».

Я тоже былъ тамъ и видѣлъ его: все было именно такъ, какъ онъ изображаетъ. Какъ сейчасъ вижу и топорикъ, и красиво опеpенную шапочку, и бѣлую броню, — все это освѣщенное мягкимъ свѣтомъ іюньскаго полудня. Все это словно было вчера только! Я уѣхалъ вмѣстѣ со свитой, съ личной свитой, со свитой Жанны д'Аркъ.

Юный графъ де-Ляваль до̀-смерти стремился тоже уйти съ нами, но король не пустилъ его пока. Однако Жанна дала ему обѣщаніе взять его съ собою. Въ письмѣ своемъ онъ говоритъ:

«Она сказала мнѣ, чтобы я ѣхалъ съ королемъ, когда онъ тронется въ Реймсъ. Но дай Богъ, чтобы мнѣ не пришлось ждать до тѣхъ поръ: хотѣлось бы побывать не въ одномъ бою!»

Жанна дала ему это обѣщаніе, когда прощалась съ герцогиней

Алансонской. Герцогиня тоже требовала обѣщанія: всѣмъ эта минута показалась удобной для этого. Герцогиня безпокоилась о своемъ супругѣ, предвидя отчаянную битву. Она, прижимая къ груди Жанну, любовно гладила ее по головкѣ и говорила:

— Вы, милочка, должны наблюдать за нимъ. Берегите его и пришлите ко мнѣ обратно невредимымъ! Я этого требую; я не пущу васъ, пока не дадите мнѣ этого обѣщанія!

Жанна отвѣчала:

— Даю это обѣщаніе отъ всего моего сердца. И это не пустыя слова: это—настоящее *обѣщаніе*; онъ вернется къ вамъ здравъ и невредимъ. Вѣрите ли вы? Довольны ли вы мной теперь?

Герцогиня была не въ силахъ вымолвить ни слова: она только поцѣловала Жанну въ лобъ. Такъ онѣ и разстались.

Мы выѣхали 6-го и останавливались въ Роморантенѣ. Затѣмъ 9-го вступили въ Орлеанъ, въ полномъ парадѣ, подъ побѣдными воротами, съ привѣтственными залпами пушекъ, съ цѣлымъ моремъ привѣтственныхъ флаговъ, развѣвавшихся по-вѣтру. Особы главнаго штаба ѣхали рядомъ съ Жанной, разодѣтыя въ блестящіе наряды и ордена. Тутъ были: герцогъ Алансонъ; Побочный Орлеанъ; сиръ де-Буссакъ, маршалъ Франціи; сиръ де-Гравиль, начальникъ лучниковъ; сиръ де-Кюланъ, адмиралъ Франціи; Амбруазъ де-Лорэ, Этьеннъ де-Виньоль, по прозванію Ля-Гиръ; Готье де-Брюзакъ и другіе знаменитые полководцы.

Славное то было времячко! Обычные клики, густыя толпы, обычная давка, чтобы взглянуть на Жанну. Наконецъ, мы протѣснились къ нашей прежней квартирѣ: и я увидѣлъ старика Бушэ, его жену и Катерину, которые прижимали Жанну къ сердцу, душили ее поцѣлуями и... какъ у меня сжималось сердце! Вѣдь, я могъ бы лучше всѣхъ другихъ, и больше, и дольше, цѣловать Катерину; но никто и не подумалъ, что я могъ бы исполнить эту обязанность—и я оставался голоднымъ. Ахъ, она была такъ прекрасна, такъ мила! Я полюбилъ ее съ того самаго дня, какъ въ первый разъ увидѣлъ ее; и съ тѣхъ поръ до сегодня она—моя святыня. Образъ ея ношу я въ сердцѣ вотъ уже шестьдесятъ три года. И онъ тамъ одинъ-одинешенекъ: да, никогда въ немъ не было никого другого. Я уже старъ, такъ старъ! Но образъ Катерины все такъ же свѣжъ и юнъ,

веселъ и чистъ, все такъ же мучителенъ, какъ въ ту пору, когда онъ водворился въ душѣ моей, принося этой обители миръ и благословеніе. Это было давно-давно... и всего на одинъ только день!

ГЛАВА XXVI.

„Сатана" вызволяетъ Жанну.

На этотъ разъ, какъ и прежде, послѣдній приказъ короля военачальникамъ былъ все тотъ же: *Смотрите, не дѣлайте ничего безъ разрѣшенія Дѣвы!* И на этотъ разъ приказу повиновались; и продолжали ему повиноваться во все время грядущихъ славныхъ дней Луарскаго похода.

Какая перемѣна! Это было нѣчто новое! Сразу были подорваны всѣ преданія. Можете судить, какую славу пріобрѣлъ этотъ ребенокъ, въ качествѣ главнокомандующаго, за какіе-нибудь десять дней, проведенныхъ на бранномъ полѣ! Чего не въ силахъ былъ добиться старѣйшій изъ служакъ генеральнаго штаба въ теченіе тридцати лѣтъ, того она достигла, побѣдивъ сомнѣнія и подозрительность людскую, завладѣвъ довѣріемъ и вызвавъ самоувѣренность въ людяхъ.

Помните, какъ Жанна, когда ей только-что было шестнадцать лѣтъ, сама защищала свое дѣло передъ суровымъ судилищемъ и выиграла его? Тогда старикъ-судья назвалъ ее «чудомъ-ребенкомъ». Видите, какъ вѣрно было это названіе!

Итакъ, почтенные служаки должны были теперь не уклоняться въ сторону и ничего не дѣлать безъ разрѣшенія Жанны. Это былъ уже крупный выигрышъ; но все-таки были между ними такіе, которые трепетали, глядя на ея новые и поразительно-смѣлые военные пріемы, и горячо желали измѣнить ихъ. Такимъ образомъ, въ теченіе 10-го іюня, пока Жанна мучилась надъ своими планами и выпускала приказъ за приказомъ съ неутомимой силою творчества, нѣкоторые изъ генераловъ вели старательныя совѣщанія, споры и словопренія.

Въ тотъ же день, послѣ полудня, они всѣмъ собраніемъ сошлись на военный совѣтъ и, въ ожиданіи появленія Жанны, обсуждали

положеніе дѣлъ. Это совѣщаніе не записано въ лѣтописяхъ; но я тамъ былъ и могу вамъ сообщить о немъ: вѣдь, вы мнѣ повѣрите, потому-что я неспособенъ обманывать и лгать.

Глашатаемъ болѣе робкихъ былъ Готье де-Брюзакъ; на сторонѣ Жанны рѣшительно стояли Алансонъ, Побочный, Ля-Гиръ, адмиралъ Франціи, маршалъ де-Буссакъ и всѣ остальные истинно важные изъ вождей.

Де-Брюзакъ доказывалъ, что положеніе, поистинѣ, очень серьезно: Жаржо, первое изъ укрѣпленій, на которыя придется нападать чрезвычайно сильно, и его внушительныя стѣны, какъ щетиной, унизаны пушками, за которыми стоятъ семь тысячъ отборныхъ англійскихъ старыхъ служакъ, и во главѣ ихъ—великій графъ Суффолькъ и его два грозныхъ брата, де-ля-Поли. Предложеніе Жанны д'Аркъ взять приступомъ такую крѣпость казалось ему поспѣшнымъ и крайне дерзновеннымъ: ее-де надо было убѣдить бросить эту мысль въ пользу болѣе здраваго и безопаснаго образа дѣйствій, а именно—правильной осады. Ему казалось, что такой ярый, отчаянный новый пріемъ—бросать толпы людей на неприступныя стѣны, вопреки всѣмъ законамъ и обычаямъ войны—былъ просто...

Но ему не пришлось продолжать. Ля-Гиръ качнулъ своимъ перомъ на шляпѣ и брякнулъ:

— Клянусь Богомъ, она знаетъ свое дѣло, и никому учить ее не приходится!

Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ вымолвить еще хоть слово, Алансонъ вскочилъ на ноги, а Побочный Орлеанъ и еще съ полдюжины другихъ разомъ загремѣли, изливая свое негодованіе на всякаго, кто усомнится, тайно или всенародно, въ премудрости ихъ главнокомандующаго. Когда они сказали все, Ля-Гиръ воспользовался случаемъ прибавить:

— Есть люди, которые никогда не умѣютъ примѣняться къ перемѣнамъ. Обстоятельства мѣняются, а этимъ людямъ никакъ не втемяшишь въ голову, что и *имъ* уже надо стать другими, чтобы примѣниться къ обстоятельствамъ. Они знаютъ только ту торную дорожку, которую протоптали ихъ отцы и дѣды и по которой, въ свою очередь, шли они сами. Если-бъ случилось землетрясеніе и обратило всю землю въ хаосъ, а эта торная дорожка прошла-бы по оврагамъ и бо-

лотамъ, то и тогда эти люди *не могли бъ* понять, что надо идти по другой. Нѣтъ! Они преглупо будутъ шествовать все той-же старой, избитой дорогой—къ погибели и смерти. Послушайте, эй вы! Теперь—новое положеніе дѣлъ, и выдающійся военный геній провидѣлъ это своимъ свѣтлымъ окомъ. Теперь необходима для насъ новая дорога,—и все тотъ же свѣтлый взглядъ провидѣлъ, куда именно намъ слѣдуетъ идти и намѣтилъ намъ путь. Еще не бывало и *не будетъ* на свѣтѣ человѣка, который могъ бы придумать что-либо лучшее! Прежнее положеніе дѣлъ было таково: пораженіе, пораженіе и пораженіе! Оттого-то у насъ были войска безъ храбрости, безъ натиска, безъ надеждъ... Развѣ бросились бы вы на каменныя стѣны съ такими войсками? Съ ними былъ только одинъ, единственный исходъ: засѣсть передъ укрѣпленіемъ и ждать, ждать, чтобы пронять осажденныхъ голодомъ, если возможно. Новое положеніе дѣлъ совершенно иное: люди пылаютъ рвеніемъ, задоромъ, удалью, отвагой, яростью—сущее воспаленіе! Ну, что жъ вы будете дѣлать съ этимъ? Неужели же подавлять эти порывы, тушить пылъ, дать ему заглохнуть? А что̀ сдѣлала бы съ этимъ Жанна д'Аркъ? Да она *выпустила бы пары*, клянусь Творцомъ неба и земли! Она дала-бъ имъ пожрать непріятеля въ вихрѣ полымя! Ничто такъ не доказываетъ блеска и премудрости ея воинской геніальности, какъ это, такъ сказать, мгновенное пониманіе размѣровъ происшедшей перемѣны и ея способность уразумѣть правильный, и собственно единственный, способъ извлечь изъ нея пользу. Съ нею не станешь сидѣть на мѣстѣ, не будешь морить непріятеля голодомъ; не станешь топтаться и шарахаться туда-сюда; не будешь ни лѣнтяйничать, ни ротозѣйничать, ни лежебочничать. Нѣтъ! Она знаетъ одно только: приступъ, приступъ, приступъ! И опять—приступъ, приступъ! И всегда и вездѣ—приступъ! Загоняйте врага въ его берлогу, выпускайте на него всѣхъ французовъ, берите врага приступомъ! Вотъ это въ *моемъ* духѣ! Жаржо̀?! Велика важность—Жаржо̀, со всѣми его башнями и укрѣпленіями, съ его разрушительными пушками и семью тысячами отборныхъ старыхъ служакъ! Жанна д'Аркъ шествуетъ впереди—и, клянусь величіемъ Господнимъ, судьба этой крѣпости рѣшена!

О, Ля-Гиръ положительно увлекъ ихъ. Ни слова больше не было

сказано о томъ, чтобы убѣдить Жанну измѣнить пріемъ. Послѣ того совѣщавшіеся сидѣли еще, бесѣдуя довольно мирно.

Вскорѣ вошла Жанна. Они встали и отдали ей честь своими мечами, а она спросила, на чемъ имъ угодно будетъ порѣшить? Ля-Гиръ сказалъ:

— Вопросъ о крѣпости Жаржо рѣшенъ, мой генералъ. Но нѣкоторые полагаютъ, что мы не можемъ ее взять.

Жанна разсмѣялась своимъ милымъ, веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ, который такъ игриво, легко катился съ ея губъ и заставлялъ стариковъ какъ-будто молодѣть. Затѣмъ она сказала, обращаясь ко всему собранію:

— Не бойтесь! Право, страхъ тутъ неумѣстенъ и ненуженъ. Мы смѣло ударимъ на англичанъ—и увидите, чтò будетъ.

Но тутъ въ глазахъ ея промелькнулъ блуждающій взглядъ: думаю, что въ ту минуту въ ея воображеніи пронеслись картины роднаго очага. Она сказала премило, но какъ бы задумавшись:

— Да, я знаю, что насъ ведетъ самъ Богъ, и Онъ даруетъ намъ успѣхъ: иначе я лучше осталась бы пасти овецъ, чѣмъ подвергаться такимъ опасностямъ.

Въ тотъ вечеръ у насъ былъ, такъ-сказать, семейный прощальный ужинъ: только наша семья да личная свита Жанны. Самой Жаннѣ не пришлось присутствовать на немъ. Городъ давалъ пиръ въ честь нея; и она отправилась туда въ полномъ парадѣ, съ главнымъ штабомъ, подъ веселый звонъ колоколовъ и вдоль цѣлаго млечнаго пути разноцвѣтныхъ огней.

Послѣ ужина къ намъ присоединились кое-кто изъ знакомой намъ веселой молодежи: и на время мы позабыли, что мы—солдаты, помня только, что мы—юноши и дѣвушки, полные жизнерадостныхъ ощущеній и долго-сдержаннаго веселья. И поднялись у насъ игры, танцы, шалости и взрывы смѣха, такіе необузданные, но шумные и невинные, что я въ жизни не испытывалъ ничего подобнаго. О Боже, Боже, какъ давно все это было! И я самъ тогда былъ еще молодъ.

А тамъ, снаружи, все время слышался мѣрный топотъ марширующихъ полковъ,—запоздавшихъ остатковъ французскихъ войскъ, собиравшихся на-завтра разъиграть трагедію на мрачной сценѣ войны... Да, въ ту пору у насъ встрѣчались такія крайности бокъ-

о-бокъ. Уходя спать, я замѣтилъ еще нѣчто подобное. Большой Карликъ, въ чудесномъ новомъ вооруженіи, сидѣлъ, какъ сторожъ на-часахъ, у порога Жанны: настоящее воплощеніе грознаго Духа Войны! А на его широкомъ плечѣ свернулся клубочкомъ и спокойно спалъ котенокъ.

ГЛАВА XXVII.

Жанна — „опытный генералъ“ подъ Жаржо.

Мы представляли собой роскошную картину, когда проходили на другой день подъ мрачными воротами Орлеана. Наши знамена развѣвались; Жанна и главный штабъ шествовали впереди длинной вереницы войскъ. Оба юные графы де-Ляваль также присоединились къ намъ и вошли въ составъ главнаго штаба. И прекрасно сдѣлали: война было ихъ настоящее ремесло; они, вѣдь, были внуки знаменитаго борца, Бертрана Дюгеклена, бывшаго когда-то коннетаблемъ Франціи (41). Присоединились еще: Люи Бурбонъ, маршалъ де-Рэ и видамъ Шартрскій (42). Мы имѣли полное право тревожиться: стало извѣстно, что войско въ пять тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ сэра Джона Фастольфа, идетъ на подкрѣпленіе къ Жаржо; тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, мы не были встревожены. И правду сказать, эти войска еще не достигли сосѣдней съ нами мѣстности. Невѣдомо почему, сэръ Джонъ замѣшкался, не спѣшилъ идти впередъ. Онъ терялъ драгоцѣнное время, задержавшись на четыре дня въ Этампѣ, и еще на четыре—въ Жанвилѣ.

Мы подошли къ Жаржо и тотчасъ же принялись за дѣло. Жанна выслала впередъ сильное войско, которое великолѣпно накинулось на внѣшнія укрѣпленія, отвоевало себѣ твердую позицію и упорно билось, чтобы сохранить ее за собой; но, вотъ, имъ пришлось отступать передъ непріятельской вылазкой изъ города. Видя это, Жанна кликнула свой боевой кличъ и сама повела войска опять на приступъ, подъ жесточайшимъ орудійнымъ огнемъ. Паладинъ палъ, раненый, подлѣ нея; но она вырвала свое знамя изъ его слабѣющей руки и бросилась впередъ, въ самое пекло летающихъ снарядовъ, ободряя своихъ воиновъ смѣлыми возгласами.

Затѣмъ долго не было ничего видно и слышно, кромѣ давки, звона

стали, столкновенія и смятенія въ борьбѣ множества людей, да дикаго рева орудій. Потомъ все исчезло въ волнахъ какъ бы дымнаго свода, подъ которымъ порою на мгновенье прорѣзывались кругомъ картины лютой расправы. И каждый разъ взглядъ могъ уловить стройную фигуру въ бѣлой бронѣ, которая все время была нашимъ средоточіемъ, душой нашихъ надеждъ и упованій: и когда бы мы ни завидѣли ее, спиной къ намъ, лицомъ къ битвѣ, мы знали, что все идетъ ладно. Наконецъ, пронесся громкій, радостный крикъ—и мы поняли, что пригороды въ нашихъ рукахъ.

Да, они наши! Непріятель оттѣсненъ за городскія стѣны. Мы расположились станомъ на мѣстѣ, отвоеванномъ Жанной: уже наступала ночь.

Жанна послала англичанамъ воззваніе, обѣщавшее, что ихъ отпустятъ съ миромъ, если они сдадутся, что имъ даже дозволятъ увезти съ собою лошадей. Никто и не подозрѣвалъ, что Жанна можетъ взять такое сильное укрѣпленіе; а она знала это, она была увѣрена въ этомъ. И она же сама предлагала врагу эту милость въ такое время, когда такая снисходительность была дѣломъ совершенно чуждымъ войнѣ: тогда было въ обычаѣ безъ жалости, безъ угрызеній совѣсти убивать гарнизонъ и жителей взятыхъ городовъ, иногда даже не исключая невинныхъ женщинъ и дѣтей. Среди васъ, вѣроятно, найдутся сосѣди, которымъ еще хорошо памятны невыразимыя жестокости Карла Смѣлаго надъ мужчинами, женщинами и дѣтьми города Динана, когда онъ взялъ его приступомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ (43). Сердечная милость, предложенная Жанной гарнизону, была единственная въ своемъ родѣ. Но таковъ ужъ былъ ея обычай; такова была ея природная любовь къ людямъ и великодушіе. Она всегда дѣлала все, что могла, чтобы сохранить непріятелю жизнь и воинскую честь, когда побѣда была на ея сторонѣ.

Англичане просили перемирія на пятнадцать дней, чтобы обсудить это предложеніе. А въ это время подойдетъ, вѣдь, и Фастольфъ со своими 5.000 человѣкъ. Жанна отказала; но зато она предложила имъ еще одну милость — увезти съ собою лошадей и ручное оружіе, но съ тѣмъ, чтобы они уходили черезъ часъ.

Ну, эти желѣзные служаки Англіи были довольно крѣпколобый

народъ. Они снова отвѣтили отказомъ. Тогда Жанна отдала приказъ своей арміи быть готовой идти на приступъ въ девять часовъ утра. Взвѣсивъ тяжелый переходъ и сраженіе, которые пришлось только-что выдержать, Алансонъ считалъ, что это слишкомъ рано. Но Жанна сказала, что такъ будетъ лучше; и надо было ей повиноваться. Тогда на нее нашелъ одинъ изъ тѣхъ восторженныхъ порывовъ, какіе всегда овладѣвали ею, когда сраженіе было неизбѣжно. Она воскликнула:

— Работайте, работайте,—и самъ Богъ поможетъ намъ!

Да, можно было сказать, что это ея девизъ: «Работайте! Упорствуйте въ работѣ! Не покидайте дѣла!» Самой-то ей лѣнь была незнакома. И кто бы ни взялъ себѣ эти слова знаменемъ, тотъ вѣрнѣе всего будетъ имѣть успѣхъ. Въ этомъ мірѣ не мало способовъ къ успѣху, но самый надежный только тотъ, который достигается добрымъ трудомъ.

Я думаю, въ тотъ день мы лишились бы нашего дюжаго Знаменосца, если-бъ еще болѣе дюжій Карликъ не оказался подлѣ и не вынесъ его изъ самой mêlée (сѣчи), гдѣ онъ былъ раненъ. Онъ потерялъ сознаніе; и его растоптали бы наши собственные кони, если-бъ Карликъ не успѣлъ спасти его и вынести вонъ. Онъ оправился и часа черезъ два-три окончательно пришелъ въ себя. Тогда онъ почувствовалъ себя счастливымъ и возгордился. Онъ важничалъ своей раной, бродилъ, выставляя напоказъ свои повязки, какъ большое наивное дитя: да онъ и былъ сущій ребенокъ! Онъ больше гордился тѣмъ, что раненъ, чѣмъ гордился бы истинно скромный человѣкъ, если-бъ его убили. Но его тщеславіе было самаго безвреднаго свойства, и никто не обращалъ на него вниманія. Онъ говорилъ, что въ него попалъ камень изъ катапульта,—камень величиною съ голову; и, понятно, этотъ камень все разростался. Къ концу этихъ росказней уже оказывалось, что непріятель швырнулъ въ него цѣлый домъ.

— Не мѣшайте ему, замѣтилъ Ноэль Рэнгессонъ.—Не прерывайте его похода: завтра на него упадетъ цѣлый соборъ.

Онъ говорилъ это про себя; а на другой день дѣйствительно появился уже цѣлый соборъ. Отроду не видывалъ я человѣка съ такимъ необузданнымъ воображеніемъ!

Чуть зорька, Жанна уже принялась разъѣзжать повсюду, гоняя своего коня въ галопъ. Она осматривала подробно мѣстность и выбирала самое лучшее положенie для своей артиллерiи. И она разставила свои пушки съ такимъ тонкимъ разсчетомъ, что восхищенie ея генералъ-лейтенанта еще живо сохранилось въ его памяти четверть вѣка спустя, когда съ него снимали показанie на Судѣ Возстановленiя.

Въ этомъ показанiи герцогъ Алансонъ говоритъ, что въ то утро, 12-го iюня, подъ Жаржð, Жанна располагала свои войска не какъ новичекъ въ военномъ дѣлѣ, а «съ твердымъ и яснымъ пониманiемъ опытнаго полководца, прослужившаго лѣтъ двадцать-тридцать».

Старые командиры французскихъ войскъ говорили, что велико ея искусство въ военномъ дѣлѣ вообще, но что величайшая ея генiальность состояла въ расположенiи и дѣйствiяхъ артиллерiи.

Кто научилъ дѣвочку-пастушку творить всѣ эти чудеса? Ни читать, ни писать она, вѣдь, не умѣла, а также не имѣла случая изучить сложное военное искусство. Я не знаю, какъ и разрѣшить такую головоломную задачу: въ исторiи не было никакого примѣра, съ которымъ можно бы сравнить это дѣло и разобраться. Въ исторiи нѣтъ такого полководца, какъ бы онъ ни былъ одаренъ, который достигъ бы успѣха иначе, какъ путемъ толковаго воспитанiя, упорнаго изученiя, а также нѣкоторой опытности. Это — загадка, которой никогда никто не разгадаетъ. Я же думаю, что эта всесильная власть и таланты были у нея врожденные, и она примѣняла ихъ къ дѣлу по наитiю свыше; а оно, вѣдь, не ошибается.

Въ восемь часовъ прекратилось всякое движенie, а съ нимъ—и всякая суета, всякiй шумъ. Царило безмолвное ожиданie. И ужасна была эта особенная тишина: что-то многое таилось подъ ней. Въ воздухѣ ничто не шелохнуло. Знамена на башняхъ и укрѣпленiяхъ висѣли прямо, словно кисточки. Всякiй стоялъ въ выжидательномъ положенiи, какъ человѣкъ, который прервалъ свою работу, чтобы къ чему-то прислушаться. Мы стояли на господствующемъ мѣстѣ, скучившись вокругъ Жанны.

Недалеко отъ насъ, справа и слѣва, разстилались переулочки и скромныя жилища выступающихъ пригородовъ. Виднѣлось немало

людей, но ни одинъ изъ нихъ не шевелился: всѣ безмолвно къ чему-то прислушивались. Одинъ изъ нихъ собирался вколотить гвоздь въ косякъ двери, чтобы что-то прибить къ своей лавочкѣ, но сталъ, какъ вкопанный. Одна рука у него приподнялась, сжимая гвоздь, другая была занесена, готовая стукнуть по немъ молоткомъ. Но онъ все забылъ: голова его повернулась въ сторону; онъ напряженно прислушивался. Даже дѣти безсознательно прервали свои игры: я видѣлъ мальчика, который собирался погнать за уголъ свой обручъ палочкой, опущенной кончикомъ къ землѣ; но и онъ пріостановился и прислушивался, а его обручъ катился самъ, куда попало. Я видѣлъ молодую дѣвушку, какъ въ рамкѣ, въ открытомъ окнѣ; въ рукахъ у нея какъ бы застыла лейка надъ ящикомъ съ красными цвѣтами. Но вода не текла: дѣвушка тоже прислушивалась. Повсюду были тѣ же краснорѣчивыя, окаменѣлыя картины; вездѣ замѣчалось внезапно прерванное движеніе, царила ужасающая тишина.

Жанна высоко подняла свой мечъ. По этому сигналу, словно на части разорвалось всеобщее молчаніе. Пушки, одна за другой начали изрыгать дымъ и пламя и разносить свой трепещущій грохотъ. И мы увидѣли, какъ съ башенъ и съ городскихъ стѣнъ показались отвѣтные языки огня, а вмѣстѣ съ ними загрохотали отвѣтные раскаты пушечныхъ залповъ. Въ одну минуту стѣны и башни исчезли: на ихъ мѣстѣ появились широкіе ряды и столбы бѣлоснѣжнаго дыма, неподвижно стоявшаго въ мертвомъ воздухѣ. Испуганная дѣвушка выронила изъ рукъ свою лейку и всплеснула руками; въ ту же минуту каменное ядро пронзило ея прелестное тѣло.

Великій поединокъ двухъ артиллерій продолжался; и каждая изъ сторонъ громыхала что̀ есть мочи: просто роскошь, сколько было тутъ шуму, дыму,—всего, что̀ такъ возбуждаетъ храбрость. Бѣдненькій городокъ, окружавшій насъ, пострадалъ жестоко. Пушечныя ядра врывались въ хрупкія постройки и разрушали ихъ, какъ карточные домики. Съ минуты на минуту въ воздухѣ мелькалъ какъ бы гигантскій осколокъ утеса, который описывалъ дугу надъ облаками дыма и нырялъ въ глубину пробитыхъ крышъ. И наружу вырывался огонь; столбы дыма и пламени подымались подъ небеса.

Но, вотъ, залпы артиллеріи измѣнили погоду: небо обложило тучами, поднялся сильный вѣтеръ и разсѣялъ дымъ, скрывавшій англійскія укрѣпленія.

Открылась чудная картина: зубчатыя сѣрыя стѣны и башни, волнующіяся яркія знамена, потоки красныхъ струй огня, столбы бѣлаго дыма,—все выступало рѣзко и отчетливо на темно-свинцовомъ небосклонѣ; а затѣмъ свистящіе снаряды принялись взрывать грязь вокругъ насъ. И меня ужъ больше не занимала окружающая картина. Но одна англійская пушка съ каждымъ выстрѣломъ все больше и больше разрушала наше мѣсто. Вдругъ Жанна указала на это и проговорила:

— Милый герцогъ! Сойдите со своего мѣста, или это орудіе убьетъ васъ.

Алансонъ такъ и сдѣлалъ. Но мосье дю-Людъ поспѣшилъ встать на его мѣсто: и ядро оторвало ему голову въ ту же минуту.

Жанна все время слѣдила, чтобы уловить удобный моментъ для приступа. Наконецъ, въ девять часовъ она вскричала:

— Ну, теперь на приступъ!

И рога затрубили нападеніе.

Мы были свидѣтелями, какъ въ одно мгновенье двинулся впередъ отрядъ, предназначенный для этой цѣли, и направился къ тому мѣсту, гдѣ наши орудія разрушили верхнюю часть стѣны на довольно широкомъ пространствѣ; мы видѣли, какъ эти солдаты спустились въ ровъ и начали приставлять лѣстницы. Вскорѣ и мы очутились подлѣ нихъ. Генералъ-лейтенантъ думалъ, что приступъ преждевремененъ, но Жанна возразила:

— О, милый герцогъ, неужели вы боитесь? Развѣ вамъ неизвѣстно, что я обѣщала отпустить васъ домой здравымъ и невредимымъ?

Горячо закипѣло дѣло во рвахъ. Стѣны кишѣли людьми, которые низвергали на насъ цѣлыя груды камней. Былъ тамъ одинъ великанъ-англичанинъ, который дѣлалъ намъ больше вреда, чѣмъ цѣлая дюжина его земляковъ. Онъ всегда стоялъ на самыхъ доступныхъ приступу мѣстахъ и швырялъ ужасно докучливые, огромные камни, которые давили и людей, и лѣстницы заразъ, а затѣмъ покатывался со смѣху надъ своими подвигами. Но герцогъ свелъ съ

нимъ счеты. Онъ подошелъ къ знаменитому пушкарю, Жану изъ Лотарингіи, и сказалъ:

— Наведи-ка хорошенько свою пушку и убей мнѣ этого чорта!

Съ перваго же выстрѣла Жанъ убилъ его наповалъ: выстрѣлъ угодилъ англичанину прямо въ грудь и сбросилъ его со стѣны въ городъ.

Сопротивленіе непріятеля было такъ упорно и существенно, что наши люди начали выказывать признаки сомнѣнія и неудовольствія. При видѣ этого, Жанна испустила свой вдохновленный боевой кличъ и сама спустилась въ ровъ. Карликъ помогалъ ей, а Паладинъ храбро шелъ рядомъ съ нею, съ ея знаменемъ въ рукахъ. Она бросилась вверхъ по лѣстницѣ, но брошенный сверху камень раздавилъ ея шлемъ и свалилъ ее, раненую и ошеломленную, на землю. Впрочемъ, лишь на одинъ мигъ. Карликъ поставилъ ее на ноги; и она прямешенько бросилась опять на лѣстницу, крича:

— На приступъ, друзья, на приступъ! Англичане—наши! Пришелъ назначенный часъ!

Всѣ стремительно бросились впередъ. Неистово загремѣлъ боевой кличъ; и мы цѣлой кучей нагрянули на укрѣпленія, какъ муравьи. Гарнизонъ бѣжалъ; мы преслѣдовали его. Жаржо было наше!

Графъ Суффолькъ былъ стиснутъ и окруженъ. Герцогъ Алансонъ и Побочный Орлеанъ потребовали, чтобы онъ сдался. Но то былъ гордый вельможный потомокъ гордаго рода. Онъ отказался отдать мечъ свой лицамъ ниже его по сану и прибавилъ:

— Скорѣй умру! Я сдамся только Орлеанской Дѣвѣ, и никому другому.

Онъ такъ и сдѣлалъ; а она обошлась съ нимъ вѣжливо и благородно. Его два брата отступили къ мосту, оспаривая каждый шагъ, а мы тѣснили ихъ растерявшееся войско и валили ихъ съ ногъ десятками. Когда мы достигли моста, битва все еще продолжалась. Александра де-ля-Поль столкнули или онъ самъ свалился: онъ утонулъ. Всѣхъ пало одиннадцать сотенъ; и Джонъ де-ля-Поль рѣшилъ, отказаться отъ дальнѣйшей борьбы. Но онъ былъ почти такъ же гордъ и разборчивъ, какъ его братъ, Суффолькъ, насчетъ того кому сдаться. Ближайшимъ изъ французскихъ офицеровъ подъ рукой оказался Гильомъ Рено, который упорно наступалъ на него. Сэръ Джонъ спросилъ его:

— Вы дворянинъ?

— Да.

— И рыцарь?

— Нѣтъ.

Сэръ Джонъ, тутъ же, на мосту, самъ совершилъ надъ нимъ обрядъ посвященія въ рыцари и пожалъ ему руку съ чисто-англійскимъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ, посреди цѣлой бури избіенія и калѣченья. Затѣмъ, поклонившись въ высшей степени вѣжливо, онъ взялъ свой мечъ за лезвіе и вложилъ его рукояткой въ руку непріятеля, въ знакъ того, что сдается. О, да! гордое племя, всѣ эти де-ля-Пòли!

То былъ великій, достопамятный день, самая блестящая изъ побѣдъ! Мы забрали толпы плѣнныхъ; но Жанна не позволяла обижать ихъ. Мы забрали ихъ съ собой и вступили въ Орлеанъ, на слѣдующій день, посреди обычной бури ликованій и привѣтствій.

На этотъ разъ нашему вождю былъ оказанъ новый знакъ почтенія. Отовсюду, изъ улицъ, запруженныхъ народомъ, новые добровольцы прокладывали себѣ къ ней дорогу, чтобы прикосновеніемъ къ мечу Жанны д'Аркъ извлечь изъ него хоть малую толику того таинственнаго свойства, которое дѣлало его непобѣдимымъ.

ГЛАВА XXVIII.

Пророчества героини о счастьѣ Франціи и о собственной гибели.

Надо же, однако, войскамъ и отдохнуть: на это предположил употребить два дня.

14-го іюня, поутру, я писалъ подъ диктовку Жанны, въ небольшой комнаткѣ, которою она пользовалась иногда, какъ своею личной канцеляріей, когда ей надо было уходить подальше отъ чиновниковъ и связанныхъ съ ними помѣхъ. Вошла Катерина Бушэ. Она присѣла и сказала:

— Жанна, милая, мнѣ надо поговорить съ вами.

— Право? Это не только не огорчаетъ меня, но я даже рада. Ну, чтò у васъ на умѣ?

— А вотъ чтò. Я почти не спала прошлую ночь, раздумывая объ опасностяхъ, которымъ вы подвергаете себя. Паладинъ разска-

залъ мнѣ, какъ вы заставили герцога отойти въ сторону, когда кругомъ лежали пушечныя ядра, и такимъ образомъ спасли ему жизнь.

— Ну, что-жъ, вѣдь, такъ и слѣдовало, не правда-ли?

— Конечно, но вы сами, вѣдь, оставались тамъ! Къ чему это? Вѣдь, это совсѣмъ излишняя храбрость.

— О, нѣтъ, нисколько! Для меня не было никакой опасности.

— Какъ можете вы говорить такъ, Жанна, когда надъ вами летаютъ эти смертельныя штуки?

Жанна разсмѣялась и попыталась перемѣнить разговоръ, но Катерина настаивала на своемъ. Она сказала:

— Было страшно опасно; и вовсе не было надобности оставаться въ такомъ мѣстѣ. А вы еще опять повели людей на приступъ! Жанна, вы искушаете Провидѣніе. Я хочу... Обѣщайте мнѣ, что будете поручать другимъ дѣлать приступъ, если ужъ онъ такъ *необходимъ*, и вообще будете больше заботиться о себѣ во время этихъ ужасныхъ битвъ. Обѣщаете?

Но Жанна отбивалась отъ такого обѣщанія, да такъ и не дала его. Катерина посидѣла еще немного, смущенная и недовольная; затѣмъ сказала:

— Жанна! Неужели вы всегда останетесь въ солдатахъ? Эти войны такъ долго тянутся, такъ долго! Онѣ будутъ длиться, кажется, всегда, всегда!

Въ глазахъ Жанны мелькнулъ огонекъ удовольствія, и она воскликнула:

— Въ этомъ походѣ вся дѣйствительно тяжелая первоначальная работа окончится въ теченіе слѣдующихъ четырехъ дней. Все остальное время будетъ легче, о, гораздо легче, и не такъ кровопролитно. Да, черезъ четыре дня Францiя завладѣетъ еще однимъ такимъ же залогомъ побѣды, какъ искупленіе Орлеана, и сдѣлаетъ второй большой шагъ къ своему освобожденію!

Катерина вздрогнула (да и я тоже). Потомъ она долго смотрѣла на Жанну, словно въ забытьи, и бормотала безсознательно, какъ-бы про себя: «Четыре дня... Четыре дня». Наконецъ, она спросила тихимъ голосомъ, и въ немъ послышался ужасъ:

— Скажите, Жанна, какъ это вы узнаёте? Мнѣ, вѣдь, кажется, что вы знаете навѣрно.

— Да!—подтвердила, какъ бы во снѣ, Жанна.—Знаю... знаю. Я буду убивать, да; еще разъ убивать. И прежде, чѣмъ четвертый день придетъ къ концу, мнѣ все еще придется убивать людей...

Она умолкла. Мы сидѣли тихонько и дивились на нее. А она цѣлую минуту смотрѣла неподвижно на полъ, и ея губы чуть-чуть шевелились, но не пролепетали ни звука. Потомъ пронеслись чуть слышныя слова:

— И въ тысячу лѣтъ власть англичанъ во Франціи не будетъ въ состояніи оправиться отъ этого удара.

Дрожь пробѣжала у меня по кожѣ, жутко мнѣ стало. Очевидно, Жанна снова была въ забытьи, или какъ будто въ забытьи, какъ тогда, на пастбищѣ въ Домреми, гдѣ она изрекала свои предсказанія намъ, мальчикамъ, что мы всѣ будемъ на войнѣ, но потомъ не пояснила, чтò предсказала. Она и теперь была безъ сознанія. Но Катерина не понимала этого; и она сказала радостно:

— О, вѣрю, вѣрю, и я такъ рада! Такъ вы вернетесь къ намъ и останетесь съ нами на всю жизнь; а мы такъ-то будемъ любить васъ и почитать!

Чуть замѣтная судорога промелькнула на лицѣ Жанны, и ея дремотный голосъ произнесъ:

— Прежде, чѣмъ пройдутъ два года, я умру жестокой смертью.

Я бросился къ ней, поднявъ руку; и только поэтому Катерина не вскрикнула. Но она была готова вскрикнуть: я это видѣлъ ясно. Тогда я ей шепнулъ, чтобы она тихонько выскользнула изъ комнаты и ничего не говорила про то, чтò сейчасъ случилось. Я ей сказалъ, что Жанна задремала и говоритъ во снѣ. А Катерина прошептала мнѣ въ отвѣтъ:

— О, я такъ благодарна, что это—только сонъ! Эти слова звучали словно пророчество.

И она вышла. *Словно* пророчество!... Я зналъ, что это *было* именно пророчество: я сѣлъ и зарыдалъ, зная, что мы должны лишиться ея. Вскорѣ она встрепенулась и, вздрагивая слегка, пришла въ себя. Она оглянулась вокругъ и, увидавъ, что я плачу, вскочила со своего кресла и подбѣжала ко мнѣ въ порывѣ сочувствія и жалости.

— Бѣдный мой мальчикъ!—сказала она, положивъ мнѣ на голову свою руку.—Что съ тобой? Взгляни на меня и скажи!

Мнѣ пришлось солгать; горько мнѣ это было, но другого исхода не было. Я схватилъ со стола какое-то старое письмо, написанное Богъ вѣсть кѣмъ, Богъ вѣсть о чемъ, и сказалъ ей, будто только-что получилъ его отъ отца Фронта, и будто въ немъ говорится, что дѣтское Древо Фей срублено какимъ-то тамъ злодѣемъ, и будто... Но я не могъ продолжать. Она вырвала письмо у меня изъ рукъ и стала разглядывать его снизу вверхъ, поворачивая туда-сюда. Вдругъ она разразилась рыданіями. Слезы катились у нея по щекамъ; и она все восклицала:

— О, жестокій, жестокій! Можно ли быть такимъ безсердечнымъ? Ахъ, бѣдное бурлемонское Древо Фей!.. Оно погибло; а мы-то, дѣти, такъ любили его!.. Покажите мнѣ мѣсто, гдѣ говорится объ этомъ!

Все продолжая лгать, я показалъ ей мнимо-роковыя слова на мнимо-роковой страницѣ. А она смотрѣла на нихъ сквозь слезы и говорила, что сама видитъ, какъ уродливы, отвратительны эти слова, что у нихъ «и видъ-то такой».

Но тутъ мы вдругъ услышали чей-то могучій голосъ, провѣщавшій намъ изъ корридора:

— Гонецъ отъ Его Величества, короля, съ бумагами для Его Превосходительства, Главнокомандующаго войсками Франціи!

ГЛАВА XXIX.

Усиленіе французовъ.—Отступленіе англичанъ.

Я *зналъ*, что ей опять было видѣніе волшебнаго Древа. Но когда? Этого я не могъ знать. Безъ сомнѣнія, передъ тѣмъ, какъ она сказала недавно королю, чтобы онъ воспользовался ею, ибо ей остался только одинъ годъ на работу. Въ то время мнѣ не пришло это въ голову; но теперь у меня явилась увѣренность, что именно въ это самое время она увидѣла это Древо. Это видѣніе принесло ей желанную вѣсточку. Это было ясно: иначе она не могла бы быть такъ весела и беззаботна за послѣдніе дни. Предвѣщаніе смерти не имѣло для нея ничего непріятнаго. Напротивъ: то былъ конецъ изгнанію, отпускъ домой...

Да, она видѣла Древо. Никто не принялъ къ сердцу пророчества, объявленнаго ею королю. И недаромъ. Никому *не хотѣлось*

принимать его къ сердцу: всѣмъ хотѣлось отмахнуться отъ него, забыть его. И всѣмъ удалось это: всѣ будутъ до конца вести спокойную, пріятную жизнь. Но не я! Я принужденъ носить въ себѣ свою страшную тайну, и никто мнѣ въ этомъ не поможетъ. Тяжкое, горестное бремя! Каждый день оно будетъ разбивать мнѣ сердце. Жанна должна умереть, и такъ скоро! Никогда и во снѣ мнѣ этого не снилось. Ну, могъ-ли я вообразить что-либо подобное въ то время, когда она была такъ молода, свѣжа, крѣпка, когда она съ каждымъ днемъ пріобрѣтала все больше правъ на мирную, почетную старость? Вѣдь, въ то время я еще считалъ, что старость— драгоцѣнный даръ. Не знаю почему, но я думалъ такъ. Я думаю, всѣ молодые люди думаютъ то-же: они, вѣдь, невѣжественны и преисполнены суевѣрій...

Ей было видѣніе Древа! Въ эту мучительную ночь предо мной вдругъ возникли, вновь прорѣзались въ моей памяти, старинные стихи:

И когда мы станемъ, страннички,
Ждать предъ смертію видѣнія,
Встань предъ нашимъ взоромъ, встань!

На зарѣ трубный и барабанный громъ разразился въ дремотной утренней тишинѣ. Все всполошилось: садись и скачи! Впереди у насъ было кровавое дѣло.

Мы прослѣдовали до Мёнга безъ остановки. Тамъ мы взяли мостъ приступомъ и оставили отрядъ, чтобы удержать его за собой; а остальныя силы выступили, на слѣдующее утро, по направленію къ Божанси, гдѣ левъ-Тальботъ, гроза французовъ, командовалъ войсками. Когда мы прибыли въ ту мѣстность, англичане отступили въ замокъ, а мы расположились въ оставленномъ городѣ. Въ ту минуту Тальботъ не присутствовалъ тамъ лично: онъ ушелъ поджидать и встрѣчать Фастольфа съ его пятью тысячами подкрѣпленія.

Жанна разставила свои батареи и обстрѣливала замокъ до самой ночи. Тутъ пришли новыя вѣсти: Ришмонъ, коннетабль Франціи, который долго былъ въ немилости у короля, главнымъ образомъ по случаю лукавыхъ происковъ ля-Тремуйля и его приверженцевъ, подходилъ съ большимъ отрядомъ, чтобы предложить Жаннѣ свои услуги; а она чрезвычайно нуждалась въ нихъ, такъ какъ Фастольфъ былъ ужъ близехонько. Ришмонъ хотѣлъ раньше

присоединиться къ намъ, когда мы шли на Орлеанъ; но безумный король, рабъ своихъ негодныхъ совѣтниковъ, предупредилъ его, чтобы онъ держался поодаль, на извѣстномъ разстояніи, и отказывался отъ всякаго примиренія съ нимъ.

Вхожу въ эти подробности, ибо онѣ важны. Важны же онѣ потому, что раскрываютъ намъ новыя и необычайныя стороны государственной мудрости Жанны. Довольно странное дѣло—этотъ великій даръ у деревенской дѣвочки въ семнадцать съ половиной лѣтъ! Но она обладала имъ.

Жанна стояла за то, чтобы принять Ришмона радушно; того же мнѣнія были Ля-Гиръ, оба юныхъ графа де-Ляваля и другіе военачальники; но генералъ-лейтенантъ Алансонъ сурово и упрямо противился этому. Онъ говорилъ, что у него получено непреложное приказаніе короля отвергнуть услуги Ришмона и даже не признавать его, и что онъ, Алансонъ, покинетъ войско, если его не послушаются. Ну, это было бы, конечно, большимъ несчастьемъ. Но Жанна поставила своей цѣлью убѣдить его, что спасеніе Франціи стоитъ впереди всѣхъ менѣе важныхъ вопросовъ, даже приказаній вѣнценоснаго безумца. И она достигла цѣли! Она убѣдила его ослушаться королевскаго приказа въ пользу всего народа, примириться съ графомъ Ришмономъ и привѣтствовать его. Это была настоящая государственная заслуга, самаго высшаго, самаго важнаго свойства. Да, взгляните на Жанну д'Аркъ—и вы найдете здѣсь все, что̀ люди называютъ великимъ!

Рано утромъ, 17-го іюня, развѣдчики донесли, что приближается Тальботъ съ Фастольфомъ и съ его подкрѣпленіями. Тогда барабаны забили призывъ къ оружію; и мы выступили навстрѣчу англичанамъ, оставивъ позади Ришмона и его войска, чтобы стеречь замокъ Божанси и удерживать въ немъ гарнизонъ. Постепенно мы дошли до такого мѣста, что завидѣли непріятеля.

Фастольфъ пробовалъ убѣждать Тальбота, что самое разумное было бы отступить и, на этотъ разъ, не рисковать сражаться съ Жанной, а новобранцевъ распредѣлить по англійскимъ крѣпостямъ, на Луарѣ, ограждая ихъ, такимъ образомъ, отъ плѣна; затѣмъ, имѣть терпѣніе ждать и дождаться новыхъ рекрутовъ изъ Парижа. Пусть Жанна изнуряетъ свое войско ежедневными безплодными схватками;

а потомъ, въ свое время, надобно напасть на нее съ непреоборимыми силами и уничтожить ее. Мудрый и опытный генералъ былъ этотъ Фастольфъ. Но бѣшеный Тальботъ не хотѣлъ слышать ни о какой проволочкѣ. Онъ былъ разозленъ урокомъ, даннымъ ему Дѣвой въ Орлеанѣ: послѣ того онъ поклялся Богомъ и Георгіемъ Побѣдоносцемъ, что расправится съ ней, какъ только придется ему одному сразиться съ ней. Итакъ, Фастольфъ уступилъ ему, хоть и говорилъ, что они рискуютъ потерять теперь все, что̀ англичане успѣли пріобрѣсти за все время многолѣтнихъ трудовъ и тяжелыхъ ударовъ.

Непріятель занялъ сильное положеніе и выжидалъ, выстроившись въ боевомъ порядкѣ, съ своими лучниками впереди и съ частоколомъ передъ ними.

Подходила ночь. Явился гонецъ отъ англичанъ съ грубымъ вызовомъ и предложеніемъ вступить въ бой. Но Жанна не потеряла своего достоинства и не смутилась. Она отвѣтила вѣстнику:

— Ступай обратно и скажи, что теперь слишкомъ поздно. Не драться же ночью! Но завтра, если угодно будетъ Богу и Владычицѣ Небесной, мы сразимся.

Ночь наступила темная, дождливая. Шелъ тотъ рѣдкій, но спорый дождичекъ, который падаетъ на землю какъ-то нѣжно и навѣваетъ на душу миръ и тишину. Около десяти часовъ Алансонъ, Побочный Орлеанъ, Ля-Гиръ, Потонъ де-Сентрайль и еще двое-трое генераловъ пришли въ нашу палатку при главной квартирѣ и сѣли обсуждать дѣло съ Жанной. Одни сожалѣли, что Жанна отказалась отъ сраженія, другіе думали наоборотъ. Тогда Потонъ спросилъ ее, почему она уклонилась отъ битвы. Она отвѣчала:

— На это была не одна причина. Все равно, эти англичане— наши, они не могутъ убѣжать отъ насъ. Такъ зачѣмъ же подвергать себя опасности, какъ это бывало прежде? Вѣдь, день былъ уже на исходѣ; а хорошо имѣть много времени впереди и прекрасное дневное освѣщенье на придачу, когда силы *ослаблены*. Вѣдь, девятьсотъ человѣкъ нашихъ охраняютъ, вонъ тамъ, Мёнгскій мостъ, подъ начальствомъ маршала де-Рэ, а тысяча пятьсотъ человѣкъ, съ коннетаблемъ Франціи во главѣ, удерживаютъ за собой мостъ въ Божанси и стерегутъ его замокъ.

Дюнуа замѣтилъ:

— Меня огорчаетъ, ваше превосходительство, такое раздробленіе силъ; но помочь этому невозможно. Вѣдь, и завтра будетъ то же самое.

Какъ разъ въ эту минуту, Жанна прохаживалась по палаткѣ. Она засмѣялась своимъ ласковымъ, дружескимъ смѣхомъ и, остановившись передъ старымъ боевымъ генераломъ, прикоснулась своей рукой къ одному изъ перьевъ, торчавшихъ у него надъ головою, говоря:

— Ну, скажите-ка мнѣ, премудрый мужъ, къ которому изъ вашихъ перьевъ я прикоснулась?

— Право же, по чистой совѣсти, ваше превосходительство, не могу сказать.

— Боже мой, Побочный, Побочный! Вы не можете сказать даже такого пустяка, а имѣете смѣлость указывать на такое крупное обстоятельство, которое еще сокрыто во чревѣ народившагося завтрашняго дня. По-вашему, всѣхъ этихъ людей съ нами не будетъ. А мои мысли таковы, что всѣ они завтра соединятся съ нами.

Это произвело впечатлѣніе. Всѣмъ захотѣлось знать, почему она такъ думаетъ? Но Ля-Гиръ заговорилъ первый:

— Оставьте! Если она такъ думаетъ, этого довольно: такъ оно и случится.

Тутъ Потонъ де-Сентрайль спросилъ:

— Но были и другія причины, чтобы уклониться отъ битвы, по словамъ вашего превосходительства?

— Были. Одна изъ нихъ та, что мы слишкомъ слабы, а день слишкомъ близокъ къ концу для того, чтобы сраженіе могло быть рѣшительнымъ. А этотъ бой *долженъ быть* рѣшительнымъ, и онъ будетъ такимъ.

— Слава-те, Господи! Аминь. Но, все же были и еще причины?

— Еще одна была, да.

Жанна съ минуту поколебалась, но затѣмъ сказала:

— Не сегодня тотъ день, а завтра. Такъ написано.

Они хотѣли-было накинуться на нее съ горячими разспросами; но она подняла руку и остановила ихъ словами:

— Это будетъ самая благородная, самая благодатная побѣда, какую Богъ когда-либо даруетъ Франціи. Прошу васъ, не допра-

шивайте меня, откуда или какъ мнѣ это извѣстно; будьте довольны тѣмъ, что это такъ.

На всѣхъ лицахъ отразились удовольствіе и твердая убѣжденность, а также полное довѣріе къ ея словамъ. Шумъ говора только-что поднялся, какъ его прервалъ гонецъ съ передовыхъ постовъ, принесшій новость: вотъ уже съ часъ, какъ въ англійскомъ станѣ поднялась тревога, необычная въ такое время, особенно въ отдыхающихъ войскахъ. Подъ прикрытіемъ дождя и темноты, были высланы шпіоны развѣдать, что̀ тамъ такое? Они тотчасъ вернулись и донесли, что большіе отряды англійскихъ солдатъ, крадучись, безъ шума уходятъ но направленію къ Мёнгу.

Генералы очень удивились, какъ можно было прочесть на ихъ лицахъ.

— Это отступленіе!—проговорила Жанна.

— Похоже на то,—отвѣтилъ Алансонъ.

— Конечно, такъ!—замѣтили Побочный и Ля-Гиръ.

— Неожиданное дѣло!—сказалъ Люи Бурбонъ.—Впрочемъ можно угадать его цѣль.

— Да,—отозвалась Жанна.—Тальботъ одумался: его пылъ охладѣлъ. Онъ разсчитываетъ взять мостъ въ Мёнгѣ и бѣжать на ту сторону рѣки. Онъ знаетъ, что такимъ образомъ бросаетъ свой гарнизонъ въ Божанси на произволъ судьбы, предоставляя ему, если онъ можетъ, самому вывернуться у насъ изъ рукъ. Но для него нѣтъ другого исхода, если онъ желаетъ избѣжать этой битвы: это онъ тоже знаетъ. Но моста онъ не получитъ: ужъ мы позаботимся объ этомъ.

— Да, сказалъ Алансонъ: — мы должны преслѣдовать его, и позаботимся объ этомъ. Но какъ быть съ Божанси?

— Предоставьте его мнѣ, милѣйшій герцогъ: онъ будетъ моимъ черезъ два часа, и безъ кровопролитія.

— Совершенно вѣрно, ваше превосходительство! Вамъ надо будетъ только дать знать туда о нашей новости и принять сдавшихся.

— Да. А на зарѣ я уже буду съ вами, въ Мёнгѣ, чтобы захватить съ собой коннетабля и его полторы тысячи человѣкъ. Когда Тальботъ узнаетъ, что Божанси палъ, это произведетъ на него большое впечатлѣніе.

— Еще бы, клянусь Богомъ!—вскричалъ Ля-Гиръ.—Онъ прихватитъ мёнгскій гарнизонъ и тронется на Парижъ. Тогда съ нами опять будутъ и наше мостовое войско, и божансійская стража: такимъ образомъ мы окажемся на 2400 человѣкъ опытныхъ солдатъ сильнѣе, нежели обстоятельства сулили намъ часъ тому назадъ. Право-же, этотъ англичанинъ устраиваетъ за насъ наше дѣло и сохраняетъ намъ много крови и много спокойствія. Приказаній, ваше превосходительство, приказаній!

— Они очень просты. Пусть наши люди отдохнутъ еще три часа. Въ часъ выступитъ передовое войско подъ вашимъ предводительствомъ, съ Потономъ де-Сентрайлемъ въ качествѣ вашего помощника; второй отрядъ послѣдуетъ за вами въ два часа, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта. Держитесь строго позади непріятеля и старайтесь избѣгать сраженія. Я же, подъ прикрытіемъ, поѣду въ Божанси и поспѣшу все сдѣлать такъ, чтобъ мы съ коннетаблемъ Франціи могли еще до зари соединиться съ вами.

Она сдержала слово. Ея охрана сѣла на коней и мы уѣхали подъ проливнымъ дождемъ, прихвативъ съ собой одного плѣннаго англійскаго офицера, чтобы подтвердить слова Жанны. Живо достигли мы замка и потребовали сдачи. Ричардъ Гетэнъ, лейтенантъ Тальбота, далъ убѣдить себя, что онъ самъ и его 500 солдатъ остались безъ помощи, и согласился, что было бы безполезно сопротивляться. Онъ не могъ ожидать выгодныхъ условій для сдачи, но Жанна все-таки даровала ихъ гарнизону. Солдатамъ было разрѣшено оставить при себѣ коней и оружіе и увезти съ собой имущество, стоимостью въ одну серебряную марку (44) на человѣка. Они могли идти, куда угодно, но не браться за оружіе противъ французовъ въ теченіе десяти дней.

Еще до зари мы уже опять соединились со своими войсками, а съ нами—и коннетабль, и почти всѣ его солдаты: въ замкѣ Божанси мы оставили лишь небольшой гарнизонъ. Намъ слышны были впереди грохотъ и гулъ пушекъ: мы поняли, что Тальботъ напалъ на мостъ; но не задолго до разсвѣта эти звуки прекратились, и намъ больше ничего не было слышно.

Гетэнъ послалъ къ англичанамъ гонца черезъ наши войска, съ пропускомъ отъ самой Жанны, чтобы сообщить Тальботу о своей

сдачѣ. Конечно, этотъ посланецъ прискакалъ туда раньше насъ. Ну, и Тальботъ счелъ благоразумнымъ повернуть обратно, отступить на Парижъ. Когда забрезжилъ день, онъ уже исчезъ; а вмѣстѣ съ нимъ исчезли лордъ Скэльзъ и гарнизонъ Мёнга.

Какую обильную жатву англійскихъ укрѣпленій собрали мы въ эти три дня,—укрѣпленій, которыя съ полнымъ хладнокровіемъ и самоувѣренностью, даже съ избыткомъ самоувѣренности, угрожали намъ... но лишь до той минуты, покуда мы не подошли къ нимъ!

ГЛАВА XXX.

Пораженіе Тальбота у Патэ.

Когда, наконецъ, наступило утро этого приснопамятнаго дня 18-го іюня, нигдѣ нельзя было замѣтить и тѣни непріятеля, какъ я уже сказалъ. Но это меня не смущало: я зналъ, гдѣ мы найдемъ его и побьемъ, гдѣ нанесемъ ему тотъ обѣщанный ударъ, отъ котораго англійское владычество во Франціи не оправится и въ тысячу лѣтъ, какъ вѣщала Жанна въ припадкѣ ясновидѣнія.

Непріятель ушелъ въ глубь широкихъ равнинъ Ля-Босы (45),—въ бездорожную пустыню, покрытую кустарникомъ, съ разбросанными тамъ и сямъ купами рощъ, — въ мѣстность, гдѣ быстро можетъ скрыться изъ виду цѣлое войско. Мы нашли слѣды въ мягкой, сырой землѣ и пошли по нимъ. Судя по этимъ слѣдамъ, непріятель шелъ въ полномъ порядкѣ: не замѣчалось ни суматохи, ни оторопи.

Но намъ надо было быть осторожнѣе. Въ этомъ уголкѣ Франціи мы преспокойно могли наткнуться на засаду. Поэтому Жанна послала впередъ на развѣдки отрядъ конницы, подъ начальствомъ Ля-Гира, Потона и прочихъ командировъ. Нѣкоторые изъ числа остальныхъ офицеровъ начали выказывать признаки безпокойства. Эта игра въ прятки смущала ихъ и немного поколебала ихъ увѣренность.

Жанна угадала это состояніе духа и воскликнула съ нетерпѣніемъ:

— Именемъ Господа, чего вамъ еще надо? Мы *должны* разбить англичанъ — и разобьемъ ихъ. Они не ускользнутъ отъ насъ. Будь они хоть подвѣшены подъ самыя облака — и то мы ихъ достанемъ!

Мало-по-малу, мы приблизились къ Патэ: оно было на разстояніи одного льё отъ насъ. Но въ это самое время наши развѣдчики, пробираясь межъ кустовъ, спугнули оленя; тотъ понесся большими прыжками впередъ и въ мигъ пропалъ изъ виду. Минуты не прошло, какъ вдругъ раздался глухой, но продолжительный крикъ на пути къ Патэ. То кричали англійскіе солдаты. Они такъ долго томились въ гарнизонѣ на тухлой пищѣ, что не могли удержаться отъ взрыва восторга, когда это чудное, свѣжее жаркое запрыгало посреди нихъ. Бѣдное животное! Оно принесло столько вреда народу, который такъ его любилъ: вѣдь, теперь, французы узнали, гдѣ засѣли англичане, тогда какъ англичане даже и не подозрѣвали, гдѣ находятся французы.

Ля-Гиръ стоялъ, какъ вкопанный, потомъ послалъ гонца съ этой вѣстью. Жанна сіяла радостью. Алансонъ сказалъ ей:

— Прекрасно. Вотъ мы и нашли ихъ. Что жъ! Сразиться съ ними?

— А хороши-ли ваши шпоры?

— Къ чему вы спрашиваете? Развѣ они обратятъ насъ въ бѣгство?

— Nenni, en nom de Dieu (ни-ни, упаси Боже)! Эти англичане— наши: они погибли. Они сами обратятся въ бѣгство. Кому захочется преслѣдовать ихъ, тому необходимы хорошія шпоры. Впередъ! Сомкнитесь!

Къ тому времени, когда мы подошли съ Ля-Гиромъ, англичане замѣтили насъ. Войска Тальбота шли тремя частями: первымъ выступалъ передовой отрядъ гвардіи; затѣмъ шла артиллерія; наконецъ, значительно позади, боевой корпусъ. Теперь непріятель вышелъ изъ кустовъ и появился въ чистомъ полѣ. Тальботъ тотчасъ размѣстилъ свою артиллерію, своихъ передовыхъ гвардейцевъ и пятьсотъ лучниковъ вдоль изгородей, мимо которыхъ должны будутъ проходить французы; онъ надѣялся удержать эту позицію до тѣхъ поръ, пока подойдетъ его боевой отрядъ. Сэръ Джонъ Фастольфъ гналъ этотъ отрядъ бѣгомъ.

Жанна видѣла, что это—удобная минута, и приказала Ля-Гиру двинуться впередъ. Тотъ поспѣшно исполнилъ приказаніе, по обыкновенію пустивъ своихъ бѣшеныхъ всадниковъ, какъ бурный вихрь.

Герцогъ Алансонъ и Побочный Орлеанъ хотѣли-было слѣдовать за нимъ, но Жанна сказала:

— Нѣтъ еще, обождите!

И они ждали нетерпѣливо, безпокойно вертясь на сѣдлахъ. Но она не шелохнулась. Она смотрѣла прямо передъ собой. Она все взвѣшивала, размѣряла и разсчитывала время до тонкости, до минутъ, до секундъ. Вся ея великая душа отражалась въ ея глазахъ, въ поворотахъ головы, въ благородствѣ осанки; но отражались также терпѣніе, сдержанность, умѣнье владѣть собой и обстоятельствами.

А тамъ, впереди, все дальше и дальше, неслась грознымъ потокомъ дьявольская сила Ля-Гира. Надъ ней то поднимались, то опускались перья, и выдѣлялась величественная фигура самого вождя, съ поднятымъ, какъ древко знамени, мечомъ.

— О, Сатана съ его полчищами! Смотрите, какъ лупятъ они!— пробормоталъ кто-то съ глубокимъ восторгомъ.

Но вотъ, его ряды подскакиваютъ, подскакиваютъ вплотную къ бѣгущимъ солдатамъ Фастольфа. Вотъ онъ нагналъ ихъ. Страшный ударъ—и они растерялись. Глядя на это, герцогъ и Побочный приподнялись на сѣдлахъ. Они задрожали отъ возбужденія и повернулись къ Жаннѣ съ крикомъ: «Пора?»

Но она подняла руку, все еще всматриваясь, взвѣшивая, соображая. Она опять сказала:

— Нѣтъ еще, погодите!

Безпощадно гонимый боевой корпусъ Фастольфа, словно лавина, бѣшено понесся къ поджидавшему его передовому отряду. А у этихъ солдатъ мелькнула мысль, что ихъ товарищи бѣгутъ отъ Жанны въ оторопи: и они сами бѣжали, какъ угорѣлые, а Тальботъ слѣдовалъ за ними, крича и ругаясь.

Вотъ когда дѣйствительно насталъ драгоцѣнный мигъ. Жанна пришпорила своего коня и мечомъ подала знакъ двинуться впередъ.

— За мной!—вскричала она, нагибаясь къ загривку своего коня, и полетѣла, словно вихрь.

Мы помчались на врага, бѣжавшаго безпорядочной кучей, и добрыхъ три часа рѣзали, рубили, кололи. Наконецъ, рога затрубили: «Стой!»

Сраженіе при Патэ было выиграно!

Жанна д'Аркъ сошла съ коня и, глубоко задумавшись, стояла, оглядывая зловѣщее поле. Но, вотъ, она сказала:

— Слава Богу! Тяжелой дланью сокрушилъ Онъ сегодня...

Спустя немного, она подняла голову и, глядя далеко впередъ, промолвила, какъ человѣкъ, который думаетъ вслухъ:

— Въ тысячу лѣтъ... въ тысячу лѣтъ не оправиться англійскому владычеству во Франціи отъ этого удара.

Она еще немного постояла, задумавшись; потомъ повернулась къ толпившимся подлѣ нея генераламъ. На ея лицѣ изобразилось сознаніе славы, въ глазахъ блеснулъ благородный огонекъ. Она проговорила:

— О друзья, друзья! Знаете-ли вы, понимаете-ли, что̀ произошло? *Франція на пути къ освобожденію!*

— И никогда-бы не была на немъ, если-бъ не Жанна д'Аркъ,— произнесъ Ля-Гиръ, проходя мимо нея и кланяясь ей низко. Другіе сдѣлали то̀ же, слѣдуя его примѣру. А онъ, уходя, пробормоталъ:

— Не перестану твердить это, хотя бы меня прокляли за то!

Затѣмъ двинулись мимо Жанны наши побѣдоносныя войска, отрядъ за отрядомъ, съ безумными криками. Они вопили: «Да здравствуетъ навѣкъ Орлеанская Дѣва! Да здравствуетъ навѣкъ!» А Жанна, улыбаясь въ отвѣтъ, отдавала имъ честь своимъ мечомъ.

Въ этотъ день мнѣ довелось еще разъ видѣть Жанну на кровавомъ полѣ при Патэ. Подъ-вечеръ я набрелъ на нее въ томъ мѣстѣ, гдѣ мертвые и умирающіе лежали, сваленные въ кучи и въ безпорядочные ряды. Наши солдаты избили на-смерть одного англичанина, который былъ слишкомъ бѣденъ для того, чтобы внести за себя выкупъ. Жанна увидѣла издали эту жестокую расправу и прискакала на то мѣсто. Она послала за священникомъ, а сама поддерживала на своихъ колѣняхъ голову умирающаго врага, облегчая ему кончину словами нѣжной ласки и утѣшенія, точь въ точь какъ родная сестра; женскія слезы такъ и струились у нея по щекамъ (46).

ГЛАВА XXXI.

Значеніе Патэ въ Столѣтней войнѣ.

Жанна сказала правду: Франція была на пути къ освобожденію.

Войнѣ, такъ-называемой *Столѣтней* войнѣ, приходилось сегодня очень плохо,—т. е. плохо съ ея англійской стороны,—впервые съ ея появленія на свѣтъ, вотъ уже девяносто-одинъ годъ тому назадъ.

Какъ мы должны судить о битвахъ вообще? По числу-ли убитыхъ и по разрушенію, которое онѣ причиняютъ. Или не лучше-ли судить о нихъ по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя онѣ повлекли за собой? Всякій скажетъ, что сраженіе истинно-важно или ничтожно, судя по своимъ послѣдствіямъ. Да, всякій съ этимъ согласится, ибо это—правда.

Судя по своимъ послѣдствіямъ, сраженіе при Патэ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ, истинно-великимъ и важнымъ битвамъ, какія когда-либо происходили съ тѣхъ поръ, какъ люди стали прибѣгать къ оружію для рѣшенія своихъ споровъ.

Если судить такимъ образомъ, весьма возможно, что Патэ даже не имѣетъ себѣ равнаго среди этихъ вышеупомянутыхъ немногихъ битвъ: оно стоитъ одиноко, какъ величайшій изъ историческихъ поединковъ. Вѣдь, когда начинался этотъ бой, Франція была, такъ сказать, при послѣднемъ издыханіи: ея положеніе было признано безнадежнымъ, съ точки зрѣнія всѣхъ политическихъ врачей. А три часа спустя, по окончаніи этого поединка, она была уже на пути къ выздоровленію и не требовала больше ничего, кромѣ времени и обыкновеннаго ухода, чтобы къ ней вполнѣ вернулось здоровье. Самый тупой изъ всѣхъ этихъ врачей могъ въ этомъ явно убѣдиться; и никто не могъ отрицать этого.

Многіе изъ смертельно-больныхъ народовъ достигли выздоровленія путемъ цѣлаго ряда битвъ, цѣлой вереницы битвъ, цѣлой повѣсти опустошительныхъ столкновеній, тянувшихся годами. Но одинъ только народъ достигъ этого въ одинъ день, въ одну битву: этотъ народъ—французы; эта битва—Патэ.

Запомните же это и гордитесь этимъ: вѣдь, вы — французы; а это событіе — самое величественное въ длинной лѣтописи вашего отечества. Оно стоитъ великаномъ, униpаясь главой въ облака! Когда подростете, идите на богомолье на поле у Патэ и обнажите голову передъ... передъ чѣмъ? Передъ этимъ памятникомъ, вершиной упирающимся въ облака! Да. Вѣдь, всѣ народы, во всѣ времена, воздвигали памятники на поляхъ битвъ, чтобы сохранить вѣчно свѣжимъ въ памяти бренное дѣяніе, которое совершилось здѣсь, и тлѣнное имя того, кто совершилъ его. Такъ неужели Франція забудетъ битву при Патэ и Жанну д'Аркъ? Не надолго! А поставитъ-

ли она имъ памятникъ въ уровень ихъ высокому сану, по сравненію съ прочими героями и полями битвъ? Можетъ быть... если ему найдется довольно мѣста подъ небеснымъ сводомъ.

Но оглянемся немного назадъ, и обсудимъ нѣкоторыя странныя и внушительныя обстоятельства. Столѣтняя война началась въ 1337 году. Она все бушевала и бушевала, изъ года въ годъ. Наконецъ, англичане свалили Францію плашмя страшнымъ ударомъ при Креси.

Но она воспрянула и снова начала, изъ года въ годъ, бороться покуда не сломилась подъ вторымъ гибельнымъ ударомъ при Пуатье. Она еще разъ собрала свои надломленныя силы, и война забушевала снова, бушевала изъ года въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе. Дѣти рождались, выростали, женились, умирали, а война все бушевала, да бушевала. *Ихъ* дѣти, въ свою очередь, выростали, женились, умирали, а война все бушевала. *Ихъ* дѣти, подростая, были свидѣтелями, какъ Франція опять свалилась: на этотъ разъ свершилось невѣроятное бѣдствіе при Азенкурѣ. А война все бушевала, бушевала изъ года въ годъ, пока пришла пора и дѣтямъ *ихъ* дѣтей жениться.

Франція обратилась вся въ развалины, въ обломки, въ пустыню. Половина ея принадлежала англичанамъ: и не было никого, кто бы поспорилъ противъ этого или нашелъ это несправедливымъ. Другая половина не принадлежала никому: мѣсяца черезъ три, надъ нею долженъ былъ развѣваться англійскій флагъ. И французскій король былъ готовъ ужъ бросить свой вѣнецъ и бѣжать за море.

Но, вотъ, является невѣжественная дѣвушка — крестьянка изъ далекаго селенія и становится лицомъ къ лицу предъ этой сѣдовласой войной, передъ этимъ всесокрушающимъ полымемъ, которое втеченіе цѣлыхъ трехъ поколѣній опустошало страну. Тогда-то начался самый кратковременный, но и самый поразительный изъ походовъ, упоминаемыхъ въ исторіи. Онъ былъ законченъ въ какихъ-нибудь семь недѣль. Въ семь недѣль онъ безнадежно искалѣчилъ эту гигантскую войну, которой шелъ уже девяносто второй годъ. Подъ Орлеаномъ онъ нанесъ ей ошеломляющій ударъ, на полѣ при Патэ переломилъ ей спину.

Подумайте объ этомъ! Подумать-то можно; но *понять* —

другое дѣло. Никто и никогда не будетъ въ состояніи постигнуть это умопомрачительное чудо.

Семь недѣль, только семь недѣль—и лишь изрѣдка, тамъ и сямъ, небольшое кровопролитіе! Можетъ быть, самая обильная кровь была пролита въ одномъ только сраженіи—при Патэ, гдѣ англичане начали бой при шести тысячахъ человѣкъ, а оставили на полѣ двѣ тысячи убитыхъ. Говорятъ и думаютъ вообще, что только въ трехъ битвахъ—при Креси, Пуатье и Азенкурѣ—пало около ста тысячъ французовъ, не считая потерь въ тысячѣ другихъ битвъ въ теченіе всей этой продолжительной войны. Перечень умершихъ въ эту войну составитъ безконечно-длинный скорбный листъ. Мужчинъ, убитыхъ на полѣ битвы, считаютъ десятками тысячъ; а ни въ чемъ неповинныхъ женщинъ и дѣтей, скошенныхъ голодомъ и всяческими лишеніями,—страшно сказать!—милліонами.

Эта война была сущій людоѣдъ. Онъ разгуливалъ-себѣ по странѣ почти цѣлыхъ сто лѣтъ, хрупая людей; и кровь капала съ его челюстей. Семнадцатилѣтняя дѣвочка свалила его своей ручкой: и, вонъ, онъ лежитъ распростертый на полѣ подъ Патэ. И ужъ не встать ему, пока стоитъ наша старушка-вселенная.

ГЛАВА XXXII.

„Спасительница Франціи“.

Говорятъ, великая вѣсть о Патэ разнеслась по всей Франціи въ какихъ-нибудь двадцать часовъ. Про это я ничего не знаю. Но вѣрно одно: какъ только кто-либо узнавалъ эту вѣсть, онъ несся стремглавъ, крича и славословя Бога, сообщить ее сосѣду; сосѣдъ летѣлъ съ нею въ ближайшее жилище; и такъ далѣе, и такъ далѣе, эта вѣсточка все летѣла впередъ, впередъ. Если-жъ случалось, что къ кому-нибудь она приходила ночью, тотъ вскакивалъ съ постели и тоже спѣшилъ разнести ее дальше.

И радость, разносившаяся вмѣстѣ съ нею, была, какъ свѣтъ, который разливается по всей странѣ, когда тѣнь затменія оставляетъ солнечный ликъ. И въ самомъ дѣлѣ, можно сказать, что Франція подвергалась затменію все это долгое время. Да! Она была погру-

жена во тьму кромѣшную, которую эта благодатная вѣсть прогоняла прочь своимъ чистымъ свѣтомъ.

Эта вѣсть нанесла пораженіе отступающимъ врагамъ въ Іёвилѣ: весь городъ возсталъ противъ своихъ англійскихъ властелиновъ и закрылъ ворота передъ ихъ земляками.

Непріятель бѣжалъ въ Монъ-Пипо̀, въ Сен-Симонъ, въ ту, въ другую, въ третью англійскую крѣпость; но гарнизонъ точасъ же поджигалъ эти твердыни, а самъ бѣжалъ въ поля или въ лѣса. Отрядъ нашей арміи занялъ Мёнгъ и разграбилъ его.

Когда мы достигли Орлеана, этотъ городъ разъ въ пятьдесятъ больше прежняго обезумѣлъ отъ радости; а это много значитъ. Наступила ночь. Городъ до того пылалъ потѣшными огнями, что мы шли, словно бороздя по огненному морю. А шуму-то, шуму! Привѣтственные крики охрипшей многочисленной толпы, громъ пушекъ, звонъ колоколовъ,—право же ничего подобнаго и не бывало. И отовсюду поднимался крикъ, неумолчно разносившійся бурей надъ нашимъ отрядомъ, вступавшимъ въ ворота: «Привѣтъ Жаннѣ д'Аркъ! Дорогу *Спасительницѣ Франціи*!» Навстрѣчу шелъ другой крикъ: «Креси отомщено! Пуатье отомщено! Азенкуръ отомщенъ! Патэ да здравствуетъ во вѣки вѣковъ!»

Они обезумѣли? Да, вы, пожалуй, и представить себѣ не можете ничего подобнаго! Наши плѣнники шли внутри отряда. Когда мы приблизились къ толпѣ, и народъ увидалъ своего всемогущаго стараго врага—Тальбота, который заставлялъ такъ долго плясать подъ свою страшную боевую музыку, вы можете себѣ представить, (если только можете!), что̀ за шумъ и гамъ поднялся вокругъ насъ! Я не въ силахъ описать это. Орлеанцы такъ были рады видѣть своего врага, что хотѣли тотчасъ же схватить его и повѣсить; Жанна приказала ему ѣхать впереди, подъ ея покровительствомъ. То была поразительная парочка.

ГЛАВА XXXIII.

Пять шаховъ Жанны.—Обезпеченіе будущности Франціи.

Да, Орлеанъ былъ безъ ума отъ счастья. Жанна пригласила короля пріѣхать туда и сдѣлала роскошныя приготовленія, но... онъ не пріѣхалъ. Въ то время онъ былъ просто рабомъ своего госпо-

дина, Ля-Тремуйля: оба они гостили въ замкѣ этого господина, въ Сюлли-на-Луарѣ.

Подъ Божанси Жанна дала обѣщаніе примирить короля съ коннетаблемъ Ришмономъ. Она увезла съ собой Ришмона въ Сюллина-Луарѣ и сдержала свое слово.

Великихъ подвиговъ Жанны д'Аркъ насчитываютъ пять:

1. Снятіе осады съ Орлеана.
2. Побѣда при Патэ.
3. Примиреніе въ Сюлли-на-Луарѣ.
4. Вѣнчаніе короля въ Реймсѣ.
5. Безкровный походъ.

Мы сейчасъ дойдемъ и до безкровнаго шествія и до коронаціи. То было побѣдоносное, долгое шествіе, когда Жанна двигалась по непріятельскимъ владѣніямъ отъ Жьена (47) до Реймса, а оттуда къ парижскимъ воротамъ, овладѣвая каждымъ англійскимъ городомъ, каждой англійской крѣпостью, которые преграждали намъ путь съ начала до самаго конца. И все это свершалось единственно силой ея имени, безъ пролитія капли крови. Съ этой стороны, то былъ едва-ли не самый необыкновенный походъ во всей исторіи и, конечно, самый славный изъ военныхъ подвиговъ Жанны.

Примиреніе тоже было одно изъ самыхъ важныхъ ея дѣяній. Никто другой не могъ бы совершить его, да, правду сказать, никто изъ великопоставленныхъ особъ и не былъ расположенъ хотя бы попытаться. По уму, по военной наукѣ, по государственнымъ дѣламъ, коннетабль Ришмонъ былъ самый способный человѣкъ во Франціи. Его преданность шла отъ сердца, его честность стояла выше всякихъ подозрѣній (это-то и дѣлало его лицомъ довольно виднымъ при этомъ пошломъ и безсовѣстномъ дворѣ).

Возвративъ Франціи Ришмона, Жанна обезпечила успѣшное окончаніе того великаго труда, который былъ начатъ ею. Она еще никогда не видѣла Ришмона, пока онъ не явился къ ней со своей маленькой арміей. Развѣ не удивительно, что съ перваго же взгляда она угадала въ немъ человѣка, который могъ завершить, усовершенствовать ея дѣло и упрочить его навѣки?

Какъ это дитя умудрилось сдѣлать такое дѣло? А такъ, что у Жанны былъ «видящій взглядъ», какъ выразился про нее одинъ изъ нашихъ

рыцарей. Да, она обладала великимъ даромъ,—пожалуй, самымъ важнымъ и самымъ рѣдкимъ изъ дарованныхъ Богомъ человѣку. Правда, ничего необыкновеннаго и не оставалось больше дѣлать; но завершенія работы нельзя было безопасно отдавать въ руки королевскимъ безумцамъ: требовалось мудрое государственное управленіе, а также долгая, терпѣливая, хотя и не непрерывная, борьба съ непріятелемъ. Изрѣдка, впродолженіе еще четверти вѣка, должны были повторяться сраженьица; и искусный человѣкъ могъ продѣлать это съ весьма малымъ безпокойствомъ для остальной страны. Такъ, мало-по-малу, но все вѣрнѣй и вѣрнѣй можно было сказать, что англичане совсѣмъ исчезнутъ изъ предѣловъ Франціи.

Такъ и случилось. Подъ вліяніемъ Ришмона, король сдѣлался потомъ человѣкомъ, — настоящимъ мужчиной-королемъ, смѣлымъ, способнымъ, рѣшительнымъ солдатомъ. Шесть лѣтъ спустя послѣ Патэ, онъ уже самъ велъ свои войска на приступъ; самъ дрался въ крѣпостныхъ рвахъ, по поясъ въ водѣ; самъ взбирался по лѣстницамъ, подъ жесточайшимъ огнемъ, съ отвагой, которая удовлетворила бы даже Жанну д'Аркъ. Съ теченіемъ времени, онъ и Ришмонъ совершенно очистили Францію отъ англичанъ, очистили даже такія мѣстности, гдѣ народъ до трехсотъ лѣтъ былъ подъ ихъ владычествомъ. Въ такихъ мѣстахъ необходимо было дѣйствовать умно и осторожно: англійское управленіе велось тамъ честно и снисходительно; а люди, которые испытали на себѣ такое мягкое обращеніе, не всегда склонны къ перемѣнамъ.

Которое изъ пяти главныхъ дѣяній Жанны назовемъ мы самымъ главнымъ? Думается мнѣ, что каждое изъ нихъ, *въ свою очередь*, было главнѣйшимъ. Иначе сказать: въ цѣломъ, всѣ они *равны* между собой; ни одно изъ нихъ не было важнѣе другого. Понимаете? Каждый ея подвигъ былъ какъ бы ступенью при общемъ восхожденіи. Миновать хотя бы одинъ изъ нихъ значило бы погубить все путешествіе; свершить который-нибудь изъ нихъ не во-время или не тамъ, гдѣ подобаетъ, привело бы къ тому же.

Разберемъ, напримѣръ, коронацію. Гдѣ вы найдете во всей исторіи что-либо выше этого перла дипломатіи? Подозрѣвалъ-ли король всю его важность? Нѣтъ. Подозрѣвали-ли его министры? Нѣтъ. Подозрѣвалъ-ли самъ проницательный Бедфордъ, намѣстникъ англійскаго

короля? Нѣтъ. Тутъ для короля и Бедфорда была неизмѣримо важная выгода; и король могъ добыть ее однимъ смѣлымъ ударомъ, а Бедфордъ—даже безъ малѣйшаго усилія. Но, ничуть не подозрѣвая, насколько она важна, ни одинъ изъ нихъ не подумалъ протянуть руку. Изо-всѣхъ высокопоставленныхъ мудрецовъ Франціи одинъ только зналъ неоцѣненное значеніе этой добычи, которою всѣ пренебрегали: это—неученое дитя, семнадцатилѣтняя Жанна д'Аркъ. И она знала объ этомъ спозаранка; она говорила объ этомъ съ самаго начала, какъ о существенной части своего посланничества.

Какъ она поняла? Да очень просто: она была простая крестьянка. Этимъ объясняется все. Она была дитя народа и знала свой народъ; тѣ другія лица вращались въ высшихъ слояхъ общества и не очень-то много понимали въ крестьянскомъ быту. Мы мало значенія придаемъ этимъ огромнымъ, безличнымъ, коснымъ массамъ, этой могучей, подспудной силѣ, которую зовемъ «народомъ», — имя, въ которомъ есть уже оттѣнокъ презрѣнія. Странное положеніе! Вѣдь, въ глубинѣ души мы сознаемъ, что тронъ стоитъ прочно, только опираясь на народъ, и какъ только будетъ удалена эта опора, ничто въ мірѣ не спасетъ его!

Ну, такъ вотъ и разсудите, и замѣтьте, насколько это важно. Во что̀ вѣритъ сельскій батюшка, въ то вѣритъ и вся его паства. Крестьяне любятъ, почитаютъ его; онъ ихъ неизмѣнный другъ, ихъ неустрашимый покровитель, ихъ утѣшитель во скорбяхъ, ихъ помощникъ въ годину бѣдствій; онъ пользуется ихъ полнымъ довѣріемъ; что̀ онъ имъ укажетъ, то они и дѣлаютъ въ слѣпомъ и любовномъ повиновеніи, чего бы имъ это ни стоило. Свяжите же въ умѣ всѣ эти обстоятельства—и что получится въ итогѣ? А вотъ что̀: *народомъ управляетъ приходскій священникъ*. Но что̀ же будетъ съ королемъ, если приходскій батюшка откажетъ ему въ своей поддержкѣ, станетъ отрицать его власть? Онъ будетъ не король, а только призракъ короля: пусть ужъ лучше отречется отъ своего сана!

Поняли? Ну, такъ станемъ продолжать. Священникъ рукополагается грозною десницей Господа, которую возлагаетъ на него поставленный для того Его представитель на землѣ. Это посвященіе безповоротно: ни-

что не можетъ уничтожить, удалить его. Ни папа, ни кто другой не можетъ отобрать отъ священника его сана, его достоинства: самъ Богъ далъ его; оно навѣки священно и упрочено. Тупые прихожане прекрасно знаютъ это. Въ глазахъ пастыря церкви и его прихода, кто бы ни былъ помазанникъ Божій, онъ облеченъ властью, которую никто не смѣетъ ни оспаривать, ни подрывать. Въ глазахъ приходскаго священника и подчиненнаго ему народа, невѣнчанный король—лишь подобіе того лица, которое предназначено для священнаго сана, но еще не посвящено: нѣтъ у него сана, онъ еще не рукоположенъ — и на его мѣсто можетъ быть назначенъ другой. Словомъ, невѣнчанный король — король *сомнительный*. Но если самъ Господь изберетъ его въ короли, а Его слуга, епископъ, совершитъ надъ нимъ муропомазаніе, всѣ сомнѣнія исчезаютъ: тогда священнослужитель и его прихожане становятся его прямыми вѣрными слугами; и пока онъ живъ, они не будутъ признавать королемъ никого, кромѣ него.

Для дѣвушки-крестьянки, для Жанны д'Аркъ, Карлъ VII не былъ настоящимъ королемъ, пока онъ не былъ коронованъ; для нея онъ былъ только *дофинъ*, то-есть *наслѣдникъ*. Если я говорилъ въ своемъ разсказѣ, что она называла его королемъ, я ошибался: она всегда называла его дофиномъ, и только дофиномъ, до самой коронаціи. Это обстоятельство, какъ въ зеркалѣ (а Жанна, вѣдь, и была зеркало, въ которомъ ясно отражались нижніе слои французскаго народа), показываетъ намъ, что для всей этой подспудной силы, для «народа», Карлъ VII былъ до самого своего вѣнчанія только «дофинъ»; а безспорно, безповоротно сталъ онъ королемъ лишь *послѣ* него.

Теперь вы понимаете, чтò за колоссальный ходъ на политической шахматной доскѣ была эта коронація? Бедфордъ постигъ это мало-по-малу и попытался исправить свою оплошность тѣмъ, что короновалъ *своего* короля. Но какую пользу могло это принести? Ровно никакой.

Кстати о шахматахъ. Великія дѣянія Жанны можно приравнять къ этой игрѣ. Каждый ходъ у нея былъ правиленъ, каждый потому и былъ такъ важенъ и дѣйствителенъ, что былъ сдѣланъ *именно* въ должномъ порядкѣ, а не помимо его. Каждый въ свое

время казался самымъ главнымъ ходомъ, но дойдя до конца, каждый оказывался одинаково существеннымъ и важнымъ. Вотъ эта шахматная игра въ порядкѣ ходовъ:

1. Жанна устраиваетъ битвы подъ Орлеаномъ и Патэ: *шахъ*!
2. Она устраиваетъ примиреніе, но не объявляетъ шаха: вѣдь, то былъ лишь ходъ на мѣсто, чтобы воспользоваться потомъ его послѣдствіями.
3. Коронація: *шахъ*!
4. Безкровный походъ: *шахъ*!
5. Послѣднее дѣло (уже по смерти Жанны): примиренный коннетабль Ришмонъ становится правой рукой короля. Это уже *шахъ и матъ*!

ГЛАВА XXXIV.

Безкровный походъ.—„Добро“ бургундцевъ.

Луарскій походъ все-равно что очистилъ дорогу къ Реймсу. Теперь уже не было достаточныхъ причинъ, чтобы коронація *не* состоялась. Она должна была завершить собою служеніе, возложенное самимъ Небомъ на Жанну; и тогда Дѣвѣ можно бы было навсегда покончить съ войной и полетѣть домой къ матери, къ своимъ овечкамъ, чтобъ ужъ больше никогда не уходить отъ своего родного очага, отъ счастья въ своей семьѣ. Таковы были мечты Жанны. И она не находила себѣ покоя: до того ее брало нетерпѣніе поскорѣй осуществить ихъ. Это такъ завладѣло ея мыслью, что я началъ уже терять вѣру въ ея двукратное пророчество насчетъ ея ранней смерти. Конечно, когда я замѣтилъ, что эта вѣра колеблется, я поощрялъ ее колебаться еще больше.

Король боялся выѣхать въ Реймсъ: вѣдь, дорога была усѣяна крѣпостями англичанъ, какъ почтовыми станціями. Жанна не придавала имъ значенія: она не считала ихъ страшными, при измѣнившихся обстоятельствахъ, сбившихъ спесь съ англичанъ.

Она была права. Походъ въ Реймсъ оказался просто увеселительной прогулкой. Жанна не взяла даже пушекъ съ собой: до того

она была увѣрена, что въ нихъ не будетъ надобности. Мы выступили изъ Жьена во главѣ двѣнадцати тысячъ человѣкъ.

Это было 29-го іюня. Орлеанская Дѣва ѣхала рядомъ съ королемъ; по другую сторону его—герцогъ Алансонъ; позади герцога еще три другихъ принца крови. Дальше слѣдовали: Побочный Орлеанъ, маршалъ де-Буссакъ и адмиралъ Франціи, наконецъ, Ля-Гиръ, Сентрайль, Тремуйль и цѣлая вереница рыцарей и вельможъ.

Передъ Оксерромъ мы остановились на отдыхъ на три дня. Городъ поставлялъ намъ провизію, при королѣ состояли его уполномоченные; но мы не вступали въ городъ. Сенъ-Флорантенъ отворилъ ворота королю.

4-го іюля мы достигли Сен-Фаля, а тамъ и Труа уже появился передъ нами. Этотъ городъ возбуждалъ особое любопытство среди насъ, молодежи: мы припомнили, какъ, семь лѣтъ тому назадъ, на пастбищахъ Домреми, Подсолнечникъ пришелъ къ намъ съ чернымъ флагомъ и съ позорной вѣстью о договорѣ въ Труа—договорѣ, по которому Франція отдавалась англичанамъ и одна изъ дочерей нашего королевскаго дома выдавалась замужъ за Азенкурскаго мясника. Конечно, этотъ бѣдный городъ былъ въ этомъ невиноватъ; но все-же въ насъ вспыхнуло воспоминаніе объ этомъ, и мы надѣялись, что здѣсь произойдетъ недоразумѣніе: намъ очень хотѣлось взять Труа приступомъ и сжечь его. Городъ былъ сильно снабженъ англійскими и бургундскими войсками и ожидалъ еще подкрѣпленій изъ Парижа. Прежде чѣмъ смерклось, мы расположились станомъ передъ его воротами и круто расправились съ вылазкой, которая была сдѣлана изъ него.

Жанна предложила коменданту Труа сдаться. Видя, что у нея нѣтъ орудій, онъ только посмѣялся и послалъ ей весьма дерзкій отвѣтъ. Пять дней мы совѣщались и вели переговоры, но напрасно. Король былъ уже готовъ отъ всего отказаться и повернуть назадъ. Онъ боялся идти впередъ, оставляя въ тылу такое укрѣпленное мѣсто. Тогда заговорилъ Ля-Гиръ; и въ его словахъ были шпильки для нѣкоторыхъ изъ совѣтниковъ его величества:

— Орлеанская Дѣва сама, по собственному побужденію, предприняла этотъ походъ. Мое мнѣніе таково, что тутъ надо слушаться ея, а не кого-либо другаго, хотя бы то былъ человѣкъ не вѣсть какого высокаго сана и происхожденія.

Въ этомъ замѣчаніи было много умнаго и справедливаго. И король послалъ за Дѣвой и спросилъ ее, какъ она думаетъ о положеніи дѣлъ? Она отвѣчала, безъ малѣйшаго намека въ голосѣ на вопросъ или сомнѣніе:

— Черезъ три дня городъ будетъ нашъ.

А коварный канцлеръ короля уже вставилъ свое словечко:

— Если-бъ мы были въ этомъ увѣрены, мы обождали бы хоть цѣлыхъ шесть дней.

— Шесть дней? Въ самомъ дѣлѣ? Ну, такъ именемъ Господа скажу вамъ, сударь: мы завтра же войдемъ въ ворота города!

Тутъ она сѣла на коня и поѣхала вдоль рядовъ войска, крича солдатамъ:

— Готовьтесь, друзья! За работу! На зарѣ мы пойдемъ на приступъ!

Жанна усердно работала всю ночь, не покладая рукъ, какъ простой солдатъ. Она приказала приготовить связки прутьевъ и пучки хворосту и побросать ихъ въ ровъ, чтобъ можно было пройти по нимъ, какъ по мосту; и въ этомъ тяжеломъ трудѣ она принимала такое же участіе, какъ любой мужчина.

На зарѣ, она заняла свое мѣсто во главѣ нападающаго отряда; рога затрубили на приступъ. Но въ ту-же минуту флагъ перемирія взвился по вѣтру надъ стѣнами—и Труа сдался безъ выстрѣла.

На слѣдующій день король, рядомъ съ Жанной и Паладиномъ, несшимъ ея знамя, вступилъ въ городъ въ полномъ парадѣ, во главѣ своего войска. И доброе же это было войско! Вѣдь, оно все увеличивалось противъ прежняго.

Но, вотъ, случилось удивительное дѣло. По условію съ городомъ, гарнизону, состоявшему изъ англичанъ и бургундцевъ, было дозволено унести съ собой свое «добро». И справедливо: откуда же имъ было добыть себѣ все нужное? Ладно. Эти люди должны были проходить всѣ въ одни ворота. Въ ту пору, когда имъ назначено было уходить, мы, молодежь, пошли къ этимъ воротамъ, вмѣстѣ съ Карликомъ, чтобы посмотрѣть на этотъ выходъ. Вотъ появилась ихъ цѣлая нескончаемая вереница, съ пѣхотинцами во главѣ. По мѣрѣ того, какъ они подходили, можно было разглядѣть, что у каждаго была тяжелая ноша за спиной,—тюкъ такой большой и грузный,

что солдатамъ приходилось напрягать всѣ свои силы. «Ну,—говорили мы между собою—право, это народъ довольно богатый для простыхъ бѣдняковъ-солдатъ». Когда они подошли поближе,—какъ бы вы думали, что̀ вышло? У каждой канальи за спиной былъ... плѣнный французъ! Они, видите-ли, уносили свою собственность, свое «добро», строго придерживаясь разрѣшенія, которое было имъ дано по договору.

Нѣтъ, вы подумайте, какъ это было ловко, остроумно! Что̀ можно было сказать противъ этого? И что подѣлаешь? Конечно, эти люди были въ своемъ правѣ: эти плѣнные были ихъ собственностью; никто не могъ отрицать этого. Голубчики мои! Подумайте, что̀ было бы, если-бъ это были нлѣные *англичане*? Что̀ за богатая это была бы добыча! Вѣдь, англійскій плѣнный былъ, за послѣднія сто лѣтъ, такая рѣдкость и драгоцѣнность! Другое дѣло—плѣнные французы: ихъ за минувшій вѣкъ было ужъ черезчуръ большое изобиліе. Обладатель плѣннаго француза не держалъ его долго, въ ожиданіи выкупа: онъ тотчасъ же убивалъ его, чтобы не тратиться на его содержаніе. Это показываетъ вамъ, какъ мало цѣнилось подобное имущество въ тѣ времена.

Когда мы взяли Труа, цѣна теленку была 30 франковъ, барану—16, а французу, плѣнному—8. То была страшно высокая цѣна для животныхъ; и она конечно покажется вамъ невѣроятной. Но это, видите-ли, было въ военное время; а оно вліяло двояко: говядина становилась дороже, а плѣнные—дешевле.

Ну, такъ вотъ, этихъ бѣдныхъ французиковъ уносили вонъ изъ города. Что̀ мы могли подѣлать? Ничего, въ смыслѣ постоянной мѣры; но все же мы дѣлали, что̀ могли. Мы послали быстраго гонца къ Жаннѣ; а сами, вмѣстѣ съ французскою гвардіей, задержали это шествіе—будто бы для переговоровъ, а на самомъ дѣлѣ просто чтобъ, видите-ли, выиграть время. Одинъ высоченный бургундецъ вышелъ изъ себя и грубо клялся, что никто не смѣетъ остановить *его*: онъ-де желаетъ уйти—и уйдетъ, и возьметъ своего плѣнника съ собой. Но мы оцѣпили его: и онъ увидѣлъ, что ошибся въ разсчетѣ; онъ положительно не могъ уйти. Онъ разразился самыми безумными проклятіями и бранью и, отвязавъ у себя со спины своего плѣнника, поставилъ его на ноги, безпомощнаго, связаннаго. Затѣмъ

онъ вынулъ ножъ и сказалъ намъ, съ оттѣнкомъ побѣдоносной язвительности:

— Вы говорите, что я не смѣю его унести, а между тѣмъ онъ мой, и никто не можетъ спорить противъ этого. Если жъ я не могу унести его отсюда, а онъ—моя собственность, такъ есть другой исходъ. Да! Я могу его убить—и самый глупый изъ васъ не подниметъ вопроса о томъ, въ правѣ-ли я *это* сдѣлать? А, вы и не подумали объ этомъ, гадины!

Несчастный французъ, голодный, измученный, жалобными взглядами просилъ, чтобъ мы спасли его; затѣмъ онъ заговорилъ и разсказалъ, что у него есть дома жена и крошки-дѣти. Подумайте, кàкъ это раздирало намъ сердца! Но чтò мы могли подѣлать? Бургундецъ былъ въ своемъ правѣ. Мы могли только просить его пощадить плѣннаго. Такъ мы и сдѣлали. А бургундецъ потѣшался надъ нами. Онъ удержалъ свою руку, чтобъ мы дольше просили, а онъ подсмѣивался бы. Это задѣло насъ за живое. Карликъ сказалъ:

— Прошу васъ, молодцы, дайте мнѣ улещить его. Вѣдь, если дѣло дойдетъ до убѣжденій, у меня на этотъ счетъ особый даръ: это подтвердитъ вамъ всякъ, кто меня знаетъ. Вы улыбаетесь? Это въ наказаніе за мое самомнѣніе,—и подѣломъ мнѣ: я съ этимъ согласенъ. А все-таки, еслибъ мнѣ хоть немножко пошутить съ нимъ,—ну, малую толику!..

Съ этими словами онъ подошелъ къ бургундцу и началъ вѣжливую, кроткую рѣчь, преисполненную добродушія и мягкости. Среди нея онъ упомянулъ о Дѣвѣ и сказалъ, какъ она отъ всего своего добраго сердца оцѣнила бы и восхвалила то доброе дѣло, которое онъ собирается...

Ему не пришлось ничего больше говорить. Бургундецъ прервалъ его ровную рѣчь оскорбленіемъ, направленнымъ противъ Жанны д'Аркъ. Мы бросились къ нему; но Карликъ, съ посинѣвшимъ лицомъ, отстранилъ насъ и сказалъ самымъ важнымъ сдержаннымъ тономъ:

— Позвольте васъ просить имѣть терпѣнье. Развѣ не я ея почетный стражъ? Это ужъ мое дѣло!

Съ этими словами, онъ вдругъ какъ протянетъ свою правую руку да какъ ухватитъ большого бургундца за горло. Онъ держалъ его на ногахъ, какъ палку, и промолвилъ:

— Ты оскорбилъ Дѣву, а она — все-равно, что сама Франція. Языкъ, дерзающій оскорблять ее, заслуживаетъ, чтобъ его вытянули.

Послышался тупой трескъ костей. Глаза бургундца начали вылѣзать изъ впадинъ и таращиться въ пространство, съ свинцовой тяжестью. Цвѣтъ его лица становился все гуще и темнѣе, пока не сдѣлался матово-багровымъ. Руки его повисли безсильно; тѣло сжималось отъ судорогъ; каждая мышца ослабла, прекратила свое дѣйствіе. Карликъ отнялъ прочь руку,—и человѣкъ, съ глухимъ стукомъ, повалился на землю бездушнымъ столбомъ.

Мы разбили оковы плѣннику и сказали ему, что онъ свободенъ. Его пресмыкаемость вдругъ смѣнилась безумной радостью, а трусость и ужасъ перешли въ дѣтскую ярость. Онъ набросился на мертвое тѣло и принялся бить его успятками, плевать ему въ лицо; онъ плясалъ на немъ, запихивалъ ему въ ротъ горсти грязи, хохоталъ, издѣвался, проклиналъ, изрыгалъ цѣлые потоки непристойностей, словно животное или пьяный чортъ.

Впрочемъ, этого можно было ожидать: солдатская жизнь не дѣлаетъ насъ святыми. Многіе изъ зрителей смѣялись; другіе были совершенно равнодушны: никто не былъ удивленъ. Но, вотъ, въ своихъ безумныхъ прыжкахъ освобожденный допрыгался до вереницы остановившихся враговъ, и одинъ изъ бургундцевъ проворно вонзилъ ему ножъ въ шею. Онъ опустился съ предсмертнымъ крикомъ, а его яркая кровь брызнула на десять футовъ впередъ,—прямо, широко, какъ солнечный лучъ. Раздался громкій, добродушный смѣхъ съ обѣихъ сторонъ—съ нашей и съ непріятельской. Такъ завершилось одно изъ самыхъ пріятныхъ приключеній въ моей пестрой военной жизни!

Но, вотъ, явилась Жанна, глубоко смущенная, впопыхахъ. Она обсудила требованія гарнизона и сказала:

— На вашей сторонѣ право: это ясно. Было неосторожно включать въ договоръ такія слова: слишкомъ они растяжимы. Но вы не можете увести никуда этихъ несчастныхъ: они французы — и я этого не допущу! Ихъ выкупитъ король,—каждаго изъ нихъ. Обождите, пока я вамъ пришлю вѣсточку отъ него. А до тѣхъ поръ не смѣйте тронуть волоса на головѣ у нихъ. Я говорю вамъ это; и знайте, что за это вы дорого поплатитесь.

Этимъ все разрѣшилось. Какъ бы то ни было, плѣнные французы были спасены на нѣкоторое время. Затѣмъ Жанна понеслась обратно и потребовала согласія короля, не допуская никакихъ виляній, никакихъ объясненій. И король сказалъ ей, чтобы она дѣлала, какъ хочетъ; а она бросилась обратно, выкупила его именемъ плѣнныхъ и отпустила ихъ на волю.

ГЛАВА XXXV.

Ликованіе народа.—Святой сосудъ.

Тутъ-то мы увидѣли опять великаго королевскаго дворецкаго, въ замкѣ котораго гостила Жанна, когда останавливалась въ Шинонѣ, въ первые дни послѣ своего отъѣзда изъ родного края. Съ соизволенія короля, она возвела его теперь въ санъ бальи города Труа.

И мы опять выступили въ походъ. Шалонъ сдался намъ. Въ разговорѣ, близь Шалона, Жанну спросили, опасается-ли она въ будущемъ чего-нибудь? Она отвѣчала, что да: она боится предательства. Кто могъ бы тогда повѣрить этому? Кто бы могъ подумать? А между тѣмъ, это было своего рода пророчество. Истинно говорю вамъ: жалкое творенье человѣкъ!

Мы шли, шли... Наконецъ, 16-го іюля завидѣли нашу цѣль: огромныя башни реймскаго собора высились въ отдаленіи!

«Ура» за «ура!» прокатились по войскамъ, отъ передового отряда до задовъ. Сама же Жанна д'Аркъ сидѣла на своемъ конѣ, вся въ бѣлой бронѣ, прелестная, задумчивая, съ застывшимъ взоромъ; и на ея лицѣ отпечатлѣвалась глубокая, глубокая, но неземная радость. О, то не была плоть: то былъ духъ!

Ея великое служеніе подходило къ концу и завершалось незапятнаннымъ торжествомъ. Завтра она могла уже сказать: «Все кончено; отпустите меня на волю!»

Мы раскинулись станомъ передъ городомъ. И начались шумъ, суматоха, поспѣшность торжественныхъ приготовленій. Прибылъ архіепископъ со многими представителями. За ними пошли, толпа за толпой, стадо за стадомъ, горожане и поселяне. Съ криками «ура!»

съ музыкой и знаменами, они разлились потокомъ по всему стану. Все волновалось отъ радости, словно пьянѣло отъ счастья. Всю ночь Реймсъ кипѣлъ горячею работой; всюду стучали, украшали городъ, воздвигали торжественные ворота; древній соборъ одѣвался, внутри и снаружи, въ роскошныя, блестящія ризы.

Утромъ мы выступили ранехонько. Коронація должна была начаться въ девять часовъ утра и продолжаться цѣлыхъ пять часовъ. Мы знали, что гарнизонъ Реймса, состоявшій изъ англійскихъ и бургундскихъ солдатъ, отказался отъ всякой мысли сопротивляться Дѣвѣ; знали, что найдемъ ворота гостепріимно раскрытыми, а весь городъ—въ полной готовности съ восторгомъ привѣтствовать насъ.

Утро было восхитительное, сверкающее солнечнымъ свѣтомъ, но свѣжее и бодрящее. Войска были въ полной парадной формѣ. И любо было смотрѣть, какъ они развертывались складками, выходя съ своего ночлега, и, наконецъ, двинулись въ послѣдній, мирный, коронаціонный походъ.

Жанна, на своемъ ворономъ конѣ, окруженная своей личной свитой, съ генералъ-лейтенантомъ во главѣ, выбрала себѣ мѣсто для смотра и для прощанія съ войсками: она, вѣдь, тогда не думала, чтобы ей когда-либо пришлось опять идти въ солдаты или вообще служить съ этими самыми или съ другими воинами. Войска знали это. Они были убѣждены, что въ послѣдній разъ видятъ дѣвичье личико своего непобѣдимаго маленькаго вождя, своего баловня, своей гордости, своего сокровища, которое они, въ глубинѣ души, надѣляли всѣми почестями собственнаго измышленія. Они величали ее «Дщерью Господа», «Спасительницей Франціи», «Душой побѣды», «Оруженосцемъ Христа» и еще болѣе нѣжными именами, которыя были ничто иное, какъ наивныя, простыя прозвища, какими старшіе награждаютъ любимыхъ дѣтей.

Вотъ почему пришлось теперь видѣть нѣчто новое,—нѣчто такое, чтd родилось отъ волненія, которое чувствовалось съ обѣихъ сторонъ. Прежде, бывало, отряды проходили мимо съ цѣлой бурей восторженныхъ кликовъ, высоко поднявъ голову, сверкая глазами; барабаны били, музыка играла побѣдный гимнъ. Теперь же—ничего подобнаго! Если-бъ не одинъ только внушительный звукъ, можно было бы закрыть глаза и вообразить себя въ мірѣ мертвецовъ. Этотъ

единственный звукъ, раздававшійся среди лѣтней тишины, былъ глухой топотъ марширующей рати. По мѣрѣ того, какъ отряды проходили мимо, солдаты прикладывали руку къ виску, ладонью наружу, отдавая честь; и ихъ взоры приковывались къ лицу Жанны, безъ словъ прощаясь съ нею, какъ бы призывая на нее благословеніе Господне. И много шаговъ дальше, они почтительно держали свою руку неподвижно. И каждый разъ, какъ Жанна подносила къ глазамъ платокъ, можно было замѣтить, что по лицамъ проходившихъ мимо рядовъ пробѣгали судороги волненія.

Смотръ послѣ побѣды способенъ довести до безумія душевное ликованье; но *этотъ* смотръ могъ разбить сердце.

Затѣмъ мы поѣхали туда, гдѣ жилъ король, а именно, въ лѣтній дворецъ архіепископа. Король былъ уже готовъ, и мы поскакали прочь и заняли мѣста во главѣ войска. Тѣмъ временемъ сельскій людъ стекался отовсюду и толпами выстраивался по обѣ стороны дороги, чтобы посмотрѣть на Жанну,—точь-въ-точь, какъ дѣлалось это теперь ежедневно съ самаго того дня, какъ началось наше шествіе. Нашъ путь лежалъ теперь черезъ зеленую луговину. И поселяне какъ бы проложили по ней двойную ограду, или два широкихъ яркихъ пояса, съ обѣихъ нашихъ сторонъ: у каждой крестьянки, дѣвушки или женщины, была бѣлая кофта и алая юбка. Издали онѣ казались безконечнымъ цвѣточнымъ кружевомъ изъ лилій и маковъ.

Такою-то луговиной шли мы всѣ эти дни. Но то были не простые безчисленные цвѣты, стоящіе на своихъ стебелькахъ: *эти* цвѣты стояли на колѣнахъ, простирая руки и поднявъ лица къ Жаннѣ, а слезы благодарности такъ и катились у нихъ по щекамъ. И по всему пути, тѣ, что̀ были ближе къ дорогѣ, обнимали ея ноги, цѣловали ихъ и нѣжно приникали къ нимъ своими мокрыми щеками. За всѣ эти дни не пришлось мнѣ видѣть ни мужчины, ни женщины, которые стояли бы на ногахъ въ то время, какъ она проѣзжала; и ни одинъ крестьянинъ не былъ съ покрытой головой. Впослѣдствіи, на главномъ судѣ, всѣ эти умилительныя сцены были обращены въ оружіе противъ нея. Люди-де сотворили изъ нея себѣ кумиръ, стало быть, она—еретичка: такъ разсудилъ этотъ неправедный судъ!

Когда мы подошли къ городу, длинный рядъ его башенъ и укрѣпленій уже весело пестрѣлъ развѣвающимися флагами и чернѣлъ множествомъ народа. Воздухъ дрожалъ отъ пушечныхъ залповъ и застилался тучами дыма. Мы вступили въ ворота въ полномъ парадѣ и прослѣдовали черезъ весь городъ, а позади насъ двигались, въ праздничномъ одѣяніи, всѣ гильдіи и цехи, со своими значками (48). По бокамъ стояли изгородью толпы народа, кричавшаго «ура!» Окна и крыши были биткомъ набиты людьми. Съ балконовъ свѣшивались яркіе куски дорогихъ матерій. И вездѣ столько махали бѣлыми платками, что издали казалось, будто поднялась снѣжная мятель.

Имя Жанны поминалось въ церковныхъ молитвахъ,—честь, которая оказывалась прежде только особамъ королевской крови. Но она удостоилась еще бо̀льшей чести—и такой, которою, дѣйствительно, можно было гордиться, хоть ея источникъ былъ скромнѣе: народъ отчеканилъ оловяныя медали съ ея изображеніемъ и съ ея гербомъ; и онѣ служили ему ладонкой. Эти медали можно было встрѣтить повсюду.

Изъ архіепископскаго дворца, гдѣ мы остановились и гдѣ должны были жить король и Жанна, король послалъ въ аббатство Сен-Реми (что̀ за воротами, въ которые мы вошли) за Sainte Ampoule,—сосудомъ съ св. елеемъ (49). Этотъ елей былъ неземной: онъ былъ изготовленъ на небесахъ, равно какъ и сосудъ. Этотъ сосудъ, съ этимъ самымъ елеемъ, былъ принесенъ голубемъ съ небеси. Онъ былъ ниспосланъ въ Сен-Реми какъ разъ въ ту пору, когда тамъ долженъ былъ креститься король Хлодвигъ, обратившійся въ христіанство. Я знаю, что это правда. Я давно это зналъ: мнѣ говорилъ отецъ Фронтъ еще въ Домреми. Сказать вамъ не могу, до чего странно и боязно было мнѣ смотрѣть на этотъ сосудъ: вѣдь, я зналъ, что предо мною вещь, которая дѣйствительно *была* на небѣ, на которую смотрѣли, можетъ-быть, ангелы, а ужъ Самъ Господь — навѣрно, ибо Онъ Самъ прислалъ его. И я, я смотрѣлъ на этотъ сосудъ! Я даже могъ одно время прикоснуться къ нему, но побоялся: вѣдь, можетъ-быть, Самъ Богъ къ нему прикасался? Даже почти навѣрно прикасался.

Изъ этого сосуда былъ помазанъ мѵромъ Хлодвигъ; и съ той

поры всѣ короли Франціи были помазуемы этимъ же елеемъ изъ этого же самаго сосуда. Да, со временъ Хлодвига, то-есть, цѣлыхъ девятьсотъ лѣтъ подрядъ! Итакъ, какъ я уже сказалъ, послали за сосудомъ со священнымъ елеемъ; а мы остались ждать его. Я вѣрю, что коронованіе безъ мvропомазанія изъ этого сосуда было бы не коронованіе.

Но, чтобы получить этотъ сосудъ, надо было исполнить весьма древній обрядъ: нето настоятель аббатства Сен-Реми, этотъ наслѣдственный стражъ священнаго сосуда, не отдалъ бы его. И вотъ, согласно обычаю, король повелѣлъ, чтобы пятеро важнѣйшихъ сановниковъ, въ торжественномъ парадѣ и роскошно снаряженные, ѣхали, на богато-убранныхъ коняхъ, въ церковь аббатства, въ качествѣ почетной стражи при архіепископѣ реймскомъ и при его каноникахъ (50), которымъ полагалось везти просьбу короля насчетъ священнаго мvра. Когда эти пятеро важнѣйшихъ вельможъ были готовы къ отъѣзду, всѣ они, стоя рядышкомъ, преклонили колѣни предъ королемъ и сложили руки, въ желѣзныхъ перчаткахъ, ладонь съ ладонью, предъ лицомъ своимъ, клянясь своей жизнью невредимо доставить сюда священный сосудъ и такъ же невредимо возвратить его обратно въ аббатство, въ церковь Сен-Реми, послѣ мvропомазанія короля.

При такомъ благородномъ конвоѣ, архіенископъ и его помощники направились въ Сен-Реми. Архіепископъ былъ въ своемъ парадномъ облаченіи, съ митрой на головѣ, съ посохомъ въ рукахъ. У дверей Сен-Реми этотъ отрядъ остановился и выстроился, чтобы принять священный сосудъ. Вскорѣ послышались глубокіе звуки органа и пѣвчихъ. Затѣмъ показалась длинная вереница огней, приближавшихся изъ глубины темной церкви. Но вотъ появился аббатъ, въ полномъ священномъ облаченіи, съ сосудомъ въ рукахъ; его штатъ слѣдовалъ за нимъ. Съ торжественными обрядами вручилъ онъ мvро архіепископу; и началось обратное шествіе. Оно было чрезвычайно внушительно. Все время оно двигалось между двухъ стѣнъ людей, мужчинъ и женщинъ, которые лежали, распростертые ницъ на землѣ, и съ трепетомъ творили безмолвную молитву, пока проходила эта страшная вещь, побывавшая на небесахъ.

Вотъ, это августѣйшее собраніе достигло большихъ западныхъ

вратъ реймскаго собора. Архіепископъ вошелъ въ нихъ, и ему навстрѣчу раздались звуки торжественнаго гимна, разлившагося по всему обширному собору. Соборъ былъ биткомъ набитъ народомъ,—тысячами людей. Только широкое пространство на самой серединѣ оставалось свободно: туда-то направился архіепископъ со своими канониками. Вслѣдъ за ними двинулись эти пять величавыхъ фигуръ, каждый со своимъ значкомъ въ рукахъ, и—верхами на коняхъ!

О, что это было за великолѣпное зрѣлище! Всадники торжественно проникали въ вертепистую глубь зданія, разсѣкая яркіе лучи солнечнаго свѣта, струившагося изъ красно расписанныхъ оконъ. О, свѣтъ не видалъ ничего великолѣпнѣе этой картины!

Они проѣхали прямо къ самому клиросу,—говорятъ, будто цѣлыхъ четыреста шаговъ отъ входа. Затѣмъ архіепископъ отпустилъ ихъ, а они отвѣсили ему низкій поклонъ, да такой низкій, что перья у нихъ на шлемахъ коснулись загривковъ коней; послѣ того они заставили этихъ гордыхъ тварей, семенившихъ ногами, поднимавшихся на дыбы, отступать задомъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не допятились до дверей. Это было замѣчательно красиво, изящно! Наконецъ, всадники подняли своихъ коней на дыбы, заставили ихъ повернуться кругомъ на однѣхъ заднихъ ногахъ, какъ бы нырнули въ отворенныя двери—и исчезли.

ГЛАВА XXXVI.

Коронація.—Награда Жаннѣ.

На нѣсколько минутъ водворилось глубокое, полное ожиданія затишье: можно бы подумать, что вся эта многотысячная толпа погрузилась въ непробудный сонъ. Да что! Можно было разслышать даже такіе слабые звуки, какъ полусонное жужжаніе мухъ. Но, вотъ, могучимъ потокомъ нахлынули роскошные звуки четырехсотъ серебряныхъ трубъ, и словно въ рамѣ, показались, подъ стрѣльчатымъ сводомъ западныхъ вратъ, король и Жанна. Медленно двигались они впередъ, бокъ-о-бокъ, среди бурныхъ криковъ привѣта. Одинъ взрывъ восторга слѣдовалъ за другимъ, крики «ура!» и возгласы сливались съ глубокимъ рокотомъ органа, съ волнообразными переливами побѣдоносныхъ гимновъ, которые неслись съ клиросовъ,

гдѣ стояли хоры. Позади Жанны съ королемъ шелъ Паладинъ, съ ея развернутымъ знаменемъ. Онъ имѣлъ величавый видъ; его осанка была стройна и горделива: вѣдь, ему было извѣстно, что народъ обращаетъ на него вниманіе и замѣчаетъ, какъ было великолѣпно парадное одѣяніе, покрывавшее его броню.

Рядомъ съ нимъ выступалъ сиръ д'Альбрэ, замѣститель коннетабля Франціи, съ Государственнымъ Мечомъ. За ними, по старшинству сана, слѣдовала царственно-разодѣтая горсть лицъ, которыя служили представителями свѣтскихъ пэровъ Франціи: то были три принца крови: Ля-Тремуйль и юные графы де-Лявали. Дальше шли представители духовныхъ пэровъ;—архіепископъ Реймскій да епископы Лаонскій, Орлеанскій, Шалонскій и еще одинъ (51). Наконецъ, выступали особы Главнаго Штаба, — всѣ наши величайшіе вожди и препрославленные воины: каждый изъ толпы пылалъ желаніемъ взглянуть на нихъ. Сквозь весь шумъ и гамъ можно было разслышать крики, которые ясно указывали, гдѣ въ ту минуту находились двое изъ нихъ: «Да здравствуетъ Побочный Орлеанъ! Да здравствуетъ Сатана Ля-Гиръ во вѣки вѣковъ!»

Высочайшее шествіе достигло назначеннаго мѣста своевременно; торжественный обрядъ коронаціи начался. Дѣло было долгое и внушительное. Сколько молитвъ, гимновъ, проповѣдей и всего такого, чтò приличествуетъ подобнымъ случаямъ! И Жанна все время была подлѣ короля, не выпуская своего штандарта изъ рукъ. Наконецъ, наступило заключительное великое дѣйствіе. Король принесъ присягу; надъ нимъ совершили обрядъ мѵропомазанія священнымъ елеемъ. Роскошно одѣтый человѣкъ, за которымъ слѣдовали хвостоносцы, и прочіе прислужники подошли къ королю, съ короной Франціи на подушечкѣ, и поднесли ее ему, преклонивъ колѣна.

Казалось, будто король колеблется, да онъ-таки и колебался: протянулъ руку впередъ и на мгновеніе держалъ ее надъ короной, точно пальцы его собирались ухватить ее. Это продолжалось всего одно мгновенье; но и мгновенье имѣетъ иногда важное значеніе, если оно заставляетъ двадцати-тысячную толпу прервать дыханіе. Да, король остановился на мгновенье. Но, вотъ, онъ взглянулъ на Жанну: ея взоръ свѣтился глубокой радостью великой, признательной души. Король улыбнулся и взялъ корону Франціи въ руку. Весьма

изящно, чисто по-королевски, поднялъ онъ корону и возложилъ ее себѣ на голову.

Ну, и поднялся же содомъ! Вокругъ насъ все закричало «ура!» зашумѣло; запѣли хоры, заревѣлъ органъ; а за дверями загудѣли колокола, загремѣли пушки.

Фантастическое видѣніе, невѣроятное, невозможное видѣніе дѣвочки-крестьянки осуществилось: владычество англичанъ рушилось, наслѣдникъ французскаго престола былъ коронованъ!

Жанна какъ бы вся преобразилась: такая божественная радость сіяла у нея на лицѣ, когда она пала на колѣнп къ стопамъ короля и подняла къ нему свое лицо, орошенное слезами! Губы ея дрожали. Нѣжно, тихо, отрывисто падали съ нихъ слова:

— Теперь, о милый мой король, воля Господня свершилась, по Его словамъ: ты прибылъ въ Реймсъ и пріялъ вѣнецъ, принадлежащій по праву одному тебѣ, и никому больше. Возложенный на меня трудъ оконченъ. Дай же мнѣ удалиться съ миромъ къ матери моей! Она бѣдна, она стара и нуждается во мнѣ.

Король поднялъ ее и тутъ же, предъ лицомъ всей толпы, принялся восхвалять ея великія дѣянія въ самыхъ благородныхъ выраженіяхъ: еще разъ подтвердилъ онъ уже дарованный ей титулъ и дворянское достоинство, которое ставило ее наравнѣ съ графами Франціи, и назначилъ ей домашній штатъ и офицеровъ, соотвѣтственно ея сану. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Ты спасла корону. Говори, проси, требуй! И какой бы милости ты ни попросила у меня, все будетъ даровано тебѣ, хотя бы отъ этого обнищало королевство.

Ну, ужъ вотъ что̀ называется говорить благородно, истинно по-царски! Не долго думая, Жанна бросилась на колѣни и сказала:

— Если ужъ вы, милый король, желаете проронить слово состраданія, я попросила бы васъ отдать приказъ, чтобы съ моего селенія, столь бѣднаго и отягощеннаго войной, были сложены налоги.

— Приказаніе дано. Говори дальше.

— Это все.

— Все? И только?

— Только. У меня нѣтъ другихъ желаній.

— Но это, вѣдь, ничто, даже меньше, чѣмъ ничто. Проси, не бойся!

— Право же, мнѣ не о чемъ просить, милый король. Не настаивайте. Ни капельки ничего больше не желаю я.

Король казался растеряннымъ и стоялъ молча съ минуту, какъ бы стараясь постигнуть всю полноту этого страннаго самоотреченія. Затѣмъ онъ поднялъ голову и вымолвилъ:

— Она завоевала государство и вѣнчала его короля; а между тѣмъ она проситъ, она соглашается принять лишь единственную, ничтожную милость, да и ту не для себя, а для другихъ. Это превосходно! Ея поступокъ приличествуетъ благородству человѣка, который въ умѣ и въ сердцѣ своемъ носитъ больше богатствъ, нежели могъ бы прибавить къ нимъ любой король, хотя бы онъ отдалъ все, чѣмъ владѣетъ. Пусть будетъ по ея желанію! Посему повелѣваемъ, чтобъ отъ сего дня Домреми, родина Жанны д'Аркъ, Спасительницы Франціи, по прозванію Орлеанской Дѣвы, была *навѣки* свободна отъ налоговъ.

И серебряные рога затрубили въ знакъ ликованья.

Видите, вѣдь, у нея была въ глазахъ эта самая картина, когда она говорила, какъ бы во снѣ, тогда, на пастбищѣ въ Домреми, въ отвѣтъ на нашъ вопросъ, чего бы она попросила у короля, если-бъ онъ предложилъ ей требовать чего-угодно. Было-ли то видѣніе, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, этотъ поступокъ показываетъ, что и послѣ головокружительныхъ почестей, выпавшихъ ей на долю, она оставалась такимъ же простымъ, самозабвеннымъ созданіемъ, какимъ была въ тѣ дни.

Да, Карлъ VII дѣйствительно сложилъ съ нихъ подати «навѣки». Нерѣдко благодарность королей и народовъ изсякаетъ, ихъ обѣщанія забываются или нарушаются сознательно; но вы, дѣти Франціи, съ гордостью должны помнить, что Франція вѣрно сдержала это обѣщаніе. Съ того дня минуло 63 года. Уже 63 раза налоги были собраны въ томъ округѣ, гдѣ лежитъ Домреми: и всѣ деревни платили ихъ, кромѣ Домреми. Да, сборщики податей никогда больше не приходили въ Домреми! Давно забыли жители этой деревушки, что̀ это за грозное, печальное явленіе. Съ тѣхъ поръ заполнены 63 податныхъ книги: вонъ онѣ лежатъ тамъ, вмѣстѣ съ другими

общественными отчетами, смотри ихъ кто хочетъ! Въ каждой изъ этихъ 63-хъ книгъ, надъ каждой страницей стоитъ названіе деревни, а подъ каждымъ названіемъ развертывается тяжелая вереница податей и налоговъ. И такъ вездѣ, кромѣ одной только страницы. Вѣрно вамъ говорю! Въ каждой изъ этихъ 63-хъ книгъ есть страница, озаглавленная *Домреми*, но подъ этимъ названіемъ не стоитъ ни одной цифры. А на томъ мѣстѣ, гдѣ должны бы стоять цифры, написано только три словечка,—и это изъ года въ годъ, все одно и то-же. Да, эта страница стоитъ вѣчно пустая: на ней красуются только эти слова признательности,—трогательная памятка!

Domremi.

Rien.—La Pucelle.

Ничего.—Дѣва.

Какъ кратко—и какъ много сказано! Это говоритъ цѣлый народъ. Вы видите предъ собой такое зрѣлище: далеко нечувствительное существо, правительство, низко преклоняется предъ этимъ именемъ и говоритъ своимъ служителямъ: *Шапки долой, и—проходите мимо! Такъ повелѣваетъ Франція!* Да, обѣщаніе было сдержано. И всегда будетъ сдержано: «навѣки»—таковы были собственныя слова короля (52).

Наконецъ, въ два часа пополудни, обрядъ коронаціи завершился. Шествіе выстроилось опять, съ Жанной и съ королемъ во главѣ, и торжественно прослѣдовало чрезъ середину церкви. И всѣ люди и всѣ инструменты подняли такой гулъ громкаго ликованья, что, право, даже удивительно было слышать,

Такъ закончился третій изъ великихъ дней въ жизни Жанны. И какъ они близко слѣдовали одинъ за другимъ: 8-го мая, 18-го іюня и 17-го іюля!

ГЛАВА XXXVII.

Подательница безсмертія.—Папаша и дядюшка.

Мы сѣли на коней и поѣхали. Чудесная картина, никогда-то ея не забыть! Цѣлая благородная выставка роскошнѣйшихъ нарядовъ и развѣвающихся перьевъ! И весь нашъ путь былъ окай-

ленъ толпами, которыя падали ницъ, по мѣрѣ нашего приближенія, какъ гнется колосъ передъ жнецомъ, и радостными кликами привѣтствовали своего помазанника и его спутницу, Спасительницу Франціи. Прослѣдовавъ въ торжественномъ шествіи чрезъ главнѣйшія части города, мы уже почти достигли конца пути, приблизившись ко дворцу архіерея, какъ вдругъ, съ правой стороны, у самой гостинницы подъ названіемъ «Зебра», замѣтили странное явленіе: двое мужчинъ *стояли* на ногахъ, а не на колѣняхъ! Они стояли впереди остальной толпы, вытаращивъ глаза, словно остолбенѣли. Да, двое самыхъ простыхъ поселянъ, въ грубой одеждѣ. Въ ярости набросились на нихъ двое алебардистовъ, чтобъ научить ихъ болѣе вѣжливому обращенію; но въ тотъ же мигъ, какъ они схватили ихъ, Жанна вскрикнула: «Не троньте!»

Соскользнувъ съ сѣдла, она подбѣжала и обхватила обѣими руками одного изъ этихъ поселянъ, осыпая его самыми нѣжными именами и рыдая. Одинъ изъ нихъ былъ ея отецъ, а другой—дядя Лаксаръ.

Молніей разлетѣлась эта вѣсть повсюду,—и поднялись привѣтственные крики. Въ одно мгновенье эти презрѣнные, никому не извѣстные простолюдины сдѣлались для всѣхъ знаменитостями, предметами любви и зависти. Каждый съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ старался взглянуть на нихъ, чтобы имѣть возможность впослѣдствіи всю жизнь разсказывать, что онъ самъ видѣлъ отца Жанны д'Аркъ и брата ея матери. Какъ легко ей было творить такія чудеса! Она сама была, какъ солнце: на какой бы тусклый, ничтожный предметъ ни падали ея лучи, тотчасъ же онъ весь утопалъ въ сіяніи славы.

И король всемилостивѣйше промолвилъ: «Приведите ихъ ко мнѣ!»

Жанна подвела ихъ къ королю. Она сіяла счастьемъ и любовью; а они тряслись отъ страха и все мяли свои шапки въ дрожащихъ рукахъ. И предъ лицомъ всѣхъ король далъ имъ приложиться къ своей рукѣ въ то время, какъ люди смотрѣли на нихъ съ завистью и восхищеніемъ. Онъ сказалъ старику д'Аркъ:

— Воздадите благодареніе Господу за то, что вы—отецъ этого ребенка, этой подательницы безсмертія. Вы носите имя, которое будетъ жить въ устахъ людей, когда весь королевскій родъ будетъ

давно забытъ: вамъ не пристало обнажать голову предъ бренным блескомъ славы, предъ мимолетнымъ саномъ. Накройтесь!

И, сказать правду, произнося эти слова, король имѣлъ весьма красивый и истинно королевскій видъ. Затѣмъ онъ приказалъ позвать реймскаго бальи. Когда тотъ явился и всталъ передъ нимъ, низко согнувшись и обнаживъ голову, король сказалъ ему: «Эти двое—гости Франціи!» Онъ просилъ обращаться съ ними какъ можно радушнѣе.

Скажу вамъ теперь же, что папаша д'Аркъ и Лаксаръ пріютились въ этой самой гостинничкѣ «Зебра», да тамъ и остались. Напрасно бальи предлагалъ имъ лучшія помѣщенія, а также разныя почести и чудесныя развлеченія: ихъ пугали всѣ эти затѣи. Они, вѣдь, были простые невѣжественные поселяне! Они просили оставить ихъ въ покоѣ,—и ихъ не трогали. Какая была имъ корысть отъ всего такого! Эти простачки не знали, что дѣлать съ своими руками: имъ надо было напрягать все свое вниманіе, чтобы не вывихнуть ихъ. Бальи сдѣлалъ все, что только могъ при такихъ условіяхъ. Онъ велѣлъ хозяину гостинницы отдать въ ихъ распоряженіе цѣлый этажъ и доставлять имъ, что имъ будетъ угодно,—все за счетъ города.

Бальи подарилъ имъ еще каждому по лошади, съ полной сбруей. Это до того ошеломило, до того преисполнило ихъ гордости, восторга и удивленія, что они не въ силахъ были вымолвить слова: имъ никогда и не снилось такое богатство! Имъ все не вѣрилось, чтобы это были настоящіе кони, чтобы они не разсѣялись, какъ паръ. Они всѣми мозгами своими прилѣпились къ этому великолѣпію: они вѣчно повертывали разговоръ на животныхъ, чтобы вставлять тамъ и сямъ: «мой конь» и упиваться этими словами, смаковать ихъ. При этомъ они разставляли свои ноги, запускали большіе пальцы подмышки, за жилеты, и чувствовали себя, какъ милосердый Богъ, когда Онъ оглянется на цѣлыя флотилии созвѣздій, плавающихъ въ страшныхъ безднахъ пространства и подумаетъ съ самодовольствомъ, что все это—Его, Его достояніе. Да, всякій видѣлъ, что это были двое самыхъ счастливыхъ старыхъ младенцевъ, но и—самыхъ простодушныхъ.

Въ полдень городъ задалъ роскошный пиръ королю и Жаннѣ,

всему двору и генеральному штабу. Почти посрединѣ его, послали за папашей д'Аркомъ и за Лаксаромъ; но они не смѣли принять приглашенія, пока имъ не было обѣщано, что они будутъ сидѣть себѣ на хорахъ, отдѣльно отъ другихъ, и безъ малѣйшей помѣхи могутъ смотрѣть на все, что̀ тамъ было поглядѣть. Итакъ, они усѣлись тамъ и смотрѣли внизъ на роскошное зрѣлище. И по щекамъ у нихъ катились слезы: такъ были они растроганы, видя, какія невѣроятныя почести оказывались ихъ дорогому дитяткѣ и какъ просто, весело, безстрашно справлялась она съ такой подавляющей славой, выпавшей на ея долю.

Но ея спокойствіе было, наконецъ, сломлено: да, она выдержала и милостивую рѣчь короля, и похвалы Алансона и Побочнаго, и даже громовый вихрь Ля-Гира, который бралъ крѣпость приступомъ; но, наконецъ, какъ я уже сказалъ, на нее выступила такая сила, съ которой она ужъ не могла совладать. Дѣло въ томъ, что, въ заключеніе, король поднялъ руку, призывая всѣхъ къ молчанію, и ждалъ, не опуская ея, пока водворилась такая глубокая тишина, что ее можно было *чувствовать*. И вдругъ изъ какого-то отдаленнаго уголка этого громаднаго покоя раздался жалобный голосокъ: и въ завороженной тишинѣ нѣжно, ласково, но живо понеслись простые звуки нашей смиренной пѣсенки «Бурлемона Древо Фей". Тутъ Жанна ужъ не выдержала: она залилась слезами, закрывъ лицо руками.

Да, такъ видите-ли, въ одну минуту вся роскошь, все великолѣпіе празднества разсѣялись предъ нею: она снова превратилась въ малютку-пастушку, вокругъ которой разстилаются мирныя пастбища; а война, раны, кровь, смерть, бѣшеная ярость, суматоха битвы отошли въ область сновидѣній... Это показываетъ вамъ, какую власть имѣетъ музыка. Это—величайшій волшебникъ. Стоитъ ему взмахнуть своимъ жезломъ и произнести свои таинственныя слова— и всѣ предметы дѣйствительной жизни исчезнутъ, и задвигаются предъ вами воплощенные призраки вашего воображенія.

Такова была выдумка короля; таковъ былъ его милый, трогательный подарокъ. Право же, въ глубинѣ души у него было много хорошаго, хотя рѣдко приходилось видѣть это: свѣтлое въ немъ заслоняли этотъ злокозненный Тремуйль и ему подобные. А онъ и радъ былъ

жить беззаботно, безъ хлопотъ и размышленій: оттого-то онъ давалъ имъ творить свою волю.

Когда смерклось, мы, то-есть, земляки изъ Домреми, входившіе въ составъ личной свиты Жанны, собрались въ комнатѣ ея отца и дяди, въ гостинницѣ, потягивая доброе винцо и приступая къ задушевному разговору о нашемъ Домреми и о сосѣдяхъ. Вдругъ отъ Жанны принесли большой узелъ, съ приказаніемъ оставить его до ея прихода. Вскорѣ явилась она сама и отослала своихъ тѣлохранителей, сказавши, что займетъ одну изъ отцовскихъ комнатъ и будетъ спать подъ одной съ нимъ кровлей, — опять какъ будто у себя дома. Мы, ея свита, встали и, какъ подобало, выжидали, чтобы она приказала намъ сѣсть. Она оглянулась и увидала, что ея старики тоже встали и стояли, но неловко, вовсе не по-военному. Это разсмѣшило ее; но она удержалась отъ смѣха, чтобы не обидѣть ихъ. Потомъ она усадила ихъ на мѣста, втиснулась между ними, взяла ихъ руки къ себѣ на колѣни и, обхвативъ ихъ, промолвила:

— Ну, теперь у насъ больше не будетъ важничанья! Мы будемъ постарому родными и товарищами игръ. Я, вѣдь, покончила съ великою войной; и вы оба увезете меня съ собой, домой. И я увижу...

Она запнулась. На мгновенье ея счастливое личико омрачилось, словно сомнѣніе или предчувствіе промелькнуло у нея въ головѣ. Но она тотчасъ же опять просвѣтлѣла и сказала съ горячимъ порывомъ:

— О, если-бъ поскорѣй пришелъ тотъ день, чтобы намъ уѣхать!

Старикъ-отецъ былъ очень удивленъ и спросилъ:

— Чтò ты, дѣточко? Неужели ты говоришь взаправду? Неужели тебѣ хочется перестать творить чудеса, за которыя тебя всѣ прославляютъ? И, вѣдь, ты можешь пріобрѣсти еще много славы! Неужели тебѣ хочется бросить пріятельство со всѣми этими принцами и генералами, сдѣлаться опять рабочей крестьянкой и больше ничѣмъ? Это неразумно.

— Нѣтъ, это поразительно, даже непонятно! — проговорилъ дядя Лаксаръ.—Странно было слышать, что она пойдетъ въ солдаты; но еще того страннѣе, — что она перестанетъ воевать. И, право

слово, скажу вамъ, что въ жизнь мою, до самаго этого дня и часа, мнѣ не приходилось слышать такихъ странныхъ рѣчей. Хотѣлось бы, чтобы мнѣ разъяснили это.

— Это не трудно,—замѣтила Жанна.—Никогда я особенно не любила раны и страданія; и не создана я для того, чтобы причинять ихъ другимъ. Ссоры всегда огорчали меня, шумъ и суматоха никогда мнѣ не нравились: я скорѣе склонна къ мирной, тихой жизни и люблю всѣ живыя существа. Созданная такъ, могла-ли я думать о войнѣ и кровопролитіи, а также о горестяхъ, мученіяхъ, печаляхъ, которыя они влекутъ за собой? Но Господь, чрезъ своихъ ангеловъ, возложилъ на меня великій долгъ: какъ же я могла бы ослушаться Его? Я такъ и сдѣлала, какъ мнѣ было заповѣдано. И развѣ Онъ повелѣлъ мнѣ свершить многія дѣянія? Нѣтъ, только два—снять осаду съ Орлеана и вѣнчать короля въ Реймсѣ. Мое дѣло кончено—и я свободна. Было-ли хоть разъ, чтобы у меня на глазахъ палъ бѣдняга солдатикъ, другъ или врагъ—все равно, а я не почувствовала бы его страданій, какъ своихъ собственныхъ, и не горевала бы мысленно съ его родными? Нѣтъ, ни разу! О, какое блаженство сознавать, что я завоевала себѣ свободу и право — больше не видать этихъ жестокостей, не испытывать въ душѣ этихъ мукъ! Такъ почему бы мнѣ не вернуться въ свое село и не быть, чѣмъ я была прежде? Да это просто рай! А вы удивляетесь, какъ я могу этого желать? Ахъ, да, вы—мужчины, только мужчины! Вотъ мама поняла бы меня!

Они не знали хорошенько, что̀ сказать; поэтому сидѣли нѣкоторое время молча, поглядывая довольно-таки безсмысленно. Наконецъ, старикъ д'Аркъ сказалъ:

— Да, мать твоя, это—правда. Я никогда еще не видывалъ такой женщины: все-то она горюетъ, горюетъ, горюетъ... Проснется это ночью, да такъ и лежитъ-себѣ, все думаетъ, то-есть, горюетъ: и горюетъ все о тебѣ. И, если ночью забушуетъ буря, она заохаетъ и примется причитывать: «Помилуй ее, Господи: она, вѣдь, теперь подъ дождемъ, со своими бѣдными промокшими солдатиками!» А когда молнія сверкнетъ и грянетъ громъ, она заломитъ руки и задрожитъ, приговаривая: «Это—такой грохотъ, такой блескъ, какъ изъ страшныхъ пушекъ; а Жанночка гдѣ-нибудь, далеко, скачетъ-

себѣ прямо на эти изрыгающія орудія—и меня тамъ нѣтъ, чтобъ охранить ее...»

— Бѣдная мама! Мнѣ такъ жаль ее, такъ жаль!

— Да! Весьма странная женщина, сколько я могъ замѣтить ужъ не разъ. Придетъ, бывало, вѣсточка о побѣдѣ: все село съ ума сходитъ отъ гордости и ликованья, а она мечется туда-сюда, пока не узнаетъ одно только, чтò нужно ей—что ты цѣла и невредима. Потомъ опустится на колѣни, тутъ же, на улицѣ, въ грязи, и славословитъ Бога до того, что у нея перехватитъ дыханіе. И все это о тебѣ одной: о битвѣ она и не поминаетъ. И вѣчно приговариваетъ: «*Теперь* все кончено, *теперь* Франція спасена, теперь *она* вернется домой!» И все-то ей приходится разочаровываться; и все она бродитъ да горюетъ.

— Полно, отецъ, не надрывай мнѣ сердца! Я буду такъ добра къ ней, когда вернусь домой; я буду дѣлать за нее всю ея работу; я буду ей утѣхой. И не придется ей больше мучиться изъ-за меня.

Побесѣдовали они еще немножко въ томъ же родѣ, затѣмъ дядя Лаксаръ сказалъ:

— Ты исполнила волю Божію, милая моя, и — дѣлу конецъ. Это вѣрно, и никто не станетъ отрицать этого. Но чтò скажетъ король? Ты, вѣдь, самый лучшій изъ его солдатъ. Что, если онъ повелитъ тебѣ остаться?

Вотъ-то былъ ударъ, да такой нежданный! Съ минуту Жанна не могла оправиться, но потомъ сказала совершенно просто и покорно:

— Король—мой повелитель; я его слуга!

Она немного задумалась и помолчала, а потомъ прояснилась и сказала весело:

— Но лучше отгонимъ отъ себя всѣ эти мысли: теперь для нихъ не время. Разскажите-ка мнѣ про домашнихъ...

И старики-болтуны пустились растабарывать. Говорили они все-то про свою деревню. И пріятно было слышать это. По добротѣ душевной, Жанна пыталась втянуть и *насъ* въ разговоръ; но это ей не удалось, конечно. Она была главнокомандующій, а мы никто; *ея* имя было самое всемогущее во Франціи, а мы были невидимая мел-

кота; она была товарищемъ принцевъ и героевъ, а мы—сверстниками людей самыхъ темныхъ, смиренныхъ: наконецъ, она была чиномъ выше всѣхъ Особъ и всѣхъ Властей земныхъ, ибо ея посланничество было возложено на нее самимъ Богомъ. Словомъ, она была *Жанна д'Аркъ*; а этимъ, вѣдь, все сказано. Для насъ она была божество: между нею и нами лежала бездонная пропасть, какъ видно уже изъ этого слова. Мы не могли обращаться съ нею, какъ равные. О, нѣтъ! Да вы сами видите, что это было невозможно.

А между тѣмъ, какъ она была человѣчна, какъ добра, прелестна, сердечна, какъ весела и обворожительна, какъ чиста и проста! Вотъ и всѣ слова, какія я только могу сейчасъ придумать для нея; но ихъ слишкомъ недостаточно. О, они слишкомъ слабы, безцвѣтны, тощи, чтобы передать вамъ все это хоть вполовину! Эти простодушные старички не могли ее постигнуть, да, не могли. Имъ знакомы были только земныя существа: откуда же имъ было взять мѣрило для нея? Въ ихъ глазахъ, когда прошла ихъ первоначальная робость, Жанна была просто дѣвушкой—и только. Поразительное дѣло! Просто дрожь пронимала, когда мы видѣли, до чего ровно, спокойно, непринужденно чувствовали они себя въ ея присутствіи, до чего они просто говорили съ нею, какъ со всякой другой французской дѣвушкой.

Вотъ хоть-бы этотъ простакъ, старый Лаксаръ. Онъ усѣлся-себѣ и мямлилъ самый скучный, самый пустой разсказъ; и ни онъ самъ, ни папаша д'Аркъ и не подумали, какъ это нарушаетъ правила чинопочитанія; они и не подозрѣвали, что такіе разсказы вовсе непристойны и недостойны вниманія.

Ни капельки значенія не было въ этой исторіи. Онн воображали, что тутъ много горестнаго, трогательнаго; а это не только не было трогательно, но даже было смѣшно. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ тогда казалось, да, впрочемъ, кажется еще и по сей часъ. Да и навѣрно такъ: вѣдь Жанна разсмѣялась; и чѣмъ плачевнѣе становился разсказъ, тѣмъ больше она смѣялась. Даже Паладинъ говорилъ, что онъ и самъ не прочь былъ посмѣяться, если бы не Жанна; и Ноэль Рэнгессонъ говорилъ то-же. Разсказъ шелъ о томъ, какъ старику Лаксару пришлось, недѣли двѣ-три тому назадъ, быть на похоронахъ въ Домреми. Съ тѣхъ поръ у него все лицо и руки

были въ пятнахъ, и онъ просилъ Жанну помазать ихъ какой-нибудь мазью. Пока она растирала ихъ, утѣшая его и стараясь подъискать слова сочувствія, онъ разсказывалъ ей, какъ это случилось.

Перво-на-перво онъ спросилъ ее, помнитъ-ли она того чернаго бычка, который былъ еще теленкомъ, когда она уѣзжала? Она отвѣтила, что да, и что онъ такой душка, и что она такъ его любитъ; и спросила, какъ онъ поживаетъ, и просто закидала его разспросами про это животное. А онъ сказалъ, что теперь это ужъ молодой бычокъ, и такой рѣзвунъ; и что ему пришлось быть во главѣ похороннаго шествія.

— Это бычку-то?—перебила Жанна.

— Нѣтъ, мнѣ! возразилъ дядя, но прибавилъ, что бычокъ тоже *принималъ* участіе въ похоронахъ, но не потому, что былъ приглашенъ, такъ какъ его не приглашали, а потому... Ну, видите-ли, онъ, то-есть, дядя, зашелъ куда-то далеко, за Древо Фей, да и заснулъ въ своемъ праздничномъ траурномъ нарядѣ; а длинный крепъ свѣсился со шляпы и болтался у него на спинѣ. Когда онъ проснулся, то увидалъ по солнцу, что ужъ поздно и нельзя терять ни минуты. Вскочилъ онъ въ страшной досадѣ, и видитъ — тутъ же пасется молодой бычокъ. Дай, думаетъ, хоть часть дороги проѣду на немъ, чтобъ выиграть время.

И вотъ, онъ обвязалъ бычка по животу веревкой, чтобъ было за что держаться, взнуздалъ его, чтобы какъ-нибудь управлять имъ, вскочилъ на него и поѣхалъ. Но для бычка это было дѣло новое, и онъ былъ этимъ недоволенъ. Давай онъ кружиться, ревѣть, брыкаться, метаться. Довольно-таки влетѣло дядѣ Лаксару. Ему хотѣлось добраться до слѣдующаго быка или вообще до какого-нибудь болѣе спокойнаго способа передвиженія; но онъ не смѣлъ соскочить. И очень ему становилось жарко, безпокойно, утомительно,—ужъ совсѣмъ не по воскресному. Но мало-по-малу быкъ вышелъ изъ терпѣнія и помчался внизъ, подъ гору, задравъ кверху хвостъ, и заревѣлъ самымъ ужаснымъ образомъ. Какъ-разъ на окраинѣ деревни онъ опрокинулъ нѣсколько ульевъ; пчелы вылетѣли, присоединились къ путникамъ и, поднявшись черной тучей, почти скрыли отъ народа ихъ обоихъ. И давай жалить, кусать, пронзать ихъ, а они—ревѣть да орать благимъ матомъ. Вотъ, словно вихрь, нале-

тѣли они на село и прорвали похоронное шествіе по самой серединѣ, разбросавъ его во всѣ стороны. Народъ съ криками разсыпался во всѣ стороны, а на него налипали пчелы. И ничего не осталось отъ похоронъ, кромѣ самого покойника. Въ заключеніе, бычокъ бросился къ рѣкѣ и спрыгнулъ въ нее. Когда выудили изъ воды дядю Лаксара, онъ чуть-было совсѣмъ не утонулъ; а лицо у него было вздуто и пестрѣло, словно пирогъ изюминками...

Тутъ этотъ старый простачокъ оглянулся вокругъ и уставился глазами на Жанну, которая лежала, спрятавъ лицо въ подушки, словно мертвая:

— Какъ вамъ кажется: чего она смѣется? — спросилъ онъ.

Старикъ д'Аркъ тоже стоялъ, поглядывая на нее какъ-то растерянно, и почесывалъ въ затылкѣ. Наконецъ, онъ махнулъ рукой и сказалъ, что не понимаетъ: «Вѣроятно, случилось что-нибудь такое, чего мы не замѣтили»,—проговорилъ онъ.

Да! Оба старичка думали, что это трогательно; а, по-мнѣ, это было просто смѣшно и ни для кого никакой цѣны не представляло. По крайней мѣрѣ, такъ оно казалось мнѣ тогда; да такъ же кажется и въ настоящую минуту. Если взять исторію, то оно не похоже на исторію: вѣдь, долгъ исторіи—доставлять намъ важныя, нешуточныя обстоятельства, которыя поучали бы насъ; а этотъ странный и безцѣльный случай ничему никого не научитъ; развѣ только (на мой взглядъ) тому, чтобы не ѣздить на похороны на быкѣ верхомъ; но никакой здравомыслящій человѣкъ, вѣдь, не нуждается, чтобъ его учили этому.

ГЛАВА XXXVIII.

Народъ и его героиня.

И эти-то драгоцѣнныя старыя дѣти были возведены въ дворяне приказомъ короля, какъ вамъ извѣстно! Но они не могли этого уразумѣть; нельзя было даже сказать, чтобъ они относились къ этому сознательно. Для нихъ это было что-то отвлеченное, какъ бы призракъ; въ ихъ глазахъ тутъ не было ничего осязательнаго, и разумъ ихъ не могъ этого никакъ вмѣстить. Нѣтъ, они не надоѣдали никому своимъ дворянствомъ; они только и знали, что своихъ

лошадокъ. Эти лошадки были прочнымъ, очевиднымъ дѣломъ; и онѣ должны были надѣлать много шуму въ Домреми. Когда кто-то упомянулъ про коронацію, старикъ д'Аркъ замѣтилъ, что великое дѣло—добравшись домой, имѣть возможность сказать, что они были въ *томъ самомъ городѣ*, гдѣ она происходила.

Жанна смутилась и сказала:

— Ахъ, хорошо, что вспомнила! Вы, вѣдь, были здѣсь, а не дали мнѣ знать. Въ самомъ городѣ! Да вы могли бы сидѣть наряду со всѣми дворянами, и васъ приняли бы съ распростертыми объятіями. Вы могли бы видѣть самую коронацію и объ *этомъ-то* разсказать дòма. О, зачѣмъ вы такъ поступили со мной? Почему не прислали сказать *мнѣ* ни словечка?

Старикъ-отецъ смутился, совсѣмъ-таки смутился, и походилъ на человѣка, который не знаетъ, чтò сказать. Жанна заглядывала ему въ лицо, положивъ обѣ руки ему на плечи и ожидая отвѣта.

Приходилось отвѣчать. Онъ вдругъ прижалъ ее къ своей груди, вздымавшейся отъ волненія, и сказалъ, съ трудомъ выжимая слова:

— Вотъ такъ, дитятко мое, такъ! Спрячь свое личико и дай своему старику-отцу униженно покаяться передъ тобой. Я... я... Видишь-ли... Понимаешь?.. Я, вѣдь, не могъ поручиться, что всѣ эти почести не вскружатъ тебѣ юной головки. Это было бы только естественно. Ты могла стыдиться меня передъ всѣми этими важными осо...

— Батюшка!

— И, вдобавокъ, я тебя боялся: я припомнилъ, сколько жестокаго наговорилъ тебѣ когда-то въ своемъ грѣшномъ озлобленіи. О, ты получила отъ самого Господа велѣнье быть воиномъ, и величайшимъ во всей странѣ; а я сказалъ, въ своемъ грубомъ гнѣвѣ, что готовъ утопить тебя своими собственными руками, если ты откажешься отъ своего пола и принесешь своему имени, всей семьѣ своей такой позоръ. О, какъ я могъ сказать эти слова? А ты еще такъ ласкова, добра и такъ невинна! Да, я боялся тебя, потому что былъ виноватъ передъ тобой. Понимаешь-ли теперь, дитя мое? Простишь-ли?

Видите, даже такой старый сычъ, у котораго въ головѣ была одна каша, питалъ своего рода гордость! Не изумительно-ли это?

Мало того: у него была еще и совѣсть; у него было чутье добра и зла; онъ былъ способенъ чувствовать угрызенія совѣсти. Это кажется невозможнымъ и невѣроятнымъ? Вовсе нѣтъ. Я увѣренъ, что настанетъ день, когда увидятъ, что крестьяне-то и есть народъ. Да, во многихъ, многихъ отношеніяхъ, это—точно такія же существа, какъ и мы сами. И я вѣрю, что придетъ день, когда они сами поймутъ это,—и тогда!.. Тогда, я думаю, они подымутся и потребуютъ, чтобы на нихъ смотрѣли, какъ на часть всего народа; и будутъ волненія. Когда намъ попадается на глаза, въ книгѣ или въ королевскомъ воззваніи, слово «народъ», оно вызываетъ представленіе о высшихъ классахъ, только о нихъ однихъ: другого «народа» мы не знаемъ; для насъ и для королей другого «народа» не существуетъ. Но съ того дня, когда я увидѣлъ старика д'Арка, крестьянина, поступающаго и чувствующаго совершенно такъ же, какъ я самъ, я сохранилъ въ своемъ сердцѣ убѣжденіе, что наши крестьяне—не просто скоты и вьючныя животныя, предназначенные милосердымъ Богомъ для добыванія пищи и удобствъ «народу», но нѣчто больше и лучше. Вамъ это кажется невѣроятнымъ? Ну, да, конечно: вы ужъ такъ воспитаны; и всѣ такъ воспитаны. Что же касается меня, то я благодарю случай, просвѣтившій меня; и я никогда не забуду его.

Однако, гдѣ же я остановился? Подъ старость, мысли разбѣгаются то туда, то сюда. Кажется, я сказалъ, что Жанна утѣшила папашу. Разумѣется, именно такъ она и должна была поступить: объ этомъ нечего и говорить. Она обласкала его, приголубила; и всѣ его прежнія суровыя слова были преданы забвенію,—полному забвенію, то-есть, пока она была жива. Но потомъ они должны были все-таки придти ему на память... Да, да! И, Боже правый! Какъ эти вещи гнетутъ, жгутъ и гложутъ,—вообще все, что мы сдѣлали противъ ни въ чемъ неповинныхъ покойниковъ! И мы съ тоской говоримъ: «Ахъ, если-бъ вернуть ихъ назадъ!» Но, насколько я понимаю, такъ легко говорить: на дѣлѣ же, это ни къ чему не ведетъ. По-моему, самое лучшее — вовсе не дѣлать такихъ вещей.

И не я одинъ такого мнѣнія. Я слышалъ, какъ то же самое говорили оба нашихъ рыцаря. И еще одинъ человѣкъ въ Орлеанѣ,—впрочемъ, нѣтъ, кажется, въ Божанси, или по близости отъ тѣхъ

мѣстъ,—вѣрнѣе всего, что въ Божанси: этотъ человѣкъ говорилъ то же самое почти тѣми же словами. Онъ такой черномазый, съ бѣльмомъ на глазу, и еще одна нога короче другой. Его звали... звали... однако странно, какъ это я не могу припомнить имени этого человѣка! Оно только-что вертѣлось у меня на языкѣ; и я знаю, что оно начинается съ... Впрочемъ, нѣтъ, я не могу даже припомнить, какъ оно начинается. Ну, да Богъ съ нимъ, это не важно. Я сейчасъ вспомню, и тогда скажу вамъ.

И такъ, въ скоромъ времени, старикъ-отецъ пожелалъ узнать, что̀ испытывала Жанна въ пылу сраженія, когда вокругъ нея сверкали и мелькали обнаженныя лезвія оружія и удары градомъ сыпались на ея щитъ; когда кровь потокомъ хлестала изъ обезображенныхъ, размозженныхъ лицъ, изъ беззубыхъ челюстей сосѣда за ея плечомъ, когда кучи коней переднихъ рядовъ внезапно и грозно пятились назадъ подъ стремительнымъ натискомъ врага, и люди вокругъ нея со стонами падали кубаремъ съ сѣделъ; когда боевыя знамена, вываливаясь изъ мертвыхъ рукъ, задѣвали по лицу и на мгновенье закрывали отъ взора бурную сутолоку; или когда, среди клубящейся, мучительной сумятицы, конскія копыта погружались въ мягкія тѣла, а въ отвѣтъ раздавались страшные стоны. И вдругъ оторопь, давка, бѣгство, а затѣмъ—смерть, настоящій адъ!

И старикъ все болѣе и болѣе волновался, шагалъ взадъ и впередъ; языкъ его работалъ безъ устали, словно мельница; онъ задавалъ вопросы, не ожидая даже отвѣта. Наконецъ, онъ остановился посреди комнаты передъ Жанной, сдѣлалъ шагъ впередъ, недовѣрчиво посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— Нѣтъ, я этого не понимаю! Ты такая маленькая, совсѣмъ маленькая и хрупкая. Сегодня, когда ты была въ своей бронѣ, еще можно было хоть немного понять; но въ этихъ роскошныхъ шелкахъ и бархатахъ ты просто кажешься хорошенькимъ оруженосцемъ, а не военнымъ исполиномъ въ семимильныхъ сапогахъ, движущимся въ черныхъ тучахъ, мечущимъ громы и молнію. Клянусь Богомъ, я хотѣлъ бы видѣть тебя въ то время, чтобы разсказать потомъ твоей матери. *Это* успокоило бы сонъ бѣдняжки! Кстати, покажи мнѣ солдатскіе пріемы, чтобы я могъ объяснить ей ихъ.

Она дала ему въ руки копье, показала, какъ владѣть имъ, а

также—какъ маршировать. Его движенія были до невѣроятности неловки и боязливы, равно какъ и его обращеніе съ копьемъ; но онъ этого не замѣчалъ. Онъ видимо былъ очень доволенъ собой и совершенно очарованъ звучнымъ грохотомъ словъ команды. Я долженъ замѣтить, что если-бы для марширующаго солдата было достаточно чувства гордости и счастья, то онъ былъ бы превосходнымъ солдатомъ.

Затѣмъ онъ пожелалъ взять урокъ фехтованья и получилъ его. Но это, конечно, оказалось выше его силъ: онъ былъ слишкомъ старъ. На Жанну можно было залюбоваться, когда она фехтовала; ну, а старикъ сплоховалъ. Онъ перепугался, отпрядывалъ, увертывался, отмахивался руками, словно женщина, обезумѣвшая отъ внезапныхъ колотушекъ. Нельзя сказать, чтобы онъ имѣлъ очень счастливый видъ. Иное дѣло, когда заходилъ Ля-Гиръ. Онъ частенько фехтовался съ Жанной: я не разъ видѣлъ ихъ. Конечно, Жанна живо справлялась съ нимъ, но любо было посмотрѣть на это: вѣдь, Ля-Гиръ былъ великій боецъ. Что за живое существо была эта Жанна! Посмотрѣли бы вы, какъ она, бывало, встанетъ, выпрямившись во весь ростъ, сдвинувъ ноги и согнувъ рапиру дугой надъ головой: въ одной рукѣ эфесъ, въ другой — лезвіе. А насупротивъ стоитъ, наклонившись впередъ, старый генералъ, заложивъ лѣвую руку за спину, а правой вытягивая рапиру и дѣйствуя ею слегка, вѣжливенько, вперивъ свой пристальный взоръ прямо ей въ глаза. Вдругъ она стремительно кидается впередъ, потомъ опять назадъ— и снова стоитъ, согнувъ дугой рапиру надъ своей головой. Ля-Гиръ уже получилъ ударъ; а со стороны видно было, какъ что-то мелькнуло и блеснуло въ воздухѣ, но ничего яснаго, ничего опредѣленнаго.

Мы устроили маленькую попойку, такъ какъ это должно было доставить удовольствіе г-ну бальи и помѣщику. Старики Ляксаръ и д'Аркъ сразу повеселѣли, не впадая, впрочемъ, въ то, что̀ называется быть подъ хмѣлькомъ. Они вынули подарки, которые накупили, чтобы везти домой,—простенькія и дешевыя вещицы. Но тамъ онѣ покажутся роскошными и доставятъ огромное удовольствіе. Въ свою очередь, они передали Жаннѣ подарки отъ отца Фронта и отъ ея матери,—маленькій свинцовый образокъ св. Дѣвы и съ полъярда голубой шелковой ленточки. Жанна была обрадована, какъ

ребенокъ, и такъ растрогана, что ея волненіе бросалось въ глаза. Да, она все цѣловала эти жалкія вещицы, словно то были рѣдкія драгоцѣнности. Она пришпилила образокъ къ своей кофтѣ, потомъ послала за своимъ шлемомъ; она стала навязывать на него голубую ленточку и такъ, и этакъ, то справа, то слѣва. И каждый разъ она приподымала шлемъ на рукѣ, оглядывала его со всѣхъ сторонъ, наклоняя голову то туда, то сюда, точь-въ-точь птичка, только-что изловившая новую мушку. И она говорила, что теперь ей даже хочется снова отправиться на войну: она была увѣрена, что будетъ сражаться съ еще большей отвагой, имѣя при себѣ вещь, освященную прикосновеніемъ матери.

Старый Ляксаръ выразилъ надежду, что она опять отправится на войну, но сначала съѣздитъ домой: тамъ, вѣдь, всѣ до безумія хотятъ ее видѣть. Онъ прибавилъ:

— Они гордятся тобой, милочка. Да, гордятся, какъ никакая, деревня никогда еще никѣмъ не гордилась. И это, право, вполнѣ справедливо и основательно: ни въ какой деревнѣ еще не было никого, подобнаго тебѣ, кѣмъ можно было бы такъ гордиться, называя своимъ. И какъ это странно и мило, что всѣ они стараются надѣлить твоимъ именемъ каждое маленькое существо, которому хоть мало-мальски подходитъ носить его. Чудно, право! Не прошло и полугода съ тѣхъ поръ, какъ ты покинула насъ и о тебѣ заговорили, какъ тамъ ужъ назвали многихъ дѣтей твоимъ именемъ. Сначала это были просто Жанны, потомъ Жанны-Орлеаны, потомъ уже Жанны-Орлеаны-Божанси-Патэ; а теперь для предстоящихъ новорожденныхъ имѣется цѣлый новый рядъ городовъ, ну, и, вдобавокъ, конечно Вѣнчаніе на царство. Да, тоже и съ животными. Вѣдь, у насъ знаютъ, какъ ты любишь ихъ, и стараются выказать къ тебѣ свою любовь тѣмъ, что, въ честь твою, называютъ твоимъ именемъ всѣхъ этихъ тварей. Теперь выйди кто-нибудь и крикни: «Эй, Жанна д'Аркъ, сюда!»—и со всѣхъ сторонъ сбѣгутся кошки и другія маленькія созданія; и каждое изъ нихъ будетъ увѣрено, что зовутъ именно его, и приметъ на свой счетъ приглашеніе на случай, если будетъ кормежка. Оставленный тобой котенокъ—тотъ послѣдній бродяга, котораго ты притащила домой,—носитъ теперь твое имя и принадлежитъ отцу Фронту. Онъ сдѣлался общимъ лю-

бимцемъ и гордостью всей деревни; люди приходятъ за нѣсколько миль, чтобы посмотрѣть на него, поласкать его, подивиться на него, оттого что это—кошка Жанны д'Аркъ. Всякій тебѣ скажетъ это. Разъ былъ даже такой случай. Одинъ странникъ, не зная, что это — твой котенокъ, бросилъ въ него камнемъ; такъ вся деревня поднялась, какъ одинъ человѣкъ, и его повѣсили. Только отецъ Фронтъ...

Но тутъ рѣчь была прервана. Явился королевскій гонецъ, съ посланіемъ Жаннѣ, которое я прочелъ ей. Король говорилъ, что раздумалъ и, посовѣтовавшись съ другими своими генералами, вынужденъ просить ее остаться во главѣ арміи и взять назадъ свою просьбу объ отставкѣ. Вотъ почему не можетъ-ли она немедленно явиться и присутствовать на военномъ совѣтѣ? И тотчасъ же, въ недалекомъ разстояніи, послышались звуки военной команды и грохотъ барабановъ, нарушившіе ночную тишину: мы догадались, что это приближается ея стража.

Глубокое разочарованіе омрачило на мгновеніе ея лицо, но только на одно мгновеніе, не болѣе: потомъ оно исчезло и, вмѣстѣ съ нимъ, исчезла тоскующая по родительскому крову дѣвушка. Передъ нами снова была Жанна д'Аркъ, главнокомандующій арміей, вновь готовый къ исполненію своего долга.

ГЛАВА XXXIX.

Гибельный военный совѣтъ.

Въ качествѣ оруженосца и писца, двойной моей должности, я послѣдовалъ за Жанной на военный совѣтъ. Она вошла въ это собраніе разгнѣванной богиней. Куда дѣвался безпечный ребенокъ, который только-что восторгался ленточкой и покатывался со смѣху надъ злоключеніями глуповатаго крестьянина, чтò разстроилъ похороны, сидя на спинѣ своего искусаннаго пчелой вола? Трудно представить себѣ. Онъ просто исчезъ, не оставивъ никакого слѣда. Жанна направилась прямо къ совѣтскому столу и остановилась. Взглядъ ея скользилъ по лицамъ присутствующихъ; а когда онъ останавливался, однихъ онъ озарялъ словно блескомъ факела, дру-

гихъ палилъ точно молніей. Жанна знала, куда направить ударъ. Слегка кивнувъ головой на генераловъ, она сказала:

— Мое дѣло не съ вами. Вы не просили военнаго совѣта.

Потомъ она обернулась къ тайному королевскому совѣту и продолжала:

— Мое дѣло съ вами. Военный совѣтъ! Это удивительно. Когда нужно дѣлать одно, только одно, вы, нате-ка, созываете военный совѣтъ! Военные совѣты только тогда имѣютъ значеніе, когда нужно сдѣлать выборъ между двумя или нѣсколькими сомнительными планами. Но военный совѣтъ, когда представляется всего *одинъ* исходъ? Представьте себѣ человѣка, который сидитъ въ лодкѣ, между тѣмъ какъ его семья тонетъ въ водѣ, и вдругъ онъ отправился бы къ друзьямъ спрашивать, что̀ ему дѣлать? Военный совѣтъ! Но, Боже правый, чего ради?

Она умолкла и стала озираться, пока глаза ея не остановились на лицѣ Ля-Тремуйля. Она стояла безмолвная, измѣряя его глазами, между тѣмъ какъ волненіе на всѣхъ лицахъ росло, а сердца бились сильнѣй и сильнѣй. Наконецъ, она объявила разсудительно:

— Каждый здравомыслящій человѣкъ, вѣрность котораго королю—не маска и не разсчетъ, понимаетъ, что намъ предстоитъ одно только разумное дѣло: *это—идти на Парижъ*.

Ля-Гиръ одобрительно хлопнулъ кулакомъ по столу. Ля-Тремуйль поблѣднѣлъ отъ гнѣва, однако, сдѣлавъ надъ собой усиліе, сдержался и промолчалъ. Лѣнивая кровь короля оживилась, въ глазахъ вспыхнулъ огонекъ: хотя его воинственный духъ уже поохладѣлъ, но смѣлая, правдивая рѣчь всегда способна вновь пріятно раззадорить человѣка. Жанна ожидала, что главный министръ пожелаетъ защищаться; но онъ былъ слишкомъ опытенъ и уменъ и не такой человѣкъ, который сталъ-бы тратить свои силы, когда видитъ, что теченіе противъ него. Онъ выждетъ время. Въ частной бесѣдѣ, слухъ короля мало-по-малу будетъ къ его услугамъ.

И вотъ, заговорила эта лицемѣрная лиса, канцлеръ Франціи. Потирая свои пухлыя руки, онъ обратился къ Жаннѣ съ самоувѣренной улыбкой:

— Но будетъ-ли учтиво, ваше превосходительство, внезапно двинуться отсюда, не дождавшись отвѣта отъ герцога Бургундскаго?

Быть можетъ, вамъ неизвѣстно, что мы вступили въ переговоры съ его высочествомъ, и есть надежда на двухнедѣльное перемиріе; съ его стороны, есть уже предложеніе передать Парижъ въ наши руки безъ выстрѣла, безъ утомительнаго похода туда.

Жанна обернулась къ нему и серьезно сказала:

— Здѣсь не исповѣдальня, и васъ ничто не обязывало открывать этотъ позоръ.

Лицо канцлера вспыхнуло, и онъ поспѣшно возразилъ:

— Позоръ? Что-же въ этомъ позорнаго?

Жанна отвѣчала ровнымъ, безстрастнымъ голосомъ:

— Для разъясненія не потребуется много словъ. Я знала объ этой жалкой комедіи, сударь, хотя она была устроена такъ, чтобы я не могла о ней знать. Скрывать ее—входило въ разсчеты изобрѣтателей. Что-же касается самой комедіи, то ея содержаніе и ходъ можно высказать въ двухъ словахъ.

Тутъ канцлеръ сказалъ со свойственной ему тонкой насмѣшкой:

— Вотъ какъ? Не будете-ли вы, ваше превосходительство, столь любезны указать ихъ.

— Трусость и измѣна.

На этотъ разъ кулаки всѣхъ генераловъ опустились на столъ, а глаза короля снова заблистали отъ удовольствія. Канцлеръ вскочилъ съ мѣста и обратился къ его величеству:

— Государь, прошу вашей защиты!

Но король сдѣлалъ ему знакъ снова сѣсть и сказалъ:

— Смирно! Она имѣла полное право, чтобы съ ней посовѣтовались, прежде чѣмъ предприняли то дѣло; оно столько же касается войны, сколько политики. Вотъ почему нужно хоть теперь выслушать ея мнѣніе.

Канцлеръ, весь дрожа отъ негодованія, опустился на свое мѣсто и замѣтилъ, обращаясь къ Жаннѣ:

— Изъ чувства состраданія, я хочу думать, что вамъ неизвѣстно, кто авторъ той мѣры, которую вы осуждаете въ такихъ простодушныхъ выраженіяхъ.

— Приберегите ваше состраданіе для другого случая, сударь,— такъ же спокойно, какъ и прежде, сказала Жанна.—Всякій разъ, когда предпринимается что-либо въ ущербъ интересамъ или чести

Франціи, только мертвый не съумѣетъ назвать двухъ главныхъ заговорщиковъ.

— Государь! О, государь! Вѣдь, это—клевета...

— Это не клевета, сударь,—невозмутимо возразила Жанна,—но обвиненіе. Я возвожу его на перваго министра и на канцлера короля.

Теперь оба вскочили и настаивали, чтобъ король смирилъ откровенность Жанны; но онъ и не думалъ этого дѣлать. Обыкновенно его совѣщанія съ министрами были протухлой водой; теперь же его душа упивалась виномъ, которое приходилось ему по вкусу. Онъ сказалъ:

— Сядьте и вооружитесь терпѣніемъ. Долгъ платежемъ красенъ. Примите это къ свѣдѣнію и будьте справедливы. Когда вы оба щадили ее? Говоря о ней, какими только тяжкими обвиненіями и грубыми ругательствами не позорили вы ее?

Потомъ онъ добавилъ, потупивъ заблестѣвшіе глаза:

— Если это оскорбленія, то я не вижу между ними большой разницы, за исключеніемъ только того, что она высказываетъ вамъ прямо въ лицо, а вы говорили за ея спиной.

Видимо, онъ былъ очень доволенъ своимъ рѣзкимъ отпоромъ этимъ двумъ господамъ, а также ихъ покоробленнымъ видомъ. Ля-Гиръ громко расхохотался, другіе же генералы тихонько вздрагивали, сдерживая смѣхъ. Жанна спокойно продолжала:

— Съ самаго начала намъ мѣшала эта дурацкая политика шатаній изъ стороны въ сторону, эта привычка совѣщаться, совѣщаться безъ конца, тогда какъ совѣщаться вовсе не было надобности, а нужно было сражаться. Мы взяли Орлеанъ 8 мая; въ три дня мы могли бы очистить всю страну и предупредить побоище подъ Патэ. Шесть недѣль тому назадъ мы были бы уже въ Реймсѣ, а теперь въ Парижѣ, и черезъ полгода увидѣли бы, какъ послѣдній англичанинъ покидаетъ Францію. Но послѣ Орлеана мы успокоились и удалились въ глубь страны,—спрашивается, для чего? Съ виду—чтобы устраивать военные совѣты; въ дѣйствительности же—чтобы дать Бедфорду время послать подкрѣпленія Тальботу, чтò онъ, разумѣется, и сдѣлалъ: и намъ пришлось брать съ боя Патэ. Послѣ Патэ военные совѣты участились, то-есть, еще

больше тратилось драгоцѣннаго времени. О, государь, какъ я хотѣла бы, чтобы мои слова могли убѣдить васъ!..

Теперь она заговорила горячо:

— Намъ еще разъ представляется благопріятный случай. Если мы возстанемъ и ударимъ на врага—наше дѣло выиграно. Прикажите мнѣ идти на Парижъ. Черезъ двадцать дней онъ будетъ въ нашихъ рукахъ, а черезъ полгода — вся Франція! Теперь все это можно сдѣлать въ шесть мѣсяцевъ; но если благопріятная минута будетъ упущена, то, увѣряю васъ, вамъ потребуется двадцать лѣтъ, чтобы все это окончить. Скажите слово, милый король, одно только слово...

— Умоляю, выслушайте меня!—прервалъ канцлеръ, замѣтивъ, что на лицѣ короля появляется опасное выраженіе восторга. — Идти на Парижъ? Но неужели ваше превосходительство забываетъ, что эта дорога, словно щетиной, покрыта англійскими крѣпостями?

— *Вотъ что такое* ваши англійскія крѣпости! — и Жанна презрительно щелкнула пальцами.—Откуда шли мы на этихъ дняхъ? Изъ Жьена. Куда? Въ Реймсъ. Что по дорогѣ вздымалось передъ нами, какъ щетина? Англійскія крѣпости. Что такое онѣ теперь? Французскія крѣпости: и онѣ не стоили ни одного выстрѣла!

Тутъ среди кучки генераловъ раздались рукоплесканія. Жанна на минуту умолкла, пока они не утихли.

— Да, англійскія крѣпости вздымались передъ нами щетиной; теперь позади насъ щетина французскихъ крѣпостей. Какой же изъ этого выводъ? Даже ребенокъ можетъ сдѣлать его. Вѣдь, крѣпости между нами и Парижемъ не снабжены гарнизонами изъ новыхъ, особенныхъ англичанъ: въ нихъ сидитъ все то же трусливое, слабое, нерѣшительное отродье, склонное видѣть тяжелую карающую руку Провидѣнія, опускающуюся надъ нимъ. И такъ, намъ нужно идти, идти немедленно—и крѣпости будутъ наши, и Парижъ будетъ въ нашихъ рукахъ, и вся Франція наша! Дайте же слово, король мой, прикажите вашей слугѣ...

— Остановитесь!—воскликнулъ канцлеръ.—Было бы безуміемъ нанести такое оскорбленіе его высочеству герцогу Бургундскому. По договору, который мы вполнѣ надѣемся заключить съ нимъ.....

— О, договоръ, который мы надѣемся съ нимъ заключить!

Герцогъ столько лѣтъ презиралъ васъ, смѣялся надъ вами. Ужъ не ваши-ли вкрадчивыя убѣжденія смягчили его, обольстили до того, что онъ готовъ выслушивать предложенія? Нѣтъ, это—дѣло *боевыхъ ударовъ*, которые *мы* наносимъ ему! Вотъ единственная наука, которою можно проучить этого дерзкаго мятежника. На что онъ разсчитываетъ? На договоръ, который мы надѣемся заключить съ нимъ—увы! *Онъ* сдастъ Парижъ? Но онъ также способенъ на это, какъ послѣдній нищій въ странѣ. Сдастъ Парижъ! Какъ разсмѣялся бы великій Бедфордъ, услышавъ это! О, жалкій предлогъ! Даже для слѣпца ясно, что эти хитроумные нереговоры, съ · ихъ двухнедѣльнымъ перемиріемъ, имѣютъ только одну цѣль — дать время Бедфорду двинуть свои силы противъ насъ. Опять измѣна,— вѣчно измѣна! Мы созываемъ военный совѣтъ, тогда какъ на немъ не о чемъ совѣщаться; Бедфордъ же не созываетъ совѣтовъ, чтобы выяснить, какой единственный путь представляется намъ. Онъ знаетъ, что̀ онъ сдѣлалъ бы на нашемъ мѣстѣ. *Онъ приказалъ бы повѣсить своихъ измѣнниковъ и пошелъ бы на Парижъ!* О, милый король, возстаньте! Путь открытъ. Парижъ манитъ васъ, Франція умоляетъ. Скажите—и мы...

— Государь, это—безуміе, настоящее безуміе! Ваше превосходительство, мы не можемъ, мы не должны отступать отъ того, что̀ нами сдѣлано. Мы предложили вступить въ переговоры—и *должны* вести переговоры съ герцогомъ Бургундскимъ.

— И *мы* будемъ ихъ вести!—сказала Жанна.

— Ахъ, какъ это?

— На *острiѣ копья*!

Все собраніе—всѣ тѣ, въ комъ билось французское сердце,—поднялось, какъ одинъ человѣкъ, и разразилось громомъ рукоплесканій. И среди этихъ рукоплесканій слышно было, какъ Ля-Гиръ проворчалъ:

— На острiѣ копья! Ей Богу, это настоящая музыка!

Король также ноднялся. Онъ обнажилъ свой мечъ и, взявъ его за лезвіе, передалъ рукоятку Жаннѣ, со словами:

— Король уступаетъ. Неси этотъ мечъ въ Парижъ.

Тутъ снова раздался взрывъ рукоплесканій. Такъ закончился этотъ историческій военный совѣтъ, о которомъ сложилось такъ много сказаній.

ГЛАВА XL.

Прощаніе съ родными.— Походъ подъ Парижъ.

Было уже за полночь; но Жанна, казалось, не чувствовала утомленія послѣ этого бурнаго и богатаго треволненіями дня: у нея было еще спѣшное дѣло на рукахъ. Она и не думала ложиться спать. Генералы послѣдовали за ней въ ея главную квартиру. Тамъ она стала отдавать имъ приказы такъ быстро, какъ только успѣвала говорить. Они, въ свою очередь, съ такой же поспѣшностью разсылали ихъ различнымъ частямъ. И уже гонцы мчались во всѣ стороны, оглашая тихія улицы топотомъ копытъ и бряцаньемъ оружія. Вскорѣ присоединились звуки отдаленныхъ трубъ и барабанной дроби—знакъ сборовъ въ походъ: передовой отрядъ долженъ былъ выступить на зарѣ.

Вскорѣ генералы были отпущены, но для нихъ а также и для Жанны еще не наступилъ часъ отдыха: теперь наступилъ мой чередъ работать. Жанна ходила по комнатѣ и диктовала мнѣ воззваніе къ герцогу Бургундскому сложить оружіе и примириться съ королемъ, взаимно простивъ обиды; а если ужъ ему нужно воевать, пусть отправится сражаться съ сарацинами (53). Это было длинновато, но хорошо сказано и звучало, какъ чистое золото. По-моему, это была самая прекрасная, простая, сильная государственная бумага, какая когда-либо исходила отъ нея.

Бумага была вручена гонцу, который немедленно помчался съ нею въ путь. Тогда Жанна отпустила меня, сказавъ, чтобы я шелъ въ гостинницу, а наутро передалъ бы ея отцу узелъ, который она оставила тутъ. Въ узлѣ находились подарки для родственниковъ и друзей въ Домреми и еще крестьянское платье, которое она купила для себя. Она сказала, что простится съ отцомъ и дядей утромъ, если они все еще упорствуютъ въ своемъ намѣреніи отправиться немедленно, вмѣсто того, чтобы остаться еще на нѣкоторое время и осмотрѣть городъ.

Конечно, я ничего не возразилъ. Но я могъ-бы сказать, что даже дикія лошади не могли-бы удержать этихъ людей еще хоть на полдня въ городѣ. Статочное-ли дѣло, чтобы *они* отказались отъ

славы быть первыми, принесшими въ Домреми великую вѣсть — *отмѣну налоговъ навсегда;* чтобы они пренебрегли удовольствіемъ услышать веселый трезвонъ колоколовъ, увидѣть радость и ликованіе народа? О, только не они! Патэ, Орлеанъ, коронованіе—все это были событія, громадность которыхъ эти люди угадывали лишь смутно: для нихъ они были облечены туманной дымкой чего-то отвлеченнаго. *Это* же была величественная дѣйствительность!

Вы думаете, что они спали, когда я возвратился? Наоборотъ. Они и вся остальная компанія были веселы-превеселы. Паладинъ величественно описывалъ свои сраженія; старые же крестьяне громомъ своихъ рукоплесканій грозили цѣлости зданія. Теперь онъ бралъ Патэ. Наклонившись своей крупной фигурой, онъ чертилъ на полу расположеніе и движенія войскъ своимъ огромнымъ мечемъ; а крестьяне столпились вокругъ, также наклоняясь впередъ и упираясь руками въ свои раздвинутыя колѣна. Глаза ихъ блистали, восклицанія восторга и удивленія безпрестанно срывались съ ихъ устъ.

— И такъ, мы стояли здѣсь, въ ожиданіи,—въ ожиданіи славы. Наши кони гомозились, фыркали, плясали въ нетерпѣніи скакнуть впередъ; а мы, чтобы сдержать ихъ, перегибались назадъ, натягивая изо всѣхъ силъ поводья. Наконецъ, раздалось это слово— *Впередъ*! И мы ринулись! Ничего подобнаго еще никогда не было видано! Мы сметали толпы убѣгающихъ англичанъ: одинъ вихрь нашего движенія валилъ ихъ кучами и рядами! Потомъ мы ворвались въ чащу бѣшеной рати Фастольфа и пронеслись сквозь нее, словно ураганъ, оставляя позади слѣдъ, усѣянный мертвыми тѣлами. Мы мчались, не останавливаясь, не опуская поводьевъ,—все впередъ, впередъ, впередъ! Въ отдаленіи, передъ нами лежала *наша* жертва,— Тальботъ; и его огромныя полчища чернѣли, словно грозовая туча, заволакивающая море! Мы мчались на нихъ; и въ воздухѣ распространялась тьма отъ тучъ сухихъ листьевъ, которые мы подымали вихремъ нашего полета. Еще минута—и мы должны были столкнуться, какъ сталкиваются двѣ сорвавшіяся съ своихъ путей кометы на Млечномъ Пути; но, къ несчастію, по неисповѣдимому промыслу Божьему, я былъ узнанъ! Тальботъ смертельно поблѣднѣлъ и крикнулъ: «Спасайтесь! Это—знаменосецъ Жанны д'Аркъ!» Онъ вонзилъ шпоры въ бока своего коня до самыхъ его внутренностей, круто по-

вернулъ и помчался назадъ съ своими колыхающимися полчищами. Какъ я проклиналъ себя въ эту минуту за то, что не позаботился раньше переодѣться! Я увидѣлъ упрекъ въ глазахъ ея превосходительства и почувствовалъ горькое раскаяніе. Я причинилъ то, что̀ казалось непоправимымъ бѣдствіемъ...

— Другой, на моемъ мѣстѣ, покинулъ бы поле сраженія, чтобы предаться отчаянію, не видя уже никакого способа поправить дѣло. Но, слава Богу, я не изъ такихъ. Важныя случайности, словно призывъ трубы, лишь напрягаютъ всѣ дремлющія силы моей сообразительности. Я сразу понялъ, какой исходъ мнѣ представляется,— и тотчасъ же бросился прочь! Я исчезъ между деревьями сосѣдняго лѣска,—фють! — словно угасающій огонекъ. И тамъ, подъ купами деревъ, я, словно на крыльяхъ, уносился все дальше и дальше; и никто не зналъ, что̀ со мной сталось, никто не могъ догадаться, какой у меня замыселъ. Минута проходила за минутой, а я все мчался, все впередъ и впередъ, безъ остановки. Наконецъ, съ громкимъ торжествующимъ крикомъ, я развернулъ знамя по вѣтру—и вдругъ очутился передъ самимъ Тальботомъ! О, то была великая мысль! Всколыхнувшійся хаосъ обезумѣвшихъ людей закружился и отхлынулъ назадъ, словно волна прибоя, ударившаяся о берегъ. Торжество этого дня принадлежало намъ! Бѣдныя, безпомощныя существа! Они попали въ ловушку. Они не могли отступить назадъ: тамъ была наша армія. Они не могли пробиться впередъ: здѣсь я заграждалъ имъ путь. Сердца ихъ сжимались въ груди, руки безпомощно опускались. Они стояли смирно: и мы имѣли полную возможность перебить ихъ всѣхъ поголовно,—всѣхъ, за исключеніемъ Тальбота и Фастольфа, которыхъ я спасъ и вынесъ, одного въ одной рукѣ, другого — въ другой.

Да, безспорно, Паладинъ въ ту ночь былъ въ ударѣ. Какой слогъ! Какое благородство тѣлодвиженій, какое величіе осанки, какое рвеніе, по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ въ разсказѣ! И какой подъемъ духа, какой вѣрный, все ростущій голосъ, согласно съ важностью описываемыхъ дѣлъ! Какіе искусные подходы къ взрывамъ и неожиданностямъ, какая располагающая къ довѣрію искренность тона и манеръ! Какая, при надобности, сила его какъ бы луженныхъ легкихъ! Наконецъ, какая живая и яркая картина его

собственной, одѣтой въ броню особы, съ развѣвающимся знаменемъ, когда онъ очутился вдругъ передъ ратью, охваченной смертельнымъ страхомъ! И, о! сколько было благородства именно въ послѣдней половинѣ его послѣдней фразы, сказанной небрежнымъ, равнодушнымъ тономъ человѣка, который уже окончилъ свое повѣствованіе и только добавляетъ безцвѣтную, неважную подробность, что взбрела ему на намять между прочимъ!

Но интереснѣе всего было видѣть этихъ простодушныхъ крестьянъ. Они разрывались отъ восторга и разражались такими рукоплесканіями, что могли разрушить крышу и разбудить мертвыхъ. Наконецъ, когда они успокоились и наступила тишина, прерываемая лишь ихъ вздохами и сердцебіеніемъ, старый Ляксаръ сказалъ съ удивленіемъ:

— Какъ мнѣ кажется, вы одни, своей особой, составляете цѣлую армію.

— Да, онъ именно таковъ,—убѣжденно подтвердилъ Ноэль Рэнгессонъ.—Онъ—гроза не однихъ здѣшнихъ мѣстъ: его имя, да, одно его имя, заставляетъ трепетать людей въ отдаленныхъ странахъ. А когда онъ хмурится, тѣнь падаетъ вплоть до самого Рима, и цыплята садятся на насѣстъ за часъ раньше положеннаго времени. Да, да... И иные говорятъ...

— Ноэль Рэнгессонъ, смотри, не навлекай на себя бѣды! Кстати, я хотѣлъ сказать тебѣ пару словъ, именно для твоей же пользы...

Я понялъ, что начинается обычная исторія. А такъ какъ никто въ мірѣ не могъ бы предсказать, когда она кончится, то я передалъ порученіе Жанны и отправился спать.

На слѣдующее утро Жанна распрощалась со стариками. Разставанье было трогательное, съ теплыми объятіями, со слезами, съ кучей порученій друзьямъ; потомъ они уѣхали, гордо возсѣдая на своихъ дорогихъ лошадяхъ и везя домой важныя новости. Но, правду сказать, я видывалъ лучшихъ наѣздниковъ: для этихъ верховая ѣзда была еще совсѣмъ новымъ искусствомъ.

Передовой отрядъ выступилъ на зарѣ, съ музыкой и развѣвающимися знаменами, второй отрядъ послѣдовалъ за нимъ въ восемь часовъ утра. Потомъ пріѣхали бургундскіе послы, что заставило насъ потерять остатокъ этого дня и весь слѣдующій день. Но Жанна не дремала: и они отъѣхали ни съ чѣмъ. Всѣ мы, остальные, вы-

ступили на зарѣ слѣдующаго утра, 20-го іюля. Но далеко-ли ушли? На шесть льё. Какъ видите, Тремуйль уже успѣлъ своими коварными происками захватить въ руки безвольнаго короля. Король остановился въ Сен-Маркулѣ и молился тамъ три дня,—драгоцѣнное время, потерянное для насъ, драгоцѣнное время, выигранное для Бедфорда! Конечно, онъ ужъ зналъ, какъ его употребить.

Мы не могли идти безъ короля: вѣдь, это значило бы оставить его въ станѣ заговорщиковъ. Жанна доказывала, убѣждала, умоляла; и, наконецъ, мы двинулись дальше.

Предсказаніе Жанны сбывалось: это не былъ походъ, а торжественное шествіе. Англійскія крѣпости, лежавшія на нашемъ пути, сдавались безъ выстрѣла; мы снабжали ихъ французскими гарнизонами и шли дальше. Тѣмъ временемъ Бедфордъ шелъ намъ навстрѣчу съ новой арміей; и 25-го іюля обѣ враждебныя рати были уже одна противъ другой и приготовлялись къ бою. Но благоразуміе Бедфорда одержало верхъ: онъ повернулся и отступилъ къ Парижу. Теперь счастье намъ улыбалось. Въ нашихъ войскахъ царило большое воодушевленіе.

Но повѣрите-ли? Нашъ бѣдный король-тростинка позволилъ-таки своимъ негоднымъ совѣтчикамъ уговорить себя отправиться назадъ, въ Жьенъ, откуда мы выступили, когда въ первый разъ шли въ Реймсъ на коронованіе! И, вотъ, мы повернули назадъ. Какъ разъ въ это время было заключено двухнедѣльное перемиріе съ герцогомъ Бургундскимъ; и теперь мы должны были отправиться въ Жьенъ и ждать тамъ, пока онъ соблаговолитъ отдать намъ Парижъ безъ боя.

Мы направились въ Брэ; но по дорогѣ король еще разъ измѣнилъ свой планъ и опять повернулъ къ Парижу. Жанна продиктовала письмо къ гражданамъ Реймса, чтобы поддержать ихъ мужество, не взирая на перемиріе, и обѣщала имъ свою помощь. Она сама сообщила имъ извѣстіе о томъ, что король заключилъ перемиріе: такъ она осталась вѣрна своей обычной правдивости. Она говорила, что недовольна перемиріемъ и не знаетъ, выдержитъ-ли его, или нѣтъ, и если выдержитъ, то это будетъ единственно изъ желанія оградить честь короля. Какая наивность! Теперь всѣ французскія дѣти знаютъ наизустъ эти знаменитыя слова: «De cette

trève qui a été faite, je ne suis pas contente, et je ne sais si je la tiendrai. Si je la tiens, ce sera seulement pour garder l'honneur du roi». Во всякомъ случаѣ, какъ она говорила, она не допуститъ, чтобы злоупотребляли королевскимъ отпрыскомъ: она будетъ поддерживать войско въ порядкѣ, чтобы оно было готово къ дѣлу, по окончаніи перемирія.

Бѣдная малютка! Бороться одновременно съ Англіей, Бургундіей и съ заговоромъ во Франціи было слишкомъ тяжко. Она могла одолѣть двухъ первыхъ, но заговоръ... О, никто не въ состояніи бороться противъ этого, въ особенности, если жертва, противъ которой направленъ заговоръ, слаба и нодатлива. Въ эти тревожные дни Жанна страдала душой отъ всѣхъ препятствій, промедленій и задержекъ; по временамъ она казалась печальной, и слезы заволакивали ея глаза. Однажды, разговаривая со своимъ добрымъ, старымъ и преданнымъ другомъ и слугой, Побочнымъ Орлеаномъ, она сказала:

— Хотѣлось бы мнѣ, чтобы Богу, Творцу моему, благоугодно было освободить меня отъ этихъ стальныхъ доспѣховъ и отпустить меня теперь къ отцу съ матерью, послужить имъ и опять пасти моихъ овецъ съ сестрицей и братьями, которые такъ-то обрадуются мнѣ!

12-го августа мы остановились лагеремъ близъ Данмартена. Вскорѣ послѣ того у насъ была схватка съ заднимъ отрядомъ Бедфорда, и мы уже ожидали, что на слѣдующее утро будетъ большое сраженіе. Но ночью Бедфордъ отступилъ со всѣми своими силами и направился къ Парижу.

Карлъ послалъ глашатаевъ въ Бовэ, который не замедлилъ изъявить покорность. Епископъ Пьеръ Кошонъ, этотъ преданный другъ и рабъ англичанъ, не могъ этого предотвратить, хотя и сдѣлалъ все отъ него зависящее. Тогда онъ находился еще въ тѣни безвѣстности; но скоро его имя должно было облетѣть весь міръ и сохраниться навсегда въ проклятіяхъ Франціи. Присоединитесь же теперь ко мнѣ, когда я мысленно оплевываю его могилу!

Компьенъ сдался и опустилъ англійскій флагъ. 14-го мы остановились лагеремъ въ двухъ льё отъ Санлиса. Бедфордъ возвратился и, приблизившись къ намъ, занялъ сильное положеніе. Мы высту-

пили противъ него; но всѣ наши попытки выманить его изъ-за окоповъ остались безуспѣшными, хотя онъ и обѣщался сразиться съ нами въ открытомъ полѣ. Наступила ночь. Мы оставили его до утра; но наутро онъ снова удалился.

18-го августа мы заняли Компьень, выгнали англійскій гарнизонъ и водрузили наше знамя.

23-го Жанна отдала приказъ идти на Парижъ. Король и его присные были недовольны этимъ и, надувшись, удалились въ Санлисъ, который только-что сдался намъ. Втеченіе нѣсколькихъ дней было взято много сильныхъ укрѣпленій: Крейль, Пон-Сен-Максансъ, Шуази, Гурнэ-на-Арондѣ, Реми, Нёвиль-на-Гезѣ, Могюэ, Шантильи, Сэнтинъ. Ударъ за ударомъ надламывалъ силы англичанъ! Но король все еще дулся, не одобрялъ: онъ боялся нашего движенія на столицу.

26-го августа 1429 года Жанна остановилась лагеремъ въ Сен-Дени, т. е. подъ стѣнами Парижа.

Но король все еще колебался, боялся. О, если-бъ мы могли имѣть его въ то время при себѣ, чтобы онъ поддержалъ насъ своей властью! Бедфордъ палъ духомъ, хотѣлъ уже удалиться безъ сопротивленія и сосредоточить свои силы въ самой лучшей и самой преданной изъ остававшихся у него еще провинцій,—Нормандіи. О, еслибы только мы могли убѣдить короля придти и поддержать насъ своимъ присутствіемъ и одобреніемъ въ эту рѣшительную минуту!

XLI.

Бой подъ столицей.—Измѣна короля.—Отступленіе.

Къ королю летѣли гонецъ за гонцомъ. Онъ обѣщалъ пріѣхать, но не пріѣхалъ. Къ нему отправился герцогъ Алансонъ и получилъ новое обѣщаніе, которое король опять нарушилъ. Такимъ образомъ было потеряно девять дней; только послѣ этого онъ пріѣхалъ наконецъ въ Сен-Дени, 7-го сентября.

Тѣмъ временемъ непріятель пріободрился. Малодушный образъ дѣйствій короля не могъ имѣть иныхъ послѣдствій. Теперь уже дѣлались приготовленія къ защитѣ города. Надежды Жанны уменьшились; но она и ея генералы все еще считали ихъ довольно благо-

пріятными. Жанна назначила натискъ на слѣдующій день въ восемь часовъ утра; и дѣло началось въ этотъ часъ.

Жанна размѣстила свои пушки и начала пробивать крѣпкое загражденіе, защищавшее ворота Сентъ-Онорэ. Когда оно было достаточно расшатано, въ полдень, былъ данъ знакъ идти впередъ: и загражденіе было взято приступомъ. Потомъ мы двинулись впередъ, чтобы напирать на самые ворота; мы устремились на нихъ разъ, два, три. Жанна шла во главѣ со своимъ значкомъ. Дымъ окутывалъ насъ удушливыми тучами; снаряды, словно густой градъ, летали мимо насъ и надъ нами.

Въ разгаръ послѣдняго приступа, который долженъ былъ уже навѣрно сломить ворота и выдать намъ Парижъ, а съ нимъ—всю Францію, Жанна была ранена стрѣлой изъ самострѣла: и наше войско отступило, внезапно обратилось въ бѣгство, почти охваченное оторопью. Вѣдь, что оно значило безъ нея? *Она* была цѣлая рать: она одна.

Хотя и раненая, она отказывалась удалиться. Она просила повторить приступъ, утверждая, что онъ *долженъ* окончиться побѣдой, и добавила, съ воинственнымъ пламенемъ въ глазахъ:

— Я возьму Парижъ теперь, или умру!

Ее пришлось унести силой: это было сдѣлано Гонкýромъ и герцогомъ Алансономъ.

Но теперь у нея былъ особенно высокій подъемъ духа; вся она была преисполнена восторгомъ. Она требовала, чтобы на слѣдующее утро ее принесли къ воротамъ города: и тогда, по ея словамъ, Парижъ безспорно будетъ нашъ черезъ полчаса. Она сдержала бы свое слово: въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но она забывала объ одномъ—о королѣ, этой покорной тѣни той сущности, которая называлась Ля-Тремуйлемъ. Король запретилъ сдѣлать новую попытку!

Видите-ли, какъ разъ въ это время прибыло новое посольство отъ герцога Бургундскаго: была на-лицо какая-то другая позорная сдѣлка.

Вы, конечно, догадываетесь и безъ моего поясненія, что сердце Жанны надрывалось. Вслѣдствіе боли отъ раны и душевныхъ мукъ, она мало спала въ ту ночь. И не разъ изъ темной комнаты, гдѣ она лежала въ Сен-Дени, до слуха караульныхъ доносились заглу-

шенныя рыданія и только эти слова: «Онъ могъ быть взятъ! Онъ могъ быть взятъ!»

День спустя, она поднялась съ постели, воодушевленная новой надеждой. Алансонъ навелъ мостъ черезъ Сену, по близости Сен-Дени. Не удастся-ли ей проникнуть этимъ путемъ и броситься на Парижъ съ другой стороны? Но король провѣдалъ объ этомъ и велѣлъ развести мостъ. Мало того: онъ объявилъ походъ оконченнымъ! И этого мало: онъ заключилъ новое перемиріе, и на продолжительный срокъ, причемъ согласился оставить Парижъ неприкосновеннымъ и возвратиться обратно на Луару, откуда онъ пришелъ!

Жанна д'Аркъ, которая никогда не была побѣждена врагами, была побѣждена своимъ же королемъ. Однажды она сказала, что въ своемъ дѣлѣ не страшится ничего, кромѣ измѣны. Теперь ей пришлось испытать ея первый ударъ. Она повѣсила свои бѣлые доспѣхи въ королевской часовнѣ, въ Сен-Дени; потомъ отправилась къ королю и просила уволить ее отъ ея обязанностей и позволить ей возвратиться домой. Какъ всегда, она была права. Великіе военные планы, большіе походы теперь были окончены. На будущее время, когда окончится перемиріе, война уже будетъ, очевидно, рядомъ приключеній, мелкихъ стычекъ—дѣло, подходящее для подчиненныхъ и вовсе не требующее участія вдохновеннаго военнаго генія. Но королю не хотѣлось отпустить Жанну. Перемиріе не распространялось на всю Францію; французскія крѣпости нуждались въ надзорѣ и охранѣ: онъ находилъ, что она еще будетъ ему нужна. Но, видите-ли, дѣло было вь томъ, что Тремуйлю нужно было держать ее тамъ, гдѣ онъ могъ бы всегда ей вредить и подставлять ножку.

Теперь опять ее стали посѣщать Голоса. Они говорили: *„Останься въ Сен-Дени“*! Поясненій не было: они не говорили, зачѣмъ? То былъ голосъ Всевышняго: Ему принадлежало главенство надъ повелѣніями короля. И Жанна рѣшилась остаться. Это преисполнило Тремуйля страхомъ. Она была слишкомъ большою силой, чтобы предоставлять ее самой себѣ: она навѣрно разрушила бы всѣ его планы. И вотъ, онъ убѣдилъ короля въ необходимости употребить силу. Жанна должна была подчиниться: вѣдь, она была ранена и безпомощна! На Великомъ Судѣ она говорила, что была увезена противъ ея воли, и этого не случилось бы, если-бы она не

была ранена. О! какая духовная мощь была въ этой хрупкой дѣвушкѣ,—мощь, которая могла противустоять всѣмъ земнымъ силамъ и преодолѣвать ихъ! Мы никогда не узнали, почему Голоса повелѣвали ей остаться. Мы знаемъ только одно: если-бы она повиновалась имъ, исторія Франціи была бы не такой, какъ теперь она написана въ книжкахъ. Да, мы хорошо это знаемъ.

13-го сентября армія, печальная и удрученная, обратилась лицомъ къ Луарѣ и выступила въ походъ—безъ музыки! Да, нѣкоторые замѣтили эту подробность. Это былъ не походъ, а погребальное шествіе,—долгое, унылое шествіе, безъ единаго возгласа ликованія и радости. Друзья встрѣчали насъ на пути слезами, враги—смѣхомъ. Наконецъ, мы достигли Жьена,—этого мѣста, откуда мы выступали, не было тому и трехъ мѣсяцевъ, такой блестящей процессіей въ Реймсъ, съ развѣвающимися знаменами, съ музыкой, съ воодушевленными лицами послѣ недавней побѣды подъ Патэ: тогда безчисленныя толпы народа громкими кликами привѣтствовали насъ, восхваляли, благословляли. Теперь же шелъ докучливый дождь, день былъ мрачный, небо пасмурно. Зрителей было немного; вмѣсто привѣтствій, насъ встрѣчали молчаніемъ, сожалѣніемъ и слезами.

Потомъ король распустилъ эту благородную рать героевъ. Она свертывала свои знамена, складывала оружіе: бѣдствіе Франціи было полнымъ. Вѣнецъ побѣды достался Тремуйлю. Жанна д'Аркъ, непобѣдимая, была побѣждена.

ГЛАВА XLII.

Странствія со дворомъ.—Бой подъ Компьенемъ.—Жанна въ плѣну!

И такъ, какъ я уже сказалъ, Жанна держала въ рукахъ Парижъ и Францію, а Столѣтняя война была задушена ею; но король заставилъ ее разжать руку и отступиться.

Послѣдовавшіе затѣмъ восемь мѣсяцевъ были проведены съ королемъ, съ его совѣтомъ и съ его веселымъ, блестящимъ дворомъ, въ танцахъ и любовныхъ интрижкахъ, среди соколиныхъ охотъ, игръ, серенадъ, въ безконечныхъ переѣздахъ изъ города въ городъ, изъ замка въ замокъ,—жизнь, пріятная для насъ, свиты, но не для Жанны. Впрочемъ, она только *смотрѣла* на нее, не живя ею,

не принимая въ ней участія. Съ своей стороны, король искренно старался сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы Жанна была счастлива, и проявлялъ тутъ самую предупредительную заботливость. Всѣ другіе были связаны довольно-таки тяжелыми цѣпями придворныхъ обрядностей: только она одна была свободна, она была на особенномъ, преимущественномъ положеніи. За исключеніемъ обязательнаго представленія королю разъ въ день, отъ нея ничего больше не требовалось; а потому естественно, что она жила затворницей и скучала по цѣлымъ днямъ въ своихъ покояхъ, не имѣя другихъ развлеченій, кромѣ своихъ мыслей, воспоминаній и составленія новыхъ, отнынѣ уже неосуществимыхъ, военныхъ замысловъ. Въ своемъ воображеніи она разсылала войска съ мѣста на мѣсто, измѣряя пространство и время, необходимое для передвиженія каждаго отряда, изучая условія и характеръ мѣстности, такъ чтобы всѣ могли сойтись въ извѣстный день или въ извѣстный часъ и занять положеніе для битвы. Это было ея единственнымъ занятіемъ, ея единственнымъ утѣшеніемъ отъ тоски и бездѣлья. Она забавлялась этой игрой по цѣлымъ часамъ, подобно тому, какъ другіе играютъ въ шахматы. Въ ней она находила отдыхъ для ума и отраду для сердца.

Конечно, она не жаловалась. Это было не въ ея характерѣ. Она принадлежала къ тѣмъ людямъ, которые страдаютъ молча. Тѣмъ не менѣе, она все-таки была заточеннымъ въ клѣтку орломъ, томившимся по простору, по альпійскимъ высотамъ, по бурнымъ утѣхамъ боевой жизни.

Въ это время Франція была переполнена разными темными личностями,—распущенными на волю солдатами, готовыми на все, чтобы только чѣмъ-нибудь поживиться. Нѣсколько разъ, когда унылое затворничество становилось особенно нестерпимымъ для Жанны, ей разрѣшалось брать отрядъ конницы и совершать, какъ бы для возстановленія здоровья, походъ на врага. И эти походы производили на нее удивительно освѣжающее, благотворное дѣйствіе.

Подъ Сен-Пьеръ-ле-Мутье, напримѣръ, мы видѣли ее, какъ и въ былыя времена, во главѣ отряда. Она производила приступъ за приступомъ, встрѣчала отпоръ за отпоромъ, но постоянно собирала свои силы и возобновляла нападеніе: и все это съ такимъ увлеченіемъ, жаромъ, восторгомъ! Наконецъ, градъ метательныхъ снаря-

довъ, сыпавшихся на насъ, сдѣлался настолько частымъ, что старикъ Олонъ, уже раненый, скомандовалъ начать отступленіе (дѣло въ томъ, что король строго-настрого приказалъ ему заботиться, чтобы Жаннѣ не приключилось какого вреда). И всѣ послѣдовали за нимъ... такъ онъ, по крайней мѣрѣ, думалъ; но когда онъ обернулся, то увидѣлъ, что мы, ея штабъ, все еще сражаемся. Тогда онъ вернулся и сталъ настаивать, чтобъ она отступила: безумно-де продолжать сражаться съ горстью людей въ запасѣ. Но глаза ея весело заблестѣли и, обернувшись къ нему, она воскликнула:

— Только горсть людей! Честное слово, у меня пятьдесятъ тысячъ человѣкъ: и я не отступлю до тѣхъ поръ, пока укрѣпленіе не будетъ взято! Скомандуйте на приступъ!

Онъ такъ и сдѣлалъ; наконецъ, мы взобрались на стѣны—и крѣпость была взята. Старый Олонъ подумалъ, что разумъ Жанны помутился; въ дѣйствительности же она просто хотѣла сказать, что чувствуетъ въ своемъ сердцѣ силу, равную пятидесяти тысячамъ человѣкъ. Это было произвольное выраженіе, но, по-моему, никогда еще не было сказано болѣе вѣрнаго слова.

Потомъ было еще дѣло подъ Ланьи, когда мы четыре раза нападали открыто на засѣвшихъ въ окопахъ бургундцевъ и, наконецъ, на четвертый разъ одержали побѣду, лучшимъ лавромъ которой былъ Франкэ д'Аррасъ, этотъ разбойникъ, настоящій бичъ всей окрестной области.

Втеченіе нѣкотораго времени было еще нѣсколько такихъ дѣлъ и, наконецъ, въ концѣ мая 1430 года, мы были въ окрестностяхъ Компьеня; Жанна рѣшилась идти на помощь этому городу, который былъ осажденъ тогда герцогомъ Бургундскимъ.

Незадолго передъ тѣмъ, я былъ раненъ и не могъ держаться на сѣдлѣ безъ посторонней помощи; но добрый Карликъ взялъ меня съ собой, посадивъ позади себя на сѣдлѣ, и, держась за него, я могъ ѣхать невредимо. Мы выступили въ полночь подъ теплымъ, проливнымъ дождемъ и подвигались медленно, осторожно, въ глубокой тишинѣ, такъ какъ намъ предстояло пробраться черезъ непріятельскія сторожевыя линіи. Мы только разъ услышали окликъ. Отвѣта мы не дали и, затаивъ дыханіе, продолжали прокрадываться еще тише, еще осторожнѣе и, наконецъ, миновали часовыхъ безъ

всякихъ приключеній. Въ три часа, или въ половинѣ третьяго, мы достигли Компьеня, когда на востокѣ уже забрезжилъ сѣроватый разсвѣтъ.

Жанна немедленно приступила къ дѣлу. Вмѣстѣ съ Гильомомъ де-Флави, комендантомъ города, она составила планъ вечерней вылазки противъ непріятеля, расположившагося тремя отрядами на равнинѣ противоположнаго берега Уазы. Съ нашей стороны одни изъ городскихъ воротъ сообщались съ мостомъ. Конецъ этого моста былъ защищенъ на другой сторонѣ рѣки одною изъ тѣхъ крѣпостей, которыя называются «Бульваромъ» и представляютъ небольшіе бастіоны. Эта крѣпость, въ свой чередъ, господствовала надъ подымающейся въ гору дорогой, которая тянулась оттуда черезъ равнину къ деревнѣ Марги. Одинъ отрядъ бургундцевъ занималъ Марги, другой стоялъ въ Клеруа, на разстояніи двухъ миль выше помянутой дороги, наконецъ отрядъ англичанъ занималъ Венетту, лежавшую въ разстояніи полуторы мили *ниже* дороги. Такимъ образомъ, какъ видите, расположеніе войскъ представляло видъ лука и стрѣлы. Дорога тянулась стрѣлой, бастіонъ изображалъ ея перистый конецъ, Марги—наконечникъ, Венетта—одинъ конецъ тетивы, Клеруа—другой.

Планъ Жанны состоялъ въ томъ, чтобы идти прямо по дорогѣ на Марги, взять ее приступомъ, потомъ быстро повернуть вправо, на Клеруа, взять тѣмъ же способомъ лагерь, затѣмъ повернуть назадъ и приготовиться къ тяжелой битвѣ, такъ какъ герцогъ Бургундскій стоялъ съ запаснымъ отрядомъ за Клеруа. Помощникъ коменданта Флави, съ лучниками, и артиллерія Бульвара, должны были не допускать англичанъ загородить Жаннѣ дорогу, въ случаѣ, еслибы ей пришлось отступать. Кромѣ того, цѣлая флотилія крытыхъ лодокъ должна была стоять по близости отъ бастіона, какъ подспорье, въ случаѣ неминучаго отступленія.

Это было 24-го мая. Въ четыре часа пополудни Жанна, во главѣ отряда изъ шестисотъ всадниковъ, выступила на свое послѣднее въ этой жизни сраженіе.

Сердце мое надрывается. Мнѣ помогли подняться на городскія стѣны; оттуда я могъ видѣть многое изъ того, чтò случилось; остальное мнѣ разсказали потомъ наши два рыцаря и другіе очевидцы.

Жанна миновала мостъ, быстро оставила за собой бастіонъ и помчалась по дорогѣ въ гору, въ сопровожденіи своихъ всадниковъ. Поверхъ доспѣховъ на ней былъ надѣтъ блестящій серебристый плащъ: я могъ видѣть, какъ онъ развѣвался и сверкалъ, то приподымаясь, то опускаясь, точно мерцающій огонекъ бѣлаго пламени.

День былъ ясный, солнечный: можно было видѣть равнину далеко во всѣ стороны. Вдругъ мы увидѣли англичанъ, которые быстро и въ превосходномъ порядкѣ приближались, въ своихъ сверкающихъ на солнцѣ доспѣхахъ.

Жанна кинулась на бургундцевъ, но была отбита. Тогда мы увидѣли другихъ бургундцевъ, двинувшихся снизу изъ Клеруа. Жанна собрала своихъ людей и снова бросилась на врага, но опять была отброшена. Два нападенія заняли довольно много времени: а время такъ было дорого! Англичане изъ Венетты приближались уже къ дорогѣ, но по нимъ открыли огонь съ бастіона, и они были отброшены. Жанна ободряющими словами поддерживала мужество своихъ людей и снова повела ихъ на рѣшительный приступъ. На этотъ разъ деревня Марги была взята, при громкихъ крикахъ побѣдителей. Затѣмъ Жанна тотчасъ повернула направо, на равнину, и ринулась на отрядъ, подходившій изъ Клеруа. Тутъ послѣдовала долгая, тяжкая работа: обѣ рати съ ожесточеніемъ набрасывались другъ на друга, поочередно отступали и снова нападали. Побѣда съ перемѣннымъ счастьемъ склонялась то на ту, то на другую сторону. Вдругъ нашими овладѣла оторопь, по совершенно невыясненной причинѣ. По словамъ однихъ, наши передніе ряды, заслышавъ залпы орудій, вообразили, что англичане уже отрѣзали намъ отступленіе; другіе утверждаютъ, что въ заднихъ рядахъ прошелъ слухъ, будто Жанна убита. Какъ бы то ни было, но среди нашихъ произошло смятеніе, и они безпорядочной гурьбой устремились къ дорогѣ.

Жанна старалась ободрить ихъ, вернуть. Она кричала, что побѣда обезпечена намъ. Но ничто не помогало: наши разсыпались и мчались мимо нея, какъ волны. Старикъ Олонъ просилъ ее отступить, пока была еще возможность; но она отказалась. Тогда онъ схватилъ ея коня подъ уздцы и, не смотря на ея сопротивленіе, силой повлекъ ее черезъ общую гибельную сутолоку. И они неслись по дорогѣ, въ дикомъ смятеніи, среди обезумѣвшихъ отъ страха людей и лошадей.

Пушечная стрѣльба, конечно, прекратилась; а это дало возможность англичанамъ и бургундцамъ приблизиться безпрепятственно, первымъ—спереди, вторымъ—сзади. Почти у самаго Бульвара французы были настигнуты этимъ охватывающимъ потокомъ и прижаты въ уголъ, между стѣной бастіона и откосомъ дороги. Они отчаянно оборонялись въ этой безнадежной битвѣ, но гибли одинъ за другимъ.

Флави, слѣдившій за сраженіемъ съ городской стѣны, приказалъ запереть ворота и поднять подъемный мостъ: Жанна была покинута на произволъ судьбы.

Небольшой отрядъ ея личной стражи быстро таялъ. Оба нашихъ добрыхъ рыцаря были сбиты съ коней; двое братьевъ Жанны пали раненые. То же случилось съ Ноэлемъ Рэнгессономъ: весь израненый, онъ оберегалъ Жанну отъ сыпавшихся на нее ударовъ, пока у него хватало силъ. Карликъ и Паладинъ не сдавались даже, когда подлѣ нихъ не было уже никого. Они стояли твердо, незыблемо, точно двѣ стальныя башни, обагренныя кровью; и куда ни опускались топоръ одного и мечъ другого, тамъ врагъ испускалъ послѣдній вздохъ и умиралъ. Такъ, обороняясь, беззавѣтно преданные долгу до послѣдней минуты, эти добрые простые люди нашли свой почетный конецъ. Миръ праху ихъ! Они были мнѣ такъ дороги...

Но, вотъ, еще натискъ — и побѣдные клики: Жанна, все-еще непреклонная, все-еще увѣренная въ себѣ, съ мечемъ въ рукахъ, была схвачена за плащъ и стащена съ лошади. Ее понесли, какъ плѣнницу, въ лагерь герцога Бургундскаго; а за ней шумно толпилась ликующая, побѣдоносная армія.

Страшная вѣсть, переходя изъ устъ въ уста, распространялась съ поразительной быстротой. Всюду, куда ни проникала она, на народъ находилъ какой-то столбнякъ, и онъ шепталъ: «Орлеанская Дѣва схвачена!.. Жанна д'Аркъ въ плѣну!.. Спасительница Франціи утрачена для насъ»! Всѣ повторяли одно и то же, словно не понимая, какъ это могло случиться, какъ Господь допустилъ подобную вещь! Бѣдняжки!

Вы знаете, какой видъ имѣетъ городъ, когда онъ, съ крышъ до мостовой, обвитъ длинными, шуршащими черными покровами? Ну, такъ вотъ таковы были тогда Туръ и многіе другіе города. Но кто можетъ описать то горе, которое гнѣздилось въ сердцахъ

французскаго крестьянства? Нѣтъ, ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не разскажетъ вамъ этого; да и сами они, онѣмѣлые бѣдняги, не смогли бы этого сдѣлать. Но горе было... да, было! Еще бы! Вѣдь, это вся народная душа облеклась въ трауръ!

24-ое мая. Теперь мы опустимъ занавѣсъ надъ самой странной, самой трогательной и удивительной военной драмой, которая когда-либо разъигрывалась на міровой сценѣ. Жанна д'Аркъ уже больше не выступитъ въ ней.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Судъ и мученичество.

ГЛАВА I.

Попытки бѣгства. — Французскій принцъ продаетъ Жанну англичанамъ.

Я не въ силахъ распространяться о позорныхъ дняхъ того лѣта и той зимы, которыя послѣдовали за взятіемъ Жанны въ плѣнъ. Сначала я не особенно тревожился: я ждалъ со дня на день, что за Жанну будетъ предложенъ выкупъ и что король,—нѣтъ, нѣтъ, не король, а признательная Франція,—съ радостью вызовется выплатить его. Согласно военнымъ законамъ, ей не могли отказать въ правѣ быть выкупленной, какъ военноплѣнной. Это была не мятежница: она состояла на коронной службѣ солдатомъ, главой французскаго воинства, поставленной самимъ королемъ. Ни въ какомъ преступленіи, предусмотрѣнномъ военными законами, она не была виновна: слѣдовательно, ее не могли задержать ни подъ какимъ предлогомъ, если-бы выкупъ былъ предложенъ.

Однако дни проходили за днями, а о выкупѣ не было и рѣчи! Невѣроятно? Но это сущая правда! Неужели же этотъ пресмыкающійся гадъ, Ля-Тремуйль, такъ подѣйствовалъ на короля? Намъ было извѣстно только, что король безмолствовалъ, не дѣлалъ никакихъ предложеній, никакихъ попытокъ спасти ту бѣдную дѣвушку, которая такъ много сдѣлала для него.

Къ несчастью, съ противной стороны было проявлено достаточно рвенія. Извѣстіе о плѣненіи Жанны достигло Парижа на другой же день. Обрадованные англичане и бургундцы весь тотъ день и всю ночь оглашали воздухъ оглушительнымъ трезвономъ колоколовъ и веселой пальбой изъ пушекъ. На слѣдующій день генералъ-викарій

инквизиціи (54) послалъ гонца къ герцогу Бургундскому съ просьбой передать плѣнницу въ руки церкви для суда надъ ней, какъ надъ идолопоклонницей.

Англичане понимали свою выгоду. Власть, вѣдь, была тутъ, въ сущности, за ними, а не за церковью. Церковь была пущена въ ходъ, лишь какъ слѣпое орудіе, какъ прикрышка. И по весьма уважительной причинѣ. Церковь была въ состояніи не только отнять у Жанны д'Аркъ жизнь, но также разрушить ея вліяніе, подорвать обаяніе ея имени, вселяющее мужество. Англичане-же, своей собственной властью, могли только убить ея тѣло; а это не только не уменьшило бы и не разрушило бы обаянія ея имени, но, наоборотъ, еще возвеличило бы его, сдѣлало бы незыблемымъ. Во Франціи Жанна д'Аркъ была единственной силой, которою англичане не смѣли пренебрегать, которую они считали грозной и опасной. Если же, при посредствѣ церкви, отнять у нея жизнь или объявить ее идолопоклонницей, еретичкой, вѣдьмой, посланницей дьявола, а не Бога, то предполагалось, что поколебленное господство англичанъ будетъ немедленно возстановлено (55).

Герцогъ Бургундскій выслушалъ все это, однако продолжалъ ждать. Онъ не сомнѣвался, что французскій король или французскій народъ не замедлятъ предложить ему болѣе высокую плату, чѣмъ англичане. Вотъ почему онъ заперъ Жанну въ сильной крѣпости и продолжалъ ждать. Проходили недѣля за недѣлей. Бургундецъ все-таки былъ французскій принцъ и въ душѣ стыдился продать плѣнницу англичанамъ. Однако, сколько онъ ни ждалъ, а предложенія со стороны Франціи не являлось.

Между тѣмъ, Жанна съиграла однажды ловкую штуку со своимъ тюремщикомъ; она не только ускользнула изъ своей тюрьмы, но заперла его въ ней вмѣсто себя. Но ее увидѣлъ часовой: она была поймана и приведена назадъ.

Послѣ этого случая Жанну переслали въ Боревуаръ, еще болѣе укрѣпленный замокъ. То было въ началѣ августа, а со времени взятія ея въ плѣнъ прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ. Она была заключена на вышкѣ башни, вышиной въ шестьдесятъ футовъ. Здѣсь ей предстояло промучиться еще около трехъ съ половиной мѣсяцевъ. И за всѣ пять мѣсяцевъ этого томительнаго плѣна

она знала, что англичане, подъ прикрытіемъ церкви, торгуютъ ее точно лошадь или раба; а Франція безмолвствовала, король безмолвствовалъ, и всѣ ея друзья безмолвствовали. Да, это было ужасно! Но вотъ, Жанна услышала, наконецъ, что Компьенъ упорно осаждается, близокъ къ сдачѣ, и врагъ грозитъ жителямъ поголовнымъ избіеніемъ, не исключая малыхъ дѣтей. Ею овладѣло лихорадочное желаніе немедленно летѣть къ несчастнымъ на выручку. Она разорвала свое постельное бѣлье на полосы, связала ихъ концы съ концами и стала спускаться съ своей вышки по этой непрочной лѣстницѣ, которая вдругъ оборвалась. Жанна упала и такъ сильно расшиблась, что три дня пролежала безъ сознанія, ничего не ѣла и не пила.

Но къ намъ и безъ нея подоспѣла помощь, приведенная графомъ Вандомомъ. Компьенъ былъ спасенъ; осада снята. Положеніе для герцога Бургундскаго стало бѣдственнымъ; онъ сильно нуждался въ деньгахъ. Время было самое подходящее сдѣлать новую надбавку за Жанну д'Аркъ. Англичане тотчасъ-же послали французскаго епископа,—этого навѣки обезславленнаго Пьера Кошона изъ Бовэ. Ему было тайно обѣщано руанское архіепископство, въ то время свободное, если это дѣло увѣнчается успѣхомъ. Онъ разсчитывалъ также на предсѣдательство въ церковномъ судѣ надъ Жанной: вѣдь, мѣсто сраженія, гдѣ она была схвачена, находилось въ предѣлахъ его епархіи.

По военному обычаю того времени, за принца крови полагался выкупъ въ 10.000 ливровъ золотомъ, т. е. 61.125 франковъ. Цѣна, какъ видите, опредѣленная; и разъ ее предлагали, ее слѣслѣдовало принять; отъ этой суммы нельзя было отказываться.

Кошонъ явился отъ англичанъ съ предложеніемъ именно этой суммы. Княжескій выкупъ за бѣдную, простую крестьянскую дѣвушку изъ Домреми! Это наглядно доказываетъ, какъ понимали англичане грозное значеніе Жанны. Предложеніе было принято. За эту-то сумму Жанна д'Аркъ, Спасительница Франціи, была продана. Она была продана врагамъ ея родины, — врагамъ, которые бичевали, колотили, тузили, истязали Францію втеченіе цѣлаго столѣтія, обративъ это занятіе въ своего рода забаву,—врагамъ, которые давно уже забыли даже, какое лицо у французовъ, такъ

какъ видѣли только ихъ спину,—врагамъ, которыхъ Дѣва захлестала, застращала, научила уважать французскую доблесть, только что народившуюся отъ наитія ея духа, — врагамъ, которые жаждали ея жизни, какъ единственной силы, способной еще встать между торжествомъ Англіи и полнымъ униженіемъ Франціи. Жанна была продана французскому священнику французскимъ принцемъ, при черной неблагодарности французскаго короля и французскаго народа, которые допустили это, не сказавъ ни словечка.

А она?... Что она говорила? — Ничего. Ни единаго укора не сорвалось съ ея устъ. Она была слишкомъ великой для этого. Она была Жанна д'Аркъ: этимъ все сказано.

Какъ солдатъ, она была безупречна. Привлечь ее къ отвѣтственности съ этой стороны было невозможно. Слѣдовало найти какую-либо иную придирку: какъ мы видѣли, ее нашли. Это—предать Жанну церковному суду за преступленіе противъ религіи. А если и съ этой стороны не окажется никакой вины, то ее слѣдовало просто выдумать: позаботиться объ этомъ предоставлялось злодѣю Кошону.

Руанъ былъ избранъ мѣстомъ для суда. Онъ находился въ средоточіи англійскаго владычества: его населеніе, находившееся подъ властью англичанъ столько поколѣній, было французскимъ уже только по языку. Сильный отрядъ охранялъ городъ. Жанну перевезли туда въ концѣ декабря 1430 года и заточили въ темницу. Да, этотъ свободолюбивый духъ былъ закованъ въ цѣпи!

А Франція все еще не откликалась. Что за притча? По-моему, возможно только одно объясненіе. Вспомните: всякій разъ, когда Жанны не было во главѣ французовъ, они колебались, отступали, не проявляли никакого рвенія; за то, когда она предводительствовала ими, они неустрашимо ломились впередъ, все сметая на своемъ пути, пока видѣли впереди ея бѣлые доспѣхи и ея знамя. Но если ей случалось быть раненой, или распространялся слухъ, что она убита—какъ было подъ Компьенемъ—ими овладѣвала оторопь, и они обращались въ безпорядочное бѣгство, точно стадо барановъ. Такъ вотъ я полагаю, что настоящаго, кореннаго перерожденія еще не совершилось: въ душѣ французы все еще находились подъ гнетомъ трусости, унаслѣдованной отъ нѣсколькихъ поколѣній. Такъ

подѣйствовали на нихъ неудачи, испытанныя ими отъ недовѣрія другъ къ другу и къ своимъ начальникамъ. А это недовѣріе было плодомъ долгаго и горькаго опыта по части всевозможныхъ измѣнъ: вѣдь, ихъ короли вѣроломствовали предъ своими крупными вассалами и генералами; а тѣ, въ свою очередь, вѣроломствовали передъ главой государства и между собой. Вотъ почему войско считало, что можетъ всецѣло положиться только на Жанну, на нее одну. И съ ея гибелью гибло все. Она была солнцемъ, отогрѣвавшимъ замерзшіе потоки, заставлявшимъ ихъ бурлить. Но едва скрывалось солнце, они опять замерзали; войско и вся Франція снова превращались въ то, чѣмъ они были раньше,—просто въ мертвыя тѣла, неспособныя на живую мысль, на надежду, на честолюбіе, на движеніе.

ГЛАВА II.

Спасеніе штандарта.—Друзья въ Руанѣ.

Моя рана причиняла мнѣ много хлопотъ вплоть до начала октября; но, съ наступленіемъ первыхъ холодовъ, ко мнѣ начали возвращаться жизненныя силы. За все это время до насъ доходили слухи, будто король собирается послать выкупъ за Жанну. Я вѣрилъ этому: я былъ молодъ и не успѣлъ еще убѣдиться въ ничтожествѣ и гнусности нашей жалкой человѣческой породы, которая такъ кичится собой, считая себя лучше и выше другихъ животныхъ.

Въ октябрѣ я уже настолько оправился, что могъ принять участіе въ двухъ вылазкахъ. При второй я былъ снова раненъ 23-го числа. Какъ видите, счастье отвернулось отъ меня. А 25-го осаждавшіе отступили. Среди безпорядка и хаоса отступленія одинъ изъ ихъ плѣнниковъ успѣлъ бѣжать. Онъ благополучно проникъ въ Компьень и кое-какъ дотащился до моей комнаты. Не можете представить себѣ, какъ онъ былъ блѣденъ, взволнованъ!

— Какъ! это ты, Ноэль Рэнгессонъ? Ты живъ?

Дѣйствительно, это былъ онъ. Вы, конечно, догадываетесь, что между нами произошла самая радостная встрѣча, но... и самая грустная. Мы не могли произнести имени Жанны. При немъ у каждаго изъ насъ оборвался-бы голосъ. Но мы отлично понимали, кого

слѣдуетъ подразумѣвать при словахъ «она», «ея». У насъ не хватало только силъ произносить самое имя.

Мы говорили объ ея личномъ штабѣ. Старикъ Олонъ, раненый и взятый въ плѣнъ, все еще находился при Жаннѣ и служилъ ей, съ разрѣшенія герцога Бургундскаго. Въ плѣну у бургундцевъ, съ Жанной обращались съ почетомъ, подобающимъ ея чину и личнымъ качествамъ; на нее смотрѣли, какъ на военноплѣнную, взятую въ честномъ бою. И такъ продолжалось — какъ мы узнали потомъ — до тѣхъ поръ, пока она не попала въ руки этого отродья Сатаны, Пьера Кошона, епископа бовэскаго.

Ноэль распространялся въ трогательныхъ, восторженныхъ похвалахъ о нашемъ бывшемъ хвастливомъ верзилѣ-знаменосцѣ, который уже отошелъ въ вѣчность и покончилъ навсегда свои дѣйствительныя и воображаемыя сраженія: его дѣло было выполнено; жизнь его съ честью завершена.

— И представь себѣ его счастье!—воскликнулъ Ноэль, между тѣмъ, какъ изъ глазъ его готовы были брызнуть слезы.—Вѣдь, онъ до конца остался баловнемъ судьбы. Вспомни, какъ ему вѣчно везло повсюду—и на полѣ сраженія, и внѣ его. Эта великолѣпная фигура всегда красовалась на глазахъ у народа, возбуждая зависть и восхищеніе; и всегда то ему представлялись случаи совершать благородные подвиги; и онъ совершалъ ихъ. Сначала его въ шутку прозвали Паладиномъ, а потомъ его уже называли такъ взаправду: ему удивительно какъ пристало это прозвище. Наконецъ—счастье!— онъ умеръ на полѣ сраженія, въ своихъ боевыхъ доспѣхахъ, вѣрный до конца своему долгу, со своимъ штандартомъ въ рукахъ. Онъ умеръ—о, подумай только!—подъ ея одобрительнымъ взоромъ, устремленнымъ на него. Онъ осушилъ кубокъ славы до послѣдней капли и, ликуя, удалился на вѣчный покой, избавленный, по милости судьбы, отъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыя предстояли потомъ. Счастье-то, счастье какое! А мы? За что, за какой тяжкій грѣхъ, мы оставлены здѣсь,—мы, которые также заслужили себѣ мѣстечко рядомъ со счастливымъ усопшимъ?

Потомъ онъ добавилъ:

— Враги вырвали штандартъ изъ полумертвыхъ рукъ Паладина и унесли его—этотъ драгоцѣннѣйшій знакъ побѣды, послѣ самой

плѣнницы. Но теперь его у нихъ нѣтъ. Съ мѣсяцъ тому назадъ, мы,— двое нашихъ добрыхъ рыцарей, моихъ товарищей по плѣну, и я—съ опасностью жизни украли его и, черезъ надежныя руки, тайкомъ переслали въ Орлеанъ: тамъ онъ и находится теперь, въ безопасности и сохранности, въ государственномъ казначействѣ.

Я съ радостью и признательностью услыхалъ эту вѣсть. Впослѣдствіи я часто видѣлъ штандартъ, именно когда пріѣзжалъ въ Орлеанъ 8-го мая, въ качествѣ почетнаго, стараго гостя города, чтобы занять тамъ первое мѣсто на пирушкахъ и въ торжественныхъ ходахъ: я говорю о томъ времени, когда обоихъ братьевъ Жанны д'Аркъ уже не было въ живыхъ. Этотъ штандартъ, благоговѣйно хранимый любовью Франціи, останется тамъ и впредь на тысячу лѣтъ... да, да, пока отъ него сохранится хоть единый лоскуточекъ (56).

Недѣли двѣ-три спустя послѣ этого разговора, пришла грозная вѣсть, точно громомъ поразившая насъ: «Жанна д'Аркъ продана англичанамъ!»

Никогда, ни на одну минуту, мы не допускали ничего подобнаго. Видите-ли, какъ я уже докладывалъ вамъ, мы были молоды и не знали еще человѣческой природы. Мы такъ гордились нашимъ отечествомъ, такъ вѣрили въ его благородство, въ его великодушіе, въ его признательность! Мы мало надѣялись на короля, но отъ Франціи ожидали всего. Мы знали, что во многихъ городахъ священники-отчизнолюбцы устраиваютъ ходы, приглашая народъ жертвовать деньги, имущество, вещи для выкупа ихъ Богомъ посланной Спасительницы. Мы не допускали ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что деньги будутъ собраны.

Но теперь все было кончено, безвозвратно кончено. Для насъ это было время горькаго разочарованія: казалось, сами небеса померкли, и всякая радость навсегда исчезла изъ нашихъ сердецъ. Неужели этотъ товарищъ у моего изголовья былъ тотъ самый Ноэль Рэнгессонъ, тотъ легкомысленный весельчакъ, вся жизнь котораго казалась нескончаемой шуткой и который не могъ иначе дышать, какъ сквозь смѣхъ? Нѣтъ, нѣтъ, *того* Ноэля, котораго я зналъ, уже не было. У этого, у нынѣшняго, сердце было разбито. Онъ сталъ угрюмъ, разсѣянъ, точно человѣкъ, шевелящійся во снѣ. Струя его смѣха изсякла у самаго источника.

Впрочемъ, это было даже къ лучшему: я самъ былъ въ такомъ же настроеніи. Мы были подходящими другъ для друга товарищами. Онъ терпѣливо ухаживалъ за мной, втеченіе нѣсколькихъ долгихъ, скучныхъ недѣль. Наконецъ, въ январѣ, я достаточно оправился, такъ что могъ выходить. Тогда Ноэль сказалъ:

— Ну, теперь мы можемъ идти?

— Да.

Поясненія излишни. Мысленно мы уже давно были въ Руанѣ, а теперь рѣшились направиться туда сами. Все, чѣмъ мы дорожили въ этой жизни, было заточено тамъ, въ крѣпости. Мы не могли помочь Жаннѣ; но для насъ все же было бы нѣкоторымъ утѣшеніемъ быть близь нея, дышать воздухомъ, которымъ она дышетъ, по цѣлымъ днямъ смотрѣть на каменныя стѣны, которыя скрывали ее. А если мы сами попадемъ въ плѣнъ? Ну, что жь! Будь, что̀ будетъ. Мы сдѣлаемъ, что̀ должно, а тамъ, пусть ужъ судьба и удача рѣшатъ, чему быть надлежитъ.

И мы отправились. Мы не могли не замѣтить перемѣны, которая произошла въ странѣ. Казалось, намъ открывалась полная свобода: мы могли идти безпрепятственно, куда намъ вздумается. При Жаннѣ д'Аркъ всюду царила какая-то оторопь; теперь же, когда ея не стало, исчезъ и страхъ. Вы никого не смущали, никого не пугали своимъ появленіемъ; никто не занимался ни вами, ни вашимъ дѣломъ. Всѣми овладѣла какая-то тупость.

Скоро мы догадались, что можемъ отправиться по Сенѣ, не утомляя себя сухопутнымъ путешествіемъ. Такъ и сдѣлали. Мы подъѣхали на лодкѣ на разстояніе одного льё отъ Руана. Здѣсь мы причалили и вышли на берегъ, но не на высокій, холмистый, а на другой, низкій, который тянется почти въ уровень съ водой. Никто не могъ ни войти въ городъ, ни выйти оттуда безъ опроса и не назвавъ своего имени. Дѣло въ томъ, что тамъ боялись попытокъ освободить Жанну.

Но мы избѣжали хлопотъ. Съ недѣльку мы прожили на равнинѣ, у одной крестьянской семьи, которой помогали по хозяйству, за столъ и кровъ, а потомъ мало-по-малу сблизились и подружились съ нею. Мы достали себѣ такое же, какъ у нихъ, платье и переодѣлись. Мы старались побѣдить ихъ сдержанность, добиться

довѣрія и замѣтили, что въ ихъ груди тайкомъ бьются сердца французовъ. Тогда мы откровенно признались имъ, разсказали все и встрѣтили, съ ихъ стороны, полную готовность сдѣлать для насъ все, что въ силахъ. Вскорѣ мы измыслили планъ. Онъ былъ очень простъ: мы какъ бы будемъ помогать имъ вести на рынокъ стадо овецъ.

И вотъ, въ одно пасмурное утро, подъ моросившимъ дождемъ, намъ удалось безпрепятственно пройти черезъ угрюмые ворота. У нашихъ друзей были также друзья, жившіе надъ скромнымъ кабачкомъ, въ высокомъ красивомъ зданіи, въ одномъ изъ узкихъ переулковъ, спускающихся отъ собора къ рѣкѣ. У нихъ-то они и помѣстили насъ. На другой день, они тайкомъ провезли наше собственное платье и прочія наши вещи. Семья, пріютившая насъ—по фамиліи, Пьерронъ—была преданна Франціи, а потому намъ нечего было скрытничать съ ней.

ГЛАВА III.

Козни Кошона.—Обвинительный актъ.

Однако я долженъ былъ какъ-нибудь добывать пропитаніе себѣ и Ноэлю. Когда Пьерроны узнали, что я грамотенъ, они попросили за меня своего духовника. Тотъ доставилъ мнѣ мѣсто у одного добраго священника, по имени Маншонъ, назначеннаго главнымъ дьякомъ на судѣ Жанны д'Аркъ, который долженъ былъ вскорѣ начаться. Какая странная должность для меня,—писецъ дьяка! Да и опасная, если узнаютъ мои чувства и мое прежнее положеніе. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ большой опасности не представлялось: Маншонъ въ душѣ былъ на сторонѣ Жанны и не выдалъ-бы меня. Мое прозвище также не могло выдать меня: я отбросилъ свою фамилію и назвался только по имени, какъ человѣкъ простого званія.

Я принялся за работу и непрерывно помогалъ Маншону въ теченіе января и февраля. Часто мнѣ случалось бывать вмѣстѣ съ нимъ въ цитадели,—въ той самой крѣпости, гдѣ содержалась Жанна, но только не въ самой ея темницѣ: само собой разумѣется, я не могъ ее видѣть.

Маншонъ разсказалъ мнѣ обо всемъ, что было до моего пріѣзда. Съ самаго дня покупки Жанны, Кошонъ усердно старался собрать такой составъ судей, чтобы можно было вѣрнѣе погубить Жанну: онъ проводилъ недѣлю за недѣлей въ этой злобной работѣ. Парижскій университетъ прислалъ ему нѣсколькихъ ученыхъ, искусныхъ и надежныхъ богослововъ того именно закала, который ему былъ нуженъ; самъ онъ набиралъ отовсюду извѣстныхъ церковниковъ съ подходящими убѣжденіями. Такъ образовалось грозное судилище, въ которомъ насчитывалось съ полсотни громкихъ, прославленныхъ именъ. Все это были французскія имена, но носители ихъ, по чувствамъ и разсчетамъ, были англичане.

Изъ Парижа былъ присланъ также старшій инквизиторъ—чтобы обвиняемая была судима по правиламъ инквизиціи. Однако онъ оказался честнымъ и справедливымъ человѣкомъ: онъ прямо объявилъ, что этотъ судъ не имѣетъ права возбуждать дѣла, а потому онъ отказывается принимать въ немъ участіе. Такой же отвѣтъ былъ данъ еще двумя-тремя другими честными людьми.

Инквизиторъ былъ правъ. Дѣло, поднятое здѣсь противъ Жанны, уже давнымъ-давно было разрѣшено въ Пуатье ея полнымъ оправданіемъ. Къ тому же то было болѣе высокое судилище: тамъ во главѣ стоялъ архіепископъ, реймскій архіепископъ, по чину начальникъ самого Кошона. Итакъ, видите, здѣсь съ беззастѣнчивой наглостью, подготовлялся судъ низшей степени, чтобы пересматривать и перерѣшать дѣло, которое уже было однажды рѣшено высшимъ, болѣе властнымъ судомъ. Вникните хорошенько! Въ сущности, не только нельзя было возобновлять этого дѣла, но Кошонъ не могъ даже предсѣдательствовать на судѣ по многимъ причинамъ. Прежде всего, Руанъ не принадлежалъ къ его епархіи; затѣмъ Жанна не была схвачена на ея мѣстожительствѣ, которымъ попрежнему считалось Домреми; наконецъ, этотъ предполагаемый судья былъ отъявленнымъ, личнымъ врагомъ подсудимой, а стало быть, не имѣлъ права судить ее. Однако всѣ эти крупныя препятствія были устранены. Мѣстный капитулъ въ Руанѣ, въ концѣ концовъ, выдалъ Кошону «земскій листъ» (57) — хотя не безъ борьбы и лишь подъ сильнымъ давленіемъ. На инквизитора также подѣйствовали силой, и онъ былъ вынужденъ покориться.

Наконецъ, англійскій король-ребенокъ, черезъ своего представителя, указомъ предалъ Жанну въ руки церковнаго суда, однако съ такой оговоркой: *если суду не удастся осудить ее, то онъ долженъ возвратить ее!*

О, Боже, на какой же произволъ обрекалось одинокое беззащитное дитя! Беззащитное—это самое подходящее слово. Жанна была заключена въ мрачную темницу. Съ полдюжины грубыхъ, пошлыхъ солдатъ неотступно, денно и нощно, сторожили комнату, гдѣ стояла клѣтка: да, она была посажена въ желѣзную клѣтку и прикована къ постели цѣпями, за шею, руки и за ноги. Къ ней не допускали ни одного знакомаго, въ особенности же женщинъ. Да, это было въ полномъ смыслѣ слова беззащитное одиночество.

Собственно Жанну взялъ въ плѣнъ, подъ Компьенемъ, одинъ изъ вассаловъ Жана Люксембурга: и этотъ-то Жанъ продалъ ее герцогу Бургундскому. Тѣмъ не менѣе, этотъ самый Люксембургъ былъ настолько беззастѣнчивъ, что осмѣлился явиться въ клѣтку Жанны. Онъ пришелъ съ двумя англійскими графами, Варвикомъ и Стаффордомъ. Самъ по себѣ ничтожная тварь, онъ вдругъ началъ говорить ей, что отпуститъ ее на свободу, если она пообѣщаетъ не сражаться больше противъ англичанъ. Жанна уже давно сидѣла въ клѣткѣ, но все-таки не настолько долго, чтобы надломился ея гордый духъ. Она презрительно отвѣтила:

— Клянусь Богомъ, вы насмѣхаетесь надо мной! Вѣдь, я знаю, что вы не имѣете ни права, ни желанія говорить такъ.

Но онъ настаивалъ. Тогда въ Жаннѣ заговорили гордость и честь солдата. Она приподняла свои закованныя въ цѣпи руки и, опуская ихъ со звономъ, воскликнула:

— Взгляните на нихъ! Онѣ знаютъ больше, чѣмъ вы, и могутъ лучше предсказать будущее. Я знаю, что англичане собираются убить меня, воображая, будто, когда меня не станетъ, они вѣрнѣе завладѣютъ всѣмъ французскимъ королевствомъ. Но этого не будетъ! Хотя бы ихъ была цѣлая сотня тысячъ, они все-таки не завладѣютъ Франціей.

Этотъ презрительный тонъ взбѣсилъ Стаффорда, и—представьте себѣ картину! Онъ — свободный, сильный мужчина, а она — закованная въ цѣпи, безпомощная дѣвушка: и графъ выхватилъ свой

мечъ и бросился на нее, чтобъ изрубить ее. Но Варвикъ схватилъ его и удержалъ. Варвикъ поступилъ осмотрительно. Что за корысть лишить ее жизни такимъ образомъ, послать ее на небо незапятнанной, не лишенной сіянія Божьей благодати? Вѣдь, это значило-бы сдѣлать ее кумиромъ всей Франціи, подвинуть весь народъ на побѣдоносное возстаніе и на полное освобожденіе въ память ея! Нѣтъ, она должна быть сохранена для другого удѣла, который былъ уготованъ ей.

Между тѣмъ время Великаго Суда приближалось. Болѣе двухъ мѣсяцевъ Кошонъ отыскивалъ, повсюду собиралъ всякія данныя, улики, подозрѣнія или предположенія, которыя можно было-бы пустить въ ходъ противъ Жанны, и усердно устранялъ все, что свидѣтельствовало въ ея пользу. Ему были даны неограниченныя полномочія употреблять всѣ средства, чтобы подготовить и усилить обвиненіе; и онъ беззастѣнчиво пользовался ими.

А со стороны Жанны не было никого, кто позаботился-бы объ ея защитѣ. Она была замкнута въ этихъ каменныхъ стѣнахъ; и ни единое дружеское существо не могло явиться къ ней на помощь. Тоже и съ свидѣтелями: она не могла пригласить никого изъ тѣхъ, которые дали бы благопріятныя для нея показанія. Всѣ они были далеко, подъ французскимъ знаменемъ; здѣсь же былъ англійскій судъ; ихъ схватили-бы и повѣсили, еслибъ только они осмѣлились показаться въ Руанѣ. Нѣтъ, узницѣ предстояло быть *единственной* свидѣтельницей и со стороны обвиненія, и со стороны защиты. Притомъ ея смертный приговоръ былъ предрѣшенъ еще до начала разбирательства.

Когда Жанна узнала, что судилище составлено изъ духовныхъ лицъ, преданныхъ Англіи, она попросила, чтобы, ради справедливости, къ нимъ было прибавлено равное число французскихъ церковниковъ. Кошонъ разсмѣялся надъ ея просьбой и даже не удостоилъ ея отвѣтомъ.

По церковному закону, она, какъ несовершеннолѣтняя (ей не было двадцати одного года), имѣла право потребовать защитника, который велъ-бы ея дѣло, давалъ бы ей совѣты, руководилъ бы ея отвѣтами, оберегалъ бы ее отъ ловушекъ, разставляемыхъ хитрыми, искусными крючкотворцами обвиненія. По всей вѣроятности, она не

знала объ этомъ своемъ правѣ, на которомъ могла настаивать: некому было сказать ей объ этомъ. Но она все-таки попросила о такой поддержкѣ. Кошонъ отказалъ. Она настаивала, умоляла, ссылалась на свою молодость, на свое полное невѣдѣніе въ многосложныхъ и запутанныхъ законахъ и во всей судебной волокитѣ. Кошонъ снова отказалъ и прибавилъ, что она должна защищаться сама, какъ умѣетъ. О, у него было каменное сердце!

Кошонъ приготовилъ *procès verbal* — *обвинительный актъ*, который назову, для упрощенія, кляузой. То былъ подробный перечень обвиненій, составлявшій всю суть дѣла. Обвиненій? Нѣтъ, просто—списокъ *подозрѣній и ходившихъ слуховъ*: такъ и было сказано. Тутъ взводились обвиненія по подозрѣнію въ ереси, колдовствѣ и въ прочихъ подобныхъ преступленіяхъ противъ религіи.

Далѣе. По церковному закону, такое дѣло можно было вчинать лишь послѣ слѣдствія о прошломъ и о нравѣ подсудимой: данныя этого слѣдствія обязательно должны были дополнять обвинительный актъ, составляя какъ бы его составную часть. Вы помните: вѣдь, это было уже сдѣлано передъ началомъ суда въ Пуатье. Теперь то же самое было повторено. Въ Домреми былъ посланъ одинъ церковникъ. Онъ произвелъ тамъ и во всемъ околодкѣ самый тщательный сыскъ о прошлой жизни и о нравѣ Жанны и возвратился съ своимъ приговоромъ. Приговоръ былъ очень ясенъ и простъ. Слѣдователь доносилъ: личныя качества Жанны таковы, что я могу только пожелать, чтобы у моей родной сестры былъ такой же нравъ. Видите, совершенно такой же отзывъ, какой и раньше былъ доставленъ въ Пуатье. Нравъ Жанны былъ изъ тѣхъ, для которыхъ не страшно самое подробное разслѣдованіе.

Вы скажете, конечно, что такой приговоръ долженъ былъ послужить для Жанны сильной опорой. Да, такъ бы и было, если-бы ему было суждено увидѣть свѣтъ. Но Кошонъ не дремалъ: приговоръ исчезъ изъ обвинительнаго акта до начала суда. Судьи же оказались достаточно осторожными, чтобы не допытываться, что̀ съ нимъ сталось.

Теперь, казалось бы, Кошонъ могъ начать судъ. Но нѣтъ, онъ задумалъ еще одинъ планъ противъ бѣдной Жанны,—планъ такой адскій, что онъ долженъ былъ навѣрняка погубить ее.

Одинъ изъ тѣхъ важныхъ богослововъ, что̀ прислалъ парижскій университетъ, былъ нѣкто Николай Люазелёръ. Это былъ высокій, красивый и серьезный человѣкъ, съ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ, съ очаровательными манерами. По виду, никто не заподозрилъ бы въ немъ вѣроломства и лицемѣрія; а на дѣлѣ онъ былъ преисполненъ тѣмъ и другимъ. Переодѣтый чеботаремъ, онъ былъ впущенъ ночью въ темницу Жанны. Онъ увѣрилъ ее, что пришелъ съ ея родины, представился отчизнолюбцемъ, наконецъ, открылъ свое поповское званіе. Она несказанно обрадовалась увидѣть человѣка съ тѣхъ холмовъ и долинъ, которые были такъ ей дороги, да еще попа, передъ которымъ можно излить всю душу на исповѣди: вѣдь, церковныя требы были для нея хлѣбомъ насущнымъ, воздухомъ, которымъ она дышала; лишенная ихъ, она давно уже изнывала. И вотъ, она открыла все свое чистое сердце передъ этимъ негодяемъ. А онъ далъ ей совѣтъ относительно предстоящаго суда,— совѣтъ, который сразу погубилъ бы ее, если-бы глубокій природный умъ не удержалъ ея отъ промаха.

Вы спросите, какой смыслъ въ этомъ подвохѣ, коль скоро тайна исповѣди священника не должна быть открываема? Это такъ. Но представьте себѣ, что другое лицо подслушало? Вѣдь, оно уже не обязано хранить тайну. Ну, и вотъ что случилось. Кошонъ велѣлъ просверлить дыру въ стѣнѣ и стоялъ, приложивъ къ ней ухо, во все время исповѣди: такъ онъ все слышалъ. Какъ грустно вспоминать обо всемъ этомъ! Даже странно кажется, какъ они могли обращаться такъ съ бѣднымъ ребенкомъ? Вѣдь, она не сдѣлала имъ никакого вреда.

ГЛАВА IV.

Сонмъ палачей.—„Введите подсудимую!“

Во вторникъ, 20-го февраля, вечеромъ, когда я сидѣлъ у своего хозяина за работой, онъ вернулся домой мрачный, разстроенный: онъ объявилъ, что рѣшено начать разборъ дѣла на слѣдующій день, въ восемь часовъ утра, а потому я долженъ приготовиться сопровождать его.

Конечно, я уже втеченіе нѣскольких дней ожидалъ этого

извѣстія; тѣмъ не менѣе оно поразило меня такъ, что дыханіе сперлось у меня въ груди, и я задрожалъ, какъ листъ. Мнѣ кажется, самъ того не сознавая, я до послѣдней минуты ожидалъ чего-то, что должно было предотвратить этотъ роковой судъ. Можетъ быть, думалъ я, Ля-Гиръ вдругъ ворвется въ ворота Руана, во главѣ своихъ чертенятъ, или Господь сжалится наконецъ и простретъ Свою всесильную руку... Но теперь... Теперь, увы, всякая надежда исчезла.

Судъ долженъ былъ начаться въ часовнѣ крѣпости и происходить при открытыхъ дверяхъ. И вотъ, глубоко удрученный, я побрелъ къ Ноэлю сказать ему, чтобы онъ пораньше запасся мѣстомъ. Это, думалось мнѣ, дастъ ему случай увидѣть вновь черты того лица, которое мы такъ почитали, которое было такъ для насъ дорого. Все время, идя туда и назадъ, я встрѣчалъ шумно-ликующія толпы англійскихъ солдатъ и тѣхъ французскихъ гражданъ, которые въ душѣ превратились уже въ англичанъ. И ежеминутно я слышалъ такія замѣчанія, сопровождавшіяся безжалостнымъ хохотомъ:

— Толстякъ-епископъ наконецъ оборудовалъ все такъ, какъ хотѣлось ему. Онъ говоритъ, что задастъ теперь подлой вѣдьмѣ такого жару, что ей небо съ овчинку покажется.

Но кое-гдѣ я подмѣчалъ на лицахъ печаль, и оказалось, кстати сказать, что то были не всегда французскія лица. Хотя англійскіе солдаты боялись Жанны, однако они восторгались ея великими подвигами и несравненной отвагой.

Поутру я и Маншонъ вышли очень рано; однако, когда мы подошли къ крѣпости, то увидѣли, что тамъ уже собралась большая толпа, которая все увеличивалась. Часовня была уже переполнена, и дальнѣйшій доступъ въ нее постороннимъ былъ прекращенъ. Мы заняли предназначенныя для насъ мѣста. Предсѣдатель Кошонъ, епископъ бовэскій, въ полномъ парадномъ облаченіи, возсѣдалъ на возвышеніи, наподобіе трона, а передъ нимъ рядами сидѣли члены его судилища,—пятьдесятъ именитыхъ церковниковъ, людей высокопоставленныхъ въ чиноначаліи духовенства, преисполненныхъ глубокой учености, съ серьезными, гладко-выбритыми лицами. То были старые служаки, наторѣвшіе въ хитростяхъ и крючкотворствѣ, постигшіе въ совершенствѣ искусство разставлять ловушки неопытнымъ несвѣдущимъ душамъ.

Окинулъ я взоромъ эту армію законниковъ, искушенныхъ въ словопреніяхъ, собравшихся здѣсь, чтобы постановить приговоръ въ извѣстномъ смыслѣ, только въ одномъ извѣстномъ смыслѣ; и вспомнилъ, что Жанна одна должна бороться противъ всѣхъ ихъ, защищая свое доброе имя и свою жизнь. У меня невольно явился вопросъ, какія же надежды могутъ быть у бѣдной, неопытной, девятнадцатилѣтней деревенской дѣвушки въ такой неравной борьбѣ? И сердце мое сжалось, мучительно сжалось... Взглянулъ я на жирнаго, сопѣвшаго и пыхтѣвшаго предсѣдателя, съ огромнымъ животомъ, который то приподнимался, то опускался при каждомъ вздохѣ; замѣтилъ я его тройной подбородокъ, висѣвшій складками, его багровое лицо въ бородавкахъ и буграхъ, его отвратительный носъ, похожій на кочанъ цвѣтной капусты, его холодные и злые глаза. Когда увидѣлъ я это грубое во всѣхъ отношеніяхъ животное,—мое сердце еще больше сжалось. А когда я замѣтилъ, что всѣ точно побаиваются этого человѣка, жмутся, безпокойно ерзаютъ на своихъ креслахъ, когда его взоръ останавливается на нихъ,—послѣдній слабый лучъ моей надежды померкъ и исчезъ окончательно.

Оставалось одно только незанятое мѣсто,—у противоположной стѣны, на виду у всѣхъ. Тамъ, на нѣкоторомъ возвышеніи, стояла деревянная скамеечка,—стояла отдѣльно и одиноко. Высокіе алебардщики, въ шишакахъ, въ стальныхъ нагрудникахъ и латахъ, стояли также прямо и недвижимо, какъ и ихъ сѣкиры, по обѣимъ сторонамъ этого помоста; но ни единаго другого живого существа не было по близости. Видъ этой скамеечки глубоко тронулъ меня: я зналъ, для кого она предназначалась. Глядя на нее, я невольно переносился мыслью къ великому суду въ Пуатье, гдѣ Жанна сидѣла на такой скамеечкѣ и спокойно защищалась, поражая своими разумными отвѣтами изумленныхъ докторовъ церкви и парламента. Съ той скамеечки она встала побѣдительницей, при громѣ всеобщихъ рукоплесканій, и отправилась на дальнѣйшіе подвиги, чтобы прославить свое имя на весь міръ.

Какая у ней была тогда изящная фигура, какой она имѣла милый, невинный видъ, какъ очаровательна и прекрасна она была во всемъ блескѣ и свѣжести своихъ семнадцати лѣтъ! То были великіе дни. И давно ли? Вѣдь, теперь ей было всего девятнадцать

лѣтъ. Но какъ много она съ тѣхъ поръ видѣла, сколько чудесъ натворила!

Но теперь... О, теперь все измѣнилось. Она томилась около трехъ четвертей года въ темницѣ, лишенная свѣта, воздуха, дружескаго привѣта,—она, это настоящее дитя солнца, прирожденная подруга птичекъ и всѣхъ счастливыхъ свободныхъ созданій. Теперь она, должно быть, утомлена, измучена долгимъ заточеніемъ; силы ея надломлены; быть можетъ, она даже пала духомъ, зная, что никакой надежды на спасеніе нѣтъ. Да, все измѣнилось...

Все время въ часовнѣ раздавались сдержанный гулъ голосовъ, шорохъ платьевъ, топотъ шаговъ по полу. И всѣ эти звуки сливались въ неясный, глухой шумъ, наполнявшій зданіе. Вдругъ...

— Введите подсудимую!..

У меня замеръ духъ. Сердце застучало въ груди, точно молотокъ. А въ часовнѣ воцарилась тишина, полнѣйшая тишина. Всякій шумъ смолкъ, словно его никогда и не было. Ни единаго звука. Тишина становилась мучительной: она словно угнетала присутствующихъ. Само собой разумѣется,—нечего объ этомъ и упоминать— что всѣ взоры устремились на дверь: вѣдь, для большинства этихъ людей только теперь сдѣлалось ясно, что сейчасъ они должны увидѣть во плоти и крови то, что̀ до сихъ поръ было для нихъ только воплощеннымъ чудомъ, словомъ, молвой, всемірно-извѣстнымъ именемъ.

Тишина не прерывалась. Но вотъ, издалека, изъ глубины длинныхъ, вымощенныхъ камнемъ, корридоровъ послышался неясный, медленно приближающійся звукъ: *цзинь*... хрупъ... цзинь... Жанна д'Аркъ, Освободительница Франціи, въ цѣпяхъ!

Голова моя закружилась; все задвигалось, запрыгало передъ моими глазами. О, и *я* тоже началъ понимать.

ГЛАВА V.

Преступница.—Присяга.—Цѣпи.

Теперь, клянусь вамъ честью, я не буду ни искажать, ни обезцвѣчивать событія этого презрѣннаго суда. Я передамъ ихъ добросовѣстно и послѣдовательно—совершенно такъ, какъ Маншонъ и я изо дня въ день записывали ихъ въ дѣловыхъ отчетахъ о судѣ

и какъ они описаны въ печатныхъ исторіяхъ, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться. Будетъ только та разница, что, бесѣдуя съ вами частнымъ образомъ, я воспользуюсь моимъ правомъ истолковывать судопроизводство и объяснять попутно нѣкоторыя подробности, чтобы вы могли лучше понять дѣло. Я буду также останавливаться на мелочахъ, прошедшихъ передъ нашими глазами и имѣющихъ нѣкоторый интересъ для васъ и для меня, но недостаточно важныхъ для того, чтобы ихъ заносили въ дѣловые отчеты (58).

Итакъ, возвращаюсь къ моему разсказу, къ тому мѣсту, гдѣ я остановился. Да, такъ мы услышали бряцаніе цѣпей Жанны по корридору: она приближалась.

Вслѣдъ затѣмъ она появилась. Все всколыхнулось отъ пробѣжавшей по людямъ дрожи; послышались глубокіе, тяжелые вздохи. Двое стражниковъ слѣдовали за ней въ недалекомъ разстояніи. Жанна шла, немного понуря голову и очень медленно: она была слаба, а желѣзныя цѣпи были очень тяжелы. На ней былъ мужской костюмъ, изъ мягкой шерстяной матеріи,—весь черный, мрачный, словно трауръ, безъ единой цвѣтной крапинки, съ головы до ногъ. Широкій воротникъ изъ такой же черной матеріи ниспадалъ лучеобразными складками на ея плечи и грудь. Рукава ея кофты, очень широкіе и пышные у плечъ, были плотно обтянуты у кистей рукъ. Наконецъ, ниже кофты—длинные, узкіе, черные штаны, а на щиколодкахъ ногъ—цѣпи.

На полпути къ своей скамейкѣ Жанна остановилась, какъ разъ подъ широкимъ, косымъ снопомъ лучей, падавшимъ изъ оконъ. Она медленно приподняла голову. Снова дрожь пробѣжала по собранію... Передъ нимъ было лицо безъ кровинки, бѣлое, какъ мѣлъ, какъ ослѣпительный снѣгъ, что̀ представляло такую разительную противоположность съ безпросвѣтно чернымъ одѣяніемъ, облекавшимъ ея стройный станъ. Какое нѣжное, чистое, дѣвственное личико, прекрасное превыше всякихъ описаній, безпредѣльно печальное и кроткое! Но, Боже правый! Когда ея безстрашный взоръ съ вызовомъ остановился на этомъ судьѣ, въ ея фигурѣ сразу исчезло всякое подобіе слабости: она выпрямилась съ смѣлой и благородной осанкой солдата. Сердце мое радостно затрепетало: я сказалъ себѣ, что еще не все потеряно, еще есть надежда! Они не надломили ея духа,

не побѣдили ея: это—все еще Жанна д'Аркъ! Да, теперь мнѣ стало ясно, что предъ нами душа, которой этотъ грозный судья не можетъ ни укротить, ни застращать.

Жанна направилась къ своему мѣсту, поднялась на помостъ и сѣла на скамью, подобравъ на колѣна свои цѣпи и сложивъ на нихъ свои маленькія, бѣлыя ручки. Она ждала съ спокойнымъ достоинствомъ: казалось, она одна изъ всѣхъ присутствующихъ оставалась безстрастной и чуждой всякаго волненія. Загорѣлый дюжій англійскій солдатъ, стоявшій, вытянувшись въ струнку, передъ переднимъ рядомъ горожанъ-зрителей, приподнялъ свою ручищу и почтительно, по-военному, отдалъ ей честь; она привѣтливо улыбнулась и также приподняла руку, отвѣчая на военную честь. Это вызвало среди публики взрывъ сочувственныхъ рукоплесканій, которыя судья тотчасъ же строго остановилъ.

Началась достопамятная инквизиція, названная въ исторіи Великимъ Судомъ. Пятьдесятъ искусныхъ кляузниковъ противъ неопытной дѣвочки; и никого на ея сторонѣ, чтобы помочь этому новичку!

Судья изложилъ обстоятельства дѣла, слухи, толки и подозрѣнія, на которыхъ зиждилось обвиненіе, затѣмъ приказалъ Жаннѣ преклонить колѣна и принести присягу въ томъ, что она будетъ отвѣчать съ полной откровенностью и чистосердечіемъ на всѣ предложенные ей вопросы.

Умъ Жанны былъ на-сторожѣ. Она заподозрѣла, что подъ этимъ, на видъ разумнымъ и честнымъ требованіемъ, скрываются какія-нибудь опасныя для нея ловушки. И она отвѣтила съ той простотой, которая такъ часто разрушала самые хитро-задуманные планы ея враговъ въ Пуатье.

— Нѣтъ. Вѣдь, я не знаю, о чемъ вы будете спрашивать меня. Быть можетъ, вы станете задавать мнѣ такіе вопросы, на которые я не смогу отвѣчать.

Ея отвѣтъ возмутилъ судей и вызвалъ цѣлую бурю гнѣвныхъ восклицаній. Жанна не смутилась. Кошонъ возвысилъ голосъ, стараясь перекричать всѣхъ; но онъ былъ такъ раздраженъ, что съ трудомъ выговаривалъ слова. Онъ говорилъ:

— Съ помощью Господа нашего, мы требуемъ отъ тебя исполнить это правило для блага твоей же совѣсти. Клянись же, по-

ложивъ руки на Св. Евангеліе, что будешь отвѣчать правду на всѣ вопросы!

И онъ хлопнулъ по казенному столу своей жирной рукой.

Жанна спокойно возразила:

— На все, относящееся къ отцу съ матерью, къ вѣрѣ и ко всѣмъ моимъ поступкамъ со времени моего прихода во Францію, я охотно готова отвѣчать; но что касается откровеній, которыя я получила отъ Бога, то мои Голоса запретили мнѣ повѣрять ихъ кому бы то ни было, за исключеніемъ моего короля...

Послѣдовалъ новый взрывъ негодованія, угрозъ, восклицаній; все переполошилось, пришло въ смятеніе; Жаннѣ пришлось умолкнуть, выжидая, когда весь этотъ гвалтъ затихнетъ. Потомъ на ея бѣломъ, какъ воскъ, личикѣ появился легкій румянецъ. Она выпрямилась и, устремивъ глаза на судью, добавила голосомъ, въ которомъ зазвучали старыя струнки:

— И я никогда не открою этого, хоть кладите мою голову на плаху.

И вотъ... Но вы, быть можетъ, сами знаете, что̀ такое французы, собравшіеся на совѣщаніе? Судья и большинство членовъ суда повскакивали съ своихъ мѣстъ; всѣ они, сжавъ кулаки, грозили подсудимой; всѣ одновременно кричали, бранились, такъ что могли бы оглушить всякаго. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Но Жанна оставалась спокойной и невозмутимой: и они еще больше шумѣли, еще больше теряли разсудокъ. Только разъ она сказала, со скользнувшимъ въ ея взорѣ и въ манерахъ старымъ оттѣнкомъ лукавства:

— Попрошу васъ, почтенные судьи, говорить поочередно: не могу же я отвѣчать всѣмъ заразъ.

Послѣ цѣлыхъ трехъ часовъ преній и криковъ о присягѣ, положеніе не измѣнилось ни на іоту. Епископъ по-прежнему требовалъ обычной присяги слово-въ-слово; Жанна въ двадцатый разъ повторяла, что принесетъ только такую присягу, какую считаетъ нужной. Только съ тѣлесной стороны произошла перемѣна, впрочемъ, только въ предсѣдателѣ и въ членахъ суда. Бѣдняги охрипли, выбились изъ силъ, казались изнеможенными отъ столь долгаго неистовства; и глаза ихъ безпокойно блуждали. А Жанна все оставалась спокойной, ясной и вовсе не казалась утомленной.

Постепенно шумъ замолкъ; наступило выжидательное молчаніе, длившееся нѣсколько минутъ. Затѣмъ предсѣдатель уступилъ подсудимой: онъ сказалъ съ озлобленіемъ, что пусть ужъ она присягнетъ по-своему. Жанна тотчасъ же опустилась на колѣни. Когда она положила руки на Евангеліе, тотъ дюжій англійскій солдатъ не могъ удержаться отъ замѣчанія.

— Клянусь Богомъ, будь она англичанка, ее не продержали бы здѣсь больше и полсекунды.

Въ немъ заговорилъ солдатъ, откликнувшійся ей, какъ солдату. Но какой ядовитый укоръ, какое жестокое обвиненіе французовъ и французскаго короля заключалось въ его словахъ! О, еслибы эти слова, только эти слова, могли дойти до Орлеана! Я знаю, этотъ признательный городъ, обожавшій Жанну, возсталъ бы поголовно; всѣ, какъ одинъ человѣкъ, и мужчины и женщины, бросились бы на Руанъ. Есть слова — слова позорящія, устрашающія человѣка, которыя врѣзываются въ память. Эти слова навѣки остались въ моей памяти.

Послѣ присяги, Кошонъ спросилъ Жанну, какъ ея имя, гдѣ она родилась, и задалъ еще нѣсколько вопросовъ объ ея семьѣ, а также — сколько ей лѣтъ. Жанна отвѣтила на все. Затѣмъ онъ спросилъ ее, чему она училась.

— Я заучила со словъ моей матери *Отче нашъ, Богородицу* и *Вѣрую*. Вообще всему, что я знаю, меня научила мать.

Эти, въ сущности неважные вопросы, тянулись довольно долго. Всѣ были уже утомлены, — всѣ, за исключеніемъ Жанны. Судъ готовился прекратить засѣданіе. Вдругъ Кошонъ вздумалъ предостеречь Жанну отъ попытки къ побѣгу, подъ угрозой, что тогда она будетъ признана виновной въ ереси. Странное разсужденіе! На это Жанна отвѣтила просто:

— Я не связана никакимъ такимъ запрещеніемъ. Если-бъ я могла бѣжать, то не стала бы въ этомъ раскаиваться; я, вѣдь, не давала такого обѣщанія и не дамъ его.

Тутъ она стала жаловаться на тяжесть цѣпей и попросила снять ихъ, такъ какъ она находится подъ достаточно сильнымъ надзоромъ въ этой тюрьмѣ, и въ нихъ вовсе нѣтъ надобности. Но епископъ отказалъ и напомнилъ ей, что раньше она уже два раза

пыталась бѣжать. Жанна д'Аркъ была слишкомъ горда, чтобы настаивать. Она сказала только, поднимаясь, чтобы идти со своей стражей:

— Это правда, я хотѣла бѣжать; и я хочу бѣжать.

Потомъ она добавила такимъ тономъ, который, я думаю, у всякаго вызвалъ бы жалость:

— Вѣдь, это—право каждаго узника.

И она удалилась среди глубокой тишины, которая еще болѣе усиливала для меня тягостное впечатлѣніе отъ бряцанія ея цѣпей.

Сколько у ней было присутствія духа! Ее никогда нельзя было захватить въ расплохъ. Она увидѣла Ноэля и меня, какъ только опустилась на свою скамью. Мы покраснѣли до корней волосъ отъ волненія и радости; но на ея лицѣ не отразилось ничего: оно ничего не выдало. Въ тотъ день ея взглядъ разъ пятьдесятъ останавливался на насъ; но онъ скользилъ туда и сюда, и ни разу въ немъ не мелькнулъ лучъ признанія. Всякій другой вздрогнулъ бы, увидя насъ: и тогда... гм... тогда насъ, разумѣется, постигли бы большія непріятности.

Медленно направились мы домой. У каждаго изъ насъ было такъ тяжело на сердцѣ, что мы не проронили слова.

ГЛАВА VI.

Посрамленіе крючкотворцевъ.—„Passez outre!“

Въ тотъ вечеръ Маншонъ разсказалъ мнѣ, что, во все засѣданіе, въ углубленіи окна Кошономъ были спрятаны писцы, которые должны были составлять особый отчетъ, искажая отвѣты Жанны и придавая имъ иной смыслъ. О, безспорно это былъ самый жестокій и самый безсовѣстный человѣкъ на свѣтѣ! Однако, его замыселъ не удался. Оказалось, что у этихъ писцовъ все-таки было человѣческое сердце. Возмущенные гнусностью работы, за которую ихъ посадили, они отважно составили совершенно правильный отчетъ. Кошонъ разбранилъ ихъ, прогналъ съ глазъ долой и пригрозилъ, что велитъ потопить ихъ: это была его любимая угроза. Слухъ объ этой исторіи быстро распространился и породилъ кучу неблагопріятныхъ толковъ,

такъ что Кошонъ уже не пытался возобновлять своей гнусной затѣи. Это очень порадовало меня.

На слѣдующее утро, явившись въ крѣпость, мы нашли перемѣну. Часовня была признана слишкомъ тѣсной, и судилище было переведено въ чудесное отдѣленіе на концѣ большой залы замка. Число судей увеличилось до шестидесяти двухъ,—и все это противъ одной неопытной, беззащитной дѣвушки!

Привели подсудимую. Она была блѣдна попрежнему, но нравственно казалась ничуть не болѣе утомленной, чѣмъ наканунѣ, когда въ первый разъ предстала передъ судомъ. Не странно-ли это? Вѣдь, вчера только она просидѣла пять часовъ на этой жесткой скамьѣ безъ спинки, съ цѣпями на колѣнахъ; ее травила, терзала, преслѣдовала эта нечестивая шайка; ей не давали даже освѣжиться кубкомъ воды, ей ни разу ничего не предложили. А она... Если только мнѣ удалось ознакомить васъ съ нею за это время, то вы сами поймете, что она была не изъ тѣхъ, которые попросили-бы какой-нибудь милости у этихъ людей. А, вѣдь, она провела ночь въ клѣткѣ своей холодной темницы, закованная но рукамъ и по ногамъ! И все-таки теперь, повторяю, она казалась бодрой, свѣжей, вновь готовой къ ожесточенной борьбѣ. Да, изъ всѣхъ присутствующихъ только на ней одной вчерашнія треволненія и терзанія не оставили слѣдовъ.

А ея глаза... О, если-бы вы увидѣли ихъ, ваше сердце разорвалось-бы на части! Видали-ли вы тотъ глубоко затаенный пламень, то выраженіе оскорбленнаго достоинства, тотъ неукрощенный, неукротимый духъ, которыми преисполненъ взоръ орла въ клѣткѣ, — взоръ, передъ нѣмымъ укоромъ котораго вы невольно чувствуете себя какъ-бы униженнымъ и пристыженнымъ? Таковы были ея глаза... О, какъ они были выразительны, какъ чудны! Да, во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ они могли выразить, словно отпечатать, каждый оттѣнокъ настроенія ея чуткой души. Въ нихъ были скрыты потоки веселыхъ солнечныхъ лучей, мягкій, умиротворяющій полусвѣтъ сумерекъ, опустошительные ураганы и молнія. Другихъ подобныхъ очей не сыщется во всемъ мірѣ. Таково мое мнѣніе: и никто изъ удостоившихся видѣть ихъ не рѣшится отрицать того, что я высказалъ.

Засѣданіе началось. Но какъ бы вы думали, съ чего? Совершенно

такъ-же, какъ въ первый разъ, т. е. съ тѣхъ же скучныхъ вещей, съ которыми было уже покончено тогда, послѣ столькихъ пререканій. Епископъ сказалъ, обращаясь къ Жаннѣ:

— Теперь ты должна принести полную и простую присягу въ томъ, что будешь отвѣчать чистосердечно на всѣ вопросы.

Жанна невозмутимо отвѣтила:

— Я уже присягала вчера, сударь: этого достаточно.

Епископъ настаивалъ, горячился, началъ раздражаться. Жанна отрицательно качала головой и молчала. Наконецъ, она повторила:

— Вѣдь, я уже присягала вчера: этого достаточно.

Потомъ она прибавила со вздохомъ:

— Право, вы ужъ слишкомъ притѣсняете меня!

А епископъ продолжалъ настаивать, приказывать. Но на нее ничто не дѣйствовало. Наконецъ, онъ оставилъ свой замыселъ и передалъ Жанну для допроса опытному старому судейскому крючку, искусному въ ловушкахъ и коварныхъ подвохахъ, которые онъ скрывалъ подъ видомъ безобидной простоты. То былъ Бопэръ, докторъ богословія. Обратите вниманіе на форму, въ которую облекъ этотъ хитрый кляузникъ свое первое замѣчаніе, сказанное какъ бы вскользь и такъ просто, что неосмотрительный человѣкъ навѣрно попалъ бы въ просакъ.

— И такъ, Жанна, теперь дѣло очень просто. Говори только откровенно и отвѣчай правдиво на мои вопросы, какъ ты и присягала.

Но эта хитрость не удалась. Жанна не дремала. Она замѣтила ловушку и сказала:

— Нѣтъ! Вы, вѣдь, можете спросить меня о такихъ вещахъ, о которыхъ я не могу и не должна отвѣчать.

Потомъ, подумавъ о томъ, какъ недостойно и святотатственно со стороны этихъ служителей церкви добиваться проникнуть въ то, что шло отъ Бога и было связано Его грозной печатью тайны, она добавила тономъ угрозы и предостереженія:

— Если-бъ вы были получше освѣдомлены насчетъ меня, вы поспѣшили бы сбыть меня съ рукъ. Я не дѣлала ничего иначе, какъ по Откровенію.

Хитрый Бопэръ перемѣнилъ тактику и повелъ наступленіе съ

другой стороны. Какъ вы увидите, онъ подкрадывался къ ней подъ прикрытіемъ невинныхъ, мало значущихъ вопросовъ.

— Училась-ли ты какому-нибудь ремеслу?

— Да, шить и прясть.

И непобѣдимая воительница, одержавшая побѣду подъ Патэ, укротившая льва, Тальбота, освободившая Орлеанъ, возвратившая корону королю, главнокомандующій національными войсками, гордо выпрямилась, слегка тряхнула головой и сказала съ наивнымъ самодовольствіемъ:

— И если-бъ потребовалось, я не побоялась бы состязаться въ этомъ ни съ одной женщиной въ Руанѣ!

Въ толпѣ зрителей раздались рукоплесканія, которыя видимо доставляли удовольствіе Жаннѣ; и можно было замѣтить много дружественныхъ, привѣтливыхъ улыбокъ. Но Кошонъ прикрикнулъ на толпу, чтобы она держалась тихо и не выражала своихъ чувствъ.

Бопэръ продолжалъ допросъ:

— Были-ли у тебя, дома, еще какія-нибудь занятія?

— Да, я помогала матери по хозяйству и пасла въ полѣ овецъ и скотъ.

Ея голосъ слегка дрогнулъ. Но врядъ-ли кто замѣтилъ это. Что же касается меня, то эти слова напомнили мнѣ былые восхитительные дни: нѣсколько минутъ я едва могъ видѣть, что̀ писалъ.

Между тѣмъ Бопэръ разными обходами незамѣтно подвигался къ запретной области. Наконецъ, онъ повторилъ тотъ вопросъ, на который она отказалась отвѣчать немного раньше,—а именно, пріобщалась-ли она Св. Тайнъ только въ дни Св. Пасхи, или и въ другіе праздничные дни?

— *Passez outre.*

Это значитъ—«Дальше!» Переходите-де къ другимъ предметамъ, на которыхъ вы въ правѣ останавливаться!

Я слышалъ, какъ одинъ изъ членовъ суда шепнулъ сосѣду:

— Свидѣтели обыкновенно непроходимо глупы: ихъ ничего не стоитъ поставить втупикъ, сбить, запугать. Но, право, этой дѣвочки, кажется, никто не одурачитъ и не застращаетъ.

Но, вотъ, все собраніе насторожило уши и принялось съ жадностью слушать: Бопэръ началъ касаться вопроса о Голосахъ

Жанны,—предметъ, полный захватывающаго интереса и возбуждавшій всеобщее любопытство. Замыселъ Бопэра состоялъ въ томъ, чтобы выманить какое-нибудь неосторожное слово, которое указывало бы, что Голоса давали иногда недобрые совѣты, а слѣдовательно, они были отъ Сатаны. Понимаете? Имѣй она сношенія съ дьяволомъ—ну, ее тотчасъ же спровадили бы на костеръ: таковы и были заранѣе предназначенные конецъ и цѣль этого суда.

— Когда ты впервые услышала эти Голоса?

— Мнѣ было тринадцать лѣтъ, когда я въ первый разъ услышала Голосъ, ниспосланный отъ Бога, чтобы помочь мнѣ вести праведную жизнь. Я испугалась. Это случилось въ полдень, лѣтомъ, въ саду моего отца.

— Постилась-ли ты?

— Да.

— И наканунѣ также?

— Нѣтъ.

— Съ какой стороны раздалось это?

— Справа, со стороны церкви.

— Было-ли при этомъ сіяніе?

— О, да, такое яркое сіяніе! Прибывъ во Францію, я часто и довольно громко слышала Голоса.

— На что походилъ звукъ Голоса?

— О, онъ звучалъ прекрасно; и я тотчасъ подумала, что онъ посланъ мнѣ отъ Бога. Въ третій разъ, когда я его услышала, я поняла, что это ангельскій Голосъ.

— Понимаешь-ли ты его?

— Совершенно легко. Онъ всегда былъ очень внятенъ.

— Какой совѣтъ далъ онъ тебѣ для спасенія твоей души?

— Онъ сказалъ мнѣ, что я должна вести праведную жизнь и не пропускать церковныхъ службъ. И онъ-то приказалъ мнѣ идти во Францію.

— Въ какомъ видѣ являлся Голосъ?

Жанна мелькомъ недовѣрчиво взглянула на священника, потомъ спокойно отвѣтила:

— Этого не могу сказать.

— Часто-ли посѣщалъ тебя Голосъ?

— Да, два-три раза въ недѣлю. И онъ говорилъ: «Покинь свою деревню, иди во Францію!»

— Зналъ-ли твой отецъ о твоемъ уходѣ?

— Нѣтъ!.. Господь говорилъ: «Иди во Францію!» И я ужъ не могла оставаться дома.

— Что еще онъ говорилъ?

— Чтобы я сняла осаду съ Орлеана.

— И это все?

— Нѣтъ, мнѣ было приказано еще идти въ Вокулёръ къ Роберту де-Бодрикуръ, который долженъ былъ дать мнѣ солдатъ, чтобы я шла съ ними во Францію. А я отвѣчала, что я—бѣдная дѣвушка, несвѣдущая ни въ верховой ѣздѣ, ни въ военномъ искусствѣ.

Тутъ она разсказала, сколько препятствій и пререканій встрѣтила въ Вокулёрѣ, пока ей не дали солдатъ и пока она не собралась въ походъ.

— Какъ ты была одѣта?

Мы знаемъ, что судъ въ Пуатье ясно постановилъ, что, коль скоро Господь предназначилъ ее совершить мужское дѣло, то нѣтъ ничего непристойнаго и противнаго религіи одѣваться ей, какъ мужчина. Но Великому Суду не было никакого дѣла до прежняго постановленія. Онъ готовъ былъ воспользоваться противъ Жанны чѣмъ угодно, даже такимъ оружіемъ, которое было уже сломапо и признано негоднымъ. И на такое-то оружіе возлагались большія надежды.

— Я носила мужскую одежду, а также мечъ, данный мнѣ Робертомъ де-Бодрикуромъ; но другого оружія у меня не было.

— Кто посовѣтовалъ тебѣ носить мужскую одежду?

Этотъ вопросъ показался Жаннѣ подозрительнымъ; она не хотѣла отвѣчать на него. Вопросъ былъ повторенъ. Она снова отказалась отвѣчать.

— Отвѣчай. Тебѣ приказываютъ!

— *Passez outre*,—вотъ все, что она сказала.

И Бопэръ ограничился пока этимъ.

— Что сказалъ тебѣ Бодрикуръ, когда ты уѣзжала отъ него?

— Тѣхъ, которые отправлялись со мной, онъ заставилъ пообѣ-

щать, что они будутъ охранять меня. Мнѣ же онъ сказалъ: «Иди, а тамъ будь, что̀ будетъ» (Advienne que pourra)!.

Послѣ вопросовъ о томъ, о семъ, ее опять спросили объ одеждѣ. Она отвѣтила, что ей необходимо было носить мужскую одежду.

— Не Голосъ-ли посовѣтовалъ тебѣ это?

Жанна просто и невозмутимо отвѣтила:

— Думаю, что Голосъ далъ мнѣ хорошій совѣтъ.

Вотъ все, чего могли отъ нея добиться. Допросъ перешелъ на другіе предметы и, наконецъ, коснулся первой встрѣчи Жанны съ королемъ въ Шинонѣ. Она сказала, что сразу отыскала короля, хотя совсѣмъ не знала его: то было откровеніе Голоса. Затѣмъ прошлись по всему, что̀ случилось въ то время. Наконецъ, ее спросили:

— Ты все еще слышишь эти Голоса?

— Они посѣщаютъ меня каждый день.

— Чего ты у нихъ просишь?

— Я никогда не просила у нихъ никакой награды, кромѣ спасенія души моей?

— Всегда-ли Голосъ приказывалъ тебѣ слѣдовать за арміей?

Кляузникъ снова подкрался исподволь, чтобы захватить Жанну врасплохъ. Но она отвѣтила:

— Голосъ требовалъ, чтобы я осталась въ Сенъ-Дени. Если-бъ я была свободна, то повиновалась бы ему; но вслѣдствіе раны, я была совершенно въ безпомощномъ состояніи, и рыцари силой увезли меня.

— Когда ты была ранена?

— Я была ранена во рву передъ Парижемъ, при приступѣ.

Слѣдующій вопросъ показалъ, куда мѣтилъ Бопэръ:

— Не было-ли это въ праздникъ?

Смекаете? Здѣсь былъ намекъ, что Голосъ, идущій отъ Бога, едва-ли посовѣтовалъ бы воевать и проливать кровь въ священный день праздника.

Жанна смутилась на минуту, потомъ отвѣтила:

— Да, это былъ праздникъ.

Ну, скажите же, какъ по-вашему? Праведное-ли дѣло идти на приступъ въ такой день?

Это былъ ударъ, который могъ сдѣлать первый проломъ въ стѣнѣ, еще не потерпѣвшей никакого поврежденія. Вдругъ наступила полная тишина: всѣ ждали съ напряженнымъ вниманіемъ. Но Жанна разочаровала все собраніе. Она сдѣлала только легкое движеніе рукой, какъ бы отгоняя докучливую муху, и сказала съ спокойнымъ равнодушіемъ:

— *Passez outre*!

На мгновенье даже нѣкоторыя серьезныя лица озарились улыбками; кое-гдѣ послышался даже беззастѣнчивый смѣхъ. Такъ долго и старательно подготовляемая ловушка захлопнулась, но она оказалась пустой.

Засѣданіе было закрыто. Оно продолжалось четыре часа; и всѣ были страшно утомлены. Казалось, большая часть времени прошла въ безполезныхъ разспросахъ о шинонскихъ событіяхъ, объ изгнанномъ герцогѣ Орлеанскомъ, о первомъ воззваніи Жанны и прочее; но вся эта съ виду случайная канитель была усѣяна потайными ловушками. Однако всѣ онѣ были благополучно обойдены Жанной. Ей помогли—гдѣ покровительство счастья, сопутствующаго невинности и неопытности, гдѣ благопріятная случайность, а больше ея лучшій и надежнѣйшій союзникъ—собственная глубокая проницательность и замѣчательный умъ.

Долго еще должна была тянуться эта повседневная травля и подсиживанье бѣдной, беззащитной дѣвушки, плѣнницы, закованной въ цѣпи. Правду сказать, достойная забава для своры бульдоговъ и гончихъ, преслѣдующихъ котенка! Могу подтвердить клятвой, что именно такъ и было съ перваго до послѣдняго дня этого суда. Четверть вѣка спустя, послѣ того, какъ бѣдная Жанна упокоилась въ могилѣ, папа приказалъ созвать верховный судъ для пересмотра ея дѣла; и правый приговоръ этого суда снялъ съ ея славнаго имени всякое пятно, всякую крапинку, а приговоръ и дѣянія нашего руанскаго суда предалъ карѣ вѣчныхъ проклятій. Маншонъ и нѣкоторыя другія лица нашего суда предстали въ качествѣ свидѣтелей передъ Судилищемъ Возстановленія. Припоминая тѣ гнусные пріемы, о которыхъ я говорилъ вамъ, Маншонъ высказалъ... Впрочемъ, вотъ передъ вами его подлинное показаніе, четко отпечатанное въ правительственномъ изданіи:

Когда Жанна говорила о своихъ видѣніяхъ, ее прерывали почти на каждомъ словѣ. Ее утомляли долгими и многосложными допросами о всевозможныхъ предметахъ. Почти каждый день утренніе допросы продолжались *три-четыре часа;* потомъ изъ этихъ утреннихъ допросовъ дѣлались извлеченія особенно мудреныхъ и щекотливыхъ мѣстъ, которыя служили пищей для послѣобѣденнаго засѣданія, продолжавшагося также *два-три часа.* Судьи безпрестанно перескакивали съ предмета на предметъ: однако, не смотря на все это, она *постоянно отвѣчала съ поразительнымъ умомъ и памятью.* Она часто поправляла судей, говоря: „но на этотъ вопросъ я уже отвѣчала, спросите писца". При этомъ она указывала на меня.

А вотъ, еще показаніе одного изъ судей Жанны. И замѣтьте: эти люди говорили не о двухъ-трехъ дняхъ, а объ утомительной, длинной *вереницѣ* дней.

Они задавали ей глубокомысленные вопросы, но она удачно справлялась съ ними. Иногда допросчики вдругъ перевертывались и хватались за совсѣмъ другой предметъ, чтобы видѣть, *не станетъ ли она сама себѣ противорѣчить.* Они утомляли ее долгими допросами, длившимися по два и по три часа, послѣ которыхъ *сами судьи уходили страшно изнеможенными. Самый опытный человѣкъ въ мірѣ лишь съ большимъ трудомъ выпутался бы* изъ тѣхъ тенетъ, въ которыя запутывали ее. Она отвѣчала такъ благоразумно, что, сказать правду, я *въ теченіе трехъ недѣль считалъ ее вдохновленной свыше* (59).

О, это именно былъ тотъ самый умъ, который я старался описать! Видите, какой отзывъ давали о ней подъ присягой эти священники! А, вѣдь, то были лица, особо избранныя для этого страшнаго суда,—мужи, извѣстные своей ученостью, опытностью, тонкимъ наторѣлымъ умомъ, а также сильнымъ предубѣжденіемъ противъ подсудимой! И даже для этихъ шестидесяти двухъ великолѣпныхъ мастаковъ состязаніе съ бѣдной, молоденькой крестьянской дѣвушкой было нелегко: она была болѣе, чѣмъ по-плечу имъ. Не правда-ли? А вѣдь, они были изъ парижскаго университета, она же—изъ овчарни, изъ коровника! О, да, она была велика, дивна! Потребовалось шесть тысячъ лѣтъ, чтобы произвести ее; и другой, подобной, не увидятъ на землѣ пятьдесятъ тысячъ лѣтъ. Таково мое мнѣніе.

ГЛАВА VII.

„Голоса“ на судѣ.—Божья благодать.

Третье засѣданіе суда происходило въ той же обширной комнатѣ, на слѣдующій день, 24-го февраля.

Какъ началось оно? Да все тѣмъ же старымъ порядкомъ. Когда приготовленія окончились, шестьдесятъ два судьи усѣлись на своихъ мѣстахъ, а стража и пристава заняли свои посты, Кошонъ, съ высоты своего трона, приказалъ Жаннѣ положить руки на Евангеліе и принести присягу въ томъ, что она будетъ отвѣчать сущую правду на всѣ вопросы.

Глаза Жанны заблестѣли. Она поднялась, выпрямилась, стройная, благородная, и, обернувшись лицомъ къ епископу, сказала:

— Подумайте о томъ, чтò вы дѣлаете, сударь. На васъ, какъ на моемъ судьѣ, лежитъ страшная отвѣтственность, и вы слишкомъ злоупотребляете своей властью.

Произошелъ всеобщій переполохъ. Кошонъ набросился на нее со страшной угрозой,—угрозой немедленнаго осужденія, если она не покорится. Во мнѣ даже кости похолодѣли, и я увидѣлъ, какъ поблѣднѣли лица окружающихъ: вѣдь, эта угроза означала огонь и костеръ! Но Жанна все стояла-себѣ и отвѣтила гордо, безъ малѣйшаго смущенія:

— Нѣтъ, все духовенство Парижа и Руана не можетъ осудить меня: оно не имѣетъ права на это.

Новое замѣшательство, кое-гдѣ послышались даже рукоплесканія. Жанна опустилась на скамью. Епископъ продолжалъ настаивать на своемъ требованіи. Тогда Жанна сказала:

— Я уже дала присягу: этого достаточно.

Епископъ съ угрозой крикнулъ ей:

— Отказываясь принести присягу, ты навлекаешь на себя подозрѣніе.

— Ладно, я уже присягала: этого достаточно.

Епископъ все еще настаивалъ; и Жанна отвѣтила, что «будетъ говорить, чтò знаетъ, но только не все».

Въ концѣ концовъ онъ до того наскучилъ ей своими приставаніями, что она отвѣтила усталымъ голосомъ:

— Я пришла отъ Бога, и здѣсь мнѣ нечего больше дѣлать. Возвратите же меня къ Богу, отъ котораго я пришла.

Какъ жалостно было слышать это! Она какъ-будто хотѣла сказать: «Вѣдь, вы добиваетесь моей смерти, возьмите же мою жизнь и оставьте меня въ покоѣ»!

Епископъ снова забушевалъ.

— Еще разъ, я приказываю...

Но Жанна прервала его, небрежно кинувъ свое—*Passez outre*! И Кошонъ отказался отъ борьбы, на этотъ разъ даже не безъ уступочки: онъ предложилъ сдѣлку. Жанна, неизмѣнно сохранявшая ясность ума, сразу увидѣла тутъ извѣстное обезпеченіе для себя и тотчасъ же охотно приняла предложеніе. Она должна была присягнуть, что будетъ говорить правду «обо всемъ, что значится въ *обвинительномъ актѣ*». Такимъ образомъ они уже не могли увлечь ее за установленныя границы; отнынѣ поле состязанія было отмежевано. Епископъ уступилъ больше, чѣмъ хотѣлъ, больше, чѣмъ могъ выполнить.

Затѣмъ Бопэру было предложено возобновить допросъ. Тогда былъ великій постъ, и судъ надѣялся изобличить Жанну въ небрежномъ исполненіи какихъ-нибудь обрядовыхъ мелочей. Но я могъ бы предсказать допросчику, что всѣ его старанія пропадутъ даромъ: вѣдь, религія была ея жизнью!

— Когда ты въ послѣдній разъ ѣла и пила?

Если-бъ хоть единая крошка съѣстного прошла черезъ ея ротъ, то ни ея молодость, ни полуголоданье въ тюрьмѣ не спасли бы ее отъ опаснаго подозрѣнія въ нарушеніи предписаній церкви.

— Я не ѣла и не пила съ полудня вчерашняго дня.

Священникъ снова перевелъ вопросъ на Голоса.

— Когда ты слышала твой Голосъ?

— Вчера и сегодня.

— Въ какое время?

— Вчера это было утромъ.

— Что ты тогда дѣлала?

— Я спала; онъ разбудилъ меня.

— Прикосновеніемъ къ твоей рукѣ?

— Нѣтъ, безъ всякаго прикосновенія.

— Поблагодарила-ли ты его? Преклонила-ли колѣна?

Видите, у него все время на умѣ былъ дьяволъ: онъ надѣялся мало-по-малу показать, что она воздавала почести архи-врагу Бога и человѣческаго рода.

— Да, я поблагодарила его. Я преклонила колѣни на постели, гдѣ была прикована, и, сложивъ руки, попросила его молить Господа, чтобы Онъ просвѣтилъ мой разумъ и наставилъ бы меня, какъ отвѣчать здѣсь.

— Что же сказалъ тебѣ на это Голосъ?

— Онъ сказалъ, чтобы я отвѣчала смѣло,—и Господь поможетъ мнѣ.

Тутъ она добавила, обращаясь къ Кошону:

— Вы говорите, что вы—мой судья. Ну, такъ еще разъ повторяю вамъ: подумайте, что̀ вы дѣлаете? Вѣдь, я воистину послана отъ Бога; вы подвергаете себя большой опасности.

Бонэръ спросилъ, не мѣнялись-ли иногда совѣты Голоса, не были ли они противорѣчивыми?

— Нѣтъ. Онъ никогда не противорѣчитъ себѣ. Не далѣе, какъ сегодня, онъ повторилъ мнѣ, чтобы я отвѣчала смѣло.

— Не онъ-ли запретилъ тебѣ отвѣчать на нѣкоторые вопросы?

— На это ничего не скажу вамъ. У меня есть откровенія касательно короля, моего повелителя; но ихъ я не разскажу вамъ.

Тутъ ею овладѣло сильное волненіе; слезы подступили къ ея глазамъ. И она заговорила тономъ глубокаго убѣжденія:

— Я твердо вѣрю, также твердо, какъ въ христіанскую вѣру и въ то, что Господь избавилъ насъ отъ адскихъ мукъ, и что именно Господь говоритъ мнѣ черезъ посредство этого Голоса!

На дальнѣйшіе разспросы о Голосѣ она отвѣчала, что ей не разрѣшено высказывать всего, что̀ она знаетъ.

— Развѣ ты думаешь, что Господь прогнѣвается, если скажешь всю правду?

— Голосъ повелѣлъ мнѣ разсказать все королю, а не вамъ; и кое-что я услышала совсѣмъ недавно—не далѣе какъ прошлой ночью. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ узналъ это. Тогда онъ былъ бы гораздо спокойнѣе за своимъ обѣдомъ.

— Почему же Голосъ не скажетъ самому королю, какъ тогда,

когда ты была съ нимъ? Неужели онъ не сдѣлалъ бы этого, еслибы ты попросила его?

— Не знаю, такова-ли воля Божья.

Потомъ съ минуту или двѣ Жанна казалась задумчивой, занятой своими мыслями, которыя, безъ сомнѣнія, витали гдѣ-то далеко. Наконецъ, она добавила одно замѣчаніе, въ которомъ Бопэръ, вѣчно зоркій, внимательный, уловилъ возможность поставить ловушку. Но не думайте, что онъ тотчасъ же ухватился за нее, выказывая радость, какъ новичекъ въ крючкотворствѣ. О, нѣтъ, ничуть не бывало! Вы и не догадались бы, что онъ обратилъ вниманіе на это замѣчаніе. Онъ равнодушно оставилъ его, прошелъ мимо и началъ выдвигать пустяки, словно для того, чтобы обойти ее и подкрасться къ ней сзади. Именно, онъ закидывалъ Жанну такими скучными и праздными вопросами: говорилъ-ли ей Голосъ, что ей удастся бѣжать изъ тюрьмы? Снабдилъ-ли онъ ее отвѣтами для нынѣшняго засѣданія? Сопровождалось-ли его появленіе сіяніемъ? Есть-ли у него глаза? и т. п.

А опасное замѣчаніе, вырвавшееся у Жанны, состояло въ слѣдующемъ:

— Безъ благодати Божіей я ничего не могу сдѣлать.

Судъ понималъ игру попа и съ жестокимъ любопытствомъ слѣдилъ за ней. А бѣдняжка Жанна становилась все задумчивѣе и разсѣяннѣе: знать, она была утомлена. Ея жизнь была въ величайшей опасности, а она и не замѣчала этого. Наступила рѣшительная минута: Бопэръ тихонько, исподтишка, подставилъ ловушку.

— Пребываешь-ли ты въ состояніи благодати?

Даже въ этой шайкѣ судей нашлось двое или трое честныхъ и сильныхъ людей. Таковъ былъ Жанъ Лефевръ. Онъ вскочилъ и воскликнулъ:

— Это—странный вопросъ! Подсудимая не обязана отвѣчать на него.

Лицо Кошона почернѣло отъ злости, когда онъ увидѣлъ, что погибающему ребенку бросили эту спасительную доску. Онъ крикнулъ:

— Молчать, садитесь! Подсудимая отвѣтитъ на этотъ вопросъ!

Никакой надежды, никакого выхода! Вѣдь, скажи она да или нѣтъ—все-равно то былъ бы гибельный отвѣтъ, ибо въ Писаніи

сказано, что человѣкъ *не можетъ этого знать*. Подумайте, что это за жестокія сердца! Подставлять такую роковую западню невѣжественной, бѣдной дѣвушкѣ — и еще гордиться этимъ, потѣшаться!

Мы затаили дыханіе: эта минута была самою мучительной въ моей жизни; она показалась мнѣ цѣлымъ годомъ. Всѣми овладѣло волненіе—впрочемъ вообще довольно радостное. Жанна взглянула на эти алчныя лица своими невинными невозмутимо-ясными глазами и съ благороднымъ смиреніемъ дала тотъ безсмертный отвѣтъ, который смахнулъ, какъ паутинку, страшную западню.

— *Если я не пребываю въ состояніи благодати, то молю Бога удостоить меня ея; если же пребываю, то молю Бога сохранить ее за мной.*

О, никогда, никогда въ жизни вы не увидите ничего подобнаго тому впечатлѣнію, которое произвелъ этотъ отвѣтъ! На время воцарилась гробовая тишина. Люди съ нѣмымъ изумленіемъ переглядывались между собой; иные испугались и осѣняли себя крестнымъ знаменемъ. Я слышалъ, какъ Лефевръ пробормоталъ:

— Подсказать такой отвѣтъ—выше человѣческой премудрости. *Откуда же* у этого ребенка эти поразительныя наитія?

Бопэръ снова принялся за допросъ. Но надъ нимъ тяготѣло униженіе отъ проигранной битвы; онъ какъ бы блуждалъ усталымъ странникомъ. Его увлеченіе пропало.

Онъ задавалъ Жаннѣ тысячу вопросовъ объ ея дѣтствѣ, о дубовой рощѣ, о феяхъ, о дѣтскихъ играхъ, о хороводахъ подъ нашимъ милымъ *Arbre Feé de Bourlemont*. Это расшевелило старыя воспоминанія. Голосокъ Жанны оборвался; она немножко всплакнула. Однако она овладѣла собой, какъ могла, и отвѣчала на все.

Потомъ попъ снова коснулся вопроса объ ея одеждѣ,—предметъ, который никогда не упускался изъ виду въ этой травлѣ за жизнью невиннаго существа; онъ постоянно висѣлъ надъ ней угрозой самыхъ ужасныхъ опасностей.

— Хотѣлось бы тебѣ носить женское платье?

— О, да! Но только если-бъ я могла выйти изъ этой тюрьмы; здѣсь-же—нѣтъ.

ГЛАВА VIII.

Вѣдьма или праведница?

Новое засѣданіе суда происходило въ слѣдующій понедѣльникъ, 27-го. И повѣрите-ли? Епископъ, обходя условіе ограничить допросъ тѣмъ, что̀ значилось въ обвинительномъ актѣ, снова приказалъ Жаннѣ принести присягу безъ всякихъ оговорокъ. Но она возразила:

— Вы должны удовольствоваться тѣмъ, что̀ есть: я уже достаточно присягала.

Она твердо стояла на своемъ: Кошону пришлось уступить.

Возобновился допросъ о Голосахъ Жанны.

— Ты говорила, что съ третьяго раза, услышавъ ихъ, ты догадалась, что это были ангельскіе голоса. Какихъ же именно ангеловъ?

— Св. Екатерины и св. Маргариты.

— Какъ ты узнала, что то были именно эти двѣ святыя? И какъ ты могла отличить ихъ одну отъ другой?

— Я знаю, что это были онѣ, и я знаю, какъ различать ихъ.

— По какому признаку?

— По ихъ привѣтствіямъ мнѣ. Послѣднія семь лѣтъ я была подъ ихъ руководствомъ; и я знаю, что это—онѣ: онѣ сами сказали мнѣ это.

— Чей былъ тотъ Голосъ, который послышался первый, когда тебѣ было тринадцать лѣтъ?

— Это былъ Голосъ св. Михаила. Я видѣла его собственными глазами; и онъ былъ не одинъ, а въ сопровожденіи цѣлаго сонма ангеловъ.

— Видѣла-ли ты архангела и сопутствовавшихъ ему ангеловъ во плоти или духовно?

— Я видѣла ихъ моими плотскими очами,—совершенно такъ, какъ вижу васъ теперь. И когда они удалились, я заплакала, оттого что они не взяли меня съ собой.

Предо мной снова предстала та ослѣпительно-бѣлая тѣнь, которая спускалась надъ ней въ тотъ день, подъ *Arbre Feé de*

Bourlemont; и я опять содрогнулся, хотя это было ужъ такъ давно. Собственно съ тѣхъ поръ прошло не очень много лѣтъ; но все это кажется такъ давно... Вѣдь, за это время такъ много чего было.

— Въ какомъ образѣ, въ какомъ видѣ явился св. Михаилъ?

— У меня нѣтъ разрѣшенія сказать это.

— Что сказалъ тебѣ архангелъ при этомъ первомъ появленіи?

— На это не могу отвѣтить сегодня.

Какъ мнѣ кажется, она, вѣроятно, хотѣла спросить сначала разрѣшенія у своихъ Голосовъ.

Послѣ еще нѣсколькихъ вопросовъ объ откровеніяхъ, переданныхъ черезъ нее королю, она вдругъ стала жаловаться на безполезность всего этого и сказала:

— Повторю снова, какъ уже не разъ говорила вамъ, что я отвѣчала на всѣ эти вопросы раньше, передъ судомъ въ Пуатье. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы принесли отчетъ о томъ судѣ и прочли изъ него, что̀ нужно. Пожалуйста, пошлите за той книгой.

Отвѣта не послѣдовало. Это былъ такого рода предметъ, что его нужно было обходить и устранять. Книга, о которой шла рѣчь, была предусмотрительно сплавлена подальше: въ ней заключались вещи, которыя были бы здѣсь совершенно не кстати. Такъ, напримѣръ, тамъ было постановленіе, что посланничество Жанны отъ Бога, тогда какъ цѣлью настоящаго низшаго суда было именно доказать, что оно было отъ дьявола. Тамъ было также разрѣшеніе Жаннѣ носить мужскую одежду, между тѣмъ какъ настоящій судъ стремился создать изъ этого мужского одѣянія подавляющую улику противъ нея.

— Какъ ты отправилась во Францію,—по собственному желанію?

— Да, и по приказанію Божьему. Не будь на то Его воли, не пошла бы. Я согласилась бы скорѣй быть растерзанной лошадьми, чѣмъ идти безъ воли Божьей.

Бопэръ снова уцѣпился за мужское платье и сталъ торжественно допрашивать объ этомъ предметѣ. Терпѣніе Жанны лопнуло. Она прервала его словами:

— Это—ничтожная вещь, не имѣющая никакого значенія. И

если я надѣла мужскую одежду, то не по совѣту какого-либо человѣка, а по приказанію Божьему.

— Развѣ Робертъ де-Бодрикуръ не приказывалъ тебѣ носить его?

— Нѣтъ.

— Находишь-ли ты, что хорошо поступала, переодѣваясь мужчиной?

— Я нахожу хорошимъ все, что повелѣвалъ мнѣ сдѣлать Господь.

— Но именно въ данномъ случаѣ, находишь-ли ты, что поступила хорошо, надѣвая мужскую одежду?

— Я не дѣлала ничего иначе, какъ по повелѣнію Божьему.

Бопэръ всячески ухищрялся ввести Жанну въ противорѣчіе съ самой собой, а также доказать, что ея слова и поступки идутъ въ разрѣзъ съ св. Писаніемъ. Но онъ даромъ тратилъ время: удачи не было. Тогда онъ возвратился къ ея видѣніямъ, снова сталъ допытываться о сіяніи, которое ихъ окружало, объ ея сношеніяхъ съ королемъ и т. д.

— Находился-ли ангелъ надъ головой короля, когда ты впервые увидѣла его?

— О, ради св. Дѣвы!..

Однако она сдержала вспышку нетерпѣнія и спокойно закончила словами:

— Если-бы и былъ тамъ ангелъ, я не могла бы его видѣть.

— А былъ свѣтъ?

— Тамъ было болѣе трехсотъ солдатъ и пятьсотъ факеловъ, не считая духовнаго свѣта.

— Что заставило короля повѣрить въ откровенія, которыя ты принесла ему?

— Ему были знаменія, а также совѣтъ духовенства.

— Какія откровенія были сдѣланы королю?

— Вы не узнаете этого отъ меня въ нынѣшнемъ году.

Вдругъ она добавила:

— Три недѣли допрашивало меня духовенство въ Шинонѣ и Пуатье. Король имѣлъ знаменіе, прежде чѣмъ повѣрилъ, а духовенство нашло, что поступки мои были добрые, а не злые.

— Этотъ предметъ былъ на время оставленъ. Бопэръ взялся

за чудодѣйственный мечъ изъ Фьербуа, чтобы попытаться, нельзя-ли будетъ хоть этими путями возвести на Жанну обвиненіе въ колдовствѣ?

— Какъ ты узнала, что подъ алтаремъ храма св. Екатерины во Фьербуа зарытъ старинный мечъ?

Жаннѣ нечего было дѣлать тайны изъ этого.

— Я узнала отъ моихъ Голосовъ, что тамъ находится мечъ, и послала спросить, не отдадутъ-ли мнѣ его, чтобъ я носила его на войнѣ. Кажется, онъ былъ не особенно глубоко зарытъ въ землю. Причтъ церкви приказалъ отыскать его и вырыть. Они вычистили его, отполировали; ржавчина сошла съ него легко.

— Имѣла-ли ты при себѣ этотъ мечъ подъ Компьенемъ, когда васъ взяли въ плѣнъ?

— Нѣтъ. Но я постоянно носила его вплоть до того времени, когда покинула Сенъ-Дени, послѣ приступа подъ Парижемъ.

Этотъ мечъ, найденный при такихъ таинственныхъ обстоятельствахъ, такъ долго и неизмѣнно приносившій побѣду, находился подъ сильнымъ подозрѣніемъ въ томъ, что онъ заколдованъ.

— Былъ-ли этотъ мечъ освященъ, и какое благословеніе было призвано па него?

— Никакого. Я любила его, потому что онъ былъ найденъ въ церкви св. Екатерины: я очень любила этотъ храмъ.

Она любила этотъ храмъ потому, что онъ былъ воздвигнутъ въ честь одного изъ ея ангеловъ.

— Клала-ли ты его на алтарь съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы онъ приносилъ счастье (алтарь въ Сенъ-Дени)?

— Нѣтъ.

— Молилась-ли ты о томъ, чтобы онъ приносилъ тебѣ счастье?

— Право, не было ничего преступнаго въ желаніи, чтобы мои доспѣхи были счастливыми.

— И такъ, значитъ, не этотъ мечъ былъ при тебѣ на полѣ сраженія подъ Компьенемъ? Какой же другой?

— Мечъ бургундца Франкэ арасскаго, взятаго мною въ плѣнъ въ сраженіи подъ Ланьи. Я взяла его оттого, что это былъ хорошій боевой мечъ: имъ было ловко рубить и колоть.

Она сказала это совершенно просто. И разница между ея

изящной фигуркой и суровыми солдатскими выраженіями, такъ легко срывавшимися съ ея устъ, заставила многихъ улыбнуться.

— Что же сталось съ другимъ мечемъ? Гдѣ онъ теперь?

— Упоминается-ли объ этомъ въ *обвинительномъ актѣ*?

— Бопэръ не отвѣтилъ.

— Что ты больше любила,—свое знамя, или свой мечъ?

Глаза ея радостно заискрились при упоминаніи объ ея знамени, и она воскликнула:

— Я любила больше знамя, о, въ сорокъ разъ больше, чѣмъ мечъ! Иногда, идя на приступъ, я сама несла его, чтобы никого не убивать...

Тутъ она наивно добавила, опять съ той странной разницей между ея дѣвственной фигуркой и предметомъ рѣчи:

— Я никого не убила.

Это заставило многихъ улыбнуться. И не удивительно, если вы примете во вниманіе, какой казалась она милой наивной дѣвочкой. При взглядѣ на нее, едва-ли кто-нибудь даже заподозрилъ бы, что она когда-нибудь видѣла, какъ люди дерутся: до того она казалась мало пригодной для подобныхъ дѣлъ.

— При послѣдней осадѣ Орлеана, говорила-ли ты своимъ солдатамъ, что непріятельскія стрѣлы и камни изъ катапультъ и пушекъ не могутъ ранить никого, кромѣ тебя?

— Нѣтъ. И доказательствомъ этому служитъ уже одно то, что болѣе сотни моихъ солдатъ были ранены. Я говорила имъ только, чтобы они не боялись и не сомнѣвались, такъ какъ осада будетъ снята съ Орлеана. Я была ранена стрѣлой въ шею при осадѣ бастиліи, ограждавшей мостъ; но св. Екатерина подкрѣпила меня. Я оправилась черезъ двѣ недѣли, не отрываясь за все это время отъ моего дѣла и сохраняя силу держаться въ сѣдлѣ.

— Знала-ли ты, что будешь ранена?..

— Да, и я предупредила объ этомъ короля. Мнѣ сказали мои Голоса.

— Когда ты взяла Жаржо, почему не предложила коменданту выкупиться?

— Я предлагала пропустить его изъ крѣпости, со всѣмъ его гарнизономъ, и предупреждала, что, если онъ не согласится, то возьму ее приступомъ.

— Кажется, ты такъ и поступила?

— Да.

— Это твои Голоса посовѣтовали тебѣ взять ее приступомъ?

— Право, не помню.

Такъ закончилось это утомительно-длинное засѣданіе совсѣмъ безплодно. Прахомъ пошли всѣ эти уловки, чтобъ уличить Жанну въ грѣховныхъ помыслахъ или дѣяніяхъ, въ неповиновеніи церкви или въ порочности, когда она была еще ребенкомъ и жила дома и позднѣе. Она невредимо прошла чрезъ это испытаніе.

Ну, и судъ смутился? Нисколько. Правда, было не мало удивленія, недоумѣнія, когда убѣдились, что дѣло не такъ просто и легко, какъ казалось. Но у судей были такіе могущественные союзники, какъ голодъ, холодъ, усталость, гоненіе и предательство. А противъ всей этой оравы стояла одиноко беззащитная, несвѣдущая дѣвушка, которая должна же была когда-нибудь поддаться тѣлесному или духовному утомленію или попасть въ одну изъ тѣхъ безчисленныхъ ловушекъ, которыя разставлялись передъ ней.

И неужели судъ такъ ничего и не добился во всѣ эти, повидимому, безплодныя засѣданія? Нѣтъ. Онъ неотступно преслѣдовалъ свою цѣль. Онъ исподволь, то тамъ, то здѣсь, ощупывалъ почву и уже напалъ на одинъ-два неясныхъ слѣда, которые могли со временемъ обнаружиться лучше и привести къ чему-нибудь. Таковы были, напримѣръ, мужское платье, видѣнія и Голоса. Конечно, никто не сомнѣвался, что Жанна видѣла сверхъестественныя существа, бесѣдовала съ ними и получала отъ нихъ наставленія; и разумѣется, никто не сомнѣвался также, что только съ помощью сверхъестественныхъ силъ она могла совершить такія чудеса, какъ признаніе, въ толпѣ, короля, котораго никогда раньше не видала, или открытіе меча, зарытаго подъ алтаремъ. Было бы безуміемъ отрицать такія вещи: вѣдь, всѣ мы знаемъ, что воздухъ переполненъ ангелами и дьяволами, которые видимы, съ одной стороны, чернокнижникамъ, съ другой — безупречнымъ святымъ угодникамъ. Если многіе, и, быть можетъ, большинство сомнѣвались въ чемъ, такъ это—въ божественности видѣній, Голосовъ и чудесъ Жанны. И вотъ, судьи надѣялись, что со временемъ удастся доказать, что все это идетъ отъ Сатаны. А потому, какъ видите, не было празднымъ

времяпровожденіемъ это упорное стремленіе судей возвращаться ежеминутно къ этому предмету, топтаться вокругъ него, допытываться на всѣ лады: это прямо вело къ опредѣленной цѣли.

ГЛАВА IX.

Великое пророчество.—Предчувствіе смерти и рая.

Слѣдующее засѣданіе открылось въ четвергъ, 1-го марта. Собралось пятьдесятъ восемь судей. Остальные отдыхали.

По заведенному уже порядку, Жаннѣ было предложено принести присягу безъ всякихъ оговорокъ. Теперь она уже не проявляла раздраженія. Она чувствовала себя достаточно огражденной предѣлами обвинительнаго акта,—этой сдѣлки, которую Кошону такъ хотѣлось бы устранить, смазать. Жанна внятно и твердо отказалась и добавила тономъ простодушной искренности:

— А что касается всего, что̀ значится въ *обвинительномъ актѣ*, то я охотно готова говорить полную правду, — да, также искренно и правдиво, какъ если-бы я была передъ папой.

Вотъ новый поводъ къ придиркамъ! Въ то время у насъ было два или три папы. Само собой разумѣется, только одинъ могъ быть истиннымъ папой. Конечно, всякій благоразумно заминалъ вопросъ, *кто* истинный папа. Всякій избѣгалъ затрагивать его, такъ какъ углубляться тутъ въ подробности было явно небезопасно. И вотъ, представился удобный случай вовлечь неопытную дѣвушку въ опасность: безсовѣстный судья не замедлилъ воспользоваться имъ. Онъ спросилъ, съ напускной небрежностью и равнодушнымъ тономъ:

— Котораго же вы считаете истиннымъ папой?

Все собраніе насторожилось, въ ожиданіи услышать отвѣтъ и увидѣть, какъ жертва попадетъ въ ловушку. Но когда послѣдовалъ отвѣтъ, самъ судья оказался посрамленнымъ; можно было замѣтить, какъ многіе втихомолку захихикали. Дѣло въ томъ, что Жанна спросила такимъ тономъ и съ такимъ выраженіемъ, что даже я обманулся,—до того это вышло просто, сердечно:

— А развѣ ихъ два?

Одинъ изъ самыхъ даровитыхъ поповъ во всемъ составѣ суда и въ

то-же время одинъ изъ самыхъ отъявленныхъ сквернослововъ, воскликнулъ настолько громко, что пол-собранія могло его слышать:

— Клянусь Богомъ, это—мастерской ударъ!

Какъ только судья оправился немножко отъ смущенія, онъ продолжалъ допросъ, впрочемъ предусмотрительно оставивъ вопросъ Жанны безъ отвѣта.

— Правда-ли, что ты получила письмо отъ графа Арманьяка, который спрашивалъ тебя, которому изъ трехъ папъ онъ долженъ повиноваться?

— Да. И я отвѣтила на него.

Списки съ обоихъ писемъ были представлены и прочитаны. При этомъ Жанна замѣтила, что списокъ съ ея письма былъ несовсѣмъ точенъ. По ея словамъ, она получила письмо графа въ то время, когда садилась на лошадь. Она прибавила:

— Вотъ почему, диктуя нѣсколько словъ въ отвѣтъ, я высказала, что постараюсь отвѣтить ему подробнѣе изъ Парижа или изъ другого мѣста, когда буду посвободнѣе.

Ее снова спросили, котораго же изъ папъ она считаетъ настоящимъ?

— Я не могла указать графу Арманьяку, которому изъ папъ онъ долженъ повиноваться.

Потомъ она прибавила, съ той смѣлой прямотой, которая прозвучала такъ свѣжо и очаровательно въ этомъ вертепѣ безшабашныхъ лукавцевъ:

— Что же касается меня, то, по-мнѣ, мы обязаны повиноваться нашему владыкѣ—папѣ, который находится въ Римѣ.

Вопросъ былъ исчерпанъ. Тогда извлекли и прочли списокъ съ первой продиктованной бумаги Жанны, — съ ея воззванія къ англичанамъ, гдѣ предлагалось имъ снять осаду съ Орлеана и покинуть Францію. Поистинѣ великое, прекрасное произведеніе для неопытной семнадцатилѣтней дѣвушки!

— Признаешь-ли ты, что сейчасъ прочитанная бумага составлена тобой?

— Да, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ ошибокъ, какъ, напримѣръ, тѣхъ фразъ, гдѣ я будто-бы придавала себѣ слишкомъ много значенія.

Я предвидѣлъ, что̀ послѣдуетъ дальше, и заранѣе волновался отъ стыда.

— Напримѣръ, я не говорила: «Отдайте Дѣвѣ» (rendez à la Pucelle). Я сказала: «Отдайте королю» (rendez au Roi). Я также не называла себя «Главнокомандующій» (chef de guerre). Всѣ эти слова прибавлены моимъ писцомъ; вѣроятно, онъ ослышался или забылъ то̀, что я ему сказала.

Говоря это, она не взглянула на меня: она щадила меня, избавляя отъ смущенія. Я вовсе не ослышался и не забывалъ ея словъ. Я умышленно измѣнилъ ея языкъ: вѣдь, она дѣйствительно *была* главнокомандующимъ и уполномочена такъ называться. Это было вполнѣ умѣстно и прилично. Въ самомъ дѣлѣ, кто сталъ бы сдавать что-нибудь королю, который былъ тогда... бревномъ, пустой цифрой? Если тогда сдавались, то благородной Дѣвѣ изъ Вокулёра, уже извѣстной и грозной, хотя она не нанесла еще ни одного удара.

О, здѣсь могъ бы произойти чудесный, но непріятный случай (со мной)! Что если-бъ этотъ безжалостный судъ узналъ, что писуля, нацарапавшій эту бумажку, писецъ Жанны д'Аркъ, лично присутствуетъ на судѣ, и не только присутствуетъ, но еще помогаетъ въ составленіи отчета, и въ отдаленномъ будущемъ ему суждено свидѣтельствовать противъ лжи и гнусностей, внесенныхъ въ это дѣло Кошономъ и выдать ихъ всѣхъ на вѣчное посрамленіе!

— Признаешься-ли въ томъ, что ты сама составляла это воззваніе?

— Да, признаюсь.

— Не разскаиваешься-ли ты въ этомъ? Не отказываешься-ли отъ него?

О, это возмутило Жанну!

— Нѣтъ, не отказываюсь, какъ не отказываюсь отъ этихъ цѣпей (и она тряхнула ими); даже эти цѣпи не могутъ охладить надеждъ, которыя я тамъ высказала. Мало того...

Она поднялась и съ минуту стояла съ лицомъ, озареннымъ страннымъ, божественнымъ вдохновеніемъ. Потомъ слова потокомъ полились изъ ея устъ:

— Теперь предупреждаю васъ: не пройдетъ и семи лѣтъ, какъ англичанъ постигнетъ бѣдствіе, въ нѣсколько разъ болѣе ужасное, чѣмъ паденіе Орлеана!

— Молчать! Садись!

— .... и вслѣдъ затѣмъ они потеряютъ всю Францію.

Теперь представьте себѣ тогдашнее положеніе вещей. Французкихъ войскъ уже не существовало; дѣло Франціи стало; французскій король бездѣйствовалъ. Не было еще ни малѣйшаго намека на то, что скоро выступитъ коннетабль Ришмонъ, который возьмется за великое дѣло Жанны и окончитъ его. А Жанна предсказала все это, предсказала съ полной увѣренностью. *И все это сбылось.*

Да, черезъ пять лѣтъ, въ 1436 году, Парижъ палъ; и нашъ король, съ развѣвающимися побѣдными знаменами, вступилъ въ него. Такъ первая половина предсказанія сбылась. Въ сущности сбылось и все: вѣдь, разъ Парижъ былъ въ нашихъ рукахъ,—все остальное было обезпечено за нами.

Двадцать лѣтъ спустя, вся Франція была уже наша, за исключеніемъ одного только города—Калэ.

Это должно напомнить вамъ другое, болѣе раннее предсказаніе. Когда Жанна хотѣла взять Парижъ, что̀ легко было сдѣлать, если-бы только король согласился, она говорила, что то было золотое время, что стоило намъ овладѣть Парижемъ—и черезъ полгода вся Франція наша. Но прибавила: «Если же это золотое время будетъ потеряно, если благопріятная минута будетъ упущена, то *даю вамъ двадцать лѣтъ, чтобы сдѣлать это*».

Она была права. Послѣ паденія Парижа, въ 1436 году, остальную задачу приходилось выполнять постепенно: потребовалось брать городъ за городомъ, замокъ за замкомъ. И пошло двадцать лѣтъ на окончаніе дѣла.

И такъ, въ первый день марта мѣсяца 1436 года стояла Жанна на судѣ и передъ всѣми произносила такое странное, невѣроятное предсказаніе. Время отъ времени въ этомъ мірѣ предсказанія сбываются; но присмотритесь къ нимъ внимательнѣе—и вы убѣдитесь, что тутъ всегда имѣется достаточно поводовъ къ подозрѣнію, что предсказаніе было сдѣлано уже послѣ совершившагося событія. Но здѣсь было не такъ: предсказаніе Жанны на судѣ было занесено въ правительственный отчетъ въ ту секунду, въ тотъ часъ, когда оно было произнесено, за нѣсколько лѣтъ до осуществленія: въ этомъ отчетѣ вы и теперь можете прочесть его. Спустя двадцать пять

лѣтъ послѣ смерти Жанны, на великомъ Судѣ Возстановленія, отчетъ этотъ былъ пересмотрѣнъ и провѣренъ подъ присягой Маншона, меня и еще нѣсколькихъ судей изъ того судилища, оставшихся въ живыхъ и подтвердившихъ точность этой бумаги въ своихъ показаніяхъ.

Поразительное заявленіе Жанны въ то знаменательное засѣданіе 1-го марта вызвало сильное смятеніе; и прошло не мало времени, пока спокойствіе снова возстановилось. Конечно, всѣ были смущены: вѣдь, всякое предсказаніе, исходитъ-ли оно съ небесъ или изъ преисподней, кажется грозной и страшной вещью. Въ одномъ только всѣ почувствовали теперь твердую увѣренность, а именно, что пророчество опиралось на подлинное и могучее наитіе. И всякій готовъ былъ отдать свою правую руку на отсѣченіе, чтобы только узнать источникъ этого наитія.

Наконецъ, допросъ возобновился.

— Почему ты знаешь, что все это должно случиться?

— Я знаю это по откровенію; и я также увѣрена въ этомъ, какъ и въ томъ, что вы сидите здѣсь передо мной.

Подобный отвѣтъ былъ не изъ тѣхъ, которые способны разсѣять овладѣвшее всѣми безпокойство. Оттого-то, послѣ еще кое-какихъ вопросовъ, судья оставилъ этотъ предметъ и перешелъ къ другому, болѣе для него удобному.

— На какомъ языкѣ говорятъ твои Голоса?

— На французскомъ.

— И Св. Маргарита также?

— Конечно. Почему же нѣтъ? Вѣдь, она на нашей сторонѣ, а не на сторонѣ англичанъ!

Святые и ангелы, которые отказываются говорить по-англійски! Жестокая обида! Конечно, ихъ нельзя было привлечь къ суду и наказать за дерзость; но судъ молча приметъ къ свѣдѣнію это замѣчаніе Жанны и потомъ припомнитъ его и воспользуется имъ, какъ оружіемъ противъ нея. Такъ и вышло потомъ: это пригодилось.

— Носили-ли твои святые и ангелы драгоцѣнныя украшенія— вѣнцы, перстни, серьги?

Для Жанны подобные вопросы были пошлой суетностью, недостойной серьезнаго вниманія: она совершенно равнодушно отвѣчала

на нихъ, но вопросъ навелъ ее на мысль о другомъ. Она сказала, обращаясь къ Кошону:

— У меня было два кольца. Они были сняты съ меня во время моего плѣненія. Одно изъ нихъ находится у васъ: это—подарокъ моего брата. Отдайте мнѣ его. Если не хотите отдать мнѣ, то пожертвуйте въ церковь.

Судьи вообразили, что это заколдованныя кольца: такъ не воспользоваться-ли ими, чтобы нанести Жаннѣ какой-нибудь вредъ?

— А гдѣ другое кольцо?

— Его взяли бургундцы.

— Какъ ты его пріобрѣла?

— Мнѣ подарили его отецъ съ матерью.

— Опиши, какое оно на видъ?

— Оно простое, гладкое. На немъ вырѣзано: *Іисусъ и Марія.*

Всякій легко могъ понять, что это совсѣмъ не подходящій предметъ для дьявольскихъ чаръ. Поэтому не стоило идти дальше по этому слѣду. Однако, чтобы окончательно удостовѣриться, одинъ изъ судей спросилъ Жанну: не исцѣляла-ли она больныхъ прикосновеніемъ своего кольца? Жанна отвѣтила отрицательно.

— Теперь относительно фей, которыя обитали по близости отъ Домреми, какъ о томъ гласятъ многочисленныя заявленія и преданія. Говорятъ, будто твоя бабушка видѣла, въ одну лѣтнюю ночь, какъ эти существа плясали подъ деревомъ, называемымъ *L'Arbre Fée de Bourlemont*. Быть можетъ, воображаемые вами святые и ангелы просто тѣ феи?

— Значится-ли это въ вашемъ обвинительномъ актѣ?

Она не дала другого отвѣта.

— Не бесѣдовали-ли съ тобой св. Маргарита и св. Екатерина подъ этимъ деревомъ?

— Не знаю.

— Или около фонтана, близъ дерева?

— Да, иногда.

— Какія обѣщанія онѣ давали тебѣ?

— Никакихъ, за исключеніемъ того, на что Господь ихъ уполномочилъ.

— Но какія же обѣщанія онѣ *сдѣлали?*

— Этого нѣтъ въ обвинительномъ актѣ. Впрочемъ, я отвѣчу вамъ только одно: онѣ сказали мнѣ, что король сдѣлается властителемъ своего королевства, не взирая на козни враговъ.

— А еще что?

Наступила пауза. Затѣмъ Жанна промолвила смиренно:

— Онѣ обѣщали ввести меня въ рай.

Если лицо взаправду выдаетъ то, что̀ происходитъ въ душѣ человѣка, то теперь можно было видѣть, какъ многими овладѣлъ страхъ. Какъ знать? Быть можетъ, въ концѣ концовъ, это—дѣйствительно избранная служительница и вѣстница Божья, смерти которой такъ здѣсь добиваются! Любопытство усилилось. Движенія и шопотъ прекратились. Тишина становилась почти невыносимой.

Замѣтили-ли вы, что почти съ самаго начала дѣла вопросы, задаваемые Жаннѣ, доказывали, что пытальщикъ очень часто такъ или иначе уже зналъ заранѣе то, о чемъ спрашивалъ? Замѣтили-ли вы также, что пытальщики обыкновенно знали, какъ и гдѣ доискиваться тайнъ Жанны, т. е. что имъ уже была извѣстна сущность всего завѣтнаго у ней,— обстоятельство, котораго она вовсе не замѣчала? А, вѣдь, это значило, что у нихъ была одна только цѣль—заставить ее самое выдать эти тайны!

Вспомните лицемѣра Люазелёра, этого вѣроломнаго попа, это орудіе Кошона. Припомните, какъ на духу, подъ священной печатью тайны исповѣди, Жанна сама, свободно и довѣрчиво, открыла ему все, касающееся ея исторіи, за исключеніемъ кое-чего о божественныхъ откровеніяхъ, о которыхъ Голоса запретили ей разсказывать кому-бы то нибыло; а нечестивый судья, Кошонъ, спрятавшись, подслушивалъ все время (60).

Теперь вы понимаете, какъ инквизиторы могли выковать эту длинную цѣпь тонкихъ, хитрыхъ, остроумныхъ, проницательныхъ вопросовъ, которые показались бы изумительными, если-бъ мы не догадались объ ихъ источникѣ, не знали продѣлки Люазелёра. Ахъ, епископъ Бовэскій, ты уже много лѣтъ оплакиваешь въ аду эту жестокую несправедливость! Да, конечно, если только кто-нибудь не пришелъ къ тебѣ на помощь. Есть одна только спасенная душа, которая сдѣлала бы это. И нельзя сомнѣваться, что Жанна д'Аркъ уже сдѣлала это...

Возвратимся къ суду и допросу.

— Дали-ли онѣ тебѣ еще какое-нибудь обѣщаніе?

— Да; но его нѣтъ въ вашемъ дѣлѣ. Я не скажу про него теперь. Я скажу не ранѣе, какъ черезъ три мѣсяца.

Судья, повидимому, зналъ, о чемъ спрашивалъ. Это можно было замѣтить изъ дальнѣйшаго вопроса.

— Твои Голоса говорили-ли тебѣ, что ты будешь освобождена черезъ три мѣсяца?

Жанна уже не разъ удивлялась догадливости судей; и теперь она была удивлена. Я часто приходилъ въ ужасъ, замѣчая, что мой умъ (вѣдь, *я*-то не могу надзирать за нимъ!) относится къ Голосамъ недовѣрчиво и говоритъ: «Голоса совѣтуютъ ей отвѣчать смѣло: она впрочемъ сдѣлала бы это и безъ всякаго совѣта *ихняго* или какого другого. Но когда нужно сказать ей что-либо полезное— напримѣръ, какъ эти заговорщики залѣзали ей въ душу,—она всегда была занята чѣмъ-то другимъ». Я очень вѣрующій человѣкъ по природѣ; и всякій разъ, какъ подобная мысль мелькала въ моемъ умѣ, я холодѣлъ отъ страха и, словно въ грозу, я чувствовалъ себя до того больнымъ, что едва могъ держаться на своемъ посту и дѣлать свое дѣло.

Жанна отвѣчала:

— Этого нѣтъ въ вашемъ *дѣлѣ*. Не знаю, когда я буду освобождена; но знаю, что тотъ, кто желаетъ моей смерти, умретъ раньше меня.

Эти слова заставили задрожать нѣкоторыхъ изъ нихъ.

— Говорили-ли тебѣ Голоса, что ты освободишься изъ этой тюрьмы?

Несомнѣнно говорили: и судья зналъ это, прежде чѣмъ спросить.

— Спросите меня снова черезъ три мѣсяца—и я отвѣчу вамъ.

Она сказала это, взглянувъ такъ счастливо... Она, измученная узница! А я, а Ноэль Рэнгессонъ повѣсили носы! Ну, теперь словно волна радости подступила и къ нашимъ сердцамъ! Мы едва сдержали себя, чтобы не обнаружить роковымъ образомъ нашихъ чувствъ.

Она будетъ свободна черезъ три мѣсяца! Она именно это и думала: мы видѣли это. Голоса сказали ей это, и сказали правду,

сказали, даже котораго дня,—30-го мая. Но мы знаемъ теперь, что они милосердно скрыли отъ нея, *какъ* она будетъ освобождена. Она снова будетъ дома! То было наше мнѣніе—мое и Ноэля. То была наша мечта: и мы готовы были считать дни, часы, минуты. Они будутъ летѣть быстро; они скоро пройдутъ. Да, мы привеземъ обратно домой нашъ кумиръ. И тамъ, вдали отъ пышности и шума свѣта, мы снова будемъ жить той счастливой жизнью, которая улыбалась намъ вначалѣ,—жить на вольномъ воздухѣ, среди сіянія солнца, среди дорогихъ стадъ и дорогихъ друзей-товарищей,—жить среди красотъ и очарованій луговъ и лѣсовъ, съ рѣкой на нашихъ глазахъ, и чуять всегда въ сердцѣ глубокій покой природы. Да, то была наша мечта, поддерживавшая насъ потомъ, втеченіе трехъ мѣсяцевъ, вплоть до ужаснаго конца, который навѣрное убилъ бы насъ, если-бъ мы могли только его предвидѣть: съ такимъ бременемъ въ сердцахъ мы не прожили бы и половины этихъ тяжкихъ дней.

Мы поняли ея предсказаніе такъ: мы надѣялись, что сердце короля преисполнится раскаянія, и онъ тайкомъ замыслитъ спасти ее съ помощью ея прежнихъ сподвижниковъ — Алансонна, Побочнаго и Ля-Гира; и это произойдетъ черезъ три мѣсяца. Мы рѣшились во всякомъ случаѣ быть готовыми, чтобы принять участіе въ этомъ.

Въ настоящее и въ слѣдующее засѣданіе Жанну понуждали точно назначить день своего освобожденія. Но она не могла этого сдѣлать. У нея не было разрѣшенія на то ея Голосовъ. Да и сами Голоса не назначали ей дня. Даже послѣ исполненія ея предсказанія, я подозрѣвалъ, что Жанна думала, будто ея освобожденіе явится въ видѣ смерти, но не *такой* смерти! Хотя въ ней и было много божественнаго и была она неустрашима въ бою, тѣмъ не менѣе она была человѣкомъ. Она была не только святою, не только ангеломъ, но также дѣвушкой, самой обыкновенной дѣвушкой въ мірѣ, полной дѣвичьей чувствительности, нѣжности, хрупкости. И *такая* смерть! Нѣтъ! Она не могла бы жить цѣлыхъ три мѣсяца съ подобною мыслью. Вы помните, какъ въ первый разъ, когда она была ранена, она испугалась, закричала такъ же, какъ сдѣлала бы на ея мѣстѣ всякая другая дѣвушка семнадцати лѣтъ, хотя она

знала за восемнадцать дней ранѣе, что будетъ ранена именно въ этотъ день. Нѣтъ! Она не боялась обыкновенной смерти. Я думаю, что обыкновенную смерть она и считала именно избавленіемъ: ея лицо, когда она это сказала, выражало не страхъ, а радость.

Теперь объясню, почему я такъ думаю. За пять недѣль до того, какъ она была взята въ плѣнъ въ битвѣ при Компьенѣ, ея Голоса сказали ей все, чтò произойдетъ. Они не обозначили ей точно ни дня, ни мѣста, но только сказали, что ее схватятъ, и это будетъ до праздника св. Іоанна. Она просила этой смерти, неминуемой и быстрой, лишь бы только ея заточеніе продолжалось не долго. У нея былъ свободный духъ, и она боялась тюрьмы. Голоса ей не обѣщали, а только совѣтовали переносить все, чтò бы ни случилось. Такъ какъ Голоса не *отказали* ей прямо въ быстрой смерти, то весьма возможно, что такая юная, полная надеждъ дѣвушка, какъ Жанна, могла въ глубинѣ души лелѣять эту мысль, могла допустить ее овладѣть ея душой.

И вотъ теперь, когда она сказала, что будетъ «освобождена» черезъ три мѣсяца, мнѣ кажется, она думала, что умретъ въ своей постели въ тюрьмѣ: оттого-то она казалась счастливой, довольной, когда говорила это. Видите, врата рая были открыты предъ нею: скоро, думала она, всѣ ея горести пройдутъ; награда подъ рукой. Да! Это именно и вдохнуло въ нее чувство радости, эта мысль дала ей силы быть терпѣливой и смѣлой, вести, какъ воинъ, свою борьбу до конца. Да, спасти себя, если возможно, стараться объ этомъ всѣми силами; но если надо умереть, то умирать спокойно, глядя прямо въ лицо смерти. Вы замѣчаете, что впослѣдствіи, когда она обвиняла Кошона въ томъ, что онъ пытался отравить ее рыбой, мысль объ ея «избавленіи» посредствомъ смерти должна была еще болѣе въ ней окрѣпнуть,—если только эта мысль была, какъ я думаю.

Но я удаляюсь отъ суда. Итакъ, Жанну просили обозначить точно время, когда она освободится изъ тюрьмы. Она отвѣчала:

— Повторяю, мнѣ не разрѣшено сказать вамъ еще что-нибудь. Я буду освобождена и хочу спросить разрѣшенія у моихъ Голосовъ обозначить вамъ точно день. Вотъ почему я желаю отсрочки.

— Голоса запрещаютъ тебѣ сказать правду!

— Хотите-ли узнать что-либо насчетъ короля Франціи? Повторяю, онъ вновь пріобрѣтетъ свое царство; и я знаю это также вѣрно, какъ вѣрно то, что вы сидите здѣсь предо мною на судѣ.

Она вздохнула и чрезъ минуту прибавила:

— Пусть я умру за это откровеніе, но мнѣ всегда пріятно такъ говорить!

Нѣсколько пошлыхъ вопросовъ было затѣмъ предложено ей относительно внѣшности и платья св. Михаила. Она отвѣчала съ достоинствомъ, но видно было, что ей это тяжело. Вслѣдъ затѣмъ она сказала:

— Мнѣ очень пріятно видѣть его: когда я его вижу, чувствую, что я освобождаюсь отъ смертнаго грѣха... Иногда св. Маргарита и св. Катерина позволяли мнѣ исповѣдываться предъ ними.

Здѣсь была возможность подставить западню ея невинности.

— Когда ты исповѣдывалась имъ, чувствовала-ли ты себя въ смертномъ грѣхѣ?

Но ея отвѣтъ не причинилъ ей вреда.

Затѣмъ допросъ снова перешелъ на откровенія, сдѣланныя ею королю—тайна, которую судьи всячески старались исторгнуть изъ нея, но безуспѣшно.

— Теперь скажи, что̀ это за знаменіе, данное тобой королю?

— Я уже сказала, что ничего не скажу объ этомъ.

— Понимаешь-ли ты, что̀ это за знаменіе?

— Ничего вы отъ меня не узнаете объ этомъ.

Все это относилось къ тайному свиданію Жанны съ королемъ, на которомъ присутствовало два или три постороннихъ лица. Стало извѣстно—конечно чрезъ Люазелёра—что знаменіемъ этимъ была корона, и она-то свидѣтельствовала объ истинномъ призваніи Жанны. Но все это (то-есть, какая именно корона) покрыто тайной до сего дня и останется ею до скончанія вѣковъ. Мы никакъ не можемъ узнать, была-ли то настоящая корона, снизошедшая на голову короля, или только знакъ, одно таинственное видѣніе.

— Видѣла-ли ты корону на головѣ короля, когда дѣлалось откровеніе?

— Ничего не могу сказать вамъ на этотъ счетъ: это было бы клятвопреступленіемъ.

— Эта-ли самая корона была у короля въ Реймсѣ?

— Мнѣ кажется, король возложилъ себѣ на голову корону, которую нашелъ тамъ; но болѣе роскошная корона была принесена ему потомъ.

— Видѣла ты ее?

— Не могу сказать, не впавши въ клятвопреступленіе. Но видѣла-ли я ее, или нѣтъ, это безразлично. Я слышала, что эта корона была богата и великолѣпна.

Они продолжали допросъ все о томъ же и въ конецъ измучили ее съ этой таинственной короной, но ничего не добились отъ нея. Засѣданіе кончилось. То былъ длинный, тяжелый день для насъ всѣхъ.

ГЛАВА X.

Опять мужское платье и чудеса.

Послѣ перерыва въ одинъ день, судъ снова собрался въ субботу, третьяго марта.

То было одно изъ самыхъ бурныхъ засѣданій. Всѣ судьи теряли терпѣніе, и не даромъ. Всѣ эти трижды отборные церковники, эти знаменитые искусники, старые гладіаторы закона покинули свои высокіе посты, гдѣ ихъ присутствіе было необходимо, для того, чтобъ пріѣхать сюда изъ разныхъ концовъ страны и совершить самое простое и легкое дѣло—а именно осудить на смерть деревенскую дѣвушку девятнадцати лѣтъ, не умѣвшую ни читать, ни писать, не знавшую никакихъ хитросплетеній судебнаго дѣла, не представившую въ свое оправданіе ни одного свидѣтеля и лишенную защитника или даже совѣтника предъ лицомъ враждебнаго судьи и подобранныхъ присяжныхъ. Достаточно было двухъ часовъ, чтобъ она была безнадежно опутана, связана, разбита, изобличена. Но оказалось вовсе не то. Два часа превратились уже въ цѣлые дни. Предполагаемая стычка оказалась осадой. То, что на первый взглядъ было такъ легко, вышло удивительно трудно. Жертва, которую, казалось, можно было сдунуть, какъ легкое перышко, оставалась тверда, какъ ска-

ла. Въ концѣ концовъ, если кто и могъ смѣяться, такъ это деревенская дѣвушка надъ судьями, а не судьи надъ нею.

Она не дѣлала этого: это было не въ ея духѣ. Но другіе смѣялись за нее. Весь городъ смѣялся въ кулакъ: и судьи знали это, и ихъ самолюбіе жестоко страдало отъ этого. Они не могли скрыть своей досады.

И такъ, сказалъ я, засѣданіе было бурно. Легко можно было видѣть, что на этотъ разъ эти люди рѣшились во что бы то ни стало исторгнуть изъ Жанны что-нибудь, чтò сократило бы дѣло и привело бы къ быстрому концу. Это показываетъ, что, несмотря на всю ихъ возню съ ней, они еще не знали ея. Они вступили въ борьбу рьяно. Они не оставили допроса въ рукахъ одного: всѣ старались помогать другъ другу. Они со всѣхъ концовъ забрасывали Жанну вопросами; и временами такъ много народа говорило заразъ, что она вынуждена была просить ихъ стрѣлять поодиночкѣ, а не цѣлымъ взводомъ.

И на этотъ разъ начало было, какъ обыкновенно:

— Отъ тебя снова требуютъ принести присягу, чистую и простую.

— Я отвѣчу на все, чтò находится въ моемъ *procès verbal* (обвинительный актъ). Если же я скажу еще что-либо, то только тогда, когда сочту это нужнымъ.

Снова началась битва на старомъ полѣ. Судьи наступали шагъ за шагомъ съ большимъ ожесточеніемъ и угрозами. Но Жанна крѣпко держалась своего; и вопросы должны были измѣнить свое направленіе. Полчаса ушло на выясненіе внѣшности видѣній Жанны—ихъ платья, волосъ, общаго вида и т. д.: все это въ надеждѣ выудить что-нибудь вредное для нея изъ ея отвѣтовъ. Но и это оказалось безуспѣшнымъ.

Наконецъ, само собой разумѣется, перешли къ вопросу о ея мужскомъ одѣяніи. Послѣ многихъ избитыхъ вопросовъ, явилось, наконецъ, два-три новыхъ.

— Король или королева не просили-ли тебя когда-нибудь снять мужское платье?

— Этого нѣтъ въ вашемъ дѣлѣ.

— Считаешь-ли ты грѣхомъ носить платье, приличествующее твоемъ полу?

— Я считала нужнымъ наилучшимъ образомъ служить и повиноваться моему Верховному Господину и Повелителю.

Спустя нѣкоторое время, былъ возбужденъ вопросъ о штандартѣ Жанны, въ надеждѣ найти тутъ какое-либо колдовство.

— Твои воины не срисовывали-ли твоего штандарта на своихъ значкахъ?

— Копейщики моей стражи дѣлали это, чтобъ отличаться отъ остальнаго войска. Это была ихъ собственная затѣя.

— Ихъ часто возобновляли?

— Да, каждый разъ, когда копья ломались.

Направленіе допроса обнаружилось само собой въ слѣдующемъ:

— Не говорила-ли ты своимъ людямъ, что значки съ изображеніемъ твоего штандарта принесутъ имъ счастье?

Духъ воина былъ оскорбленъ въ Жаннѣ такимъ ребяческимъ предположеніемъ. Она выпрямилась и сказала съ жаромъ и достоинствомъ:

— Я говорила имъ только одно: «Валите этихъ англичанъ!» И я сама это дѣлала.

Отъ такихъ презрительныхъ словъ ярость всегда нападала на французскихъ прислужниковъ въ англійской ливреѣ. Такъ было и теперь. Десять, двадцать, пожалуй, даже тридцать изъ нихъ сразу вскочили на ноги, крича и негодуя на обвиняемую; но Жанна осталась спокойной.

Мало-по-малу водворился порядокъ и допросъ продолжался.

Теперь рѣчь шла о тысячѣ почестей, которыхъ удостоивалась Жанна, когда подымала Францію изъ грязи и позора вѣковаго рабства и пытокъ.

— Не заказывала-ли ты рисовать портретовъ и рисунковъ съ себя самой?

— Нѣтъ. Въ Аррасѣ я видѣла картину, на которой изображена была я, съ письмомъ въ рукѣ, на колѣнахъ предъ королемъ. Но я не заказывала ничего такого.

— Служились-ли обѣдни и молебны въ честь тебѣ?

— Если это бывало, то не по моему приказанію. Но если и молились за меня, то, думаю, въ этомъ нѣтъ ничего дурного!

— Вѣрилъ-ли французскій народъ, что ты послана Богомъ?

— Этого не знаю. Но вѣрилъ-ли онъ или не вѣрилъ, я все-таки не переставала быть посланницей Бога!

— Ну, если-бы онъ вѣрилъ въ это, какъ ты думаешь, было бы это хорошо?

— Если-бъ онъ вѣрилъ, его вѣрой не злоупотребили бы.

— По какому побужденію, скажи-ка, народъ цѣловалъ твои руки, ноги и одежду?

— Народъ былъ радъ видѣть меня: потому онъ и дѣлалъ это. И я не могла запретить ему, еслибы даже хотѣла. Эти бѣдные люди шли ко мнѣ, потому что я не сдѣлала имъ никакого зла, а напротивъ, сдѣлала для нихъ все, чтò было въ моихъ силахъ.

Видите, какія скромныя словца употребляла она, описывая это трогательное зрѣлище—ея путешествіе по Франціи, въ сопровожденіи обожающаго ее народа, стоявшаго стѣной на ея дорогѣ. «Они рады были видѣть меня!» Рады? Они были внѣ себя отъ восторга. Когда они не могли поцѣловать ея рукъ или ногъ, они падали на колѣна въ грязь и лобызали слѣды отъ копытъ ея коня. Они обоготворяли ее. И это-то старались исторгнуть изъ нея эти попы. Они и не думали о томъ, что ее нельзя было обвинять за то, чтò дѣлали другіе. Довольно было для нихъ и того, что ее боготворили: она была уже виновна за это въ смертномъ грѣхѣ. Признаться, странныя разсужденія!

— Не была-ли ты крестной матерью нѣсколькимъ дѣтямъ, крещеннымъ въ Реймсѣ?

— Это было въ Труа и въ Сенъ-Дени. И я называла мальчиковъ Карлами, въ честь короля, а дѣвочекъ—Жаннами.

— Не прикасались-ли женщины своими кольцами къ твоимъ?

— Да, многія это дѣлали, но я не знаю зачѣмъ?

— Въ Реймсѣ вносили-ли твой штандартъ въ церковь? Стояла-ли ты, съ нимъ въ рукѣ, въ алтарѣ, во время коронаціи?

— Да.

— Проходя по странѣ, исповѣдывалась-ли ты въ церквахъ и пріобщалась-ли святыхъ тайнъ?

— Да.

— Въ мужскомъ платьѣ?

— Да. Но я не припомню, чтобы я была при оружіи.

Это была почти уступка! Тутъ былъ уже полу-отказъ отъ даннаго ей церковью въ Пуатье разрѣшенія одѣваться въ мужское платье. Коварный судъ перешелъ къ другому вопросу: настаивать теперь же на этомъ—значило обратить вниманіе Жанны на ея маленькую ошибку; а съ ея проворствомъ она могла возвратить потерянную почву. Бурное же засѣданіе истомляло ее, оцѣпеняло ея бодрость.

— Говорятъ, ты возвратила къ жизни мертвое дитя въ церкви Ланьи? Было-ли это отвѣтомъ на твои молитвы?

— Ничего не знаю объ этомъ. Другія молодыя дѣвушки молились за жизнь ребенка; я присоединила свои молитвы къ ихнимъ: я дѣлала не болѣе, чѣмъ другія.

— Продолжай!

— Пока мы молились, дитя ожило, закричало. Оно было мертво три дня и было черно, какъ мой камзолъ. Его наскоро окрестили, и тогда ребенокъ снова перешелъ изъ жизни къ смерти, и его похоронили на священной землѣ.

— Почему ты прыгнула съ башни Боревуаръ ночью и пыталась бѣжать?

— Я хотѣла идти на помощь въ Компьень.

Судьямъ хотѣлось, чтобъ это было безбожной попыткой на самоубійство со стороны Жанны для того, чтобъ только не попасть въ руки англичанамъ.

— Не говорила-ли ты, что предпочитаешь умереть, нежели быть во власти англичанъ?

Жанна отвѣтила откровенно, не замѣчая западни:

— Да! Мои слова были: «Я предпочитаю, чтобы моя душа возвратилась къ Господу, чѣмъ попасть въ руки англичанъ».

Послѣ этого было заявлено, будто возвращаясь послѣ прыжка съ башни, она разсердилась и проклинала имя Бога; и будто сдѣлала это снова, когда узнала про измѣну коменданта въ Суассонѣ.

Жанна воскликнула гнѣвно:

— Это ложь! Я никогда никого не проклинала! У меня не въ обычаѣ клясться!

ГЛАВА XI.

При закрытыхъ дверяхъ.—„Кто потрудится, тому и честь!"

Перерывъ. Давно было пора. Кошонъ терялъ почву въ борьбѣ; Жанна оставалась побѣдительницей. Временами замѣтно было, что то тутъ, то тамъ кто-либо изъ судей склонялся на сторону Жанны, благодаря ея храбрости, находчивости, силѣ, стойкости, благочестію и простотѣ, благодаря ея очевидной чистотѣ, благородству характера, тонкому уму и молодцоватой борьбѣ. Она была одинока, безъ друзей, во власти коварныхъ козней; и весьма можно было думать, что смягчающій взглядъ будетъ рости и планы Кошона подвергнутся опасности.

Нужно было ему что-нибудь предпринять—и онъ предпринялъ. Казалось, въ Кошонѣ не было жалости, но теперь онъ обнаружилъ ее. Онъ пожалѣлъ кучу бѣдныхъ судей, которые такъ долго мучились надъ дѣломъ, когда его можно было отлично вести съ одною горстью ихъ. О, любезный судья! Онъ позабылъ только сократить мученія несчастной узницы.

Онъ отпустилъ судей и довелъ число ихъ именно до горсти; но горсть эту онъ выбралъ самъ. Онъ выбралъ тигровъ. Если проскочили одна-двѣ овечки, то лишь по недосмотру; и онъ отлично зналъ, что̀ дѣлать съ овцами, когда находилъ ихъ.

Онъ созвалъ маленькій совѣтъ, который въ пять дней разобралъ всю большую кучу отвѣтовъ, выжатыхъ изъ Жанны. Эти господа вывѣяли изъ ея отвѣтовъ всю мякину, все лишнее, т. е. все, что̀ говорило въ ея пользу. Они собрали воедино все, что̀ могло ей вредить; и на этой основѣ было построено новое судьбище, которое могло казаться продолженіемъ стараго. Произошла еще одна перемѣна. Ясно было, что гласный судъ невыгоденъ: весь городъ обсуждалъ ходъ дѣла; и многіе жалѣли обманываемую узницу. Этого не должно было быть! Засѣданія стали тайными: зрители болѣе не допускались. Такъ Ноэль ужъ не могъ болѣе присутствовать. Я извѣщалъ его обо всемъ. У меня не хватало духа передавать лично.

Десятаго марта открылось тайное судьбище. Прошла недѣля съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ Жанну. Ея появленіе сильно поразило

меня. Она казалась изнемогающей, усталой. Она была разсѣяна и задумчива! Ея отвѣты показывали, что она потускнѣла и не отдавала себѣ яснаго отчета о томъ, что̀ дѣлалось и говорилось вокругъ. Другой судъ посовѣстился бы воспользоваться ея состояніемъ, понимая, что тутъ дѣло шло объ ея жизни, отложилъ бы засѣданіе, пощадилъ бы ее. Но этотъ судъ не сдѣлалъ ничего. Онъ мучилъ ее цѣлые часы, съ рьяной, злорадной лютостью, дѣлая все возможное, чтобы воспользоваться такимъ случаемъ—правда, первымъ, который доставляла ему Жанна.

Ее подвергали сущей пыткѣ, сбивая въ вопросѣ о «знаменіи», которое было дано королю; и на слѣдующій день эта пытка продолжалась часъ за часомъ. Въ концѣ концовъ, она отчасти открыла подробности, запрещенныя ея Голосами. И мнѣ показалось, что она выдавала за дѣйствительность вещи, которыя были только иносказаніями и видѣніями, смѣшанными съ дѣйствительностью.

На третій день, казалось, духъ ея прояснился: она была менѣе усталой. Она снова была Жанной и хорошо вела свое дѣло. Много попытокъ было сдѣлано, чтобъ заставить говорить то, чего не слѣдовало говорить; но она ясно понимала намѣреніе судей и отвѣчала умно, осторожно.

— Развѣ тебѣ извѣстно, что св. Екатерина и св. Маргарита ненавидятъ англичанъ?

— Онѣ любятъ тѣхъ, кого любитъ нашъ Господь, и ненавидятъ тѣхъ, кого Онъ ненавидитъ.

— А Богъ ненавидитъ англичанъ?

— О любви или ненависти Бога къ англичанамъ я ничего не знаю.

Затѣмъ она заговорила своимъ обычнымъ воинственнымъ голосомъ, со старой смѣлостью въ каждомъ словѣ:

— Я знаю только одно: Господь пошлетъ побѣду французамъ, и всѣ англичане будутъ изгнаны изъ предѣловъ Франціи, — всѣ до одного, кромѣ убитыхъ!

— А былъ-ли Богъ на сторонѣ англичанъ, когда имъ *счастливилось* во Франціи?

— Не знаю, ненавидитъ-ли Богъ французовъ; но думаю, что Онъ разрѣшилъ наказать ихъ за ихъ грѣхи.

То было довольно наивное предположеніе: Богъ, наказывающій втеченіе девяноста шести лѣтъ! Но никто не нашелъ этого страннымъ. Тутъ никто не отказался бы наказывать грѣшника цѣлыхъ девяносто шесть лѣтъ, если-бы могъ. Поэтому никто изъ этихъ господъ не представлялъ себѣ Бога менѣе строгимъ, чѣмъ люди.

— Обнимала-ли ты когда-нибудь св. Маргариту и св. Екатерину?

— Да, обѣихъ.

Злое лицо Кошона обнаружило удовольствіе, когда она сказало это.

— Когда ты вѣшала вѣнки на Древо бурлемонской феи, дѣлала-ли ты это въ честь своихъ видѣній?

— Нѣтъ.

Снова удовольствіе. Вѣдь, Кошонъ конечно считалъ, что она вѣшала вѣнки изъ грѣховной любви къ феямъ.

— Когда святые показывались тебѣ, ты кланялась имъ, присѣдала, становилась на колѣни?

— Да, я отдавала имъ самое большее почтеніе, какое только могла.

Хорошо было бы Кошону, если-бъ онъ могъ доказать, что это были не святые, которымъ она кланялась, а переодѣтые дьяволы.

Теперь вопросъ перешелъ на то, что Жанна скрывала отъ родителей свои сверхъестественныя видѣнія. На этомъ сильно настаивало обвиненіе. Дѣло въ томъ, что на поляхъ дѣла была особенная замѣтка: *Она скрыла свои видѣнія отъ родителей и отъ всѣхъ*. Вѣдь, одно это сокрытіе, пожалуй, служитъ знакомъ сатанинскаго происхожденія ея посланничества!

— Считаешь-ли ты справедливымъ, что ушла на войну, не получивъ разрѣшенія отъ своихъ родителей? Написано, вѣдь: «Чти отца твоего и матерь твою!»

— Я повиновалась имъ во всемъ, кромѣ этого. И за это я просила у нихъ прощенія въ письмѣ и получила его.

— А! Ты просила прощенія? Значитъ ты *знала*, что согрѣшила, уходя безъ ихъ разрѣшенія.

Жанна была возмущена. Глаза ея блеснули, и она воскликнула:

— Меня звалъ Богъ, и я была вправѣ идти! Если-бъ у меня

было сто отцовъ и сто матерей и если-бъ, вдобавокъ, я была дочерью короля, я и тогда ушла бы.

— Не спрашивала-ли ты какъ-нибудь свои Голоса о томъ, сказать-ли родителямъ?

— Они хотѣли, чтобы я сказала; но я ни за что на свѣтѣ не могла рѣшиться причинить это горе родителямъ.

Судьи пытались объяснить это упорство гордостью. Такая гордость могла довести до святотатственныхъ обожаній.

— Твои Голоса не называли тебя Дщерью Бога?

Жанна отвѣтила просто, не подозрѣвая ничего:

— Да! Передъ осадой Орлеана и потомъ они нѣсколько разъ называли меня Дщерью Бога.

Нужно было поискать дальнѣйшихъ доказательствъ гордости и тщеславія...

— На какой лошади была ты, когда тебя взяли въ плѣнъ? Кто далъ тебѣ ее?

— Король.

— У тебя были и другія вещи... богатства... отъ короля?

— Лично мнѣ были даны лошади и оружіе, а деньги—чтобъ платить всѣмъ въ моемъ обиходѣ.

— Была-ли у тебя казна?

— Да. Десять или двѣнадцать тысячъ кронъ

И она прибавила съ *naiveté* (простодушно):

— Это—небольшая сумма для веденія войны.

— Она и теперь у тебя?

— Нѣтъ. Это—казна короля. Ее хранятъ для него мои братья.

— Что за оружіе оставила ты, какъ приношеніе, въ церкви Сен-Дени?

— Мою серебряную кольчугу и мечъ.

— Положила-ли ты ихъ туда для того, чтобъ народъ поклонялся имъ?

— Нѣтъ. То было только изъ благочестія. Это обычай воиновъ, раненыхъ въ бою—дѣлать такія приношенія въ томъ мѣстѣ. А я была ранена подъ Парижемъ.

Ничто однако не дѣйствовало на каменныя сердца судей, на ихъ тупое воображеніе! Не тронула ихъ даже эта милая, нарисован-

ная такъ просто картина раненой дѣвушки-солдата, вѣшающей свое игрушечное вооруженіе въ церкви, въ любопытномъ сообществѣ съ тяжелыми, запыленными желѣзными кольчугами извѣстныхъ защитниковъ Франціи. Нѣтъ, ничего не было для нея въ судьяхъ,—ничего, кромѣ озлобленія и ненависти къ этому невинному существу.

— Кто кому больше помогалъ—ты своему штандарту, или штандартъ—тебѣ?

— Штандартъ-ли, я-ли, это совершенно безразлично. Побѣду даетъ Богъ.

— Но на что ты возлагала надежду—на самое себя, или на штандартъ?

— Ни на что. На Бога—и ни на что больше.

— Не развѣвался-ли твой штандартъ вокругъ головы короля во время коронаціи?

— Нѣтъ, не развѣвался.

— Почему въ Реймсѣ, на коронаціи, былъ твой штандартъ, а не знамена другихъ военачальниковъ?

Тутъ-то, тихо и нѣжно, произнесла Жанна тѣ трогательныя слова, которыя будутъ жить, пока живъ будетъ языкъ, и которыя перейдутъ во всѣ языки и до конца дней будутъ заставлять биться всѣ благородныя сердца:

— *Онъ потрудился: ему и честь!* (61).

Какъ это просто и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ красиво! Насколько это возвышеннѣе всякаго заученнаго краснорѣчія мастеровъ слова! Краснорѣчіе было природнымъ даромъ Жанны д'Аркъ. Оно шло съ ея устъ безъ усилій и безъ подготовки. Ея слова были такъ же возвышенны, какъ ея поступки, какъ ея нравъ. Они исходили отъ великаго сердца и отчеканивались въ великомъ умѣ.

ГЛАВА XII.

Таинственное „спасеніе“.—На судъ къ папѣ!

Ближайшимъ ходомъ въ игрѣ этого маленькаго тайнаго судилища святыхъ убійцъ была такая низость, что даже теперь, въ старости, мнѣ не въ моготу говорить объ этомъ спокойно.

Въ самомъ началѣ своихъ сношеній съ Голосами въ Домреми,

Жанна, будучи еще ребенкомъ, торжественно посвятила свою жизнь Богу, отдавая на Его служеніе свое чистое тѣло и свою чистую душу. Вы помните, что ея родители пытались отвлечь ее отъ стремленія идти на войну, уличая ее, на судѣ въ Тулѣ, въ небываломъ обѣщаніи выйти замужъ за нашу бѣдную, добрую, вѣтренную тушу, за крѣпкаго вояку, за нашего самаго дорогого и наиболѣе оплакиваемаго товарища, носителя штандарта, павшаго въ честномъ бою и въ Бозѣ почивающаго уже шестьдесятъ лѣтъ:' миръ праху его! Вы помните также, какъ Жанна, шестнадцати лѣтъ отъ роду, сама вела свою защиту на этомъ почтенномъ судѣ и однимъ взмахомъ разбила въ клочки все дѣло бѣднаго Паладина, и какъ старый судья сказалъ въ удивленіи: «Это—дивное дитя!»

Вы помните все это. Теперь подумайте только, что̀ долженъ былъ чувствовать я на судѣ, гдѣ Жанна одиноко давала четвертую битву въ три года! Вѣдь, эти лживые попы преважно тормошили это дѣло со всѣхъ сторонъ, стараясь извратить его такъ, будто Жанна звала Паладина въ судъ за то, что онъ обѣщалъ на ней жениться, и хотѣла заставить его исполнить свое слово.

Не было низости, которой постыдились бы эти господа въ своей травлѣ на жизнь безпомощной дѣвушки. Имъ хотѣлось доказать, что Жанна впала въ грѣхъ нарушенія обѣта.

Жанна подробно разсказала всю исторію, какъ она была; но, разгорячившись постепенно, бросила въ лицо Кошону нѣсколько словъ, которыя онъ навѣрное помнитъ до сихъ поръ,—продолжаетъ-ли онъ пребывать на семъ свѣтѣ, или перешелъ уже въ другой міръ.

Остатокъ того дня и часть слѣдующаго судъ работалъ все надъ старымъ вопросомъ о мужскомъ платьѣ Жанны. Этотъ вопросъ былъ довольно щекотливъ для такихъ серьезныхъ мужей. Они отлично знали, что одною изъ причинъ, почему Жанна ходила въ мужскомъ платьѣ, было то, что въ ея комнатѣ постоянно, даже во время ея сна, находились солдаты стражи: мужское платье могло лучше женскаго служить для защиты ея скромности.

Судьи знали, что одною изъ цѣлей Жанны было освободить изъ изгнанія герцога Орлеанскаго: имъ интересно было узнать, какъ она собиралась выполнить это намѣреніе. Планъ ея былъ весьма

своеобразенъ по своей дѣловитости; то же должно сказать объ ея простомъ и искреннемъ разсказѣ:

— Я собиралась набрать во Франціи достаточно плѣнныхъ англичанъ, чтобы выкупить его; а если-бъ это не удалось, я вступила бы въ предѣлы Англіи и освободила бы его силой.

Она дѣйствительно такъ и поступала всегда: когда нужно было что-нибудь сдѣлать, она сначала пробовала добромъ, а затѣмъ ужь брала въ руки молотъ и клещи. Никогда у нея не было дурацкихъ колебаній.

Она прибавила съ легкимъ вздохомъ:

— Если бы мнѣ дали дѣйствовать года три, я освободила бы его!

— Имѣешь-ли ты разрѣшеніе твоихъ Голосовъ на то, чтобъ бѣжать изъ тюрьмы, если представится случай?

— Я просила ихъ объ этомъ нѣсколько разъ; но они не дали мнѣ разрѣшенія.

Я думаю, какъ говорилъ прежде, она надѣялась на освобожденіе посредствомъ смерти въ стѣнахъ тюрьмы раньше трехъ мѣсяцевъ.

— Ты ушла бы, если-бъ двери твоей темницы оказались отпертыми?

Она сказала вполнѣ откровенно:

— Да: я видѣла бы тутъ соизволеніе нашего Господа. «Смѣлымъ Богъ владѣетъ», говоритъ пословица. Но еслибъ я думала, что мнѣ не соизволяется, я не ушла бы.

Въ эту минуту случилось нѣчто, что̀ убѣждаетъ меня всякій разъ, какъ я объ этомъ думаю (и что̀ въ то время сильно меня поразило), что ея надежды на мгновеніе обратились къ королю, и она подумала о помощи ея старыхъ воиновъ, о томъ освобожденіи, которое было въ виду у меня и у Ноэля. Мнѣ кажется, мысль объ этой помощи промелькнула въ ея головѣ, но только на одно мгновеніе—и сейчасъ же исчезла.

Какое-то замѣчаніе епископа бовэскаго заставило ее напомнить ему снова, что онъ—нечестивый судья и вовсе не имѣетъ права засѣдать здѣсь, и что онъ самъ себя ставитъ въ большую опасность.

— Какую опасность?—спросилъ онъ.

— Не знаю, какую. Св. Екатерина обѣщала помочь мнѣ; но я

не знаю, въ какомъ видѣ будетъ ея помощь. Нето я буду освобождена изъ моей тюрьмы, нето въ то время, какъ вы пошлете меня на эшафотъ, произойдетъ какое-то смятеніе—и я окажусь на свободѣ. Я мало думаю объ этомъ, но увѣрена, что произойдетъ то или другое.

Помолчавъ немного, она произнесла знаменитыя слова, приснопамятныя для всѣхъ. Мы не можемъ знать, понимала ли она сама ихъ вѣрно, или нѣтъ. Но тайна ихъ раскрылась много лѣтъ тому назадъ,—раскрылась для всего міра:

— Одно только совершенно ясно сказали мнѣ мои Голоса: я буду освобождена благодаря *великой побѣдѣ*.

Она остановилась. Сердце мое такъ забилось, что чуть не выскочило. «Великая побѣда!» Это — подумалось мнѣ — значитъ, что, въ послѣднюю минуту, внезапно появятся наши старые солдаты, съ ихъ воинственнымъ крикомъ и бряцаньемъ оружія, и они вынесутъ Жанну съ торжествомъ. Но, увы, эта мысль жила такъ не долго! Жанна вдругъ подняла голову и закончила такими торжественными словами, которыя всѣ повторяютъ до сихъ поръ; а тогда они наполнили мое сердце страхомъ, звуча, какъ предсказаніе:

— И Голоса твердили мнѣ: «Подчиняйся всему, что̀ ни произойдетъ! Не огорчайся *своимъ мученичествомъ*: чрезъ него ты подымешься въ Царство рая!»

Думала-ли она объ огнѣ и кострѣ? Не думаю. Я-то думалъ объ этомъ; но она, кажется, представляла себѣ мученичество въ видѣ медленнаго, томительнаго заточенія въ цѣпяхъ и въ видѣ жестокихъ оскорбленій. Поистинѣ, это было бы тоже мученичество. Теперь Жанъ де-Лафонтенъ задавалъ вопросы. Онъ старался извлечь какъ можно больше изъ ея отвѣтовъ.

— Если Голоса сказали тебѣ, что ты попадешь въ рай, значитъ ты увѣрена, что такъ и будетъ, и ты не будешь осуждена мучиться въ аду?

— Я вѣрю своимъ Голосамъ. Я знаю, что буду спасена.

— Это вѣскій отвѣтъ.

— Для меня это—цѣлое сокровище: знать, что я буду спасена!

— Думаешь-ли ты, что, послѣ такого откровенія, ты можешь совершить смертный грѣхъ?

— Что касается этого, я ничего не знаю. Моя надежда на спасеніе заключается въ соблюденіи моего обѣта о сохраненіи чистоты моей души и моего тѣла.

— Разъ ты увѣрена въ своемъ спасеніи, то считаешь-ли ты нужнымъ ходить на исповѣдь?

Ловушка была ловко поставлена, но Жанна обошла ее простымъ и скромнымъ отвѣтомъ:

— Кто можетъ содержать свою совѣсть въ полной чистотѣ?

Мы приближались къ послѣднему дню этого новаго судилища. Жанна благополучно прошла чрезъ испытаніе. То была для всѣхъ долгая и тяжелая борьба. Всевозможные способы были пущены въ ходъ, чтобъ довести обвиняемую до сознанія—и все напрасно. Инквизиторы были совсѣмъ ошеломлены и недовольны. Тѣмъ не менѣе, они рѣшились сдѣлать еще одно усиліе и посвятить допросу одинъ день. То было 17-го марта. Съ самаго начала засѣданія Жаннѣ была подставлена явная ловушка. Ее спросили:

— Согласна-ли ты подчинить всѣ свои слова и поступки, хорошіе или дурные, суду церкви?

Вопросъ былъ очень ловокъ. Теперь Жанна была въ сильнѣйшей опасности. Скажи она «да», — суду подлежало бы самое ея *посланничество;* и понятно, какъ живо справились бы съ его источникомъ и значеніемъ. Если же она отвѣтитъ «нѣтъ», то тѣмъ самымъ признаетъ себя виновной въ ереси.

Но Жанна была въ уровень съ задачей. Она провела ясную линію различія между властью церкви надъ нею, какъ подданной этой церкви, и между всѣмъ тѣмъ, что касалось ея *посланничества.* Она сказала, что любитъ церковь и готова подчиниться христіанской вѣрѣ со всей строгостью; что же касается дѣяній, связанныхъ съ ея посланничествомъ, то они должны быть судимы только Богомъ, Который приказалъ ей совершить ихъ.

Судья настаивалъ, чтобъ она отдала ихъ на судъ церкви. Она сказала:

— Я повергну ихъ только на судъ нашего Господа Бога, Который послалъ меня. Мнѣ казалось, что Онъ и Его церковь—одно и то-же, и что на этотъ счетъ не встрѣтится никакихъ затрудненій.

И, повернувшись къ судьѣ, она сказала:

— Почему вы ставите препятствія тамъ, гдѣ нѣтъ для нихъ мѣста?

Жанъ де-Лафонтенъ исправилъ ея понятія насчетъ единой церкви. Существуютъ двѣ церкви. Одна церковь — Торжествующая: это—Господь, святые, ангелы и спасенные. Эта церковь находится на небѣ. Другая церковь—Воинствующая: это—святой отецъ папа, намѣстникъ Бога, прелаты, духовенство и всѣ добрые христіане и католики. Эта церковь имѣетъ своимъ мѣстопребываніемъ землю, управляется Св. Духомъ и не можетъ ошибаться. Жанъ спросилъ:

— Неужели ты не хочешь отдать свое дѣло на судъ этой Воинствующей церкви?

— Я пришла къ королю Франціи изъ церкви Торжествующей, по ея высокому приказанію. И этой-то церкви я отдамъ отчетъ во всемъ, что̀ совершено мною. Другого отвѣта у меня нѣтъ для церкви Воинствующей.

Судъ обратилъ вниманіе на этотъ рѣзкій отказъ и надѣялся извлечь изъ него пользу для себя. Но покуда этотъ вопросъ былъ оставленъ, и опять принялись за безконечную травлю по поводу стараго—волшебства, видѣній, мужскаго платья и т. д.

Послѣ обѣда дьявольскій епископъ явился самолично. И онъ предсѣдательствовалъ при заключительныхъ событіяхъ судилища. Въ самомъ концѣ одинъ изъ судей задалъ такой вопросъ:

— Ты сказала нашему господину епископу, что будешь отвѣчать ему, какъ еслибы отвѣчала нашему св. отцу, папѣ: и все-таки на нѣкоторые вопросы ты отказываешься отвѣчать. Папѣ ты, быть можетъ, отвѣчала бы полнѣе, чѣмъ моему господину, епископу бовэскому? Не сочла-ли бы ты долгомъ отвѣчать папѣ, намѣстнику Бога, болѣе полно?

Тогда раздался словно ударъ грома съ яснаго неба:

— *Возьмите же меня къ папѣ!* Я отвѣчу на все, что̀ должно.

Эти слова заставили красное лицо епископа поблѣднѣть отъ смущенія. Если-бы только Жанна знала! Если-бъ она могла знать! Она подложила мину подъ весь этотъ низкій заговоръ, которая могла взорвать сразу всѣ замыслы епископа. И она не знала этого! Она сказала это по простому чутью, не подозрѣвая, какая страшная сила таилась въ ея словахъ; и не было подлѣ нея никого, кто объяснилъ бы ей это. Я-то зналъ, и Маншонъ зналъ; и если-бъ только

она умѣла читать, мы какъ-нибудь ужъ сообщили бы ей. Но надо было говорить, а никому не позволялось приближаться къ ней. И она сидѣла тутъ,—опять Жанна д'Аркъ побѣдительница. Но она не знала этого. Она была страшно измучена борьбой за цѣлый день и болѣзнью: нето она замѣтила бы дѣйствіе, произведенное ея словами на судей, и навѣрно угадала бы, въ чемъ дѣло.

Она дѣлала много мастерскихъ ударовъ, но это былъ самый замѣчательный изъ всѣхъ. То была *апелляція къ Риму* (62)! Это было ея прямое право; если-бъ она настаивала на немъ, замыслы Кошона разлетѣлись бы, какъ карточный домикъ, и онъ покинулъ бы свое мѣсто, пристыженный на цѣлый вѣкъ. При всей его отважности, онъ не посмѣлъ бы воспротивиться этому требованію Жанны, еслибъ она на немъ настаивала. Но нѣтъ, она не знала, бѣдняжка, какимъ мощнымъ ударомъ открывала себѣ путь къ жизни и свободѣ.

Франція была не церковь. Риму не было корысти въ гибели этой посланницы Бога. Римъ поручилъ бы ея дѣло безпристрастнымъ судьямъ, а для нея болѣе ничего не требовалось. Она вышла бы изъ этого суда свободной, съ честью и съ благословеніями.

Но, видно ей, была не судьба. Кошонъ вдругъ повернулъ допросъ на другіе предметы и постарался скорѣе покончить дѣло.

Когда Жанна медленно прошла мимо меня, звеня своими цѣпями, я былъ словно оглушенъ, ошеломленъ. Я сказалъ про себя:

— Минуту тому назадъ, она произнесла слово спасенія и могла выйти отсюда свободной; а теперь... теперь она идетъ на смерть. Да, на смерть! Я знаю, я чувствую это! Они удвоятъ стражу; они не допустятъ рѣшительно никого къ ней между этимъ часомъ и осужденіемъ, чтобъ она не догадалась и не произнесла вновь великаго слова. То былъ самый горькій для меня день во все это несчастное время.

ГЛАВА XIII.

66 Пунктовъ.—Молитва Жанны.

Такъ прошло второе судбище въ тюрьмѣ, — прошло и ничего не вышло опредѣленнаго. Сущность его я описалъ вамъ. Въ одномъ отношеніи оно было хуже предыдущаго: обвинительные пункты не

были сообщены Жаннѣ, — и она была вынуждена сражаться во мракѣ. Ничего нельзя было заранѣе обдумать, нельзя было предвидѣть всѣхъ ловушекъ и подготовиться къ нимъ. Поистинѣ жалка была побѣда надъ дѣвушкой въ такомъ положеніи! Однажды, во время судьбища, въ Руанъ пріѣхалъ одинъ знающій законникъ изъ Нормандіи, докторъ Логье; и я скажу вамъ его мнѣніе объ этомъ дѣлѣ. Вы увидите, что я былъ правдивъ съ вами, что я не обманывалъ васъ изъ пристрастія къ Жаннѣ, называя судьбище несправедливымъ и незаконнымъ. Кошонъ показалъ доктору Логье дѣло и спросилъ его мнѣнія о судѣ. Вотъ его мнѣніе, высказанное Кошону. Онъ сказалъ, что все это—пустяки и вздоръ, по слѣдующимъ причинамъ. 1) Судъ былъ тайный; стало быть, была невозможна полная свобода слова и дѣйствій для присутствовавшихъ на немъ. 2) Дѣло затрагивало честь короля Франціи; а его не пригласили защищаться, и не допустили никакого его представителя. 3) Обвинительные пункты противъ узницы не были сообщены ей. 4) Обвиняемая, несмотря на свою молодость и простоту, была вынуждена защищаться безъ помощи совѣтчика, хотя она очень нуждалась въ опорѣ.

Понравилось-ли это епископу Кошону? Вовсе нѣтъ. Онъ разразился самою дикой бранью и клялся сжить Логье со свѣта. Бѣдняга законникъ бѣжалъ изъ Руана и даже покинулъ Францію; и только поспѣшность спасла ему жизнь.

Ладно. Такъ я сказалъ: второе судьбище окончилось, не достигнувъ ничего опредѣленнаго. Но Кошонъ не бросалъ дѣла. Онъ могъ, вѣдь, вчинать его и дважды, и трижды, — сколько угодно, если ему нужно было. А ему была полуобѣщана огромная награда—руанское архіепископство, если только ему удастся сжечь тѣло и предать вѣчному аду душу этой молодой дѣвушки, которая не сдѣлала ему ни малѣйшаго зла. А за такую плату такой человѣкъ, какъ епископъ бовэскій, готовъ былъ сжечь не то что одну, а полсотни безобидныхъ дѣвушекъ.

На слѣдующій день онъ опять принялся за дѣло самоувѣренно, и даже съ звѣрскимъ злорадствомъ, говоря, что теперь ужъ доведетъ его до конца. Девять дней наворачивалъ онъ, вмѣстѣ съ остальными мусорщиками, новую кучу обвиненій изъ отвѣтовъ

Жанны и изъ собственныхъ измышленій. И то была страшная куча—цѣлыхъ шестьдесятъ шесть пунктовъ.

Эта исполинская бумага была доставлена въ замокъ на другой день, 27-го марта; и, въ присутствіи двѣнадцати тщательно подобранныхъ судей, началось новое судьбище.

Мнѣнія были собраны, и, на этотъ разъ, рѣшили, что надо прочесть обвиненіе Жаннѣ.

Можетъ быть, поступили такъ подъ вліяніемъ замѣчанія Логье на этотъ счетъ, а можетъ быть, надѣялись чтеніемъ замучить до смерти несчастную узницу, вѣдь какъ потомъ оказалось, чтеніе это заняло нѣсколько дней. Было рѣшено потребовать отъ Жанны, чтобы она отвѣчала прямо на каждый пунктъ обвиненія; если-же она откажется отвѣчать, то будетъ признана виновной. Вы видите, какъ Кошонъ все больше и больше старался ограничить ей средства защиты, какъ онъ все крѣпче и крѣпче стягивалъ сѣть вокругъ нея.

Ввели Жанну. Начался судъ. Епископъ бовэскій сказалъ ей рѣчь, которая должна была бы заставить краснѣть его самого,—такъ она была полна лицемѣрія и лжи. Онъ говорилъ, что ея судьи—святые и благочестивые пастыри церкви; что ихъ сердца полны благосклонности и состраданія къ ней; что они не желаютъ причинять страданій ея тѣлу, а только хотятъ научить и наставить ее на путь правды и спасенія.

Вѣдь, этотъ человѣкъ былъ воплощенный дьяволъ. И можно себѣ представить, какъ онъ въ подобныхъ рѣчахъ расписывалъ себя и своихъ зачерствѣлыхъ холоповъ.

Но худшее было впереди: именно, помня другое указаніе Логье, онъ имѣлъ наглость, хладнокровно сдѣлать Жаннѣ предложеніе, которое навѣрное удивитъ васъ, когда вы его узнаете. Онъ сказалъ, что судъ, снисходя къ ея невѣдѣнію и неумѣнью разбираться въ сложномъ и трудномъ судебномъ дѣлѣ, постановилъ, въ своемъ состраданіи и милосердіи къ ней, предложить ей выбрать себѣ одного или нѣсколькихъ изъ числа судей—для того, чтобы они помогали ей совѣтами и наставленіями.

Подумайте только: вѣдь, тотъ судъ состоялъ изъ Люазлёра и подобныхъ ему гадовъ! Это—было то же самое, что ягненку искать защиты у волка. Жанна посмотрѣла на него: серьезно-ли онъ говоритъ?

И, замѣтивъ, что онъ менѣе всего помышляетъ объ этомъ, она, конечно, отклонила его предложеніе.

Епископъ не ожидалъ иного отвѣта. Но, вѣдь, онъ обнаружилъ тѣнь справедливости и могъ вписать это въ дѣло, а потому былъ доволенъ.

Послѣ этого онъ приказалъ Жаннѣ отвѣчать неуклонно на каждое обвиненіе и пригрозилъ ей отлученіемъ отъ церкви, если она станетъ уклоняться или будетъ растягивать свои отвѣты долѣе предоставленнаго ей времени. Да! Онъ шагъ за шагомъ отрѣзывалъ ей пути къ спасенію.

Ѳома де-Курсель началъ чтеніе безконечной бумаги, по пунктамъ. Жанна, въ свою очередь, отвѣчала на каждый пунктъ, то просто отрицая обвиненіе, то ссылаясь на свои прежніе отвѣты.

Чтò за странная это была бумага! И что это за выставка нутра человѣка,—этого созданія, чтò хвастается, будто оно сотворено по образу и подобію Божію! Жанна была образецъ благородства, чистоты, правдивости; она была смѣла, великодушна и жалостлива, благочестива, самозабвенна; она была безпорочна, какъ полевой цвѣтокъ; словомъ, то была изящная, прелестная натура, чрезвычайно возвышенная душа. А изъ бумаги выходило какъ разъ нѣчто противоположное. Тутъ не замѣчалось ни слѣда того, чѣмъ *была* она; зато до мелочей изображалось то, чѣмъ она *не* была.

Разсмотримъ нѣкоторыя изъ обвиненій, взведенныхъ на нее, не забывая, кто ихъ взводилъ. Ее называли колдуньей, лже-пророчицей, вызывательницей и подругой злыхъ духовъ, знатокомъ чернокнижія и невѣждой въ католической вѣрѣ, еретичкой. Она-де богохульница, вѣроотступница, осквернительница имени Бога и Его святыхъ, соблазнительница, бунтовщица, нарушительница мира. Она возбуждаетъ людей къ войнѣ и къ кровопролитіямъ. Она нарушила скромность и приличія, положенныя ея полу, безстыдно одѣвъ платье мужчины и ведя жизнь воина. Она обошла и короля, и народъ, захватила божескія почести, заставляла обожать и почитать себя, предоставляя свои руки и платье для лобзаній.

Вотъ оно какъ! Тутъ каждый шагъ ея жизни извращенъ, искалѣченъ, перетолкованъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ! Ребенкомъ Жанна любила фей; она жалѣла, когда онѣ были изгнаны изъ своего угла;

она играла подъ ихъ древомъ и вокругъ ихъ источника: ну, значитъ, она была подругой злыхъ духовъ! Жанна подняла Францію изъ грязи, заставила ее бороться за свободу, вела ее отъ побѣды къ побѣдѣ: ну, такъ это—конечно, нарушительница мира, зачинщица войны! Впрочемъ, она и была такой на самомъ дѣлѣ. И Франція будетъ гордиться этимъ, будетъ благодарна ей на многія сотни лѣтъ. Да, ее обожали. Но причемъ же она тутъ? Какъ же осуждать бѣдняжку за это? Да, и осторожный старый служака, и трусливый новобранецъ,—всѣ преисполнялись духомъ войны, глядя ей въ глаза; прикоснувшись своими мечами къ ея мечу, они шли непоколебимо впередъ. Ну, такъ, ясно, что это—вѣдьма!

И такъ дальше въ томъ же родѣ шло обвиненіе, шагъ за шагомъ, превращая живую воду въ ядъ, золото въ грязь, свидѣтельства благородной и прекрасной жизни въ картину гнусности и мути.

Само собой разумѣется, шестьдесятъ шесть пунктовъ просто повторяли все, что̀ было говорено на засѣданіяхъ. Поэтому я коснусь ихъ лишь слегка. Сама Жанна прибавила немного. Она говорила только: «Это неправда, passez outre!» или «я уже отвѣчала на это, пусть писарь прочтетъ изъ протокола!» или что-нибудь въ томъ же родѣ и такъ же кратко.

Она отказалась наотрѣзъ повергнуть свое посланничество на судъ земной церкви. Отказъ ея былъ записанъ.

Она отрицала обвиненіе въ идолопоклонствѣ и въ томъ, что искала обоготворенія себя людьми. Она сказала:

— Если кто и цѣловалъ мои руки и мое платье, то противъ моей воли. Я дѣлала все, чтобъ устранить это.

Она осмѣлилась сказать этому кровожадному суду, что̀ не знала о дьявольскомъ происхожденіи фей. А она понимала, что эти слова—опасная вещь. Такова ужъ была ея природа—всегда говорить правду, если приходилось раскрывать ротъ. Въ такихъ дѣлахъ опасность не имѣла для нея никакого значенія. Эти слова ея тоже были записаны.

Жанна отвѣчала отказомъ, какъ и раньше, когда ее спросили, броситъ-ли она мужское платье, если ее допустятъ къ причастію. Она только прибавила:

— Когда кто причащается св. Таинъ, одежда его не имѣетъ большого значенія въ глазахъ Господа нашего.

Ее обвиняли въ томъ, будто она на столько упорствуетъ насчетъ своего мужскаго платья, что даже не сняла бы его, если-бъ получила блаженное разрѣшеніе слушать обѣдню. Она воскликнула горячо:

— Скорѣй умру, чѣмъ измѣню своему обѣту, данному Господу!

Ее обвиняли въ томъ, что она занималась мужскимъ дѣломъ на войнѣ и пренебрегала занятіями, свойственными ея полу. Она отвѣтила съ легкимъ презрѣніемъ воина:

— Что касается женскихъ работъ, на это есть сколько угодно женщинъ!

Мнѣ всегда было пріятно видѣть въ ней этотъ воинственный духъ. Вѣдь, пока духъ этотъ былъ въ ней, она оставалась Жанной д'Аркъ и могла смотрѣть прямо въ глаза мученіямъ и судьбѣ.

— Повидимому — спросили ее — твое посланничество, якобы наложенное Богомъ, заключалось въ войнѣ и въ пролитіи крови?

Жанна отвѣтила совсѣмъ просто, что у нея война была не первымъ, а лишь вторымъ побужденіемъ.

— Я прежде всего требовала мира. Я заявляла, что стану воевать лишь въ томъ случаѣ, если мнѣ откажутъ въ немъ.

Судья смѣшалъ бургундцевъ съ англичанами, когда говорилъ о врагахъ Жанны, на которыхъ она пошла войной. Она остановила его и показала, что дѣлаетъ различіе между ними на словахъ и на дѣлѣ: вѣдь, бургундцы—французы; и потому они подлежатъ менѣе жестокому обращенію, чѣмъ англичане. Она сказала:

— Герцогу Бургундскому я предлагала, и въ письмахъ, и чрезъ его пословъ, миръ съ королемъ. А единственное условіе мира съ англичанами, это—чтобъ они покинули страну и ушли домой.

И она прибавила, что впрочемъ и съ англичанами она готова была вначалѣ мириться: вѣдь, она предостерегала ихъ своимъ воззваніемъ, прежде чѣмъ напасть на нихъ.

— И если-бъ они меня послушались, было бы гораздо умнѣе съ ихъ стороны.

Тутъ она опять стала горячо пророчествовать:

— Не пройдетъ и семи лѣтъ, какъ они убѣдятся въ этомъ!

Судьи снова начали мучить ее своимъ мужскимъ платьемъ: они добивались, чтобъ она добровольно пообѣщала снять его. Я никогда не

отличался глубокомысліемъ: немудрено, что меня поразила ихъ настойчивость въ дѣлѣ, повидимому, неважномъ. Но теперь мы всѣ понимаемъ, въ чемъ было дѣло. Теперь для насъ ясно, что то былъ новый предательскій планъ. Да! Если-бъ имъ удалось заставить ее окончательно снять это платье, они живо сыграли бы съ ней такую штуку, что она погибла бы. Оттого-то они такъ упорствовали въ своемъ дьявольскомъ замыслѣ, пока она не разразилась такими словами:

— Замолчите! Безъ разрѣшенія Бога я не сниму его, хотя бы вы сняли съ меня голову!

Въ одномъ мѣстѣ она сдѣлала поправку въ протоколѣ:

— Тутъ выходитъ, будто я сказала, что все, сдѣланное мной, было сдѣлапо по совѣту Бога. Я не такъ сказала. Я сказала: «Все, что̀ я *хорошо* сдѣлала».

Было высказано сомнѣніе въ истинности ея посланничества, въ виду крайней простоты и невѣжества избранницы. Жанна улыбнулась при этихъ словахъ. Она могла бы отвѣтить всѣмъ этимъ господамъ, что нашъ Господь нелицепріятенъ: Онъ чаще выбиралъ для своихъ высокихъ цѣлей людей низшихъ, нежели кардиналовъ и епископовъ. Но она возразила только простыми словами:

— Вполнѣ во власти нашего Господа дѣлать своимъ избранникомъ кого Онъ захочетъ.

Ее спросили, какую молитву употребляетъ она, когда испрашиваетъ совѣта свыше. Она отвѣтила, что ея молитва была всегда проста и коротка. Она подняла свое блѣдное личико и, сложивъ руки въ цѣпяхъ, произнесла:

— Дражайшій мой Боже! Именемъ святыхъ страстей Твоихъ молю Тебя, если Ты любишь меня: научи меня Своимъ откровеніемъ, что̀ должна я отвѣчать этимъ церковникамъ. Что касается моего платья, я знаю, по чьему приказу я надѣла его, но не знаю, какъ мнѣ снять его. Молю, научи меня, что̀ мнѣ дѣлать!

Жанну обвиняли въ томъ, будто она, вопреки завѣтамъ Бога и Его святыхъ, осмѣлилась искать власти надъ людьми и сама сдѣлалась главнокомандующимъ. Это затронуло ея воинскую честь. Она питала глубокое почтеніе къ священникамъ, но солдатъ въ ней совсѣмъ не уважалъ мнѣнія поповъ о войнѣ. Посему въ этомъ вопросѣ она не снизошла ни до какихъ объясненій или извиненій. Она

ограничилась кроткимъ равнодушіемъ и, съ солдатской краткостью, замѣтила:

— Если я была главнокомандующимъ, то лишь для того, чтобъ бить англичанъ!

Теперь смерть ежеминутно глядѣла Жаннѣ въ лицо; но ей и горя мало! Ей доставляло удовольствіе колоть этихъ французовъ съ англійскими сердцами; и она не пропускала случая жалить ихъ. Это облегчало ее. Эти выходки очень развлекали ее. Жизнь ея была пустыней, а это были оазисы.

Ея походы среди мужчинъ ставили ей въ вину, какъ нескромность.

— У меня всегда была женщина, когда только я могла ее имѣть,—въ городахъ, на постояхъ. А въ полѣ я спала всегда въ своемъ вооруженіи.

То, что она и ея семья были возведены королемъ въ дворянство, тоже было поставлено ей въ вину: ясно-де, что она руководилась низкимъ тщеславіемъ. Она отвѣтила, что не просила короля объ этой милости, а онъ самъ ее даровалъ.

Наконецъ, и этотъ третій допросъ былъ оконченъ. И опять не пришли ни къ чему.

Но, быть можетъ, четвертый допросъ будетъ благопріятнѣе въ смыслѣ пораженія этой, повидимому, непобѣдимой дѣвушки? Самъ злой епископъ принялся за дѣло.

Онъ назначилъ коммиссію, чтобы превратить сущность Шестидесяти Шести въ комокъ Двѣнадцати неправдъ, который послужилъ бы основой новой попытки. Это было исполнено и заняло нѣсколько дней.

Въ это время Кошонъ пришелъ однажды, вмѣстѣ съ Маншономъ и двумя судьями, Изамбаромъ де-ля-Пьеромъ и Мартиномъ Лядвеню, въ темницу Жанны. Ему хотѣлось какъ-нибудь довести ее до того, чтобы она отдала свое посланничество на судъ и рѣшеніе Воинствующей церкви, т. е. той части Воинствующей церкви, которую изображалъ онъ самъ со своими приспѣшниками.

Жанна снова наотрѣзъ отказалась. У Изамбара де-ля-Пьера была все-таки душа въ тѣлѣ. Ему стало такъ жалко бѣдной, гонимой дѣвушки, что онъ рѣшился на довольно смѣлую вещь. Онъ

спросилъ, не желаетъ-ли она, чтобы ея дѣло было перенесено на базельскій соборъ (63), и прибавилъ, что тамъ за нее будетъ столько же поповъ, сколько и за англичанъ.

Жанна воскликнула, что готова съ радостью предстать предъ столь справедливо составленнымъ судомъ. Но не успѣлъ Изамбаръ сказать еще слово, какъ Кошонъ перебилъ его свирѣпо:

— Да замолчите же, во имя дьявола!

Тогда Маншонъ тоже выступилъ храбро впередъ, съ опасностью для своей жизни. Онъ спросилъ Кошона, вносить ли въ протоколъ подчиненіе Жанны базельскому собору?

— Нѣтъ! Это лишнее!

— А!—сказала бѣдная Жанна укоризненно.—Вы пишете все, чтò говоритъ противъ меня, и ничего не хотите записать въ мою пользу.

Какъ это было жалостно! Эти слова могли тронуть даже сердце звѣря. Но Кошонъ былъ хуже звѣря.

ГЛАВА XIV.

Двѣнадцать Пунктовъ Лжи.—Отрава.

Наступилъ апрѣль. Жанна была больна. Она захворала 29-го марта, на другой день послѣ третьяго допроса; и ей стало хуже, когда случилось описанное мной происшествіе въ ея темницѣ. Какъ это было похоже на Кошона—пойти къ ней, пытаясь извлечь что-нибудь изъ ея болѣзненнаго состоянія!

Отмѣтимъ нѣсколько особенностей въ новомъ обвинительномъ актѣ,—въ этихъ Двѣнадцати Пунктахъ Лжи.

Въ первомъ было сказано, между прочимъ, что Жанна увѣряетъ, будто обрѣла свое спасеніе. Она никогда не говорила ничего подобнаго. Далѣе говорилось будто она отказывается подчиниться церкви. Опять неправда! Она соглашалась подчинить суду въ Руанѣ всѣ свои дѣйствія, кромѣ тѣхъ, чтò были совершены по приказу Бога во исполненіе ея посланничества: эти дѣйствія она предоставляла суду Божію. Правда, она отказалась признать церковью Кошона и его приспѣшниковъ, но зато согласна была предстать на судъ папы или собора въ Базелѣ.

Въ другомъ пунктѣ было сказано, будто она созналась, что угрожала смертью тѣмъ, кто не будетъ ей повиноваться. Чистѣйшая ложь! Въ третьемъ пунктѣ она якобы объявляла, что все, сдѣланное ею, совершено по приказанію Бога. Но она говорила про все, сдѣланное ею *хорошо*—поправка, которая уже была сдѣлана ею, какъ вы видѣли.

Еще одинъ пунктъ гласилъ, будто она утверждала, что никогда не согрѣшила: она никогда не обнаруживала такихъ притязаній.

Далѣе, ея мужское платье выставлялось грѣхомъ. Но если-бъ и такъ, то, вѣдь, она имѣла разрѣшеніе на это высшей католической власти, а именно архіепископа реймскаго и судилища въ Пуатье.

Десятый пунктъ былъ мстительной выходкой противъ ея «притязаній» заставить свв. Катерину и Маргариту говорить по-французски, а не по-англійски, и превратить ихъ въ сторонниковъ Франціи.

Двѣнадцать Пунктовъ должны были быть сначала отосланы на обсужденіе ученыхъ докторовъ богословія парижскаго университета. Они были переписаны и изготовлены ночью 4-го апрѣля. Маншонъ сдѣлалъ тогда новую смѣлую попытку: онъ написалъ на поляхъ, что во многихъ изъ этихъ Двѣнадцати Пунктовъ передавались слова Жанны въ совершенно извращенномъ видѣ. Но *этотъ* фактъ не могъ имѣть значенія въ глазахъ парижскаго университета, не могъ повліять ни на его рѣшеніе, ни на его человѣколюбіе, если-бы таковое и существовало: вѣдь, университетъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, какъ политическое учрежденіе! Но все же то былъ молодецкій поступокъ со стороны добраго Маншона.

Пункты были посланы въ Парижъ на другой же день, 5-го апрѣля. Въ тотъ день въ Руанѣ поднялось страшное волненіе. Толпы народа стекались по всѣмъ главнымъ улицамъ, болтая и жадно распрашивая про новости: прошелъ слухъ будто Жанна д'Аркъ смертельно больна. На дѣлѣ ее замучили эти безконечныя séances, засѣданія суда, и она дѣйствительно была больна. Главари англійской стороны были въ отчаяніи: вѣдь, умри Жанна до церковнаго осужденія, сойди она въ могилу незапятнанной,—и жалость, любовь народа превратятъ ее въ святую мученицу за всѣ претерпѣнныя ею страданія и обиды; и мертвая, она станетъ еще большей силой во Франціи, нежели была при жизни!

Графъ Варвикъ и англійскій кардиналъ (Винчестеръ) бросились въ замокъ и послали гонцовъ за врачами. Варвикъ былъ жестокій, грубый невѣжда, безъ всякой жалости. Больная дѣвушка лежала въ цѣпяхъ въ своей желѣзной клѣткѣ. У кого хватило бы духу отягчать еще ея горе жестокими рѣчами? А Варвикъ, въ ея присутствіи, громко брякнулъ, обращаясь къ врачамъ:

— Позаботьтесь о ней хорошенько. Король Англіи не намѣренъ дать ей умереть естественною смертью. Она дорога ему: вѣдь, онъ пріобрѣлъ ее за дорогую цѣну! Ему угодно, чтобъ она умерла не иначе, какъ на кострѣ. Такъ, смотрите, вылечите же мнѣ ее!

Врачи спросили Жанну, отчего она захворала. Она отвѣтила, что, по ея мнѣнію,—отъ рыбы, присланной ей епископомъ бовэскимъ (64).

Тутъ Жанъ д'Эстивэ накинулся на нее съ бранью и проклятіями. Видите-ли, онъ понялъ такъ, что Жанна обвиняетъ епископа въ намѣреніи отравить ее. Ухъ, какъ не понравилось ему это! Вѣдь, онъ былъ одинъ изъ любимѣйшихъ и безсовѣстнѣйшихъ рабовъ Кошона. Онъ обидѣлся тѣмъ, что Жанна бросаетъ подобное обвиненіе на его господина предъ лицомъ великихъ англійскихъ вождей. Вѣдь, эти вожди могли погубить Кошона (и немедленно сдѣлали бы такъ), если-бы убѣдились, что онъ былъ способенъ освободить Жанну отъ костра посредствомъ отравы и тѣмъ лишить англичанъ всѣхъ выгодъ ихъ покупки у герцога Бургундскаго.

Жанна была въ сильномъ жару, и доктора предложили пустить ей кровь.

Варвикъ сказалъ:

— Смотрите, не вышло бы чего! Это, вѣдь, такая язва! Она способна убить себя.

Онъ имѣлъ въ виду, что Жанна, чтобъ избѣгнуть костра, могла сорвать съ себя повязку и истечь кровью.

Врачи все-таки пустили ей кровь. Она почувствовала себя лучше. Но ненадолго. Жанъ д'Эстивэ не могъ угомониться. Онъ былъ такъ золъ и встревоженъ послѣ обвиненія въ отравѣ, на которое намекнула Жанна, что вечеромъ вернулся въ тюрьму и до тѣхъ поръ мучилъ ее, пока ее снова не бросило въ жаръ.

Можете себѣ представить, какъ разъярился Варвикъ, когда

узналъ объ этомъ. Вѣдь, его жертва могла ускользнуть отъ него, благодаря излишнему рвенію этого назойливаго дурака! Варвикъ осыпалъ д'Эстивэ замѣчательными проклятіями, — замѣчательными, по своей силѣ: что касается самыхъ словъ, то они не понравились бы людямъ благовоспитаннымъ. Послѣ такой встряски, проныра угомонился.

Жанна была больна болѣе двухъ недѣль; затѣмъ ей стало легче. Она была еще очень слаба, но могла уже безъ большой опасности для жизни перенести маленькое преслѣдованіе. Кошонъ разсудилъ, что для этого было самое время. Онъ созвалъ нѣсколькихъ изъ своихъ докторовъ богословія и пошелъ въ темницу. Я и Маншонъ послѣдовали за ними, чтобъ писать протоколъ, т. е. отмѣчать все, что̀ было полезно Кошону, и выбрасывать все, что̀ говорило за Жанну.

Видъ Жанны потрясъ меня. Вѣдь, это была одна тѣнь. Трудно было себѣ представить, чтобы это хрупкое созданьице, съ печальнымъ личикомъ и изможденнымъ тѣломъ, была та Жанна д'Аркъ, которую я такъ часто видѣлъ, полную огня и восторженности, во главѣ ея ратей, среди тысячи смертей, окруженную молніями и громомъ орудій. Сердце мое разрывалось на части при этомъ зрѣлищѣ...

Но Кошонъ не былъ тронутъ. Онъ произнесъ еще одну изъ своихъ безсовѣстныхъ рѣчей, полныхъ лицемѣрія и коварства. Онъ сказалъ Жаннѣ, что между ея отвѣтами есть такіе, которые могутъ подорвать религію. И такъ какъ она невѣжественна и незнакома съ Священнымъ Писаніемъ, то онъ привелъ нѣсколько добрыхъ и мудрыхъ людей, которые могутъ обучить ее, если она пожелаетъ. Онъ прибавилъ:

— Мы — служители церкви. И по доброй волѣ, и по нашему призванію, мы расположены всѣми мѣрами доставить спасеніе твоей душѣ и тѣлу, все-равно какъ нашему ближайшему родственнику или какъ самимъ себѣ. Тутъ мы слѣдуемъ примѣру святой церкви, которая никогда не закрываетъ своего лона для тѣхъ, кто желаетъ вернуться въ него:

Жанна поблагодарила его за эти слова и сказала:

— Я, повидимому, могу умереть отъ этой болѣзни. Если Богу угодно, чтобъ я умерла здѣсь, то прошу, чтобъ меня исповѣдали

и причастили тѣла Христова. И я хочу быть погребенной, какъ слѣдуетъ, на освященной землѣ.

Кошонъ вообразилъ, что наконецъ-то насталъ удобный случай. Вотъ когда это изможденное тѣло убоялось умереть безъ благословенія и подвергнуться адскимъ мукамъ: теперь-то этотъ упорный духъ долженъ уступить! И онъ высказался:

— Ну, если ты желаешь причаститься св. Тайнъ, то должна дѣлать то, что̀ дѣлаютъ всѣ добрые католики: ты должна подчиниться церкви.

Онъ жаждалъ ея отвѣта. Но Жанна не сдалась: она стояла при своихъ пушкахъ.

Она отвернулась отъ него и сказала утомленнымъ голосомъ:

— Мнѣ больше нечего сказать.

Кошонъ взбѣсился. Онъ возвысилъ голосъ и сказалъ грозно, что чѣмъ ближе опасность смерти, тѣмъ скорѣе Жанна должна бы стремиться исправить свою жизнь. И онъ опять отказалъ ей во всемъ, чего она просила, пока она не подчинится церкви.

Жанна сказала:

— Если я умру въ этой темницѣ, прошу васъ похоронить меня на святомъ мѣстѣ. Если вы не сдѣлаете этого, я предамъ себя на волю моего Спасителя.

Еще перекинулись нѣсколькими подобными словами; затѣмъ Кошонъ опять грозно потребовалъ, чтобъ она подчинила всѣ свои поступки суду церкви. Его угрозы и настоянія не привели ни къ чему. Тѣло, лежавшее передъ нимъ, было слабо, но въ немъ былъ духъ Жанны д'Аркъ. И въ этомъ тѣлѣ рождался тотъ твердый отвѣтъ, который былъ такъ знакомъ этимъ господамъ и такъ ненавистенъ имъ:

— Будь, что̀ будетъ! Я не прибавлю ничего къ тому, что̀ уже сказала на вашихъ судьбищахъ.

Тутъ выступили добрые батюшки—и давай мучить ее разсужденіями и доказательствами изъ Священнаго Писанія. При этомъ они все играли приманкой св. Тайнъ предъ алчущей душой, стараясь подкупить ее ими, заставить подчинить свое посланничество церкви, т. е. *ихъ* суду, словно *они* были церковь! Но и это не подѣйствовало. Я могъ бы сказать имъ это заранѣе, если бы они спросили

меня. Но они никогда не спрашивали меня ни о чемъ. Я былъ слишкомъ ничтожнымъ существомъ, чтобъ обращать на себя ихъ вниманіе.

Свиданіе закончилось угрозой,—страшной угрозой, разсчитанной на то, чтобъ христіанинъ-католикъ почувствовалъ, будто земля разверзается подъ нимъ.

— Церковь призываетъ тебя къ подчиненію! Если не послушаешься, она покинетъ тебя, какъ язычницу!

Подумайте только: быть покинутой церковью! Вѣдь, церковь, это—та высшая власть, въ рукахъ которой находится судьба всей породы людской. Ея скипетръ простирается выше отдаленнѣйшихъ звѣздъ, мерцающихъ въ небѣ. Ея сила подавляетъ милліоны живыхъ и билліоны ожидающихъ съ трепетомъ, въ чистилищѣ, искупленія или гибели. Ея улыбка открываетъ вамъ врата Неба, а мановенье бровей низвергаетъ въ вѣчное пекло ада. Ея владычество затмеваетъ, уничтожаетъ земную власть, какъ дворъ затмеваетъ, уничтожаетъ всю бѣдную красу деревни. Быть покинутымъ королемъ, — это уже не шутка: это означаетъ смерть. Но быть покинутымъ Римомъ, церковью!.. О, смерть—ничто въ сравненіи съ этимъ. Вѣдь, это—приговоръ къ вѣчной *жизни*—и какой жизни!

Мнѣ представились разъяренныя красныя волны на безбрежномъ огненномъ озерѣ; и миріады грѣшниковъ подымались изъ нихъ, боролись, погружались, снова подымались. И я видѣлъ, что Жаннѣ представлялось то же самое: она задумалась, молчала. Теперь-то, думалось мнѣ, она сдастся. Сказать правду, я даже желалъ этого: вѣдь, эти люди были способны исполнить свою угрозу и предать ее вѣчнымъ мукамъ; я зналъ, что такова ихъ натура.

Глупо было, съ моей стороны, думать такъ и питать такія надежды. Жанна д'Аркъ была создана иначе, чѣмъ другіе люди. Вѣрность убѣжденію, вѣрность правдѣ, вѣрность своему слову вошла ей въ плоть и кровь, была частицей ея самой. Она не могла отрѣшиться отъ нея, не могла измѣниться. Она была самимъ геніемъ вѣрности; она была воплощеннымъ Постоянствомъ. Гдѣ упиралась она ногой, тамъ и оставалась. Самъ адъ не могъ бы сдвинуть ее съ мѣста.

Ея Голоса не дали ей разрѣшенія на требуемое подчиненіе—и

она останется непоколебимой. Съ полной покорностью будетъ ждать она—будь, что̀ будетъ.

Словно свинецъ лежалъ у меня въ груди, когда я вышелъ изъ темницы; а Жанна осталась ясной, спокойной. Она сдѣлала то, что̀ считала своимъ долгомъ: и этого было для нея довольно; послѣдствія— уже не ея дѣло. Послѣдними ея словами въ тотъ день было замѣчаніе, высказанное съ полной ясностью души, съ спокойнымъ довольствомъ:

— Я—хорошая христіанка по рожденію и по крещенію; желаю и умереть хорошею христіанкой.

ГЛАВА XV.

Увѣщаніе-мышеловка.—„Дивный отвѣтъ".

Прошло двѣ недѣли. Было 2-е мая. Въ воздухѣ повѣяло тепломъ. Полевые цвѣты распустились въ прогалинахъ и долинахъ. Птички защебетали въ лѣсахъ. Вся природа заблестѣла подъ лучами солнца. У всѣхъ душа обновлялась и освѣжалась, всѣ сердца наполнялись радостью. Міръ оживился надеждой и весельемъ. Долина за Сеной убралась въ мягкую, роскошную зелень. Рѣка текла прозрачная и тихая. Острова красовались густолиственными деревьями, и еще красивѣе было ихъ отраженіе въ сіяющемъ зеркалѣ водъ. И съ высокой крутизны моста Руанъ снова представлялъ очаровательное зрѣлище одного изъ самыхъ живописныхъ гнѣздышекъ подъ небосклономъ.

Когда я говорю, что всѣ сердца были полны радости и надежды, я разумѣю это въ общемъ смыслѣ. Были и исключенія — мы, напримѣръ, друзья Жанны д'Аркъ, и сама Жанна. Эта бѣдная дѣвушка была замурована въ угрюмомъ закоулкѣ, за крѣпкими стѣнами и башнями. Она томилась неподвижно во тьмѣ, такъ близко, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ далеко, отъ всюду разливавшихся лучей солнца. Она такъ жаждала ихъ малѣйшаго проблеска; но ихъ безжалостно застилали передъ ней эти волки въ черныхъ рясахъ, замышлявшіе отнять у нея жизнь и запятнать ея доброе имя.

Кошонъ былъ готовъ продолжать свое гнусное дѣло. У него былъ еще новый планъ. Онъ посмотритъ, не подѣйствуютъ-ли на его неисправимую узницу разныя доказательства и увѣщательное

краснорѣчіе, изливаемое изъ устъ вышколеннаго мастера дѣла! Но чтеніе ей Двѣнадцати Пунктовъ не входило въ его планъ. Даже Кошону было стыдно выкладывать передъ ней эту чудовищную ложь. Даже въ этой душонкѣ, гдѣ-то далеко, на глубинѣ милліона саженей, оставалась тѣнь стыда; теперь эта тѣнь показалась и взяла свое.

Въ этотъ чудный день 2-го мая вся черная компанія собралась въ просторномъ покоѣ, на концѣ большой залы въ замкѣ. Епископъ бовэскій занялъ мѣсто на своемъ тронѣ, а шестьдесятъ два младшихъ судей — передъ нимъ. Стража и писцы заняли свои мѣста; увѣщатель сталъ за своимъ налоемъ.

Послышался отдаленный лязгъ цѣпей—и вотъ, Жанна вошла, со своими тюремщиками, и сѣла на свою уединенную скамью. Теперь, послѣ двухнедѣльнаго отдыха отъ преслѣдованій многословія, она казалась здоровой и необыкновенно милой, красивой.

Она оглянулась вокругъ и замѣтила увѣщателя. Несомнѣнно, она догадалась въ чемъ дѣло.

Этотъ увѣщатель написалъ свою рѣчь и цѣликомъ держалъ ее въ рукѣ, хотя и старался прятать ее: она была толстая, какъ книга. Онъ началъ очень плавно, но въ самой серединѣ цвѣтистаго періода память измѣнила ему, и онъ бросилъ робкій взглядъ на рукопись. Это испортило все впечатлѣніе. То же повторилось во второй разъ и, наконецъ, въ третій. Лицо бѣдняги раскраснѣлось отъ смущенія; весь судъ жалѣлъ его. Дѣло было еще больше испорчено. А тутъ Жанна сдѣлала одно замѣчаніе, которое довершило смущеніе оратора. Она сказала:

— *Прочтите вашу книгу* — и тогда я стану отвѣчать вамъ!

Всѣ судьи, эти заплѣсневѣлые служаки, захохотали, да такъ, что это было просто жестоко. Увѣщатель такъ обезпокоился, онъ глядѣлъ вокругъ до того безпомощно, что жалости было подобно. Мнѣ самому трудно было удержаться отъ сожалѣнія. Да! Жанна чувствовала себя хорошо послѣ отдыха, — и всплыло наружу ея природное лукавство. Оно не проявилось въ ея замѣчаніи ясно, но я почувствовалъ его въ глубинѣ ея словъ.

Когда ораторъ оправился, онъ сдѣлалъ умную вещь—послѣдовалъ совѣту Жанны. Онъ не дѣлалъ больше попытокъ прибѣгать

къ мнимому краснорѣчію безъ приготовленія, а просто отмахалъ свою рѣчь по своей «книгѣ». Въ этой рѣчи онъ соединилъ Двѣнадцать Пунктовъ въ шесть и на нихъ основалъ все.

Время отъ времени онъ останавливался, обращался къ Жаннѣ съ вопросами, и она отвѣчала. Была выяснена природа Воинствующей церкви; и еще разъ было предложено Жаннѣ подчиниться ей.

Она дала свой обычный отвѣтъ.

Тогда ее спросили:

— Думаешь-ли ты, что церковь можетъ заблуждаться?

— Думаю, что церковь не можетъ заблуждаться. Но въ тѣхъ моихъ поступкахъ и словахъ, которые были изволеніемъ Божіимъ, я отдамъ отчетъ только Господу.

— Хочешь-ли ты сказать этимъ, что надъ тобой нѣтъ судьи на землѣ? Нашъ святой отецъ папа—не судья тебѣ?

— Ничего не скажу вамъ объ этомъ. У меня есть милостивый судья—Господь, и я все предаю на Его волю.

Тогда раздались эти ужасныя слова:

— Если ты не покоришься церкви, то будешь признана еретицей судьями, находящимися здѣсь, и тебя сожгутъ на кострѣ!..

О, эти слова наполнили бы смертельнымъ страхомъ меня или васъ; но въ Жаннѣ д'Аркъ они возбудили только ея львиное сердце: въ ея отвѣтѣ прозвучала та воинственная нота, которая поднимала солдатъ, какъ призывъ трубы.

— Не скажу ничего другого, кромѣ того, что̀ уже сказала. И если-бъ передо мной уже пылалъ огонь, я повторила бы то же самое.

О, какъ пріятно было еще разъ слышать ея боевой голосъ и опять видѣть воинственный огонь въ ея глазахъ! Многіе были взволнованы. Да, другъ или врагъ, но всякій, кто чувствовалъ себя *мужемъ*, смутился. А эта добрая душа, Маншонъ, снова подвергъ свою жизнь опасности; онъ написалъ на поляхъ протокола большими буквами такія молодецкія слова:

— «Superba responsio» (дивный отвѣтъ)! И эта надпись сохранялась тамъ шестьдесятъ лѣтъ: вы можете прочитать ее сейчасъ.

«Superba responsio»!» Да, именно такъ. Вѣдь, этотъ «дивный отвѣтъ» вышелъ изъ устъ девятнадцатилѣтней дѣвушки, въ глаза которой глядѣли адъ и смерть.

Само собой разумѣется, снова поднялся вопросъ о мужскомъ платьѣ; и опять тянулся онъ утомительно долго. Ей предложили обычный подкупъ: сбрось добровольно это платье — и тебя допустятъ къ обѣднѣ. Но она отвѣтила, какъ не разъ прежде:

— Я буду ходить на всѣ церковныя службы въ женскомъ платьѣ, если мнѣ позволятъ; но, возвращаясь въ свою келью, буду опять надѣвать другое платье.

Далѣе ей нѣсколько разъ подставляли западню многими соблазнами. Именно ей дѣлали разныя предложенія въ условномъ видѣ и хитро старались навязать ей одно условіе, не обязываясь сами исполнить другое. Но она всякій разъ замѣчала ловушку и всегда ловко обходила ее. Напримѣръ:

— Сдѣлала-ли бы ты то и то, если-бы мы разрѣшили тебѣ?

Она всякій разъ отвѣчала въ такомъ родѣ:

— Когда разрѣшите, тогда и увидите.

Да, Жанна была во всеоружіи въ этотъ второй день мая. Она обладала полнымъ присутствіемъ духа, и они никакъ не могли изловить ее. Засѣданіе длилось очень, очень долго. Шла старая борьба шагъ за шагомъ. Мастакъ дѣла, увѣщатель, истощилъ все свое краснорѣчіе, всѣ свои доводы. А послѣдствія были одни и тѣ же: битва оставалась нерѣшенной. Шестьдесятъ два человѣка топтались на мѣстѣ; ихъ непріятель, одинъ человѣкъ, сохранялъ за собой первоначальное поле.

ГЛАВА XVI.

„Свинья опоросилась“.—Разрушеніе вѣковѣчной лжи.

Какъ я уже сказалъ, блестящая, очаровательная, божественная погода заставляла сердце всякаго ликовать. Руанъ былъ полонъ радости и веселья; особенно онъ былъ склоненъ смѣяться по всякому поводу. И вотъ, когда въ городѣ узнали, что молодая дѣвушка въ башнѣ снова разбила епископа Кошона, всѣ стали хохотать. Смѣялись обѣ стороны, потому что всѣ ненавидѣли Кошона. Правда, большинство, сочувствовавшее англичанамъ, желало, чтобъ Жанну сожгли; но это не мѣшало имъ смѣяться надъ ненавистнымъ епископомъ. Смѣяться надъ вождями англичанъ или надъ большин-

ствомъ судей, помощниковъ Кошона, было не безопасно. Но смѣяться надъ самимъ Кошономъ, надъ д'Эстивэ или Люазелёромъ было вполнѣ возможно: никто не донесетъ!

Совпаденіе между именемъ Кошона и словомъ «*cochon*» доставляло множество поводовъ къ игрѣ словъ: и ими, конечно, не замедлили воспользоваться. Иныя шутки даже надоѣли, оттого что ихъ повторяли цѣлыхъ два-три мѣсяца. При всякомъ новомъ судьбищѣ Кошона восклицали: «Ну, свинья опять опоросилась!» А когда судьбище проваливалось, говорили то же, но въ томъ смыслѣ, что «свинья наворотила» (65).

Шатаясь, 3-го мая, по городу, я и Ноэль не разъ наталкивались на горластаго пентюха, который хохоталъ надъ собственной шуткой и перебѣгалъ отъ толпы къ толпѣ, гордый своей остротой и счастливый тѣмъ, что можетъ повторить ее. Онъ оралъ: «Ахъ, батюшки! Свинья-то пять разъ опоросилась—и пять разъ наворотила!» А иной такъ храбрился, что говорилъ,—впрочемъ, тихонько: «Шестьдесятъ три и вся Англія противъ одной дѣвушки—и пять разъ она удержала за собой поле сраженія!»

Кошонъ жилъ въ большомъ дворцѣ архіепископа, окруженномъ англійской стражей. Но и стража не помогла: ночь была не изъ темныхъ, а, между тѣмъ, на другое утро стѣны показали, что и тутъ былъ грубый шутникъ, вооруженный кистью и красками. Да, да, онъ былъ здѣсь: священныя стѣны были измазаны изображеніями свиней во всякихъ положеніяхъ, кромѣ лестныхъ. Эти свиньи были одѣты въ епископское платье и носили епископскую митру непочтительно—на-бекрень.

Кошонъ злился и бранился цѣлую недѣлю, одолѣваемый своими неудачами и безсиліемъ. Наконецъ, онъ измыслилъ новый планъ. Вы увидите, въ чемъ онъ заключался: самимъ же вамъ никогда не догадаться; у васъ не такія жестокія сердца.

Девятаго мая Маншонъ и я собрали наши протоколы: намъ приказано было идти, но не въ ту башню, гдѣ была темница Жанны, а въ другую. Она была круглая, плотная, грязная, изъ самыхъ простыхъ, толстенныхъ камней—сооруженіе мрачное и противное (66).

Мы вошли въ круглую комнату внизу—и я увидѣлъ нѣчто,

бросившее меня въ лихорадочный жаръ: то были орудія пытки и палачи при нихъ! Вотъ оно, темное сердце Кошона во всей его чернотѣ! Вотъ доказательство, что въ его природѣ не было и помину о жалости! Онъ, видимо, не зналъ никогда своей матери, не имѣлъ сестры.

Кошонъ былъ налицо; а съ нимъ—вице-инквизиторъ и настоятель монастыря св. Корнеля, да еще шесть человѣкъ, въ томъ числѣ лживый Люазелёръ. Стража стояла на своихъ мѣстахъ, а также дыба, подлѣ которой стоялъ палачъ со своими подручными, въ красныхъ штанахъ и курткахъ—цвѣтъ, приличествующій ихъ кровавой работѣ. Мнѣ представилась Жанна, распростертая на дыбѣ: ея ноги привязаны къ одному концу, кисти рукъ — къ другому; и красные великаны поворачиваютъ воротъ, вытягиваютъ ея члены изъ суставовъ. Мнѣ казалось, я уже слышу, какъ трещатъ кости и отрывается мясо. И не могъ я понять, какъ этотъ сонмъ помазанныхъ служителей милосердаго Христа сидѣлъ тутъ и глядѣлъ такъ спокойно и равнодушно.

Минуту спустя, привели Жанну. Она взглянула на орудія пытки, на палачей,—и вѣрно та же картина, которую я видѣлъ предъ глазами, предстала и въ ея воображеніи. Но какъ вы думаете, была она удручена или испугана? Ничуточку! Она выпрямилась, и только улыбка презрѣнія скользнула на ея губахъ; страха же никакого.

То было достопамятное засѣданіе, хотя и самое короткое изо всѣхъ. Когда Жанна заняла свое мѣсто, ей прочли «résumé», перечень ея «преступленій». Затѣмъ Кошонъ произнесъ торжественную рѣчь. Онъ сказалъ, что на разныхъ судьбищахъ Жанна совсѣмъ отказывалась отвѣчать на нѣкоторые вопросы, а на другіе отвѣчала ложью, но теперь онъ рѣшился вытянуть изъ нея правду, и всю правду.

На этотъ разъ Кошонъ, повидимому, былъ вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ. Онъ воображалъ, что наконецъ-то нашелъ способъ сломить упрямство этого ребенка, заставить его молить о прощеніи и плакать. Теперь-то онъ будетъ праздновать побѣду и заткнетъ глотку насмѣшникамъ въ Руанѣ. Видите-ли, въ сущности онъ былъ тоже человѣкъ: какъ и всякому другому, ему не хотѣлось быть смѣшнымъ.

Онъ говорилъ громко. Его угреватое лицо отливало разными цвѣтами, какъ знаками удовольствія и предстоящаго торжества: оно становилось то багровымъ, то желтымъ, краснымъ, зеленымъ. Цѣлая радуга! Просасывался и самый страшный оттѣнокъ—какой-то сизый цвѣтъ утопленника. Наконецъ, епископъ разразился страстными словами:

— Вотъ дыба, вотъ палачи! Теперь ты скажешь все, или мы предадимъ тебя пыткѣ. Говори же!

Тогда Жанна произнесла тотъ великій отвѣтъ, который будетъ жить вѣчно въ памяти людей. Она говорила безъ всякой заносчивости и рисовки. И какъ прелестно, благородно звучала ея рѣчь!

— Я не скажу вамъ ничего больше, кромѣ того, что̀ уже сказала, хотя бы вы вытянули всѣ жилы изъ моего тѣла. И если-бы даже отъ боли я *сказала* что-нибудь иное, то потомъ буду заявлять, что то говорила пытка, а не я.

Не сломить было этой души! И надо было видѣть Кошона. Опять побитъ; ему и не снилось ничего подобнаго! Я слышалъ, на другой день говорили въ городѣ, будто у него въ карманѣ было заготовлено полное признаніе, которое онъ хотѣлъ дать подписать Жаннѣ. Не знаю, правда-ли это, но весьма правдоподобно: вѣдь, понятно, что подпись Жанны подъ признаніемъ было именно тѣмъ доказательствомъ для общества, которое особенно цѣнили такіе законники, какъ Кошонъ и его приспѣшники.

Да, не сломить было этой души, не отразить этого яснаго ума! Взвѣсьте только глубину и мудрость этого отвѣта,—отвѣта невѣжественной дѣвушки! Вѣдь, въ тѣ времена врядъ-ли нашлось бы шесть человѣкъ на свѣтѣ, которые сообразили бы, что слова, вырванныя страшной пыткой, не могутъ быть словами правды и истины; а эта неграмотная крестьянская дѣвушка, по безошибочному чутью, указала на это упущеніе. Всякій полагалъ, что изъ-подъ пытки выходитъ правда; я самъ думалъ такъ же. Когда Жанна произнесла эти простыя слова здраваго смысла, казалось, они озарили все, какъ лучъ солнца. Словно въ полночь блеснула молнія, и среди непроницаемаго мрака предъ нами вдругъ раскрылась прелестная долина, усыпанная серебристыми потоками, свѣтленькими деревушками и хуторами.

Маншонъ покосился на меня, и въ его взглядѣ я прочелъ удивленіе. То же было видно на всѣхъ остальныхъ лицахъ. Подумайте! Вѣдь, тутъ были все пожилые и весьма образованные люди; а эта деревенская дѣвушка смогла обучить ихъ тому, чего они и не подозрѣвали. Я слышалъ, какъ одинъ изъ нихъ пробормоталъ:

— Поистинѣ, это — удивительное созданіе! Она положила свою ручку на общепринятую истину, старую, какъ міръ,—и отъ ея прикосновенія эта истина превратилась въ прахъ и мусоръ. Откуда взяла она это удивительное проникновеніе въ глубину вещей?

Судьи стали тихо совѣщаться, наклонивъ другъ къ другу головы. Изъ словъ, которыя можно было уловить, выходило, что Кошонъ и Люазелёръ настаивали на пыткѣ, остальные же рѣшительно высказались противъ.

Наконецъ, Кошонъ съ досадой приказалъ Жаннѣ удалиться обратно въ свою темницу. Меня поразило это счастье: я никакъ не ожидалъ, чтобы епископъ сдался.

Когда Маншонъ пришелъ вечеромъ домой, онъ разсказалъ, что дознался, почему пытка не была примѣнена. На то были двѣ причины. Одна — опасеніе, что Жанна можетъ умереть подъ пыткой, что вовсе не входило въ разсчеты англичанъ; вторая причина — мысль, что пытка не приведетъ ни къ чему, такъ какъ Жанна, вѣдь, возьметъ назадъ все, сказанное ею подъ пыткой. А что касается подписи подъ признаніемъ, то было ясно, что и дыба не заставитъ Жанну сдѣлать это.

Такимъ образомъ, снова весь Руанъ смѣялся цѣлыхъ три дня. Слышалось: «Вотъ, свинья ужъ въ шестой разъ опоросилась — и въ шестой разъ наворотила!»

А стѣны дворца покрылись новыми украшеніями: свинья въ митрѣ несетъ на плечахъ отставленныя орудія пытки; Люазелёръ шествуетъ за ней и рюмитъ. Были назначены разныя награды тому, кто поймаетъ художниковъ; но никто ихъ не ловилъ. Даже англійская стража притворялась слѣпой, никакъ не могла завидѣть мастеровъ при ихъ работѣ.

Великъ былъ гнѣвъ епископа. Онъ не могъ примириться съ мыслью, что приходится проститься съ пыткой. Вѣдь, никогда еще не изобрѣталъ онъ такой пріятной мысли! И вотъ, 12-го мая, онъ

созвалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ приспѣшниковъ и снова предложилъ пытку. Но опять срѣзался. На однихъ слова Жанны произвели свое дѣйствіе; другіе боялись, что она умретъ подъ пыткой; третьи не думали, чтобъ она подписалась подъ лживымъ признаніемъ даже подъ самой жестокой пыткой. Словомъ, изъ четырнадцати судей, считая и епископа, одиннадцать высказались противъ пытки и стояли на своемъ, несмотря на всѣ проклятія Кошона. За пытку упорно стояли только двое, кромѣ епископа, — Люазелёръ да тотъ ораторъ, которому Жанна велѣла «прочесть свою книгу»,—Тома де-Курсель, знаменитый адвокатъ и учитель краснорѣчія.

Время научило меня быть сдержаннымъ на языкъ. Но я не въ силахъ сдерживаться, когда мнѣ приходятъ на умъ эти три имени—Кошонъ, Курсель, Люазелёръ.

ГЛАВА XVII.

Несравненное величіе.

Снова задержка на десять дней. Великіе богословы, кладезь всякаго многоцѣннаго знанія и премудрости, — члены парижскаго университета все взвѣшивали, разсматривали, обсуждали Двѣнадцать Пунктовъ Лжи.

У меня за это время почти не было никакой работы, и я больше проводилъ дни въ прогулкахъ по городу съ Ноэлемъ. Но онѣ не доставляли намъ никакого удовольствія. Нашъ духъ былъ подавленъ мыслями о Жаннѣ: вѣдь, ея будущее становилось все мрачнѣе и мрачнѣе. Мы естественно сравнивали свою судьбу съ ея участью. Здѣсь—свобода и солнечный свѣтъ, тамъ—мракъ и цѣпи; здѣсь—товарищество, дружба, тамъ—одиночество; здѣсь—разныя развлеченія, тамъ—всевозможныя лишенія. Она привыкла къ полной свободѣ, а теперь была лишена ея совсѣмъ. По своей природѣ и привычкамъ, это было не домашнее созданіе, а ее держали день и ночь въ желѣзной клѣткѣ, точно звѣря. Она привыкла къ свѣту, а теперь вѣчно томилась во мракѣ, гдѣ всѣ предметы принимали тусклый видъ призраковъ. Прежде она жила среди тысячи разнообразныхъ звуковъ жизни, полной хлопотъ и веселья, а теперь была обречена слышать только однообразные шаги часоваго предъ своей тюрьмой. Она лю-

била бесѣдовать съ товарищами, а теперь ей не съ кѣмъ было говорить. Прежде она заливалась смѣхомъ, теперь стала глуха къ веселью. Она была создана для товарищества, для бодраго, отраднаго дѣла, для всякаго рода живой дѣятельности; а теперь проводила дни и ночи въ грустномъ бездѣйствіи, въ неподвижной тишинѣ, съ мыслями, вѣчно вращавшимися въ одномъ и томъ же кругу, изсушавшими мозгъ, разрывавшими сердце на части.

То была настоящая смерть,—да, смерть среди жизни! Мало того: нужно прибавить еще одну бѣду. Молоденькая дѣвушка въ горѣ нуждается въ ласкѣ, утѣшеніи, поддержкѣ лицъ своего пола; ей необходимъ тотъ нѣжный уходъ, тѣ услуги, на которыя способны однѣ женщины. А во всѣ эти мѣсяцы печальнаго заточенія Жанна ни разу не видала ни одного лица женщины или дѣвушки. Подумайте только, какъ ея сердце бросилось бы навстрѣчу такому лицу!

Сообразите все это—и вы увидите, что̀ это за великая душа! Вспомните, гдѣ томилась, чѣмъ была окружена Жанна д'Аркъ. И тутъ-то она, недѣлю за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, боролась одиноко съ умнѣйшими людьми Франціи, посрамляла ихъ самые хитрые замыслы, разрушала ихъ утонченнѣйшіе планы, открывала и обходила ихъ потаеннѣйшія ловушки и западни, разбивала ихъ ряды, отражала ихъ нападенія и, послѣ каждой стычки, сохраняла за собой поле. И всегда-то она оставалась непоколебимой, преданной своей вѣрѣ и своимъ высокимъ образцамъ, всегда презирала пытку, презирала даже костеръ. И на всѣ угрозы вѣчной смертью и муками ада она отвѣчала простыми словами: «Будь, что̀ будетъ, а я стою на своемъ и не отступлюсь!»

Да! Если хотите оцѣнить вполнѣ, какъ велика была душа Жанны д'Аркъ, какъ глубока ея мудрость, какъ свѣтелъ ея умъ, вы должны изучать ее именно здѣсь, когда она одна упорно выдерживала эту безконечную борьбу противъ всѣхъ. Вѣдь, противъ нея стояли не только самые утонченные умы и глубочайшая наука Франціи, но и самые безчестные кляузники, самые низкіе предатели, самыя жестокія сердца, когда-либо существовавшія на землѣ въ любой христіанской или языческой странѣ. Жанна была велика въ битвахъ: это-то всѣ мы знаемъ. Но она была велика также своимъ предвидѣніемъ, чест-

ностью, отчизнолюбіемъ, умѣньемъ примирять ссорящихся вождей и сталкивающіяся между собою выгоды и страсти. Она была велика и своимъ живописнымъ краснорѣчіемъ, и умѣньемъ находить заслугу и геній, гдѣ бы они ни были скрыты. Но особенно велика была она своимъ даромъ возжигать сердца самыхъ унылыхъ людей благороднымъ восторгомъ, превращать зайцевъ въ героевъ, рабовъ и трусовъ—въ рати, идущія на смертный бой съ пѣснями на устахъ.

Но все это—работа бодрящая, оживляющая, которая держитъ на-чеку и ваши руки, и сердце, и умъ. Тутъ—наслажденіе отъ почина, возбужденіе отъ порыва и движенія, градъ рукоплесканій при успѣхѣ. Тутъ душа переполняется жизнью и рвеніемъ, способности раскаляются до бѣла. Тутъ не можетъ быть и рѣчи объ усталости, унынiи, окаменѣлости. Немудрено, что Жанна д'Аркъ была велика всегда во всемъ этомъ. Но верхъ величія, это—Орлеанская Дѣва на судѣ въ Руанѣ! Здѣсь-то она поднялась надъ слабостями и ограниченностью нашей человѣческой природы. Здѣсь она совершила, въ своемъ удручающемъ, безнадежномъ положеніи, все то, что̀ другой, даже съ ея душевными силами, могъ бы совершить лишь съ могучей помощью надежды, радости и свѣта,—совершить, ободряемый улыбками дружественныхъ лицъ, въ справедливой, равной борьбѣ, на глазахъ восхищенныхъ массъ.

ГЛАВА XVIII.

„Дьяволы-ангелы“ богослововъ.

Къ концу десятидневнаго перерыва, парижскій университетъ возвратилъ Двѣнадцать Пунктовъ съ своимъ заключеніемъ. Этотъ изобрѣтатель нашелъ, что Жанна была виновна во всемъ. Она должна отказаться отъ своихъ заблужденій и просить прощенія: нето она будетъ предана свѣтской власти для наказанія.

Заключеніе университета, кажется, было готово еще раньше, чѣмъ ему были присланы Пункты. И все-таки съ пятаго числа до восемнадцатаго университетъ разсматривалъ ихъ. Эта задержка, мнѣ кажется, произошла только изъ-за двухъ пунктовъ: 1) Какіе дьяволы говорили Голосами Жанны? 2) Говорили-ли ея святые только по-французски?

Университетъ, конечно, твердо рѣшилъ, что этими Голосами говорили дьяволы. Оставалось доказать это,—и онъ доказалъ. Онъ выискалъ, кто были эти дьяволы, и назвалъ ихъ въ своемъ приговорѣ. То были Беліалъ, Сатана и Бегемотъ. Это всегда казалось мнѣ сомнительнымъ, не заслуживающимъ особаго довѣрія. Я думаю такъ вотъ почему. Еслибъ университетъ дѣйствительно зналъ, что это—тѣ три дьявола, онъ, уже для вящшей убѣдительности, сказалъ бы, *откуда* онъ это узналъ, а не ограничился бы однимъ заявленіемъ своего мнѣнія: вѣдь, требовалъ же онъ отъ Жанны, чтобы она объяснила, откуда она знала, что это—*не* дьяволы! Развѣ это не вѣрно? На мой взглядъ, положеніе университета было слабовато; и я скажу вамъ—почему. Онъ утверждалъ, что ангелы Жанны—переодѣтые дьяволы; и мы всѣ знаемъ, что дьяволы переодѣваются ангелами. До этой границы положеніе университета сильно. Но онъ самъ пожираетъ свой доводъ, когда дѣлаетъ оборотъ и объявляетъ, что именно *онъ* знаетъ, кто были эти видѣнія, отвергая въ то же время такую же проницательность въ головѣ, которая была не хуже всякой университетской головы.

Доктора университета, значитъ, видали эти созданія, если такъ хорошо знали ихъ. Но если Жанна была обманута видѣніями, то они могли тоже быть обмануты ими: вѣдь, они конечно не превосходили ее умомъ и проницательностью.

Что касается другого вопроса, смутившаго, по моему мнѣнію, университетъ и вызвавшаго проволочку, то я остановлюсь на немъ лишь на минуту и пройду мимо. Они утверждали, что чистое кощунство со стороны Жанны—утверждать, будто ея святые говорили по-французски, а не по-англійски, и стояли за французовъ въ политикѣ. Я думаю, что вопросъ, смутившій докторовъ богословія, состоялъ въ слѣдующемъ. Они рѣшили, что три Голоса были Сатана и два другихъ дьявола; но они рѣшили также, что эти Голоса *не* были на сторонѣ французовъ, стало быть, они были за англичанъ. А если они были за англичанъ, то это—ангелы, а не дьяволы. Словомъ, положеніе становилось затруднительнымъ. Понимаете? Вѣдь, университетъ считался самымъ мудрымъ, самымъ глубокомысленнымъ, самымъ образованнымъ учрежденіемъ въ мірѣ; онъ желалъ быть возможно логичнымъ для поддержанія своей славы. И вотъ, онъ

сидитъ цѣлые дни, все изучая вопросъ, все стараясь найти хоть какой-нибудь здравый смыслъ въ такомъ противорѣчіи: по 1-му пункту, Голоса—дьяволы, по 10-му, они—ангелы. Но пришлось бросить дѣло: не нашли выхода. И до сего дня въ приговорѣ университета значится безъ всякой связи: «дьяволы» въ 1-мъ пунктѣ, «ангелы»—въ 10-мъ.

Заключеніе было отослано въ Руанъ, съ письмомъ къ Кошону, наполненнымъ горячими похвалами. Университетъ превозносилъ его за усердіе въ травлѣ этой женщины, «чьимъ ядомъ отравлена истинная вѣра всего Запада»; въ награду онъ обѣщалъ ему «вѣнецъ неувядаемой славы на небесахъ». *Только-то!* Вѣнецъ на небесахъ! Журавль въ небѣ и никакой синицы въ рукахъ! Ни словечка о руанскомъ архіепископствѣ, изъ-за котораго Кошонъ погубилъ свою душу. Вѣнецъ на небесахъ! Это звучало насмѣшкой въ его ушахъ, послѣ всѣхъ его трудовъ и стараній. Что *ему*-то дѣлать на небесахъ? Онъ никого тамъ не зналъ!

Девятнадцатаго мая собраніе пятидесяти судей засѣдало во дворцѣ архіепископа и рѣшало судьбу Жанны. Нѣкоторые изъ нихъ хотѣли тотчасъ передать ее въ руки свѣтской власти для наказанія: большинство настояло на томъ, чтобы сначала она еще разъ была «милостиво увѣщеваема».

Такимъ образомъ этотъ самый судъ собрался въ замкѣ двадцать третьяго, и Жанну привели туда. Руанскій каноникъ Пьеръ Морисъ сказалъ рѣчь, въ которой увѣщевалъ Жанну спасти свою жизнь и душу, отказавшись отъ своихъ заблужденій и подчинившись церкви. Онъ кончилъ суровой угрозой: если-де она будетъ упорствовать, то погибель ея души несомнѣнна, а разрушеніе ея тѣла вѣроятно.

Жанна была непоколебима. Она отвѣчала:

— Если-бы я была уже приговорена и видѣла костеръ предъ собою и палачей, готовыхъ поджечь его; мало того, еслибъ я была уже въ самомъ огнѣ,—я и тогда не прибавила бы ничего къ тому, что̀ уже сказала на этомъ судѣ. И я стояла бы на своемъ до самой смерти.

Глубокая тишина наступила въ залѣ и длилась нѣсколько минутъ. Она легла мнѣ тяжелымъ камнемъ на сердце. Я принялъ ее

за предзнаменованіе. Кошонъ, наконецъ, важно и торжественно обратился къ Пьеру Морису:

— Имѣете-ли вы что-нибудь еще сказать?

Священникъ низко поклонился и отвѣтилъ:

— Ничего, мой владыко!

— Подсудимая на скамьѣ, имѣешь-ли ты еще что сказать?

— Ничего.

— Въ такомъ случаѣ пренія окончены. Завтра будетъ объявленъ приговоръ. Удалите узницу!

Она вышла, кажется, съ поднятой головой и съ достоинствомъ. Но, право, не знаю: мои глаза наполнились слезами.

Завтра—двадцать четвертое мая! Ровно годъ тому назадъ, я видѣлъ ее, несущейся по полю во главѣ своего войска, въ блестящемъ серебряномъ шлемѣ на головѣ, въ сребротканномъ плащѣ, въ бѣлыхъ перьяхъ, развѣвающихся по вѣтру, съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ. Я видѣлъ, какъ она трижды бросалась на бургундскій лагерь и овладѣла имъ, какъ она вдругъ покатила направо и погналась за запасными войсками герцога. Я видѣлъ, какъ она обрушилась на него въ этомъ приступѣ—послѣднемъ въ ея жизни. И вотъ, этотъ роковой день снова наступилъ: посмотримъ, чтò принесъ онъ!

ГЛАВА XIX.

Послѣдняя западня.

Жанна была признана виновной въ ереси, въ колдовствѣ и во всѣхъ другихъ ужасныхъ преступленіяхъ, выставленныхъ въ Двѣнадцати Пунктахъ. Наконецъ-то жизнь ея была во власти Кошона. Онъ могъ тотчасъ же послать ее на костеръ. Вы думаете, его дѣло было теперь окончено, и онъ былъ удовлетворенъ?.. Нисколько. Въ самомъ дѣлѣ, чего стоило бы его архіепископство, если-бъ народъ взялъ себѣ въ голову, что шайка пристрастныхъ поповъ, рабствующихъ подъ кнутомъ англичанъ, злостно осудила и сожгла Жанну д'Аркъ, Спасительницу Франціи? Она превратилась бы еще въ святую мученицу. Ея духъ воспрянулъ бы тогда изъ ея пепла и съ удесятеренной силой стеръ бы владычество англичанъ до самаго моря; а

съ нимъ слетѣлъ бы самъ Кошонъ. Нѣтъ! Побѣда была еще не окончательная. Вина Жанны должна быть установлена съ очевидностью, которая удовлетворила бы народъ. Но какъ найти эту очевидность? Только одно лицо на свѣтѣ могло доставить ее: это—*сама Жанна д'Аркъ*. Она должна осудить себя самое,—и публично. По крайней мѣрѣ такъ должно *казаться* народу.

Но какъ подстроить это? Ужъ цѣлыя недѣли пропали даромъ въ попыткахъ склонить ее къ сдачѣ. Что еще пустить въ ходъ, чтобъ убѣдить ее? Ей угрожали пыткой, угрожали огнемъ. Что остается еще? Болѣзнь, смертельная усталость да видъ огня, присутствіе самаго огня: вотъ что еще оставалось!

То была счастливая мысль. Вѣдь, въ концѣ концовъ, Жанна была дѣвушка; при болѣзни и истощеніи, дѣвичья слабость должна была взять свое. Да, это была ловкая мысль. Вѣдь, Жанна сама какъ бы призналась, что подъ муками пытки можетъ дать ложное показаніе на себя. Этотъ намекъ стоило запомнить: и его припомнили. Но въ то время она сдѣлала еще одинъ намекъ,—а именно, что когда прекратятся муки, она возьметъ назадъ свое признаніе. Это тоже припомнили.

Видите, она сама научила ихъ, что̀ дѣлать: сначала отнять у нея силу, а потомъ испугать ее огнемъ; а когда страхъ нападетъ на нее, заставить ее подписать бумагу. Но она попроситъ прочесть бумагу. Было бы слишкомъ смѣло отказать ей въ этомъ на судѣ, предъ лицомъ общества. Но предположите, что смѣлость возвратится къ ней во время чтенія,—и она откажется подписать. Ладно. Но это можно обойти. Можно прочесть ей невѣрную бумажку, затѣмъ подсунуть ту большую роковую бумагу и такъ своровать ея подпись. Однако было еще одно затрудненіе. Вѣдь, если Жанна согласится подписать свое отреченіе, то ее надо будетъ освободить отъ смертной казни. Положимъ, ее можно будетъ держать въ одной изъ церковныхъ тюремъ. Но этого мало: англичанъ могла удовлетворить только смерть. Живая, она была пугаломъ, въ тюрьмѣ-ли или на свободѣ—все-равно. Да она ужъ и бѣжала изъ двухъ тюремъ.

Но и это затрудненіе можно было обойти. Кошонъ дастъ ей кое-какія обѣщанія, а она пообѣщаетъ, съ своей стороны, снять мужское платье. Онъ не исполнитъ своихъ обѣщаній и устроитъ

такъ, чтобъ она тоже не сдержала своего. За это повторительное прегрѣшеніе она будетъ приговорена къ костру: вотъ костеръ и готовъ!

Таковы были разные подвохи: стоило только пустить ихъ въ ходъ, одинъ за другимъ,—и игра была выиграна.

Можно было даже точно назначить день, когда эта обманутая дѣвушка, самое невинное, самое благородное созданіе во всей Франціи, будетъ предана жалкой смерти.

Время тоже благопріятствовало, жестоко благопріятствовало. Духъ Жанны еще не палъ; онъ оставался такимъ же непоколебимымъ и возвышеннымъ, какъ всегда; но ея тѣло все изнемогало за послѣдніе десять дней. А сильный духъ нуждается въ здоровомъ тѣлѣ для своей поддержки.

Свѣтъ знаетъ теперь, что замыслы Кошона были какъ разъ такіе, какъ я изложилъ ихъ вамъ; но въ то время никто не зналъ ихъ. Есть достаточно указаній на то, что Варвикъ и другіе англійскіе вожди, кромѣ главнаго, кардинала Винчестерскаго, не были посвящены въ тайну. Со стороны французовъ также только Люазелёръ да Бопэръ знали планъ. Я даже сомнѣвался иногда, знали-ли и они все. Но если кто зналъ, такъ это, конечно, они.

Принято оставлять въ покоѣ осужденнаго въ его послѣдній день. Но въ этой милости было отказано бѣдной Жаннѣ, если вѣрить слухамъ того времени. Люазелёръ проскользнулъ къ ней и, въ качествѣ священника, друга и тайнаго сторонника Франціи и ненавистника Англіи, уговаривалъ ее нѣсколько часовъ сдѣлать «единственно справедливую и правильную вещь»—подчиниться церкви, какъ подобаетъ хорошей христіанкѣ. Тогда-де она тотчасъ будетъ освобождена изъ когтей англичанъ и переведена въ церковную тюрьму, гдѣ съ ней будутъ обращаться прилично и гдѣ тюремщиками будутъ женщины. Онъ зналъ, чѣмъ ее тронуть. Онъ зналъ, какъ ненавистно было ей присутствіе грубой, нечестивой англійской стражи. Онъ зналъ, что Голоса обѣщали ей что-то, что̀ она истолковывала въ смыслѣ бѣгства или какого-то избавленія: она вѣрила, что опять, и уже совсѣмъ побѣдоносно, прольется надъ Франціей благодать того великаго подвига, который былъ предоставленъ ей Небомъ. Кромѣ того, тутъ было еще соображеніе: вѣдь, если ея изнуренное тѣло будетъ теперь еще болѣе ослаблено лишеніемъ покоя и сна, то

завтра ея усталый умъ помрачится, отупѣетъ; въ этомъ болѣзненномъ состоянiи онъ не выдержитъ убѣжденiй, угрозъ, вида костра; онъ не замѣтитъ тѣхъ ловушекъ и западней, которыя такъ быстро замѣчалъ, будучи здоровъ.

Мнѣ нечего говорить вамъ, что я и не ложился спать всю эту ночь; то же Ноэль. Предъ наступленiемъ ночи, мы подошли къ воротамъ города въ смутной надеждѣ, основанной на предсказанiи Голосовъ Жанны, какъ будто обѣщавшихъ, что въ послѣднюю минуту она будетъ освобождена силой.

Великая вѣсть быстро облетѣла всю страну: наконецъ-то Жанна д'Аркъ осуждена; завтра прочтутъ ей приговоръ, и она будетъ сожжена живьемъ. Толпы народа стекались къ городскимъ воротамъ. Было много и такихъ, которыхъ не пропускали солдаты: это—люди съ ненадежными паспортами или вовсе безпаспортные. Мы внимательно приглядывались къ нимъ; но не было замѣтно, чтобы то были переодѣтые наши старые товарищи по оружiю; тутъ положительно не было знакомаго лица. И когда ворота были наконецъ заперты, мы вернулись домой до того опечаленные и разочарованные, что не смѣли даже сами признаться себѣ въ этомъ.

Улицы были полны возбужденнаго народа. Трудно было пробраться сквозь толпу. Бродя безцѣльно по городу, около полуночи мы очутились поблизости отъ красивой церкви Сент-Уанъ. Здѣсь все было въ хлопотахъ. Площадь была усѣяна народомъ съ факелами. Сквозь проходъ черезъ толпу, охраняемый стражей, рабочiе носили доски и бревна и проходили въ кладбищенскiе ворота. Мы спросили, что это дѣлаютъ? Намъ отвѣчали:

— Эшафотъ и костеръ. Развѣ вы не знаете, что завтра утромъ будутъ жечь французскую колдунью?

Мы ушли: у насъ не хватало силъ оставаться на этомъ мѣстѣ.

На зарѣ мы снова были у городскихъ воротъ, на этотъ разъ не безъ надежды, которую наша усталая, лихорадочная мысль раздувала въ полную вѣроятность. Мы слыхали, что настоятель изъ Жюмьежа, со всѣми монахами, идетъ присутствовать при сожиганiи. Наши желанiя, окрыленныя воображенiемъ, превратили этихъ девятьсотъ монаховъ въ старыхъ товарищей Жанны, а ихъ аббата—въ Ля-Гира, Побочнаго, Алансона. Мы пристально всматривались во всѣ

ихъ ряды, когда они проходили среди почтительно разступившейся толпы, привѣтствовавшей ихъ съ непокрытыми головами; сердца у насъ чуть не выпрыгнули отъ радости, глаза же наполнились слезами. Мы старались разглядѣть ихъ лица подъ капюшонами, готовые дать имъ знать при малѣйшемъ движеніи съ ихъ стороны, что мы—люди Жанны, готовые убивать и быть убитыми за правое дѣло. Какъ мы были глупы! Но, вѣдь, мы были молоды; а молодость, вы знаете, вѣритъ во что угодно и надѣется на все.

ГЛАВА XX.

Выпужденное и безплодное отреченіе.

Утромъ я былъ на назначенномъ мнѣ мѣстѣ. То было на помостѣ въ ростъ человѣка, на кладбищѣ Сент-Уана. На тѣхъ же подмосткахъ помѣщалась толпа священниковъ и выдающихся гражданъ, а также нѣсколько законовѣдовъ. Рядомъ, за узкимъ промежуткомъ, возвышался другой помостъ, пошире, съ красивымъ наметомъ въ защиту отъ солнца и дождя, и покрытый богатыми коврами. Тутъ стояли удобныя кресла, изъ которыхъ два были роскошнѣе и повыше другихъ. Одно изъ этихъ креселъ было занято англійскимъ принцемъ королевской крови, его высокопреосвященствомъ кардиналомъ Винчестерскимъ, другое—Кошономъ, епископомъ бовэскимъ. На остальныхъ креслахъ сидѣли три епископа, вице-инквизиторъ, восемь аббатовъ, шестьдесятъ два монаха и законовѣды, засѣдавшіе въ качествѣ судей на послѣднемъ судѣ Жанны.

Въ двадцати шагахъ передъ помостами находилось еще возвышеніе въ видѣ каменной пирамиды, уступы которой образовывали лѣстницы. Надъ нею вздымался страшный предметъ—костеръ. Вокругъ костра были набросаны связки хворосту и дровъ. На землѣ, у подножія пирамиды, стояли три фигуры въ красномъ—палачъ и его помощники. У ихъ ногъ лежала порядочная охапка головешекъ, обратившихся въ бездымную кучу раскаленныхъ угольевъ. На аршинъ дальше лежалъ еще запасъ хвороста и дровъ вышиной по плечо человѣка: тутъ работало, вѣроятно, до шести ломовиковъ. Подумайте только! Мы, кажется, столь нѣжнаго сложенія, столь слабы, легко

разрушимы, а вотъ легче превратить въ пепелъ гранитную статую, чѣмъ сжечь человѣческое тѣло.

Видъ костра заставилъ заныть мои нервы. Но какъ я ни отворачивался, мои глаза невольно возвращались къ нему. Такую чарующую силу имѣетъ надъ нами все ужасное, жестокое!

Мѣсто, занятое помостами и костромъ, было окружено стѣной англійскихъ солдатъ, красивыхъ молодцовъ въ вылощенныхъ броняхъ, стоявшихъ локоть къ локтю, вытянувшихся крѣпкими палками, а за ними, со всѣхъ сторонъ, далеко разстилалось цѣлое море головъ; и не было ни одного окна, ни одной крыши далеко въ окрестности, гдѣ бы не чернѣли кучи народа.

Но все было тихо, неподвижно: словно весь свѣтъ вымеръ. Эта подавляющая тишина и торжественность поддерживались темными сумерками. Небо заволокло нависшимъ покровомъ грозовыхъ тучъ; на далекомъ горизонтѣ змѣились легкія вспышки молніи; по временамъ слышался глухой рокотъ и стоны отдаленнаго грома.

Наконецъ, тишина была нарушена. Изъ-за площади раздался неясный, но знакомый звукъ—краткія, рѣзкія слова команды. Вдругъ море головъ разступилось—и замелькали твердые шаги какого-то отряда. Мое сердце содрогнулось на мгновенье. Ужъ не Ля-Гиръ-ли это, со своими дьяволами? Нѣтъ, то не ихъ походка! Нѣтъ, то была узница подъ стражей; то шествовала Жанна д'Аркъ. Я палъ духомъ настолько-же, насколько воспрянулъ-было передъ тѣмъ. Жанна была очень слаба. Но они вели ее: они ничего не упускали, чтобы совсѣмъ обезсилить ее. Разстояніе было не велико—всего нѣсколько сотъ шаговъ. Но какъ бы оно ни было мало, пройти его было тяжелой работой для того, кто втеченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ сидѣлъ въ цѣпяхъ на одномъ мѣстѣ и чьи ноги разучились ходить. Да еще Жанна, вѣдь, цѣлый годъ вдыхала только холодную сырость темницы; а теперь она томилась въ духотѣ лѣтняго зноя, какъ бы лишеннаго воздуха.

Когда она входила въ ворота, изнемогая отъ усталости, эта тварь, Люазелёръ, былъ уже около нея и что-то нашептывалъ ей, нагибаясь къ ея уху. Мы узнали впослѣдствіи, что онъ опять былъ у нея, утромъ, въ темницѣ, мучилъ ее своими внушеніями, обольщалъ лживыми обѣщаніями. Теперь, у воротъ, онъ продолжалъ свое

дѣло, умоляя ее подчиниться всему, что̀ отъ нея потребуютъ, и завѣряя, что сто̀итъ ей исполнить это—и ей будетъ чудесно. Она отдѣлается-де отъ ужасныхъ англичанъ и найдетъ могущественную защиту и покровительство въ церкви. Негодный человѣкъ! Каменное сердце!

Какъ только Жанну посадили на помостъ, она опустила голову на грудь и закрыла глаза. Сложивъ руки на колѣняхъ, она казалась равнодушной ко всему: ей нуженъ былъ только покой. И блѣдна же она стала,—бѣла, какъ алебастръ!

Какъ оживились лица этой плотной кучи людей! Какъ уставились всѣ глаза на эту хрупкую дѣвушку! Это было такъ естественно. Вѣдь, народъ увидѣлъ наконецъ ту, которую такъ давно жаждалъ видѣть, чье имя наполнило собой всю Европу и затмило всѣ другія имена, всякую иную славу! Увидѣли Жанну д'Аркъ, это чудо своего времени! И я читалъ, какъ по-писанному, мысли, возникавшія въ мозгу толпы: «Возможно-ли это, мыслимо-ли, чтобы это созданьице, эта дѣвушка, это дитя, съ наивнымъ, добрымъ, милымъ, прелестнымъ, нѣжнымъ личикомъ,—чтобы она брала крѣпости приступомъ, нападала на врага во главѣ побѣдоносныхъ ратей, однимъ духомъ сбивала англійскую мощь и затѣмъ одна, безпомощная, вела долгую борьбу противъ всей совокупности ума и науки Франціи—и выиграла бы дѣло, если-бъ только то былъ честный бой?»

Кошонъ очевидно побоялся Маншона, изъ-за его довольно замѣтнаго расположенія къ Жаннѣ. На главномъ писарскомъ мѣстѣ, оставленномъ моимъ господиномъ, былъ другой писецъ. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ сидѣть праздно и наблюдать. Ладно. Я сказалъ, что было сдѣлано все, чтобы истомить тѣло и душу Жанны. Я ошибся. Выдумали еще одинъ подвохъ. Ей стали читать длиннѣйшую проповѣдь въ этой невыносимой жарѣ.

Когда проповѣдникъ началъ, она бросила вокругъ себя сокрушенный, безнадежный взглядъ и снова опустила голову. Этотъ проповѣдникъ былъ Гильомъ Эраръ,—знаменитость по части краснорѣчія. Онъ взялъ за основаніе своей рѣчи Двѣнадцать неправдъ. Онъ излилъ на голову Жанны до мельчайшихъ подробностей всѣ клеветы, которыя были закупорены въ этой ядовитой кашѣ, и выложилъ всю скотскую брань, которою были уснащены Двѣнадцать Пунктовъ; а самъ все больше и больше ярился и бушевалъ. Но всѣ

его труды пропали даромъ. Она, казалось, погрузилась въ дремоту, не двинула пальцемъ, повидимому ничего и не слышала. Наконецъ, ораторъ разразился такимъ воззваніемъ:

— О, Франція! Какъ ты вдругъ была обманута! Ты всегда была обителью христіанства; а теперь Карлъ, именующій себя королемъ и правителемъ, подписывается, какъ еретикъ и отщепенецъ, подъ словами и дѣлами негодной, гнусной женщины!

Жанна подняла голову. Ея глаза вспыхнули, заблистали.

Проповѣдникъ обратился къ ней:

— Я тебѣ говорю, Жанна! Говорю тебѣ, что твой король—еретикъ и отщепенецъ!

О, онъ могъ поносить *ее* лично, сколько угодно: она перенесла бы все! Но даже въ этотъ смертный часъ она не могла хладнокровно слышать ни слова противъ короля,—противъ этой неблагодарной, предательской собаки, чье мѣсто должно было быть въ ту минуту здѣсь, кто долженъ былъ, съ мечемъ въ рукѣ, прогнать всѣхъ этихъ гадовъ и спасти самаго благороднаго слугу, какой когда-либо бывалъ у королей. И Карлъ *былъ бы* здѣсь, еслибъ это былъ король, а не то, чѣмъ я сейчасъ назвалъ его! Преданная душа Жанны была оскорблена. Она повернулась къ проповѣднику и кинула ему въ лицо всего нѣсколько словъ, но такихъ, что толпа признала въ нихъ обычный духъ Жанны д'Аркъ:

— Клянусь честью, сударь! Смѣю сказать и поклясться подъ страхомъ смерти, что мой король—самый благородный христіанинъ изъ всѣхъ христіанъ и что онъ больше всѣхъ любитъ вѣру и церковь!

Изъ толпы послышался взрывъ одобренія. Это разозлило проповѣдника. Вѣдь, у него голова ныла въ ожиданіи рукоплесканій, а они достались противнику; онъ вспотѣлъ надъ работой, а добычу унесъ другой. Онъ топнулъ ногой и крикнулъ шерифу:

— Заставьте ее замолчать!

Народъ разсмѣялся. Толпѣ показался презрѣннымъ взрослый мужчина, который взываетъ къ помощи шерифа въ защиту отъ больной дѣвушки.

Жанна больше сдѣлала однимъ словомъ, чѣмъ проповѣдникъ цѣлой сотней фразъ. Онъ былъ выбитъ изъ сѣдла, и ему не легко

было оправиться. Впрочемъ не было и нужды въ его болтовнѣ. Толпа вообще была настроена въ пользу англичанъ. Она подчинялась только непреодолимому закону нашей природы, — смѣяться и рукоплескать быстрому, ловкому отвѣту, съ чьей бы стороны онъ ни исходилъ. Но толпа была на сторонѣ проповѣдника. Она лишь на мгновенье была обольщена — и вскорѣ снова вернулась къ старому. Она пришла сюда посмотрѣть, какъ будутъ жечь дѣвушку: устройте только ей это зрѣлище, да поскорѣе — и она останется довольна.

Теперь проповѣдникъ прямо предложилъ Жаннѣ подчиниться церкви. Онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ: Люазелёръ и Бопэръ вбили ему въ голову, что Жанна была въ конецъ измучена, истощена и уже не въ силахъ болѣе сопротивляться. И дѣйствительно, стоило взглянуть на нее, чтобы понять, что они были правы. Тѣмъ не менѣе она сдѣлала еще одно усиліе и сказала утомленнымъ голосомъ:

— Что касается этого, то я уже отвѣчала моимъ судьямъ. Я уже просила ихъ, чтобы они передали на судъ нашего св. отца, папы, все, что̀ я говорила и сдѣлала: я взываю къ нему, послѣ Бога!

Такъ, снова она, съ врожденной ей мудростью, произнесла эти грозныя слова, не подозрѣвая ихъ значенія. Но эти слова не могли ей помочь теперь, когда тутъ же стоялъ костеръ и цѣлая толпа враждебныхъ лицъ. Тѣмъ не менѣе они заставили каждаго церковника отшатнуться въ ужасѣ; а проповѣдникъ заторопился перемѣнить предметъ рѣчи. Какъ было имъ не шарахнуться! Вѣдь, воззваніе Жанны къ папѣ сразу лишало Кошона власти надъ ней и уничтожало все, что̀ сдѣлалъ онъ съ своими судьями, и даже все, что̀ они могли бы сдѣлать впредь.

Затѣмъ, послѣ еще нѣсколькихъ переговоровъ, Жанна повторила, что всѣ ея слова и дѣла совершены по повелѣнію Бога. Когда была сдѣлана еще попытка задѣть короля, а также его и ея друзей, Жанна остановила ее словами:

— Я ни на кого не сваливаю отвѣтственности за мои слова и дѣйствія, — ни на моего короля, ни на кого другаго. Если въ нихъ есть что-нибудь преступное, я одна виновата и никто другой.

Ее спросили, не желаетъ-ли она отречься отъ тѣхъ словъ и поступковъ, которые судьи признали преступными? Ея отвѣтъ опять смутилъ и подкосилъ всѣхъ:

— Предаю ихъ на судъ Богу и папѣ.

Опять папа! Дѣло становилось поистинѣ затруднительно. Ей предлагаютъ подчиниться церкви, а она прямо предлагаетъ, въ отвѣтъ, передать свое дѣло самому ея главѣ. Чего же еще требовать отъ нея? И какъ отвѣчать на этотъ грозный отвѣтъ, не допускавшій никакого отвѣта?

Измученные судьи наклонились другъ къ другу и начали шептаться, совѣщаться, измышлять новыя затѣи. Наконецъ, они вынесли довольно хромое рѣшеніе, впрочемъ—лучшее, чтò они могли изобрѣсти топчась въ такой тѣснотѣ. Папа-де такъ далеко отсюда. Да, и зачѣмъ къ нему идти, когда у присутствующихъ здѣсь судей было достаточно власти, чтобы справиться съ настоящимъ дѣломъ? Они, вѣдь, въ данномъ случаѣ, и составляютъ «Церковь». Въ другое время они, пожалуй, сами посмѣялись бы надъ такимъ рѣшеніемъ, но не теперь. Имъ было не до смѣха.

Толпа становилась нетерпѣливой. Она уже представляла страшный видъ. Она устала стоять, изнывала отъ палящаго зноя; а громъ приближался, молніи блистали все ярче. Надо было спѣшить. Эраръ показалъ Жаннѣ писанную бумагу, которая была вполнѣ приготовлена заранѣе, и крикнулъ ей, чтобъ отрекалась.

— Отрекаться? Что значитъ—отрекаться?

Она не знала этого слова. Массьё объяснилъ ей. Она старалась вникнуть въ его слова, но, совсѣмъ ослабѣвши отъ истощенія, не могла собраться съ мыслями. Его объясненіе было какой-то кашей странныхъ словъ. Въ отчаяніи, она разразилась мольбой:

— Взываю ко вселенской церкви: должна-ли я отрекаться или нѣтъ?

Эраръ закричалъ:

— Ты тотчасъ же отречешься, или немедленно будешь сожжена!

Она оглянулась и, при этихъ ужасныхъ словахъ, въ первый разъ увидала костеръ и груду раскаленныхъ угольевъ, которые теперь еще больше раскалились и принимали зловѣщій видъ подъ надвигавшейся грозой. Она раскрыла ротъ и зашаталась бормоча, жуя какія-то

невнятныя слова и обводя блуждающимъ взоромъ народъ и все зрѣлище, словно ошалѣвшій или погруженный въ дремоту человѣкъ, не сознающій, гдѣ онъ находится.

Попы толпились вокругъ нея, умоляя ее подписать бумагу. Многіе разомъ и просили, и приказывали. Даже повсюду среди взволнованной толпы поднялся шумъ и гамъ.

— Подписывай, подписывай—и будешь спасена!—кричали попы.

— Сдѣлай, какъ я говорилъ тебѣ, и не погуби себя!—шепталъ ей на ухо Люазелёръ.

Жанна жалобно простонала имъ:

— Ахъ, не хорошо вы дѣлаете, соблазняя меня!

Присоединились и судьи. Да, и ихъ желѣзныя сердца растаяли! Они говорили:

— О, Жанна, намъ такъ жалко тебя! Возьми же обратно свои слова! Нето, вѣдь, мы должны будемъ предать тебя казни!

А съ другого помоста раздался другой голосъ, торжественно заглушавшій шумъ: то Кошонъ читалъ смертный приговоръ.

Силы покинули Жанну. Она съ минуту стояла съ дикимъ взоромъ; потомъ тихо опустилась на колѣни и, склонивъ голову, произнесла:

— Покоряюсь.

Ей не дали времени опомниться: они предвидѣли опасность. Едва она успѣла сказать эти слова, какъ Массьё сталъ читать ей отреченіе, а она, какъ кукла, повторяла за нимъ безсознательно и—*улыбаясь*. Ея блуждающая мысль очевидно была далеко, въ иномъ, болѣе блаженномъ мірѣ.

Тутъ краткая бумага въ шесть строкъ была отложена въ сторону, а ей подсунули для подписи другую, большую, въ нѣсколько страницъ. Она, не замѣчая ничего, сдѣлала помѣтку, трогательно извиняясь, что не умѣетъ писать. Но писецъ англійскаго короля позаботился объ этомъ. Онъ взялъ ея руку и вывелъ—*Jehanne*.

Великое преступленіе было совершено. Она подписала... но что? Она не знала, но другіе знали. Она подписала бумагу, которая объявляла ее колдуньей, сообщницей дьяволовъ, лгуньей, богохульницей, отрицающей Господа и Его ангеловъ, кровожадной, смутьянкой, лютой, непотребной, посланницей Сатаны. Эта же подпись заставляла ее на-

дѣть женское платье. Тамъ были еще другія обѣщанія съ ея стороны. Но этого одного было достаточно: оно одно могло сгубить ее.

Люазелёръ протѣснился впередъ и похвалилъ ее за это «хорошее дѣло па сей день».

Но она была какъ во снѣ: врядъ-ли она слышала, что̀ происходило кругомъ.

Тогда Кошонъ произнесъ слова, которыя снимали отлученіе и пріобщали Жанну вновь къ любимой церкви, со всѣми ея дорогими обрядностями. О, *это-то* она слышала! Можно было видѣть это по той благодарности, которая заиграла на ея лицѣ и озарила его радостью.

Но какъ мимолетно было это счастье! Кошонъ, безъ малѣйшей дрожи сожалѣнія въ голосѣ, прибавилъ убійственныя слова:

— А дабы она могла раскаяться въ своихъ грѣхахъ и не впадала въ нихъ снова, ее приговариваютъ къ пожизненному заточенію. Да питается она хлѣбомъ горести, да утоляетъ жажду водой сокрушенія!

Пожизненное заточеніе! Ей никогда не приходило въ голову ничего подобнаго. Ни Люазелёръ, ни кто другой никогда и не напоминали ей объ этомъ. Люазелёръ ясно сказалъ ей и обѣщалъ, что «все будетъ къ лучшему для нея». И, вѣдь, послѣднія слова, сказанныя ей Эраромъ здѣсь же, на этомъ самомъ помостѣ, когда онъ убѣждалъ ее покориться, были прямымъ, безусловнымъ обѣщаніемъ, что, покорившись, она *избавится отъ заточенія.*

Съ минуту Жанна оставалась безмолвной, оглушенной. Затѣмъ она припомнила, къ своему утѣшенію, какъ самъ Кошонъ прямо обѣщалъ ей, что она будетъ узницей церкви, и при ней будутъ женщины вмѣсто скотскихъ иностранныхъ солдатъ. И вотъ, она повернулась къ собранію священниковъ и сказала съ грустнымъ смиреніемъ.

— Теперь вы, люди церкви, возьмите меня въ свою темницу и не оставляйте меня болѣе въ рукахъ англичанъ!

Она подобрала свои цѣпи и приготовилась идти. Но, увы! Изъ устъ Кошона раздались позорныя слова, съ насмѣшливой улыбкой:

— Уведите ее въ ту тюрьму, изъ которой она пришла!

Бѣдная, обманутая дѣвушка! Она стояла онѣмѣлая, пораженная,

окаменѣлая. Жалко было смотрѣть на нее. Проведенная, обманутая, преданная! Теперь только она поняла все...

Раздался барабанный бой—и на одно мгновенье она подумала о славномъ избавленіи, обѣщанномъ ей ея Голосами: я прочиталъ это по восторгу, озарившему ея лицо. Но вдругъ она увидала, что это—ея тюремная стража: и свѣтъ померкнулъ, и ужъ навсегда. Головка ея начала тихо покачиваться, какъ у человѣка, переносящаго невыразимыя страданія, какъ у несчастнаго, у котораго разбилось сердце. Печально ушла она отъ насъ, закрывъ лицо руками и горько рыдая.

ГЛАВА XXI.

„Не безпокойтесь, милордъ!"

Повидимому, кромѣ кардинала Винчестерскаго, никто не зналъ въ Руанѣ той ловкой игры, которую велъ Кошонъ. Можете себѣ представить удивленіе и ошеломленность всей этой кишѣвшей толпы народа и кучи церковниковъ на обоихъ помостахъ, когда они увидали, что Жанна д'Аркъ уходитъ цѣла и невредима, ускользаетъ изъ ихъ когтей! И это—все, послѣ такого тягостнаго, мучительнаго ожиданія? Нѣкоторое время никто не могъ шевельнуться, не могъ говорить. Такъ поразительно было всеобщее изумленіе; такъ невѣроятно было то обстоятельство, что костеръ стоитъ-себѣ на своемъ мѣстѣ пустой, а его жертва преспокойно уходитъ. Наконецъ, всѣ возопили въ ярости. Со всѣхъ сторонъ посыпались проклятія и обвиненія въ измѣнѣ. Полетѣли даже камни: одинъ изъ нихъ чуть не убилъ кардинала Винчестерскаго, просвиставъ у самой его головы. Впрочемъ нельзя винить человѣка, который бросилъ его, за то, что онъ промахнулся: онъ былъ взволнованъ, а взволнованный человѣкъ никогда не броситъ мѣтко. Одно время шумъ былъ поистинѣ ужасенъ. Въ суматохѣ одинъ капланъ кардинала забылся до того, что, размахивая кулакомъ передъ самымъ носомъ епископа бовэскаго, закричалъ:

— Ей Богу, вы—предатель!

— Вы лжете!—отвѣтилъ епископъ.

Онъ предатель! О, какъ онъ былъ похожъ на предателя! Вѣдь,

то былъ, безъ сомнѣнія, самый послѣдній изъ всѣхъ французовъ, котораго англичанинъ могъ такъ назвать.

Графъ Варвикъ потерялъ, наконецъ, терпѣніе. Онъ былъ храбрый воинъ; но когда дѣло шло объ умственныхъ предметахъ, о хитросплетеніяхъ, кляузахъ и ловушкахъ, онъ оказывался совсѣмъ плохъ, не видѣлъ дальше своего носа. Онъ разразился во-всю, повоенному. Онъ клялся, что англійскій король обманутъ самымъ предательскимъ образомъ и что Жаннѣ д'Аркъ дали избѣгнуть костра. Но ему шепнули въ утѣшеніе:

— Не безпокойтесь, милордъ! Скоро она опять будетъ у насъ въ рукахъ.

Вѣроятно, подобный же слухъ проникъ въ народъ: вѣдь, добрыя вѣсти проникаютъ также быстро, какъ и дурныя. Во всякомъ случаѣ, ярость утихла; всѣ толпы разсыпались и исчезли. При такихъ обстоятельствахъ наступилъ полдень страшнаго четверга.

Мы, двое юношей, были счастливы, такъ счастливы, какъ нельзя высказать словами: мы, вѣдь, были посвящены въ тайну не больше, чѣмъ всѣ другіе. Жизнь Жанны была спасена. Мы знали это: и этого было достаточно для насъ. Франція узнаетъ о позорѣ сегодняшняго утра—и тогда... Тогда ея сыны соберутся подъ ея знаменами тысячами тысячъ; и ихъ гнѣвъ будетъ подобенъ бурѣ на океанѣ; они бросятся на этотъ проклятый городъ и захлестнутъ его, какъ непреоборимыя волны этого океана. И Жанна д'Аркъ снова выступитъ! Шесть, семь дней, недѣлька—и Франція, благодарная Франція, негодующая Франція, загремитъ у этихъ воротъ! Будемъ же считать часы, минуты, секунды! О, счастливый день, день восторга! Сердца наши словно пѣли въ нашей груди!.. Мы, вѣдь, были молоды тогда, очень молоды!..

Вы думаете, несчастной узницѣ позволили лечь и уснуть послѣ пытки того дня, когда отняли у нея послѣднія силы и снова бросили ея истерзанное тѣло въ старую темницу?

Нѣтъ! Кровожадныя ищейки не дали ей покоя. Кошонъ и нѣсколько его приспѣшниковъ послѣдовали немедленно въ ея логовище. Они нашли ее отупѣлой, печальной: и тѣлесныя, и душевныя ея силы находились въ изнеможеніи. Ей сказали, что она отреклась отъ своихъ заблужденій и дала нѣкоторыя обѣщанія, между прочимъ со-

гласилась надѣть женское платье; если же она впадетъ въ прежніе грѣхи, церковь окончательно откажется отъ нея. Она слышала эти слова; но они были лишены для нея всякаго смысла. Она была похожа на человѣка, принявшаго хорошаго дурманцу: она смертельно хотѣла спать; ей нуженъ былъ отдыхъ послѣ томительной игры; она должна была остаться одна. Она, какъ кукла, дѣлала все, чего требовалъ отъ нея ея преслѣдователь, плохо замѣчая и почти не помня, что̀ она дѣлаетъ. И вотъ, она надѣла женское платье, которое принесли ей Кошонъ и его пріятели. И когда Жанна стала приходить въ себя, она едва сознавала, какъ и когда произошла эта перемѣна.

Кошонъ ушелъ счастливый и довольный. Вѣдь, Жанна надѣла женское платье безъ прекословія; и ее прямо предостерегли относительно повторенія старыхъ грѣховъ. И у него были свидѣтели на все это. Чего же лучше?

Однако предположимъ, что она *не* впадетъ въ прежнія прегрѣшенія. Ну, тогда можно будетъ довести ее до этого!

Не намекнулъ ли Кошонъ англійскимъ стражникамъ, что если они станутъ поступать съ своей узницей немилосерднѣе, жесточе прежняго, то начальство не обратитъ вниманія на это? Весьма вѣроятно. Во всякомъ случаѣ, съ той минуты стража стала поступать именно такъ—и начальство *не* обратило вниманія на это. Да, съ той поры жизнь Жанны въ этой тюрьмѣ стала почти невыносима. Не спрашивайте у меня подробностей: я не въ силахъ сообщить ихъ.

ГЛАВА XXII.

„Опять прегрѣшеніе!“—Роковой отвѣтъ.

Пятница и суббота были счастливыми днями для меня и Ноэля. Наши головы были полны блестящихъ грезъ: Франція поднялась... Франція тряхнула своей гривой... Франція двинулась въ походъ... Франція у воротъ... Руанъ превращенъ въ прахъ... И Жанна свободна!.. Наше воображеніе пылало; мы были внѣ себя отъ гордости и радости. О, мы были очень молоды, я ужъ сказалъ это!..

Мы ничего не знали, что̀ произошло наканунѣ вечеромъ въ темницѣ. Мы воображали, что разъ Жанна отреклась и возвратилась

въ лоно милосердой церкви, то уходъ за ней теперь будетъ чудесный, и ея узничество станетъ самымъ пріятнымъ, покойнымъ, какъ только можно желать при данныхъ обстоятельствахъ. И, предовольные собой, мы размышляли о нашемъ участіи въ великомъ избавленіи Дѣвы, мечтали о нашихъ подвигахъ. То были два счастливѣйшихъ дня въ нашей жизни.

Наступило утро воскресенья. Я проснулся, наслаждаясь мягкимъ, душистымъ воздухомъ, и размышлялъ... О чемъ же больше было размышлять, какъ не о спасеніи Жанны? У меня не было иной мысли: я весь былъ поглощенъ ею, опьяненъ счастьемъ.

Вдругъ я услыхалъ голосъ, раздававшійся далеко по улицѣ и становившійся все яснѣе по мѣрѣ приближенія:

— *Жанна д'Аркъ опять прегрѣшила! Пришелъ конецъ вѣдьмѣ!*

Меня кольнуло въ сердце; кровь моя оледенѣла. Ужъ болѣе шестидесяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а этотъ побѣдный кликъ звучитъ и сейчасъ въ моей памяти, какъ звучалъ онъ въ моихъ ушахъ въ то лѣтнее утро. Мы такъ странно устроены! Воспоминанія, которыя могли бы осчастливить насъ, проходятъ, а тѣ, что̀ разбиваютъ наше сердце, остаются надолго.

Вскорѣ этотъ кликъ подхватили другіе голоса—много, сотни голосовъ. Весь міръ, казалось, былъ полонъ звѣрской радости. Слышны были и другіе звуки—топотъ бѣгущихъ людей, веселыя поздравленія, взрывы грубаго хохота, бой барабановъ, громъ и трескъ отдаленныхъ шаекъ, оскорбляющихъ святость воскреснаго дня побѣдной, благодарственной музыкой.

Около полудня пришелъ приказъ мнѣ и Маншону идти въ темницу,—приказъ отъ самого Кошона. Между тѣмъ англичанами и ихъ солдатами опять овладѣло недовѣріе; и весь Руанъ былъ въ гнѣвномъ, грозномъ настроеніи. Мы могли видѣть изъ нашихъ оконъ много доказательствъ этой злобы: яростныя толпы народа блуждали по улицамъ, показывая кулаки, бросая свирѣпые взгляды, производя гвалтъ.

Мы узнали, что и въ замкѣ дѣла шли изъ рукъ вонъ плохо. Подъ его стѣнами собралась громадная толпа, которая считала новое прегрѣшеніе ложью, поповской штукой; и тутъ было много полу-

пьяныхъ англійскихъ солдатъ. Они не ограничивались однѣми угрозами на словахъ, но схватили нѣсколько церковниковъ, пробиравшихся въ замокъ; и было не легко освободить ихъ и спасти имъ жизнь.

Маншонъ отказался идти. Онъ сказалъ, что не сдѣлаетъ шагу, если Варвикъ не пришлетъ стражи. На слѣдующее утро Варвикъ прислалъ ему отрядъ солдатъ—и мы пошли.

Между тѣмъ волненіе не утихало: оно даже усилилось. Стража защищала насъ отъ обиды дѣйствіемъ; но когда мы протѣснялись въ замокъ сквозь огромную толпу, насъ осыпали оскорбленіями и площадной бранью. Однако я переносилъ все довольно спокойно, утѣшая себя словами: «Погодите, друзья мои, черезъ три-четыре дня вы запоете другое; и я приду послушать васъ!».

По моему разумѣнію, всѣ они были все-равно, что мертвые. Много-ли изъ нихъ уцѣлѣетъ, какъ только явится помощь Жаннѣ? Конечно, не больше, чѣмъ сколько потребуется для забавы палача на полчасика.

Оказалось, что слухъ былъ вѣренъ. Жанна впала въ старый грѣхъ: она снова сидѣла въ цѣпяхъ, въ своемъ мужскомъ платьѣ.

Она никого не обвиняла: такова ужъ была ея природа! Она никогда не обвиняла слугу за то, чтò тотъ совершалъ по приказанію своего господина. Ея голова теперь прояснилась. И она поняла, что все, чтò врагамъ удалось вырвать отъ нея прошлымъ утромъ, было дѣломъ не подчиненнаго, а его господина—Кошона.

Вотъ что случилось. Раннимъ утромъ въ воскресенье, пока Жанна спала, одинъ изъ тюремщиковъ утащилъ у нея женское платье и подмѣнилъ его мужскимъ. Проснувшись, она потребовала женское платье, но тюремщики отказались отдать его. Она настаивала, говоря, что ей запрещено носить мужское платье; но ея не слушались. Но надо же ей было одѣться уже изъ скромности! Кромѣ того, она увидѣла, что все-равно ей не спасти своей жизни, разъ приходится бороться съ такими предательскими подвохами. И она снова надѣла запрещенное платье, отлично зная, чѣмъ это кончится. Бѣдняжка устала отъ борьбы!

Мы вошли вслѣдъ за Кошономъ, вице-инквизиторомъ и другими—шесть или восемь человѣкъ. Я увидалъ Жанну опять въ цѣ-

пяхъ, одинокую, унылую, тогда какъ я ожидалъ совсѣмъ иного... Я просто не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать. Ударъ былъ слишкомъ силенъ. Я, вѣдь, сомнѣвался въ ея прегрѣшеніи, или, пожалуй, вѣрилъ, но не могъ объяснить себѣ...

Побѣда Кошона была полная. Въ послѣднее время у него было разстроенное, гнѣвное, кислое лицо. Но теперь оно прояснилось и выражало удовольствіе. Его красная рожа была полна спокойствія и коварной радости. Онъ приблизился, волоча за собой рясу, и, разставивъ ноги, величественно сталъ прямо противъ Жанны. И стоялъ такъ больше минуты, выпучивъ глаза, наслаждаясь видомъ этого бѣднаго погибшаго созданья, которое доставило ему столь высокое мѣсто въ служеніи кроткому, милосердому Іисусу, Спасителю міра, Господу вселенной,—т. е., если англичане сдержатъ обѣщаніе, данное ими тому, кто самъ не сдерживалъ никакихъ обѣщаній.

Судьи стали допрашивать Жанну. Одинъ изъ нихъ, по имени Маргери, человѣкъ болѣе проницательный, чѣмъ благоразумный, обратилъ вниманіе на перемѣну одежды Жанны и сказалъ:

— Тутъ что-то не ладно. Какъ она могла получить это платье безъ посторонней помощи? А можетъ быть, тутъ было что-нибудь и похуже.

— Тысячу чертей!—закричалъ Кошонъ въ ярости.—Заткните же свою глотку!

— Арманьякъ! Измѣнникъ!—кричали стражники и замахнулись на Маргери своими копьями. Его съ трудомъ спасли отъ смерти. Бѣдняга ужъ больше не пытался помогать слѣдствію. Другіе судьи начали допросъ.

— Почему ты снова надѣла мужское платье?

Я не разобралъ отвѣта Жанны: въ ту самую минуту алебарда, выскользнувъ изъ рукъ одного солдата, упала съ шумомъ на полъ. Мнѣ показалось только, будто Жанна сказала, что надѣла это платье по своему собственному желанію.

— Но, вѣдь, ты обѣщала и поклялась, что не станешь носить его.

Я ожидалъ съ безпокойствомъ ея отвѣта на этотъ вопросъ. И она отвѣтила именно такъ, какъ я ожидалъ:

— Я и не думала клясться, что никогда не надѣну этого платья.

Такъ и есть! Я все время думалъ, что она ничего не помнила и не сознавала, чтѝ произошло въ четвергъ на помостѣ. Этотъ отвѣтъ доказалъ, что я не ошибся. Жанна прибавила:

— Но я имѣла право носить это платье: вѣдь, вы не исполнили своихъ обѣщаній. А именно: мнѣ обѣщали разрѣшить идти къ обѣднѣ, причащаться. Обѣщали снять эти цѣпи, а онѣ все еще на мнѣ. Видите?

— Однако ты отреклась отъ всего и особенно обѣщала отказаться отъ этого платья.

Тутъ Жанна подняла свои скованныя руки къ этимъ безсердечнымъ людямъ и сказала:

— Я скорѣй готова умереть, чѣмъ продолжать такую жизнь!.. Но я буду покорна, стану дѣлать все, чтѝ вамъ ни кажется хорошимъ, если только снимете съ меня цѣпи, уведете меня въ тюрьму кающихся, позволите мнѣ слушать обѣдню и приставите ко мнѣ женщину.

На это Кошонъ фыркнулъ насмѣшливо. Почитать договоръ, заключенный съ нею имъ и его шайкой? Исполнять его условія? Какой вздоръ! Условія и обѣщанія были хороши, когда въ нихъ была польза. Но они уже сослужили свою службу. Теперь требовалось что-нибудь новенькое, и посущественнѣе. Положимъ, мужскаго платья уже достаточно для извлеченія всяческой пользы. Но нельзя-ли вынудить у Жанны еще какую-нибудь прибавочку къ этому роковому преступленію? И вотъ, Кошонъ спросилъ: не говорили-ли съ ней ея Голоса послѣ четверга?

— Да,—отвѣтила она.

Оказалось, что Голоса бесѣдовали съ ней именно объ отреченіи: они *сказали* ей о немъ, какъ мнѣ послышалось. Она искренно подтвердила божественное происхожденіе своего посланничества. Это было сказано безъ всякаго смущенія, словно она никогда не отрекалась сознательно. Такъ, я снова убѣдился, что она не имѣетъ понятія о томъ, чтѝ дѣлала въ четвергъ утромъ на помостѣ.

Она закончила словами:

— Мои Голоса сказали мнѣ, что я поступила нехорошо, признавъ, будто все совершенное мною—дурно.

Тутъ она вздохнула и прибавила просто:

— Вѣдь, это было изъ страха предъ огнемъ.

Да, изъ боязни огня она подписала бумагу, содержанія которой не знала тогда: это объяснили ей потомъ ея Голоса да свидѣтельство ея гонителей.

Теперь она была здорова, неистощена. Къ ней вернулось ея мужество, а съ нимъ—и ея врожденная правдивость. Жанна снова говорила смѣло и откровенно, хотя и знала, что ея слова предаютъ ея тѣло тому самому огню, котораго она такъ боялась.

Отвѣтъ ея былъ довольно обстоятеленъ, искрененъ и совершенно свободенъ отъ всякихъ утаекъ или прикрышекъ. Я содрогнулся. Я зналъ, что она сама произнесла свой смертный приговоръ. То же подумалъ и бѣдняга Маншонъ. Онъ написалъ на поляхъ: *Responsio mortifera*!

Роковой отвѣтъ! Да! Всѣ присутствующіе знали, что это былъ роковой отвѣтъ. Всѣ замолкли сразу, какъ у постели больнаго, когда сидѣлки глубоко вздыхаютъ и шепчутъ другъ другу: «Все кончено!»

Здѣсь тоже все было кончено. Но немного погодя, Кошонъ, желая, такъ сказать, заклепать, припечатать дѣло, обратился къ ней съ вопросомъ:

— Вѣришь-ли ты и теперь, что твои Голоса были св. Маргарита и св. Екатерина?

— Да. И онѣ нисходятъ отъ Бога.

— Но ты отреклась отъ нихъ на эшафотѣ!

Тогда она заявила прямо, что никогда не имѣла намѣренія отрекаться отъ нихъ; а если (я замѣтилъ это *если*), «если она сдѣлала какое-либо отреченіе на эшафотѣ, то лишь изъ страха передъ огнемъ», и что «это было нарушеніемъ правды».

Вотъ опять! Видите? Она, очевидно, ничего не знала о томъ, что̀ дѣлала на эшафотѣ до тѣхъ поръ, пока не была оповѣщена народомъ и своими Голосами.

Жанна заключила это мучительное зрѣлище словами, въ которыхъ звучала тяжелая, трогательная нота.

— Мнѣ хотѣлось бы сразу отбыть свое наказаніе: дайте мнѣ умереть! Я не могу дольше выносить заключенія.

Душа ея, рожденная для свѣта и свободы, такъ жаждала избавленія, что готова была принять его въ какомъ угодно видѣ, даже въ видѣ смерти.

Нѣкоторые изъ судей вышли печальные и взволнованные, другіе же совсѣмъ въ другомъ настроеніи.

Во дворѣ замка мы застали графа Варвика и пятьдесятъ англичанъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ новостей. Какъ только Кошонъ увидѣлъ ихъ, онъ выпалилъ, *смѣясь*, съ нахальствомъ человѣка, погубившаго бѣдную, одинокую дѣвушку и еще смѣющаго издѣваться надъ нею:

— Будьте покойны: съ нею все покончено!

ГЛАВА XXIII.

Послѣднее письмо.—Видѣніе Древа.—Приготовленіе къ смерти.

Молодые люди способны сразу впадать въ отчаяніе, а потомъ опять питать надежды; такъ точно было и съ Ноэлемъ, и со мной. Мы вспоминали неопредѣленныя обѣщанія Голосовъ и говорили другъ другу: «Славное освобожденіе должно произойти въ *послѣднюю минуту*. Раньше не было еще рѣшительной минуты, но теперь она наступила, — и должно свершиться обѣщанное. Придетъ король, явится Ля-Гиръ, а вмѣстѣ съ ними и всѣ наши старые служаки, затѣмъ возстанетъ и вся Франція!» Такія мысли преисполняли радостью наши сердца. Въ воображеніи, мы уже слышали возбуждающую музыку, бряцаніе стали, воинственные возгласы и суматоху нападенія; и предъ нами рисовалась наша узница свободной, безъ цѣпей, съ мечемъ въ рукѣ.

Но и этому мечтанію былъ положенъ конецъ; и оно ни къ чему не привело.

Поздно вечеромъ вошелъ Маншонъ и сказалъ:

— Я пришелъ изъ тюрьмы: у меня есть къ вамъ порученіе отъ того несчастнаго ребенка.

Порученіе ко мнѣ! Если-бъ онъ былъ повнимательнѣй, онъ, вѣроятно, открылъ бы мою тайну, узналъ бы, что мое равнодушіе къ узницѣ было лишь притворствомъ. Меня застали врасплохъ. Она удостоила меня такой чести! Я такъ взволновался съ радости, что мои мысли навѣрно отразились на моемъ лицѣ и въ моихъ движеніяхъ.

— Порученіе ко мнѣ, ваше преподобіе?

— Да. Дѣло идетъ объ одномъ ея желаніи. Она сказала, что

обратила вниманіе на молодого человѣка, моего помощника, что у него хорошее лицо, и спросила: какъ мнѣ кажется, способенъ-ли онъ ей сдѣлать одолженіе? Я отвѣтилъ, что знаю, что вы это сдѣлаете, и спросилъ, въ чемъ дѣло? Она отвѣтила, что дѣло въ письмѣ: можете-ли вы написать письмо къ ея матери? Я отвѣтилъ, что можете, но прибавилъ, что и самъ охотно готовъ сдѣлать это. Она возразила, что я и безъ того несу тяжелый трудъ, а молодому человѣку ничего не стоитъ оказать услугу той, которая не въ состояніи сама этого сдѣлать, такъ какъ она не умѣетъ писать. Тогда я согласился послать за вами: и ея печальное личико вдругъ прояснилось. Да какъ! Словно предстояло увидѣться съ другомъ. Бѣдняжка, такая она одинокая! Но мнѣ не позволили. Я сдѣлалъ все, что̀ могъ. Но приказанія были строги, какъ всегда: двери тюрьмы были закрыты для всѣхъ, кромѣ служащихъ; попрежнему, никто, кромѣ нихъ, не смѣлъ съ нею разговаривать. Ну, я вернулся и сообщилъ ей объ этомъ: она вздохнула и снова запечалилась. Вотъ что она проситъ васъ написать ея матери. Это—немного странное посланіе и, по-моему, не имѣетъ смысла; но она увѣряетъ, что мать ужъ пойметъ. Вы должны «передать семьѣ, а также ея деревенскимъ друзьямъ, ея сердечную любовь и сказать, что уже нѣтъ спасенія»: ей-де нынче ночью (и это уже въ третій разъ втеченіе года, и въ послѣдній) явилось видѣніе Древа.

— Какъ это странно!

— Да, это *дѣйствительно* странно, но таковы именно ея слова. «Родители ужъ поймутъ», прибавила она. Затѣмъ она съ минуту была погружена въ свои грезы и думы, а губы ея двигались. Я уловилъ слѣдующія слова, которыя она пробормотала два-три раза: эти слова, казалось, вносили миръ и радость въ ея душу. Я записалъ ихъ, полагая, что они могутъ имѣть связь съ ея письмомъ и быть вамъ полезными. Но я ошибся: это—какія-то воспоминанія, случайно пробѣгавшія въ ея усталой головѣ. Въ нихъ нѣтъ никакого смысла: во всякомъ случаѣ, они вовсе не относятся сюда.

Я взялъ клочекъ бумаги—и нашелъ именно то, чего ожидалъ:

И когда мы станемъ, страннички,
Ждать предъ смертію видѣнія,
Встань предъ нашимъ взоромъ, встань!

Значитъ, уже не было никакой надежды. Теперь я это ясно понялъ. Я понялъ, что письмо Жанны относилось столько же ко мнѣ и Ноэлю, сколько и къ ея семьѣ, и что цѣлью его было изгнать напрасныя надежды изъ нашихъ душъ и извѣстить насъ ея собственными устами объ ожидающемъ насъ ударѣ. Ей хотѣлось, чтобы мы, ея воины, приняли эти слова, какъ приказаніе нести испытаніе и подчиниться волѣ Божьей: въ этомъ послушаніи мы должны обрѣсти облегченіе нашей скорби. Это было такъ похоже на нее: всегда-то она думала о другихъ, а не о себѣ. Да, ея сердце болѣло за насъ. Она находила время думать о насъ, своихъ смиреннѣйшихъ слугахъ, и старалась смягчить нашу скорбь, облегчить бремя нашихъ мукъ,— она, которая сама пила до дна горькую чашу,—она, которая шла по долинѣ смерти!..

Я написалъ письмо. Вы сами, безъ моихъ словъ, догадаетесь, чего мнѣ это стоило. Я писалъ тѣмъ самымъ деревяннымъ «стилемъ» (67), который начерталъ на пергаментѣ первыя слова, продиктованныя Жанной д'Аркъ—воззваніе къ англичанамъ, чтобъ они оставили Францію.

То было два года тому назадъ, когда она была семнадцатилѣтней поселянкой. А теперь я тѣмъ же самымъ «стилемъ» набросалъ послѣднія слова, продиктованныя ею на землѣ. Окончивъ, я сломалъ его: перо, послужившее Жаннѣ д'Аркъ, не должно было служить больше никому, чтобъ не оскверниться.

На слѣдующій день, 29-го мая, Кошонъ позвалъ своихъ рабовъ, и сорокъ два человѣка отвѣтили на его призывъ. Отрадно думать, что остальные двадцать устыдились придти. Эти сорокъ два признали Жанну вдвойнѣ еретицей и присудили ее къ передачѣ свѣтской власти. Кошонъ поблагодарилъ ихъ. Затѣмъ онъ отдалъ приказаніе, чтобъ Жанну на слѣдующее утро повели на мѣсто, называемое Старымъ Рынкомъ и передали гражданскому судьѣ, который передастъ ее, въ свою очередь, палачу.

Это значило, что она будетъ сожжена.

Весь день и вечеръ, во вторникъ, 29-го числа, распространялись вѣсти: и народъ стекался изъ окрестныхъ селъ въ Руанъ, чтобы посмотрѣть на эту трагедію. По крайней мѣрѣ, сбѣгались всѣ, кто только могъ доказать свое сочувствіе Англіи и разсчитывать

на пропускъ. Давка на улицахъ становилась все сильнѣе, возбужденіе росло. И теперь оказалось опять то же, что не разъ замѣчалось прежде, — сожалѣніе къ Жаннѣ въ сердцахъ многихъ изъ этого скопища. Всякій разъ, когда она бывала въ большой опасности, показывалось это чувство; и теперь оно проявилось вновь явственно въ нѣмой и трогательной печали на многихъ лицахъ.

На слѣдующій день, въ среду, рано утромъ, Мартынъ Лядвеню и еще другой монахъ были посланы приготовить Жанну къ смерти. Маншонъ и я пошли вмѣстѣ съ ними,—тяжелая обязанность для меня!

Мы долго бродили по извилистымъ, темнымъ коридорамъ, проникая все глубже и глубже въ каменное сердце огромнаго зданія, и наконецъ остановились передъ Жанной. Но она не замѣчала насъ. Она сидѣла съ поникшей головой, со сложенными руками, погруженная въ глубокую думу; лицо ея было очень печально.

Нельзя было угадать, о чемъ она думаетъ. Были ли то воспоминанія о домѣ, о мирныхъ пастбищахъ и о друзьяхъ, съ которыми ей ужъ никогда больше не увидѣться? Или она думала объ утраченной власти, объ обидахъ и жестокостяхъ, испытанныхъ ею? А можетъ быть, мысль ея обращалась къ смерти,—къ той смерти, которой она столь пламенно желала и которая теперь уже была такъ близка? Или она раздумывала о томъ *родѣ* смерти, который былъ ей предназначенъ? О, надѣюсь, что не объ этомъ! Вѣдь, она боялась лишь одного рода смерти, который наводилъ на нее невыразимый ужасъ. Я думалъ, что именно изъ страха предъ такой смертью она силой своей воли совершенно изгнала всякое помышленіе о ней—и надѣялась, вѣрила, что Господь сжалится надъ нею и дастъ ей болѣе легкую кончину. Въ такомъ случаѣ, страшная вѣсть, которую мы приносили ей, должна была явиться для нея неожиданностью.

Мы молча стояли передъ нею нѣсколько времени; но она все не замѣчала насъ, погруженная въ свое глубокое раздумье, далеко уносясь мыслями. Наконецъ, Мартынъ Лядвеню тихонько произнесъ:

— Жанна!

Она взглянула на насъ, слегка вздрогнула и, слабо улыбаясь, сказала:

— Говорите! Имѣете-ли вы сообщить мнѣ что-нибудь?

— Да, мое бѣдное дитя. Постарайся перенести... Полагаешь-ли ты, что будешь въ состояніи выдержать?..

— Да,—сказала она совсѣмъ тихо. И снова поникла ея головка.

— Я пришелъ приготовить тебя къ смерти.

Слабая дрожь пробѣжала по ея истощенному тѣлу. Наступило молчаніе. Было такъ тихо, что мы слышали наше собственное дыханіе. Затѣмъ она спросила такимъ же слабымъ голосомъ:

— Когда же это будетъ?

Глухіе звуки колокола издалека донеслись до нашего слуха.

— Сейчасъ. Время наступило.

Легкая дрожь снова пробѣжала по ея членамъ.

— Такъ скоро! Ахъ, ужъ такъ скоро!

Снова наступило долгое молчаніе. Лишь далекое дрожаніе колокола прорывалось сквозь тишину; и мы, внимая имъ, стояли передъ ней неподвижно. Наконецъ, она прервала молчаніе вопросомъ:

— Какая смерть?

— Сожженіе.

— О, я это знала, я знала!

Она вдругъ дико вскочила съ мѣста, запустила руки въ волосы и стала биться и рыдать,—да такъ жалостливо! Она горевала, скорбѣла, жаловалась. Бѣдняжка обращалась то къ одному, то къ другому изъ насъ, съ мольбой во взглядѣ, словно надѣясь найти ту помощь и доброжелательство, въ которыхъ сама никому въ жизни не отказывала, не исключая раненыхъ враговъ на полѣ битвы.

— О, жестокіе, жестокіе!—воскликнула она.—Такъ поступать со мной! Неужели же мое тѣло, ничѣмъ не оскверненное, должно быть сожжено сегодня и обращено въ пепелъ? Ахъ, я скорѣе согласилась бы семь разъ положить голову на плаху, чѣмъ претерпѣть такую лютую смерть! Когда я покорилась, мнѣ обѣщали заключеніе въ церковной тюрьмѣ; если-бъ я сидѣла тамъ теперь и не была предана въ руки моихъ враговъ, то избѣжала бы этой жалкой участи. О, призываю въ свидѣтели Бога, Высшаго Судью, противъ несправедливости, совершаемой надо мной!

Никто не могъ выдержать этого. Всѣ окружающіе отворачивались; и слезы текли по ихъ лицамъ. Во мгновенье ока я бросился на колѣни къ ея ногамъ. Она же, думая единственно только объ

опасности, которой я подвергался, наклонилась ко мнѣ и шепнула на ухо:

— Встань! Не губи себя, добрая душа. Вотъ такъ! Да благословитъ тебя Господь во вѣки!

Я почувствовалъ ея быстрое рукопожатіе. Моя рука была послѣдней, къ которой она прикоснулась въ жизни. Никто этого не видѣлъ; исторія не упоминаетъ и не знаетъ этого. Но это—сущая правда: все произошло именно такъ, какъ я разсказываю.

Вслѣдъ затѣмъ Жанна увидѣла, какъ вошелъ Кошонъ. Она поднялась, остановилась передъ нимъ и стала упрекать его:

— Епископъ! Я умираю по вашей милости.

Онъ не смутился и нисколько не былъ тронутъ, а только проговорилъ мягко:

— Ахъ, будь терпѣлива, Жанна! Ты умираешь потому, что не сдержала своего обѣщанія и вернулась къ своимъ грѣхамъ.

— Увы!—сказала она.—Если-бъ вы посадили меня въ церковную тюрьму и дали надлежащихъ охранителей, какъ обѣщали,—этого не случилось бы. И за это-то я вызываю васъ на судъ Всевышняго!

Кошонъ содрогнулся; его покинуло спокойствіе и самодовольство. Онъ повернулся и вышелъ.

Жанна стояла въ раздумьи. Она стала спокойнѣе, но по временамъ вытирала глаза. Тѣло ея вздрагивало отъ рыданій. Но они все слабѣли, и промежутки между ними становились дольше.

Наконецъ она взглянула и увидѣла Пьера Мориса, который вошелъ вмѣстѣ съ епископомъ. Она сказала ему:

— Учитель Петръ, гдѣ я буду нынче ночью?

— Развѣ ты не твердо надѣешься на Бога?

— Да; и по Его милосердію я буду въ раю.

Затѣмъ Мартынъ Лядвеню выслушалъ ея исповѣдь. Она попросила пріобщиться. Но какъ даровать причастіе той, которая всенародно была отлучена отъ церкви и была точно такъ же недостойна ея даровъ, какъ некрещеный язычникъ? Монахъ не могъ самъ сдѣлать этого: онъ послалъ спросить Кошона, какъ ему поступить. А для этого человѣка всѣ законы, и божескіе и человѣческіе, были равны; онъ не уважалъ ни тѣхъ, ни другихъ. И онъ отдалъ приказаніе даровать Жаннѣ просимое. Ея послѣдній вызовъ, быть можетъ,

напугалъ его: онъ не могъ только проникнуть ему въ душу, которой у него вовсе не было.

Святыя Тайны были дарованы бѣдной ея душѣ, которая такъ давно уже жаждала ихъ въ теченіе всѣхъ послѣднихъ отчаянныхъ мѣсяцевъ. То была торжественная минута. Пока мы были въ глубинѣ тюрьмы, всѣ открытые дворы замка наполнились толпой простолюдиновъ, мужчинъ и женщинъ, которые узнали о томъ, чтò происходило въ тюремной кельѣ Жанны; они пришли съ умиленными сердцами, сами не зная, чтò предпринять, желая услышать, сами не зная—чтò. Мы ничего объ этомъ не знали, потому что не видѣли толпы. За воротами тюремнаго замка стояли такія же многочисленныя толпы простого народа. Когда проносили къ Жаннѣ, въ тюрьму, свѣчи и другія принадлежности св. Даровъ, весь этотъ людъ всталъ на колѣни и началъ молиться за нее; многіе плакали. Когда же начался торжественный обрядъ причащенія въ кельѣ Жанны, издалека, словно стонъ, стали долетать до нашего слуха печальные звуки: то невидимая толпа народа пѣла отходную молитву по отлетающей душѣ.

Теперь страхъ смерти на кострѣ покинулъ Жанну д'Аркъ. Онъ вернулся лишь къ ней на одно мгновеніе, а затѣмъ пропалъ навсегда. Бодрость духа и спокойствіе водворились въ ея душѣ и пребывали въ ней до самаго конца.

ГЛАВА XXIV.

Смерть праведницы.—Опустѣлъ, обнищалъ нашъ роскошный міръ.

Въ девять часовъ, Орлеанская Дѣва, Освободительница Франціи, вышла, во всей красѣ невинности и юности, отдать свою жизнь за родную страну, столь горячо ею любимую, и за короля, покинувшаго ее. Она сѣла на колесницу, въ которой возили однихъ только преступниковъ. Въ одномъ отношеніи съ ней поступили даже хуже, чѣмъ съ преступниками. Хотя приговоръ свѣтскаго суда былъ еще впереди, на нее уже надѣли митрообразную шапку, на которой было начертано заранѣе: *Еретица, Клятвопреступница, Вѣроотступница.*

Въ одной повозкѣ съ нею сидѣли монахъ Мартынъ Лядвеню и

учитель Жанъ Массьё. Въ своемъ длинномъ бѣломъ одѣяніи, Жанна имѣла видъ милой святой дѣвочки. Когда солнечный свѣтъ внезапно озарилъ ее при выходѣ изъ тюремнаго мрака, и свѣтлый ликъ ея обрисовался на минуту подъ сводомъ темныхъ воротъ, по собравшейся толпѣ простолюдиновъ пробѣжалъ шопотъ: «Видѣніе, видѣніе!» И всѣ бросились на колѣни въ молитвѣ, а женщины плакали. Могущественная волна звуковъ, подхваченная толпой, унеслась далеко, сопровождая приговоренную къ смерти, утѣшая и благословляя ее до самаго мѣста страсти. «Умилосердись Христосъ! Сжалься надъ нею, св. Маргарита! Помолитесь за нее, всѣ святые, архангелы и блаженные мученики Господни! Заступитесь за нее, угодники Божіи! Избави, Боже, ее отъ гнѣва Твоего! Спаси ее, Господи! Услыши нашу мольбу! Боже милосердый, сжалься, сжалься надъ нею!»

Справедливо и вѣрно гласитъ одинъ историкъ:

«Бѣдные и безпомощные могли дать Жаннѣ д'Аркъ лишь свои молитвы; но, повѣрьте, онѣ не были безплодны. Рѣдко случалось исторіи отмѣчать картину печальнѣе той, которую представляла собой плачущая, безпомощная, молящаяся толпа, державшая въ рукахъ зажженныя свѣчи и стоявшая колѣнопреклоненно на мостовой, подъ тюремной оградой старой крѣпости».

Такъ было по всей дорогѣ. Тысячная толпа провожала Жанну на колѣняхъ, простираясь на далекое разстояніе, въ перемежку со слабыми желтоватыми огоньками зажженныхъ свѣчей,—словно поле, усѣянное золотистыми цвѣтами.

Были однако и такіе, которые не преклоняли колѣна: это—англійскіе солдаты. Они выстроились локоть къ локтю, по всему пути слѣдованія колесницы Жанны, ограждая ее съ обѣихъ сторонъ живой стѣной; а за этой стѣной стояли колѣнопреклоненныя толпы народа.

Вдругъ появился какой-то сумасшедшій въ одеждѣ священника, громко жалуясь и рыдая. Онъ пробилъ себѣ дорогу сквозь толпу и строй солдатъ и бросился на колѣни передъ колесницей Жанны, съ мольбой простирая къ ней руки и крича:

«О, прости, прости!»

Это былъ Люазелёръ!

И Жанна простила ему,—простила отъ всего сердца, не помнив-

шаго обиды, преисполненнаго всепрощенія и состраданія ко всѣмъ страждущимъ, смиренно переносившаго всякія обиды съ ихъ стороны.

Съ ея устъ не сорвалось ни слова упрека этому жалкому негодяю, который день и ночь работалъ надъ ея погибелью, придумывая всякія козни, хитрые обманы, надувательства и лукавства.

Солдаты хотѣли убить его, но графъ Варвикъ спасъ ему жизнь. Что съ нимъ было послѣ того,—неизвѣстно. Онъ скрылся куда-то, чтобы переносить, какъ могъ, угрызенія совѣсти.

На площади Стараго Рынка возвышалось уже два помоста и столбъ, который прежде стоялъ на кладбищѣ Сент-Уана. На одномъ изъ помостовъ расположились, какъ и прежде, Жанна и ея судьи, на другомъ—великіе сановники, Кошонъ и англійскій кардиналъ Винчестеръ. Вся площадь была биткомъ набита народомъ; окна и крыши всѣхъ окружающихъ строеній почернѣли отъ кишащаго люда.

Когда приготовленія кончились, вдругъ прекратились всякій шумъ и движеніе: наступила торжественная, внушительная тишь ожиданія.

Вотъ, по приказанію Кошона, выступилъ нѣкій Николай Миди, лицо духовнаго званія, и сказалъ проповѣдь. Онъ объяснилъ, что если вѣтвь винограда—сирѣчь Церкви—заболѣетъ и станетъ гнить, то отсѣките ее: иначе весь виноградникъ пострадаетъ и испортится. Онъ напиралъ на то, что Жанна, по своей нечестивости, угрожала гибелью чистотѣ и святости Церкви; а посему-де ея смерть необходима. Дойдя до конца своей рѣчи, онъ обратился къ ней и, помолчавъ немного, сказалъ:

— Жанна, Церковь не можетъ дольше защищать тебя. Иди съ миромъ!

Жанну посадили совершенно отдѣльно, и на виду у всѣхъ, очевидно съ тѣмъ, чтобы показать, что церковь отлучила ее отъ себя; она сидѣла тамъ въ одиночествѣ, терпѣливо и покорно ожидая конца. Теперь самъ Кошонъ обратился къ ней. Онъ хотѣлъ-было прочесть ея отреченіе, которое и захватилъ съ собой; но передумалъ, опасаясь, какъ бы она не провозгласила истины, т. е. не сказала, что она никогда завѣдомо не отрекалась; и этимъ Дѣва пристыдила бы его и навѣки обезславила. Онъ удовольствовался увѣщаніемъ, чтобы она помнила свою нечестивость, покаялась во грѣхахъ и думала о своемъ спасеніи. Затѣмъ онъ произнесъ торже-

ственную анаѳему надъ ней и объявилъ ея отлученіе отъ церкви. Въ заключеніе, онъ передалъ ее свѣтскому суду для произнесенія и выполненія приговора.

Жанна со слезами встала на колѣни и начала молиться. За кого? За себя? Нѣтъ,—за короля Франціи. Ея голосъ, нѣжный и чистый, проникалъ въ самую глубь сердца своимъ страстнымъ тономъ. Она ни разу не вспомнила о томъ, что погибаетъ столь жалкой смертью изъ-за его предательства и неблагодарности. Она помнила только, что онъ—король, а она—его вѣрная и любящая подданная, и что враги подкопались подъ него злостными навѣтами и лживыми доносами, отъ которыхъ онъ не могъ защититься. И вотъ, предъ самымъ лицомъ смерти, она забыла всѣ свои личныя невзгоды и умоляла всѣхъ быть справедливыми къ нему, вѣрить, что онъ и добръ, и благороденъ, и искрененъ. Она просила отнюдь не осуждать его за ея поступки: онъ-де никогда не былъ ни ея подстрекателемъ, ни совѣтчикомъ, а потому вполнѣ чистъ и свободенъ отъ всякаго обвиненія. Въ заключеніе она, въ трогательныхъ выраженіяхъ, смиренно просила, чтобы всѣ присутствующіе—враги и друзья, чувствующіе въ сердцахъ своихъ жалость къ ней—помолились за нее и простили ей все.

Наврядъ-ли было хоть одно сердце, не тронувшееся ея мольбами, даже англичане и судьи казались растроганными. У многихъ губы вздрагивали, и глаза затуманились слезами. Да что! Не выдержалъ самъ англійскій кардиналъ,—человѣкъ съ каменнымъ сердцемъ политика, но не лишенный и сердца изъ плоти и крови.

Свѣтскій судья, который долженъ былъ постановить и произнести приговоръ, самъ былъ такъ разстроенъ, что забылъ свои обязанности, и Жанна пошла на смерть неприговоренная. Такъ беззаконіемъ довершалось дѣло, начатое и веденное беззаконно. Судья сказалъ только стражѣ: «Возьмите ее!», а палачу: «Приступай къ исполненію своей обязанности!».

Жанна попросила крестъ. Никто не могъ дать ей его. Одинъ англійскій солдатъ, движимый порывомъ добраго сердца, сломалъ палку, связалъ накрестъ ея куски и подалъ ей; она поцѣловала этотъ крестъ и положила его себѣ на грудь. Тогда Изамбаръ де-ля-Пьеръ пошелъ въ ближайшую церковь и принесъ ей освященный крестъ;

она и тотъ поцѣловала и порывисто прижала къ своей груди; а затѣмъ еще и еще разъ приложилась къ нему, покрывая его слезами, изливая въ нихъ свою благодарность къ Богу и всѣмъ святымъ.

Такъ, плача, съ крестомъ, прижатымъ къ губамъ, она поднялась на роковыя ступеньки, ведшія къ позорному столбу; ее сопровождалъ монахъ Изамбаръ. Затѣмъ ей помогли взойти на костеръ, разложенный вокругъ столба такъ, что онъ покрывалъ нижнюю треть его; и она прислонилась спиной къ столбу. Народъ смотрѣлъ на все это, затаивъ дыханіе. Палачъ подошелъ къ ней и обвилъ ея нѣжное тѣло цѣпями, прикрѣпивъ ее такимъ образомъ къ столбу. Затѣмъ онъ сошелъ внизъ, чтобы докончить свою ужасную обязанность; а она осталась одна-одинешенька,—она, у которой, въ дни ея свободы, было столько друзей, такъ любившихъ ее, такъ дорожившихъ ею!

Все это я видѣлъ, хотя смутно: слезы застилали мое зрѣніе. Но дальше я ужъ не могъ выдержать. Я все еще стоялъ на своемъ мѣстѣ; но все, что дальше буду сказывать, уже записано со словъ другихъ очевидцевъ. Какіе-то мучительные звуки долетали до моего слуха и надрывали мнѣ сердце, когда я сидѣлъ тамъ, но повторяю: послѣдній образъ, запечатлѣвшійся въ моихъ глазахъ въ тотъ ужасный часъ, была Жанна д'Аркъ, во всей красѣ ея пригожей, еще неискаженной муками, юности; и этотъ чудный образъ, нетронутый ни временемъ, ни разрушеніемъ, я такъ и унесъ съ собой навѣки.

Теперь буду продолжать. Жестоко ошибется тотъ, кто подумаетъ, что въ эту торжественную минуту, когда всѣ преступники раскаиваются и свидѣтельствуютъ о своихъ грѣхахъ, Жанна стала отрекаться отъ своихъ дѣлъ и признавать всѣ свои великіе подвиги злодѣяніями, внушенными Сатаной и его слугами. Въ ея незапятнанной душѣ не было и слѣда подобной мысли. Она вовсе не думала о себѣ и о своемъ горѣ, а заботилась лишь о другихъ и объ угрожавшихъ имъ бѣдствіяхъ. Обращая кругомъ печальные взоры, она воскликнула, глядя на башни и остроконечныя крыши красиваго города:

— О Руанъ, Руанъ! Неужели я должна умереть здѣсь, и ты будешь моей могилой?.. Ахъ, Руанъ, Руанъ! Страшно боюсь, что ты пострадаешь за мою смерть.

Вырвавшійся клубъ дыма пронесся по ея лицу. На минуту ее охватилъ ужасъ, и она вскрикнула: «Воды! Дайте мнѣ святой воды!»

Но вслѣдъ затѣмъ весь страхъ ея прошелъ сразу; и онъ уже не мучилъ ея больше.

Она услышала, какъ огонь затрещалъ подъ нею; и тотчасъ же ею овладѣлъ страхъ за своего бѣднаго товарища, монаха Изамбара. Передъ тѣмъ она отдала ему крестъ и просила держать его все время передъ ней, дабы взоръ ея могъ покоиться на немъ, съ надеждой и упованьемъ, до самаго послѣдняго мгновенія, когда душа ея уже упокоится въ Богѣ. Теперь же она велѣла ему отойти отъ огня, угрожавшаго ему опасностью. Затѣмъ, успокоившись насчетъ его, она сказала:

— Теперь держите передо мною крестъ до послѣдней минуты.

Даже и теперь Кошонъ не могъ дать ей спокойно умереть. Этотъ безстыжій человѣкъ, преисполненный грѣховъ и преступленій, подошелъ къ ней и крикнулъ:

— Я пришелъ, Жанна, чтобы въ послѣдній разъ призвать тебя къ раскаянію и заставить просить прощенія у Бога.

— Я умираю по вашей винѣ!—воскликнула она.

То были послѣднія слова, произнесенныя ею на землѣ.

Поднялись густые клубы смолистаго дыма и, вмѣстѣ съ красными языками пламени, окутали ее и скрыли отъ нашихъ глазъ. Изъ глубины этой тьмы раздавался ея звучный голосъ горячей молитвы; а когда время отъ времени порывомъ вѣтра разносился дымъ, передъ толпой мелькало обращенное вверхъ лицо и шевелящіяся губы Жанны. Наконецъ, прорвался безжалостно быстро потокъ пламени—и ужъ навѣки исчезло изъ виду это личико, это созданьице; смолкъ ея голосъ...

Да, она отлетѣла отъ насъ—*Жанна д'Аркъ!* Этихъ двухъ словъ довольно, чтобы сказать, что весь нашъ роскошный міръ опустѣлъ, обнищалъ!..

ГЛАВА XXV.

Заключеніе.

Братъ Жанны, Жакъ, умеръ въ Домреми во время Великаго Суда въ Руанѣ. Такъ сбылось пророчество Жанны, возвѣщенное ею, помните, на родныхъ пастбищахъ, когда она говорила, что мы, остальные, пойдемъ на войну.

Когда бѣдный старикъ-отецъ узналъ о мученической кончинѣ Жанны, его сердце не выдержало удара: онъ умеръ.

Матери дали пенсію отъ города Орлеана: на эту пенсію она жила до конца дней своихъ, достигнувъ глубокой старости. Двадцать четыре года спустя послѣ смерти знаменитой дочери, она, зимней порой, продѣлала весь долгій путь до Парижа и присутствовала при открытіи преній въ соборѣ Богоматери, которыя были первымъ шагомъ къ возстановленію добраго имени Жанны. Парижъ былъ полонъ народа, стекавшагося со всѣхъ сторонъ Франціи, чтобы поглядѣть на эту почтенную женщину. Какое трогательное зрѣлище представляло собой шествіе матери Жанны, окруженной плачущей толпой, провожавшей ее на пути къ великимъ почестямъ, которыхъ она должна была удостоиться въ соборѣ! Съ нею шли Жанъ и Пьеръ,—ужъ не тѣ легкомысленные юноши, которые маршировали съ нами изъ Вокулёра, а испытанные въ бояхъ служаки, съ просѣдью въ волосахъ.

Послѣ мученичества Жанны, Ноэль и я вернулись въ Домреми. Но когда коннетабль Ришмонъ, ниспровергнувъ Ля-Тремуйля, сталъ главнымъ совѣтникомъ короля и началъ довершать великій подвигъ Жанны, мы надѣли военные доспѣхи и вернулись на поле брани: мы сражались за короля, участвуя во всѣхъ битвахъ и стычкахъ, пока Франція не была окончательно освобождена отъ англичанъ. Этого именно желала Жанна; а ея желаніе, будь она жива или мертва, было для насъ закономъ. Всѣ уцѣлѣвшіе изъ ея личнаго штаба свято хранили ея память и до конца сражались за короля. Мы большей частью были разсѣяны по странѣ, но когда палъ Парижъ, очутились всѣ вмѣстѣ. То былъ великій, радостный день, но вмѣстѣ съ тѣмъ и печальный: вѣдь, Жанны не было въ нашихъ рядахъ; она не могла вмѣстѣ съ нами войти въ отбитую столицу.

Я и Ноэль, мы были неразлучны: я даже присутствовалъ при его смерти. Она постигла его въ послѣднемъ большомъ бою съ англичанами. Въ этомъ же бою палъ и старинный упорный врагъ Жанны, Тальботъ. Ему стукнуло восемьдесятъ пять лѣтъ, и вся его жизнь протекла въ бояхъ. Съ развѣвающейся сѣдой гривой, съ неукротимымъ духомъ, онъ походилъ на красиваго стараго льва. И непоколебимо же было его рвеніе! Въ ту послѣднюю битву онъ дрался

мощнымъ рыцаремъ, не уступая самымъ лучшимъ, молодымъ воинамъ. Ля-Гиръ прожилъ еще тринадцать лѣтъ послѣ мученической кончины Жанны. Конечно, онъ вѣчно сражался: у него не было другого наслажденія въ жизни. Я ни разу не видѣлъ его за все это время: мы были далеко другъ отъ друга. Но кто не слышалъ о немъ!

Побочный Орлеанъ, Алансонъ и Олонъ дожили до освобожденія Франціи. Вмѣстѣ съ Жаномъ и Пьеромъ д'Аркъ, съ Пакерелемъ и со мной, они могли свидѣтельствовать на Судѣ Возстановленія. Но всѣ они уже давно успокоились навѣки. Я одинъ остался изъ тѣхъ, которые сражались въ рядахъ Жанны д'Аркъ во времена великихъ войнъ. Она предсказала, будто я проживу такъ долго, что всѣ забудутъ о тѣхъ сраженіяхъ; но это пророчество не оправдалось. Проживи я еще тысячу лѣтъ—и тогда ему не сбыться: все, чтò связано съ именемъ Жанны д'Аркъ, навсегда останется безсмертнымъ.

Нѣкоторые члены семейства Жанны вступили въ бракъ и оставили наслѣдниковъ. Ихъ потомки принадлежатъ къ дворянству; но фамилія, которую они носятъ, и та кровь, чтò течетъ въ ихъ жилахъ, доставляютъ имъ такія почести, которыя и не снятся ни одному обыкновенному дворянину. Вы сами видѣли, какъ всѣ по дорогѣ снимали шапки передъ тѣми дѣтьми, чтò посѣтили меня вчера изъ чувства долга. Это не потому, что они дворяне, а единственно лишь потому, что они внучата братьевъ Жанны д'Аркъ.

Теперь скажу еще о Возстановленіи. Жанна короновала короля въ Реймсѣ. Въ благодарность за это, онъ предалъ ее врагамъ и смерти, нисколько даже и не стараясь спасти ее. Въ теченіе слѣдующихъ двадцати трехъ лѣтъ онъ оставался вполнѣ равнодушнымъ къ ея памяти. Ему было безразлично, что ея доброе имя покрыто позорнымъ пятномъ и проклятіемъ духовенства за тѣ самыя дѣла, которыя она совершила ради спасенія его самого и его скипетра; ему было мало горя оттого, что Франція стыдится за него и жаждетъ возстановленія чести прекраснаго имени своей освободительницы.

Да, король все время оставался вполнѣ равнодушнымъ ко всему. Но вдругъ онъ сразу измѣнился, самъ сталъ безпокоиться о воздаяніи справедливости бѣдной Жаннѣ. Что за притча? Почувствовалъ-ли онъ, наконецъ, благодарность къ ней? Закралось-ли раская-

ніе въ его черствое сердце? Нѣтъ, причина была иная,—болѣе существенная для такого рода людей, какъ онъ. Дѣло въ томъ, что теперь, когда англичане были окончательно изгнаны изъ Франціи, они стали указывать всѣмъ на то, что, вѣдь, король получилъ корону изъ рукъ личности, признанной духовенствомъ за еретицу, за пособницу Сатаны, и сожженной на кострѣ, какъ вѣдьма: стало быть, что же это за королевская власть? Отвѣтъ получался отрицательный: ни одна нація не потерпѣла бы такого короля на тронѣ.

Пришло время проснуться—и король очнулся. Вотъ почему Карломъ VII овладѣло безпокойное желаніе воздать должное памяти своей благодѣтельницы.

Онъ обратился къ папѣ; а папа назначилъ великую коммиссію изъ церковниковъ, чтобъ разсмотрѣть жизнь Жанны и произнести приговоръ. Коммиссія засѣдала въ Парижѣ, въ Домреми, Руанѣ, Орлеанѣ и въ другихъ мѣстахъ и работала въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Она изслѣдовала всѣ бумаги разныхъ судовъ надъ Жанной и допросила Побочнаго Орлеана, герцога Алансона, Олона, Пакереля, Курселя, Изамбара де-ла-Пьера, Маншона и меня, а также еще многихъ другихъ лицъ, съ именами которыхъ я ознакомилъ васъ. Допрашивалось еще больше сотни свидѣтелей, имена которыхъ не столь извѣстны вамъ: таковы друзья Жанны въ Домреми, Вокулёрѣ, Орлеанѣ и въ другихъ мѣстахъ, а также нѣсколько судей и другихъ лицъ, присутствовавшихъ при отреченіи и мученичествѣ Дѣвы. Путемъ всѣхъ этихъ подробныхъ изслѣдованій, нравъ Жанны и вся ея жизнь выяснились вполнѣ, выступили во всей своей незапятнанности, во всемъ своемъ превосходствѣ. Такъ и было занесено въ протоколъ, на вѣчную память.

Я присутствовалъ почти на всѣхъ этихъ собраніяхъ и встрѣтился тамъ со многими лицами, которыхъ не видѣлъ уже съ четверть вѣка. Между ними были столь дорогія, какъ Катерина Бушэ (увы! уже вышедшая замужъ съ тѣхъ поръ) и нѣкоторые изъ нашихъ генераловъ. Были и такія, которыя вызывали во мнѣ одну только горечь,—напримѣръ, Бопэръ, Курсель и нѣкоторые изъ ихъ товарищей. Увидѣлъ я и Омету и маленькую Манжету: онѣ уже приближались къ полустолѣтію и были матерями многихъ дѣтей. Увидѣлъ и отца Ноэля, а также родителей Паладина и Подсолнечника.

Сладко было слышать, какъ герцогъ Алансонъ хвалилъ Жанну за ея прекрасныя способности полководца. А Побочный округлялъ эти похвалы своимъ краснорѣчіемъ. Онъ прибавилъ, какъ Жанна была мила и добра, до чего она была полна отваги, пылкости и стремительности, сколько въ ней было и задора, и веселости, и сердоболія,—словомъ, всего того, что̀ чисто и изящно, благородно и прелестно. Онъ воскресилъ передо мной ея образъ и—растерзалъ мое сердце.

Я кончилъ свое повѣствованіе о Жаннѣ д'Аркъ, — объ этомъ чудесномъ ребенкѣ, объ этой высокой личности. То была душа, которой нѣтъ и не будетъ равной по хрустальной чистотѣ, по отсутствію всякой примѣси самообожанія, самолюбія, личнаго тщеславія. Всего этого не было въ ней и тѣни, сколько бы вы ни искали! Вотъ главное отличіе Жанны отъ всѣхъ другихъ личностей.

Привязанность къ родинѣ была у Жанны не только чувствомъ, но и страстью. То былъ воплощенный геній отчизнолюбія, осязаемый, видимый простыми глазами.

Любовь, милосердіе, благотвореніе и мужество, поэзія и музыка, война и миръ, — все это можетъ быть олицетворено въ какомъ угодно образѣ, въ видѣ женщины или мужчины, юноши или старика. Но образъ стройной дѣвушки въ расцвѣтѣ первой молодости, съ мученическимъ вѣнцомъ на челѣ, съ мечемъ, разсѣкающимъ узы отечества, — не есть-ли прямое воплощеніе Патріотизма во вѣки вѣковъ до скончанія міра?..

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) *Сьёръ* (*sieur*)—титулъ, употреблявшійся, въ средніе вѣка, во Франціи въ канцелярскомъ слогѣ. Это — сокращеніе слова *сеньёръ* (seigneur), которое было распространено всюду на Западѣ. „Сеньёръ" (отъ латинскаго senior—старшій) означало, въ знатныхъ семьяхъ, старшаго сына, къ которому переходило родовое имѣніе или „сеньёрія". Такъ какъ, по феодальному праву, такой землевладѣлецъ имѣлъ верховную власть (подконецъ именемъ этой власти, seignuriage, называлось право чеканить монету), то его титулъ означалъ, въ сущности, господина, владыку. Въ церковномъ слогѣ Господь Богъ назывался сеньёромъ. Сеньёромъ же или „сюзереномъ" былъ онъ для своихъ подчиненныхъ рыцарей или „вассаловъ". Впослѣдствіи, когда выдвинулся монархизмъ, подавившій этихъ могучихъ феодаловъ, сеньёромъ или *сиромъ* (*sire*) стали называть только царствующихъ особъ; Жанна называла Господа Бога „Messire". Тогда высшіе аристократы (князья, герцоги, архіепископы) приняли титулъ „monseigneur". Слово grandseigneur—не титулъ, а житейское выраженіе для обозначенія „большаго барина", роскошествующаго помѣщика.

2) *Нёшатò* (Neufchâteau, т. е. новый замокъ)—вовсе не швейцарскій Невшатель (Neuchâtel): это—округъ въ департаментѣ Вогезовъ. Такъ же называется главный городъ этого округа, у р. Мааса, украшенный бронзовою статуей Жанны д'Аркъ.

3) *Домремѝ*—деревня въ Шампани, въ департаментѣ Вогезовъ, въ 10 в. къ сѣверу отъ гор. Нёшатò, на лѣвомъ берегу Мааса. Въ ней и теперь нѣтъ 500 жителей. но она полна славой своей великой дочери. Она называется *Домреми-Дѣва* (Domrémy-la-Pucelle). Въ ея тщательно охраняемомъ саду показываютъ домъ, гдѣ родилась Жанна. На немъ надпись 1480 года: „Vive labeur, vive le roi Louys!" (Да здравствуетъ трудъ, да здравствуетъ король Люи!). А повыше приложена Людовикомъ XI бронзовая статуэтка Жанны, въ полномъ вооруженіи, на колѣнахъ. Въ 1820 г. домъ Дѣвы былъ под-

новленъ, а подлѣ него устроили школу для дѣвочекъ, предъ которой воздвигли памятникъ въ честь Жанны. Въ 1843 году, Люи-Филиппъ Орлеанскій поставилъ въ самомъ домикѣ Дѣвы ея бронзовую статуэтку, по модели, изготовленной его дочерью. По поводу торжества 1894 года, въ Домреми заложили церковь и большой памятникъ въ честь Орлеанской Дѣвы. Домреми находится всего въ 25 в. отъ Нанси, бывшей столицы Лотарингіи, и въ такомъ же разстояніи отъ границы Бургундіи. Немудрено, что Домреми стояла за французовъ, а сосѣдняя деревушка Максэ была на сторонѣ бургундцевъ. Но вообще домремійцамъ жилось недурно при Жаннѣ: заброшенные у границы, они мало терпѣли отъ внутреннихъ смутъ Франціи и даже воспользовались ими, чтобы сбросить съ себя цѣпи крѣпостничества. Старая церковь въ Домреми—самая красивая во всей плодородной долинѣ, тянущейся до Вокулёра. Въ ней находились раскрашенные и раззолоченные лики архангела Михаила и св. Катерины и Маргариты. Въ видѣніяхъ Жанны они являлись именно такими. Колокола этой церкви напѣвали, по словамъ Жанны: „Fille Dé (de Dieu), va, va, va! Je seria à ton aide!“ (Божья дочка, иди, иди, иди! Я помогу тебѣ!). Ясно, что у Жанны были галлюцинаціи зрѣнія и слуха. См. *П. Ковалевскій*: Психіатрическіе эскизы, II, 34—36, 91—109.

4) *Бургундія*—одна изъ самыхъ романтическихъ странъ не только по своему мѣстоположенію, но и по своей судьбѣ. Расположенная между Франціей, Германіей и Италіей, она долго была игрушкой рока, подчиняясь то той, то другой изъ этихъ странъ. Основавшее ее бургундское племя давно исчезло, слившись съ сосѣдями. Исчезло и древне-бургундское государство: оно постепенно перешло къ Франціи, особенно въ началѣ 14-го вѣка, благодаря Филиппу IV Красивому, этому французскому „собирателю земель“. Но преемники Филиппа растеряли земли. Іоаннъ Добрый сдѣлалъ большую ошибку: спасенный, въ битвѣ съ англичанами, своимъ младшимъ сыномъ, Филиппомъ Отважнымъ, онъ пожаловалъ ему *герцогство Бургундію* (1363), какъ независимое владѣніе. Вскорѣ этотъ Филиппъ сталъ и господиномъ Франціи, какъ регентъ малолѣтняго своего племянника, короля Карла VI, и опекунъ его младшаго брата, Людовика Орлеанскаго. Его власть была тѣмъ сильнѣе, что возросшій Карлъ VI оказался полоумнымъ: государствомъ 30 лѣтъ правилъ Филиппъ, а по его смерти сынъ его Іоаннъ Безстрашный. Жестокій, алчный Іоаннъ, сынъ фламандки, былъ скорѣе фламандецъ, чѣмъ французъ; впрочемъ онъ готовъ былъ погубить, ради своихъ выгодъ, не только Францію, но и всю свою родню. Онъ ненавидѣлъ своего двоюроднаго брата, Людовика Орлеанскаго, этого настоящаго рыцаря, которому благоволила его жена, и умертвилъ его черезъ подкупленныхъ убійцъ (1407). Отсюда возникла

настоящая война между Бургундiей и Францiей. Iоаннъ подстрекалъ французскихъ мѣщанъ, бунтовавшихъ противъ рыцарей уже при его отцѣ, и даже вступилъ въ союзъ съ англичанами. Онъ сносился также съ королевой Изабеллой, которая ненавидѣла дофина, будущаго Карла VII, и даже не признавала его сыномъ. Но у французовъ нашелся ему достойный соперникъ, родственникъ погибшаго Орлеана, хитрый, кровожадный графъ Арманьякъ. Разразилась жестокая борьба между *арманьяками* и *бургундцами*. Iоаннъ былъ предательски убитъ, а его бургундцы привели англичанъ подъ стѣны Парижа (1419). Жаннѣ было тогда семь лѣтъ.

Мстителемъ за смерть Iоанна явился его сынъ, *Филиппъ Добрый*. Этотъ надменный, тщеславный, чувственный себялюбецъ разрушилъ бы Францiю, съ помощью англичанъ, еслибъ не выступила Жанна. Филиппъ, прiятель порочной Изабеллы, сгубилъ Орлеанскую Дѣву; но онъ испугался поднятаго ею духа французовъ. Въ то же время онъ узналъ о такой перепискѣ двухъ регентовъ Англiи, которые уже не нуждались въ немъ и опасались его честолюбiя: Глочестеръ писалъ Бедфорду, что слѣдовало бы схватить герцога Бургундскаго, а Бедфордъ отвѣчалъ, что еще лучше—убить его. Тогда же умерла вдовствующая королева Изабелла. И Филиппъ примирился съ Карломъ VII (1435). Впрочемъ онъ прiобрѣлъ за это много земель отъ Францiи: его герцогство простиралось уже отъ Луары до Шельды. Филиппъ сдѣлалъ его очагомъ культуры вѣка, а также послѣднимъ убѣжищемъ угасавшаго рыцарства и романтизма. Его дворцы въ Брюсселѣ и Гентѣ были средоточiемъ всесвѣтнаго рыцарства, съ его турнирами, трубадурами и сказочными пирами: ласковаго, тароватаго хозяина называли всюду „звѣздой рыцарства". Весело и преславно жилось предателю несчастной Жанны; но такое счастье непрочно. По его смерти (1467), блестящiй, но недалекiй его сынъ, Карлъ Смѣлый, сразу все погубилъ и погибъ самъ, съ позоромъ. Этого безумца, затѣявшаго возстановить рыцарство, бывшее уже трупомъ, уничтожила сила новой исторiи—„коровники" Швейцарiи. Ихъ поддержалъ сынъ Карла VII, Людовикъ XI, этотъ образецъ народившагося абсолютизма, этотъ подлинникъ, съ котораго списанъ „Государь" Макiавеля.

5) Вся картина бѣдствiй Францiи въ началѣ 15-го вѣка, и особенно выраженiе о волкахъ, заимствованы Твэномъ прямо изъ *лѣтописей*. Прибавимъ, что свидѣтельства очевидцевъ того времени богаты и краснорѣчивы: „мѣщанская революцiя" 1380-хъ годовъ, какъ называютъ подъемъ сравнительно образованнаго средняго сословiя, вносила оживленiе въ умы и понуждала ихъ высказываться. Не забудемъ, что тогда жилъ знаменитый Фруассаръ, отецъ „хроники", этого новаго рода въ исторiи, замѣнившаго сухую лѣ-

топись монаха чѣмъ-то вродѣ записокъ очевидца или довольно правдиваго рыцарскаго романа. Въ своихъ „Хроникахъ“, гдѣ драматизмъ сливается съ геродотовской эпичностью, Фруассаръ описалъ событія 1326—1400 годовъ. Умеръ онъ, кажется, когда Жаннѣ было семь лѣтъ. Фруассаръ нарисовалъ рукой мастера именно Столѣтнюю войну при Іоаннѣ Добромъ и Карлахъ V и VI. Онъ-то такъ краснорѣчиво сказалъ про Францію въ началѣ войны: „Нельзя было узнать Францію. Всюду передо мной была страшная пустыня, крайняя нищета, невоздѣланныя поля, развалины домовъ. Даже окрестности Парижа были переполнены слѣдами опустошенія и заразы: всюду безлюдныя улицы; дороги поросли травой. Словомъ, огромная пустыня“. Другой очевидецъ набросалъ такую картину передъ самымъ появленіемъ Жанны: „По всему Парижу слышны были стоны малютокъ, пищавшихъ: *умираю съ голоду!* Мальчики и дѣвочки лежали на навозѣ, по 20—30 штукъ, отдавая Богу душу отъ голода и холода. На кладбищахъ рыли большія ямы, куда складывались рядкомъ 30 - 40 труповъ, словно свиное сало, и слегка посыпались землею. Стаи волковъ рыскали за трупами по селамъ, даже забѣгали въ Парижъ по ночамъ. *Убѣжимъ въ лѣса, къ лютымъ звѣрямъ, въ руки дьявола; прощайте женки и дѣтки!*—говорили земледѣльцы“.

6) *Столѣтняя война*, значеніе которой объяснено въ нашемъ предисловіи, лишь въ двухъ словахъ очерчена Твэномъ (стр. 229). Она началась дѣйствительно въ 1337 году, при первомъ Валуа во Франціи, Филиппѣ VI. Валуа составляли младшую линію древняго царствующаго дома Капетинговъ. Этотъ домъ вымеръ въ 1328 году: оставались только женщины, въ томъ числѣ двоюродная сестра Филиппа, Изабелла, мать знаменитѣйшаго изъ королей Англіи Эдуарда III. Чтобы сохранить собираніе земель и отстранить иностранцевъ, французы устранили женщинъ отъ престолонаслѣдія. Но Эдуардъ, хотя и вассалъ Филиппа по многимъ землямъ во Франціи, издавна принадлежавшимъ англичанамъ, не призналъ такого рѣшенія; онъ потребовалъ себѣ корону Франціи во имя своей матери. Филиппъ отвѣчалъ внезапнымъ вторженіемъ въ Гіень, главное владѣніе англичанъ во Франціи (1337). Эдуардъ отомстилъ ему жестокимъ пораженіемъ у Креси (1346), послѣ котораго назвался королемъ Франціи и захватилъ Калэ, это гнѣздо французскихъ пиратовъ, мѣшавшихъ торговлѣ англичанъ съ Фландріей. А эта торговля была нервомъ благосостоянія Англіи: оттого-то во всю войну англичане состояли въ союзѣ съ фландрскимъ мѣщанствомъ, тогда какъ фландрское рыцарство шло заодно съ Франціей. При сынѣ Филиппа, Іоаннѣ Добромъ, подъ Пуатье (1356) повторились ужасы Креси: знаменитый сынъ Эдуарда, Черный Принцъ, истребилъ рыцарство и плѣнилъ самого

французскаго короля. По смерти Іоанна, казалось, пришелъ чередъ торжеству Франціи. Сынъ его, Карлъ V, недаромъ былъ прозванъ *Мудрымъ*. Онъ поправилъ финансы, завелъ хорошее, новое войско и даже флотъ и наладилъ союзы съ папой, императоромъ, Испаніей и Шотландіей. Французы воспрянули духомъ; у нихъ явились патріоты, съ доблестнымъ коннетаблемъ Дюгекленомъ во главѣ. А одряхлѣвшій Эдуардъ почилъ на лаврахъ или пускался въ невѣрныя предпріятія. Черный Принцъ впалъ въ чахотку и едва передвигался на носилкахъ. Англичане ходили по Франціи, изнывая отъ лишеній и засадъ умнаго врага. Они падали, какъ мухи; и со зла да отъ нужды все грабили, убивали женщинъ и дѣтей. За ними оставалось лишь нѣсколько приморскихъ городовъ; ихъ флотъ терпѣлъ пораженія, а французскія суда показались на Темзѣ. Въ 1377 умерли Эдуардъ и Черный Принцъ. Но вскорѣ сошли въ могилу и Карлъ V съ Дюгекленомъ.

Столѣтняя война прервалась на 35 лѣтъ: обѣ стороны переживали внутренній переломъ. Во Франціи, при малолѣтнемъ, потомъ сумасшедшемъ Карлѣ VI, настали смуты, борьба сословій, усобицы между арманьяками и бургундцами, о которыхъ сказано выше. Нѣчто подобное переживала и Англія, при малолѣтнемъ сынѣ Чернаго Принца, Ричардѣ II. Здѣсь бунтовали не мѣщане, которымъ жилось хорошо отъ торговли съ Фландріей, а крестьяне, изнывавшіе отъ крѣпостничества и отъ налоговъ по поводу войны. Возстаніе кирпичника Уата Тайлера (1381) осложнилось національнымъ движеніемъ противъ папства, во главѣ котораго стоялъ Виклифъ. Поднялась и придворная смута—борьба Ричарда II съ дядями, которая окончилась его гибелью и воцареніемъ новой династіи Ланкастеровъ, въ лицѣ Генриха IV (1399). При Ланкастерахъ Англія успокоилась и окрѣпла. Чтобы утвердить свою династію и угодить баронамъ, видѣвшимъ въ войнѣ золотое дно, они горячо взялись за борьбу съ Франціей. Сынъ Генриха IV, Генрихъ V, напомнилъ французамъ, при Азенкурѣ, ужасы Креси и Пуатье. Жаннѣ было тогда три года. Снова возникла старая картина: сначала Франція совсѣмъ погибала, потомъ, благодаря Жаннѣ, напомнившей Дюгеклена, счастье склонилось на ея сторону. Самъ Карлъ VII какъ бы переродился,—какъ говорятъ, подъ вліяніемъ красавицы Агнесы Сорель. Онъ окружилъ себя даровитыми и патріотичными слугами. Сталъ развиваться абсолютизмъ, вносившій порядокъ въ страну и искоренявшій феодаловъ: оттого-то герцогъ бургундскій присмирѣлъ и примирился съ королемъ, превращаясь во француза. Явилась главная опора абсолютизма—постоянная армія на жалованьѣ, со строгою дисциплиной и съ лучшею въ мірѣ артиллеріей; на содержаніе ея была опредѣлена „талья“ — постоянная подать, эта основа правильной казны. Не-

мудрено, что англичане терпѣли пораженіе за пораженіемъ, и въ 1437 году Карлъ VII вступилъ въ Парижъ. Вскорѣ за англичанами остался одинъ Калэ. Въ 1453 году, послѣ неудачной попытки Тальбота, стоившей ему жизни, англичане отступились. Столѣтняя война окончилась сама собой, безъ мирнаго договора. Городъ Калэ былъ возвращенъ французамъ при Маріи Тюдоръ (1558), которая воскликнула: „Откройте мое сердце—и увидите тамъ его имя". Только титулъ „короля Франціи" оставался за англійскимъ монархомъ до самаго Наполеона I, который смылъ это позорное пятно при заключеніи амьенскаго мира (1802).

7) *Азенкуръ* (Azincourt и Agincourt)—деревня въ департаментѣ Па-де-Калэ. Разразившаяся тутъ, въ 1415 году, битва Генриха V съ дофиномъ, будущимъ Карломъ VII,—одно изъ важнѣйшихъ событій въ исторіи, какъ съ военной, такъ и съ политической точки зрѣнія. Генрихъ собственно былъ застигнутъ врасплохъ. Онъ шелъ всего съ 10.000 истомленнаго войска на зимнія квартиры и внезапно наткнулся на 50.000 французовъ, среди которыхъ было болѣе 10.000 однихъ рыцарей. Тѣмъ не менѣе французы потерпѣли почти безпримѣрное пораженіе: ихъ пало до 10.000, въ томъ числѣ высшая знать; а у англичанъ пало только 1.500 человѣкъ. Виноваты были именно рыцари: они такъ были увѣрены въ успѣхѣ, такъ безтолково лѣзли впередъ, что образовали тѣсную толпу, въ которой нельзя было поднять рукъ для удара. Битва подъ Азенкуромъ окончательно сломила рыцарство и тѣмъ помогла возвышенію мѣщанства. Она же сдѣлала англійскаго короля „королемъ Франціи" уже не по титулу только, но и на дѣлѣ.

8) Такая долгая и жестокая борьба, какъ Столѣтняя война, породила язву *мародерства* или военнаго разбойничества: то же видимъ во время итальянскихъ войнъ и Тридцатилѣтней войны. Это бѣдствіе народовъ поддерживалось тѣмъ, что тогда, при отсутствіи постоянныхъ армій, господствовало наемничество. Наемники вездѣ пріобрѣтали отъ мирныхъ жителей нелестныя названія. Въ Столѣтней войнѣ употреблялось имя разныхъ „компаній" или дружинъ. Послѣ плѣненія Іоанна Добраго по Франціи шатались „большія" компаніи, которыя чуть не ограбили самого папу въ Авиньонѣ и угрожали Парижу; и нерѣдко сами обнищалые сеньёры поступали въ эти шайки. Когда, при Карлѣ V, завелось постоянное войско, Дюгекленъ ловко сбылъ разбойничьи „компаніи" въ Кастилію, гдѣ кипѣла усобица. Послѣ новыхъ пораженій и смутъ, особенно послѣ Азенкура, Францію опять терзали страшныя дружины, которыхъ называли то „вольными компаніями", то запросто „живодерами" (écorcheurs). Такъ какъ тутъ было много арманьяковъ, то нѣмцы прозвали ихъ Armen-Gecken, т. е. „нищими франтами". Нѣмцы познакомились съ этими молодцами, когда ихъ императоръ

попросилъ ихъ у Карла VII для усмиренія швейцарцевъ. Это было уже по окончаніи Столѣтней войны—и Карлъ съ радостью выслалъ ему 20.000 арманьяковъ. Кто въ панцырѣ, кто въ непостижимомъ нарядѣ, попавшемся подъ руку, но всѣ въ огромныхъ шлемахъ, эти головорѣзы знали только опустошать страну, какъ саранча. Разъ только встрѣтились они съ 16 сотнями швейцарцевъ, и, потерявъ половину людей, разсѣялись съ крикомъ: „мы не видывали такихъ людей!“

9) *Мэръ* (maire) — отъ латинскаго major, нáбольшій, старшина (нѣм. Meie r). Такъ называется во Франціи представитель сельской общины. Эта должность существовала издревле; и въ средніе вѣка у мэра сосредоточивалась вся власть— какъ административная, такъ и судебная. Мэръ былъ сначала лицомъ избирательнымъ; съ Наполеона I онъ назначался правительствомъ и былъ ограниченъ лишь полицейскими обязанностями, какъ подчиненный префекта, главы департамента. Съ 1884 г. мэръ сталъ опять избирательнымъ лицомъ, подчиненнымъ муниципальному совѣту; отставить его можетъ только президентъ республики.

10) *Гусъ*—знаменитый славянскій реформаторъ. Въ немъ олицетворилось національное сознаніе чеховъ, угнетенныхъ нѣмцами и папствомъ. А его міровое значеніе состоитъ въ разоблаченіи пороковъ католичества, которое привело къ реформаціи. Сверхъ того, Гусъ помогъ подъему массъ противъ феодализма, который воплощался, въ Богеміи, въ нѣмцахъ. Это дѣло началъ передъ нимъ Виклифъ, но его движеніе ограничивалось Англіей и не было запечатлѣно кровью мученичества. Великое значеніе Гуса ясно изъ того, что весь міръ, кромѣ такихъ захолустій, какъ Домреми, былъ заинтересованъ имъ, и реформаторъ былъ вызванъ на вселенскій соборъ въ Констанцѣ. Тамъ католическая церковь и сожгла великаго учителя и истиннаго человѣка, въ 1415, слѣдовательно когда Жаннѣ было три года.

11) Тогда въ католической церкви дѣйствительно былъ невиданный соблазнъ, именуемый *великимъ расколомъ* (схизма), длившійся 40 лѣтъ (1378—1418). Оказалось не только два, но даже три папы! Дѣло въ томъ, что послѣ знаменитаго спора Филиппа IV французскаго съ Бонифаціемъ VIII, папство совсѣмъ подчинилось французамъ и даже переселилось въ Авиньонъ, гдѣ пребывало съ 1309 до 1377 г. Это „вавилонское плѣненіе“ св. отца кончилось тѣмъ, что папа Григорій XI возвратился въ Римъ, по требованію народа, измученнаго усобицами. Но часть кардиналовъ осталась въ Авиньонѣ и избрала своего папу. Между двумя папами пошла борьба, съ помощью наемниковъ, которые терзали Италію. Этотъ соблазнъ породилъ въ средѣ самихъ богослововъ мысль о церковной „реформѣ“, въ смыслѣ ограниченія власти папъ соборами. Отсюда эпоха вели-

кихъ соборовъ 15-го вѣка. Первый изъ нихъ, въ Пизѣ, въ 1409 году, низложилъ обоихъ папъ и выбралъ Іоанна XXIII. Конечно, прежніе папы не послушались: и стало три папы. Констанцскій соборъ (1415) низложилъ всю „троицу“, какъ называли папъ-соперниковъ, и избралъ новаго папу, Мартина V. Этимъ дѣломъ да сожженіемъ Гуса исчерпываются дѣянія этого „великаго“ собора: про реформу церкви забыли. Папство опять утвердилось. Пользуясь смутами въ Германіи, въ особенности же гуситскими войнами, оно опять стало мечтать о всевластіи Григорія VII и Иннокентія III. Отсюда всеобщее недовольство, вызвавшее третій великій соборъ, въ Базелѣ, въ годъ смерти Жанны (1431). Этотъ соборъ умиротворилъ гуситовъ и низложилъ папу Евгенія IV, который не терпѣлъ никакихъ ограниченій. Но Евгенія спасла „греческая схизма“: тѣснимые турками греки, ища помощи на Западѣ, пожелали присоединиться къ общему, вселенскому собору. Евгеній созвалъ такой соборъ во Флоренціи, гдѣ и была устроена знаменитая *унія* (1438) или соединеніе греческаго православія съ католическимъ. Все снова преклонилось предъ папствомъ: и вопросъ о церковной реформѣ совсѣмъ заглохъ больше, чѣмъ на полвѣка. Оттого-то потребовалась уже цѣлая революція, названная „реформаціей“ Лютера (1517).

12) *Мёза* (лат. Mosa)—французское названіе рѣки Мааса. Она протекаетъ по департаменту Вогезовъ, по Бельгіи и Голландіи. На лотарингскомъ плоскогоріи, вслѣдствіе отроговъ Вогезовъ, Мёза образуетъ много пороговъ и пещеръ; близъ Нёшатò она совсѣмъ исчезаетъ подъ землей верстъ на пять. Это—извѣстная „пропажа Мёзы“ (la perte de la Meuse). Нёшатò и Вокулёръ расположены на самой рѣкѣ, только первый на правомъ, а второй—на лѣвомъ берегу.

13) *Экзорцизмъ* или „заклинаніе“ бѣса, съ призываніемъ имени Бога,—слово греческое. Изгнаніе бѣсовъ было въ большомъ ходу среди язычниковъ и евреевъ во времена Христа. Такъ какъ оно встрѣчается и въ Евангеліи, то христіане сначала употребляли при немъ имя Спасителя. Съ 3-го вѣка была даже учреждена особая должность „экзорциста“, хотя и одна изъ низшихъ: она числится и теперь у папы. Такъ какъ язычники считались исчадіемъ Сатаны, то экзорцизмъ сталъ даже обязателенъ при ихъ переходѣ въ христіанство, а съ 4-го в. его стали употреблять и при крещеніи младенцевъ: пережитки его сохранились въ обрядѣ (renuntiatio diaboli или отреченіе отъ Сатаны). Экзорцизмъ примѣнялся даже къ заколдованнымъ предметамъ. На одномъ синодѣ 8-го в. была установлена особая форма заклинанія противъ Сатаны. Первоначальная церковь вообще поддерживала вѣру въ дьявола, перешедшую изъ Персіи черезъ манихеевъ; только она считала его твореніемъ Божіимъ, тогда какъ манихеи видѣли въ немъ самобыт-

ное Зло, рожденное отъ Хаоса. Дьявола изображали чернымъ человѣкомъ и вѣрили въ „черную магію“ (бѣлую производили отъ Бога), такъ же, какъ въ бѣсноватыхъ. То было время, когда знаменитый папа Григорій I Великій (ок. 600), освящая аріанскую часовню, самъ видѣлъ, какъ дьяволъ „невидимо, но ощутительно“ выскочилъ въ видѣ свиньи. Реформатская церковь отвергла экзорцизмъ, но лютеране спорили съ ней изъ-за этого почти такъ же горячо, какъ изъ-за пресуществленія; впрочемъ и у нихъ онъ сталъ исчезать съ 18-го в. Въ послѣднее время нѣкоторые нѣмецкіе пасторы начали-было возвращаться къ старому, лютерову „православію“ — для „успокоенія совѣсти“; лютеранскія консисторіи настаивали хоть на сохраненіи отреченія или, какъ они называютъ, на обрядѣ *Abrenunziation*.

14) *Вокулёръ* (Vaucouleurs) — городокъ съ 3.000 жителей въ департаментѣ Мааса (Мёзы), у восточной желѣзной дороги, на лѣвомъ берегу рѣки, которая здѣсь судоходна. Въ немъ нѣсколько бумагопрядильныхъ и другихъ фабрикъ. Вокулёръ находится въ 25—30 в. отъ Нёшатò и отъ крѣпости Туля. Въ 1892 г. въ немъ поставленъ памятникъ Орлеанской Дѣвѣ. При ней онъ былъ мѣстопребываніемъ начальника пограничнаго военнаго отряда (chef de guerre), Роберта де-*Бодрикура* (Baudricourt). Эженъ Сю такъ описываетъ этого захолустнаго дворянина Франціи 15-го вѣка: „человѣкъ въ цвѣтущемъ возрастѣ, съ военной выправкой; но его грубость выкупалась умнымъ, проницательнымъ взоромъ“.

15) *Феи* — прелестные женскіе образы народной фантазіи, увлекавшіе даже воспитанныхъ людей до самаго „просвѣщенія“ конца прошлаго вѣка, убившаго ихъ своимъ раціонализмомъ или разсудочностью: въ 1780-хъ годахъ въ Амстердамѣ было издано собраніе волшебныхъ сказокъ въ 40 томахъ. Феи — европейскаго, и именно романскаго, происхожденія: ихъ имя происходитъ отъ латинскаго Fata, какъ назывались въ древнемъ Римѣ богини Рока, Судьбины. Онѣ особенно привились среди родоначальниковъ романскаго племени—*кельтовъ*, которыхъ древніе римляне называли галлами. Кельты—древнѣйшіе изъ „варваровъ“ Востока, населившихъ Европу: они нападали на Римъ уже около 400 г. до Р. Х. и были оттѣснены германцами на крайній Западъ. Тамъ-то, у Атлантики, особенно въ Еретани, Уэльсѣ и Ирландіи, видимъ и теперь много ихъ памятниковъ изъ огромныхъ камней, среди которыхъ славятся „гроты, покои фей“ (grottes, chambres aux fées). Въ религіи кельтовъ, представляющей переходъ отъ вѣры въ духовъ къ поклоненію божествамъ, феи были какъ бы служительницами громовержца Тарана и всемогущаго Триглава. Это—крошечныя дѣвы, которыя охраняли людей отъ зла и ткали нити жизни; ихъ называли „добрыми дамами, чистыми дѣвами“ (bonnes dames, franches pucel-

les), ихъ царицу—„Dame Abonde“, т. е. Госпожей Плодородіемъ. Однѣ изъ фей были семейными „богинями“ (divesses), которыя являлись людямъ обыкновенно въ образѣ „бѣлыхъ дамъ“ (dames blanches); онѣ особенно возились съ дѣтьми и были ихъ любимицами. Другой разрядъ фей относился къ духамъ природы. Эти милыя созданьица обитали въ лѣсахъ, скалахъ, водахъ (русалочки), растеніяхъ. Онѣ любили цвѣты и были большія охотницы до плясокъ: въ лунныя ночи, по лугамъ и лѣснымъ прогалинкамъ, роились онѣ красивыми хороводами (cercles des feés). Съ усиленіемъ христіанства, языческія божества превращались въ дьяволовъ: и феями стали называть вѣдьмъ; а ихъ невинные хороводы становились грязными, злыми шабашами на Венериной (у насъ Лысая) Горѣ. Но поэзія долго носилась съ изящными образами первобытныхъ фей. Онѣ были неизбѣжными спутницами рыцарскихъ романовъ, затѣмъ ими овладѣла и книжная поэзія итальянцевъ, именно въ 15-мъ столѣтіи, въ вѣкъ Жанны. Отсюда—„волшебныя сказки“ (contes aux fées) французовъ и отчасти нѣмцевъ. Особенно полюбились всѣмъ „Сказки моей матушки—Гусыни“ (contes de ma mère l'Oye, 1697) Перро (Perrault), съ которыми знакома и Россія, благодаря переводу Тургенева, украшенному поэтическими рисунками Дорэ. Кому неизвѣстны эти милые образы Мальчика-съ-Пальчика, Сандрильоны, Красной Шапочки, взятые у нянюшекъ и обставленные бытовыми картинами, насмѣшкой надъ стариной, намеками на современность!

Доказательствомъ сѣдой древности фей, какъ представительницъ духопочитанія, служитъ ихъ тѣсная связь съ *друидами* или жрецами кельтовъ. Друиды составляли могучее, замкнутое, но не наслѣдственное сословіе, которое раздѣляло власть со старшинами-князьками кельтовъ, жившихъ еще въ родовомъ быту. Они придавали единство кельтамъ и какъ сила нравственная: у нихъ училась молодежь знати до 20-ти лѣтъ; она ѣздила даже изъ Галліи въ Британію, гдѣ была ихъ главная школа. Вся умственная культура была въ рукахъ друидовъ: они обучали не только религіи (особенно загробной жизни, походившей на земную), но также магіи, предсказаніямъ, астрологіи, медицинѣ и судебному дѣлу. Имъ помогали жрицы — друидессы. Подъ старость друиды становились колдунами, жили въ дебряхъ, на безлюдныхъ островахъ, въ приморскихъ скалахъ. Вообще, при господствѣ первобытныхъ лѣсовъ, религія въ Галліи, какъ вездѣ, сплеталась съ растительной жизнью. Самое названіе друидовъ значитъ „люди дубовъ“. Святынями считались могучіе дубы да великаны-буки, въ особенности же омела—вѣчно зеленое растеніе, которое срѣзывали золотымъ серпомъ, въ темномъ бору, зимой, въ великій праздникъ. Въ такой же чащѣ друиды держали ежегодно свой великій соборъ

у города Шартра. Другое ихъ средоточіе было южнѣе, недалеко отъ родины Жанны. Немудрено, что въ Домреми было повѣрье, отчасти сохранившееся и теперь, будто друиды являются порой, въ своихъ бѣлыхъ балахонахъ, подъ темными сводами лѣсной дубравы. У Дижона найденъ лучшій кельтскій алтарь, гдѣ высѣчены изъ камня Триглавъ и властодержецъ—рогатый божокъ на козьихъ ножкахъ. Здѣсь уже замѣтны попытки сліянія кельтскихъ божествъ съ римскими. Но онѣ оказались неудачными—и императоры отмѣнили друидство за его свирѣпость: галлы сожигали плѣнныхъ кучами, среди шумныхъ гимновъ и дикихъ плясокъ, причемъ друиды гадали по струямъ крови и по судорогамъ жертвъ. Въ 1-мъ в. по Р. Х. исчезаетъ и самое имя друидовъ. Не имѣетъ съ ними ничего общаго, кромѣ имени, *Орденъ Друидовъ*—похожій на масонство тайный союзъ, возникшій въ Лондонѣ въ 1781 г. Его „ложи" распространены особенно въ Австраліи и Америкѣ; съ 1870-хъ годовъ онѣ появились и въ Германіи.

16) Здѣсь вспоминаются подвиги Роланда и другихъ двѣнадцати *паладиновъ* или дружинниковъ Карла Великаго, напоминающіе дѣянія Ильи Муромца и другихъ богатырей Владиміра Красно-Солнышко. Въ римской имперіи палатинами (отъ palatium—дворецъ) назывались сначала вообще царедворцы, потомъ особыя придворныя должности (примѣч. 32). Въ романтической поэзіи паладины—ближайшіе сподвижиики Карла Великаго. Ихъ глава, Роландъ,—первый герой средневѣковыхъ сказокъ и Аріоста: онъ созданъ кельтами, отъ которыхъ перешелъ къ итальянцамъ. Въ сказаніяхъ о немъ есть зерно истины. Лучшій отрядъ Карла дѣйствительно погибъ въ Пиренеяхъ, въ Ронсевальской долинѣ, отъ рукъ дикихъ басковъ (778). И тутъ былъ военачальникъ Бретани, Hroudlandus: сказка о немъ и родилась въ Бретани. Правдоподобны и основныя черты нрава Роланда. Это—первобытный богатырь-людоѣдъ. Какъ самъ Карлъ рисуется въ сказкѣ „желѣзоломомъ", такъ и Роландъ разрываетъ свои пеленки и смѣшитъ нянекъ своимъ обжорствомъ. Бѣшеный, сальный съ дамами, онъ такъ жметъ руку Карлу, что у того кровь брызнула изъ-подъ ногтей. Но сказка прибавляетъ нравственныя черты Роланду такъ же, какъ Геркулесу и Ильѣ Муромцу. Это—„святой, соколъ христіанства". Сказка по обыкновенію дѣлаетъ своихъ героевъ средоточіемъ всего великаго. Всѣ народы Европы производятся отъ мнимыхъ сыновей Карла. Карлъ съ своими 12-ю паладинами (12 апостоловъ) участвуетъ во всѣхъ главныхъ событіяхъ средней исторіи. Онъ становится образцомъ крестоносца, а Роландъ—примѣромъ вѣрности и благородства. Такимъ является нашъ герой въ послѣдней обработкѣ романтическаго эпоса этого круга, которая называется „Chanson (пѣсня) de Roland" или „Roman de Roncevaux" (ок. 1150). Позже паладинами называли вообще

странствующихъ рыцарей, особенно отличавшихся „куртуазіей“ или „галантностью“, т. е. придворной вѣжливостью, свѣтскостью, любезностью, особенно въ отношеніи къ дамамъ.

17) *Труа* (Troyes)—главный городъ Шампани, на Сенѣ, почти съ 60.000 жителей. Въ немъ сохранилось много слѣдовъ старины, начиная съ узкихъ, извилистыхъ улицъ, кончая прекраснымъ готическимъ соборомъ и музеемъ древностей. Въ немъ кипитъ также новая, фабричная жизнь. Много испыталъ этотъ пограничный городъ. Недалеко происходила „гуннская битва“ (Каталаунская битва 451 г., гдѣ было разгромлено воинство Аттилы). Труа былъ разрушенъ герцогомъ бургундскимъ. Здѣсь-то былъ заключенъ предательскій *миръ* 1420 года между Франціей и Англіей, подстроенный Филиппомъ бургундскимъ и Изабеллой (примѣч. 6). По этому миру, „дофинъ“ (Карлъ VII) былъ лишенъ престола „за страшныя преступленія противъ государства“; регентство вручалось Генриху V, вмѣстѣ съ рукой Катерины Французской (дочери Карла VI); а по смерти тестя, зять становится и *королемъ Франціи.*

18) *Салическій законъ*, дѣйствовавшій въ средневѣковой Франціи, велъ свое начало отъ того отдѣла германскаго племени, который назывался „салическими“ франками и занималъ низовья Рейна. Тамъ-то, еще въ 5-мъ вѣкѣ, возникъ салическій законъ (lex salica)— древнѣйшій изъ „законовъ варваровъ“ (leges barbarorum). Это— обычное право, записанное плохою латынью. Здѣсь, какъ въ „Русской Правдѣ“ и во всѣхъ первобытныхъ законодательствахъ, господствуетъ взглядъ на право, какъ на частныя сдѣлки, которыя притомъ охраняли больше имущество, чѣмъ личность. А въ имущественномъ отношеніи тогда все дѣло было въ родовыхъ земельныхъ имѣніяхъ. Такъ какъ съ ними была связана воинская повинность, то женщина устранялась отъ наслѣдства. Этотъ-то частный законъ былъ примѣненъ французами къ государственному праву, когда вымерли Капетинги старшей линіи (1328). Оставшіяся отъ нихъ женщины были устранены отъ престолонаслѣдія — и французскій тронъ перешелъ къ младшей линіи Капетинговъ — къ Валуа, въ лицѣ Филиппа VI. Англичане не только не признавали салическаго закона, но насмѣхались надъ нимъ. Когда Филиппъ VI ввелъ соляную монополію правительства, они говорили, что онъ управляетъ истинно по „салическому“ закону (англ. salt — соль). Немудрено, что Генрихъ V считалъ себя въ правѣ занять французскій престолъ, какъ наслѣдіе двухъ женщинъ — Изабеллы, матери Эдуарда III (примѣч. 6), и своей невѣсты, Катерины.

19) *Дофинами* назывались во Франціи наслѣдники престола съ 1343 г., когда французскій король пріобрѣлъ Дофинэ — область между Ліономъ и Альпами, открывавшую путь къ Провансу. Дофинэ (обычное въ томъ краю собственное имя, отъ лат. delphinus,

фр. dauphin), составлялъ сначала южную часть Бургундіи и, вмѣстѣ съ послѣднею, перешелъ въ 1032 г. къ Германіи (примѣч. 4). Но онъ сохранялъ родъ независимости, избирая собственныхъ графовъ, обыкновенно изъ епископовъ. Послѣдній изъ этихъ графовъ промотался и не имѣлъ потомства: онъ продалъ Дофинэ Филиппу VI французскому, который отдалъ его своему первенцу въ удѣлъ, съ сохраненіемъ верховныхъ правъ. Отсюда—французскіе „дофины", которымъ всегда принадлежалъ этотъ край. Но Дофинэ вскорѣ потерялъ державныя права, а при Людовикѣ XIV подвергся гоненіямъ, какъ оплотъ гугенотовъ. Оставался одинъ титулъ дофина, который, въ свою очередь, исчезъ послѣ іюльской революціи (1830). Это слово сохранилось теперь, лишь какъ насмѣшка надъ изуродованными книгами: Людовикъ XIV издалъ классиковъ съ урѣзываніемъ—„in usum Delphini" (на потребу дофина).

20) Въ то время нравы были очень просты; языкъ допускалъ выраженія, которыя теперь считаются неприличными. Упрекая англичанъ за обиды, Жанна наивно повторяла непристойныя названія, которыми сни надѣляли ее. Немудрено, что кличка *Побочный Орлеанъ* (Bâtard d'Orleans) была какъ бы офиціальнымъ титуломъ Дюнуа, въ отличіе отъ его законнаго брата. То былъ дѣйствительно побочный сынъ Людовика Орлеана, убитаго герцогомъ бургундскимъ (прим. 6). Его предназначали къ духовному званію, но пылкій, даровитый юноша (25-ти лѣтъ) бѣжалъ изъ семинаріи въ лагерь дофина и, за два года до появленія Жанны, одержалъ побѣду надъ англичанами, а затѣмъ пробрался съ своимъ отрядомъ въ Орлеанъ, рѣшившись отстоять этотъ удѣлъ своего брата. По смерти Жанны, этотъ вѣрный ея сподвижникъ отбилъ много городовъ у англичанъ, нанесъ пораженіе Тальботу и побѣдоносно вступилъ въ Парижъ. За всѣ эти подвиги Карлъ VII далъ ему графство *Дюнуа* (Dunois) въ предѣлахъ Орлеанскаго герцогства. Дюнуа умеръ 37 лѣтъ спустя послѣ Жанны.

21) *Пэры* (фр. pairs отъ лат. pares—равные) были сначала вообще вассалы или бароны, судившіеся своею ровней. Они пользовались почти верховными правами и имѣли свободный доступъ къ королю. Они раздѣлялись на свѣтскихъ и духовныхъ. Позже „пэрами королевства" назывались высшіе правители. Кругъ пэровъ постепенно съуживался, вмѣстѣ съ паденіемъ феодализма. Въ Германіи число ихъ сократилось до семи „курфюрстовъ", въ силу Золотой Буллы Карла IV (1356). Въ послѣднее время потомки этой высшей знати потеряли привилегіи: они сохраняютъ только титулы и засѣдаютъ въ палатахъ „господъ", но и тутъ они сливаются съ высшими чиновниками. Въ Англіи перами были только „большіе бароны" (barones majores). Ихъ потомки также утратили феодальныя права, даже свободный доступъ къ королю. За ними сохранились только

титулы да право засѣданія въ палатѣ „лордовъ". Во Франціи также постепенно пэрами стали только герцоги съ нѣсколькими графами да архіепископъ реймскій съ немногими епископами. И за ними сохранялось, кромѣ титула, только право засѣдать въ высшемъ судилищѣ или въ парижскомъ парламентѣ. Передъ революціей было 38 свѣтскихъ пэровъ — все герцоговъ. Великая революція уничтожила всякую аристократичность. Въ 1814 году, возвратившіеся Бурбоны устроили наслѣдственную „палату пэровъ"; но она была уничтожена революціей 1848 г. — *Коннетабль* (фр. connétable, отъ лат. comes stabuli, constabulus)—первоначально вездѣ придворный чинъ шталмейстера, конюшаго, который предводительствовалъ и королевскою конницей. Въ 13-мъ в. во Франціи была учреждена высшая должность, подъ именемъ „коннетабля Франціи": то былъ фельдмаршалъ всѣхъ войскъ, первое лицо послѣ короля; а на войнѣ онъ пользовался властью древне-римскаго диктатора. Отсюда такое крупное значеніе Дюгеклена (примѣч. 6). Но зато короли вскорѣ стали опасаться такой власти: и Ришельё отмѣнилъ это званіе. Наполеонъ I возстановилъ титулъ для своего брата Люи, а вице-коннетаблемъ назвалъ маршала Бертье. Съ его паденіемъ снова исчезъ этотъ титулъ. Но уже съ начала новой исторіи слово „коннетабль" все теряло свое грозное значеніе: во Франціи у герцоговъ завелись свои коннетабли; а въ другихъ странахъ коннетаблями стали называться низшіе, даже сельскіе чины; наконецъ, въ Англіи явился констебль—городовой.

22) *Шерифъ* (sheriff) — англо-саксонское слово вмѣсто латинскаго vice-comes, вицъ-графъ. Въ началѣ англійской исторіи онъ былъ дѣйствительно замѣстникомъ правителя графства. При норманнахъ „графъ" сталъ пустымъ титуломъ, однимъ намекомъ на былое могущество феодаловъ, а его замѣстникъ, шерифъ, превратился въ королевскаго чиновника, завѣдующаго графствомъ,—родъ губернатора. Съ теченіемъ времени его полномочная власть сокращалась: его судебныя обязанности отошли къ мировымъ судьямъ. Теперь онъ, въ сущности, лишь исполнитель судебныхъ приговоровъ. Но за нимъ сохранился внѣшній почетъ, какъ первой власти въ графствѣ. Однако это представительство дорого, а жалованья—никакого: оттого въ шерифы попадаютъ лишь крупные землевладѣльцы. Шерифа избираютъ, на годъ, судьи, а утверждаетъ самъ король. Отказываться нельзя: взыщутъ огромный штрафъ.

23) Мерлинъ—знаменитѣйшій изъ бардовъ. *Бардами* или „пѣвцами" назывались младшіе изъ друидовъ (примѣч. 15), которые воспѣвали подвиги кельтскихъ дружинниковъ, бряцая на лирѣ или арфѣ. Они составляли крѣпкое, наслѣдственное сословіе. Только въ Галліи ихъ быстро поглощала сильная романизація страны. Но въ Уэльсѣ они еще процвѣтали въ 15-мъ вѣкѣ, соби-

раясь на свои соборы, гдѣ возводили молодежь въ свое званіе, издавали законы для своего сословія, устраивали поэтическія состязанія. Въ Шотландіи были наслѣдственные барды у королей и знати до половины 18-го в.: Вальтеръ-Скоттъ знакомитъ насъ съ ними. Начало бардовъ, какъ и друидовъ, теряется въ сумеркахъ баснословія. Ихъ Гомеромъ, ихъ отцомъ считается какой-то *Мерлинъ* Дикій (Myrddin Wyllt). Его изобрѣлъ одинъ англійскій лѣтописецъ 12-го в., а его братья потомъ еще прибавили отъ себя разныя небылицы. И сложилась такая сказка. Сынъ дьявола и одной дѣвы, Мерлинъ, волшебникъ-предвѣщатель, былъ замурованъ въ стѣну одного замка. Но силой чаръ онъ вырывается оттуда и является при дворѣ короля Артура. Здѣсь онъ до того влюбляется въ какую-то Вивьену, что передаетъ ей свои чары; а та воспользовалась ими и заколдовала его въ лѣсной чащѣ. Романтики начала 19-го в. много занимались этой сказкой. Мерлинъ стоитъ въ средоточіи кельтскаго эпоса, связаннаго съ именемъ Артура и его дружины рыцарей Круглаго Стола. Онъ, какъ и весь этотъ эпосъ, представляется пылкимъ патріотомъ: онъ предвѣщаетъ возстановленіе господства несчастныхъ кельтовъ и проповѣдуетъ месть англо-саксамъ. Изъ сказаннаго ясно, что преданія о Мерлинѣ могли быть живы въ Домреми во времена Жанны; и ихъ тонъ совпадалъ съ настроеніемъ героини. Мы даже знаемъ достовѣрно, что Жанна слышала въ дѣтствѣ о такомъ предвѣщаніи Мерлина: „Галлія будетъ погублена женой и будетъ спасена дѣвой съ границъ (marches) Лотарингіи и изъ дубоваго лѣса“ (bois chesnu).

24) Королева *Изабелла* была дочь неважнаго баварскаго герцога. Въ 1385 г., когда ей было 14 лѣтъ, ее выдали замужъ за 17-лѣтняго Карла VI. Вся Европа была поражена блескомъ этой свадьбы, на которой влюбленный король служилъ пажомъ своей красивой невѣсты. Вскорѣ народъ понялъ эту чувственную, суетную чужестранку, которая сначала прославилась по всей Европѣ своими женскими, а потомъ и политическими интригами. Одинъ августинскій монахъ всенародно уличилъ ее въ особомъ благоволѣніи къ собственному шурину, Людовику Орлеанскому (примѣч. 4); а съ 1392 года, когда Карлъ VI впалъ въ умопомѣшательство, про нее разсказывали цѣлый рядъ соблазнительныхъ исторій. Въ то же время она стала законодательницей самыхъ странныхъ модъ и затѣйщицей самыхъ разорительныхъ забавъ. Съ 1402 г. Изабелла бросилась въ омутъ междоусобія. Сначала она шла заодно съ арманьяками, а по смерти Людовика Орлеанскаго перекинулась на сторону бургундцевъ и англичанъ. Умерла она, во всеобщемъ презрѣніи, въ 1435 г. Изабелла до того ненавидѣла своего собственнаго сына, что объявила его незаконнымъ. Такъ же относилась она къ своей свекрови, *Іолантѣ*. Іоланта была почти единственнымъ свѣт-

лымъ явленіемъ при дворѣ Карла VII. Женщина умная и энергичная, истинная патріотка, она сразу стала за Жанну и всегда поддерживала ее. Когда Жанна бросилась въ голодающій Орлеанъ, Іоланта заложила свое золото и серебро, чтобы купить припасовъ для осажденныхъ.

25) *Сельдяной битвой* называется стычка между французами и англичанами изъ-за подвезенныхъ къ Орлеану боченковъ съ сельдями. Сельдь именно въ то время стала особенно лакомой пищей. Хотя ее умѣли солить уже съ 13-го в., но плохо, пока она составляла главную статью дохода Скандинавіи и монополію Ганзы. Но въ началѣ 15-го в. сельдь вдругъ перекочевала отъ южныхъ береговъ Швеціи въ Сѣверное море; а фламандцы изобрѣли тотъ наилучшій способъ ея соленія, который на всѣ вѣка прославилъ „голландскую селедку". Въ то же время байонскіе рыболовы напали на выгодный китовый промыселъ. Такъ сама природа склонялась къ крайнему Западу. Передъ тѣмъ во главѣ европейской торговли стояли итальянцы да ганзейцы. Но съ 15-го в. началось паденіе венеціанцевъ, этихъ „финикіанъ Средиземнаго моря", вслѣдствіе появленія турокъ въ Европѣ. А кальмарская унія 1397 года сгубила Ганзу. Узлы торговли перемѣщались на крайній Западъ: на первый планъ выдвигались Нидерланды, Англія, отчасти Франція и Пиренейскій полуостровъ. Наконецъ, умные венеціанцы точно ослѣпли: они недовѣрчиво отнеслись къ мысли о замѣнѣ стараго пути въ Азію новымъ, „западнымъ". И сынъ ихъ вѣчнаго врага, Генуи, Колумбъ, окончательно погубилъ ихъ торговлю, открывши этотъ путь—для испанцевъ.

26) *Льё* (lieue)—линейная мѣра въ старой Франціи. Ихъ считалось 25 на экваторіальный градусъ. Слѣдовательно льё равнялась 4.452 метрамъ или 4 версты и 78 сажени. Это—„обыкновенная" льё (l. commune); „морская" (l. marine) равнялась $5^1/_2$ в., а „почтовая" (l. de poste)—ок. $3^3/_4$ в. Въ настоящее время эта старо-французская льё называется „географическою"; а употребляются двѣ льё или мили: обыкновенная въ 18 и морская—въ 20 на экваторіальный градусъ. Отъ Домреми до Шинона было около 100 старыхъ льё, слѣдовательно 400 в. съ небольшимъ, но Жаннѣ пришлось отмахать 600 в. проселками, чтобы избѣжать встрѣчъ съ англичанами.

27) *Maître* — весьма употребительное слово для обозначенія „нàбольшаго" или начальственныхъ лицъ, управляющихъ: оно происходитъ отъ латинскаго magister (отъ magis—больше). Оно сохранилось пережиткомъ въ такихъ названіяхъ, какъ „магистръ" (ученая степень), „магистратъ" (городское управленіе) и сокращенно въ словѣ „мастеръ", т. е. знатокъ дѣла, учитель, мастакъ. Въ придворномъ чиноначаліи титулъ измѣнился. Предполагалось, что тамъ всѣ мастера; съ другой стороны, тутъ были столь низменныя долж-

ности, какъ maître de plaisir (потѣшникъ) и m. d'hôtel (управляющій домомъ, потомъ главный стольникъ, буфетчикъ). И вотъ, главарь двора былъ возвышенъ въ званіе „великаго мастера", Grand Maître, у нѣмцевъ оберъ-гофмейстеръ, въ древней Руси — великій дворецкій и отчасти окольничій, теперь—министръ двора. Это названіе сохранилось въ нѣмецкомъ „гросс-мейстеръ"—титулъ главы масонскихъ ложъ и духовно-рыцарскихъ орденовъ (іоанниты, меченосцы и др.). Въ старой Франціи Grand Maître de la cour или de France явился уже при первой династіи, въ подражаніе Римской имперіи. Тамъ были еще: gr. m. de la garderobe, одѣвавшій короля (нашъ постельничій), g. m. des cérémonies—оберцеремоніймейстеръ, gr. m. des arbalétriers—начальникъ лучниковъ, а съ 1515 г., вмѣсто него, g. m. de l'artillerie.

Въ Шинонѣ великимъ дворецкимъ былъ знатный *Гокуръ*, который носилъ также титулъ коменданта Орлеана. Храбрый воинъ, онъ былъ дурной человѣкъ—завистливый, надменный, грубый. Онъ-то составлялъ троицу главныхъ „измѣнниковъ" Жанны, вмѣстѣ съ *Тремуйлемъ* и архіепископомъ реймскимъ, Реньо *Шартромъ*. Отношенія послѣднихъ къ врагамъ отечества ясны. Когда, незадолго до появленія Жанны, англичане прорвались однажды за Луару, они все истребили на своемъ пути, а имѣнье Тремуйля осталось цѣлехонько. А когда англичане были разгромлены Жанной, Тремуйль охранилъ измѣнническій городъ Оксерръ, получивъ съ него взятку въ 100.000 р. Что касается Шартра, то этотъ глава французской церкви и „канцлеръ" государства, т. е. первый правитель послѣ короля, недаромъ былъ прежде секретаремъ папы. Это—типъ дипломата той поры, человѣкъ бездушный, мелочный, завистливый и такой заскорузлый схоластикъ, что онъ ненавидѣлъ все новое и выдающееся, талантливое, а на женщинъ смотрѣлъ, какъ богословы временъ появленія монашества. Вся пошлость, вся злобность этого архипастыря, словно ничего и не слыхавшаго про Христа, выразились въ его окружномъ посланіи о Жаннѣ (примѣч. 55).

28) *Лиможъ* (Limoges), собственно Лиможи. Множественное число указываетъ на народъ; римляне называли жившее тамъ кельтское племя лемовиками (lemovices). Изъ этого народа составилось, въ средніе вѣка, независимое графство Лимозенъ или Лимузенъ (Лиможское), потомъ ставшее провинціей Франціи. Оно было расположено внутри Франціи, у границъ Гіени и Оверни, по р. Вьеннѣ, притоку Луары. Теперь это—департаментъ Верхней Вьенны. Лиможъ—его главный городъ, съ 65.000 жителей. Въ немъ сохранилось много старинныхъ улицъ и памятниковъ не только средневѣковья, но и римской эпохи. Хорошъ гранитный соборъ, оконченный во времена Жанны. Въ Лиможѣ есть и археологическое общество. Но это—также одинъ изъ центровъ французской промыш-

ленности. Изчезла только живопись на эмали, которая начала славиться именно при Жаннѣ, подъ названіемъ „лимузинъ“ и совершенствовалась наслѣдственно во многихъ семьяхъ. Теперь за лимузинки платятъ очень дорого. Пока Лиможъ былъ независимымъ графствомъ, его жители упорно сохраняли мѣстный, довольно безобразный говоръ: въ Парижѣ „лимузинское нарѣчіе“ стало насмѣшкой. И нравъ лимузенцевъ былъ своеобразенъ и непріятенъ. Таковъ былъ и *Сегэнъ*: лѣтописецъ называетъ его уксуснымъ „весьма ѣдкимъ“ (aigre).

29) *Канцлеръ*—придворный чинъ въ средніе вѣка, именовавшійся также хранителемъ государственной печати: онъ изготовлялъ и припечатывалъ государственныя бумаги. Владѣя государственными тайнами, канцлеръ былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ при дворѣ. Къ тому же это былъ большой грамотѣй, а потому обыкновенно духовное лицо: въ Германіи первымъ или архи-канцлеромъ (Erzkanzler) былъ примасъ церкви, архіепископъ майнцскій. Пережиткомъ этой тѣсной связи церкви съ государствомъ во Франціи можно считать первенствующую роль такихъ кардиналовъ, какъ Ришельё, Мазарэнъ, Флёри, Дюбуа. Нерѣдко канцлеръ имѣлъ значеніе министра иностранныхъ дѣлъ: тутъ вѣдь таились самыя замысловатыя бумаги! Во Франціи канцлеръ всегда былъ первымъ правительственнымъ лицомъ: и его нельзя было смѣщать. Кромѣ государственнаго канцлера (chancelier de France), были еще канцлеры у королевы и принцевъ крови, а также въ рыцарскихъ орденахъ и университетахъ. Въ университетахъ канцлеръ былъ обязательно прелатъ: эти заведенія вначалѣ считались „дѣтьми церкви“. Такъ какъ это былъ и представитель учености, которая долго сосредоточивалась въ богословіи, то его мѣстами называли еще великимъ „схоластикомъ“. Канцлеръ университета имѣлъ большую власть надъ студентами, особенно во Франціи и отчасти въ Англіи: оттого исторія университетовъ сводится по большей части къ борьбѣ молодежи, а иногда и профессоровъ, съ канцлеромъ, этимъ заскорузлымъ и надменнымъ хранителемъ преданій. Съ нимъ приходилось не мало возиться и государственной власти: тутъ отражалась борьба послѣдней съ папствомъ. Съ побѣдой монархизма исчезаетъ и титулъ канцлера университета: онъ замѣняется „ректоромъ“ и т. под.

30) *Букассеномъ* (boucassin) назывался, въ средніе вѣка, особый сортъ весьма плотнаго полотна, вродѣ парусины. Имъ обыкновенно подбивались навѣсы (tendelets) на галерахъ и большихъ судахъ. Онъ былъ краснаго или синяго цвѣта. Жанна очевидно заказала для своего штандарта особый тонкій букассенъ.

31) *Лиліи* (fleur de lis) появляются въ гербѣ французскихъ королей съ Людовика VII, около половины 12-го в. Происхожденіе ихъ неизвѣстно: думаютъ, что онѣ связаны съ именемъ этого короля

(въ старо-французскомъ языкѣ—Loys). Сначала лиліи изображались на печатяхъ королей и на монетахъ, потомъ уже въ гербѣ, на скипетрѣ, на королевскомъ одѣяніи, на обояхъ и на посудѣ. Число ихъ было произвольно, пока Карлъ VI не установилъ трехъ лилій. Во время великой революціи лиліи преслѣдовались съ ожесточеніемъ, какъ символъ „стараго порядка“ вещей.

32) *Придворные чины* развивались вмѣстѣ съ цезаризмомъ или абсолютизмомъ, по паденіи римской республики. Они выдвигаются особенно въ Византійской имперіи, подъ вліяніемъ Востока, какъ пережитокъ государственнаго быта Ассиріи, Египта и Персіи. Уже при Діоклетіанѣ (ок. 300 г.) абсолютизмъ принималъ видъ азіятскаго султаната, а Константинъ закрѣпилъ его формы. Тогда выработался дворъ, съ пышнымъ этикетомъ и съ толпой царедворцевъ, отъ „знатнѣйшихъ“ (proceres, „ближніе, комнатные“ Москвы) до „палатиновъ“ или тѣлохранителей („стременные“ стрѣльцы). У Константина уже былъ налицо весь придворный штатъ, съ большими привилегіями, съ „дипломами, инсигніями (символическія изображенія, зерно гербовъ), титулами“ и мундирами, которые различались по чинамъ, шитьемъ и пурпурными каймами. Этотъ штатъ подчинялся „великому логоѳету“ и распадался на цѣлую лѣстницу чиноначалія—illustres, spectabiles, clarissimi (свѣтлѣйшіе), perfectissimi и проч. Этотъ порядокъ привился всюду,—прежде всего у франковъ, которые вообще быстрѣе другихъ варваровъ схватывали все, что было виднаго въ древнемъ Римѣ. Здѣсь во главѣ двора стоялъ сначала могучій „майоръ-домъ“ или „старшина двора“, потомъ „великій мастеръ“ (примѣч. 27). Ему подчинялись: камераріи (казначей), маршалъ (конюшій), сенешалъ („крайчій“, виночерпій; нѣм. мундшенкъ), канцлеръ (примѣч. 29) или референдарій, церемоніймейстеръ и др.). Съ развитіемъ абсолютизма, особенно его „благородной страсти“—охоты („царская тѣшь“ въ Москвѣ). число царедворцевъ росло, разнообразясь по странамъ. За этими высшими чинами, занимавшимися и государственными дѣлами, слѣдовала цѣлая куча низшихъ, работавшихъ только на дворъ. Тутъ были: капелланъ (глава „часовни“ и духовникъ короля; въ Москвѣ — „крестовый попъ“), альмозенецъ (милостынникъ, раздатчикъ всякихъ пособій), герольдъ (знатокъ геральдики, судья въ мѣстническихъ спорахъ, а также объявитель народу воли монарха), егермейстеръ (ловчій), мэтръд-отель (примѣч. 27). Все это заправляло цѣлымъ полкомъ „челяди“—дворцовыхъ слугъ разныхъ званій и разрядовъ (въ Германіи камергеры и камеръ-юнкеры). Тутъ находились пажи или оруженосцы, „клерки“ (дьяки) или секретари и „канцеляристы“ (писцы), „егеря“ (охотники) и т. д. Особенно много челяди было въ концѣ московскаго царства, — больше тысячи человѣкъ. Тутъ видимъ много бояръ и дворянъ разныхъ наименованій, постельничаго, пе-

чатника (значеніе котораго вскорѣ перешло къ думному дьяку), оружничаго, сокольничаго, врача, гонца (потомъ посланникъ и великій посолъ). Ниже шли: стряпчіе и стольники; чашники, пирожники, курятники, винокуры, пивовары, и сытники, сокольники, псари, бобровники, неводники, ключники и истопники, пристава, караульщики и встѣрчники; сторожа и мастеровые; приказные и дьяконы; стрѣльцы и рынды; да еще „жильцы"—для разныхъ случайныхъ послугъ. У царицы былъ свой штатъ—до 150 женщинъ и 250 стольниковъ (пажей).

33) Эту молитву приписывали разнымъ временамъ и различнымъ народамъ, въ теченіе послѣдующихъ 460-ти лѣтъ. Но казенными документами французскаго Національнаго Архива удостовѣряется, что она беретъ свое начало отъ Ля-Гира. Мишлэ также подтверждаетъ это. *Тв.*

Ля-Гиръ вѣрно обрисованъ у Твэна. Это—золотое сердце простака и отчанная храбрость, но по грубости—настоящій вояка временъ вольныхъ дружинъ и „живодеровъ". Онъ даже тогда славился своей жестокостью и руганью, что̀ и дѣлало его идоломъ солдатъ. Всѣ знали его выраженіе: „И Богъ грабилъ бы, еслибы былъ военнымъ!"

34) *Бастиліей*, т. е. крѣпостью, назывался во Франціи всякій за̀мокъ, снабженный бастіонами (выступами вала) и боевыми башнями. Затѣмъ такъ именовались особыя, сильныя укрѣпленія изъ камня или дерева. Они были прямоугольны и снабжались башнями по угламъ; ихъ обносили рвомъ. Подобную бастилію построилъ Карлъ V, въ огражденіе Парижа отъ англичанъ. Но вскорѣ она стала тою знаменитою государственною тюрьмой, взятіе которой послужило началомъ „великой" революціи (14 іюля 1789). Цѣпью такихъ-то бастилій, на полверсты другъ отъ друга, былъ опоясанъ Орлеанъ, когда появилась Жанна. Англичане снабдили ихъ пищалями, метательными машинами, частоколами, широкими и глубокими рвами. Бастилій была цѣлая дюжина, больше по правому, сѣверному берегу Луары. Зато лѣвый берегъ былъ защищенъ одною изъ самыхъ сильныхъ бастилій—„Августинцами", которые стояли у конца моста черезъ Луару, ведшаго къ центру города (Орлеанъ расположенъ на правомъ берегу Луары). Августинцевъ поддерживала сосѣдняя бастилія Сен-Привэ. Тутъ же, у самаго начала моста, англичане воздвигли еще цѣлую крѣпость Турелли. Сверхъ того, они соорудили сильную бастилію Сен-Лу (св. Волка) за предѣлами описаннаго пояса, на правомъ берегу, къ востоку отъ Орлеана, по дорогѣ въ Жьенъ: она мѣшала подвозу припасовъ изнутри страны. Наконецъ, въ рукахъ англичанъ находились за̀мки по Луарѣ, верстахъ въ 20 отъ Орлеана—Мёнгъ и Божанси къ западу отъ города, Жаржо̀—къ востоку. Еще верстъ за 20 далѣе

Божанси лежалъ Блуа, съ хорошимъ мостомъ черезъ Лауру. Отсюда-то Жанна и хотѣла двинуться на Орлеанъ по правому берегу рѣки. Еслибъ ее не обманули генералы, потащившіе войска по лѣвому берегу, не потребовалось бы трехъ ударовъ для освобожденія Орлеана: англичане сразу ушли бы по той прямой дорогѣ на сѣверъ, на которой потомъ застигла ихъ Жанна, у мѣстечка Патэ, въ 15 в. отъ Орлеана.

35) Въ этомъ мѣстѣ Твэнъ не выдержалъ. Разсужденіями, въ которнхъ вылилась душа свободолюбиваго американца-демократа, онъ самъ подрываетъ довѣріе къ своей баснѣ о „Воспоминаніяхъ сьёра де-Конта". Это—очевидный анахронизмъ, т. е. перепутанность разныхъ временъ. Невольно подозрѣваешь, что когда Твэнъ писалъ эти строки, ему представлялась та знаменитая Статуя Свободы въ Бруклинѣ (у Нью-Іорка), которая недавно была подарена французами американцамъ.

36) *Бальи* (bailli), отъ греч. bajulos—сначала опекунъ, надзиратель, представитель. Въ Византіи такъ назывался дядька принцевъ. Венеціанцы приняли этотъ титулъ, въ видѣ baïlo, сначала для своихъ консуловъ, потомъ для посланниковъ въ Константинополѣ. Отъ нихъ онъ перешелъ на остальной Западъ. Во Франціи бальи напоминалъ московскаго воеводу: онъ былъ судьей, сборщикомъ податей и начальникомъ войскъ въ своей провинціи или городѣ. Бальи сталъ крупною властью съ 12-го вѣка, особенно съ Филиппа Августа. Этотъ король, горячо боровшійся съ феодалами, выдвигалъ противъ нихъ среднее сословіе: отсюда-то онъ выбиралъ своихъ бальи, которые знали только его и помогали ему въ борьбѣ съ аристократіей. Лишь незадолго до великой революціи бальи сталъ падать, утративъ судебную власть. Революція отмѣнила эту должность, передѣлавъ всю администрацію страны.

37) *Бульваромъ* (boulevard, нѣм. Bollwerk) на языкѣ военныхъ называется вообще полевое укрѣпленіе внушительныхъ размѣровъ. Встарину при его постройкѣ обращалось главное вниманіе на валы со рвами: поэтому бульваръ былъ какъ бы придаткомъ къ крѣпости; почти при каждой бастиліи (прим. 34) былъ свой бульваръ. Такими бульварами окружали города для защиты отъ нападенія враговъ. Затѣмъ, съ водвореніемъ мира, валы были сравнены съ землей, рвы засыпаны, и ихъ выглаженное мѣсто обсадили деревьями: такъ образовались мѣста прогулокъ для горожанъ.

38) *День Жанны* (8 мая) и сейчасъ празднуется во Франціи изъ года въ годъ, съ гражданскими и военными почестями. *Тв.*

39) *Лилейная* (Du Lis)—новый титулъ, означавшій какъ бы пріобщеніе Жанны къ королевской фамиліи. См. примѣч. 31.

40) *Катапультъ*—греческое слово, означающее метаніе, бросаніе. У древнихъ онъ игралъ роль нашей легкой артиллеріи. Это—огром-

ный двойной самострѣлъ изъ веревокъ, волосъ или жилъ животныхъ. Какъ и нынѣшнія орудія, катапульты различались по длинѣ и діаметру снаряда, т. е. стрѣлъ. Этотъ лукъ натягивался двумя силачами. Его выстрѣлъ хваталъ иногда на полверсты. Въ средніе вѣка катапультъ нерѣдко смѣшивался, въ обычномъ говорѣ, съ *баллистой*; но послѣдняя, собственно, соотвѣтствовала нашей тяжелой артиллеріи. Это слово происходитъ также отъ греческаго „метать". Баллиста—тотъ же огромный самострѣлъ, только кидавшій камни или каменныя ядра. Римляне заимствовали ее у грековъ во время пуническихъ войнъ. Отъ нихъ она перешла къ остальнымъ народамъ Европы, которые только поставили ее на колеса и замѣнили деревянный лукъ желѣзнымъ. Самая большая баллиста кидала камни вѣсомъ до 100 фунтовъ на разстояніе тысячи шаговъ.

41) *Коннетабль Дюгекленъ* (du-Guesclin) — предшественникъ Жанны, какъ патріотъ и талантливый, но черезчуръ отважный, зарывавшійся въ бою, полководецъ (прим. 6 и 21). Онъ родился на сѣверѣ Франціи, въ 1320 г., въ бѣдной рыцарской семьѣ и воспитывался, какъ мужикъ, отличаясь только въ рыцарскомъ искусствѣ: 17-ти лѣтъ онъ оказался побѣдителемъ на одномъ турнирѣ. Послѣ низложенія Іоанна Добраго, онъ такъ доблестно воевалъ съ англичанами, что былъ возведенъ въ званіе маршала Нормандіи. Затѣмъ Дюгекленъ попалъ въ плѣнъ; но онъ уже пользовался такой славой, что Карлъ V, папа и другіе государи Европы, враждебные англичанамъ, сложились и выкупили его за 100.000 франковъ. Въ 1367 г. Черный-Принцъ опять плѣнилъ его. Снова выкупленный Дюгекленъ былъ посланъ въ Кастилію противъ вызвавшаго революцію своей лютостью Петра Жестокаго, котораго онъ низвергъ съ престола. За это онъ былъ сдѣланъ коннетаблемъ Кастиліи и Франціи. Возвратившись домой, Дюгекленъ стѣснилъ англичанъ до того, что они бросили почти всѣ свои владѣнія во Франціи. Но самъ онъ заболѣлъ при осадѣ одной ихъ крѣпости и умеръ въ 1380 г. Главною заслугой патріота-героя было то, что онъ превратилъ средневѣковыя разбойничьи дружины наемниковъ въ дисциплинированное войско новаго времени. Лишь новыя бѣдствія опять породили „дьяволовъ" Ля-Гира, которыхъ могла укротить только Жанна, напоминавшая Дюгеклена и съ этой стороны. Упомянутый въ нашемъ введеніи *Luce* оставилъ хорошее сочиненіе: „Histoire de Bertrand Duguesclin" (2 изд. 1883).

42) *Видамъ* (vidame, сокращ. vicedominus, т. е. замѣститель господина) — въ средніе вѣка замѣститель церковнаго вассала по управленію леномъ. Во Франціи у каждаго епископа и монастыря былъ свой видамъ, который завѣдывалъ всѣми свѣтскими дѣлами лена, чтобы духовное лицо могло безпрепятственно пасти свое

стадо въ церковномъ отношеніи. Конечно, у такого важнаго іерарха, какъ епископъ шартрскій, былъ свой видамъ, котораго онъ и прислалъ къ Жаннѣ, какъ своего военачальника. Впослѣдствіи видамъ нерѣдко былъ простымъ титуломъ, безъ должности,— то же, что „виконтъ“ — сокращенное vicecomes, т. е. вицъ-графъ (отъ лат. vicis—замѣстникъ).

43) *Карлъ Смѣлый* (прим. 4) былъ донъ-Кихотомъ угасавшаго рыцарства лишь въ смыслѣ рыцарской фанаберіи, химерическихъ затѣй и безумной отваги. Въ немъ не было идеальныхъ чертъ рыцарства, схваченныхъ Сервантесомъ. Воображая себя Карломъ Великимъ, онъ предавался прямо сумасшедшему гнѣву, когда ему перечили хоть въ чемъ-нибудь. Затѣявъ нелѣпую борьбу съ такими силами новаго времени, какъ швейцарскіе крестьяне и ихъ союзникъ, Людовикъ XI, онъ наткнулся на упорное сопротивленіе *Динана* (Dinant). То былъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Бельгіи, на Маасѣ: онъ отличался богатствомъ и образованностью своихъ гражданъ и славился по всей Европѣ своими желѣзными и особенно ножевыми издѣліями (dinanderies). Вломившись въ Динанъ, въ 1466 году, Карлъ показалъ на немъ примѣръ лютости, неслыханной даже въ тѣ грубыя времена: долго по всей Европѣ выраженіе „разгромъ Динана“ замѣняло слово „вандализмъ“.

44) У Твэна упоминаются, изъ средневѣковыхъ монетъ Франціи, марка и ливръ. *Марка* (Marc) была обиходная серебряная монета, перешедшая отъ римлянъ къ франкамъ; она вѣсила почти полфунта, какъ „кёльнская“ марка въ Германіи и наша московская гривна. Нынѣшнихъ германскихъ марокъ дѣлается 100 изъ фунта серебра; слѣдовательно, старая французская марка равнялась 50 германскимъ маркамъ или, по нынѣшнему курсу, около 25 руб. По стоимости денегъ въ 15-мъ вѣкѣ, это была большая сумма для солдата: по этому можно судить о великодушіи Жанны къ побѣжденному врагу (стр. 223). — *Ливръ* (livre, отъ лат. libra — фунтъ) была серебряная монета, заимствованная Карломъ Великимъ у римлянъ. Онъ дѣлился на 20 су (отъ лат. solidus). Великая революція замѣнила ливръ *франкомъ* (1796), вѣсомъ немного больше него: во франкѣ считалось 5 граммовъ. Франкъ постепенно разошелся далеко за предѣлами Франціи. Теперь онъ принятъ вездѣ на Западѣ (и даже въ Финляндіи), кромѣ Турціи и Англіи: только въ Германіи Бисмаркъ, изъ ненависти къ „наслѣдственному врагу“, сдѣлалъ марку немного больше франка ($5^1/_2$ граммовъ). Франкъ принятъ также почти вездѣ въ средней и южной Америкѣ и въ Персіи. Если старый ливръ вѣсомъ, почти то же, что франкъ, зато стоилъ онъ въ 40 разъ больше. Такъ было вездѣ съ монетой, вслѣдствіе дешевизны жизненныхъ припасовъ въ старину. Въ Элладѣ, при Солонѣ (ок. 600 л. до Р. Х.), драхма равнялась приблизительно

нашему четвертаку, но на нее можно было купить овцу, а за 5 драхмъ — вола. Въ Московской Руси рубль подконецъ значилъ то же, что теперь 15—17 руб. Если взять это въ соображеніе, то цѣна за Жанну (стр. 293) покажется дѣйствительно царскою. Упомянутая Твэномъ „крона“ (стр. 351)—опять предательскій анахронизмъ (ср. прим. 35). Жанна не могла употребить такого слова: крона — самая большая изъ англійскихъ серебряныхъ монетъ, равная четверти фунта стерлинговъ.

45) *Боса* (La Beauce)—гладкая равнина весьма древняго геологическаго строенія, которая начинается тотчасъ за Орлеаномъ, у Патэ (стр. 225) и тянется къ Парижу. Она отличается изумительнымъ плодородіемъ: ея департаментъ (Эры-и-Луары) даетъ втрое больше остальныхъ департаментовъ по части хлѣбныхъ растеній и еще поддерживаетъ значительное скотоводство. Ее называютъ „житницей Парижа“. Во времена Жанны Боса, съ своимъ главнымъ городомъ Шартромъ, принадлежала къ провинціи Орлеанэ.

46) Лордъ Рональдъ *Гоуэръ* (Jean of Ark, p. 82) говоритъ: „Мишлэ нашелъ эту исторію въ показаніи пажа Жанны д'Аркъ, Люи де-Конта, который, по всей вѣроятности, былъ очевидцемъ этой сцены“. Это вѣрно: это составляетъ часть свидѣтельства автора этихъ „Личныхъ Воспоминаній о Жаннѣ д'Аркъ“ на Судѣ Возстановленія 1456 года. *Тв.*

47) *Жьенъ* (Gien)—промышленный городъ, съ 10.000 жителей, на Луарѣ, въ 50 в. отъ Орлеана, вверхъ по рѣкѣ. Онъ отстоитъ отъ Реймса на 250 в. Жанна была права, утверждая, что легко было пройти этотъ путь, хотя и усѣянный англійскими бастиліями и гарнизонами. Снятіе осады съ Орлеана, взятіе, въ 5 дней, крѣпостей Жаржо, Мёнга, Божанси, наконецъ знаменитый разгромъ арміи Тальбота и Фастольфа у Патэ навели ужасъ на врага. Въ рядахъ англичанъ началось бѣгство; въ самой Англіи никто не хотѣлъ идти на помощь къ своимъ, страшась „вѣдьмы“, которая, по понятіямъ того времени, черпала особенную силу въ своемъ дѣвствѣ. А французами овладѣла небывалая восторженность: по всей странѣ только и слышалось—„въ Реймсъ, въ Реймсъ!“ Но „троица предателей“ задержала дѣло въ Жьенѣ на 10 дней. Несчастная Жанна бѣжала отъ жалкаго двора: она „ушла жить въ поля“. Наконецъ, голосъ волнующагося народа заставилъ дофина снова призвать ее и двинуться въ Реймсъ, во главѣ 12.000 человѣкъ, почти все всадниковъ.

48) *Гильдіи* и *цехи* означали усиленіе средняго сословія или „третьяго“ государственнаго чина, благодаря крестовымъ походамъ, которые подорвали значеніе первыхъ двухъ чиновъ—духовенства и знати. Этотъ третій чинъ или мѣщанство (буржуазія, бюргерство) развился сначала въ Италіи, а въ 14-мъ вѣкѣ и по сю сторону

Альпъ: отсюда „мѣщанскія революціи" въ 1380-хъ годахъ, особенно во Франціи и Фландріи. Мѣщанство вездѣ одолѣвало феодаловъ съ помощью монархизма. Но главная его сила состояла въ единодушіи. Вездѣ оно составляло „корпораціи" (отъ лат. corpus—тѣло, масса, сплоченное цѣлое) или „присяжныя" сообщества, которыя назывались „гильдіями" или „братствами, дружбами, пирами" (gild—пиръ), напоминающими братства юго-западной Руси (см. нашу *Русскую Исторію* § 192). Ихъ члены клялись защищать и поддерживать другъ друга. У каждой корпораціи былъ свой святой (патронъ), свои праздники, значки (родъ хоругвей) и казна. Въ Германіи гильдіи назывались „цехами" (Zünfte). Все это относилось главнымъ образомъ къ ремесленникамъ: торговыя товарищества назывались по большей части „ганзами" (фламандское названіе одной подати). Значки всѣхъ этихъ корпорацій были красиво вышиты; на нихъ красовались изображенія патрона и эмблемъ или признаковъ мастерства. Безъ нихъ, какъ и безъ церковныхъ хоругвей, не обходилось ни одно городское торжество.

49) *Ампула* или Склянка (лат. ampulla—сосудъ съ узкимъ горлышкомъ для храненія жидкостей, особенно масла) означаетъ въ католическихъ церквахъ серебряный или оловяный сосудъ для сохраненія св. елея. Особенной святыней считается Святая или Реймская Склянка (Sainte Ampoule, Ampula Remensis). По преданію, ее принесъ голубь съ неба при крещеніи Хлодвига (прим. 31). Съ тѣхъ поръ капельку этого елея примѣшивали къ мѵру, которымъ помазывались всѣ французскіе короли. Былъ даже рыцарскій орденъ Св. Склянки, будто учрежденный все тѣмъ же Хлодвигомъ, но смахивавшій на рыцарей средневѣковой сказки о св. Граалѣ или о Чашѣ съ вѣнца Люцифера, въ которую якобы была собрана кровь Христа. Революція разбила Св. Склянку (1794). Но, говорятъ, изъ ея осколковъ была составлена новая святыня. Она служила въ разгаръ „реставраціи", при коронованіи Карла X (1825), которое было совершено по всѣмъ правиламъ старины, даже съ исцѣленіемъ и угощеніемъ золотушныхъ. Св. Склянка хранится въ реймскомъ соборѣ, который называютъ „готическимъ Парѳенономъ", въ смыслѣ одного изъ образцовъ средневѣковаго зодчества и ваянія.

50) При Каролингахъ (9—11 вв.), церковь глубоко пала нравственно: къ тому времени относится сказка, будто однажды папскій престолъ занимала даже женщина, написса Іоанна. Чтобы поднять ее, епископъ мецскій превратилъ свѣтское духовенство въ *канониковъ*, обитающихъ, по монашескимъ канонамъ (уставамъ), въ *капитулахъ* или общежитіяхъ при соборахъ, подъ управленіемъ „декановъ". Немудрено, что такая опора церкви пріобрѣла со временемъ большое значеніе. Особенно сильны были каноники въ Германіи: они избирали епископовъ и аббатовъ. Они составляли

какъ бы касту, принадлежа къ рыцарскимъ семействамъ, которыя назывались „соборными господами“ (Domherren). Значеніе капитуловъ подробно разъяснено въ нашей „Германіи наканунѣ революціи и ея объединеніе“ (гл. IX).

51) Съ 12-го вѣка католическая церковь начала снова подниматься послѣ своего паденія (прим. 50). „Прелаты“ (превознесенные) стали первостатейными феодалами и верховными судьями: это—кардиналы, архіепископы, епископы и аббаты. Они-то и составляли сословіе „духовныхъ пэровъ“ (прим. 21). Во Франціи во главѣ ихъ стоялъ примасъ королевства, архіепископъ реймскій. То было лицо властное, которому повиновалось все королевство, и не въ однихъ церковныхъ дѣлахъ: оно пользовалось и герцогскимъ титуломъ. Потомъ, съ развитіемъ монархизма, во Франціи, какъ и вездѣ, архіепископы теряли свое феодальное значеніе: они сравнялись съ епископами, сохраняя за собой лишь нѣкоторыя особенныя почести.

52) Въ теченіе 360-ти лѣтъ слишкомъ это обѣщаніе соблюдалось свято; но затѣмъ пророчество черезчуръ довѣрчиваго 80-лѣтняго старца было нарушено. Во время французской революціи объ этомъ обѣщаніи забыли, эту милость отняли у поселянъ Домреми; и съ тѣхъ поръ ужъ болѣе не примѣняли ее. Жанна никогда не просила, чтобы помнили о ней; но Франція вспоминала ее съ неизсякаемой любовью и уваженіемъ. Жанна никогда не просила, чтобы ей воздвигали памятники; но Франція щедро надѣлила ее ими. Жанна никогда не просила, чтобы въ Домреми построили церковь; но Франція и ее сооружаетъ. Жанна никогда не просила, чтобъ ее причисляли къ лику святыхъ; но даже и это не за горами. Все, чего *не* просила Жанна д'Аркъ, даровано ей съ пышной щедростью; но единственное желаніе, ничтожное, смиренное желаніе, которое она просила исполнить непремѣнно, не удовлетворено. Въ этомъ есть что-то особенно трогательное. Франція въ долгу у Жанны за цѣлыхъ сто лѣтъ налоговъ; и врядъ ли найдется въ ея предѣлахъ гражданинъ, который рѣшился бы подать голосъ за уплату этого долга. *Тв.*

53) Вотъ это письмо, замѣчательное по своей простотѣ, ясности и силѣ: „Высокій и могущественный принцъ, герцогъ Бургундскій! Я, Жанна, именемъ Небеснаго Царя, моего божественнаго властелина, требую, чтобы французскій король и вы заключили добрый миръ, твердый, искренній и прочный: простите другъ другу отъ всего сердца, вполнѣ, какъ подобаетъ истиннымъ христіанамъ. Если вамъ хочется драться, идите, деритесь съ сарацинами. Герцогъ Бургундскій! Прошу васъ, умоляю, такъ смиренно, какъ только могу, не воюйте больше противъ священнаго Французскаго королевства! Отзовите немедленно ваши войска, занимающія много крѣ-

постей королевства; французскій король готовъ заключить съ вами миръ... не нарушая своей чести!.. Именемъ Бога извѣщаю васъ, что вы не выиграете битвы противъ честныхъ французовъ, нѣтъ. Не воюйте больше съ нами! Повѣрьте мнѣ, сколько бы вы ни привели солдатъ, они ничего не сдѣлаютъ; и было бы очень больно пролить еще столько крови въ новыхъ битвахъ. Да сохранитъ васъ Богъ и да пошлетъ миръ душѣ вашей! Написано въ Реймсѣ передъ коронованіемъ короля Карла, іюля 17 дня 1429 г.—Жанна".

Это дивное письмо могло подѣйствовать только на дивную душу, а не на такое нравственное чудовище, какъ Филиппъ Бургундецъ (примѣч. 4). Впрочемъ Жанна легко могла обойтись безъ этого предателя. Она хотѣла немедленно идти на Парижъ, который конечно сдался бы: тогда въ немъ было мало англичанъ, а было много тайныхъ друзей Дѣвы. Но ее опять не пускали цѣлыхъ полтора мѣсяца; а тѣмъ временемъ Бедфордъ провелъ въ Парижъ подкрѣпленіе. Наконецъ, лучшая часть войска, безъ разрѣшенія короля, бросилась за Жанной и тотчасъ взяла сильный бульваръ подъ столицей. Дѣву остановилъ только ровъ съ водой: она не знала про него, а Гокуръ съ К° знали и нарочно не сказали, чтобы погубить героиню. Эти господа, наконецъ, насильно увезли Жанну, раненую, изъ-подъ Парижа, а потомъ ночью тайкомъ разрушили мостъ черезъ Сену, съ такимъ трудомъ наведенный Жанной. Они принудили армію отступить къ Луарѣ и больше полугода таскали несчастную героиню за струсившимъ королемъ. Ей удалось, наконецъ, бѣжать отъ двора, и она начала снова воевать, во главѣ горсти преданныхъ людей. Она опять стала побѣждать. Она взяла бы и Компьень, если-бы тамъ не оказалось второго Тремуйля (стр. 286).

54) Въ 1215 г., когда зарождалась политическая свобода въ Европѣ (англійская Magna Charta), папа Иннокентій III созвалъ 4-й латеранскій соборъ, эту могилу свободы мысли и совѣсти: здѣсь іерархи и послы всѣхъ государей согласились истребить враговъ Ватикана посредствомъ *инквизиціи* (слѣдствія). Это ужасное судилище, порученное неумолимымъ доминиканцамъ, преслѣдовало кого хотѣло. Инквизиціи подвергался даже тотъ, кто постился менѣе трехъ разъ въ годъ и кто читалъ Библію. Отъ нея не спасала самая смерть: вырывали, приносили на судъ и сожигали трупы. Чтобы добиться признаній, употребляли запугиваніе, лжесвидѣтельство, жестокія пытки, которыя совершались въ подземельяхъ палачами въ красныхъ одеждахъ и въ черныхъ маскахъ; за доносъ давались индульгенціи (отпущенія грѣховъ) и часть имущества осужденнаго; а именъ судей и ихъ свидѣтелей никто не зналъ. Кто сознавался, того или навѣки замуравливали въ отвратительныхъ подземельяхъ, или приговаривали къ „ауто-да-фе“ (по-испански — „дѣло вѣры“ или

всенародное отреченіе отъ ереси): несчастнаго выставляли въ церкви, въ желтой одеждѣ съ красными крестами, со свѣчами въ рукахъ; и въ эти дни въ окрестностяхъ не было богослуженія. Даже прощенный ходилъ всю жизнь съ краснымъ крестомъ на платьѣ, чтобы отъ него бѣжали, какъ отъ зачумленнаго. Кто не сознавался или попадался во второй разъ, того предавали „свѣтской власти", которая охотно сожигала его живьемъ или послѣ задушенія, пользуясь всѣмъ земнымъ добромъ жертвы. Во времена Жанны инквизиція или „святая должность" была въ полной силѣ. Она начала падать лишь съ 16-го в., подъ вліяніемъ Возрожденія наукъ и искусствъ. Но во Франціи она была уничтожена только въ 1772 г., въ Португаліи—въ 1821, въ Испаніи—въ 1834, въ Италіи—въ 1859. Въ Ватиканѣ она и сейчасъ существуетъ, какъ одна изъ кардинальскихъ конгрегацій. Въ Германіи инквизиція была истреблена реформаціей. Въ Англіи она была лишь нѣсколько лѣтъ при Маріи Кровавой (ок. 1550). Во Франціи, при сильномъ стремленіи національной церкви къ независимости, инквизиція, какъ учрежденіе папское, была ограничена. Оттого Жанна, даже со стороны еретичества, была подчинена прежде всего французскому духовенству, которое могло только обращаться къ инквизиціи за помощью.

55) Англичане знали, что въ этомъ ужасномъ дѣлѣ можно было разсчитывать на помощь самого французскаго духовенства. Послѣднее уже тогда высказалось довольно ясно, предвосхищая судъ въ Руанѣ. Вотъ свидѣтельство лѣтописца, видѣвшаго письмо епископа шартрскаго въ реймскомъ архивѣ; „Шартрскій епископъ извѣщаетъ о взятіи Жанны, Орлеанской Дѣвы, передъ Компьенемъ, потому что она не хотѣла слушать совѣтовъ, все дѣлала, какъ ей нравилось... А когда ему сказали, что англичане казнятъ дѣву Жанну, онъ (епископъ шартрскій) отвѣчалъ, что тѣмъ лучше для нихъ и что Богъ попустилъ взять Жанну потому, что она стала гордою и носила мужское платье, а также потому, что она не исполняла ничего изъ того, что̀ Богъ повелѣваетъ".

56) Штандартъ оставался тамъ въ теченіи 360 лѣтъ. Затѣмъ, во время революціи, онъ былъ уничтоженъ чернью, всенародно, среди потѣшныхъ огней, вмѣстѣ съ двумя мечами, со шлемомъ, украшеннымъ перьями, съ остатками параднаго одѣянія и съ другими святынями, уцѣлѣвшими отъ Орлеанской Дѣвы. Ничто изъ предметовъ, къ которымъ, насколько извѣстно, прикасалась рука Жанны д'Аркъ, не уцѣлѣло, за исключеніемъ нѣсколькихъ благоговѣйно хранимыхъ военныхъ приказовъ и государственныхъ бумагъ, подписанныхъ ею, т.-е. когда ея рукою водилъ ея писецъ, Люи де-Контъ. Существуетъ только булыжникъ, съ котораго она вскочила на лошадь, выступая однажды въ походъ. Около четверти столѣтія тому назадъ, существовалъ еще одинъ волосокъ съ ея головы,

прилипшій къ воску печати, на пергаментѣ одной государственной бумаги. Но онъ былъ тайкомъ отрѣзанъ, вмѣстѣ съ печатью, какимъ-то ванцаломъ, собирателемъ рѣдкостей, и похищенъ. Безъ сомнѣнія, онъ еще существуетъ, но гдѣ — это извѣстно только вору. *Тв.*

57) *Руанъ* былъ столицей Нормандіи, самой важной провинціи встарину: наслѣдники французскаго престола назывались нормандскими герцогами, пока не перемѣнили этого титула на „дофина" (примѣч. 19). Когда Нормандія была присоединена къ Франціи, около 1300 года, ей была дана льготная грамота (Charte Normande), сохранявшая за ней почти независимое положеніе, и именно самосудъ. Это значитъ, что Нормандія имѣла „территоріальность", или державность, т. е. государственную власть надъ собственной „землей". Оттого всякій судъ могъ происходить въ Руанѣ лишь съ разрѣшенія властей бывшаго герцогства, которое давалось въ видѣ „земскаго листа" (territoriales lettres). А эта выдача зависѣла отъ мѣстнаго капитула, который въ сущности управлялъ всѣмъ краемъ (прим. 50).

58) Сьёръ де-Контъ сдержалъ свое слово. Его разсказъ о Великомъ Судѣ строго согласуется, во всѣхъ подробностяхъ, съ признанными данными исторіи. *Тв.*—Прибавимъ, что Твэновскій Контъ забылъ только доложить потомству, что подобранные Кошономъ судьи получали по ливру суточныхъ да еще разныя награды.

59) Эти мѣста у Твэна взяты дѣйствительно изъ документовъ. Всѣ допросы Жанны помѣщены у Кишера (Procès, I, 48—108). Ихъ было шесть, съ 21 февраля до 3 марта 1431 г.

60) Вотъ показаніе одного свидѣтеля на Судѣ Возстановленія: „Часто люди, притворявшіеся сторонниками короля, были тайно приводимы къ Жаннѣ, чтобы убѣждать ее не покоряться церкви... Мэтръ Николай Люазелёръ былъ однимъ изъ этихъ соблазнителей (seductores). См. *Quicherat,* III, 173.

61) Эти слова Жанны переводились не разъ, но все безуспѣшно. Въ нихъ какая-то упорная страсть, не поддающаяся передачѣ на нашъ языкъ. Здѣсь какой-то нѣжный запахъ, котораго нельзя уловить. Вотъ эти слова въ подлинникѣ: *Il avait été à la peine; c'était bien raison qu'il fut à l'honneur.* Его преподобіе, почетный генералъ-викарій архіепископа въ Эксѣ (Aix), Рикаръ, прекрасно замѣтилъ: „Этотъ возвышенный отвѣтъ, запечатлѣвшійся въ исторіи славныхъ изрѣченій, — словно вопль французской и христіанской души, смертельно оскорбленной въ своемъ отчизнолюбіи и въ своей вѣрѣ". *Monseigneur Ricard:* Jeanne d'Arc la Vénérable (*Достопочтенная* Жанна д'Аркъ), p. 197. *Тв.*

62) *Апелляція*—слово, заимствованное изъ римскаго права. Оно означаетъ „воззваніе" къ высшему суду или жалоба на приговоръ

низшей инстанціи (степени). Въ католической церкви, до временъ Жанны, высшею инстанціей безспорно былъ папа. Твэнъ вѣрно оцѣниваетъ значеніе безсознательнаго голоса правды въ устахъ Жанны: въ „апелляціи къ папѣ“ никто не посмѣлъ бы отказать ей, еслибъ она настаивала на ней, какъ законовѣдъ. Тогда лишь поднимался вопросъ о томъ—соборъ не выше-ли самого папы?

63) Жанна какъ бы чутьемъ понимала значеніе возникавшаго спора о власти между соборами и папой. Она ловко схватилась-было за апелляцію къ *базельскому собору*. Этотъ соборъ какъ разъ только-что собирался тогда: онъ открылся 23 іюля 1431 г.

64) Вотъ показаніе врача, призваннаго къ внезапно заболѣвшей Жаннѣ: „Я навѣстилъ Жанну въ темницѣ, въ присутствіи Пьера д'Эстивэ и Гильома де-ля-Шамбръ. Она лежала, съ цѣпями на ногахъ. Я попробовалъ у нея пульсъ и спросилъ ее о причинѣ болѣзни. Узница отвѣчала мнѣ: *„Я поѣла карпа, присланнаго мнѣ епископомъ бовэскимъ; думаю, что отсюда и моя болѣзнь.—Молчать, негодница* (ribaude)!—закричалъ Пьеръ д'Эстивэ:—*ты поѣла бобовъ; оттого и приключилось это.—Нѣтъ, я не ѣла бобовъ!*—отвѣчала Жанна. И опять давай блевать съ большою болью; а д'Эстивэ и находившіеся тамъ англичане давай опять обижать Жанну, называя ее paillardam et putanam. И она очень плакала отъ этого“. *Quicherat:* Procès, III, 49.

65) По-французски *cochon*—свинья, *cochonner*—и рожать (о животныхъ), и нагадить, напортить. *Тв.*

66) Нижняя часть этой башни сохранилась и теперь въ первоначальномъ видѣ; верхняя половина—позднѣйшаго происхожденія. *Тв.*

67) *Стиль*—греческое и потомъ латинское слово, означающее грифель (лит. stylus, также graphium)—полочку изъ дерева, металла или слоновой кости, острую на одномъ концѣ (для писанія) и широкую—на другомъ (для сглаживанья или стиранія написаннаго). Стилемъ писали на табличкахъ - кулачкахъ (величиной съ кулакъ, tabulae pugillares)—на деревянныхъ или костяныхъ дощечкахъ или книжкахъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ навощенныхъ листочковъ. Стилемъ писали и на пергаментѣ (дѣлался изъ воловьей кожи), который явился незадолго до Р. Х. Въ древности были еще „цилиндры“ или свитки (въ древней Руси „столбцы“)—обычай, который долго существовалъ, пока не выучились дѣлать книги. Это—уже бумага изъ папируса (камыша), на которой писали камышевымъ перомъ и чернилами. Эти способы писанія долго употреблялись и въ средніе вѣка. Съ 14-го вѣка начинаютъ писать перомъ на бумагѣ, которая быстро вытѣсняла дорогой пергаментъ. Бумага появилась, въ Германіи уже около 1200 г., но долго шла туго. Сначала она приготовлялась изъ хлопка, потомъ изъ тряпокъ.